АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Б. Г. ГАФУРОВ, Д. И. ЦИБУКИДИС

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И ВОСТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1980

9(М)03
Г12

Ответственный редактор
А.С. ШОФМАН

Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И.

Г12 Александр Македонский и Восток. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1980.

456 с. с ил. и карт.

Книга посвящена узловым проблемам раннего эллинизма, хронологически совпадающего с годами жизни и деятельности Александра Македонского вплоть до распада его державы. Освещаются причины социально-экономического характера, толкнувшие греков и македонян на завоевание Востока. Прослеживаются этапы греко-македонской восточной кампании.

Г $\frac{10603\text{-}006}{013(02)\text{-}80}$ 125-79. 0504010000 9(М)03

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Личность Александра Македонского и его деятельность привлекали внимание историков и философов на протяжении более двадцати трех столетий; интерес к Александру не иссяк и поныне. Огромная литература, созданная об Александре Македонском в разные эпохи авторами различных направлений, имеет существенный недочет — субъективистский подход к рассмотрению его деятельности, отрыв личных качеств македонского завоевателя от социально-экономических условий его времени. Отсюда — преклонение перед его личностью, якобы сознательно творящей историю. Таких взглядов придерживаются многие ученые-немарксисты, пытающиеся модернизировать процесс исторического развития во имя того, чтобы преподнести «деяния» македонского полководца в свете «гуманистического согласия» и «братства племен». Ставшее уже каноническим деление античной историографии об Александре на две версии — апологетическую и критическую — прослеживается и в сочинениях некоторых современных буржуазных авторов, восхваляющих гениальность и воинскую доблесть македонского полководца или умаляющих его личные качества.

С принципиально иных позиций подходит марксистская историческая наука к рассмотрению завоевательных планов Александра, к оценке его деятельности, когда Греция, по меткому замечанию К. Маркса, испытала свой «внешний расцвет». В советской литературе уделяется всевозрастающее внимание разработке проблем эпохи эллинизма в целом как одного из важных и своеобразных этапов истории древнего мира.

В 20—40-х годах вышли в свет научно-популярные издания об Александре Македонском — книги С. А. Жебелева, С. И. Ковалева, И. Резникова. В 1976 г. опубликована очень интересная исследовательская монография А. С. Шофмана «Восточная политика Александра Македонского».

Настоящая работа «Александр Македонский и Восток» академика Б. Г. Гафурова и греческого историка Д. И. Цибукидиса является значительным вкладом в марксистскую историографию по времени раннего эллинизма. На широком историческом фоне в ней рассматривается ряд принципиальных проблем эпохи: суть македонской завоевательной политики и ее последствия, встреча и взаимодействие Запада с Востоком, развитие рабовладельческой формации и др.

В основу своей монографии авторы положили хронологический принцип, исходя из мнения, что «подобный способ подачи материала... позволит рассмотреть весь комплекс проблем, связанных с походом греков и македонян на Восток, и вместе с тем проследить эволюцию планов Александра Македонского от завоевания Малой Азии к идее создания мировой державы в границах всей ойкумены». И действительно, авторам удалось в таком ракурсе рассмотреть важнейшие проблемы эпохи.

В книге рассказывается о юности Александра и о Македонии при Филиппе, анализируются идеи панэллинизма, ярко обрисовывается обстановка в Македонии и Греции накануне похода, трактуются события перед походом и подготовка к нему, описывается поход в Малую Азию, Сирию, Финикию, излагается история завоевания Египта, Месопотамии, Персии, рассматривается оппозиция в македонской армии. Особенно интересна глава «В глубинах Азии», посвященная походу в Среднюю Азию и массовому сопротивлению среднеазиатских племен и народов македонским завоевателям. Далее дается реальная картина индийской кампании, разбираются события, связанные с ростом оппозиции в войске и намерениями отдельных сатрапов отложиться. В конце книги анализируются причины распада державы Александра Македонского.

Сила и жизненность марксистской концепции авторов позволяет им высказать ряд верных суждений. Так, в монографии привлекает внимание не только оценка личности Александра, его восточной политики и завоевательных планов, но и анализ эволюции замыслов македонского полководца за время восточного похода. Авторы скрупулезно исследуют свидетельства источников и с помощью интересной методики восстанавливают события, не упуская из виду конкретных условий места и времени.

Важным достоинством монографии является ее актуальность: в современных условиях, когда в капиталистическом мире постоянно обращаются к теме Александра для иллюстрации «извечной отсталости» и «неполноценности» народов Востока, выводы авторов направлены на развенчание буржуазной идеологии в области античности.

Другим достоинством работы является рассмотрение основных вопросов проблемного характера, например влияния идей Аристотеля на завоевательные планы Александра на Востоке. Авторы делают верное заключение, что не философские теории Аристотеля и призывы Исократа определили настоятельную потребность завоевания новых земель и богатств, а социально-экономические условия Греции и Македонии. Кроме того, привлекает внимание глубокая характеристика идеологической подготовки восточных походов греков и македонян.

В монографии детально разбирается вопрос о достоверности наследия античных авторов, их тенденциозности, так как в свидетельствах древних литературных источников наличествует элемент предвзятости, связанный с запросами эпохи. Нельзя не согласиться с выводом авторов, что «римские императоры любили сравнивать себя с Александром, причем сравнение всегда было в их пользу. Именно в угоду им Арриан и создал свой труд об Александре, в котором македонский царь, честный, бесстрашный, справедливый, выглядит как идеал воина римской эпохи. Но задача Арриана не заключалась только в восхвалении героев Эллады, ибо превосходство римлян над греками в официальной идеологии империи подчеркивалось часто; поэтому арриановский Александр дан в двойственном плане — как образец воинского долга и как человек, страдающий от морального несовершенства».

Справедливо отмечается авторами наличие глубоких причин поворота Александра к «ориентализму»: «Есть закономерная связь, показывающая невозможность одновременного соблюдения интересов Македонии, Греции и Востока. И Александр выбрал Восток, в угоду которому пожертвовал Западом».

Весьма удачно представлена в монографии градостроительная деятельность Александра. Авторы верно подчеркивают, что не столь важно, «сколько именно городов основал македонский царь на Востоке. Важнее

другое: поход греков и македонян дал значительный импульс развитию рабства, торговли, обмена, городской жизни, сближению народов, населявших далекие друг от друга регионы». А сама созидательная сторона эллинизма убедительно разбирается в последней главе работы — «Распад державы Александра Македонского».

Отметим, что эта книга — последний труд, в котором принимал участие крупный советский востоковед академик Б. Г. Гафуров, многогранная научная деятельность которого широко известна не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. Незадолго до кончины Б. Г. Гафуров говорил, что, если придется вносить какие-то исправления в рукопись, то он желал бы, чтобы они не противоречили взглядам, высказанным им в ряде работ, особенно в монографии «Таджики». Это пожелание выполнено.

Предлагаемая вниманию читателей монография — солидное марксистское исследование. Оно, несомненно, представит большой интерес для читателей.

Академик М. А. Коростовцев

ВВЕДЕНИЕ

Нет столетия в жизни человечества, которое бы не принесло людям радости или горя, не было бы отмечено успехами или разочарованиями. В глубинах истории каждое столетие оставило свой след.

V век до н. э.— золотой век Перикла, обагренный кровью изнурительных войн,— как будто унес с собой величие культуры афинской демократии. IV век также изобиловал постоянной враждой — опустошительные войны велись на протяжении всего столетия. Однако исторические явления этого века имели свои особенности, свою специфику.

IV столетие было временем больших перемен в жизни Греции, Македонии и Востока. Экономический застой эллинских городов-государств, первые признаки которого прорвались наружу в период Пелопоннесской войны (431—404 гг. до н. э.), подрывал изнутри устои рабовладельческого строя. Затяжная междоусобная война эллинских полисов принесла грекам много невзгод и лишений. Социально-экономические условия этого периода настоятельно требовали поисков выхода из кризисного состояния, новых форм государственного правления. Сама жизнь диктовала более широкое экономическое единство, возможное не в рамках замкнутого эллинского города-государства, а лишь на основе новых государственных объединений.

Этот переходный период от классической эпохи V в. до н. э. ко времени эллинизма выдвинул величайших мыслителей (Платон, Аристотель), крупных государственных деятелей (Филипп II, Александр Македонский), знаменитых ораторов (Исократ, Демосфен, Эсхин).

Из всей плеяды замечательных людей IV столетия особенно много было написано об Александре Македонском — великом полководце, объективные результаты деятельности которого явились важным рубежом в жизни древнего мира.

Внимание историков издавна привлекала личность Александра. Его имя в историографии чаще всего было связано с доблестью и воинскими успехами, с понятиями добра и великодушия. С древности многие поколения людей воспитывались на сказаниях о величии его подвигов. Запад традиционно видел в нем того, кто донес эллинскую культуру до далеких окраин Востока, объединил греков. Ему приписывали сверхчеловеческие качества. В средние века псевдокаллисфеновский роман об Александре Македонском послужил основой для множества вариаций жизнеописания полководца. По мере появления новых открытий в археологии, эпиграфике, нумизматике литературная традиция и историческое исследование тотчас подхватывали их и разрабатывали по-своему.

Сказания о жизни и непобедимости Александра преломлялись по-разному на Западе и на Востоке, наслаивались друг на друга, переплетались с историческими материалами и порождали новые легенды. Но исто-

рическая канва, несмотря на значительные успехи археологии и эпиграфики, оставалась почти неизменной.

Многие историки писали об Александре, о его удивительной судьбе и краткой, как вспышка молнии, жизни, каждый раз претендуя на оригинальность и новизну повествования. Но трудности всегда оставались прежними, ибо за 20 с лишним веков, отделяющих нас от античных историков, первоисточники не претерпели изменений, новым был лишь подход к ним.

Писать об Александре Македонском и просто и сложно. Просто, если полностью следовать за античной традицией, принимать все ее свидетельства на веру и делать соответствующие выводы, чем, по существу, и занимаются некоторые историки-немарксисты, выступающие в роли толкователей отдельных мест первоисточников, иллюстрирующих гениальность македонского полководца. Сложно, если из огромного количества свидетельств античных авторов и обильного потока доводов современных исследователей выявить главное, осмыслить его с позиций социально-экономических закономерностей, что под силу только марксистско-ленинской исторической науке.

Советская историческая наука, вооруженная марксистской методологией, дает ответ на многие спорные вопросы истории эллинизма. В этом отношении большое значение имеют труды А. Г. Бокщанина, В. Г. Боруховича, К. К. Зельина, С. И. Ковалева, Г. А. Кошеленко, А. Б. Рановича, К. В. Тревер, Э. Д. Фролова, С. Л. Утченко, А. С. Шофмана, Е. М. Штаерман и других, в той или иной мере затрагивающие проблематику начального периода эллинизма, хронологически совпадающего с походами Александра Македонского, а также работы Т. В. Блаватской, Е. С. Голубцовой, В. И. Кузищина, А. И. Павловской, И. С. Свенцицкой, И. Ш. Шифмана и др. В довоенное время были созданы три научно-популярные работы об Александре Македонском — С. А. Жебелева (1922 г.), С. И. Ковалева (1937 г.) и И. Резникова (1940 г.). В 70-е годы появился ряд важных исследований по отдельным аспектам восточных походов. Монография А. С. Шофмана «Восточная политика Александра Македонского» (1976 г.) посвящена разработке интересной темы о путях и возможностях создания мировой державы в границах обитаемого мира. Несколько ранее вышла работа Е. А. Костюхина «Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции» (1972 г.), в которой на материале литературных памятников античности и средневековья рассматриваются сказочные сюжеты Запада и Востока об Александре Македонском.

Большое значение для понимания истории древнего Востока имеют также труды советских востоковедов Б. А. Тураева, В. В. Струве, М. А. Коростовцева, М. А. Дандамаева, И. М. Дьяконова и исследования советских историков по Средней Азии М. М. Дьяконова, Б. А. Литвинского, М. Е. Массона, В. М. Массона, Н. Н. Негматова, С. П. Толстова и др. Хотя их труды и не затрагивают прямо время Александра Македонского, они являются ценным дополнением к изучаемому периоду.

Немало трудов специального и общего характера, связанных с Александром, издано на Западе. Однако их авторы, за немногим исключением, придавая первостепенное значение культурной роли македонского царя на Востоке, нередко пренебрегают социально-экономическими условиями эпохи, обусловившими возникновение нового явления — эллинизма, связанного с синтезом западных и восточных начал.

Естественно, что при изучении эпохи Александра в первую очередь возникает вопрос о достоверности источников. Во всей обширной исторической литературе, посвященной Александру, отмечается недостаточность

фактического материала, путаница в источниках и т. п. Чем это можно объяснить?

Несмотря на желание Александра сохранить для потомков историю похода на Восток,— только так можно объяснить включение в царскую свиту Эвмена из Кардии и Диодота из Эритреи, ведших ежедневные записи событий, а также Каллисфена, племянника Аристотеля, писавшего историю похода,— ни одно из сочинений современников македонского полководца не сохранилось. Погибли и дневниковые записи Птолемея Лага — сподвижника Александра и будущего царя Египта, Аристобула из Кассандрии и флотоводца Неарха. Но их сочинения легли в основу историко-литературной традиции, зафиксированной в трудах поздних греко-римских авторов.

Все созданное об Александре и дошедшее до нас отстоит от описываемых событий на три-пять веков, когда уже утратилась новизна сообщаемого и были известны конечные результаты восточной кампании. Даже подлинные документы, встречающиеся в трудах античных историков, претерпели значительные изменения, поскольку были использованы в подтверждение какой-то мысли автора, исходящего из задач и потребностей своей эпохи. Бесспорно, что время наложило печать на сочинения древних историографов, обращавшихся к тематике Александра.

До нас дошли пять сочинений античных авторов, писавших об Александре Македонском. Это труды Диодора, Плутарха, Курция, Помпея Трога (через Юстина) и Арриана, не считая многочисленных высказываний древних авторов, затронувших отдельные моменты похода греков и македонян на Восток (Полибий, Страбон, Аппиан, Павсаний, Афиней, Полиэн, Элиан и др.).

Уже в античное время существовали две традиции в изображении Александра Македонского: апологетическая — официальная, основанная на данных эфемерид, дневниках Птолемея и Аристобула, и критическая, восходящая к Клитарху Александрийскому, предполагаемому автору «Романа об Александре» Псевдо-Каллисфена, созданного в III в. до н. э. в Египте. Апологетическая версия представлена сочинениями греческих авторов Плутарха и Арриана, критическая — трудами грека Диодора Сицилийского, римских историков Помпея Трога и Курция.

Следует оговориться, что деление сочинений античных авторов, писавших об Александре, на апологетические и критические довольно условно, так как все они без исключения находились под сильным влиянием идей стоической философии, которая ставила поведение человека в прямую зависимость от воли судьбы и рока. Поэтому нет непроходимой грани между сочинениями авторов апологетической традиции, признанных панегиристов Александра, в трудах которых все же содержится доля осуждения, и критической, где с порицанием соседствует энкомий.

Остановимся вкратце на этих пяти сочинениях.

Первое место по праву принадлежит Арриану Флавию (I—II вв. н. э.), уроженцу Никомедии в Вифинии, автору «Анабасиса Александра»[1] — лучшей военно-политической истории похода греков и македонян на Восток, написанной в правление Адриана на основании записей Птолемея Лага с добавлением свидетельств Аристобула.

Римские императоры любили сравнивать себя с Александром, причем сравнение всегда было в их пользу. Именно в угоду им Арриан и создал свой труд об Александре, в котором македонский царь, честный, бесстрашный, справедливый, выглядит как идеал воина римской эпохи. Но задача Арриана не заключалась только в восхвалении героев Эллады, ибо

превосходство римлян над греками в официальной идеологии империи подчеркивалось часто; поэтому арриановский Александр дан в двойственном плане — как образец воинского долга и как человек, страдающий от морального несовершенства. А оправдание неблаговидным поступкам царя Арриан находит всегда, обвиняя в них обстоятельства или гнев богов. Панегирик в честь царя, завершающий труд историка, говорит о том, что Арриан не стеснялся своего восторженного отношения к Александру.

Второй античный автор, писавший об Александре,— Плутарх (I—II вв. н. э.), очень плодовитый писатель-моралист, наследие которого составляют 54 этических трактата и 50 биографий (не считая 8 утерянных) великих деятелей Греции и Рима.

Взаимодействие добродетели и порока и влияние последнего на людские судьбы очень интересовали Плутарха. В частности, эту проблему он разбирает применительно к Александру Македонскому в трактате «Περί τῆς Ἀλεξάνδρου τύχης ἢ ἀρετῆς» («О счастье или о доблести Александра»). Позже, расширив этот трактат, он пишет биографию македонского царя в «Параллельных жизнеописаниях», обнаруживая сходство характера и судьбы Александра и Юлия Цезаря.

Александр у Плутарха — философ, он ценит Аристотеля и эллинские традиции, он обаятелен и горд. Но при всех своих положительных качествах македонский царь в силу обстоятельств совершает скверные поступки, которые, однако, по мнению автора, не снижают величия монарха и полководца, «сознательно стремящегося» распространить эллинскую культуру среди «диких и варварских народов Востока». Провозглашая примиренчество в нравственных и политических вопросах, Плутарх выступал с позиций «культурного эллинизма»; он признавал первостепенное значение эллинской образованности, но отстаивал авторитет римлян в вопросах военного искусства.

Самым ранним сочинением по истории походов Александра является труд Диодора Сицилийского, написанный в правление Юлия Цезаря (I в. до н. э.). Походу греков и македонян на Восток Диодор посвятил XVII книгу своей «Исторической библиотеки». Источниками Диодора считаются Клитарх и некоторые другие эллинистические авторы (Гекатей из Абдеры, Аполлодор, Манефон). Диодора прежде всего занимает военная история, поэтому его Александр — воин, разрушитель городов и сеятель страха. Но все же критическое отношение Диодора к Александру не прослеживается достаточно четко; оно видно главным образом в описаниях сражений, разграбления городов, гибели тысяч людей. Жестокость царя у Диодора не получает осуждения, он только констатирует факты.

Более откровенно отрицательное отношение к Александру выказывает Курций в «Истории Александра Македонского» (I в. н. э.). Образ македонского царя у него внутренне противоречив, сочетая добродетель с пороком. Источники Курция разнообразны; сам он называет Птолемея и Аристобула, к которым следует добавить Клитарха и ряд авторов-перипатетиков позднего эллинизма. При некритической обработке имевшегося у него в руках материала Курций создал увлекательное сочинение об Александре, роднящее его с назидательным романом античной эпохи.

Наиболее негативное отношение к Александру проявляется в труде Помпея Трога (I в. до н. э.— I в. н. э.), дошедшем до нас в компиляции Юстина (II в. н. э.). Трог, современник Ливия,— противник войны, он осуждал любые завоевания, находя свой идеал во временах патриархальной Македонии. Его труд «Historiae Filippicae» в 44 книгах — страстное обличение военной экспансии. По этой причине отношение Трога к Алек-

сандру резко отрицательное, для него великий полководец — лишь тиран и убийца. Трог все строит на личной вражде «выдающихся личностей», поведением которых руководит переменчивая судьба. Ее роковым велением объясняет он возвышение одних и гибель других государств.

Интересный, порой уникальный историко-географический материал можно почерпнуть из сочинения античного географа Страбона (I в. до н. э.), подобно многим своим предшественникам (Полибий, Панетий, Посидоний) лестно отзывавшегося о римских порядках. Страбон — не источник по Александру, но его замечания по разным поводам представляют собой ценное дополнение к сочинениям древних об Александре; сам он относился скептически к хвалебным характеристикам царя, дававшимся предшественниками, считая, что в них много вымысла [Страб., XI, 508].

Сказанное выше позволяет понять, насколько сложно современным исследователям добраться до истины. Имея перед собой труды основных античных авторов, мы обязаны всегда помнить определенную направленность их произведений и не все из сообщаемого ими принимать на веру, а тщательно сопоставлять и подвергать критическому анализу.

Для изучения эллинизма, в том числе времени Александра Македонского, большое значение имеют труды К. Маркса и Ф. Энгельса, касающиеся истории древней Греции.

К. Маркс утверждал, что Греция и Рим являются странами наиболее высокого «исторического развития» среди народов древнего мира, что «высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра...» [2]. Немарксистская историография, выбирающая, как правило, из источников лишь те сведения, которые соответствуют ее целям, не стесняется порой извращать мысли Маркса об античном обществе. Взгляды К. Маркса вытекают из глубокого анализа истории древнего мира, рабовладельческой общественно-экономической формации в целом. Говоря о «высочайшем внешнем расцвете» Греции в период Александра, К. Маркс, конечно, имел в виду не только распространение эллинской культуры на Восток, но и совокупность всех социальных и культурных компонентов, не исключающих взаимопроникновения и взаимовлияния. Об этом также свидетельствуют сделанный К. Марксом анализ античного способа производства, его учение об общественно-экономических формациях и высказывания по отдельным аспектам истории античного мира.

Личность Александра, его жизнь и деятельность нельзя понять в отрыве от исторических условий, сложившихся в IV столетии до н. э., от классовой структуры греческого рабовладельческого общества. Исходя из этого, авторы сочли нужным во второй главе книги кратко охарактеризовать социальную базу идеологии панэллинизма, под флагом которого был предпринят поход греков и македонян на Восток. Идеология панэллинизма, глубоко проникшая в греческое общество, осложняет дифференциацию различных социальных групп, приветствовавших завоевательную политику правящего македонского класса. Наемные войска, устремившиеся на Восток, состояли из представителей разных сословий. А ожесточенная вражда демократических и олигархических группировок конкретно проявлялась в борьбе демократов на два фронта — против олигархов и против македонского засилья. Это подтверждает верную мысль, что «сводить классовую структуру рабовладельческого общества только к делению на рабов и рабовладельцев было бы искажением подлинных мыслей классиков марксизма-ленинизма, модернизацией классовой структуры рабовладельческого общества по примеру капиталистического» [3].

Авторы данного исследования положили в основу монографии хронологический принцип, исходя из мнения, что подобный способ подачи материала по ранней истории эллинизма позволит рассмотреть весь комплекс проблем, связанных с походом греков и македонян на Восток, и вместе с тем проследить эволюцию планов Александра Македонского от завоевания Малой Азии к идее создания мировой державы в границах всей ойкумены. Хотя, как уже отмечалось, походам Александра посвящена обильная литература, мы в общих чертах излагаем ход военных операций. Это сделано для того, чтобы уяснить ближайшие задачи и меняющиеся цели каждого похода на разных этапах, понять суть завоевательной политики Александра и ее глубокий смысл — создание универсальной восточной державы. Даже сама биография македонского полководца — не только перечень выигранных битв, но и иллюстрация его разносторонней политической деятельности, сыгравшей большую роль в жизни многих народов Востока и Запада.

Имел ли Александр сразу же после восшествия на престол четкий план всей восточной кампании? Мы полагаем, нет. Судя по сочинениям античных авторов, его первоначальной целью был захват Малой Азии под видом отмщения персам и освобождения малоазийских эллинов.

Замыслы покорения Востока возникли у него гораздо позже, после битвы при Гавгамелах. Вначале, по сообщению официальной традиции, «Македония была для него тесна...». Недостаточными стали потом и Малая Азия, и держава Ахеменидов. После захвата столиц персидской державы и сожжения Персеполя его мечты устремились к Индии, к границам ойкумены.

Встретил ли Александр поддержку жителей завоеванных областей? Если говорить о Малой Азии с ее значительным греческим населением, исключая богатые торговые города, то на этот вопрос надо ответить утвердительно. Поэтому македонское командование, видимо, ничем не рисковало, опираясь на демократические группировки, склонные сотрудничать с новой властью, освобождавшей их от персидской зависимости.

В Персии с Александром стали тесно сотрудничать представители элиты, на которую в свое время опиралась власть Ахеменидов. Но были и непокорные, за которыми пошли простые люди, видевшие в греках и македонянах иноземных поработителей. Выступления народов восточных сатрапий, описанные в сочинениях античных историографов и представленные как акции «разбойников», на самом деле — яркие страницы сопротивления среднеазиатских племен, не мирившихся с подневольным положением. В то же время это иллюстрация тех объективных трудностей, с которыми столкнулось греко-македонское войско на Востоке.

В сочинениях античных историков отчетливо прослеживается мысль, что народы Азии не встретили Александра с рабским повиновением. Сопротивление народов Средней Азии не затихало на протяжении долгих трех лет, потраченных македонским полководцем на завоевание этих областей. Но почему же население Восточных сатрапий сопротивлялось носителям новой культуры и более развитых форм рабовладения? Ответ однозначен: они защищали свой дом, свой очаг.

Хотя об организованном народном сопротивлении в Восточных сатрапиях трудно говорить с уверенностью из-за неясности источников, мы все же находим в них примеры ожесточенной борьбы местного населения с греко-македонскими завоевателями.

Исследование борьбы народов Средней Азии в период походов Александра позволяет лучше узнать их историю, уровень развития культуры

и военной техники в древности, а также связи с народами, населявшими смежные области, входящие ныне в состав Ирана, Афганистана, Пакистана, Индии, арабских стран. «Уже на этапах древних цивилизаций различные народы мира, несмотря на ожесточенные распри правителей, всегда страстно стремились к сотрудничеству и взаимопониманию со своими близкими и дальними соседями. Можно смело сказать, что любая самая известная культура прошлого — это, в сущности, синтез лучших достижений культуры различных народов» [4].

Вопреки свидетельствам апологетических источников, утверждавших, что Александр стремился распространить на Востоке эллинскую культуру и приобщить к ней людей, живших примитивной и дикой жизнью [5], действительные цели восточного похода были захватническими. Однако объективные последствия завоевания привели к синтезу греческих и восточных начал.

Скудость свидетельств источников не позволяет сделать конкретные выводы о степени развития производительных сил этого региона и культурном уровне населяющих его народов. Вся беда в том, что сведения о Восточных сатрапиях дошли до нас через сочинения греко-римских авторов, разделявших традиционные для своего времени взгляды на восточные народы как на «варваров». Но это не значит, что данной стороне вопроса не следует уделять внимания. Напротив, мы обязаны, насколько позволяют источники и археологические находки, выявить степень воздействия эллинских культурных форм на Восток и их обогащение за счет богатой местной традиции. Абсолютно антинаучно утверждение некоторых историков о том, что Восток в лучшем случае мог воспринять эллинское культурное наследие, но не был в состоянии чем-либо обогатить его из-за крайней отсталости. Археологические находки последних десятилетий на территории Средней Азии позволяют решительно отвергнуть этот тезис немарксистской науки. Центральноазиатская культурная традиция существовала до прихода греков и македонян и не иссякла после их ухода, обогатившись сама и оказав плодотворное влияние на эллинское искусство, что подводит нас к возникновению качественно нового явления — эллинизма, обязанного своим рождением и Западу и Востоку.

Концепция превосходства «эллинского духа», характерная для исследований по истории эллинизма, господствовала в западной историографии со второй половины прошлого века, заменившись в последние десятилетия более модернизированной системой взглядов «европоцентризма» и «эллиноцентризма». В обстановке кризиса современной буржуазной идеологии немарксистская историография обращается к этим концепциям, понимая под ними культурное превосходство греческого мира, якобы оказавшего в силу своего декларируемого совершенства исключительное влияние на «варварские» народы, оставаясь при этом «чистым и самобытным». Ряд современных историков пропагандируют «универсальную» одаренность греков, будто бы уготованную им еще с классических времен, когда эллинский мир в связи с походами Александра Македонского наделил благами своей культуры «варварские» народы Востока, до тех пор не перешедшие рубежа цивилизации(!). Эти взгляды бытуют в немарксистской историографии, в том числе и греческой, утверждающей, что восточные народы вообще не имеют культурного наследия, так как далеки от «эллинства» [6].

Исследование истории советских среднеазиатских народов отчетливо показывает, что их культура имеет древнейшие корни и определенную

общность: «Культурные сокровища таджикского народа были достоянием узбеков, равно как достижения узбекской культуры широко усваивались таджиками; характер материальной культуры, обычаи, народное искусство — все это родственно, порой неразделимо»[7].

Поход на Восток был осуществлен под лозунгом «отмщения персам» за разграбление и сожжение греческих городов и святилищ во время греко-персидских войн (500—449 гг. до н. э.), выдвинутым еще до Александра Македонского. Под флагом возмездия персам Александр перешел Геллеспонт и завоевал Малую Азию, под этим же стягом он продолжал кампанию в глубь Азии и нанес поражение персам в трех решающих битвах. Но после сожжения Персеполя этот лозунг утратил свое значение — поход мести окончился, и пришло время принимать новые решения.

После краха персидской державы Александр решил продолжить завоевание обитаемого мира вплоть до Океана и восточного края земли, т. е. создать великую мировую империю. Новые задачи и цели породили новые лозунги, призванные отразить новое содержание задуманного, и Александр поднял стяг «единомыслия и соучастия» во власти македонян и персов [App., VII, 11, 9].

В Азии Александр стал иным. Возможно, что он в корне изменил свое отношение к народам Востока как к «варварам», пересмотрев то, чему в юности его учил Аристотель.

В исторической литературе очень много написано о политике македонского царя после крушения персидской монархии, о сознательном стремлении Александра привести народы Европы и Азии к единомыслию. Если в начале похода Александр был только мечтателем, думавшим о завоевании Малой Азии, то после приобретения богатейшего военного и житейского опыта на Востоке он стал практиком, исходившим в своих действиях из сложившейся обстановки, которая вносила серьезные коррективы в его образ мыслей. Теперь ему пришлось по-иному подойти к традиционному взгляду на «восточных варваров», и, возможно, он постарался изменить у греков представление о них как о неполноценных народах.

По свидетельствам источников, за время восточного похода Александр менялся сам. Интересно проследить на основе сообщений античных историков эволюцию его взглядов и замыслов. Окрыленный успехом, воодушевленный новыми грандиозными планами, Александр не хотел примириться с теми, кто противодействовал его неудержимой фантазии. Воздействие новой среды, долгий отрыв от родины не могли пройти для него бесследно. Вместе с тем стали проявляться наиболее отрицательные стороны характера Александра: подозрительность, вспыльчивость, самомнение. Шествуя победоносно по Востоку, он верил в свою счастливую судьбу, пренебрегая советами соратников.

Неизведанный мир Востока, открывшийся перед взором македонского полководца, манил своей новизной и необычностью. Как непохожи были восточные города на греческие полисы, как отличались обычаи и нравы! Судя по источникам, Александра больше всего поразили роскошь персидских царей, их богатства. Огромное впечатление произвела на него и восточная мудрость. Он не мог также пройти мимо своеобразной культуры Востока, уходившей корнями в седую старину. Монументальная архитектура и искусство Востока, их специфические формы выражения пленили его. Восток предстал перед Александром одновременно простым и сложным, обыденным и экзотическим.

Быть может, новый мир расширил его кругозор и усилил желание пойти дальше? Александр не скрывал своего страстного желания познать неизведанное. Но чтобы оправдать свои завоевательные планы, он не упускал случая подчеркнуть перед представителями персидской знати желание распространить греческий образ жизни на весь Восток. Верили ли в это? Он сделал все, чтобы ему поверили. Но более всех нуждались в убеждении греки и македоняне, следившие с недоверием за трансформацией македонского царя и его планов.

Новая ориентация политики Александра на Востоке исходила из его новых целей — желания стать восточным повелителем, владыкой мировой державы. Следовательно, эта политика перестала выражать интересы Македонии, ибо теперь Александр был не только царем маленького царства, но и наследником державы Ахеменидов. Это, бесспорно, требовало нового отношения к покоренным народам, чего не понимали представители старой македонской знати, стремившиеся извлечь побольше материальных выгод из восточной кампании. Очевидно, взвесив все «за» и «против», Александр пришел к выводу о необходимости подчинения интересов Македонии и Греции задачам создания великой восточной державы.

В чем новизна восточной политики Александра? Очевидно, в том, что он не послушался своего учителя Аристотеля, советовавшего ему обращаться с «варварами», как с растениями или животными[8], и стал привлекать на военную службу и в штат придворных представителей азиатской аристократии, создавать новые города со смешанным населением, больше ориентироваться на Восток, чем на Запад.

Многие из сподвижников македонского царя указывали на невозможность союза с персами, исконными врагами эллинов. Но это не смущало Александра, ибо он начал понимать, что сохранить завоеванное можно только при условии союза и сотрудничества с правящей персидской элитой, с тем чтобы, оперевшись на нее, закончить поход до пределов обитаемой земли и стать владыкой мира.

Одни историки полагают, что Александр после завоевания державы Ахеменидов или по крайней мере с того момента, как он обнаружил враждебное к себе отношение отдельных военачальников и приближенных, стал недолюбливать своих соратников и даже ненавидеть тех, кто выражал несогласие с его восточной политикой. Другие считают, что Александр сознательно осуществлял намерение сблизить греков и македонян с представителями азиатской знати, глубоко понимая последствия этой деятельности. Конечно, нельзя согласиться с подобными односторонними оценками деятельности Александра.

Правда, источники пишут о недовольстве и волнениях в македонском войске, об усталости и моральном упадке за долгие годы военных действий. Но все это отходит на задний план, как только царь произносит очередную речь, и воины вновь готовы следовать за своим полководцем. Однако, несмотря на желание античных авторов преуменьшить антиалександровские настроения в войске и противодействие его восточной политике, приводимые ими речи отчетливо указывают на постепенное отдаление Александра от солдат и командиров. Видимо, отсутствие единой с полководцем цели повлияло на настроение воинов, не желавших больше подвергать себя опасностям и невзгодам ради стремления македонского царя стать властелином мира.

И когда Александр понял, что между ним и войском лежит бездонная пропасть, он был вынужден отказаться от намерения дойти до восточного края Земли.

Александр первым среди государственных деятелей своего времени понял важность политики сотрудничества между представителями греко-македонского правящего класса и Востока. Даже при определенной конъюнктурности его замыслов эта политика объективно содействовала прогрессу, став одним из стимулов взаимовлияния греческой и восточной культур. Сближение с Востоком подняло престиж Александра, способствовало распространению его славы. И не случайно Плутарх рисует македонского царя как примирителя и объединителя народов. Однако во избежание кривотолков следует еще раз указать, что все это было следствием его завоевательной деятельности, итогом усилий по созданию мировой державы, что он всегда оставался царем — и во время битв, и во время осуществления политических мероприятий, руководствуясь неизменно своими интересами, амбициями, военными планами.

Александр быстро превратился в восточного деспота, а его войско — в военизированный аппарат насилия над основными производителями материальных благ в восточных странах. И даже определенные объективно положительные последствия его деятельности не могут перечеркнуть тех огромных бедствий, которые претерпели народы Востока за время греко-македонских походов.

Военные походы Александра по своему характеру и содержанию были завоевательными. Македонский царь огнем и мечом приводил к покорности народы Востока. Он беспощадно расправлялся не только с защитниками городов и крепостей, но и с мирным населением. После захвата любой территории произвол и насилия греко-македонских солдат не знали границ. Победителю доставались огромные материальные ресурсы и богатства, добытые потом и кровью народов Востока.

Десять лет завоевательных походов Александра показали необычайную силу духа этого полководца и государственного деятеля. Александр приобрел доверие в войске не только своими речами, но и личным примером, десятки раз рискуя жизнью в сражениях. Он заражал воинов своей кипучей энергией и во время битвы, и на марше, когда делил со всеми невзгоды и лишения походной жизни.

Но, как понял это и сам Александр, опыт длительных и изнурительных военных операций, опыт всей грандиозной восточной кампании доказал, что исход любой войны зависит не только от одаренности и храбрости военачальников, но и от целеустремленности всего войска.

В целом восточная политика объективно сыграла огромную историческую роль во встрече Запада с Востоком. Эта встреча была грандиозна во всех аспектах: социальном, экономическом, культурном *.

* * *

Авторы искренне благодарны всем, кто помогал советами, замечаниями, критикой, особенно ученым-специалистам Института востоковедения АН СССР, а также Государственному Эрмитажу, Британскому музею и другим зарубежным научным учреждениям за любезно предоставленный иллюстративный материал. Авторы приносят также благодарность Институту балканских исследований в Салониках за присланную специальную литературу.

---

* Работа была завершена в 1975 г. В связи с длительной болезнью академика Б. Г. Гафурова издание ее задержалось. При подготовке монографии к печати были внесены дополнения; при этом были использованы и некоторые исследования, вышедшие после 1975 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА. МАКЕДОНИЯ ПРИ ФИЛИППЕ II

Александр Македонский родился в столице Македонии Пелле в 356 г. до н. э. Согласно греческой версии, он появился на свет летом, в гекатомбеоне — первом месяце аттического года (конец июня — июль). Его отец, Филипп II, потомок древнемакедонского царя Карана, выводил свое происхождение от мифического героя Геракла, а его мать, Олимпиада, была дочерью молосского царя Эпира, ведущего род от другого героя эллинской мифологии — Ахилла. Вера в сверхъестественные силы, поклонение легендарным героям и олимпийским богам — круг мировоззрения человека античного мира. Чудесному и фантастическому в то время придавалось большое значение. Так, по Плутарху, происхождение Александра — царское и одновременно героическое — уходит корнями в седую старину, эпоху полубогов и героев.

Что собой представлял Александр до того дня, как стал царем Македонии? Сведения источников об этом очень скудны и отрывочны. Если восточные походы Александра описаны в трудах Арриана, дающих ценные и интересные сведения, то для его юношеских лет основными источниками являются Плутарх[1] и отчасти Диодор[2], опирающиеся на не дошедшие до нас сочинения менее авторитетных Клитарха и Каллисфена. Но большинство историков конца XIX—XX в., идеализирующих личность юного Александра, пытаются рассказать о нем, не только используя сохранившуюся литературную традицию, но и добавляя собственные предположения[3].

Все сохранившиеся свидетельства древних не дают полной возможности представить себе облик юного Александра. Период его отрочества и юности почти не освещен в источниках[4]. Приверженцы александровских легенд в своей попытке дать описание личности будущего завоевателя Азии не проводят резкой грани между реальностью и мифом. Опираясь на апологетическую литературу, многие историки изображают Александра как образец совершенства.

Австрийский историк Ф. Шахермейр, исследуя юношескую пору Александра, делает рискованный вывод, что Азия владела его помыслами еще с детских лет[5]. Подобный вывод основан только на свидетельствах Плутарха о недетской, чрезмерной любознательности юного наследника трона, которые обросли дополнительными подробностями и занимательными рассказами, почерпнутыми из различных вариантов псевдокаллисфеновского романа.

Среди рассказов о великом македонском полководце, широко распространенных в исторической литературе, видное место занимает приводимое Плутархом предание, согласно которому рождение Александра сопровождалось знамением: сгорел храм Артемиды Эфесской — одно из семи чудес света,— почитаемый всем эллинским миром. Эфесские маги по

этому случаю пророчествовали, что гибель храма символизировала рождение будущего завоевателя Азии [Плут., Алекс., 3]. Рождение наследника македонского престола было связано и с тройной победой Филиппа II, взявшего Потидею. Царю сообщили, что Парменион разбил иллирийцев, что его скакун одержал победу на Олимпийских играх и что у него родился сын. Этого было достаточно предсказателям, чтобы объявить царю о непобедимости его сына в будущем [6].

О внешнем облике Александра можно судить по копиям скульптурных портретов, изваянных великими мастерами античности Лисиппом и Апеллесом; они изображают молодого македонского царя в идеализированной манере: в виде полубога, со взором, устремленным ввысь [7]. По меткому замечанию Плутарха [Алекс., 4], этому облику старались подражать многие диадохи. Ясно, что гордый наклон головы и взгляд, обращенный в небеса,— своеобразный прием античных скульпторов, придававших своим творениям «богоподобные» черты.

Уже в детском возрасте Александр проявил себя как незаурядная личность; о его уме, любознательности, честолюбии и гордыне слагались легенды. Однажды в отсутствие отца он принимал послов персидского царя, которых поразил своими вопросами о дорогах в глубине Азии, об отношении царя к войне и о персидском войске [Плут., Алекс., 5]. Другой эпизод свидетельствует о необыкновенном честолюбии наследника, который при известии об очередной победе отца мрачнел и, обращаясь к сверстникам, говорил: «Отец все забирает себе сам, мне с вами не достанется совершить ни одного великого, блистательного дела» [Плут., Алекс., 5].

Таким образом, Плутарх уже у маленького Александра отмечает ставшие традиционными для античной историографии основные черты его характера — ум, честолюбие, жажду власти.

Сцена с необъезженным конем Букефалом, которого только один Александр смог обуздать, нужна античному биографу, чтобы показать иные качества царя — смелость, настойчивость, решительность, которые так ярко проявились во многих сложных ситуациях восточного похода, где отвага и быстрота принятых решений определяли исход битв. Будто бы после усмирения дикого Букефала Филипп II сказал сыну: «Дитя мое, поищи царство по себе; Македония для тебя тесна» [Плут., Алекс., 6].

В этом назидательном рассказе о смелости молодого Александра, как и в предыдущих примерах, сквозит преднамеренность Плутарха, старающегося подчеркнуть необычность своего героя и исподволь показать его редкостную одаренность как залог претензий на мировое господство.

Похоже, что многочисленные анекдоты и предания были созданы после походов. Таков, например, эпизод с Букефалом: этот конь был с Александром во всех битвах, начиная с Херонейской, и пал только в Индии, где царь не преминул основать город Букефалею.

Воспитание македонского наследника до некоторой степени было традиционным: в раннем детстве Александр находился на попечении Ланики, знатной македонянки, которую сменил Леонид, родственник Олимпиады, передавший позже юного воспитанника Лисимаху из Акарнании, большому любителю гомеровского эпоса [Плут., Алекс., 5]. В памяти Александра его первые наставники оставили глубокий след.

По свидетельствам Плутарха и Диодора, в годы отрочества Александр увлекался героическим эпосом. В подвигах Ахилла и Геракла он видел пример для подражания.

Он зачитывался Геродотом, сведения которого пригодились ему в

Азии, когда он вместе со своими историографами обращался к истории завоеванных народов. Отсюда, очевидно, проистекали и его осведомленность о Египте, о борьбе малоазийских греческих городов против персов, его познания в географии восточных стран, о чем задолго до эпохи Александра сообщал Геродот.

Александр увлекался также «Анабасисом» Ксенофонта, рассказывающим о дерзком походе 10-тысячного греческого отряда совместно с войском Кира Младшего в самое сердце Азии — к Вавилону. Брат Кира Артаксеркс смог в честном бою отстоять свое право на персидский трон. Кир погиб, а греческие наемники, теснимые персами, совершили беспримерный переход от Вавилона через Армению и Мидию к Понту Эвксинскому и с большими трудностями возвратились на родину через Фракию. Ксенофонт, сам участник этой экспедиции, живо и убедительно показал все ее перипетии.

В 343 г. до н. э. Филипп II решил взять в наставники сыну философа Аристотеля, к тому времени уже снискавшего себе репутацию прилежного ученика Платона и серьезного естествоиспытателя. Свидетельство Плутарха о приглашении Филиппом II Аристотеля, «самого славного философа и ученого» [Алекс., 7], следует рассматривать как смещение событий, ибо слава и почет пришли к мыслителю гораздо позже.

Тот факт, что выбор Филиппа II пал на Аристотеля, имеет исключительное значение для многих историков, видящих определенную связь между величайшим философом древности и будущим завоевателем мира [8].

Вступив в возрасте 18 лет в афинскую Академию Платона, Аристотель быстро стал одним из ревностных приверженцев философа. В описываемое нами время он преподавал основы перипатетического учения в Ассосе (Троада в Малой Азии) под покровительством атарнейского тирана Гермия, на чьей племяннице был женат. Гермий поддерживал дипломатические связи с Филиппом II, и вполне возможно, что именно он рекомендовал ему для воспитания сына Аристотеля (которому всячески благоволил). С другой стороны, отец Аристотеля Никомах был некогда придворным лекарем македонского царя Аминты III, деда Александра. Таким образом, судя по всему, выбор Филиппа не был случаен.

Приглашение македонского царя застало Аристотеля уже в Митилене (остров Лесбос), куда он перебрался после трагической гибели своего друга Гермия, попавшего в руки персов. Не исключено, что Аристотель не сразу принял предложение поехать в Пеллу, так как Филипп для него был в некотором роде обидчиком. Он разрушил его родной город Стагиры (на Халкидском полуострове) и угнал в рабство жителей. Плутарх, зная об этом, очевидно, старался реабилитировать царя, сообщив, что Филипп «восстановил город Стагиры, разрушенный им же, и вернул обратно граждан, бежавших или находящихся в рабстве» [Плут., Алекс., 7]. Так, по Плутарху, было устранено препятствие для контактов между македонским царем и Аристотелем.

Филипп желал, чтобы его сын получил настоящее эллинское образование, а это требовало сосредоточенности и уединения. И 13-летний Александр со своим 40-летним наставником удалился в священную рощу Нимф в Миезе, неподалеку от македонской столицы. В Миезу отправили также нескольких мальчиков из знатных македонских семей, ближайших друзей наследника трона: Гарпала, Птолемея, Эригия и других, в дальнейшем занявших важные военные посты [Арр., III, 6, 4].

Какие знания дал Аристотель Александру? Какое влияние он оказал на идейное развитие юноши? Об этом известно очень мало. Александр и

нии Александра, свидетельствует Плутарх, указывающий, что царь любил философа и восхищался им, ибо тот «научил его хорошо жить» [Алекс., 8]. В другом труде, «О счастье или о доблести Александра», античный биограф приводит совет Аристотеля в отношении народов Азии: «Обращаться с эллинами как вождь, а с варварами как деспот, о первых заботиться как о друзьях и близких, а тех использовать как животных или растения» [12]. Эти слова считают взятыми из трактатов «Александр, или о колониях» [13] и «О царской власти» [14], приписываемых древними Аристотелю. Подлинность трактатов спорна, но ценность их очевидна: они отражают аристотелевские мысли в отношении политического устройства городов Азии, в которых, по мнению философа, надлежит дифференцированно подходить к грекам и негрекам.

Однако в силу целого ряда обстоятельств Александр основывал на Востоке поселения греческих колонистов, города со смешанным населением, шел на сближение с местной знатью, иными словами, делал обратное тому, что советовал ему Аристотель. Видимо, отход от воззрений учителя был связан у царя с эволюцией его задач — по мере успехов в Азии претерпевали изменения его планы, он все более склонялся к созданию мировой державы, базирующейся на согласии и единении царств македонского и персидского [App., VII, 11, 9].

Ряд историков считают, что Аристотель не мог исходить из принципа возможности заниматься политикой для людей, не умудренных житейским опытом, и, очевидно, обучал Александра науке управления государством. По их мнению, воспитание наследника носило, скорее всего, и политический характер [15], так как мыслитель древности всегда подчеркивал, что человек — существо общественное (ζῶον πολιτικόν), и не мог воздержаться от рассмотрения вопросов политики при воспитании Александра.

Александр рос упрямым и своенравным ребенком, даже отец старался на него действовать убеждением, а не принуждением [Плут., Алекс., 7]. В юношеском возрасте эти наклонности проявлялись у него еще более ярко. Честолюбивый и властный, Александр не терпел возражений и порой совершал поступки, граничащие с безрассудством. Желание отличиться, всегда быть в центре внимания окружающих постоянно владело Александром, он завидовал победам отца и мечтал о личной славе [Плут., Алекс., 5]. Таким он был и в 16 лет, когда навсегда прекратились занятия с Аристотелем, уехавшим в Афины (340 г. до н. э.). С этого времени Филипп II начал приучать сына к государственной деятельности.

Возможно, впервые к делам «большой политики» Александр «приобщился» еще в семилетнем возрасте, когда в отсутствие отца был на приеме персидских послов. Вполне допустимо, что он присутствовал и при подписании Филократова мира (346 г. до н. э.) с Афинами (ему тогда было десять лет), для выработки условий которого в Пеллу прибыло афинское посольство, причем в его составе был противник Филиппа II — Демосфен.

Первые самостоятельные шаги по управлению Македонией Александр сделал в 16-летнем возрасте, когда Филипп II повел войско на Византий, а сына оставил под присмотром опытного полководца Антипатра вместо себя.

Похоже на то, что именно отсутствие Филиппа II дало повод фракийским племенам мэдов восстать против македонской власти. Александр самостоятельно осуществил операцию по замирению мэдов и даже

основал в их землях город Александрополь — опорный пункт македонского влияния во Фракии [Плут., Алекс., 9].

Военное дарование юного Александра ярко проявилось в Херонейской битве (338 г. до н. э.). Диодор, пишущий об этом [XVI, 85—86, 88], прямо указывает, что победа македонян над афинянами была достигнута благодаря Александру, возглавившему конницу левого крыла, предназначенную для нанесения решающего удара.

Испытание в бою Александр выдержал с честью, и этому факту античные авторы придают важное значение, считая, что уже первая победа будущего вершителя судеб мира продемонстрировала его исключительную одаренность.

Битва при Херонее показала, что Александр был прежде всего воин по призванию и долгу. Ему хотелось отличиться на поле боя потому, что он был невероятно честолюбив.

Но не следует чрезмерно восхвалять 18-летнего Александра за победу над греками. Вряд ли он мог принимать самостоятельные решения, если его опекали отец и лучшие македонские военачальники. Более вероятно, что, верный юношеской мечте о непременной победе над врагом, Александр проявил личную храбрость, руководствуясь не расчетливым разумом, а опьяняющей жаждой подвига.

Как мы видели, окружение молодого Александра состояло не только из военачальников, ведущих в бой беспокойное племя македонян против соседних «варваров» — иллирийцев и фракийцев, но и из высокообразованных греков.

Что же сближало Александра с эллинами? Ряд историков не допускают вообще такого противопоставления, ибо, в их понимании, македоняне — чистокровные греки [16]. Однако македонское государство начиная с первых царей имело свои обычаи, нравы и язык. Понятно, что Македонию того периода по культурному уровню нельзя ставить в один ряд с развитыми греческими полисами, тем более с Афинами [17]. Основное, что сближало юного Александра с эллинами, была греческая образованность; позже, после воцарения, к этому добавилась общность задач правящего класса Македонии и Греции, а не только стремление отомстить персам или распространить эллинскую культуру на Восток, как утверждают многие историки.

Плутарх писал, что юный Александр живо интересовался Элладой и ее культурой. Но, несомненно, его занимала прежде всего судьба Македонии, ради укрепления и централизации которой Филипп II приложил немало усилий.

Македония до Филиппа представляла собой раздробленный и захолустный край. Разложение первобытнообщинных отношений и переход к классовому обществу в Македонии относятся к концу VI в. до н. э., когда совершенствование орудий труда и появление железа вызвали прогресс земледелия и ремесел, что привело к развитию торговли и обмена. Однако существовала неравномерность общественно-экономического развития в различных регионах Македонии.

Македония была горной страной, расположенной на севере Балканского полуострова. На западе она граничила с Иллирией, а на востоке — с Фракией. Горный рельеф страны обусловил расселение македонских племен и характер их занятий. Равнинные восточные области Нижней Македонии, примыкавшие к морю и греческим колониям фракийского побережья (Потидея, Олинф, Амфиполь, Херсонес), были наиболее развитыми; они вели интенсивный обмен с эллинскими городами-государствами.

О племенах Нижней Македонии, проживавших в долине реки Стримона до серебряных рудников Пангея, сообщает Фукидид. Геродот [VII, 123] и Фукидид [II, 99, 100] говорят и об оседлых македонских племенах по нижнему течению реки Аксия. Западные же области, по преимуществу горные, сохраняли пережитки родового строя, население их занималось отгонным скотоводством. Позже эти области получили название Верхней Македонии. Здесь долгое время преобладало несколько этнических групп, которых, по Страбону, было четыре: линкестиды, орестиды, пеллагосии и элимиотиды [VII, 326].

Древнемакедонская история вплоть до конца VI в. до н. э. представляла собой цепь непрерывных военных столкновений отдельных племен, управляемых выборными вождями. Но рост социального неравенства, ранее всего обнаружившийся у племен Нижней Македонии, привел к необходимости создания централизованного государства.

К началу V в. до н. э. нижнемакедонские племена объединялись под властью выборного царя. Античная традиция сохранила свидетельство о том, что их злейшими врагами были линкестиды, постоянно прибегавшие к помощи своих соседей — пеонийцев и иллирийцев.

В греко-персидских войнах (500—449 гг. до н. э.) нижнемакедонские цари выступали как данники и союзники персов [Герод., V, 21], надеясь с их помощью сломить сопротивление западных племен и добиться объединения всей страны под властью одного правителя. Так, Юстин указывал, что македонский царь Александр I (498—454 гг. до н. э.) получил от Ксеркса в дар земли от Олимпа до Гема [VII, 4, 1], а Фукидид сообщал, что в это время власти нижнемакедонских царей были подчинены племена Верхней Македонии [II, 99]. Разумеется, это подчинение имело лишь формальный характер, ибо тенденции к децентрализации у линкестидов наблюдались и позже — в правление Филиппа II и даже при Александре Македонском.

Македонский царь Александр I, правивший почти 50 лет и добившийся многого, ценил греческую образованность, покровительствовал поэтам, за что получил прозвище «Филэллин». Правда, греки долгое время считали его варваром и не хотели допускать к Олимпийским играм, пока царь не доказал, что он — эллин и потомок Геракла из Аргоса [Герод., V, 22].

После гибели Александра I Филэллина [Курц., VI, 11, 26] в Македонии наступает смутное время, заполненное враждой претендентов на престол и постоянными набегами иллирийских и пеонийских племен.

В 431 г. до н. э. Македония оказалась втянутой в продолжительную Пелопоннесскую войну, начавшуюся из-за соперничества двух крупнейших объединений того времени — Пелопоннесского союза и Афинской Архэ. Яблоком раздора стала коринфская колония Потидея, находившаяся на фракийском побережье и являвшаяся членом Афинского морского союза. Интересы Афин и Спарты неизбежно должны были столкнуться именно здесь, так как Потидея была центром торговых сделок на лес, вывозимый из Македонии в Грецию.

Пелопоннесская война затронула интересы всех народов Балканского полуострова, явившись «величайшим потрясением для эллинов, варваров и даже огромного большинства всех народов» [Фукид., I, 1].

Нижнемакедонский царь Пердикка (454—413 гг. до н. э.) принял сторону Спарты и осадил Потидею, реально угрожая прочим эллинским колониям фракийского побережья [Фукид., I, 56, 2]. Афиняне, со своей стороны, желая направить основной удар против Пердикки, заручились поддержкой его братьев-соперников — Филиппа и Дерды [Фукид., I, 57],

а также Ситалка, одрисского царя, главы одного из фракийских племен [Фукид., II, 97]. Но союз Афин с враждебными Пердикке силами не дал ожидаемых результатов: братья-соперники были уничтожены, а одрисское войско оставило пределы Македонии, получив обещание богатых даров и надежду породниться с царским домом [Фукид., II, 101]. Когда же во Фракию пришло спартанское войско под командованием Брасида, Пердикка использовал его в своих интересах, направив против вождя линкестидов Аррабея [Фукид., IV, 79].

Тем временем, несмотря на непрекращающиеся войны, Пердикка несколько укрепил свое положение, добился ослабления Афин отторжением Амфиполя и халкидских городов. Он даже сумел направить враждующие силы греческих городов против верхнемакедонских царей, все еще сопротивлявшихся объединению.

Но в целом политика Пердикки и его преемника Архелая (413—399 гг. до н. э.) оказалась безрезультатной: слишком сильны были еще местнические настроения в среде племен, имевших вплоть до IV в. до н. э. своих вождей [Фукид., II, 99, 2].

Отец Александра Македонского Филипп II, сын Аминты III, был провозглашен царем Македонии в 359 г. до н. э., после того как он устранил всех прочих претендентов, в том числе своего малолетнего племянника, прямого наследника престола. Античная историография высоко оценивает деятельность Филиппа, которому удалось за короткий срок провести ряд преобразований и вывести Македонию в число наиболее могущественных государств Балканского полуострова.

Юстин, автор критического направления, рисует Филиппа человеком умным, но вероломным, коварным и алчным. Любое средство для достижения цели он не считал постыдным и обещал больше, чем выполнял. Дружил только с теми, кто был выгоден. Не лишенный красноречия, он был изобретателен и остроумен, поэтому врагов старался побеждать не в открытом бою, а хитростью. Филипп был вспыльчив, но умел скрывать свой гнев. С друзьями держался просто и был склонен к умеренности. Именно благодаря такому сочетанию пороков и достоинств Филипп, по мнению римского историка, сумел заложить основы политики, с таким успехом продолженной его сыном Александром [Юстин, IX, 8, 1—21].

«Никогда...— пишет Феопомп,— Европа не носила такого человека, как сын Аминты» [Theop., fr. 27; ср.: Polyb., VIII, 11]. Юстин прямо говорит, что Филипп «создал из многих племен и народов единое царство и народ» [VIII, 6, 2]. Высказывание Юстина о значении Филиппа как основателя централизованного македонского царства неправомерно широко трактуется немарксистской историографией, приписывающей царю создание в ту эпоху «национального государства и национальной армии» [18].

Филипп II получил греческое воспитание, жил в юности в Фивах, где брал уроки философии у одного софиста, ученика Платона. Видимо, там же он освоил военное искусство греков, основанное на тактике Эпаминонда, придававшего особое значение неравномерному распределению войск по фронту в целях сосредоточения сил для главного удара в решающем пункте [19].

В Македонии, долгое время сохранявшей пережитки родового строя, при Филиппе II особое развитие получили рабовладельческие отношения, предпосылкой чему были качественные изменения производительных сил. Обработка металла способствовала дальнейшему прогрессу земледелия, скотоводства, ремесел, что, в свою очередь, сказывалось на обмене и торговле, а также на развитии городской жизни. В Нижней Македонии, тесно

связанной с греческим миром посредством торговли через эллинские колонии фракийского побережья, процесс сложения рабовладельческого общества произошел уже в V в. до н. э. Напротив, у верхнемакедонских горных племен, сохранявших родо-племенные связи вплоть до IV в. до н. э. только к этому времени начался переход к классовым отношениям.

Объективные условия определили задачу создания в Македонии в IV в. до н. э. единого централизованного государства. Этот процесс слияния отдельных племен в единое государство, начавшийся в экономически наиболее развитых областях в V в. до н. э., завершился в середине IV в. и совпал по времени с начальными годами правления Филиппа (359—336 гг. до н. э.).

Не углубляясь в изучение социально-экономических условий жизни Македонии, некоторые историки приписывают создание централизованного государства исключительно гению Филиппа, добившегося того, что тщетно пытались сделать его предшественники Архелай и Пердикка [20].

Бесспорно, Филипп был энергичным и предприимчивым царем, верно ориентировавшимся в сложной ситуации, когда на страну вновь двинулись иллирийцы (на этот раз не без подстрекательства линкестидов), требующие уплаты ранее установленной дани [Пол., IV, 10, 1], и когда в жестоком сражении погиб царь Пердикка с 4 тыс. македонян [Диод., XVI, 2]. Государственную мудрость и дипломатическое искусство Филиппа верно определил Юстин, сообщающий, что множество народов, словно сговорившись, пошли на Македонию войной и что Филипп решил со всеми справиться поодиночке: с одними он заключил договоры, от других откупился деньгами, а на более слабых напал сам [VII, 6, 5].

Иллирийцев с большим трудом вытеснили из Македонии, фессалийцев подкупили подарками, а афинянам Филипп нанес удар в наиболее уязвимом месте — у колонии Мефоны [Диод., XVI, 3], где афинские силы сдались на милость победителя, будучи не в состоянии сопротивляться, так как жители колонии перешли на сторону македонян.

Филипп отнесся великодушно к побежденным афинянам: отпустил их без выкупа и даже отозвал македонский гарнизон из Амфиполя. Не в его интересах было развязывать войну с Афинами; поэтому царь постарался заключить с ними мир, чтобы все силы бросить на внутренние дела [Юстин, VII, 6, 6].

Как пишет Юстин, Филипп перенес войну в Иллирию и истребил там многие тысячи врагов [VII, 6, 7]. Вождь Бардилл погиб в бою, а иллирийские земли, так же как и пеонийские, вошли в состав Македонии. Предпринятый несколько позже поход в Фессалию тоже был удачен. Филипп, подчинив фессалийцев, добился двойного успеха: намного увеличил территорию Македонии и получил вдобавок грозную фессалийскую конницу [Юстин, VII, 6, 8].

Античная историография не сохранила свидетельств о том, как были подчинены центральной власти верхнемакедонские области. Так или иначе, но Филипп сумел добиться повиновения племен Верхней Македонии и заставить их правящий класс служить себе. Арриан сообщает о речи, которую Александр произнес перед взбунтовавшимся войском в Описе и в которой он говорил о заслугах Филиппа, заставшего македонян одетыми в звериные шкуры и пасущими скот на горах. Царь дал им настоящие одежды, спустил с гор на равнины, поселил в городах, научил доблести и ввел для них праведные законы [VII, 9, 1—2].

Среди множества военачальников, окружавших Филиппа, были представители бывших царских родов: Полисперхонт, потомок тимфейских

Золотой медальон римского времени с изображением Филиппа II. Национальная библиотека. Париж

царей. Пердикка из Орестиды [Арр., Индия, 18; Курц., X, 7, 8], Кен из Элимиотиды, братья Аррабей, Геромен и Александр из Линкестиды [Диод., XVII, 57, 2]. Позже в войске Александра Македонского сражались отряды элимиотов, линкестидов, орестидов, тимфейцев, а также всадников из Боттиеи и Амфиполя [Арр., I, 2, 5]. Эти свидетельства древних показывают, что с раздробленностью Македонии было покончено.

С тех пор как Македония упрочила свою власть на обширных фессалийско-фракийских землях, она стала играть главенствующую роль в делах греческих городов-государств, претендуя на право быть арбитром общеэллинских дел. Но этому предшествовал ряд реформ, осуществленных Филиппом.

Прежде всего он сформировал регулярную армию, обладающую рядом преимуществ перед ополчением греческих городов-государств и отрядами наемников.

Типичным для греческих полисов того времени было разделение политической и военной власти, поскольку ополчение свободных граждан хирело и заменялось повсеместно отрядами наемников — воинов-профессионалов, служивших за плату любому городу. В Македонии при Филиппе этого не наблюдалось, так что и военное и политическое руководство страной сосредоточилось в руках царя. Хорошая организация войска и централизованное управление им дали возможность Филиппу очень скоро достичь наивысшей степени военного искусства.

Централизации армии способствовало применение принципа набора войск по округам в пехотные части, состоящие из крестьян, и в отряды легкой конницы (фессалийской и фракийской). Этеры набирались из представителей македонской знати.

Взяв за основу эллинскую систему организации войска, Филипп раз-

Золотой медальон римского времени с изображением Олимпиады. Археологический музей. Салоники

вил ее [21], добившись слаженного взаимодействия всех составных частей. Диодор прямо указывает на Филиппа как на создателя македонской фаланги [XVI, 3, 2], выгодно отличавшейся по своим боевым качествам от греческой.

Доспехи и вооружение македонского фалангита, хотя не отличались в принципе от греческих, были значительно легче. Защищали фалангита шлем, кольчуга, наколенники и круглый щит. Вооружение его составляли сарисса (длинное копье) и короткий меч. Фаланга, как правило, наступала сомкнутым строем в 120 рядов по 8 воинов в ряду [App., I, 6, 1—2].

Пехота делилась на тяжелую, среднюю, легкую. Основой тяжелой пехоты была фаланга, комбинируемая с более легкими отрядами педзетеров и гипаспистов. Среднюю пехоту составляли аргираспиды (с легкими посеребренными щитами), царские телохранители и пелтасты. Легкая пехота формировалась из иллирийских и фракийских стрелков и пращников.

Конница сохраняла указанное деление. В этом роде войск основное место принадлежало тяжелым всадникам — этерам и фессалийцам. Вооружены они были копьями, мечами, носили шлем, панцирь, наплечники и набедренники; лошади имели защитные доспехи.

Новым в тактике македонского войска по сравнению с греческим было тесное взаимодействие пехоты и конницы, причем последняя использовалась для нанесения главного удара, а не только для защиты флангов, что практиковалось греками.

Значительно возросла и численность кавалерии. Кроме того, Филипп создал самостоятельные конные подразделения. Так, Херонейская битва была выиграна благодаря использованию конницы под командованием молодого Александра [Диод., XVI, 85]. Исход первого сражения с иллирий-

цами (359 г. до н. э.) также решили конные отряды [Диод., XVI, 4]. Показательно, что, когда Филипп выступил против Фессалии, его больше интересовала прекрасная фессалийская конница, чем богатая добыча [Юстин, VII, 6, 8). В связи с этим некоторые историки считают, что пехота появилась у македонян позже конных подразделений [22].

И все же, несмотря на увеличение роли конницы, действовавшей обычно в атаке, костяком армии Филиппа оставалась фаланга.

Более тесное построение по сравнению с греческими гоплитами обеспечивало македонской фаланге огромную пробивную силу, сметающую все на своем пути. Ровные сомкнутые шеренги фалангитов, прикрытые щитами и ощетинившиеся сариссами, производили ошеломляющее впечатление на вражеское войско, не выдерживавшее порой одного вида равномерно марширующей грозной фаланги.

Правда, хотя македонская фаланга по сравнению с греческой обладала большей мобильностью, ей не хватало маневренности и умения перестраивать ряды в тех случаях, когда возникала необходимость резко изменить направление главного удара. Для использования фаланги были нужны определенные условия, из которых основным являлось наличие ровного и широкого пространства. Применение фаланги на пересеченной местности требовало перестройки рядов в маршевые колонны, непригодные для ведения военных действий [23]. На открытом месте фаланга, выступающая единым целым и поражающая пехоту противника своим грозным натиском, была непобедима. Полибий в этой связи отмечал, что «нет силы, которая могла бы сопротивляться ей с фронта или устоять против натиска ее» [XVIII, 29]. Даже на римлян, по свидетельству Плутарха, фаланга произвела сильное впечатление своей четкой организацией и неодолимостью натиска [Плут., Эмилий Павел, 17, 19]. Но она совсем не годилась для рукопашных схваток, ибо фалангит не был приспособлен для ближнего боя [Полиб., XII, 20]. Слабым местом были также фланги и тыл, уязвимые из-за невозможности перестройки фаланги на ходу.

Новаторство Филиппа в военном деле заключалось в том, что он сумел учесть наиболее сильные стороны тактических приемов греков, усовершенствовать их и выработать новые способы ведения военных операций, способствовавшие успеху его завоевательных планов.

При Филиппе в македонском войске стали применяться различные осадные механизмы, использовавшиеся греками уже в V в. до н. э. При осаде Перинфа и Византия Филипп использовал таран и катапульты для разрушения крепостных стен; в других сражениях он применял осадные башни, с которых воины метали во врага стрелы и камни.

Данные о численности войска Филиппа сообщают два автора: Диодор [XVI, 85] называет цифру в 33 тыс. человек (30 тыс. пехоты и 3 тыс. всадников), а Фронтин [IV, 2, 6] говорит о 40 тыс.

До Филиппа Македония, лишенная выхода к морю из-за того, что фракийское побережье и Халкидику контролировали многочисленные греческие колонии, не имела своего флота и при необходимости пользовалась судами союзников. После овладения Фракией и рядом греческих городов-колоний (Потидея, Мефона) Филипп решил создать собственный флот, так как его планы предусматривали дальнейший захват эллинских городов побережья, ослабление Афин и завоевание господства на суше и на море.

Условия для создания флота имелись: горы Македонии были сплошь покрыты хорошим строевым лесом, который издавна вывозился в Грецию через коринфскую колонию Потидею. Вскоре македонский флот был по-

строен, он насчитывал 160 кораблей. Уже после разрушения афинской колонии Олинф, по свидетельству Юстина, Филипп занялся морским разбоем [VIII, 3, 13].

В прямой зависимости от успехов македонского оружия находилась организация монетной системы страны при Филиппе. До Филиппа в Македонии не было четкой монетной системы; в обороте наравне с местными серебряными и медными монетами находились греческие, родосские и даже персидские. Кроме того, эллинские города-колонии чеканили свою монету. Централизация монетного дела благоприятно отразилась на ремеслах и торговле, способствуя развитию городской жизни.

Богатейшие золотые и серебряные рудники Пангея во Фракии разрабатывались афинянами с середины V в. до н. э. Филипп овладел ими в год рождения Александра после захвата Амфиполя и Потидеи [Диод., XVI, 8], так же как и долиной реки Стримона, богатой серебром. С этого времени начинается выпуск единообразной македонской монеты: золотой — в подражание аттической и серебряной — по типу родосской. Стоимость македонского статера — «филиппики» — равнялась 20 аттическим драхмам.

Массовый выпуск золотых и серебряных монет, успешно конкурировавших с персидскими и греческими, свидетельствовал о возросшей экономической мощи Македонии, что, в свою очередь, сказалось на росте ее политического значения на Балканах. Одни пангейские золотые и серебряные рудники, по сообщению Диодора, давали годовой доход в 1000 талантов [XVI, 8]. Это свидетельство Диодора расценивается как указание на дальнейшее развитие рабства, о котором нет прямых данных в античной историографии [24].

Добившись политического объединения страны и создав сильное войско, Филипп приступил к завоеванию эллинских городов-колоний, расположенных на фракийском морском побережье.

Филипп прежде всего заинтересовался Амфиполем — важным торговым городом в устье реки Стримона, господствовавшим над плодородной равниной, засаженной виноградниками и оливковыми деревьями, а также владевшим серебряными рудниками [Герод., V, 23]. Важность Амфиполя как транзитного порта в торговле с греческими колониями на Понте Эвксинском была огромна. Учитывая выгоды местоположения города и его богатства, но не имея еще достаточных сил для ведения борьбы, Филипп начал хитрую дипломатическую игру с Афинами, предложив им мир и еще не завоеванный Амфиполь взамен отторгнутой Пидны (357 г. до н. э.). Афиняне не отказались от столь выгодного предложения, ибо давно мечтали о приобретении стратегически важного Амфиполя, контролирующего торговлю всего фракийского побережья и черноморских эллинских колоний. Но, как пишет Юстин, Филипп «на словах обещал больше, чем выполнял» [IX, 8, 8]; усыпив бдительность афинян предложением мира и добившись от них посылки отряда к Геллеспонту для борьбы с фракийскими племенами, македонский царь приступил к осаде Амфиполя.

Жители Амфиполя были враждебно настроены к македонянам и полны решимости отстоять свой город от притязаний захватчиков. Но они не смогли долго сопротивляться натиску македонского войска. Город был взят приступом и разграблен [Диод., XVI, 8]. Конечно, Филипп и не подумал передать Амфиполь афинянам, а создал здесь свой опорный пункт. Тогда Афины, желая наказать македонян за вероломство, отдали приказ своему стратегу Харесу, находившемуся во Фракии, двинуться в

Македония и Греция

Македонию. Но было уже поздно. Воодушевленный захватом Амфиполя, Филипп заключил союз с Олинфом, полисом, стоявшим во главе сильного объединения халкидских городов, пообещав ему коринфскую колонию Потидею [Диод., XVI, 8, 2]. На этот раз Филипп выполнил обещание: взяв Потидею (356 г. до н. э.) и отпустив без выкупа афинских клерухов, он передал город Олинфу.

Действуя хитростью и подкупом и даже не объявив войну Афинам, Филипп добился ослабления ведущего государства во Второй Афинской Архэ (378 г. до н. э.), которая вследствие энергичных действий македонского царя и карийского династа Мавзола, также заинтересованного в крушении морского союза, начала распадаться. Большим ударом для Афин явилась потеря островов Родос, Хиос, Кос, Лесбос, Керкира, переметнувшихся на сторону Мавзола, и Византия. В этой сложной обстановке политических неудач и вероломства союзников Афины не смогли противостоять македонской захватнической политике.

Не менее важной задачей для Македонии было обеспечение надежности границ со стороны Фракии и Иллирии. В отличие от греческих колоний, создаваемых для торговли и размещаемых по морскому побережью, македонская колонизация распространилась в глубь завоеванных территорий и служила гарантией безопасности границ наряду с использованием природных богатств захваченных областей.

Уже владея пангейскими золотыми рудниками, Филипп основал рядом с Кренидами, фасосской колонией, город Филиппополь, опорный пункт македонского влияния во Фракии вплоть до Неста [Диод., XVI, 22]. О широких планах колонизации захваченных земель сообщает Юстин,

указывающий, что царь практиковал насильственное переселение народов и целых городов: «Одни народы Филипп поселил у самой границы, чтобы они давали отпор врагам, других — в самых отдаленных пределах своего царства, а некоторых военнопленных расселил по городам для пополнения их населения» [VIII, 6, 1].

Широкая захватническая политика Македонии вызвала неудовольствие ее ближайших соседей — фракийцев, иллирийцев, пеонов. Их «варварские» цари заключили договор с Афинами, надеясь общими усилиями оградить себя от дальнейших македонских захватов [Ditt., Syll [3], 196], но, как сообщает Диодор, Филипп сумел покорить союзников раньше, чем они были готовы к сопротивлению [XVI, 22]. Видимо, договор афинян с северными соседями Македонии имел формальное значение: ведь Афины, и без того ослабленные распадом Морского союза, потерей островов и внутренними распрями, не могли оказать реальной помощи иллирийско-фракийским племенам в их борьбе с усилившимся македонским царством. Быстрому росту Македонии способствовали соседство греческих колоний Халкидского полуострова и слабость самой Греции, растрачивавшей силы в непрекращавшихся междоусобных войнах. Напротив, Македония быстро набирала силы, мужала и превращалась в ведущую державу Эгейского бассейна.

К сожалению, почти нет сведений о развитии городской жизни у македонских племен, долгое время не имевших сколько-нибудь значительных городов, а лишь родо-племенные центры. Все же, собрав воедино отрывочные сведения о развитии Македонии и росте городов в царствование Филиппа, греческий историк прошлого века Димицас [25] и позже немецкий историк Белох сделали попытку определить площадь страны и численность ее населения, а также уровень городской жизни.

Белох считает, что площадь Македонии до Филиппа не превышала 14 тыс. кв. км при населении в 300 тыс. человек. Северные же иллирийско-фракийские территории имели вдвое большую площадь и наполовину меньшее население. Объединенная при Филиппе II, Македония уже занимала территорию в 40 тыс. кв. км с населением в 600 тыс. человек, включая земли между Стримоном и Нестом, а также Халкидский полуостров. После вхождения Фессалии в состав македонского царства территория страны увеличилась еще на 15 тыс. кв. км, а население достигло 800 тыс. человек [26].

Таким образом, Македония, расширившая свои границы за счет Пеонии и Фракии, по площади намного превзошла материковую Грецию. Напомним, что Афинская Архэ — могущественный морской союз афинян с греческими городами-государствами и некоторыми островами — объединяла территорию только в 14 тыс. кв. км, т. е. равнялась собственно македонским землям до прихода к власти Филиппа II [27].

До середины IV в. до н. э. наиболее густонаселенным районом Македонии был Халкидский полуостров (площадь 4 тыс. кв. км) с многочисленными греческими колониями [Ксеноф., Эллиника, V, 2, 16]. Македонские города были развиты слабо. До Пелопоннесской войны самым крупным городом считалась Потидея (2—3 тыс. жителей), окруженная плодородными угодьями (около 100 кв. км). К 380 г. до н. э. первое место среди городов занимал Олинф — примерно 5 тыс. жителей; ко времени разрушения его население возросло до 10 тыс. [28]. Второе место по численности занимали Аполлония и Аканф [29], затем шли Торон и Мендея. Но все это были торговые города греческого происхождения. Собственно македонские города начинают развиваться после объединения страны,

в связи с развитием торговли, ремесел, разработкой полезных ископаемых и колонизацией фракийских земель. Среди них следует указать Пеллу, Филиппы, Эги, а также Каллиполь и Ортополь [Пол., IV, 2, 16].

Хорошо продуманный Филиппом план захвата фракийского побережья завершился присоединением последних греческих полисов — Абдеры и Маронеи—к македонскому царству. Царь вполне мог чувствовать себя дальновидным политиком, сумевшим за четыре года (359—355 гг. до н. э.) достичь многого: расширить границы Македонии и выйти к морю. Правда, второй этап плана — захват Халкидского полуострова — еще ждал осуществления, но Филипп не торопился, считая, что вначале следует обескровить Грецию и только после этого начать борьбу против могущественного Олинфского союза. Пока что царь заключил договор с Олинфом, не отваживаясь на открытый выпад против халкидских городов.

Поводом для вмешательства Македонии в греческие дела послужила Вторая Священная война (355—346 гг. до н. э.), развязанная Фивами, обвинившими Фокиду в незаконном захвате земель общегреческого святилища в Дельфах [Юстин, VIII, 1, 4] [30]. Но это был только повод, так как спор фиванцев и фокийцев не носил религиозного характера, а был столкновением интересов двух в прошлом союзных полисов; Фокида, желая сбросить господство Фив, не помогла им в битве при Мантинее (362 г. до н. э.), вследствие чего победа над Спартой и Афинами досталась ценой гибели значительной части войска и самого полководца Эпаминонда. С тех пор фиванское могущество стало клониться к упадку, и естественно, что фокийцы, воспользовавшись этим, захотели отделаться от докучливой опеки. Но общая слабость Фив еще не затронула Дельфийской амфиктионии — религиозного объединения греческих городов, где фиванцы продолжали играть ведущую роль.

Под нажимом Фив Совет амфиктионов принял решение об уплате Фокидой большого штрафа или конфискации земель в пользу храма [Диод., XVI, 93; Юстин, VIII, 1, 7]. «Поэтому фокийцы,— сообщает Юстин,— лишившись земель, детей, жен и прийдя в полное отчаянье, выбрали себе в вожди некоего Филомела и захватили храм Аполлона в Дельфах» [VIII, 1, 8].

Конфликт Фив и Фокиды не оставил равнодушным другие греческие полисы,— Афины и Спарта присоединились к Фокиде в надежде ослабить Фивы. Фиванцы заручились поддержкой фессалийской знати, безуспешно старавшейся обуздать свои часто восстававшие города. Так, фессалийский тиран Ясон, желавший усиления Фереса, был убит в Дельфах заговорщиками во время подготовки пифийских празднеств.

Захватив дельфийскую сокровищницу и набрав на ее золото много наемников, Филомел с войском вторгся в Фессалию. Первое сражение он выиграл, а во время второго погиб [Диод., XVI, 31; Юстин, VIII, 1, 13]. Его сменил Ономарх, опиравшийся на фессалийских тиранов. Фиванцы и фессалийская знать, напуганные успехами фокийцев, обратились к Македонии за помощью.

Судя по Диодору, Филипп дважды терпел поражения от Ономарха и только в 352 г. до н. э. смог одолеть фокийцев [XVI, 35]. Юстин приводит иную версию: македонские воины вступили в бой в лавровых венках как мстители за святотатство, поэтому фокийцы побросали оружие и бежали с поля боя [XIII, 2, 4].

Остатки фокидского войска отошли к Фермопилам, а Филипп быстро ввел в фессалийские города свои гарнизоны, установил торговые пошлины и укрепился в стратегических пунктах.

Успешно завершив захват Фессалии, Филипп вторгся в Среднюю Грецию, дойдя до Фермопильского ущелья. Однако союзники Фокиды выставили значительное войско для защиты Фермопил [Диод., XVI, 37]. Не желая разжигать общегреческую войну (Фокиду поддерживали Спарта, Афины, Ахайя), Филипп отступил.

Тем не менее итоги Священной войны оказались плачевными для Греции и выгодными для Македонии. Фокида, обессиленная десятилетней войной, признала себя побежденной [Диод., XVI, 59] и предстала перед судом амфиктионов. По предложению македонского царя на нее наложили штраф в 60 талантов в год и исключили из Дельфийской амфиктионии [Диод., XVI, 60], так же как и спартанцев. В области разрушили все города, а население рассеяли по деревням, отняли все оружие и лошадей.

Интересно, что, наказав фокийцев и спартанцев, Филипп не потребовал наказания для Афин, бывших их союзниками. До поры до времени он не хотел вступать с Афинами в открытую войну, надеясь исподволь подорвать могущество самого крупного полиса Греции.

Принятый в Совет амфиктионов, а по существу став во главе его, Филипп на время оставил Грецию, помышляя о захвате халкидских городов, богатства и стратегическое положение которых не давали ему покоя. Время для нападения на Халкидику было выбрано им удачно: ослабленные Священной войной, греческие полисы вряд ли могли оказать действенную помощь Олинфскому союзу.

Война, развязанная Македонией в Иллирии и Пеонии (350—349 гг. до н. э.), вблизи халкидских земель, указывала на неизбежность столкновения с Филиппом, надеявшимся прибрать к рукам последние незавоеванные земли на побережье Фермейского залива.

Олинф, испугавшись размаха македонской агрессии, обратился за помощью к Афинам в нарушение союза с Македонией. Но Филипп уже осадил Олинф. Поводом для войны, по Юстину, было бегство двух побочных братьев македонского царя, Менелая и Арридея, в Олинф от неминуемой расправы Филиппа, причем Арридей как будто претендовал на царство [VIII, 3, 10].

Демократические Афины, раздираемые борьбой антимакедонских и промакедонских группировок, не смогли в полную силу помочь олинфянам: наемники Хареса (со времен македоно-афинского договора находящиеся во Фракии) получили приказ поддержать Халкидский союз.

Афинские наемники, 4 тыс. пеших и 150 всадников, присоединились к олинфянам и начали разорять область Боттиеи [FHG, v. I, 405—406; Theop., fr. 139]. А в это время Филипп, окруживший Олинф, попытался склонить к измене начальников конных отрядов. Действуя подкупом, царь перетянул их на свою сторону и добился капитуляции города [Диод., XVI, 53]. Посланная Афинами помощь в 300 всадников и 4 тыс. гоплитов на 17 кораблях запоздала: город уже был взят македонянами.

Филипп разграбил и сжег Олинф, а жителей продал в рабство [Юстин, VIII, 3, 11]. По свидетельству афинского оратора Демосфена, Филипп разорил в Халкидике 32 города, ранее составлявших Олинфский союз [IX, 26]. Видимо, указание Демосфена не следует понимать буквально, так как Македония была заинтересована в приобретении богатых халкидских городов, а не в их уничтожении. Иное дело Олинф, расправа с которым должна была предостеречь других от выступлений [31].

С гибелью Олинфа распался союз халкидских городов. Многих жителей Халкидики изгнали во Фракию, а на их место переселили македонян; плодородные земли раздали знати [Ditt., Syll [3], 331].

Таким образом, фракийское побережье от Пидны (взятой в 357 г. до н. э.) до Геллеспонта перешло в руки македонян.

Десятилетняя вражда Афин с Македонией, началом которой послужил захват Мефоны (359 г. до н. э.), истощила и без того небогатые материальные и людские ресурсы афинян. В условиях потери союзных колоний фракийского побережья и Халкидики, отпадения многих островов Эгейского моря и важной в деле снабжения хлебом Эвбеи афиняне, не видя возможности продолжать войну, запросили мира. Филипп также был заинтересован в мире, ибо его флот в 160 кораблей еще не мог соперничать с афинским (350 триер).

Предложение о мире, вынесенное на обсуждение афинян Филократом, было одобрено демосом. В Македонию направили посольство из 10 политических деятелей, в основном промакедонской ориентации, но среди них был и Демосфен. Сведений о переговорах, предшествовавших заключению Филократова мира, не сохранилось. Единственным источником являются речи двух политических противников — Демосфена и Эсхина, содержащие много неясного и тенденциозного. Переговоры, очевидно, носили двухстепенный характер, так как, выслушав афинских послов, Филипп в ответ направил своих гонцов в Афины, где и был подписан окончательный мир [Юстин, VIII, 4, 2]. По мирному договору Афины потеряли все владения на фракийском берегу, кроме Херсонеса у Геллеспонта.

Долгожданный мир наступил, но он был хрупок, как первый лед. Назревал новый конфликт Греции с Македонией за обладание проливами, которые контролировались Перинфом и Византием, связанными с Афинами обоюдовыгодной торговлей понтийским хлебом и иными товарами. Афинские наемники Хареса осуществляли охрану фракийского побережья, где в Фасосе была стоянка греческого флота.

Афиняне, первыми не выдержав тягостного ожидания, направили в Херсонес отряд наемников, начавших захват городов Кардии и Пропонтиды, находившихся под контролем Македонии. Филипп не заставил себя ждать; он вторгся в Херсонес и осадил Перинф с суши и моря. Употребив все средства военной техники, македоняне уже были близки к победе [Диод., XVI, 74], когда неожиданно к осажденным подоспела помощь от персидских сатрапов Малой Азии, посланных Дарием, также не хотевшим усиления Македонии [Диод., XVI, 75]. Македонянам удалось проникнуть в город, но они были выбиты оттуда объединенными силами перинфян, византийцев и малоазийских наемников.

Потерпев неудачу у Перинфа, Филипп бросился к Византию, чьи воинские силы помогали перинфянам. Однако осада Византия (340—339 гг. до н. э.) ничего не дала. На помощь осажденным пришли афиняне и многие жители островов Эгейского моря [Диод., XVI, 77]. В морском сражении объединенный греческий флот победил македонян. Филипп вынужден был снять осаду Византия и уйти восвояси.

Скифские племена, обитавшие по Истру, противодействовали, насколько могли, захватнической политике Македонии на понтийском побережье. Будучи ее союзниками, скифы под всевозможными предлогами отказывались субсидировать военные операции Филиппа. Так, во время длительной осады Византия македонский царь потребовал от скифского царя Атея значительных средств для продолжения войны. Но Атей отказался выполнить это требование, сославшись на бедность страны и народа. Филипп воспринял отказ как издевку и, отброшенный от Византия, двинулся с войском в Скифию, чтобы наказать Атея и продемонстрировать фракийцам, что временные неудачи у Геллеспонта еще не означали

слабости Македонии; вместе с тем он рассчитывал доходами от этой войны покрыть убытки, понесенные у Перинфа [Юстин, IX, 1, 9].

Вторгшись в земли союзников, Филипп, выдавая себя за «друга скифов», выслал вперед гонцов, чтобы предупредить кочевников о желании царя поставить в устье Истра статую Геракла во исполнение обета, данного у Византия. Но Атей не был так наивен, чтобы поверить царю, и потребовал ухода македонян из своих земель. Ни одна из сторон не хотела уступить, и началась война [Юстин, IX, 2, 12].

«Хотя скифы превосходили македонцев и числом и храбростью,— пишет Юстин,— они были побеждены хитростью» [IX, 2, 14]. Добычей победителя стали 20 тыс. женщин и детей, а также 20 тысяч скифских коней; золота и серебра македоняне не нашли и только тогда поверили, что скифы бедны [Юстин, IX, 2, 15].

При возвращении македонян у них во Фракии часть добычи потребовали трибаллы. Когда им было отказано, они пустили в ход оружие. В жестокой схватке Филипп получил рану в бедро, под ним пал конь. В суматохе сражения македоняне не заметили, как вся добыча ускользнула у них из рук [Юстин, IX, 3, 3]. В результате Филиппу пришлось возвращаться в Македонию ни с чем.

Теперь казалось, что угроза македонского вторжения в Грецию миновала и что Филиппу потребуется много времени для восполнения понесенных потерь; Геллеспонт остался в руках греков, контролирующих пролив и прибрежные города.

Но Македония оправилась от своих неудач раньше, чем предполагали ее недруги. Вспыхнувшая вскоре Третья Священная война (339—333 гг. до н. э.) между союзом амфиктионов и локридским городом Амфиссой, распахавшим «проклятые земли» фокийцев, позвала Филиппа в Грецию для наказания виновных [32].

Филипп точно ждал этого случая и не мешкая вторгся в Среднюю Грецию, где быстро овладел многими городами Фокиды и Дориды. Разрушив Амфиссу и взяв Элатею, македонский царь подошел к Фермопильскому ущелью. По этому поводу Юстин сообщает, что Филипп уже давно замышлял войну против афинян [IX, 3, 4].

Нависшая угроза македонского вторжения способствовала объединению греческих сил для совместной борьбы против Филиппа. Крупнейшие государства Греции, недавние враги, Афины и Фивы, не желавшие возвышения друг друга, заключили оборонительный и наступательный союз. К ним примкнули Коринф, Мегара, Ахайя, Левкада, Керкира, Эвбея [Плут., Демосфен, 17; Страб., IX, 414]. На стороне Македонии были члены Дельфийской амфиктионии по ту сторону Фермопил и, видимо, Этолия [Страб., IX, 427]. Афины и Фивы разослали гонцов по всей Греции с призывом единения против общего врага, так как «Филипп... не успокоится, пока не покорит всю Элладу» [Юстин, IX, 3, 5—7].

Решающее сражение между греками и македонянами, как уже говорилось, произошло у беотийского города Херонеи (338 г. до н. э.). Сведения об этой роковой для Греции битве сохранились у Диодора, Юстина, Полиэна, но все они настолько отрывочны, что по ним нельзя судить о ходе сражения. Диодор пишет, что войско Филиппа по численности превосходило греческое [XVI, 85]. Юстин сообщает обратное: афинян было больше, чем македонян. Скорее всего, силы противников были почти равными — по 30 тыс. человек с каждой стороны. Но закаленное в боях и походах войско Филиппа выгодно отличалось от союзной греческой армии, не имевшей хороших командиров, состоявшей из наемников и молодых, не-

достаточно обученных свободных граждан [Диод., XVI, 85]. Конечно, такое наспех собранное войско не смогло противостоять македонской регулярной армии, лучше организованной и дисциплинированной.

Все же греки упорно отбивали атаки македонян, и долгое время исход битвы оставался неясен. Наконец левый фланг союзников во главе со Стратоклом, увлекшись сражением, оторвался от основных сил и ушел вперед [Пол., IV, 2, 2]. Этим не преминул воспользоваться 18-летний Александр. Он атаковал во главе тяжелой конницы правый фланг греков. Те не выдержали удара и в беспорядке отступили. После этого переломного момента Александр обратил неприятеля в бегство[33]. Тысяча греков осталась на поле боя, две тысячи попали в плен. Жестокое поражение потерпели фиванцы: вся их дружина пала [Плут., Пелопид, 18].

Позже на месте битвы фиванцы поставили памятник погибшим: изображение раненого льва — символ мужества своих воинов [Павс., IX, 40, 10].

Остатки разбитого греческого войска отступили, но Филипп не стал преследовать греков, так как и без того победа македонян была полной. После этого удара Греция не смогла оправиться и стала в конце концов добычей Филиппа.

Херонейская битва была своеобразным рубежом в жизни греко-македонского мира. Ею закончился период независимого существования греческих полисов и начался новый — включение Эллады в состав македонского царства и в сферу политических интересов ее правящего класса.

Филипп отпраздновал победу, хотя старался не проявлять своего торжества и внешне скорбел о гибели стольких греков.

Самая тяжелая участь постигла фиванцев, нарушивших договор с Македонией. Беотийский союз был уничтожен, в Фивах к власти пришли сторонники Македонии — олигархи, из которых был создан Союзный совет. В фиванском акрополе Кадмее поставили македонский гарнизон. Филипп приказал многим фиванским гражданам отрубить головы, других отправил в изгнание, а все их имущество забрал себе [Юстин, IX, 4, 6]. Он взял выкуп не только за пленных, но и за право похоронить убитых.

Разорение и опустошение Фив должно было служить наглядным уроком для прочих греков, участвовавших в борьбе с Македонией. Поэтому афиняне не стали дожидаться расправы, а начали деятельно готовиться к обороне. Защитные меры, принятые Афинами,—сбор средств на укрепление стен, рытье рвов, призыв в войско всех граждан и метеков в возрасте до 60 лет и при надобности вооружение рабов — показали, что город намеревался отстоять свою свободу [Дем., XVIII, 248]. По предложению Гиперида, одного из вождей демократии, было принято решение дать основной бой македонянам в Пирее, где сухопутное войско мог поддержать сильный афинский флот.

Но Филипп не торопился начинать войну с Афинами. В его замыслы не входило развязывание нового конфликта, так как Афины уже приготовились к отпору, да и их флот представлял еще грозную силу. Македонский царь предложил Афинам мир на приемлемых условиях: возвращение без выкупа 2 тыс. пленных, сохранение суверенитета и внешних владений, а взамен Херсонеса Фракийского Филипп был согласен отдать беотийский город Ороп.

Видя, что условия мира лучше поражения, афиняне согласились на переговоры с македонянами. В Афины прибыло возглавленное Александром посольство Филиппа, уполномоченное вести переговоры от его имени [Юстин, IX, 4, 5]. Факт привлечения Александра к ответственным пере-

Развалины античной Пеллы

говорам с афинянами показывает, что Филипп всецело доверял сыну и старался ввести его как можно скорее в курс важных дел.

Переговоры прошли успешно, и афиняне, формально сохранившие суверенитет, обязались вступить в новый союз, создаваемый Филиппом; Афинский морской союз отныне прекращал свое существование. Это поставило флот афинян в зависимое положение от Филиппа, упорно добивавшегося главенства в Эгейском бассейне.

Следует отдать должное умелой дипломатической игре Филиппа, который добивался признания его гегемоном Греции. По этой причине он заигрывал с Афинами; стремясь избежать в дальнейшем их сближения с Фивами, он отдал Афинам беотийский Ороп взамен Херсонеса Фракийского, обеспечивающего Македонии выход к Геллеспонту.

В своей деятельности Филипп опирался на задобренных или подкупленных им олигархических эллинских деятелей, подобных Фокиону, Демаду, Эсхину [Дем., XVIII, 282], всячески пропагандировавшим его «миротворческие» действия. Усилиями приверженцев македонской ориентации в Афинах был сооружен монумент Филиппу, а Александру было предоставлено афинское гражданство.

Но если с Афинами Филипп отчасти еще считался, то по отношению к другим греческим городам он повел себя как настоящий завоеватель. Он распустил Эвбейский союз, после чего к власти пришли промакедонские деятели; в Коринфе и Халкиде оставил гарнизоны; распустил Пелопоннесский союз и заключил отдельные договоры с ахейцами, Эпидавром и Трезеном; Филипп потребовал у всех пелопоннесцев расторжения союза со Спартой, против которой предпринял поход вместе с Аркадией, Мессеной, Элидой.

Спарта, хотя и не столь могущественная, как прежде, отказалась заключить союз с Македонией, считая, что мир, навязанный победителем,— не мир, а рабство [Юстин, IX, 5, 3]. Правда, Спарта не представляла серьезной опасности для Филиппа, но все же он сумел лишить ее внешних владений, спровоцировав на это третейский суд греческих городов [Полиб., IX, 33]. Македонский царь старался действовать в рамках эллинской «законности», не нарушая греческих установлений, а если и карал, то от имени самих же греков. Подобную политику по отношению к Греции проводил позже и Александр. Так, именно по решению эллинских полисов он разрушил до основания Фивы (335 г. до н. э.), хотевшие сбросить македонское господство.

В чем же заключалась причина столь быстрого развития Македонии и ее небывалых военных успехов?

Античная историография связывала рост могущества и военных успехов Македонии с деятельностью Филиппа, величайшего полководца и политического деятеля своего времени. Примерно так же оценивают вклад македонского царя в дело преуспеяния своего царства некоторые современные историки-немарксисты [34]. К сожалению, в подобных рассуждениях следствие выдается за причину, не делается попытка проследить качественные изменения социально-экономической основы македонского общества, вступившего на путь классообразования гораздо позже Эллады.

V век до н. э.— пора расцвета рабовладельческой демократии Греции, вершина ее успехов, а для Македонии — время перехода нижнемакедонских племен к классовому обществу. Специфика развития страны, заключавшаяся в том, что верхнемакедонские племена долгое время сохраняли родовую организацию, сказалась на сложении централизованного государства. Процесс объединения Македонии завершился лишь к середине IV в. до н. э. и совпал с годами прихода к власти Филиппа. Поэтому не столько сам Филипп, как дальновидный политик и стратег, сколько объективные условия времени вывели Македонию на путь дальнейшего развития рабовладения, сопровождавшегося войнами с соседями за захват чужих территорий, материальных ценностей и рабов. Война становится рычагом дальнейшего прогресса рабовладения, ибо античному обществу присуще лишь экстенсивное развитие, без совершенствования орудий труда как фактора накопления материальных богатств.

С первых шагов своего существования как централизованного государства Македония приступила к планомерному захвату чужих земель. Все без исключения войны, предпринятые Филиппом, носили захватнический характер, а не объединительный, как часто оценивают их отдельные историки [35]. Война и ограбление становятся официальной политикой македонского царства. В конечном итоге борьба за фракийское побережье, за Халкидику, за проливы, за Фессалию, войны с Фокидой, Беотией и всей Грецией служили завоевательным целям Македонии.

На общем фоне развития стран Балканского полуострова IV в. до н. э. Македония выступает как сравнительно молодое, централизованное государство, переживающее пору расцвета при общем социально-экономическом упадке греческих городов-государств.

Еще древние авторы отмечали постоянную вражду и соперничество эллинских городов, ослабевших из-за войн и поэтому неспособных установить мир на Балканах. В условиях междоусобной вражды и военной слабости, являвшихся результатом социально-экономического застоя греческого полиса, македонское завоевание было закономерным процессом заката греческого города-государства.

Тетрадрахма Филиппа II. Лицевая сторона — голова Зевса в лавровом венке, оборотная — Филипп II на коне. Национальный археологический музей. Афины

Незначительные штрихи социальной борьбы, сохранившиеся в источниках, свидетельствуют о внутреннем брожении правящего класса греческих полисов, в недрах которого все отчетливее проступали промакедонские настроения. Понятно, что сам Филипп и его войско вряд ли смогли бы добиться многого в Элладе без опоры на олигархические круги греческих городов. Македонская захватническая политика нашла широкую поддержку в среде олигархических деятелей Эллады, увидевших в Филиппе защитника интересов правящего класса. Скупые данные античных историков указывают, что после захвата любого из греческих городов Филипп упразднял демократию и восстанавливал олигархию, распускал демократические союзы и создавал новые под главенством Македонии, преследовал и отправлял в изгнание демократов. Так было в Фокиде, Дориде, Фивах, Халкидике, Коринфе и в конце концов в Афинах.

Следовательно, весь ход исторического развития греко-македонского мира второй половины IV в. до н. э. поставил на повестку дня вопрос о неизбежности македонского завоевания.

Но, несмотря на захватнические цели македонской политики, за ней было будущее, ибо устремлениям демократических группировок греческих полисов, пытающихся в условиях внутреннего кризиса бороться за идеалы полисной автаркии, противостояла сама реальность.

Херонейская битва явилась крупным событием в истории греко-македонского мира. Она стала не только началом порабощения Греции Филиппом, но и исходным рубежом для принятия новых решений, связанных с расширением македонской экспансии на Восток. В данном случае интересы Филиппа и правящих олигархических группировок Эллады совпадали.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОД ФЛАГОМ ИДЕЙ ПАНЭЛЛИНИЗМА

Лозунгом промакедонских группировок греческих полисов, выступивших против демократического правления, стал панэллинизм — своего рода идейный меч отмщения персам. Содержание этого лозунга на практике означало объединение эллинских городов под главенством Македонии. Но партикуляризм греческих городов-государств был одной из причин, препятствовавших единству их действий против чужеземного вмешательства, в данном случае — персидского. Афины, Спарта, Фивы, претендовавшие в разное время на роль гегемона, оказались неспособны достичь этого, так как не смогли преодолеть ни местничества, ни стремления к обособленности.

Греческие идеологи и сторонники панэллинизма (Исократ, Эсхин) увидели в Филиппе достойного правителя, способного разобраться в этой сложной обстановке и стать во главе «объединенной и замиренной» Греции. Было бы антиисторичным игнорировать социальные издержки этого лозунга. Однако логическим следствием панэллинской идеи был призыв отмщения персам, т. е. похода на Восток. В нем заключалась большая притягательная сила, ибо он удовлетворял не только правящие олигархические группировки греческих полисов, но отчасти и свободное неимущее население.

Содержание лозунга панэллинизма нельзя понять без знакомства с исторической обстановкой, сложившейся в IV в. до н. э., без глубокого анализа классовой структуры греческого общества. В ожесточенной внутренней борьбе эллинских городов четко прослеживаются классовые антагонизмы. Даже неполные свидетельства античной историографии дают возможность сделать вывод о непримиримой социальной борьбе внутри рабовладельческого общества, и не только между рабовладельцами и рабами, но и между свободными имущими и неимущими.

Еще задолго до времени Филиппа и Александра Македонского в древней Элладе существовали разнообразные формы рабовладельческого государства. По словам В. И. Ленина, «тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией» [1].

Относительная легкость, с которой осуществились завоевательные планы Македонии в Греции, прежде всего была обусловлена тяжелым внутренним положением эллинских городов-государств, переживавших экономический застой, связанный с потерей рынков сбыта и затруднениями в плавании на Эгейском море. Соперничество Афин и Спарты за гегемонию в Греции привело к изнурительной Пелопоннесской войне (431—404 гг. до н. э.), обнажившей всю глубину социальных противоречий различных слоев греческого общества. Столкновение двух крупнейших объединений Греции — Пелопоннесского союза и Афинской Архэ — еще раз продемонстрировало слабость афинской рабовладельческой демократии и утрату войском прежних боевых качеств.

Пока наскоки Спарты носили спорадический характер, афиняне еще могли отбивать их. Но как только спартанцы повели себя активнее, захватив Декелею и начав систематическое завоевание Аттики, Афины стали терпеть поражения. В довершение 20 тыс. афинских рабов бежали в Спарту, что причинило непоправимый ущерб экономике Афин [Фукид., VII, 27]. За военным поражением Афин в Пелопоннесской войне последовал временный подъем экономики, не означавший преодоления кризисных явлений. Неизлечимые недуги рабовладельческого строя стали давать свои негативные плоды: паразитический образ жизни неимущих граждан, существующих на раздачи, чувство неуверенности в завтрашнем дне, ростовщичество, пиратство, наемничество. Именно с этих пор происходит неуклонное нарастание кризисных явлений в греческом полисе, ослабленном войной и раздираемом внутренними смутами.

Результатом поражения Афин в Пелопоннесской войне явился распад Афинской Архэ — союза многих греческих городов-государств и островов Эгейского моря под главенством афинян. Членство в морском союзе было далеко не равноправным, поэтому многие полисы еще до этого стремились выйти из-под опеки Афин и вести самостоятельную политику.

Тенденции к расторжению союза с Афинами нашли поддержку у Македонии и Персии, равно заинтересованных в ослаблении афинской морской мощи. Происки карийского династа Мавзола на островах повлекли за собой выход многих союзников из Афинской Архэ. Хиос, Родос, Кос, Книд, Самос заключили союз с Карией, а их олигархические правители заняли враждебную позицию по отношению к Афинам.

Пелопоннесская война и крах Афинского морского союза вконец расстроили афинскую экономику, всецело зависевшую от рынков сбыта и притока новых рабов. Вряд ли Филипп отчетливо сознавал всю пагубность для Греции последствий захвата фракийского побережья, Геллеспонта и Халкидского полуострова, но он понимал, что эта политика подорвет военную и экономическую мощь Афин — его основного противника. Ведь столкновение Македонии и Афин в конечном счете было вызвано стремлением каждого из государств осуществлять захватническую политику. В некотором роде это было столкновение старого и нового — классической формы рабовладения и новой, эллинистической, только нарождающейся, но сметающей на своем пути полисные и этнические перегородки. Поэтому прогрессирующий упадок греческого полиса происходил на фоне военных неудач, распада союзов и невозможности сопротивления внешней силе. Все это были последствия кризиса, корни которого уходили в специфику эллинской экономики.

Показательна концепция кризиса демократического строя в Греции, свойственная немарксистской историографии, в том числе греческой [2], за немногим исключением отрицающей жизнеспособность такого строя вообще, независимо от эпохи, времени и социально-экономической формации. Хулители афинской демократии чернят ее вождей (Перикла, Эфиальта и др.), доказывая, что граждане потеряли интерес к общественной жизни и что это привело к вырождению демократии в тиранию. По их мнению, Перикл был тираном, опиравшимся на развращенных богатством афинян, потерявших достоинство и погрязших в зависти.

Решение этого вопроса дает известное указание Ф. Энгельса о том, что не демократия погубила Афины, а рабство, сделавшее труд свободного человека презренным [3]. Обилие военных конфликтов между греческими полисами во второй половине V в. до н. э. и особенно Пелопоннесская война дали огромный приток рабов греческого происхождения в качестве

военной добычи и как результат ограбления захваченных городов. Но наряду с возросшим количеством рабов увеличилась площадь разоренных и покинутых земель, чьи владельцы — свободные крестьяне — нищали, не будучи в состоянии конкурировать с дешевым рабским трудом. Аналогичные явления наблюдались и в греческом ремесленном производстве в эргастериях, где труд свободного ремесленника вытеснялся рабским. Правда, это не означало, что свободный ремесленник или землепашец не мог найти работу. Работа была, но в понимании свободного гражданина полиса IV в. до н. э. она считалась низким, постыдным занятием, пригодным для «варваров» и рабов. В этом смысле характерна и официальная пропаганда того времени, считающая общественно полезный труд занятием, недостойным свободного гражданина.

Происходил процесс перераспределения материальных богатств: появились крупные рабовладельческие хозяйства, вобравшие в себя земли разорившихся свободных граждан, и большие эргастерии, где применялся труд рабов. Но низкая производительность рабского труда требовала постоянного их притока, ибо свободный гражданин не производил, а только потреблял. Это неизбежное противоречие рабовладельческого общества отчетливо проявилось в Греции в IV в. до н. э.

Афины в этом смысле наиболее типичный пример несоответствия производительных сил производственным отношениям. К IV в. до н. э. полис достиг предела возможного развития и неизбежно шел к упадку, так как его усилия, направленные на экстенсивное развитие, натолкнулись на точно такие же устремления растущего македонского государства, монолитного, централизованного, позже вступившего на путь рабовладения. Этому давлению извне греческий полис противостоять не смог: его материальные ресурсы далеко не отвечали тем претензиям, которые он предъявлял во внешней политике.

Политическая и социальная жизнь классического греческого города-государства строилась на основе замкнутого полисного коллектива, члены которого, свободные граждане, имели ряд привилегий по сравнению с другой, относительно свободной, группой населения — метеками.

Свободное население демократических полисов не облагалось прямыми налогами, но зажиточные граждане вносили эйсфору — затраты на военные нужды. Метеки платили подушную подать, не имели права владения землей и недвижимостью, исполняли литургии (общественные повинности). Освобождение от уплаты податей, принимаемое решением Экклесии демоса (Народного собрания), считалось большой привилегией, не говоря уже о предоставлении прав гражданства иноземцам, которые давались в исключительных случаях лицам, совершившим какое-либо деяние на благо полиса [Дем., XIII, 23]. Но в каждом конкретном случае требовалось специальное постановление (псефизма) Народного собрания о принятии иноземца, часто изгнанника, в число граждан. Таков, например, был декрет в честь Эфрона Сикионского, который отдал все свое состояние и даже жизнь ради защиты Афин [Ditt., Syll², 317]. Практиковалось и «почетное гражданство» — политическая мера, способствовавшая привлечению на сторону Афин правителей союзных государств. Почетное афинское гражданство имели, в частности, эпирский царь Арриба [Ditt., Syll², 228] и правитель одриссов Котис [Дем., XXIII, 118].

Материальную основу существования греческого города-государства составляли доходы полисной казны, слагавшиеся из различных видов поступлений: от разработок государственных рудников, эксплуатации дорог, от храмовых земель, подушной подати метеков и, самое главное, от

торговых пошлин. Но всего этого было недостаточно в условиях прогрессирующей незанятости граждан, требовавших все новых подачек. В то же время доля частных богатств росла за счет разорения самих же граждан, за счет концентрации земель и богатств в руках немногих. Процветание ростовщичества говорило о накоплении огромных средств в частных руках и об обнищании многих несостоятельных граждан.

Общая сумма доходов афинского государства в начале IV в. до н. э. (она оставалась неизменной на протяжении всего столетия[4]), получаемая от налога на имущество и оцениваемая в 6 тыс. талантов (Дем., XIV, 19, 27; FGH, III, 328], не покрывала всех нужд. Поэтому основной темой выступлений демократических деятелей был вопрос об изыскании дополнительных средств и разумном их использовании.

Меры, принимавшиеся демократическими группировками, были только временным выходом. Кроме обычных хлебных раздач неимущим гражданам стала практиковаться выплата небольшого вознаграждения за участие в заседаниях Народного собрания, стали оплачиваться также выборные должности.

Но основной порок классического греческого полиса состоял в том, что он перестал удовлетворять запросы своих же граждан: богатым не обеспечивал спокойной жизни и не гарантировал от выступлений массы обездоленных, бедным не давал прожиточного минимума. А стремление преодолеть кризисные явления внешней экспансией в ущерб интересам других полисов наталкивалось на недовольство почти всех категорий граждан, не желавших нести дополнительное бремя военных расходов. Кроме того, Македония, со своей стороны, пресекала все попытки самостоятельных действий греческих городов-государств, постоянно сокращая их внешние владения.

Неизбежным спутником упадка экономики и политической жизни греческого полиса стало наемничество. Для IV в. до н. э. наемничество было таким же злом, как война, междоусобица, пиратство и набеги «варварских» племен, но вместе с тем нужда в наемниках была велика. Античная историография связывала развитие наемничества с бедностью населения полиса, с невозможностью иметь ополчение свободных граждан, содержавшееся на их собственные средства. Это совершенно справедливо: именно бедность толкнула неимущих в отряды воинов-профессионалов, куда их привлекала значительная плата и возможность обогащения за счет противника.

Потребность в хороших воинах была велика в Греции, ибо постоянные конфликты между городами требовали наличия боеспособного войска. В то же время обедневший гражданин мог обогатиться только за счет войны. Так в период заката демократического правления в Греции единственной гарантией жизни полиса (и весьма ненадежной) стало наемное войско, на содержание которого государство тратило огромные средства, получаемые от взносов состоятельных граждан.

Итак, IV век до н. э. был тем рубежом в жизни греческого полиса, на котором выявилась невозможность его дальнейшего развития на принципах автаркии и независимой политики.

Экономический застой вызвал кризис политический — нежелание граждан участвовать в общественной жизни, их индифферентность к внутренним и внешним делам государства. Поэтому поиски вывода эллинской экономики из кризисного состояния и проблемы социального размежевания стали предметом специального изучения многих идеологов того времени.

Критика демократического строя греческих полисов раздавалась уже в V в. до н. э., когда отмечалось несовершенство народного правления, якобы идущего на поводу у неимущих. Интересным документом эпохи Пелопоннесской войны является обличительный памфлет «О государстве афинян» (425 г. до н. э.), анонимный труд, принадлежащий, скорее всего, какому-то предшественнику Ксенофонта, хотя авторство ошибочно приписывалось самому Ксенофонту. Видимо, близость взглядов автора этого сочинения и Ксенофонта дала повод включить его в список трудов последнего. Лейтмотив трактата — несовершенство афинского государственного строя, при котором правит простой народ в ущерб интересам благородных, что вызывает, по мнению автора, неодобрение остальных греков [Псевдо-Ксен., I, 1].

В чем же порок демократического устройства? Да в том, что государством управляют многие, а не лучшие, и в результате возникает масса поводов для бесчинств и несправедливости, которых не бывает, когда у власти стоят избранные[5]. Вместе с тем олигархическое правление приемлемо лишь для избранных, так как все прочие по внешнему виду и одежде ничуть не лучше, чем рабы и метеки [Псевдо-Ксен., I, 10]. Далее в трактате «О государстве афинян» развивается мысль, что те, в чьих руках при демократическом строе находится власть, заботятся только о себе, о своей выгоде, а не о справедливости и действуют так, чтобы богатые становились беднее [Псевдо-Ксен., I, 13]. Это недоброжелательство по отношению к зажиточным слоям населения предлагается устранить путем введения правления благородных и опытнейших, опирающихся на законы. В этих рассуждениях о пользе антидемократического строя прослеживается идеализация олигархических конституций «строя отцов», ставших идейным знаменем зажиточных слоев греческого античного общества.

Так за сто лет до появления «Афинской политии» Аристотеля (325 г. до н. э.), предложившего иные меры для выхода из кризисного состояния полиса, кто-то из предшественников Ксенофонта настойчиво убеждал заменить демократию олигархией с ее правлением обеспеченного меньшинства, в силу своего материального положения и происхождения якобы не склонного к злоупотреблениям.

Античные источники не дают возможности решить вполне определенно вопрос о кризисных явлениях греческого полиса. Для того чтобы понять бедственное положение греческих городов-государств, следует обратиться, хотя бы кратко, к взглядам виднейших представителей социальной мысли эпохи — Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Исократа, Демосфена. Их взгляды прямо или косвенно связаны с панэллинским лозунгом, так как предложенные ими меры преодоления кризиса обнажают социальную сущность борьбы в полисах, общую идейную основу внутренней и внешней политики правящего класса греческих городов-государств.

Не подлежит сомнению, что пагубные последствия Декелейской войны для Афин, утрата ими ведущего положения среди греческих городов-государств оказали первостепенное влияние на воззрения современника этих событий — Ксенофонта, афинского аристократа, перешедшего на сторону спартанцев. Став приверженцем спартанских установлений, Ксенофонт восторгался военизированным строем Спарты, ее аристократическим правлением и особенно ригористическим воспитанием молодого поколения. Во всех произведениях Ксенофонта сквозит неприязнь к демократическому строю и любование лакедемонскими порядками.

Будучи сторонником практического, спартанского воспитания, кото-

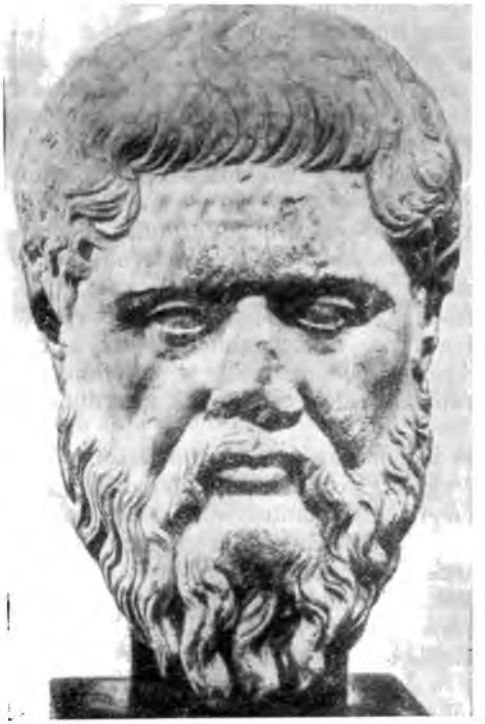
рое в противоположность афинскому преследовало цели подготовки хорошего воина, Ксенофонт большое значение придавал труду, занятия которым дают физическую выносливость и жизненную закалку. Видимо, поэтому он благоволил к людям средней обеспеченности, обладавшим практическим умом, хозяйственной сметкой и выносливостью на случай войны.

Почему Ксенофонт придавал такое большое значение спартанской системе воспитания? Потому, что управление государством он отождествлял с умением организовать частное хозяйство. В его понимании, воспитанный в практическом духе деятель вполне может быть достойным и мудрым правителем, способным привести государство к процветанию. Этими мыслями проникнуты все произведения Ксенофонта. В них четко видна монархическая направленность автора. Центральное место в его схеме занимает мудрый правитель, образец добродетели и законности, стоящий над подданными, счастливо управляющий страной и ведущий ее по пути благоденствия.

Идеальная личность — основа всего мировоззрения Ксенофонта, и эта тема варьируется в большинстве его трудов. Характерен первый труд, «Киропедия», произведение политическое, содержащее апологию монархии, прославление великих дел персидского царя Кира Старшего, на которого автор перенес черты своего любимого героя — спартанского царя Агесилая. Выражая интересы олигархов, Ксенофонт ратовал за идеального правителя, который сможет укрепить пошатнувшееся положение зажиточных слоев греческого общества. Ксенофонт находил своих «мудрых» правителей и в Греции (Агесилай), и в Македонии (Филипп II), и на Востоке (персидские цари Кир Старший и Кир Младший).

Тема исканий новых политических форм нашла отражение даже в литературном творчестве того времени. Величайший греческий трагик Еврипид, в последние годы жизни порвавший с Афинами и находившийся при дворе македонского царя Архелая, заметно отошел от традиционного прославления демократического строя и осуждения монархии. В трагедии «Просительницы» Еврипид сочетает демократические взгляды с учением Сократа о достойном правителе, который мудро руководит демосом и проводит разумную внешнюю политику. Таков в этом произведении Тезей — умеренный правитель, подобный Солону. В другой трагедии, «Плисфен», Еврипид проводит мысль о необходимости правления разумного вождя (но не тирана), разделившего власть с народом. Так в воззрениях Еврипида отразились поиски универсальной демократии, в равной мере удовлетворяющей демос и среднеобеспеченные слои греческого общества. Интересно, что Ион Хиосский (V в. до н. э.) подметил в его творчестве стремление все пересмотреть [Афиней, XIII, 604е].

Теоретической разработкой основ наилучшего государственного строя занимался и Платон (427—347 гг. до н. э.). Философ-идеалист, выразитель интересов афинских олигархов, Платон считал причиной бедственного положения страны незанятость граждан и перенаселение, когда массы разорившихся людей сидели без дела в городах и готовы были на всякие козни против богатых [Полития, 555а]. Видя разделение свободных граждан на два враждебных лагеря, бедных и богатых, философ признавал аристократическую монархию лучшей формой правления [Полития, 422е — 423а]. Идеальное государство Платона покоилось на трех классах: философах, воинах, ремесленниках и земледельцах, каждый из которых имел определенное назначение. Жизнь первых двух, «лучших», регулируется государством, наблюдающим за брачными связями и воспитанием



Платон

детей, поскольку из их числа выйдут правители и воины. Средства к существованию им должны давать ремесленники и землепашцы, отстраненные от политической деятельности, но, в свою очередь, живущие за счет эксплуатации рабов. Эту схему рационального государственного устройства Платона К. Маркс назвал афинской идеализацией египетского кастового строя [6]. По убеждению Платона, во главе такого государства должно стоять царственное лицо, мудро пользующееся властью и управляющее согласно законам [Законы, VIII].

Характерно, что даже самому Платону идеальное государство, описанное ранее, в конце жизни показалось неосуществимым, так как сам он не встретил по-настоящему мудрых правителей-философов. По этой причине Платон на склоне лет предложил наилучшее аристократическое правление основывать на незыблемых законах, описанию которых он посвятил свой последний труд [7].

Наиболее полно и законченно, с учетом конкретных условий своего времени, высказал мысли о государстве Аристотель в «Политика́», а также в «Афинской политии».

Государство у Аристотеля строилось на частной собственности и являлось продуктом человеческой природы, основой семейных и политических отношений. Все известные формы правления философ делил на правильные — монархия, аристократия, полития (умеренная демократия) и неправильные — тирания, олигархия, охлократия.

Взгляды Аристотеля на существо правления менялись, хотя в их основе всегда лежали рассуждения о добродетели граждан и лучшем распределении доходов между ними. В ранних сочинениях (например, в «Никомаховой этике») он разделял монархические воззрения, подобные пла-

тоновским [Политика́, III, 11, 10—12, 1287в — 1288а]. Но Аристотель не одобрял спартанские порядки, так же как и афинские демократические «крайности», ведущие к охлократии — правлению массы обездоленных.

Судя по аристотелевской классификации форм государственного устройства, философ был приверженцем идеологии зажиточных классов греческого общества, обнаруживая добродетели и у монарха (правление одного), и у аристократии (правление немногих), и в политии (правление многих).

Средняя форма правления — полития, к признанию которой Аристотель подошел не сразу,— выражала его умеренно-демократические взгляды, совпадающие с позицией тех зажиточных слоев греческого общества, которые были более податливы на уступки своим неимущим согражданам. Полития как лучшая форма объединения граждан обеспечивала у Аристотеля приемлемое существование для богатых и бедных [Политика́, IV, 9, 9, 1295в], осуществляя перераспределение материальных благ путем выплаты денежного вознаграждения за участие в общественной жизни, организации бесплатных зрелищ и раздач для неимущих. Все рассуждения Аристотеля строились на признании полисной организации лучшей формой существования граждан. Стагирит считал, что опора на средний торгово-земледельческий класс обеспечит прочность государства, где старшее поколение будет управлять страной, а младшее — нести военную службу.

Оставаясь защитником полисной системы, Аристотель пропагандировал идею небольшого замкнутого государства с ограниченным количеством свободных граждан, живущих за счет труда ремесленников и рабов.

Наиболее законченно эта теория прослеживается в «Политика́», где обосновывается право эллинов быть господами других народов. Для Аристотеля греки — самые лучшие люди, обладающие по сравнению с другими наиболее совершенной формой человеческой организации — полисом, по своей природе предназначенным для благой жизни [Арист., Политика́, I, 1, 8, 1252в]. Свободный гражданин, участвующий в управлении полисом и заседающий в суде, представлялся Аристотелю высшим существом, в силу своей исключительности по праву претендовавшим на особое место в жизни.

Аристотель разделял всех людей на полноценных — эллинов и неполноценных — «варваров» и рабов. Выгодное географическое положение Греции и свойства эллинской натуры, т. е. умение подчиняться и властвовать, дают эллинам право господства над другими, для которых естественное состояние — рабство, а единственная форма правления — прочная тираническая власть, неприемлемая для греков, управляемых традицией и законом [Политика́, III, 9, 3, 1285а]. Из всего этого Аристотель делает следующий вывод: греки могли бы править миром, если бы были объединены в единое государство [Политика́, VII, 6, 1, 1327в].

Аристотель предлагал вполне допустимую меру решения проблемы кризиса полиса — добиться согласия всех эллинов для установления гегемонии в мире. К согласию полисов призывали также Демосфен и Исократ, несмотря на различия своих политических платформ.

Следовательно, и для IV в. до н. э., времени перехода от классических форм рабовладения к эллинистическим, полис оставался единственной приемлемой формой организации свободных граждан. Поэтому все — Аристотель, Исократ, Демосфен — не переходили рубеж полисной идеологии, стремясь укрепить основы эллинского города-государства более гибкой внешней и внутренней политикой.

Аристотель. III в. до н. э.
Национальный музей. Рим

Небезынтересно отметить, что, будучи горячим сторонником полисных порядков, Аристотель нигде не высказывался ни против захватнической политики Македонии, ни против восточного похода, хотя его основные труды об обществе и формах государственной власти («Политика», «Афинская полития») были написаны между 329 и 325 гг. до н. э., т. е. в самый разгар греко-македонского восточного похода.

Судя по воззрениям Аристотеля о превосходстве эллинов и их роли в мире, философ одобрительно относился к восточному походу против «варваров», предназначенных для рабской жизни. Ведь признание правомерности и необходимости греческой колонизации, начавшейся еще в VIII в. до н. э. и охватившей в VII—VI вв. до н. э. северную часть Эгейского моря (полуостров Халкидику), побережье Геллеспонта, Пропонтиды и Понта, никем не ставилось под сомнение. Даже Демосфен, признанный вождь афинской демократии, всегда старался подчеркнуть захватнический характер македонских войн, в результате которых греки лишились своих исконных владений на север от Халкидики. Поэтому поход на Восток, осуществленный под флагом отмщения персам и освобождения малоазийских греков, считался вполне законным предприятием.

Видимо, Аристотель, выражая интересы торгово-земледельческих группировок греческих городов-государств, не возражал против восточной экспансии. Конечно, при этом Стагирит имел в виду обеспечить греческие интересы (обогащение, создание колоний, развитие торговли), но отнюдь не мечтал о создании греко-восточной державы (к чему стремился Александр Македонский), в которой греки были бы низведены до положения «варваров». Возможно, взгляды философа были близки к точке зрения его племянника Каллисфена, участника похода и официального историографа, поплатившегося жизнью за критику восточной ориентации Алек-

сандра. После гибели Каллисфена, по свидетельству античной историографии, Аристотель прекратил дружеские связи со своим бывшим воспитанником, не одобряя ни его поведения, ни его политики.

Аристотель оставался до конца приверженцем полисной структуры, не допускающим и мысли о сближении с «варварскими» народами. Все, что он предлагал, было направлено на укрепление экономических и социальных основ греческого города-государства в пору его заката, когда рушились устои классического рабовладения и намечались контуры новых эллинистических отношений. Но даже средние слои свободного населения, менее всего пораженные социальными пороками, по мнению философа, переживали кризис, не имея возможности конкурировать с крупными хозяйствами и ремесленными эргастериями, находившимися в руках самых зажиточных слоев греческого общества.

Чрезвычайно ярко борьба взглядов на политическое устройство Эллады отразилась в ораторском искусстве IV в. до н. э., показавшем стремления различных социальных группировок свободного населения отстоять свое право на существование.

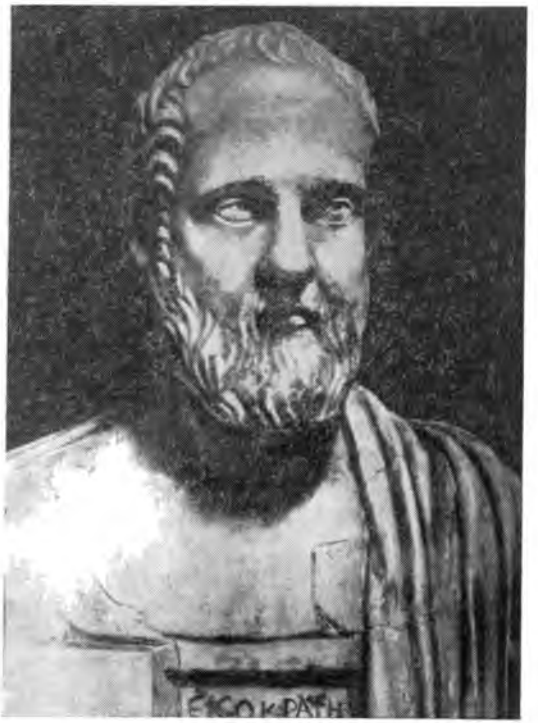
Неустойчивость экономики и изменчивость политической ситуации вызвали в Афинах образование различных группировок: лаконофильских, антифиванских, антиродосских, не очень устойчивых и подверженных паническим настроениям [Дем., XIX]. Но наиболее отчетливо к середине IV в. до н. э. обрисовалось противостояние двух группировок свободных граждан: демократической и олигархической. Несмотря на различия интересов демократов и олигархов, цель у них была одна — укрепить основы полисной экономики и поднять боеспособность войска.

Выразителями интересов олигархической группировки были Исократ, Эсхин, Эвбул, Фокион, Демад, выступившие с критикой демократического правления, пассивного, по их мнению, в условиях экономического кризиса и обострения противоречий между богатством и бедностью, неспособного найти выход из создавшегося положения.

Анализ речей Исократа и его единомышленников показывает, как правящий класс греческого города-государства стремился упрочить свои позиции и вместе с тем ослабить внутренние распри, ратуя за внешнюю экспансию, результатом которой должно быть сносное существование для бедняков и обогащение зажиточных. Крайние оценки деятельности Исократа в разное время, в соответствии с которыми афинский оратор представлялся то патриотом, то проводником македонской политики в Элладе, не выражали сущности взглядов этого защитника интересов олигархов, заинтересованных в твердой власти.

С беспокойством и страхом за будущее сообщал Исократ о положении в греческих городах: «Пираты хозяйничают на море, наемники захватывают города, а вместо того чтобы бороться с чужими за свою страну, граждане ведут междоусобные войны... города все чаще становятся военной добычей... в результате постоянных политических переворотов население городов живет в большем страхе, чем люди, подвергшиеся изгнанию» [Панегирик, 115—116]. Современной ему эпохе тревог и внутренних распрей Исократ противопоставлял период ограниченной демократии VI в. до н. э., когда страной управляли «самые лучшие», которые пеклись о бедняках, предоставляя им землю в аренду и ссуды за небольшой процент. Общество, где зажиточные правили, а бедняки работали, оратор считал наилучшим [Ареопагитик, 59]. Пример подобного правления он находил в Спарте с ее аристократическими порядками.

Во внутренней политике Исократ призывал к возрождению древних



Исократ. Вилла Альбани. Рим

досолоновских установлений, предусматривавших опору на богатейших граждан, а во внешней — к объединению всех эллинов для похода против персов. Правда, это панэллинское единство Исократ вначале представлял себе как возвышение афинского государства, не раз игравшего в прошлом роль гегемона. Поэтому то, что предлагал оратор, должно было служить упрочению внутренних основ афинской державы и вместе с тем приобретению главенствующего положения в общеэллинской симмахии. Все эти мысли идеолога панэллинизма отражены в его первой речи «Панегирик», написанной к Олимпийским играм 380 г. до н. э. и призванной на исторических примерах доказать афинянам пагубность внутренних распрей и необходимость единства для осуществления восточного похода.

Однако внутренняя вражда и противоположность экономических интересов Афин, Спарты, Фив делали неосуществимой идею единства греков. Поэтому, пересмотрев свои взгляды, Исократ обратился к монархии. Выбор его пал на фессалийского тирана Ясона, стремившегося усилить Ферес за счет соседних областей и реорганизовать войско. Возможно, Ясон первый высказал мысль о слабости Персии и о возможности похода в Малую Азию. Но усиление Фереса обеспокоило знать в соседних фессалийских городах, поэтому Ясон вскоре пал жертвой заговора (370 г. до н. э.) во время подготовки пифийских празднеств [Ксен., Эллиника, VI, 4, 31]. Другой возможный гегемон эллинского мира — Дионисий Старший, тиран Сиракузский, при дворе которого некоторое время жил Платон, носившийся с идеей «идеального правителя», также не оправдал надежд Исократа, ибо вскоре умер. Третьим возможным главой панэллинского союза оратор считал спартанского царя Архидама, которого он убеждал возглавить греков в походе на Восток, так как Лакедемон пользуется «хо-

рошо организованной демократией» и имеет наилучшее управление [Ареопагитик, 61].

И, только окончательно разуверившись в возможности возродить былое могущество Эллады собственными силами, Исократ обратился к Филиппу Македонскому, который после заключения Филократова мира был признан главой общеэллинского союза.

Очень интересна для модификации политических взглядов Исократа его речь «Филипп», написанная вскоре после поражения греков у Херонеи. Ведь за свою долгую, почти столетнюю, жизнь, сумев пережить три поколения греков, Исократ был очевидцем и афинского могущества, и неудержимого падения Афин, приведшего к вынужденному отказу от независимости и к потере почти всех внешних владений, кроме Херсонеса Фракийского. И вот, трезво оценивая ситуацию — возросшую мощь Македонии и прогрессирующее ослабление греческих сил,— Исократ оправдывает захват Филиппом Амфиполя, вроде бы действовавшего в интересах афинян [Филипп, 3]. Он старается переместить интересы Македонии подальше от Эллады и направить Филиппа туда, где народы привыкли быть рабами, т. е. в Азию. Не отрицая важности Амфиполя для развития афинской экономики, оратор призывает граждан сплотиться и организовать новые колонии на Востоке в местах, более подходящих для привыкших властвовать греков[8]. А несколько позже Исократ уже прямо обращается к Филиппу с предложением перенести войну в Азию [Филипп, 9].

Только в македонском царе Исократ наконец обнаружил качества, необходимые для вождя эллинской симмахии,— превосходство («ты приобрел такое богатство и могущество, как никто из эллинов») и умение убеждать и принуждать [Филипп, 15]. Конечно, убеждение — для греков, а принуждение — для восточных «варваров».

Как уже упоминалось, типичным для общественной мысли IV в. до н. э. было деление народов на полноценных и неполноценных, первых — господствующих и вторых — подчиняющихся. Единственное различие в этом вопросе, делавшееся антимакедонскими и промакедонскими группировками, состояло в том, что демократы и македонян и Филиппа причисляли к «варварам», а олигархи отделяли его от остальной «варварской» массы и считали полноправным эллином, ведущим род от аргосских Гераклидов [Юстин, VII, 1; Диод., VII, 17].

Что же конкретно Исократ предлагал Филиппу? Опереться в своей политике «согласия» на важнейшие эллинские города — Аргос, Спарту, Фивы, Афины и тем самым избавить всех эллинов от «многих бед» [Филипп, 31; Панегирик, 64]. В своей «миролюбивой» политике Филипп может полностью рассчитывать на поддержку Афин, так как олигархи уже уверились в правоте македонских усилий «примирения всех эллинов» и готовы во всем помогать царю. Цель Исократа состоит в том, чтобы избавить страну от неимущих, «скитающихся по свету», которых Филипп сможет набрать в войско и направить на Восток.

Таким образом, Исократ в своих речах «Панегирик», «Ареопагитик», «Филипп» предложил способ решения неотложных внутренних и внешних задач и указал путь, следуя по которому Греция сумеет возродить былое могущество.

Но если вторая часть исократовской программы — поход на Восток, с тем чтобы захватить земли от Киликии до Синопы и поселить там тех, кто скитается, не имея средств к жизни, и готов вредить всем встречным [Филипп, 120; О мире, 24; Панегирик, 168],— могла найти отклик во всех слоях греческого общества, то осуществление первой части — панэллин-

ского единства греков — наталкивалось на различие узкоэкономических интересов отдельных городов-государств, а также на усилия демократических группировок, стремящихся воспрепятствовать захватнической политике Македонии в Элладе.

Исократ был только теоретиком. На практике интересы олигархических группировок проводили в жизнь его ближайшие единомышленники: Эвбул, Эсхин, Фокион, Демад, во многом несхожие между собой, но единые во мнении о необходимости такой внутренней и внешней политики, которая бы обеспечила преимущественное положение самых зажиточных слоев греческого общества.

Афинский финансист Эвбул требовал увеличения денежных раздач демосу за счет сокращения расходов на оборону. Такая политика заигрывания с массами и поощрения необлагаемых состояний олигархов была на руку Филиппу, ибо уменьшение средств, выделяемых на оборону, снижало боеспособность афинского войска. Подобные взгляды олигархической партии разделял и Эсхин — основной противник Демосфена, стремившегося усилить военную мощь Афин за счет использования зрелищных денег и средств материального поощрения в неизбежной войне с Филиппом.

Фокион, долгие годы бывший афинским стратегом, оценил военную мощь Македонии и призывал заключить союз с этой страной, постоянно предостерегая граждан от принятия необдуманных решений, которые могли бы раздражать Филиппа и тем принести вред интересам афинян [Плут., Фокион, 21]. Типичным примиренцем был и Демад.

Антимакедонская группировка Афин, защищавшая интересы торговцев, ремесленников, средних и мелких собственников, упорно отстаивала демократические порядки. Выразителем этих настроений был оратор и политический деятель Демосфен, многие десятилетия боровшийся за сохранение ведущего положения Афин в эллинском мире.

Выступая за демократию, Демосфен не уставал пропагандировать полисную автаркию, опору на собственные силы и независимую политику города-государства. Все его речи были проникнуты искренней любовью к родине и страстным желанием вернуть порядки времен эллинской классики. Основная тема политических речей Демосфена — изыскание необходимых государству средств и создание немногочисленного боеспособного войска граждан, умеющего с сознанием долга защищать интересы города-государства.

В первой речи «О симориях» (354 г. до н. э.) оратор предложил афинянам на утверждение проект нового законодательства об общественных обязанностях отдельных групп состоятельных граждан, финансирующих государственные мероприятия по постройке судов, их оснащению и т. д. В этой связи Демосфен выдвинул новую форму организации — симморий[9]. Из общего числа 1200 состоятельных граждан (установленного афинянами) 800 по различным причинам уклонялись от несения повинностей. Поэтому Демосфен предложил увеличить число зажиточных до 2 тыс., с тем чтобы было 1200 фактических участников общественных повинностей. Но разумные доводы оратора в пользу укрепления обороноспособности афинского государства не были приняты по причине резкой оппозиции олигархических кругов, противившихся расходованию дополнительных средств даже на оборону. Лишь спустя 14 лет, когда македонское войско уже находилось в Греции и реально угрожало Афинам, предложение Демосфена было осуществлено (340 г. до н. э.).

Другой, не менее интересный вопрос, поднятый в этой речи,— отношение к возможной агрессии Персии. С одной стороны, Демосфен указы-

вает на нереальность персидской угрозы, ввиду того что начались антиперсидские выступления в Египте, Финикии и на Кипре, а с другой — подчеркивает, что только вторжение «варваров» сможет сплотить распыленные и враждующие греческие силы. «Я лично считаю царя (персидского.— *Авт.*),— говорит оратор,— общим врагом всех греков, но все-таки в этом еще не вижу основания, чтобы посоветовать вам совершенно одним без посторонней помощи начинать войну против него» [XIV, 3]. Так уже в первой речи политического значения Демосфен указывал на маловероятность персидского вторжения и вместе с тем убеждал граждан готовиться к войне с внешним врагом.

В первой речи «Против Филиппа» (351 г. до н. э.), открывшей целый цикл политических выступлений афинского оратора против македонской захватнической политики и нечестной дипломатической игры Филиппа, Демосфен призывал граждан отказаться от беспечности и исполнить свой долг: богатым делать взносы, а людям призывного возраста идти в войско, так как Филипп перешел к угрозам и произносит кичливые речи [IV, 7, 9].

Демосфен не заблуждался относительно растущей македонской опасности для Греции, так как, начав планомерный захват греческих городов-колоний фракийского побережья — Мефоны (359 г. до н. э.), Пидны (357 г. до н. э.) и Амфиполя (357 г. до н. э.), Филипп твердо обосновался на побережье Фракии и у Геллеспонта (после удачных войн в Иллирии и Пеонии), подбираясь к халкидским городам и Византию.

Задача Демосфена состояла в том, чтобы побудить граждан к практической деятельности: подготовить флот в 50 триер и послать его на театр военных действий, а также образовать войско в количестве 2200 человек, причем в пехоте на 500 свободных граждан приходилось бы 1500 наемников, а в кавалерии — соответственно 50 и 150. Такое немногочисленное войско Демосфен предлагал создать для ведения небольших, локальных действий, а не для того, чтобы вступать в открытый бой с противником [IV, 23]. Основной смысл речи — доказать афинянам, что «этот человек — наш враг, он стремится отнять у нас наше достояние и с давних пор наносит вред всегда, когда мы в каком-нибудь деле рассчитываем на чью-то помощь со стороны» [IV, 50].

В этой первой «Филиппике», обличительной речи против македонского царя, позиция Демосфена прямо противоположна взглядам олигархических группировок, доказывающих, что захват македонянами Амфиполя отвечал интересам самих же афинян.

Речь «О мире» (348 г. до н. э.) была произнесена в драматические для Греции дни: Филипп уничтожил Олинф, вмешался в священную войну амфиктионов с фокийцами, разгромил последних, добился преимущественного положения в религиозном союзе и потребовал от афинян признания его особых прав в Дельфийском святилище. Но, несмотря на произвол Филиппа, Демосфен призывает граждан быть благоразумными и не начинать войны с Македонией в столь неблагоприятных условиях: Амфиполь в руках у македонян, в Херсонесе неспокойно, Кардия отпала, карийский сатрап убедил Хиос, Кос, Родос расторгнуть союз с Афинами, Византий задерживает торговые суда. «Поэтому неразумно и прямо-таки безрассудно,— заключает оратор,— находясь в таких отношениях со всеми... сейчас разом против всех начать войну из-за тени в Дельфах» [V, 25].

Уже в древности некоторые авторы сомневались в подлинности этой речи Демосфена, призывающей к миру, в то время как ранее оратор всег-

Демосфен. IV в. до н. э.
Музей Ватикана. Рим

да побуждал готовиться к неизбежной войне с Филиппом. На основании этого предположения некоторые исследователи, настроенные отрицательно к демократическому деятелю, говорили о нечеткости его политической программы. Но все же речь «О мире» не дает права утверждать подобное. Демосфен остался до конца дней своих непримиримым врагом Македонии, и если иногда он призывал к временному союзу с ней, то только в силу невозможности вести войну в неблагоприятных международных условиях.

Две следующие речи Демосфена, «О недобросовестном посольстве» (346 г. до н. э.) и вторая речь «Против Филиппа» (344 г. до н. э.), показывают различное отношение демократической и олигархической группировок к мирному договору с Македонией (Филократову миру).

Если промакедонская партия афинян приняла заключение мира без оговорок и сомнений, то антимакедонская — с большим недоверием и опаской. Причин для этого было более чем достаточно: уже подписав с Афинами мир, Филипп продолжил захват фракийского побережья, земель фессалийцев и напал на фокийцев. Поэтому Демосфен не без оснований заподозрил Филократа и Эсхина в измене, в сговоре с македонским царем.

Против Эсхина были выдвинуты три обвинения: поддержка предложения Филократа о невыгодном для Афин мире, преднамеренная проволочка в подписании мирного договора, в результате чего была потеряна Фракия, и заведомо ложное освещение намерений Филиппа в отношении Греции, что погубило фокийцев.

Известно, какое деятельное участие принял сам Демосфен в первом посольстве в Македонию, добиваясь для Афин справедливого мира. Но вторичное посольство в Пеллу, хотя и было в том же составе, недостаточно оперативно справилось со своей задачей — получить от Филиппа присягу по мирному договору. Видимо, македонский царь делал все возможное, чтобы затянуть этот вопрос, да и представители олигархической партии, которые составляли большинство, пошли на поводу у Филиппа. Не дав еще клятвы о сохранении мирного договора, Филипп сумел расширить свои владения в Фессалии и Фракии и уговорить послов не оказывать

помощь Фокиде, так как он будто бы намеревался только обуздать спесивых фиванцев. Успокоенные заверениями о мире и дружбе, послы возвратились в Афины, а вскоре произошла фокидская катастрофа (346 г. до н. э.), показавшая многим легковерным политикам истинные намерения Филиппа.

Вся вина за нарушение Филократова мира Македонией пала на Эсхина, сумевшего убедить афинян в миролюбивых намерениях Филиппа относительно их самих и фокийцев. Демократическая партия во главе с Демосфеном начала судебный процесс против Эсхина и Филократа, преднамеренно исказивших политику Филиппа в угоду македонским интересам и представивших македонского царя поборником мира, хотя он всегда помышлял только о войне.

Эсхин. Античная статуя. Национальный музей. Неаполь

Вообще, вопрос о заключении Филократова мира до сих пор не очень ясен, несмотря на то, что сохранились речи Демосфена и выступления Эсхина на эту тему. Но нельзя забывать, что речи двух непримиримых противников выдержаны в духе ораторского искусства своего времени, за приемами которого порой теряются сами события. Демосфен утверждал, что Филипп — варвар и враг афинян [Дем., XIX, 308], хотя сам, наверное, не очень этому верил. Ведь эллинская традиция еще до Демосфена выводила происхождение македонских царей от аргосских правителей, тем самым отделяя их от остальной массы македонских «варваров». Эсхин, со своей стороны, говорил совсем обратное: Филипп — эллин и друг греков. По словам Демосфена, Эсхин был негодный человек, никогда не сказавший ни слова правды [Дем., XIX, 340], он — злодей и богоненавистник [XIX, 95]. А Эсхин, не скупясь на оскорбления, называл Демосфена сикофантом [Эсхин, II, 99, 114, 150].

Видимо, доказать вину Эсхина было не так-то просто, ибо Народное собрание его оправдало (большинством в 30 голосов), хотя Демосфен упорно настаивал на вынесении ему смертного приговора или атимии — лишения гражданской чести [Дем., XIX, 101, 262, 313].

В жестокой борьбе демократической и олигархической группировок по вопросу о мире с Македонией верх одержали сторонники промакедонской ориентации, приветствовавшие подписание мирного договора и пропагандировавшие «особое расположение» Филиппа к афинянам.

Во второй речи «Против Филиппа», которая по своей идейной направленности примыкает к предыдущей, Демосфен стремится убедить сограждан, что македонский царь — враг всех греков [VI, 2]. Сетуя на объективные трудности проведения демократической политики, когда олигархические деятели искусственно создают множество препятствий, а афинские граждане произносят речи, в то время как Филипп предпочитает действовать, Демосфен указывает на недопустимое легкомыслие и беспечность жителей Афин, по своей близорукости не замечающих агрессивных действий македонского царя. Эта речь является как бы переходной к третьей речи «Против Филиппа», в которой оратор призывает к всегреческому единству для совместной борьбы против македонской экспансии.

Расцвет политической деятельности и ораторского искусства Демосфена приходится на 40-е годы IV в. до н. э., когда он еще был в состоянии направлять антимакедонскую внешнюю политику Афин. К этому времени относятся его самые гневные выступления, обличающие захватническую политику Филиппа. Без сомнения, фигура Демосфена — наиболее яркая в политической жизни той эпохи. И как всякий крупный политический деятель, он привлекал к себе внимание и единомышленников и противников, в равной мере ценивших его разящий ораторский талант. При изучении деятельности Демосфена не следует забывать двух его ипостасей — оратора и политика, причем всегда нужно видеть зависимость первого от второго, дабы не впасть в грех односторонности. Даже постановка вопроса о том, был ли Демосфен проводником персидских интересов в Греции, неправомерна, хотя эта точка зрения имела приверженцев среди зарубежных и русских историков [10].

Подобное заблуждение в оценке деятельности Демосфена восходит к свидетельству Плутарха о том, что Персии был выгоден союз с Афинами, так как «этот человек может отвлечь македонцев от Азии» [Плут., Дем., 19]. Понятно, что в каждом античном свидетельстве не все истина, так как любой автор всегда защищает определенные классовые позиции. Для Плутарха оказалась неразрешимой загадкой «непоследовательность» вождя афинской демократии, пошедшего на союз с Персией против Македонии. Отрицая всякую возможность даже временного согласия с «варварским царем», Плутарх поставил это в связь с особым интересом персов к личности Демосфена. А из этого уже в новейшее время сделали вывод о проперсидской ориентации демократической группировки Афин.

Небезынтересна также иная точка зрения, сторонники которой ставят знак равенства между усилиями демократической партии и задачами Филиппа в Греции. Поскольку Демосфен всегда ратовал за единство греков, а официальная македонская пропаганда, поддерживавшаяся олигархами, действовала именно в этом направлении, появилась возможность отождествления конечных задач демократической партии и Филиппа, с той лишь разницей, что демократы хотели добиться этого с помощью Персии, а македонский царь — силой оружия и с помощью союза с самыми зажиточными слоями греческого общества [11].

В этой связи будет уместно сказать несколько слов о так называемом панэллинизме Демосфена. Чего он хотел? Единства греческого мира и обязательного укрепления эллинского города-государства, переживав-

шего застой экономики и кризис политической организации. Следовательно, призыв Демосфена к единению греков формально совпадал со стремлениями его противников — олигархов, добивавшихся того же самого. Суть различия их платформ заключалась в средствах и конечных целях, которые они перед собой ставили. Олигархи в лице своего теоретика Исократа давно уже отказались от панэллинского единства под главенством Афин [12] и, оценив прочность македонского завоевания, переметнулись на сторону Филиппа. Демократы подобное поведение считали предательством и еще надеялись собственными силами добиться единения греков при посредстве Афин. Практические меры, предложенные Демосфеном,— использование на оборону зрелищных денег, введение налога на имущество, уменьшение раздач — были направлены на укрепление основ демократического строя, но, поскольку затрагивали интересы состоятельных граждан, вызвали резкое противодействие олигархической группировки, не желавшей мириться с потерей своих привилегий. Демократы стремились достичь единства греков для отражения совместными усилиями постоянно возраставшей македонской угрозы, олигархи же силой македонского оружия хотели «сплотить» эллинов и совместно предпринять поход на Восток под лозунгом отмщения персам за разорение Греции в прошлом.

Не следует также забывать, что независимо от того, кому принадлежали бразды правления — олигархам или демократам, ничего не менялось в классовой основе и структуре афинского общества, остававшегося рабовладельческим. Однако демократическая группировка выражала чаяния более широких слоев свободных граждан среднего достатка, в то время как промакедонская партия отстаивала позиции олигархов, для которых Филипп был олицетворением твердой монархической власти и защитником их интересов.

Только обретя опору в олигархических деятелях, Филипп смог реализовать свою программу завоевания Греции. Нет оснований считать, что задача Филиппа была простой и не требовала определенных ухищрений и комбинированного использования различных методов борьбы: дипломатических и военных. Поэтапность македонского захвата греческих полисов фракийского побережья, Геллеспонта, Халкидского полуострова и городов собственно Греции свидетельствует о невозможности мгновенного завоевания Эллады, имевшей еще достаточно материальных и духовных ресурсов для отражения внешней опасности.

На это и делал ставку в своих призывах Демосфен, побуждая граждан к активным действиям ради интересов родины перед лицом грозного врага — Македонии. Нельзя утверждать, что усилия Демосфена были бесплодными. Как раз их результат сказался при осаде Перинфа и Византия (340 г. до н. э.), где в подготовке отпора Филиппу принимал участие сам Демосфен, выезжавший на Геллеспонт для заключения мирного договора с Византием.

Таким образом, усилиями демократической партии была несколько заторможена македонская захватническая политика. Именно в это время наибольшего успеха демократической группировки Демосфен выдвинул конкретный план организации общеэллинской симмахии, которой посвящена его третья «Филиппика» (342 г. до н. э.). Оратор предлагает немедленно начать подготовку «триер, денег и воинов» [Дем., IX, 70] и только после этого отправить во все города Пелопоннеса, на Хиос, Родос и к царю персов посольства с предложением союза и совместной борьбы против Филиппа, с тем чтобы «не дать ему покорить все своей

власти». Самим же афинянам следует готовиться к обороне и попутно «остальных греков созывать, собирать, осведомлять и убеждать» [Дем., IX, 73]. Тон речи — боевой и приподнятый, ибо в реализации этого плана Демосфен видел залог независимого существования эллинского мира, сплотившегося перед лицом македонской агрессии.

Призыв к единению греков встретил широкий отклик в Элладе, хотя некоторые полисы и страшились нарушить союз с Филиппом, незадолго до того вернувшимся из неудачного скифского похода. Заняв выжидательную позицию по отношению к Греции, македонский царь продолжал готовиться к войне, развернув широкую промакедонскую кампанию в Элладе через своих приспешников-олигархов, расписывавших выгоды союза с Македонией. Демократическая группировка также не сидела сложа руки и предпринимала все возможное, чтобы убедить греков в важности единения и пагубности чужеземного вмешательства.

Как бы иллюстрацией опасений Демосфена, предупреждавшего о неизбежности македонского вторжения в Грецию, послужили события очередной священной войны между союзом амфиктионов и локрийским городом Амфиссой, незаконно присвоившим фокийские земли. Этот, казалось бы, местный инцидент олигархические друзья Македонии постарались превратить в общеэллинский конфликт, решить который сами греки якобы не могли без помощи Филиппа.

Маневр Эсхина, выступившего на заседании амфиктионии с предложением просить Филиппа о вмешательстве [Эсхин, III, 107, 125], сразу же был разгадан Демосфеном, квалифицировавшим его как акт предательства по отношению к грекам [Дем., XVIII, 149].

Пророчество Демосфена очень скоро оправдалось: Филипп вторгся в Грецию, захватил Элатею в Фокиде, разрушил Амфиссу и приблизился к Средней Греции, угрожая в первую очередь Афинам.

Накал политических страстей достиг апогея, здравый смысл и неумолимое возрастание претензий Македонии на Грецию сделали свое дело. Усилиями афинского посольства, возглавлявшегося Демосфеном, была достигнута договоренность о союзе с Фивами, крупнейшим после Афин государством Эллады.

С этого момента ввиду реальной угрозы порабощения греческие государства одно за другим стали примыкать к союзу Афин и Фив, уже видевших неизбежность военного столкновения с Македонией. За короткое время к ним присоединились Мегара, Коринф, Ахайя, Левкада, Керкира, предоставившие в распоряжение союза свои военные силы и финансы.

Видимо, вначале союзное войско действовало успешно, ибо Демосфен вспоминает о двух стычках с македонскими отрядами (одна в Фокиде, другая в Беотии), в которых греки одержали победу [XVIII, 216] [13]. Всеобщий энтузиазм и вера в правоту своего дела настолько овладели афинянами, что Ктесифонт, один из деятелей демократической партии, внес в Народное собрание предложение (336 г. до н. э.) об увенчании Демосфена золотым венком на празднике Дионисий в знак признания его великих заслуг перед народом [Дем., XVIII, 222]. Естественно, промакедонская партия выступила с резкой критикой этого предложения, и, воспользовавшись правом его обжалования, Эсхин заявил от имени своих единомышленников, что Демосфен совсем не заслуживает этой награды [Эсхин, III, 12, 14].

Так в Афинах начался судебный процесс общеэллинского значения по делу об увенчании Демосфена золотым венком, а формально — против Ктесифонта, внесшего это предложение. Понятно, что промакедонские

деятели хотели не столько осудить Ктесифонта, сколько опорочить Демосфена как лидера демократов и тем самым подорвать престиж его партии.

Речь «За Ктесифонта о венке» (336 г. до н. э.) — не только вершина ораторского мастерства Демосфена, но и боевая программа его партии, обзор всей его политической деятельности и ответ на выпад врагов из промакедонского лагеря, всячески старавшихся умалить личные заслуги непримиримого противника македонян. К слову сказать, процесс по делу об увенчании Демосфена был закончен только спустя шесть лет (в 330 г. до н. э.), когда уже не было в живых Филиппа и его сын Александр не менее жестоко, чем отец, расправлялся с вольнолюбивыми настроениями греков. Определенные объективные трудности македонского государства дали эллинам надежду на освобождение от чужеземной зависимости. В этих условиях был завершен процесс о венке, что положило конец политической карьере Эсхина. После этого он навсегда покинул Афины. Итог долголетней тяжбы противников и сторонников македонской ориентации закончился моральной победой сторонников Демосфена.

Но ни временные успехи антимакедонских сил, ни размах общеэллинской освободительной борьбы не принесли грекам победу на поле боя.

Чем же были вызваны неудачи демократического правления, несмотря на непримиримость Демосфена по отношению к противнику? Почему, критикуя его деятельность, часто говорят о политической близорукости?

Специфика развития греческого полиса была связана с автаркией и экономической изоляцией. В условиях кризиса греческого города-государства эти достоинства прежнего времени превратились в тормоз для дальнейшего развития. Расцвет Греции пришелся на время правления Перикла, после которого начался процесс застоя, угасания.

27-летняя Пелопоннесская война, в которой наиболее могущественные эллинские объединения под эгидой Афин и Спарты пытались решить спор в пользу одного из них, как мы уже говорили, была следствием этого явления. Но внутренний кризис и ослабление военной мощи (при доминирующей роли наемников) настолько пагубно сказались на эллинской экономике, что и победители (спартанцы) и побежденные (афиняне) фактически оказались в одинаковом положении.

В условиях общего упадка Греции Македония и Персия начинают играть не последнюю роль в политических распрях олигархических и демократических кругов греческого общества.

Объективно будущее было за олигархами, верно сделавшими ставку на Филиппа, главу централизованного военизированного государства, провозгласившего захват своей внешней политикой. Поскольку интересы греческих олигархов и Филиппа принципиально совпадали, наиболее зажиточные слои греческих граждан пошли на потерю независимости, чтобы как-то уберечься от посягательств массы обездоленных.

В самом деле, равновесие внутренней жизни греческого полиса настолько нарушилось, что разорившиеся бедняки внушали больше страха, чем враги. Широко известное свидетельство Платона о том, что неимущие сидят без дела в городе, полные ненависти к богатым, скрывая злобные мысли против всех состоятельных граждан, не думают ни о чем, кроме общего ниспровержения [Полития, VIII, 555а], наглядно иллюстрирует остроту социальных конфликтов. Возможно, Платон несколько преувеличил картину вражды внутри гражданского коллектива греческого полиса в угоду своим консервативным взглядам, но все же он верно оценил пропасть между богатством и бедностью, столь характерную для любого классового общества [11].

В духе Платона оценивал положение эллинского города-государства и Исократ, идейный вождь греческих олигархов: «Вместо бывшего при нашей власти единодушия и взаимной имущественной выручки они дошли до такого распада связей между собой, что люди состоятельные охотнее бросили бы свое имущество в море, чем оказали помощь нуждающимся, а бедные меньше обрадовались бы находке клада, чем возможности силой захватить имущество богатых» [Исократ, Архидам, 67].

Понятно, что в этих условиях компромисс между неимущими и зажиточными был невозможен. Поэтому-то усилия Демосфена и демократической партии оказались тщетными в борьбе с объединенными силами Филиппа и греческих олигархов. Никакие благие намерения и патриотические призывы не могли сдержать распад афинского государства, приостановить рост Македонии. Поэтому-то в последней речи Демосфена, «О венке», в которой звучит мотив неизбежности и обреченности, вину за поражение греков у Херонеи он возложил на судьбу [Дем., XVIII, 192]. «Возможно,— писал оратор,— демократы исполнили свой долг, долг храбрых, и родина воздаст всем равную честь — и тем, кто в прошлом вышел победителем, и тем, кто сложил голову в борьбе» [XVIII, 208] [15]. Это уже была лебединая песнь греческого полиса и его демократического правления, гибнущих под натиском грозной силы, несущей новые формы государственности и экономического единения. Условным водоразделом между старым — классическим и новым — эллинистическим была битва с Македонией объединенных греческих сил, в которой отчетливо проявились их военная слабость и невозможность дальнейшего развития на прежних основах.

Коринфский конгресс (338—337 гг. до н. э.), последовавший за разгромом греков в Херонейском сражении, явился формальным актом установления владычества Македонии в Элладе. Этим был положен конец и полисной автаркии, и демократической власти. Система городов-государств времен эллинской классики полностью пришла в упадок, и ей на смену шли новые формы политической организации рабовладельческого общества — эллинистические монархии Востока и крупные государственные союзы-объединения самой Греции.

Можно сказать, что Коринфский конгресс подвел итог предыдущему развитию Греции и наметил пути дальнейшей эволюции рабовладельческого способа производства.

Единственным подлинным документом Коринфского конгресса пока остается сохранившийся фрагмент аттической надписи, найденный на афинском Акрополе и содержащий заключительную часть клятвы городов-членов и перечень общин, вступивших в союз [Ditt., Syll³, 260]. Другим, правда косвенным, источником можно считать одну из речей Демосфена, включенную древними в список его трудов. Однако авторство Демосфена не установлено. Уже Либаний (IV в. н. э.) считал эту речь принадлежащей Гипериду, одному из деятелей демократической партии. Псевдодемосфеновская речь «О договоре с Александром» (335 г. до н. э.) разбирает вопрос о нарушении пунктов Коринфского соглашения, выработанных Филиппом и зафиксированных клятвой греческих городов и македонского царя. Поэтому, несмотря на то что хронологически речь примыкает к первым годам правления Александра, в смысловом отношении она принадлежит к событиям 338 г. до н. э., когда Филипп подписал «мирный и равноправный» договор с Грецией.

В силу того что фактический материал по истории Коринфского конгресса недостаточен, исследователи привлекают свидетельства поздней-

Херонейский лев. Современный памятник

ших авторов — Юстина [IX, 4—5], Диодора [XVI, 87—89], Плутарха [Фокион, 26], Арриана [I, 1, 2], приводящих отрывочные данные относительно этого съезда или обновления его решений Александром и его преемниками.

Сопоставление подлинных документов эпохи (аттическая надпись и речь Псевдо-Демосфена) и античной литературной традиции (Юстин, Диодор, Плутарх, Арриан) дает возможность сделать вывод о политических целях Коринфского соглашения. В тексте сохранившейся аттической надписи указывается, что давший клятву не поднимет оружия против тех, кто участвует с ним в соглашении, а, напротив, будет всячески помогать своим союзникам предоставлением всевозможных средств (городов, крепостей, портов); он обязуется не предпринимать враждебных действий против Филиппа и его наследников, а также обещает бороться с нарушителями договора. В речи «О договоре с Александром» перечисляются основные пункты соглашения между греческими полисами и Македонией: провозглашение «всеобщего мира», а также свободы и автономии полисов.

Следует отдать должное продуманной и гибкой политике Филиппа после Херонеи. Будучи победителем, македонский царь стремился закрепить свои военные успехи реальным подчинением Эллады, но делал

это настолько хитро и осторожно, что создал у греков иллюзию равноправного партнерства; он сумел также стать устроителем и арбитром эллинских дел без нарушения традиционных форм правления в греческих городах.

Основной пункт соглашения, формально сохранявший автономию и суверенитет греческих полисов, должен был показать грекам благие намерения Филиппа по отношению к Элладе, его стремление сотрудничать, а не повелевать. Но разговорам о «равноправии» соответствовали иные дела: македонские гарнизоны стояли в Фивах, Халкидике, Коринфе, Амвракии, а там, где их не было, Филипп опирался на олигархических правителей, проводников его интересов (Фокида, Эвбея, Мегара, Акарнания). Правда, положение Афин было несколько лучше: там не было македонского гарнизона и афиняне сохранили почти все свои внешние владения, но на деле также были привязаны к македонской политике, ибо потеряли Херсонес Фракийский, а «пожалованный» им Ороп не возмещал потери, да и вызывал трения с беотийцами; включение Афин в новый македонский союз лишало их и былого владычества на море.

Следовательно, «свобода и автономия» Греции в том виде, как их понимал Филипп, очень напоминали диктат и устраивали Македонию, зафиксировавшую раздробленность эллинов в интересах собственной захватнической политики. Эту мысль настоятельно проводит автор речи «О договоре с Александром», подчеркивая, что в отношениях между Македонией и Грецией не было ни равенства, ни справедливости. И даже «всеобщий мир», торжественно провозглашенный в Коринфе, нарушался самими македонянами, возвращавшими в города тиранов и их потомков вопреки условиям договора [Псевдо-Дем., XVII, 2—5].

Впрочем, Македонии также был нужен мир, ибо Филипп старался не обострять свои отношения с отдельными полисами. Он предпочел задобрить Афины и вроде бы не замечать Спарты, отказавшейся подписать мирный договор. Правда, уже Юстин указывал, что «Филипп определил условия мира (разрядка наша.— *Авт.*) для всей Греции сообразно с заслугами отдельных городов и образовал из всех их общий совет» [IX, 5, 2]. Очевидно, римский историк не ошибался, когда считал Филиппа устроителем греческих дел в интересах македонской политики. Да и «заслуги отдельных государств» рассматривались с точки зрения лояльности к македонскому государству. Может быть, поэтому Спарта отвергла мир, навязанный победителем [Юстин, IX, 5, 3].

Последующие пункты договора говорили о наступлении политического мира между эллинскими городами, о запрещении казней, изгнания, передела земель, отмены долгов и освобождения рабов в целях переворота. За исполнением договора должен был наблюдать Союзный совет. Видимо, все то, о чем сообщали пункты Коринфского соглашения, происходило тогда в греческих полисах, поэтому эллинские олигархи в порядке самозащиты и в целях сохранения своих привилегий включили указанные статьи в договор, оберегая себя и свое имущество от непредвиденных случайностей.

Как же удалось Филиппу восстановить гражданский и политический мир в Элладе, чего безуспешно добивались демократические группировки? С одной стороны, демонстрацией военной силы, а с другой — повсеместной опорой на олигархические группировки, проводящие широкую кампанию в пользу Македонии. Об этом как раз писали Диодор и Юстин, подчеркивавшие, что без предварительной агитации и поддержки греческих олигархов Филипп вряд ли смог бы добиться успеха в Элладе [Ди-

од., XVI, 87—89; Юстин, IX, 4, 8—10]. Об этих олигархических деятелях, действовавших по указке Филиппа и округливших свое имущество благодаря царским подачкам, говорится в речи Псевдо-Демосфена, где содержится призыв к гражданам считать этих людей врагами отечества и вести с ними непримиримую борьбу [XVII, 11].

Конечно, одного провозглашения мира было недостаточно для утверждения македонского владычества в Греции, поэтому Филипп предложил подписать наступательное и оборонительное соглашение, передавшее в руки македонского царя воинские силы союзников и их флот. Только Юстин приводит данные о численности союзных эллинских сил: 200 тыс. пехоты и 15 тыс. конницы, не считая собственно македонских войск, а также отрядов «варваров» из покоренных Македонией племен [IX, 5, 6—7]. Все эти греческие контингенты отдавались в полное распоряжение македонского царя, названного гегемоном союза и стратегом-автократором на случай войны [IG, II/III², 236; Диод., XVI, 89; Полиб., IX, 33].

На первый взгляд заключенный в Коринфе договор подтвердил право избранного коллективного органа — Синедриона осуществлять всю полноту власти административного и судебного характера на территории союза и вести наблюдение за исполнением принятых постановлений. По существу же македонский царь как гегемон обладал всей политической и военной властью в Греции и мог не считаться ни с общеэллинскими интересами, ни с интересами отдельных городов. Демосфен в речи «О венке» прямо называет Филиппа «вождем и распорядителем всего», а не союзником греков [XVIII, 201].

Следовательно, Коринфский конгресс подтвердил не равное партнерство, а право Македонии на зависимую Грецию. В этом смысле Коринфский союз напоминал прежние эллинские симмахии — Пелопоннесский союз и Афинскую Архэ, где вся полнота власти принадлежала государству-гегемону[16], которое к тому же определяло курс внешней политики. Правда, прежде Греция не знала столь крупного объединения, как Коринфский конгресс, пусть формально, но все же охвативший всю Элладу. В этом уже чувствовались ростки нового, неизвестного ранее в Греции явления.

Таким образом, следует признать несостоятельной известную точку зрения, что Коринфский конгресс явился торжеством панэллинской идеи, которая благодаря усилиям и гениальности Филиппа проложила дорогу национальному единству греков[17] и тем самым подготовила почву для распространения эллинизма на Восток. Правда, отдельные представители западноевропейской исторической науки высказывали здравые суждения о том, что политикой Филиппа руководили не интересы единства греков, а задачи развития македонского царства, поэтому объединение Греции скорее было насильственным, чем добровольным[18]. Но даже частичный отход от признания македонского царя «объединителем и устроителем» греческого мира не мешает некоторым историкам считать Филиппа главной фигурой своего времени, подготовившей завоевание Востока[19].

Марксистская наука никогда не увлекалась личными заслугами македонского царя, а обращалась к социально-политической стороне явления, рассматривая Коринфский конгресс как важный рубеж греко-македонских отношений, как результат подчинения Греции Македонией в угоду стремлениям наиболее зажиточных слоев эллинского правящего класса[20].

Исходя из свидетельств Юстина [IX, 5] и Диодора [XVI, 89], мож-

но сделать вывод о том, что конгресс собирался дважды (осенью 338 г. до н. э. и в начале лета 337 г. до н. э.), так как сообщения римского историка относятся к первому этапу работы — установлению мира в Элладе и созданию общих вооруженных сил, а данные Диодора — к следующему этапу — принятию решения о совместном походе на Восток.

Восток всегда манил к себе эллинский мир богатством и роскошью. Древнегреческая мифология тесно переплетается с восточными сюжетами. Полное трагизма и пафоса борьбы сражение у стен Трои, где погибли эллинские мифические герои Ахилл и Патрокл, также произошло на Востоке.

Весь ход исторического развития средиземноморского мира, где с переменным успехом господствовали то эллины, то персы, неизбежно вел к обострению соперничества на море и суше. Война с Персией диктовалась интересами македонской завоевательной политики. Вместе с тем она давала возможность греческой экономике выйти из кризисного состояния, на что указывали идеологи правящего класса, популяризировавшие идею похода против «восточных варваров». Например, Диодор отмечал, что еще до Коринфского конгресса Филипп распространял слухи о войне с Персией [XVI, 89], а Юстин связывал создание общеэллинских сухопутных и морских сил под главенством Македонии с подготовкой войны на Востоке: «Не было сомнения, что эти приготовления направлены против персидского государства» [IX, 5, 5].

Таким образом, и греческая и македонская пропаганда действовала в одном направлении и уже подготовила почву для принятия соответствующего решения. Предложение Филиппа о войне с Персией было встречено с энтузиазмом, и конгресс одобрил его [Диод., XVI, 89]. Тогда же, очевидно, было принято решение о запрете эллинам служить наемниками в войске персов [App., I, 16, 6; III, 23, 8].

Подводя итоги работы Коринфского конгресса, следует подчеркнуть, что его решения имели два аспекта: внутренний — подчинение греческих городов македонскому влиянию и внешний — организацию греко-македонского похода на Восток. И то и другое было продиктовано интересами македонской державной политики. Ведь единение греков было не результатом внутреннего развития эллинского мира, а следствием военного поражения у Херонеи.

Филипп, будучи победителем, добился формального союза греческих государств для организаций совместного восточного похода, стал гегемоном симмахии с неограниченными полномочиями политического руководителя и стратега. Характерно, что после гибели Филиппа этот союз вынужден был возрождать Александр, предварительно продемонстрировавший прежнюю мощь македонского оружия и строго наказавший фиванцев за свободомыслие.

Поход на Восток был логической ступенью экспансионистской македонской политики, уже ранее столкнувшейся с интересами персидской державы у Геллеспонта и Пропонтиды (при осаде Перинфа и Византия). Конфликт между Македонией и Персией был неизбежен, он был лишь несколько отсрочен из-за греческих дел. Теперь же, после заключения Коринфского соглашения, Филипп мог спокойно начать восточную кампанию, имея в своем распоряжении эллинские силы и опираясь на поддержку олигархических группировок, видящих в походе избавление от неимущих, которых «стали бояться больше, чем врагов» [Исократ, Архидам, 66].

Театр в Эпидавре

Итак, восточный поход был предрешен, ибо в нем были заинтересованы все господствующие слои рабовладельческого общества Греции и Македонии. Социальная мысль древней Греции только в восточной кампании видела спасение эллинского мира от внутренних смут и непрекращающихся войн. Разорившиеся греческие граждане также были заинтересованы в походе, предвидя возможность пойти в наемники или переселиться в богатые торговые города Малой Азии. А крепнущий рабовладельческий класс Македонии, пробивающий себе дорогу в Эгейском мире, рассчитывал благодаря войне получить новые земли, денежные средства и рабов. Хотя интересы греческих городов-государств (преодоление внутреннего кризиса) и Македонии (внешняя экспансия) были различны, настоятельная потребность начать восточную кампанию объединила их.

Ловко маскируя свои захватнические намерения, что было вообще характерно для македонской политики того времени, Филипп придал походу религиозную окраску панэллинского отмщения персам. Идейная направленность похода привела под македонские знамена множество греков и вместе с тем возбудила ненависть к эллинским наемникам, сражающимся в войске Дария.

Таким образом, выявились две цели восточной кампании — месть и освобождение малоазийских греков от персидской кабалы. С этим идейным знаменем начал восточный поход Филипп, под этим же стягом его продолжил Александр, на первых порах выступавший продолжателем дела своего отца.

Не откладывая надолго принятого в Коринфе решения и надеясь застать врасплох персов, Филипп уже весной 336 г. до н. э. послал в Малую Азию 10-тысячный передовой отряд под предводительством опытных полководцев Пармениона и Аттала, в задачу которых входила разведка вражеского побережья и закрепление на занятых рубежах [Диод., XVI, 91; Юстин, IX, 5, 8]. Отряд беспрепятственно пересек Геллеспонт, высадился на побережье Малой Азии и дошел до Магнесии на Меандре, поджидая прихода основных союзных сил. Остров Хиос и торговые города малоазийского побережья Кизик и Эфес приняли македонскую сторону. Антиперсидская пропаганда освобождения малоазийских греков сразу же дала первые результаты.

В то время как передовые македонские части закрепились на побережье Малой Азии, а греческие союзники македонского царя готовились к выступлению на Восток, пришло известие об убийстве Филиппа на свадебном пиру его дочери, выданной замуж по политическим соображениям за Александра, царя эпирского.

Поскольку смерть Филиппа имела определенные последствия, затронув интересы Македонии, Греции и всего Востока, следует остановиться несколько подробнее на событиях, предшествовавших ей.

Будучи человеком невоздержанным, Филипп помимо Александра имел внебрачных детей, одним из которых был слабоумный Арридей. Видимо, этим увлечениям Филиппа его жена Олимпиада не придавала большого значения. Другое дело, когда Филипп решился в возрасте 47 лет связать себя узами законного брака с молоденькой Клеопатрой из знатного македонского рода, племянницей одного из военачальников — Аттала. Очевидно, царь не развелся с Олимпиадой, а только отдалил ее от себя; правда, Юстин сообщает о разводе [IX, 5, 9], но другие источники об этом ничего не пишут.

Олимпиада, женщина властная, ревнивая и раздражительная, демонического склада, игравшая позже не последнюю роль в интригах преемников Александра, затаила горькую обиду на мужа и настроила Александра против отца [Плут., Алекс., 9].

На свадебном пиру Аттал провозгласил тост за будущего законного наследника македонского престола от Клеопатры. Александр воспринял эти слова как оскорбление и швырнул чашу в обидчика. Пьяный Филипп в раздражении пытался убить сына, но споткнулся и упал, не дойдя до Александра.

После этого Александр и Олимпиада покинули Македонию: мать удалилась к своему брату Александру в Эпир, а сын — в Иллирию.

Похоже, что Филипп болезненно переживал разрыв с Александром, которого считал своим наследником. Он первый сделал шаг к сближению, послав за сыном своего друга Демарата; Александр «примирился неохотно и вернулся в Македонию против своей воли» [Юстин, IX, 7, 6]. Олимпиада, со своей стороны, жаждала мести и подбивала эпирского царя на войну с Македонией, чего не мог допустить Филипп, интенсивно готовившийся к восточному походу. Царь вышел из столь затруднительного положения очень просто, предложив в жены эпирскому Александру свою дочь Клеопатру. Этим он достигал внешнего примирения с Олимпиадой и безопасности македонских границ со стороны Эпира.

Другой эпизод показал, что Александр недоверчиво относился к отцу, боясь, что кто-либо из побочных детей царя будет претендовать на македонский трон, в чем убеждала его мать.

В канун начала похода в Малую Азию карийский сатрап Пиксодор, рассчитывавший втереться в доверие к Филиппу, предложил свою дочь в жены Арридею. Узнав об этом, Александр сам выразил желание породниться с сатрапом, чем вызвал крайний гнев Филиппа, упрекнувшего сына в стремлении стать зятем карийца, состоящего рабом у варварского царя [Плут., Алекс., 10]. Посчитав, что ближайшие друзья Александра — Гарпал, Неарх, Эригий и Птолемей — повинны в этом, Филипп выслал их из Македонии. Вторичная ссора Александра с Филиппом не привела к разрыву, но бросила тень взаимного неудовольствия на и без того уже омраченные отношения между отцом и сыном.

Послав отряд Пармениона и Аттала в Азию, Филипп торопился закончить дела в Македонии, с тем чтобы во главе остального войска выступить в поход.

Свадьба его дочери и эпирского царя праздновалась в Эгах, старой столице македонского царства, куда прибыли посольства из Афин и других городов Греции для увенчания македонского царя. В честь этого события афиняне даже приняли почетный декрет о том, что не предоставят убежища тому, кто изменит Филиппу, а выдадут его царю [Диод., XVI, 92]. В Эги приехали также правители агриан, пеонов, одриссов, т. е. все, кто недавно подпал под власть Македонии и теперь торопился показать свою верность.

Свадебные празднества длились несколько дней, не было недостатка ни в представлениях, ни в состязаниях. На одно из этих зрелищ Филипп отправился в сопровождении двух Александров, зятя и сына, и в узком проходе, ведущем в театр, был сражен кинжалом своего телохранителя Павсания. Так свадебное пиршество обратилось в заупокойную тризну [Юстин, IX, 6, 4].

Известны свидетельства пяти античных авторов (Диодора, Юстина, Арриана, Плутарха, Курция), писавших о насильственной смерти Филиппа. Диодор пишет, что установление родственных отношений Филиппа с Атталом через брак с Клеопатрой (племянницей последнего) убедило обиженного Атталом Павсания в тщетности его надежд получить удовлетворение, поэтому он, ненавидя своего оскорбителя, убил македонского царя [XVI, 93, 94]. Несколько иначе эти события описывают Юстин [IX, 6, 7] и Плутарх [Алекс., 10], не исключающие мотив личной мести Павсания, но добавляющие к ним старания Олимпиады и Александра, подстрекавших юношу на преступление из-за личной неприязни к Филиппу. Следовательно, в своем большинстве античные авторы выдвигали мотив личной мести (Павсания или Олимпиады и Александра, вступивших в сговор с телохранителем).

Но именно это, самое распространенное мнение относительно причин гибели Филиппа следует признать наиболее уязвимым, хотя оно и имеет приверженцев в современной историографии[21]. Прежде всего неубедительна точка зрения о личной мести Павсания, мстящего не обидчику Атталу, а Филиппу, причем между моментом оскорбления, нанесенного телохранителю, и убийством македонского царя прошло значительное время. Еще более неправдоподобно предположение об активном участии в заговоре Олимпиады и Александра [Плут., Алекс., 10], причем первая представлена как соучастница покушения, подготовившая коней на случай бегства убийцы [Юстин, IX, 7, 9]. Свидетельства античных авторов, прежде всего Плутарха, говорят о том, что македонский царь тщательно готовил Александра к государственной деятельности, дав ему в учителя Аристотеля и постепенно вводя в курс македонских дел —

внутренних и внешних. По этой причине ни отстраненный от власти Аминта, ни слабоумный Арридей не могли быть его конкурентами на македонский трон. Даже у Александра, несмотря на неоднократные стычки с отцом, не было причин подозревать его в вероломстве.

Правда, Олимпиада имела все основания питать неприязнь к мужу за частые измены и недостойный образ жизни (некоторые подробности поведения царя приводит Юстин), но все же она никак не могла быть заинтересована в заговоре против Филиппа, зная, каких трудов стоила борьба за единовластие.

Вообще, образ Олимпиады дошедшие до нас источники рисуют в резко отрицательных тонах: она — властная, деспотичная, черствая и расчетливая женщина, постоянно вмешивающаяся в дела управления государством. Подозрительная от природы, Олимпиада во всем видела козни и из-за своего злодейского характера часто совершала всякие черные дела; так, она заставила Клеопатру (вторую жену Филиппа) умертвить своего младенца и затем повеситься [Юстин, IX, 7, 12].

Этот облик Олимпиады, скорее всего идущий от Феопомпа и Эфора, «злоречивых писателей», из трудов которых черпали свои сведения многие последующие греческие историки, утвердился как некий эталон в изображении жены Филиппа. Может быть, поэтому некоторые античные авторы (Юстин, Плутарх, Курций) считали Олимпиаду способной направить убийц против Филиппа. Кроме Павсания соучастниками заговора древние авторы называют трех братьев: Александра, Геромена и Аррабея из Линкестидов. К тому же и сам Павсаний происходил из знатного рода Орестидов.

Как уже упоминалось, только Филиппу удалось покончить с родоплеменной раздробленностью Македонии и заставить верхнемакедонских царьков отказаться от местнических настроений. Сопоставляя свидетельства различных авторов, нетрудно прийти к мысли, что представители местных династических родов, порицавшие централизаторскую политику Филиппа, были заинтересованы в его устранении. Тот факт, что после убийства македонского царя Аррабей и Геромен скрылись, говорит о том, что существовал заговор, участниками которого были представители знатных семейств верхнемакедонских провинций — Орестидов и Линкестидов. Мечтая о возврате утерянной власти, царьки Верхней Македонии действовали в своих собственных интересах, а также в интересах ближайших соседей Македонии — Иллирии, Фракии, Пеонии, незадолго до того покоренных Филиппом, но не забывших еще времена независимости. Положительный ответ на вопрос, были ли «варварские» соседи заинтересованы в устранении македонского царя, дают последовавшие за его гибелью события, когда иллирийцы, трибаллы, пеоны, скифы заволновались, готовясь напасть на Македонию.

Кроме недовольства политикой Филиппа, проявлявшегося многими знатными македонянами, сильное беспокойство в связи с действиями Филиппа наблюдалось в Греции. Правда, формально в Элладе наступил мир, а трения греческих полисов были отчасти сглажены совместной подготовкой похода на Восток, но не следует забывать, что антимакедонские силы, занявшие выжидательную позицию, еще не разуверились окончательно в результатах своей борьбы против Филиппа. Достаточно того, что Демосфен никогда не скрывал антипатии к македонскому царю, провозгласившему мир, который больше смахивал на войну [Дем., IX, 8].

Плутарх рассказывает о всеобщем ликовании, которое вызвало из-

вестие об убийстве Филиппа в Афинах, когда Демосфен торжественно появился в Народном собрании. Афиняне устраивали празднества, жертвоприношения и даже приняли решение наградить убийцу Филиппа венком [Плут., Демосфен, 22]. Только благоразумный Фокион предостерегал от неверных шагов, говоря, что не стоит радоваться смерти [Плут., Фокион, 16].

Не могла остаться безучастной к тому, что делалось в непосредственной близости от ее границ, и Персия. Сам Филипп способствовал распространению слухов о готовящемся походе на Восток, преднамеренно создавая нервозную обстановку в стане противника. Уже при осаде Перинфа и Византия персидские сатрапы оказали помощь осажденным и вынудили македонские войска уйти от Пропонтиды. И Курций и Арриан пишут о причастности персидского царя Дария к убийству Филиппа.

Близка к истине и точка зрения Арриана, считавшего, что убийство Филиппа — не личная месть, а заговор определенных сил, заинтересованных в смерти македонского царя. В письме Александра к Дарию Арриан сообщает, что Филипп был убит заговорщиками, которых сплотили персы [II, 14, 5]. В том же письме Александр упрекал царя Дария за вмешательство во внутренние дела Македонии и Греции, подчеркивая, что его послы подкупили сторонников македонской ориентации и постарались разрушить мир, установленный в Элладе [Арр., II, 14, 6]. Следовательно, основное обвинение в подрывной деятельности Александр адресует персам, которые призывали греков к войне с Македонией, а также старались оказать денежную помощь некоторым греческим полисам.

Наивно было бы предполагать, что Коринфский конгресс своими решениями смог обеспечить Греции мирное развитие. Очевидно, и сам Филипп хорошо понимал, что Коринфское соглашение — только формальный акт признания его власти в Элладе. Поэтому он больше надеялся на стойкость своих гарнизонов и на верность олигархических деятелей промакедонской ориентации, чем на подтвержденные клятвами греков пункты мирного договора. Вероятно, расположение к македонскому царю других приверженцев олигархической партии (Эсхин, Фокион) также не было бескорыстным. Демосфен во многих речах указывал на нечестность этих политических деятелей, которые ради собственных выгод готовы предать родину.

Будучи победителем, Филипп делал в демагогических целях широковещательные заявления о сохранении в Элладе издавна существовавших порядков. Однако он первый стал их нарушать, требуя возвращения в греческие города бывших тиранов и олигархов. Оттого-то даже в условиях порабощенной Греции демократические группировки насколько могли боролись с македонским засильем.

Вполне допустимо, что сторонники демократии в Греции пошли на некоторое сближение с персами, но не ради измены эллинским интересам, а ради возможности использовать персидские силы против Македонии. Поэтому брошенное Эсхином Демосфену обвинение в том, что он купается в царском (т. е. персидском) золоте [Диод., XVII, 4, 8], видимо, неосновательно; вполне правдоподобно, что Персия в своем желании причинить вред Филиппу действовала через демократических лидеров, не допускавших никаких компромиссов с македонским царем.

Упрекая Демосфена в сговоре с персидским царем, его противники, видимо, стремились произвести большее впечатление на своих едино-

мышленников и доказать им, что вождь афинской демократии действовал в интересах персидской политики. Именно так пытался представить дело Эсхин [III, 156, 239], но из речей самого Демосфена ясно, что он — непримиримый враг персов [Дем., XIV, 3]. Здесь нельзя забывать, что, независимо от принадлежности к демократической или олигархической группировке, все представители социальной мысли Греции IV в. до н. э. в одинаковой мере считали «восточных варваров» неполноценными людьми, тиранами и угнетателями малоазийских греков. К тому же из памяти эллинов еще не изгладились греко-персидские войны, в которых борьба против Ахеменидов представлялась как единоборство с «неверными». О том, что подобные взгляды были преобладающими в жизни греческого мира, говорят дошедшие до нас труды историков, ораторов и философов (Ксенофонт, Платон, Аристотель, Исократ), широко трактующих вопрос о превосходстве эллинов.

Демосфен, сын своего века, полностью разделял эти воззрения. Поэтому вряд ли правомерно утверждение, что вождь афинской демократии был «недостойным» политиком, утверждение, которое высказывают многие новейшие исследователи, прославляющие завоевательную политику Филиппа и Александра [22].

Так в свете разрозненных данных античных авторов постепенно вырисовывается картина непримиримой внутренней борьбы в Греции, рост недовольства централистской политикой Филиппа и обоснованная тревога персидского царя Дария, знавшего о подготовке греко-македонского похода на Восток, но еще недостаточно готового к отпору из-за частых выступлений против персидского засилья в Малой Азии и Египте. Отсюда напрашивается вывод, что Филипп стал жертвой политического заговора, инициаторами которого выступили Греция и Персия, а исполнителями стали враждебные царю представители царских родов Македонии, стремившиеся добиться децентрализации управления страной.

О том, что это было так, говорят последующие события, в которых отчетливо проявились непрочность созданного Филиппом «объединения» Эллады и эфемерность договоров и союзов, заключенных им с «варварскими» царями. Его смерть подняла такую волну антимакедонских настроений, что Александру пришлось заново усмирять северных соседей, предпринимать карательные экспедиции в Грецию и опять созывать Коринфский конгресс для подтверждения прав Македонии на Элладу. Понятно, что в этих условиях нечего было и помышлять о восточном походе. И лишь спустя два года Александр смог начать задуманную его отцом кампанию против Персии.

Интерес к афинской демократии и Демосфену не ослабевал вплоть до конца XIX в., пока буржуазная культура находилась на подъеме и ее идейные представители преклонялись перед демократическим устройством Афин и вождями греческого демоса [23].

Эпоха империализма выдвинула иные идеалы, и буржуазная историческая наука, провозгласившая войну движущей силой истории [24], обратилась к Филиппу II и Александру Македонскому — завоевателям древности.

Определенное место в исторической литературе занимают личность Филиппа и его роль в подготовке восточного похода под флагом панэллинских идей. Поэтому будет уместным сказать несколько слов о том, как смотрит немарксистская историческая наука на деятельность македонского царя, действительно много сделавшего для возвышения своего царства.

Предполагаемое захоронение Филиппа II в пригороде Салоник

В освещении жизни и деятельности Филиппа встречаются две противоположные точки зрения: с одной стороны, преувеличение его заслуг как полководца и политического деятеля, с другой — умаление деятельности македонского царя, поработителя греков и разбойника. И та и другая оценка восходит к античной историографии, хвалящей или порицающей царя в зависимости от позиции автора.

Древнегреческих историков мало занимала Македония до Филиппа, не игравшая сколько-нибудь значительной роли в жизни народов Балканского полуострова. Этим, очевидно, объясняется то обстоятельство, что связное изложение событий македонской истории начинается с правления Филиппа, когда Македония впервые заявила о себе грекам захватом эллинских колоний Потидеи и Мефоны на фракийском побережье Эгейского моря.

Современники Филиппа греческие историки Феопомп и Эфор осветили в своих сочинениях военно-политический аспект деятельности этого македонского царя. Труд Феопомпа («Филиппика») в 58 книгах был посвящен македонской истории, в центре которой находился Филипп — величайший из всех царей Европы. Но в связи с тем что Македония с этого времени стала играть ведущую роль в жизни Балкан, сочинение Феопомпа, охватывавшее события македоно-греческого мира, выходило за рамки собственно Македонии и превращалось в историю народов, населявших Балканский полуостров. К сожалению, от сочинения Феопомпа

сохранились только отрывки (250), собранные Мюллером в томе I «Фрагментов греческой истории» [FHG]. Подобная участь постигла и сочинение Эфора, от «Всеобщей истории» которого до нас также дошли только фрагменты (157) [25]. Таким образом, исходным материалом для всего последующего литературного творчества по времени Филиппа были Феопомп и Эфор. От первого шла оценка личности македонского царя, а от второго — изложение военной истории. Оба они придавали особое значение моральным качествам царя.

О Филиппе писали также Анаксимен из Лампсака [26] и греческий аттидограф Филохор [27], о серьезности сочинения которого свидетельствует положительная оценка его Дионисием Галикарнасским.

Все это утрачено; единственным цельным источником остается 16-я книга «Исторической Библиотеки» Диодора, кратко излагающая македонскую историю. Но сицилийский историк, будучи компилятором, разнородные свидетельства своих предшественников (Эфор, Феопомп, Тимей, Полибий, Посидоний) использовал произвольно, допустив неточности и ошибки.

О Филиппе также писал римский историк Помпей Трог, о сочинении которого нам известно по компиляции Юстина, сократившего огромный труд своего предшественника до одного тома, но оставивший его деление на 44 книги; в его основу было положено сочинение Феопомпа.

Подлинные документы эпохи — речи Демосфена, Исократа, Эсхина,— невзирая на тенденциозность их суждений, показывают социальный аспект событий, непримиримую борьбу внутри рабовладельческого класса, что почти совсем не отражено в литературных памятниках античности.

Общий недочет античной историографии — исключительное внимание к военно-политическому аспекту — превращается в порок у отдельных представителей современной историографии, акцентирующих все внимание на этой стороне событий и безмерно выпячивающих личные заслуги македонского царя [28].

Филипп как историческая личность до конца прошлого века не занимал историков, предпочитавших обращаться к блистательному веку Перикла, к походам Александра и к поразительным успехам Рима. Если и вспоминали о Филиппе, то только в связи с деятельностью Александра. Но долгая безвестность деяний Филиппа была всецело компенсирована в трудах многих западных исследователей, объявивших македонского царя инициатором практического воплощения идей Исократа о панэллинском единстве [29].

Больше всех в этом отношении стараются некоторые греческие историки, придающие особое, почти доминирующее значение личности Филиппа, ставящие ему в заслугу объединение греков и организацию восточного похода в целях распространения эллинской образованности. Они считают Филиппа истинным объединителем Греции [30].

Вообще, стремление гипертрофировать личность Филиппа характерно для многих историков модернистского толка, находящих в древности «империалистические войны» и тенденции гегемонистского свойства у греческих городов-государств [31].

Подобные заблуждения и ложные выводы идут от одностороннего подхода к изучаемым явлениям, от пренебрежения главным — социально-экономическими условиями эпохи. Марксистская историческая наука принципиально по-новому ставит вопрос о роли и месте личности в истории, указывая, что в конечном счете те или иные события определяются

социально-экономическими условиями жизни общества, а не только личностью, пусть даже самой одаренной [32].

Немецкий историк XIX в. И. Дройзен одним из первых взял на себя задачу восхваления македонской завоевательной политики и пропаганды особых целей Филиппа по отношению к покоренным народам. У Дройзена Филипп — объединитель греков, сумевший так хорошо организовать федеральное управление Элладой, что только оно гарантировало мир и спокойствие стране ради задач «великой национальной войны» [33].

Приняв как аксиому мнение И. Дройзена, его ученики и последователи с тех же апологетических позиций рассматривают вклад Филиппа в историческое развитие своей эпохи. Модернизируя исторический процесс, У. Вилькен и А. Даскалакис приписывают македонскому царю сознательное творение истории, будто бы совершаемое для единения и возвеличивания эллинского мира [34].

Таким образом, построения немарксистской историографии, за немногим исключением, сводятся к признанию непререкаемого авторитета Филиппа, выступившего в роли примирителя греков, не сумевших решить эту проблему собственными силами из-за «бесчестных демагогов», призывавших к борьбе с Македонией и называвших македонского царя «варваром» и «разрушителем эллинской свободы» [35]. Но Филипп, поднятый этими историками на пьедестал добродетели, был типичным завоевателем древности, действовавшим именно так не потому, что обладал «гениальным предвидением», а потому, что выражал интересы растущего македонского государства, выступившего за территориальные приобретения, наживу и увеличение притока рабов.

Интенсивное развитие античного общества было невозможно из-за низкого уровня производительных сил. По этой причине внешняя экспансия стала жизненно необходимой для пополнения источника рабочей силы. Этим в конечном счете объясняется обилие военных конфликтов в древности.

Сложившаяся к середине IV в. до н. э. на Балканах своеобразная ситуация, когда полисная Греция, раздираемая внутренними неурядицами, клонилась к закату, а молодое македонское государство бурно развивалось, создала у современников (Эфор, Феопомп) впечатление, что Филипп — главнейшая фигура своего времени, от желания которого зависел ход исторического развития не только Балкан, но и всей Европы [36].

Как указывал Ф. Энгельс, «античное государство было прежде всего государством рабовладельцев для подавления рабов» [37]. Следовательно, все внутренние реформы македонского государства, связанные с именем Филиппа, были направлены на укрепление позиций рабовладельческого класса и осуществлялись в его интересах.

В ряду важнейших мероприятий Филиппа следует указать на реорганизацию македонской армии, отличной по своей структуре от греческого ополчения. Попытки создать сильное войско делались еще предшественниками Филиппа (Архелай, Пердикка), но не могли быть доведены до конца из-за отсутствия экономических предпосылок.

Македонская фаланга, долгое время считавшаяся непобедимой, была создана Филиппом, использовавшим все достижения организационного построения греческих гоплитов, спартанского войска и наиболее совершенное для той эпохи вооружение. Регулярное пешее войско, набранное из македонских крестьян по округам, составляло костяк армии. Этому факту отдельные историки придают особое значение, подчеркивая национальный характер войска, якобы уходящего корнями в македонский народ, монар-

хический по духу[38]. Так, они ставят в заслугу только Филиппу организацию победоносного войска, покоящегося на двух основах — монархической власти и национальном единстве. Точно так же они трактуют и иные реформы македонского царя: организацию флота, унификацию монетного дела — все в интересах нации.

Но марксистский анализ внутренних реформ Филиппа показал, что все они были подчинены единственной цели — консолидации ресурсов страны для осуществления захватнических планов Македонии.

В трудах ряда современных историков стало общим местом противопоставлять Демосфена Филиппу, указывать на обреченность первого и прозорливость второго[39], верно понявшего дух своего времени — мечту о единстве греков во имя величайшей задачи распространения на Восток эллинизма, который, если бы не встретил противодействие Демосфена, охватил бы еще шире мир[40]. Вряд ли подобные рассуждения выдерживают критику.

Все же важно подчеркнуть, что, невзирая на слабость позиций демократических группировок, призывавших к неосуществимому в условиях экономического кризиса Эллады единству греков, Демосфен одним из первых разглядел в деятельности македонского царя растущую опасность для судеб эллинского мира, постоянно указывал на неизбежность военного столкновения Греции с Македонией. Почти четверть века он отдал борьбе за право Греции на независимость, и не его вина в том, что замкнутость и автаркия эллинского полиса стали в то время тормозом экономического развития.

Упорная борьба демократических группировок против македонского засилья закончилась их поражением. Попытка антимакедонских деятелей во главе с Демосфеном возродить собственными силами былое величие Греции и отразить внешнюю опасность потерпела крах. Ничто не могло сдержать процесс распада греческих городов-государств, так же как и остановить экспансию Македонии,— это были объективные тенденции времени, ставшие основной причиной гибели эллинского классического полиса.

Величие Филиппа отдельные авторы усматривают по крайней мере в трех пунктах его деятельности: защита Греции от нашествия северных «варваров» (фракийцев, иллирийцев, пеонов); объединение всех эллинов и победа над узкоместническими интересами греческих полисов[41]; распространение эллинского духа на Восток, в земли, способные воспринять греческую образованность и поглотить избыток греческого населения[42].

После этого Филипп приступил к реализации второй части политической платформы Исократа — подготовке совместного похода на Восток, опять же не в своих корыстных интересах, а выражая чаяния всей греческой нации[43]. Гегемонистские настроения отдельных греческих полисов вынудили, по мнению Ю. Керста, македонского царя стать верховным вождем греков, поднявшимся выше партийных распрей Эллады и мечтавшим о ее процветании[44].

Как видно из рассуждений И. Дройзена и Р. Парибени, Филипп якобы всегда ставил перед собой благородные задачи возрождения и объединения «греческой нации», чего не понимали демократические группировки, призывавшие к бессмысленной борьбе с македонским царем вместо того, чтобы пойти ему навстречу и воспринять как высшее благо и его власть, и его мудрость[45].

Эти историки, взявшие на себя задачу прославления захватнической политики, не учитывают одного: при всем желании Филипп не мог действовать в интересах греков, ибо цели македонского правящего класса

противоречили стремлению эллинов к независимости. Другое дело, что наиболее зажиточные представители греческого мира выступили с поддержкой македонской завоевательной политики, разгадав в ней силу, способную защитить богатых от посягательств неимущих.

Греческий автор Х. Налчас особо выделяет заслуги македонского царя в консолидации македоно-греческих сил и организации всеэллинского похода мести, а также в придании эллинству «всеохватывающего характера». Стремясь затушевать захватнический характер готовящейся восточной войны, этот автор наделяет Филиппа чертами благородного мстителя, просветителя и гуманиста, якобы принявшего факел эллинской образованности из слабеющих рук греков и понесшего его на Восток для реализации культурной миссии греческой нации [46]. А в понимании У. Вилькена «империалистическая» программа Филиппа получила культурные цели и тем самым обрела множество достоинств [47].

В изображении указанных выше авторов Филипп предстает как величайший деятель своей эпохи, сумевший добиться в короткий срок возвышения Македонии, объединения греческих сил и начавший подготовку особой миссии эллинства; он не только идейный вдохновитель панэллинского единства, но и неутомимый труженик, стремившийся возродить величие эллинского духа и осуществить на деле его великое всемирное назначение. Характерно, что и деятельность Александра многие историки изучают под тем же углом зрения — безмерно восхваляют его личные достоинства и чернят всех, кто хотел воспрепятствовать осуществлению македонских захватов на Востоке.

Несмотря на некоторое различие в подходе к изучению переходной эпохи IV в. до н. э., многие историки-немарксисты как прошлого, так и настоящего оперируют одними и теми же аргументами, почерпнутыми из сочинений античных авторов апологетического направления, придающих особую, почти исключительную роль личности Филиппа.

Бесспорно, что на рубеже IV в. до н. э. Македонии принадлежало особое место в жизни античного мира. Причины этого явления следует искать в социально-экономических условиях развития молодого македонского государства и кризисе греческого полиса, а не только в личных достоинствах Филиппа.

Марксистская историческая наука дает исчерпывающий ответ на вопрос о причинах возвышения Македонии, упадка Греции и неизбежности ее завоевания Филиппом. Противоречия внутри античного общества показали невозможность существования полисной структуры как организующей и подавляющей силы. В этих условиях выходом могли быть только новые завоевания для создания более широкого рынка и воспроизведения старого процесса развития на более высокой ступени [48]. Эту роль выполнило македонское государство, устремившееся в жажде захватов далеко на Восток.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОЦАРЕНИЕ АЛЕКСАНДРА И ПОДГОТОВКА ВОСТОЧНОГО ПОХОДА

Несмотря на кажущуюся стабильность порядков, установленных Филиппом внутри Македонии и в покоренных землях, с его смертью сразу же пришли в движение центробежные силы, направленные на разрыв далеко не прочных уз зависимости от македонской власти.

Смерть Филиппа поставила перед Александром целый ряд неотложных проблем, от решения которых зависела не только судьба македонских завоеваний, но и само существование царства. Старая македонская знать мечтала о децентрализации государства, возврате к прежней системе разобщенных земель, возглавляемых представителями местных родов. При известии о гибели Филиппа пришли в движение соседние «варварские» племена фракийцев, иллирийцев, скифов. Возможно, в своем стремлении добиться распада царства македонские сепаратисты рассчитывали на поддержку фракийско-иллирийских племен, также заинтересованных в разобщенности Македонии [1].

Смерть Филиппа не оставила безучастным никого, кто прямо или косвенно был связан с македонским государством.

Быстрота и натиск, свойственные молодому Александру и не раз позже выручавшие его в сложных ситуациях, сыграли решающую роль в провозглашении его царем Македонии.

Сохраняя еще пережитки родо-племенных отношений, Македония в IV в. до н. э. не имела твердой наследственной царской власти. Царь, как первый из дружины, избирался войсковым собранием [2], поэтому было очень важно, кого войско провозгласит царем. Похоже, что симпатии македонской родовой знати склонялись к Аминте, племяннику Филиппа, отстраненному от власти дядей еще в 359 г. до н. э. Кроме того, потенциальным претендентом на македонский престол были сводный брат Александра Каран и новорожденный сын Клеопатры, второй жены Филиппа [Юстин, XI, 2, 3]. Но македонский полководец Антипатр и сын Пармениона Филота, выражая настроение сподвижников Филиппа и желая предупредить династические распри, провозгласили Александра царем.

Двадцатилетнему Александру предстояло повести решительную борьбу с внутренними и внешними врагами за упрочение своей власти.

Его молодость и неопытность в государственных делах пробудили надежды представителей антимакедонских сил в Греции, а также северных «варваров» на освобождение от македонской зависимости. Но противники Македонии (в том числе и персы) не учли, что устранение Филиппа не означало ликвидации всего налаженного военного и административного аппарата страны, опиравшегося на хорошо обученную армию. Военачальники и войско поддержали Александра.

Первая из стоявших перед Александром неотложных задач заключа-

лась в полном искоренении внутренней оппозиции. От успеха этой акции зависела прочность македонской власти в Греции и над соседними «варварами». Даже верность командиров и войска не давала Александру гарантии победы, ибо, как свидетельствуют источники, великое недоброжелательство, страшная ненависть и опасности окружали царя со всех сторон [Плут., Алекс., 11; Юстин, XI, 1, 2—3].

Друзья молодого царя — Гарпал, Неарх, Эригий, Птолемей, Гефестион, вернувшиеся после изгнания в Македонию, советовали Александру действовать убеждением, кротостью, подарками, чтобы заручиться симпатиями греков и «варваров». Но царь поступил совсем наоборот: он предпочел насилие уговорам, военное превосходство и неустрашимость — уступчивости врагам [Плут., Алекс., 11].

Расправа с внутренними врагами была короткой и жестокой: Геромена и Аррабея убили (Павсаний был заколот стражей на месте преступления), их брат Александр Линкестиец, первый приветствовавший молодого царя, получил прощение (позже, во время восточного похода, его имя опять встречается в числе заговорщиков). Возможных претендентов на власть — Аминту, Карана и Клеопатру с младенцем — также убили по приказу Александра [Юстин, XI, 2, 1—3].

Предвидя неизбежность столкновения с Атталом, все родственники которого были уничтожены, Александр послал в Малую Азию верного Гекатея с приказом убить военачальника. Некоторые античные авторы сообщали, что Аттал вошел в сговор с афинянами против Александра, что Демосфен получил золото от персов для организации антимакедонской борьбы [Диод., XVII, 5, 1; Эсхин, III, 239] и что македонское войско в Малой Азии было готово поддержать мятежников [Диод., XVII, 4, 8].

Убийство Аттала пресекло действия враждебных Александру сил, войско было усмирено. В этом сыграл особую роль Парменион, сохранивший верность царю.

Упрочив свою власть, Александр заявил, что все осталось прежним, что переменилось только имя царя, а «бразды правления будут натянуты так же крепко, как и при его отце» [Диод., XVII, 2].

Намереваясь продолжать завоевательную политику Филиппа, Александр постарался еще больше поднять боевые качества македонского войска, сделать службу в армии популярной. Он освободил от уплаты податей тех, кто служил в войске; впоследствии такую же привилегию получили семьи погибших солдат [Арр., I, 16, 5; Юстин, XI, 1, 10].

Больше всего македонского царя беспокоила Греция, где известие об убийстве Филиппа вызвало деятельную подготовку к войне. До Александра дошли слухи, что Демосфен призвал афинян начать войну с Македонией и что фиванцы приняли решение изгнать его гарнизоны из Кадмеи и не предоставлять ему право быть гегемоном эллинов. Действительно, ситуация в Греции была очень сложной: этолийцы постановили вернуть из Акарнании своих изгнанников, высланных еще Филиппом; амвракиоты изгнали македонский гарнизон и установили демократическое правление, а аргосцы, элейцы и спартанцы стали питать надежды на автономию [Диод., XVII, 3, 2—5]. Только энергичное и смелое вмешательство в греческие дела могло затруднить совместное выступление эллинских полисов против Македонии.

Именно так и поступил Александр, неожиданно для эллинов бросив армию в Фессалию.

Македонское войско двинулось берегом моря к Темпейской долине, зажатой с двух сторон горами Олимп и Осса. Вход в ущелье преграждали от-

ряды фессалийцев, полные решимости бороться. В планы Александра не входило начинать кровопролитное сражение с фессалийским авангардом, и царь приказал в пологом склоне горы Осса вырубить ступени и по ним, обойдя противника, спуститься в долину Пенея. Фессалийцы не ожидали обходного маневра и очень испугались, обнаружив македонян у себя в тылу [Пол., IV, 3, 23].

После этого фессалийские города признали Александра гегемоном Эллады и обещали свою помощь в борьбе с остальными греками. Съезд амфиктионов в Фермопилах подтвердил право македонского царя на гегемонию, а Александр, со своей стороны, не скупился на обещания. Но среди собравшихся не было представителей Фив, Афин, Спарты [Диод., XVII, 4, 2—3].

Добившись подтверждения прав Македонии на Фессалию, Александр без промедления вторгся в Среднюю Грецию и расположился лагерем вблизи Фив. Появление македонян в Беотии, оказавшееся для греков неожиданным, внесло в их ряды смятение. Несмотря на призывы к войне, никто не был готов к ней. Теперь же, очутившись перед реальной угрозой расправы, греческие полисы запросили пощады.

Униженные просьбы греческих полисов о прощении свидетельствовали об их внутренней слабости, невозможности объединения даже перед лицом общего врага. Правда, демократические группировки не прекращали пропаганды идей совместной борьбы, но экономические причины и противоречия между Афинами, Спартой, и Фивами делали эти усилия неэффективными.

Таким образом, всеобщее недовольство македонским господством в Элладе не было подкреплено реальными делами. Очевидно, расчет Александра в отношении Эллады строился на Коринфском соглашении греков с Филиппом, преднамеренно зафиксировавшем признание раздробленности Греции, и этот расчет не подвел македонского царя, столкнувшегося с неорганизованными выступлениями отдельных городов, не поддержанных другими полисами.

Сложность и нестабильность внутренней жизни Эллады давали в руки Александра разнообразные средства давления на греков, не столько военные, сколько дипломатические,— от подкупа и обещаний до шантажа и угроз. Судя по источникам, македонский царь всеми ими пользовался с равным успехом и неизменно одерживал верх в интригах, натравливая одни полисы на другие.

Смятение, охватившее Грецию, было напрасным. Александр и не думал о военном столкновении с бывшими союзниками своего отца. Во-первых, это было бы слишком опрометчиво, так как положение македонского государства со смертью Филиппа несколько пошатнулось, а врагов хватало и внутри и вне его. Во-вторых, Александр не ставил перед собой иных задач, кроме подтверждения тех прав, которые имел его отец в Элладе. Да и объективно ситуация на Балканах была такова, что Македония и Греция в равной мере нуждались друг в друге: эллинский мир был не в состоянии собственными средствами преодолеть внутренний кризис, а Александр без поддержки греков не мог начать восточный поход, ибо нуждался в людских ресурсах и денежных средствах; кроме того, он возлагал надежды на греческий флот, который по своим боевым качествам не уступал персидскому. Слабая обеспеченность македонского тыла также была одной из причин «гуманного» отношения Александра к эллинам.

Поэтому македонский царь, стоявший военным лагерем в Беотии, милостиво принял посольство афинян и просил только об одном (словно забыв

антимакедонские призывы Афин) — прислать своих представителей в Коринф для обновления прежнего договора. Арриан по этому поводу пишет, что афиняне «в знак почтения к Александру согласились на большее, чем было дано Филиппу» [I, 1, 3]. Свидетельство античного историка подтверждается отрывком одной аттической надписи, перечисляющей пункты договора македонского царя с Афинами и сообщающей об увенчании Александра двумя золотыми венками [C. I. Attic., II, 160].

Полномочные представители эллинских городов вновь собрались в Коринфе для подтверждения прав Александра быть гегемоном греков и возглавить их предстоящий поход против персов. Как и ранее, спартанцы отказались прислать своих уполномоченных под предлогом, что им от предков завещано не идти следом за другими, а самим быть предводителями [Арр., I, 1, 2]. Как пишет Плутарх, множество государственных людей и философов собрались на Истме, чтобы приветствовать молодого царя. Александр уже настолько привык к атмосфере поклонения и обожания, что недоумевал, почему не явился философ-киник Диоген Синопский. Царь со свитой отправился к нему сам. Философ безмятежно лежал, греясь на солнце. Он даже не изменил позы, увидев царя в окружении придворных. И когда Александр спросил Диогена о его желании, философ спокойно ответил: «Не затмевай мне солнца!» Античный биограф пишет, что македонский царь был в восторге от ответа мудреца и будто бы сказал своим приближенным, что если бы он не был Александром, то хотел бы быть Диогеном [Плут., Алекс., 14; Павс., II, 2, 4].

Этот широко известный анекдот из жизни молодого Александра Плутарх вводит в повествование, чтобы показать личные качества македонского царя, сочетавшего в себе достоинства воина и мудрость философа.

Все источники сообщают, что на съезде в Коринфе Александр тактично, без нажима, просил греков вручить ему верховное начальствование войсками Эллады в походе против персов [Арр., I, 1, 2]. И царь так расположил к себе эллинов, что они назвали его полномочным стратегом Эллады и поручили вести их против персов, виновных в осквернении греческих святынь [Диод., XVII, 4, 9].

Уже в своем первом совершенно самостоятельном предприятии по усмирению греков Александр проявил качества полководца и государственного деятеля, действующего применительно к обстоятельствам, проявляющего решительность и упорство и наряду с насилием использующего обещания и уступки.

Первый после воцарения Александра поход в Грецию закончился Коринфским общегреческим съездом, подтвердившим неизменность македонских прав на Элладу и твердую решимость союзников в скорейшем времени начать поход на Восток.

Видимо, малоазийские и островные греки (от Родоса до Тенедоса) горячо поддерживали идею восточного похода и освобождения их от персидской зависимости. 10-тысячный авангард македонского войска, отправленный еще Филиппом в Малую Азию, встретил сочувствие эллинского населения и помог отложению от персов таких важных в стратегическом отношении городов, как Кизик и Эфес, где к власти пришли демократические группировки, свергнувшие проперсидски настроенных олигархов. Вероятно, Тенедос также уничтожил олигархическое правление и принял сторону Александра, заключив с ним и с греками договор в нарушение Анталкидова мира [Арр., II, 2, 23]. Кроме того, Плутарх в одной из своих философских диатриб (род беседы) указывает, что философ-платоник Дилий, посланный эллинами Азии к Александру, убеждал царя как мож-

но скорее начать восточную кампанию, указывая на бедственное положение греков при персидском владычестве [Против Колота, 32].

Но ни желание македонского царя, ни усилия греческих олигархов, ни призывы азиатских эллинов к Александру не имели решающего значения: восточный поход откладывался; его нельзя было начинать в обстановке полуусмиренной Греции и готовых вторгнуться в Македонию северных «варваров». Правда, приход Александра во главе войска в Фессалию и Беотию отрезвил греков, заставил их на время расстаться с мечтой о независимости и вынудил безропотно принять македонское господство, но все же бурный взрыв антимакедонских настроений при известии о смерти Филиппа показал всю непрочность македонской власти в Элладе и сомнительную верность греков как союзников в предстоящем походе. Эти факторы, конечно, должен был учитывать Александр в своей политике заигрывания с греками, рассчитанной на приобретение большего числа сторонников в Элладе и на подавление местнических настроений отдельных греческих городов, особенно тех, во главе которых стояли демократические группировки — проводники антимакедонской политики.

На Коринфском съезде Александр, как сообщают источники, просил эллинских «союзников» вручить ему командование объединенными силами во время похода на Восток, т. е. македонский царь хотел быть только стратегом-автократором — военным руководителем — в персидском походе, а не повелителем греков. Этому свидетельству античных авторов [App., I, 1, 2; Диод., XVII, 4, 9] некоторые историки придают особое значение, стараясь при случае подчеркнуть, что поступками Филиппа и Александра руководили не корыстные цели, а задачи сплочения греков и организации совместного похода на Восток, что македонские цари никогда не вмешивались во внутренние раздоры греческих группировок, а находились как бы выше эллинских дрязг, верные своему назначению — объединению греков[3]. Но источники приводят совсем иные факты: и Филипп и Александр преднамеренно разжигали в Греции вражду между демократами и олигархами, поддерживая то одних, то других, избегая тем самым организации общегреческого сопротивления македонскому господству. Даже кажущаяся непоследовательность македонской политики (в Греции македонские монархи опирались на олигархов, а в Малой Азии и на островах — на демократов) вполне закономерна: союз с эллинским зажиточным слоем обеспечивал прочность позиций Македонии в Элладе, а лозунг сближения с демократическими группировками азиатских греков был направлен против персидской власти, опиравшейся на олигархических деятелей. Но в дальнейшем Александр в Малой Азии больше содействовал греческим олигархам, что видно из его указов о возвращении в свои города бывших тиранов и олигархов[4]. Скорее всего, в «непоследовательности» Филиппа и Александра заключалась гибкость их внешней политики, всецело служившей македонским интересам.

Так из трех основных задач, стоявших перед Александром,— расправа с оппозицией внутри страны, наведение порядка в Греции и усмирение северных племен, фракийцев и иллирийцев,— две первые были успешно решены македонским царем в короткий срок (менее чем за полгода). Теперь следовало привести к покорности фракийско-иллирийские племена, угрожавшие безопасности северных границ Македонии.

Получив известие о восстании иллирийцев и трибаллов, Александр, занятый подготовкой восточной кампании, счел необходимым предпринять поход в их земли, так как нельзя было уходить в Азию, оставляя в тылу незамиренные племена [App., I, 1, 4].

Храм Аполлона в Дельфах

Весной 335 г. до н. э. македонское войско двинулось из Амфиполя на восток вверх по долине Несса и, перейдя реку, оставило позади себя город Филиппы. Арриан, описавший эти события, пишет, что на десятый день Александр подошел к горам Гема. Видимо, заранее предвидя военное столкновение с «варварами», македонский царь потребовал от Византия посылки судов в устье Истра для поддержки с моря действий сухопутных сил.

Как ни рассчитывал Александр на внезапность своего появления в землях фракийцев, «варвары» (трибаллы) и «независимые горцы» (одриссы) укрепились на вершине Гема, установив наблюдение за узким проходом в ущелье. Не надеясь разбить врага в открытом бою, трибаллы придумали план уничтожения македонского войска: на вершину горы они подняли множество повозок, которые должны были служить им прикрытием от вражеских стрел и вместе с тем стать грозным оружием против вражеского войска. Трибаллы рассчитали, что, как только македоняне плотным строем взберутся по тропинке на гору, им на голову обрушатся повозки [Арр., I, 1, 6—7].

Но Александр нашел выход из затруднительного положения: он приказал фалангитам там, где это можно, расступиться, чтобы повозки падали в проход, а где нельзя,— лечь плотно на землю и прикрыться щитами.

И случилось так, как предполагал Александр: фракийцы сбросили на головы македонской пехоты смертоносные повозки, но ряды фалангитов расступились или легли, прикрывшись щитами, и все воины остались живы. Воодушевленные чудесным спасением, македоняне бросились вперед. Верно считая самым уязвимым местом фалангу, Александр приказал

впереди нее поставить лучников для отражения вражеских атак, а сам во главе агемы, щитоносцев и агриан стал на левом крыле.

Лучники остановили наступление «варваров», а фаланга отбросила их назад, так что не потребовалось вмешательства конницы. Легковооруженные «варвары» не выдержали натиска македонской фаланги и разбежались кто куда. Погибло их около полутора тысяч, в плен взяли мало: они хорошо знали местность и быстро бегали. Жены и дети фракийцев попали в руки македонян [Арр., I, 1, 11—13].

Античная историография не сохранила сведений о численности македонского войска в «северном походе». Лишь сопоставление некоторых мест «Анабасиса» Арриана дает возможность уточнить количественный и качественный состав армии Александра в этой операции. Описывая переправу через Истр, Арриан сообщает о четырех илах всадников, т. е. приблизительно о 1500 воинах [I, 3, 6], далее называет таксисы Кена, Пердикки [I, 6, 9—10] и фалангитов Мелеагра и Филиппа [1, 4, 5]. Кроме того, античный историк говорит об использовании македонским войском метательных машин и снарядов [I, 6, 8]. Ясно, что не только численный перевес [5], но и оснащенность новейшим оружием помогли Александру нанести поражение фракийцам.

Ободренный первой победой над фракийскими племенами, Александр перешел Гем и двинулся против трибаллов, царь которых Сирм, зная заранее о приближении македонского войска, укрепился на одном из лесистых островков Истра, собрав туда всю добычу, женщин, детей и часть воинов.

Разведав, что трибаллы разбивают военный лагерь у реки Лигин, македонский царь повернул обратно и застал противника врасплох. Трибаллы рассеялись в прибрежном лесу в ожидании подходящего момента для рукопашной схватки. Но Александр приказал выставить вперед лучников и пращников, рассчитывая градом стрел и камней заставить противника выйти на открытое место, с тем чтобы ввести в бой фалангу. Замысел Александра удался, и как только трибаллы вышли из укрытия, на них двинулась в центре фаланга, а на флангах — конница. «Варвары» бежали в лес, оставив на поле боя 3 тыс. убитых; наступившая ночь не дала возможности македонянам преследовать противника. Потери Александра были ничтожны — 11 всадников и около 40 пехотинцев [Арр., I, 2, 6—7].

Путь к Истру был расчищен, и через три дня македоняне достигли устья реки, где их уже ждали пять военных кораблей, пришедших из Византия. Но посаженные на них лучники и гоплиты не сумели высадиться на островке, где укрылись «варвары»: течение реки в этом месте было быстрым и враг не давал пристать к берегу. Пришлось македонскому отряду вернуться ни с чем [Арр., I, 3, 4,].

Пока Александр прикидывал, с какой стороны лучше атаковать островную цитадель трибаллов, живущие за Истром геты собрали на берегу войско в 4 тыс. всадников и около 10 тыс. пеших, выказывая недоброжелательство к пришельцам.

Александр принял решение форсировать Истр и заставить кочевников заключить с ним союз, чтобы закрепить новую границу государства на севере.

Собрав все имеющиеся суда и челноки местных жителей, а также приказав набить сеном кожаные палатки, македонский царь под прикрытием ночи переправил часть войска (1,5 тыс. всадников и 4 тыс. пехотинцев) на вражеский берег. С наступлением утра засевшее в высоких хлебах войско вышло на открытое место и построилось в боевом порядке: фаланга —

в центре, конница — на флангах. Геты не выдержали первой же атаки и бежали в свой плохо защищенный город, отстоявший от Истра на 30 стадий. Македоняне пустились преследовать кочевников. Александр разрушил город гетов, а захваченные ценности велел переправить за Истр в приморские греческие полисы, зависимые от Македонии. Геты бежали в степи. Преследовать их дальше не имело смысла, так как Александр не собирался завоевывать эти земли; поэтому, устрашив кочевников, македоняне возвратились в лагерь за Истром [Арр., I, 4, 1—5].

Вскоре к Александру прибыли послы от царя трибаллов Сирма и от кельтов, живших у Ионийского залива (Адриатическое море). Они просили заключения мира с македонским царем [Арр., I, 4, 8; Страб., VII, 301]. Мир с ними был подписан, безопасность северных границ царства восстановлена, и Александр решил поскорее вернуться в Македонию через дружественные земли агриан и пеонов, царь которых Лангар уже имел связи с Филиппом. Но известия из Иллирии заставили войско повернуть обратно: Клит и Главкий, правители соседствующих племен, объединились с племенем автариатов и решили уничтожить армию македонян в горных проходах.

Александр совместно с агрианами и пеонами совершил набег на автариатов, разграбил страну и унес богатую добычу [Арр., I, 5, 3]. Хуже дело обстояло с другими иллирийцами: Клит захватил пограничную македонскую крепость Пелион, а Главкий занял горные подступы к городу.

Первым побуждением македонского царя было взять крепость приступом, но, оценив сложность своего положения (в его тылу находилось войско тавлантов), он решил предпринять психологическую атаку на противника. Александр произвел несколько перестроений фаланги и наконец, поставив ее клином, на глазах изумленных «варваров» повернул на возвышенности, занятые иллирийцами. И враг, не выдержав одного грозного вида фалангитов, отступил в беспорядке. Ночью македоняне напали на иллирийский лагерь и уничтожили множество врагов. Они преследовали иллирийцев до самых гор в земле тавлантов, куда бежал и их вождь Клит. Так был отбит Пелион.

Отрывочные свидетельства источников не дают полных сведений о степени зависимости иллирийско-фракийских племен от Македонии. Все же Арриан [II, 7, 5] и Диодор [XVII, 17] сообщают о подразделениях «варваров» из Иллирии и Фракии, принявших участие в походе греков и македонян на Восток. Даже если эта зависимость и не была полной, то, вероятно, северные народности Балкан платили Александру дань и обязывались поставлять свои отряды в македонское войско [6]. Эту же мысль подтверждает другой отрывок Арриана из несохранившегося труда по истории диадохов, где античный историк упоминает, что Александр, отправляясь в поход на Восток, вверил Антипатру управление не только Македонией и Грецией, но и фракийцами, иллирийцами, трибаллами, агрианами [Арр., Τά μετά 'Αλέξ., 7].

«Северный поход» пришел к концу. Был ли Александр доволен достигнутыми успехами? Несомненно. Безопасность северных границ Македонии была гарантией мирной жизни для страны и возможности использования ее военных сил в других местах. Ведь фракийские земли, богатые полезными ископаемыми (золото, серебро) и усеянные греческими городами-колониями, были крайне нужны развивавшейся македонской экономике. А северная Иллирия играла роль защитного вала для центральной Македонии, предохраняя ее от набегов кочевников.

Достижение мирного соглашения с гетами также способствовало укреплению границ царства по Истру, давало некоторую гарантию от набегов в будущем. Правда, геты не были надежными союзниками, но между ними и македонянами располагались фракийцы, покорности которых Александр добился применением силы.

Чем же объясняется слабость северных «варваров» и непобедимость македонского оружия? Видимо, тем, что фракийско-иллирийские племена не входили в централизованное государственное объединение, а поэтому не располагали единым регулярным войском. Судя по источникам, их вооружение, по преимуществу легкое, годилось только для ближнего боя, для рукопашной схватки, чего всегда старательно избегал Александр, предпочитавший обрушить на врага град стрел и камней, а потом ввести в дело конницу и фалангу, действовавших в постоянном взаимодействии. Все свидетельства Арриана показывают, что трибаллы и иллирийцы не выдерживали натиска фалангитов и разбегались, почти не оказывая сопротивления. Совершенно ясно, что военная организация Македонии была намного выше ополченческих разрозненных отрядов северобалканских племен, которым были неизвестны греко-македонские методы ведения войны.

Но успешное завершение «северного похода» еще не позволило начать восточную кампанию: события в Греции опять потребовали незамедлительного прихода туда македонского царя с войском.

Историю второго после смерти Филиппа выступления греческих городов довольно подробно излагают Арриан и Юстин. Античные авторы пишут, что поводом для восстания послужило известие о гибели Александра в Иллирии. Казалось, что зажженную спичку вражды поднесли к уже заготовленному костру: слуха о смерти Александра в сражении с трибаллами было достаточно, чтобы греки поднялись на борьбу.

Зачинщиками восстания греков источники называют Демосфена и фиванских демократов, которые своими речами склоняли народ на открытое выступление против македонян. В подтверждение своего сообщения о гибели Александра афинский оратор привел свидетеля, который говорил, что он сам был ранен в том бою, в котором пал царь [Юстин, XI, 2, 8], Так было в Афинах, а в Фивах демократы, «прикрываясь именем свободы», призывали сбросить македонское иго. И все поверили в смерть македонского царя, от которого долгое время не поступало никаких известий [Арр., I, 7, 2—3]. Этот непроверенный слух изменил настроение почти всех греческих государств, которые немедленно начали уничтожать и осаждать македонские гарнизоны [Юстин, XI, 2, 9].

Сохранились несколько противоречивые свидетельства древних о том, что в эту общегреческую борьбу включилась Персия, желавшая силами самих греков добиться ослабления Македонии, чтобы сделать невозможным осуществление восточного похода.

Александр в письме Дарию (по версии Арриана) упрекает персидского царя в подстрекательстве греков к восстанию и сообщает о его желании подкупить эллинские города и о том, что его денежную помощь приняли только одни спартанцы [Арр., II, 14, 6]. Юстин, Диодор и Плутарх представляют дело по-иному. Демосфен будто бы получил от персов 300 талантов золотом, чтобы начать военные действия против македонян, а также состоял в переписке с военачальниками Дария и помог фиванцам оружием [Юстин, XI, 2, 7; Диод., XVII., 4, 8; Плут., Демосфен, 20, 23]. Характерно, что все эти упреки, адресованные вождю афинской демократии, древние авторы почерпнули из речей его противников — ораторов

Храм Ники Аптерос

Эсхина и Динарха, обвинявших Демосфена в получении взятки от персов [Эсхин, III, 239; Динарх, Против Демосфена, 18—20].

Но не только Афины и Фивы начали готовиться к борьбе с Македонией. Воинственные настроения господствовали также в Аркадии, Элиде, Мессении, Этолии.

Военные действия начали Фивы. Фиванцы выманили из Кадмеи, городской цитадели, начальников македонского гарнизона Аминту и Тимолая и убили их [App., I, 7, 1]. Потом вокруг крепости выкопали глубокий ров, обнесли его частоколом, чтобы осажденные не могли получить никакой помощи извне, и начали осаду [Диод., XVII, 8, 3—4]. Предусмотрительные афиняне ограничились посылкой оружия в Фивы.

Античные историки пишут, что македонский царь очень серьезно отнесся к событиям в Греции, считая, что пожар, вспыхнувший в Фивах, может перекинуться на Афины, Спарту, Этолию и вообще на весь Пелопоннес [App., I, 7, 4; Плут., Алекс., 11; Диод., XVII, 8, 2; Юстин, XI, 2, 10]. Он понимал, что действовать надо без промедления. И он не раздумывая бросил войско в Грецию. Быстрым маршем оно прошло через Эордею и Элимиотиду и на седьмой день достигло Пелины в Фессалии. Спустя еще шесть дней, минуя Фермопильское ущелье, македонская армия дошла до Беотии.

Когда армия Александра уже находилась в Онхесте, в 50 стадиях от главного города Беотии, в Фивах еще только узнали, что македонское войско миновало Фермопилы. Фиванские демократы успокаивали народ, говоря, что это — войско, посланное Антипатром, и что его ведет Александр

Линкестиец, сын Аэропа. Сомнения рассеялись на следующий день: македонский царь стал лагерем вблизи Фив.

Источники единодушны в мнении, что Александр пришел в Грецию с целью не карать, а примирять. Однако под стенами Фив собралась 33-тысячная македонская армия [Диод., XVII, 9, 3], готовая в любую минуту открыть военные действия. Видимо, македонский царь, как и прежде, рассчитывал на постоянное несогласие эллинов между собой и на их неспособность выступить единым фронтом. Даже если македонский царь не помышлял о войне с греками, он, бесспорно, хотел их поразить многочисленным, закаленным в боях войском, которое еще при Филиппе не знало поражений и с которым Александр собирался уничтожить персидское царство [Диод., XVII, 9, 3].

Не собираясь первым начинать военные действия и справедливо полагая, что один город вряд ли отважится сразиться с такой многочисленной армией, Александр некоторое время выжидал, надеясь, что Фивы запросят пощады и пришлют посольство для заключения мира [Арр., I, 7, 7; Плут., Алекс., 11; Юстин, XI, 3, 6). Но фиванцы думали иначе и на совете командиров приняли решение бороться за свободу и начать войну с Македонией [Диод., XVII, 9, 1].

Александр, сделав вид, что готов простить Фивы за необдуманный шаг, выставил только одно условие — выдать Феника и Профита, зачинщиков возмущения, обещая всем прочим неприкосновенность. А фиванцы в ответ, словно издеваясь над македонским царем, потребовали выдачи им Антипатра и Филоты. Это означало прямое объявление войны.

Фиванцы предприняли вылазку за стены города и обстреляли передовые македонские посты, убив нескольких солдат. Александр отбросил смельчаков обратно, послав против них лучников и легковооруженных воинов [Арр., I, 7, 9].

После этого инцидента македоняне перенесли свой лагерь к городским стенам, поближе к Кадмее, чтобы оказать помощь осажденному гарнизону.

Пока македонский царь тянул время, в Фивах разгорелась ожесточенная борьба между сторонниками примирения с Александром — олигархами и его заклятыми врагами — демократами. Первые убеждали народ примириться с царем, вторые призывали к войне; демократов поддержали и беотархи [Арр., I, 7, 11].

Подробности рокового для Фив сражения с македонским войском приводит один Арриан. Будучи автором апологетического направления, он старается показать македонского царя в привлекательном свете, свалив всю вину на полководцев Пердикку и Аминту, напавших на передовой отряд фиванцев. И только после этого Александр двинул остальное войско, опасаясь, как бы Пердикка, овладевший уже вторым защитным палисадом, не оказался в окружении.

Поначалу инициативой владели македоняне. Они начали преследование противника по дороге, ведущей к храму Геракла, но, как только фиванцы, повернув, бросились в контратаку, македонские лучники побежали, а их командир Эврибот был убит.

В этот критический момент в бой вступила фаланга, оттеснившая фиванцев к городу, причем те в спешке отступления забыли закрыть ворота, и македоняне проникли внутрь. Гарнизон, запертый в Кадмее, получил свободу действий; часть его присоединилась к той части македонского войска, которая билась у храма Амфиона, другая устремилась к агоре, где также завязалось сражение. Воспользовавшись отсутствием стражи на стенах, македоняне проникали в город со всех сторон. Фиванцы, скован-

ные натиском наседающего противника, с большим трудом отбивались, уже не помышляя об организованной обороне. Рассеянные по всему городу всадники, не видя спасения, устремились в открытые ворота и бежали в окрестные поля; за ними кинулось пешее войско.

И тогда началась жестокая расправа с безоружными людьми [App., I, 8, 8). При уничтожении мирных жителей особенно усердствовали платейцы, фокийцы, и прочие беотийцы, вымещавшие на стариках, женщинах и детях свои прежние обиды. Никто не был пощажен, убивали в домах, на улицах, в храмах. Такого великого бедствия Греция не знала со времен сицилийской катастрофы [App., I, 9, 1—2].

Только наступление ночи прекратило бессмысленное уничтожение невинных людей. Потери фиванцев достигли 6 тыс. убитыми, а македонян погибло около 500 [Диод., XVII, 14; Плут., Алекс., 11].

Но и жестокое поражение Фив не могло умилостивить Александра и удовлетворить его жажду мести. Царь намеревался преподать фиванцам такой урок, чтобы отбить у всех греков охоту к выступлениям против македонского владычества.

Александр вполне мог действовать военной силой и воспользоваться правом победителя, чтобы наказать фиванцев так, как он считал нужным. Но куда дальновиднее было бы учинить расправу с Фивами руками самих греков. Когда собрался Союзный совет для определения меры наказания побежденным, громче всех звучали голоса сторонников Македонии — платейцев, орхоменцев, феспийцев, чьи города были разрушены фиванцами и восстановлены Филиппом. Представители союзных Александру полисов также упрекали Фивы в жестокости и указывали на их приверженность персам во время греко-персидских войн в ущерб свободе Эллады[7]. Поэтому фиванцы ненавистны всем народам, говорили послы, и все требуют для них наказания не только за вероломство, но и за порочащую их славу сообщников «варваров» с древнейших времен [Юстин, XI, 3, 8—11].

Характерный штрих сообщает Диодор, указывающий, что перед штурмом Фив Александр призывал восставших одуматься и перейти на его сторону. Но мятежники ответили царю, что они призывают в союзники к себе всех, кто хочет с их помощью и при поддержке персидского царя освободить Элладу от тирана. После такого ответа Александр, «озверев душой», приказал начать атаку на город [Диод., XVII, 9, 5—6].

Александр действовал в своих интересах, использовав враждебное отношение части греков к фиванцам. Исподволь оказывая нажим на Союзный совет, македонский царь как будто держался в стороне, дав возможность грекам, питающим злобу к Фивам, излить свою ненависть на головы побежденных. Формально и царь, и его союзники действовали справедливо, определяя меру наказания для провинившихся. Ведь Коринфское соглашение (338 г. до н. э.), зафиксировавшее мир в Элладе, содержало особый пункт, предусматривавший суровое наказание как за измену общегреческому делу для тех, кто выступал инициатором враждебных действий против Филиппа или его преемников [Ditt., Syll[3], 260]. Кроме того, политическим изгнанникам запрещалось осуществлять походы с военными целями для ниспровержения существующего строя [Псевдо-Дем., XVII, 16]. Таким образом, Коринфское соглашение в том виде, как оно было оформлено и утверждено при Филиппе, устанавливало прямую зависимость эллинских городов от Македонии, причем нарушение этого принципа влекло суровую кару.

Но Александр, как и его отец, в греческих делах предпочитал действовать больше дипломатическим, чем военным путем. Невольно напраши-

вается сравнение между политикой Филиппа после Херонейской битвы и действиями Александра после фиванского восстания. В Херонейской битве принимали участие многие греки, в том числе афиняне и фиванцы. Но, нанеся эллинам тяжелое поражение, Филипп весь свой гнев обрушил на Фивы, формально нарушившие с ним договор. А Афины, игравшие главенствующую роль в организации всегреческого сопротивления, отделались тогда умеренными условиями мира с победителем. Сходная ситуация возникла в 335 г. до н. э., когда Александр, взяв штурмом Фивы, уничтожил сам город, а его жителей продал в рабство. И на этот раз афиняне оказались словно бы непричастны к антимакедонской борьбе, хотя есть свидетельства, что фиванцы получили оружие от Афин [Плут., Дем., 23; Диод., XVII, 8). Даже с правовой точки зрения Афины нарушили Коринфское соглашение как после смерти Филиппа, так и теперь, предоставив политическое убежище фиванским изгнанникам. Однако всего этого Александр вроде бы не замечал, рассчитывая добиться с Афинами соглашения и как можно суровее наказать восставшие Фивы. Если бы македонский царь действовал в Греции только грубой силой, то, возможно, его успехи в эллинских делах были бы ничтожны, так как он восстановил бы против себя всех греков. А гибкая политика «разделяй и властвуй», ловко маскировавшая захватнические цели, была выгодна Александру, пока еще нуждавшемуся в союзниках, эллинском флоте и в безопасности македонского тыла.

Если даже оставить в стороне прежние прегрешения фиванцев, то они были виновны в нарушении двух пунктов Коринфского соглашения — развязывании войны против Македонии и возвращении политических изгнанников. Не отрицая тяжкой вины полиса, Клеад, пленный фиванец, приведенный на Союзный совет, в своей речи старался оправдать соотечественников, указывая, что они повинны не в измене, а в легковерии, ибо приняли за истинное известие о гибели царя. При взятии города фиванцы уже потеряли 6 тыс. молодых воинов, и это — достаточная плата за заблуждение. И теперь Клеад от лица граждан просит царя пощадить город, родную землю, совсем безвинных и бессильных стариков и женщин [Юстин, XI, 4, 1—6] [8].

При сравнении материалов источников, касающихся фиванского восстания, обращает на себя внимание почти полное единодушие античных авторов апологетического направления, обвиняющих греков в жестокой расправе. Характерно, что источники в своем большинстве представляют дело так, что не Александр творил суд, а союзники, которым он поручил распорядиться судьбой Фив [Арр., I, 9, 9], и что царь очень гордился тем, что внял жалобам своих приверженцев и, следуя постановлению Совета, срыл город, внушив великий страх грекам [Диод., XVII, 14, 4). Вообще, источники апологетического направления всю вину за уничтожение Фив возлагают на «единоплеменников, движимых старинной ненавистью и гневом божества» [Арр., I, 9, 6]. Плутарх, очевидно для смягчения сцен дикой расправы с восставшим городом, включает в повествование рассказ о смелой Тимоклее, убившей фракийского воина-грабителя и приведенной на суд к царю. Но страшный в гневе, Александр был милостив к побежденным и велел отпустить женщину, как только узнал, что она — сестра фиванского стратега, погибшего в Херонейской битве [Плут., Алекс., 12]. В изложении проалександровских авторов, царь действовал только с соизволения Союзного совета, а не по своей воле. Сам он жалел фиванцев, и, когда в азиатском походе к нему приводили пленных наемников из Фив, он ко всем относился мяг-

ко [Плут., Алекс., 13]. Источники критического направления несколько иначе рисуют события и, не снимая с греков вины за фиванскую катастрофу, подчеркивают, что македоняне отнеслись к восставшим хуже, чем положено относиться к врагу [Диод., XVII, 13], что царь не внял просьбам побежденных о пощаде и распродал всех оставшихся в живых по высокой цене[9].

Александр как гегемон всегреческого союза поступал вполне «законно», исполняя предписание эллинов об уничтожении Фив: «Город срыть до основания, а землю, кроме священной, разделить между союзниками; детей, женщин и фиванцев, оставшихся в живых, кроме жрецов, жриц, друзей Филиппа или Александра и македонских проксенов, продать в рабство» [App., I, 9, 9]. Такова была воля Союзного совета, а вернее — самого Александра, хотевшего положить конец неповиновению эллинов. Расчет царя был прост: стертый с лица земли многолюдный город служил наглядным предостережением для всех, кто был намерен посягнуть на прочность македонского господства в Элладе[10].

Показательно, что больше в Элладе не нашлось смельчаков выступать против Македонии, и на протяжении всего похода Александра в глубины Азии не отмечено ни одного волнения в греческих городах, если не считать событий в Спарте, царь которой, Агис, стремился возглавить антимакедонскую борьбу и сколачивал блок недовольных среди островных союзников македонян. Однако в битве у Мегалополя (331 г. до н. э.) наместник Антипатр разбил наголову спартанцев, а сам мятежный правитель Лакедемона пал в сражении [Диод., XVII, 63].

Все древние авторы, сообщавшие о расправе с фиванцами, подчеркивали ее крайнюю жестокость. Арриан констатировал лишь сам факт уничтожения города и продажу в рабство его населения. Плутарх и Диодор приводили некоторые подробности: рабами стали 30 тыс. оставшихся в живых фиванцев без различия пола и возраста, и от продажи этих несчастных царь выручил 440 талантов серебра [Плут., Алекс., 11; Диод, XVII, 14].

Гибель Фив настолько поразила греков, что все ранее помышлявшие о свободе обратили оружие против тех, кто советовал воевать с Македонией. Аркадяне, готовые идти на помощь фиванцам, приняли постановление казнить тех, кто подстрекал к этому; элейцы поспешно вернули обратно изгнанников, бывших друзьями Александра; этолийцы отправили к македонскому царю посольство с просьбой о прощении, так как послушались гонцов из Фив, призывавших к восстанию.

В Афины известие о фиванской беде пришло в пору празднования мистерий. Первым побуждением афинян было свезти все имущество из окрестностей в город и ожидать самого худшего. В это время, по данным источников, видимо, олигархические группировки, в первую очередь Демад, посоветовали афинянам направить посольство из десяти угодных Александру деятелей для несколько запоздалого поздравления по случаю благополучного окончания похода в земли трибаллов и иллирийцев и выражения радости по поводу наказания фиванцев за восстание [App., I, 10, 3].

Александр любезно принял послов, в числе которых был сам Демад, но потребовал от афинян выдачи десяти демократических деятелей, первым из которых значился Демосфен. Все они обвинялись в гибели греков у Херонеи, в пренебрежительном отношении к Филиппу и к нему, а также в отпадении фиванцев [App., I, 10, 4—5]. Положение Афин становилось шатким, угроза военного столкновения приближалась.

На требование выдачи демократических вождей афинский демос ответил отказом, хотя Фокион настаивал на выдаче, говоря, что он порицает трусость и малодушие тех, кто не хочет умереть за интересы государства [Диод., XVII, 15]. Фокиона прогнали из Народного собрания, а Демосфен советовал предпринять все возможное, чтобы спасти своих единомышленников.

Оратор Демад, близкий к македонскому царю, получив 5 талантов серебра от демократов, направился вторично к Александру с просьбой не требовать выдачи десяти политических деятелей, так как сам демос готов наказать их. Кроме того, афиняне через Демада просили разрешения принимать фиванских беглецов. Демад убедил царя простить демократических деятелей и дать согласие на все просьбы афинян [Диод., XVII, 15, 5]. Александр настоял лишь на изгнании афинского стратега Харидема, который бежал в Азию и присоединился к греческому наемному войску персидского царя Дария [11].

Почему Александр не потребовал от афинян удовлетворения своих требований? Античные авторы пишут об уважении царя к культурным традициям Афин, о занятости приготовлениями к восточному походу и только вскользь упоминают, что Александру не хотелось излишне раздражать греков, т. е. оставлять в тылу очаг недовольства [App., I, 10, 6]. Вот это последнее, сказанное мимоходом, и раскрывает причину гуманного отношения Александра к Афинам. Интересы дела требовали дружественных отношений с афинянами, и царь старался поддержать их даже в ущерб своему престижу. Но он отлично понимал, что временная уступка в малом не означает потери в большом.

Итак, спустя только год после гибели Филиппа Александр смог добиться тех прерогатив, которыми обладал его отец как «союзник» иллирийско-фракийских племен, а также гегемон и стратег-автократор греков. Все три пункта программы Александра, от которых зависело само существование македонского царства, были выполнены — уничтожена оппозиция внутри страны, приведены к покорности северные «варвары» и замирена Греция. Но было бы ошибочным считать, что успешное выполнение всех задач, стоявших перед Александром в первый год его царствования, зависело только от его одаренности, а между тем именно это зачастую стараются подчеркнуть некоторые исследователи [12].

Греческие города-государства, разобщенные в своих действиях, были не в состоянии организовать единый фронт антимакедонской борьбы. В этом смысле пример Фив показателен: как только Александр расположился военным лагерем под стенами города, все прочие союзники фиванцев, в том числе и Афины, отшатнулись от мятежников, оставшихся один на один с превосходящим по силе и численности противником [13]. Отсутствие единого антимакедонского фронта в Греции — главная причина успехов Александра в борьбе с эллинами.

В то же время Александр в своем стремлении подчинить греков сумел использовать слабость полисной системы. В его победе не последнюю роль сыграла вражда олигархических и демократических группировок, в одинаковой мере стремившихся к укреплению эллинского города-государства, но разными средствами. Демократы все еще уповали на возрождение былой славы Греции собственными силами, а олигархи, верно оценившие македонскую завоевательную политику и не обольщающиеся в отношении ее последствий, переметнулись на сторону сильного северного соседа, выступавшего гарантом мира и спокойствия на Балканах.

Идеализированный в немарксистской исторической науке восточный поход Александра представляется как триумфальное шествие гениального полководца по неизведанным просторам ойкумены. Широко распространенное на Западе мнение, что Александр начал восточную кампанию, уже имея твердый план завоевания всего мира [14], находится в явном противоречии с теми свидетельствами, которые сохранила античная историография. Обычно в подтверждение этой гипотезы приводится свидетельство Плутарха о том, что царь перед уходом в Азию раздарил остающимся все свое имущество, а себе оставил одни надежды, что он охотно удовлетворял просьбы берущих и просящих [Плут., Алекс., 15]. Но свидетельство Плутарха ничего не объясняет в отношении планов завоевания мира. Оно лишь показывает, что, отправляясь в поход, Александр хотел задобрить тех, кто оставался на родине, рассчитывая получить преданных его делу союзников.

Социальная сторона восточной кампании, не занимавшая античных историографов, почти не видна в источниках, хотя отдельные указания на существование классовых антагонизмов все же в них встречаются. Они-то и позволяют сделать вывод, что легендарный поход македонского царя на Восток не был ни освободительным, ни мстительным, а представлял собой типичное предприятие по захвату новых земель и богатств.

Какими же ресурсами располагал Александр к весне 334 г. до н. э.? Осторожный в оценках и выводах, Арриан только в конце своего труда говорит о тех материальных трудностях, которые пришлось преодолеть Александру при подготовке к восточной кампании: 500 талантов долга осталось в наследство от отца, 800 талантов он занял, а в казне было только 60 талантов [Арр., VII, 9, 6]. Плутарх, ссылаясь на Аристобула, Онесикрита и Дурида, пишет, что у царя имелось 70 талантов, 200 пришлось занять, а провианта было только на 30 дней [Плут., Алекс., 15]. Понятно, что при столь ограниченных средствах вряд ли можно было помышлять о завоевании всего мира. Видимо, планы Александра, как и Филиппа, не шли дальше «освобождения» Малой Азии, причем македонские цари рассчитывали на поддержку греческого малоазийского населения, ради которого был провозглашен лозунг панэллинского единства и отмщения.

Видимо, успехи, которых добился Филипп за 23 года царствования, потребовали огромных денежных затрат, а между тем они не окупались полностью путем ограбления греческих городов-колоний фракийского побережья или увеличения добычи благородных металлов в рудниках Пангея. Долг Филиппа, оставшийся Александру, как отмечалось, равнялся 500 талантам — сумме немалой по тем временам. Военные предприятия поглощали огромные средства, и не всегда можно было прокормить войско за счет захваченных территорий, а поэтому изыскание денег постоянно заботило и Филиппа и Александра, порой тративших больше, чем имели. Характерно, что, стерев с лица земли Фивы, Александр тут же распродал его 30-тысячное население, выручив от этого 440 талантов.

Но постоянная война, которую вело македонское царство на протяжении всех лет царствования Филиппа и Александра, требовала и людских резервов. Хотя античные авторы всегда приводят несколько заниженные цифры потерь Александра и завышенные — его врагов, факт оскудения сельского населения македонской провинции не вызывал сомнений у древних историографов. Достаточно указать, что после 331 г. до н. э. войско Александра уже не получало регулярных пополнений из

Македонии; прибывали лишь эллинские наемники (из Греции, с островов или из западных областей Малой Азии). И с этого времени войско Александра начало утрачивать свои специфические македонские черты.

Еще со времен Филиппа поход на Восток представлялся как завоевание земель Малой Азии, изобилующих богатыми торговыми городами со значительным количеством греческого населения. План Филиппа предусматривал захват этой территории для расширения границ македонского царства.

Нельзя сказать, что идея восточного похода нашла всеобщий положительный отклик на Балканах. Силы, противившиеся восточной кампании, существовали не только в Греции (демократические группировки), но и в самой Македонии. Испытанные полководцы Филиппа Антипатр и Парменион советовали царю подождать с походом. Они рекомендовали сначала укрепиться в Македонии, народить детей и тогда уже браться за такое дело [Диод., XVII, 16, 2]. Но Александр не желал никого слушать и не принимал советов друзей — пустая казна толкала его на Восток к богатым малоазийским городам, где было все, о чем он мог мечтать.

Александр понимал, что предстоящая кампания не будет легкой, что надо мобилизовать все имеющиеся возможности, дабы одолеть численно превосходящего противника, который без боя не отдаст ни своих богатств, ни земель. Поэтому в Македонию для компетентного совета был вызван опытный Парменион. Персы расценили этот шаг как просчет противника или как возможный отказ от агрессии и начали теснить македонский экспедиционный отряд, к тому времени продвинувшийся за Эфес. Родосец Мемнон, один из наиболее способных полководцев на службе у Дария, во главе пятитысячного наемного греческого соединения стал угрожать македонянам, закрепившимся на побережье Малой Азии.

Тем временем в Македонии шла деятельная подготовка к восточному походу, намеченному на весну 334 г. до н. э. Смотры и упражнения войска сменялись заседаниями военачальников. В этих приготовлениях Александр принимал самое активное участие, он заражал всех своей кипучей энергией и во все старался вникнуть сам.

Войско оставалось постоянной заботой Александра. Только хорошо обученная и дисциплинированная македонская армия, закаленная в битвах с балканскими народами, могла помериться силами с персидским войском, основным ядром которого были эллинские наемники, по своим боевым качествам не уступавшие македонским пехотинцам. Отбирая солдат для столь рискованного предприятия, македонский царь на первое место ставил их выносливость, сноровку, дисциплинированность и умение найти выход в любой сложной ситуации, что выгодно отличало умудренных опытом солдат-ветеранов от новобранцев. Вот почему в македонском войске было так много ветеранов, служивших еще Филиппу, и эти закаленные воины были скорее похожи на учителей военного дела, чем на обычных солдат [Юстин, XI, 6, 5].

В то время как греческое военное искусство предусматривало использование легковооруженных наемных армий, в Македонии особое внимание уделяли тяжеловооруженной фаланге, натиску которой не могла противостоять ни одна армия[15]. Созданная Филиппом регулярная армия насчитывала 30 тыс. пехотинцев и 3 тыс. всадников, причем от 16 тыс. до 18 тыс. воинов приходилось на фалангу.

В основу построения фаланги была положена спартанская система. Военная организация спартанского войска в Греции считалась лучшей. Основное ядро ее составляла тяжеловооруженная пехота — гоплиты. Спар-

Шлемы войска Александра:
1 — беотийский; *2* — фиванский простейший гладкий конический;
3 — фракийский

образом [Герод., VII, 36]. По свидетельству Арриана, в армии Александра имелись для этого специальные легкие суда [V, 3, 5] [21].

Значительно сложнее обстояло дело с военным флотом, хотя еще Филипп проявлял неустанную заботу о его создании. Особенно стал необходим флот после овладения фракийским морским побережьем. Добившись выхода к морю, Македония начала претендовать на Эгейское море, где ключевые пункты торговли контролировались греками и персами.

Уже при жизни Филиппа был построен флот в 160 кораблей. Но, видимо, сам Филипп не возлагал на него особых надежд, ибо корабли использовались лишь для перевозок и изредка для прибрежного морского разбоя. Конечно, 160 македонских судов никак не могли равняться с персидским флотом в 400 боевых единиц, укомплектованным лучшими мореходами своего времени — киприотами и финикийцами.

Все античные историки отмечают недооценку Александром при подготовке восточной кампании возможностей греческого союзного флота — одни только Афины имели 350 кораблей. Почему же царь включил в состав своего объединенного флота только 20 афинских триер? Источники объясняют это недостатком средств на содержание корабельных команд [Диод., XVII, 22], а по мнению И. Дройзена и его последователей, царь

Воинские доспехи греко-македонских воинов IV в. до н. э.: *1* — бронзовый торакс (кираса); *2* — бронзовые кнемиды (поножи)

хотел тем самым показать союзникам, что он стремится только к политическому верховенству, только к званию гегемона в эллинском мире, а не к территориальным захватам [22].

И те и другие не правы, так как господство на море всегда было одной из важнейших целей греков, Персии и Македонии. Александру, вне всякого сомнения, был очень нужен настоящий, боеспособный флот, но материальные затруднения, возникшие после смерти Филиппа, мешали выполнению этой задачи; к тому же киприоты и финикийцы служили на персидских кораблях, а такие вынужденные союзники, как афиняне, вряд ли могли быть надежными. Ясно, что на приоритет в Эгейском море Александр на первых порах не мог претендовать; ведь острова Эгеиды, отошедшие по Анталкидову миру к Персии, управлялись или олигархами, или тиранами проперсидской ориентации. Так что начинать спор о преимуществе на море в столь сложной для Македонии ситуации было не только бесполезно, но даже опасно. Очевидно, взвесив все эти факторы, македонский царь основные надежды возложил на войско, чьи успехи на суше, при успешном овладении персидскими портами малоазийского побережья, в дальнейшем могли дать перевес на море.

Каков был круг вынужденных союзников македонского царя? Прежде всего это были фессалийцы — «варвары», чьи воинские и финансовые средства находились в руках Македонии, связавшей их и Коринфским соглашением, и союзом амфиктионов [App., VII, 9, 4]. Далее следовали пеоны, иллирийцы, агриане, «самые крепкие и мужественные из европейских варваров» [App., II, 7, 5]. Все они проявили себя в восточной кампании как отличные воины, служа в легкой кавалерии, разведке и вспомогательных частях; их общее количество (6 тыс.) было несколько меньше числа греческих союзных сил (7 тыс.), но их роль в сражениях была самой активной.

Коринфский союз охватывал множество эллинских полисов до Фермопил, кроме Спарты, отказавшейся заключить соглашение с Македонией [App., I, 1, 2]. Но, несмотря на это, количество союзных сил было невелико, составляя, как уже было сказано, 7 тыс. человек (при 5 тыс. греческих наемников). Сам собой напрашивается вывод, что эллинские союзники невысоко ценились македонским царем, не заблуждавшимся относительно настроений греков. Союз греков и македонян не был равноправным, так как Эллада подчинилась Македонии не по собственной воле. Именно эту мысль подчеркивает Арриан в речи Александра в Описе после завершения похода, когда войско вышло из повиновения и македонский царь, успокаивая солдат, говорил о заслугах Филиппа, который заставил афинян и фиванцев, всегда строивших козни против Македонии, трудиться

Греко-македонское оружие V—IV вв. до н. э.:

1 — мечи (*а* — ксифос гоплита, *б* — махайра всадника); *2* — бронзовый наконечник копья; *3* — снаряд для пращи; *4* — наконечник стрелы

для безопасности Македонии и навел порядок в Пелопоннесе [VII, 9, 4].

Эти небольшие союзные контингенты почти не вводились в дело, постоянно находясь в резерве или обозе, а позже использовались как гарнизонные солдаты. Видимо, они были нужны Александру для придания походу общеэллинского характера.

Численный состав армии Александра, отправлявшейся на Восток, источники определяют по-разному. Разнобой свидетельств древних зависел от того, какой автор-предшественник лег в основу приводимых сообщений. В современной исторической литературе, как правило, самыми достоверными считаются данные, почерпнутые античными историками из записей участников похода Птолемея и Аристобула, на основе которых и создал Арриан свой труд «Анабасис» спустя пять веков после описываемых событий.

Афинский воин. С надгробия Аристонавта. IV в. до н. э. Национальный музей. Афины

Один лишь Диодор пишет, что, уходя в поход, македонский царь оставил регенту Антипатру 12 тыс. пеших и 1500 конных воинов [XVII, 17, 5] для наблюдения за Македонией и эллинами.

Семь античных историков сообщают о количестве войска Александра, и почти все они приводят различные данные:

Арриан [I, 11, 3] — 30 тыс. пехоты, 5 тыс. конницы;

Полибий из Каллисфена [XII, 19] — 40 тыс. пехоты;

Плутарх из Анаксимена [Алекс., 15]—43 тыс. пехоты, 5 тыс. конницы;

Плутарх из Аристобула [О счастье или о доблести..., А, 3] — 30 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы;

Плутарх из Птолемея [О счастье или о доблести..., А, 3] — 30 тыс. пехоты и 5 тыс. конницы;

Юстин [XI, 6, 2] — 32 тыс. пехоты и 4500 всадников;

Диодор [XVI, 17; XVII, 17] — 30—32 тыс. пехоты, 5 тыс. конницы;

Ливий [IX, 19, 5] — 30 тыс. пехоты, 4 тыс. конницы;

Фронтин [Strat., IV, 2, 4] — 40 тыс. воинов.

Таким образом, совпадают только данные Арриана и Плутарха (30 тыс. пехоты, 5 тыс. всадников). Эти цифры взяты из дневниковых записей Птолемея, соратника Александра и будущего основателя царской династии эллинистического Египта. Отчасти близко к ним указание Диодора. Остальные же, заимствованные из малодостоверных источников, завышают численность греко-македонского войска в восточном походе. В общей сложности, по данным второстепенных источников, разница в пешем войске не превышает 10 тыс., а в коннице — 1 тыс. человек. Как правило, эту разницу объясняют тем, что одни античные авторы включали в состав войска 10-тысячный македонский отряд, посланный Филиппом в Малую Азию, а другие — нет. Но, видимо, такое предположение ошибочно, потому что никто из древних историков не упоминает этот отряд, а говорит лишь о войске, переправившемся через Геллеспонт.

В современной историографии на основании древних свидетельств высказаны различные мнения, причем авторы их произвольно придерживаются той или иной версии. Наибольшее число приверженцев имеет свидетельство Арриана о 35-тысячном войске Александра, отправившемся на завоевание Востока [23]. Но есть и сторонники Диодора (37 тыс. человек) [24] и даже Анаксимена, дающего наибольшую цифру (48 тыс.), в которую включается 10-тысячный македонский авангард и некоторые дополнительные пехотные подразделения [25]. Не лишено основания также замечание, что оставленные с Антипатром войсковые силы в количестве 13 500 человек составляли ровно половину всей македонской армии [26].

Уже перейдя Геллеспонт, как указывает Диодор [XVII, 17, 3—4], Александр провел самый тщательный смотр своему войску. В нем оказалось 12 тыс. македонских пехотинцев, 7 тыс. греков из городов, союзных Александру по Коринфскому соглашению, и 5 тыс. эллинских наемников; всеми ими командовал Парменион. Одриссов, трибаллов и иллирийцев было 5 тыс., лучников-агриан — 1 тыс. Общая численность пешего войска составляла 30 тыс. человек. Кроме того, у Александра было 4500 всадников, в том числе 1500 македонян под командованием Филоты, сына Парменио-на; 1500 фессалийцев под началом Калата, сына Гарпала; еще 600 эллинов, которыми командовал Эригий; 900 конных разведчиков, фракийцев и пеонов, во главе с Кассандром.

Из расчета, приводимого Диодором, и из свидетельства Арриана выходит, что собственно македонские силы составляли только 13 500 солдат (12 тыс.— пехота и 1500 — конница), т. е. меньше половины армии.

Характерно, что при описании похода эти войсковые формирования всегда раздельно упоминались античными авторами и составляли как бы четыре автономные группы воинов: македоняне, греческие союзники, эллинские наемники, «варварские» соединения. Правда, македонское ядро войска Александра оставалось ведущим и из его среды выходили командиры и военачальники.

Во главе войска стоял сам Александр, осуществлявший общее руководство через своих ближайших соратников — командиров ведущих подразделений, составлявших нечто вроде военного совета при царе. Вторым военным руководителем был старый опытный Парменион, лучший полководец Филиппа, возглавивший все пешее войско (12 тыс. македонян, 7 тыс. греческих союзников, 5 тыс. наемников). Следующее по важности место после Пармениона принадлежало Антипатру, тоже бывшему военачальнику Филиппа; ему был доверен высокий пост регента Македонии и «умиротворителя» греков, для чего с ним осталось 13 500 проверенных в деле и закаленных солдат.

Оснований для того, чтобы оставить половину всего македонского войска в Европе, было достаточно. Печальный опыт борьбы за власть после гибели Филиппа научил царя многому: все бывшие союзники его отца превратились в непримиримых врагов, для «успокоения» которых понадобилось почти два года. Поэтому Александр стремился крепкой рукой поддерживать стабильность положения на Балканах, что должно было надежно гарантировать «дарованный» грекам всеобщий мир. Но кроме регулярной армии, находившейся под началом Антипатра, имелись еще многочисленные македонские гарнизоны, расквартированные в Акрокоринфе, в Халкидике, на Эвбее, в Кадмее; их присутствие в ключевых местах Греции и на островах позволяло предотвратить враждебные действия демократических группировок и персидские происки.

Командный состав армии Александра состоял в основном из македонской знати, на первых порах выступавшей в единстве и всецело разделявшей планы своего царя.

Самыми близкими к царю считались друзья его юности Гефестион, Неарх, Птолемей, Гарпал, Эригий, которых Филипп изгнал из Македонии и которых Александр приблизил к себе после воцарения.

Судя по источникам, наибольшим доверием пользовались Гефестион и Кратер. С Гефестионом Александра связывала давнишняя дружба. Гефестион оказывал большое влияние на царя и мог высказываться свободно [Диод., XVII, 114, 3]. Выходец из придворной македонской знати Пеллы, он обучался вместе с царем и был предан ему самозабвенно. Он

первый помогал ему в сношениях с восточными «варварами» и старался во всем подражать [Плут., Алекс., 47]. Другим по характеру был Кратер, умный, прилежный командир, пользующийся уважением царя. В сношениях с греками и македонянами Александр всегда прибегал к его помощи. Кратер происходил из верхнемакедонской провинции Орестиды и «оставался верен отцовским обычаям» [Плут., Алекс., 47].

Вообще, командный состав армии Александра не был однороден. Здесь были и старые полководцы Филиппа — Парменион, Антипатр, и молодое поколение — Леоннат, Гефестион, Лисимах, Птолемей, выдвинувшиеся в число предводителей уже во время восточного похода, а также греки по происхождению — Неарх, Эригий, Эвмен.

Из всех ближайших соратников Александра только Пердикка и Кратер руководили таксисами (полками пешего македонского войска) с начала и до конца похода. Полисперхонт же получил таксис в битве при Иссе, Гефестион — в Индии, Птолемей — также в Индии, заняв место казненного Филоты на посту командира конницы. Конечно, за время десятилетнего восточного похода многое изменилось в руководстве и в самом составе войска, но при подготовке к кампании все пешее войско, поделенное на шесть таксисов, возглавлялось македонскими стратегами: Пердиккой, Кеном, Аминтой, Мелеагром, Филиппом (сыном Аминты) и Кратером.

Каково же было социальное происхождение командного состава греко-македонского войска?

Все ближайшие соратники царя и стратеги происходили из македонского правящего класса. Такие крупные полководцы, как Парменион, Антипатр, возможно, Кратер, владели крупными доходными хозяйствами. Но были и другие, в своей массе выходцы из верхнемакедонских провинций [27], потерявшие после превращения Македонии в единое централизованное государство свои привилегии местных царьков. Не видя иного выхода, все они пошли на службу к Александру в надежде возместить утраченное дома обогащением на Востоке. Таких было много, и похоже, что именно они составляли основное ядро единомышленников Александра, быстро перенявших восточный образ жизни и с готовностью поддерживавших все мероприятия царя. К таким преданным соратникам царя относились Птолемей (из Эордеи), Гарпал (из Элимиотиды), Пердикка (из Орестиды), Лисимах (из Пеллы).

Анализ источников показывает, что таксисы комплектовались в шести наборных округах; часто в античной историографии как самостоятельные войсковые единицы упоминаются линкестиды, орестиды, элимиоты, тимфейцы, эордейцы. Известно, что элимиотами командовал Кен, линкестидами и орестидами — Пердикка, тимфейцами — Полисперхонт [Диод., XVII, 57].

Все же на начальном этапе похода ключевые посты по преимуществу находились в руках старых опытных командиров, таких, как Парменион, возглавивший пешее войско. Один его сын, Филота, руководил македонской конницей, другой, Никанор, стоял во главе отборной пешей гвардии аргираспидов, а Кассандр, сын Антипатра, ведал конной разведкой из фракийцев и пеонов. В этой связи заслуживает внимания указание Юстина о том, что у руководства войском Александра в восточном походе стояли умудренные опытом немолодые командиры, не помышлявшие о бегстве с поля боя и думавшие о победе [XI, 6, 6]. С этим свидетельством римского историка вполне согласуются данные других античных авторов, указывавших, что такие соратники Александра, как Птолемей, Лисимах, Эв-

мен, Пифон, достигли высоких постов уже к концу восточной кампании, когда Парменион и Антипатр, «старая гвардия», выступили с резким осуждением миродержавных планов царя.

Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее инициативные командиры армии Александра происходили из верхнемакедонских провинций, так упорно боровшихся с Филиппом за право на независимое существование. Последняя вспышка сепаратистских настроений у верхнемакедонских царьков произошла со смертью Филиппа, когда внутренняя реакция подбивала к выступлению иллирийско-фракийские племена, заинтересованные в раздробленности Македонии. Положение тогда спасли решительные действия молодого царя, предпринявшего «северный поход» и добившегося покорности соседних немакедонских народов. Спокойствие на северных границах Македонии отняло последнюю надежду на возврат к прошлому у верхнемакедонских правителей, и все они потянулись в Пеллу ко двору Александра, став его ближайшими «друзьями» и помощниками[28].

Видимо, Александр оценил доброе расположение представителей верхнемакедонской элиты, так как многие из них выдвинулись на руководящие должности в армии и государстве. Так, Пердикка, происходивший из царского рода, стал таксиархом; Полисперхонт, потомок тимфейских царей, возглавил подразделения своих соотечественников. Возможно, к царскому роду принадлежал и Леоннат, воспитывавшийся вместе с юным Александром.

Но, несмотря на видимое единство всего командного состава греко-македонской армии перед походом на Восток, уже во время пребывания в Ликии был раскрыт заговор Александра Линкестийца, командира фессалийской конницы, брата Аррабея и Геромена, участников убийства Филиппа, позже казненных. Этот Александр, внешне преданный царю, вел тайные переговоры с Дарием, обещавшим ему за устранение своего страшного врага Македонию и тысячу золотых талантов. Эти сведения были получены от схваченного Парменионом персидского лазутчика.

Любопытно, что Линкестиец был зятем Антипатра и что македонский царь, опасаясь восстания в Македонии, не отважился казнить изменника и продержал его в заточении три года, убив только в Средней Азии вместе с Филотой [Юстин, XI, 7, 2; Диод., XVII, 80, 2]. Собрав на совет «друзей», Александр предложил не убивать Линкестийца, а только поскорее изолировать от войска, так как он опасался, что тот сможет поднять фессалийских конников на мятеж [App., I, 25, 5].

Оброненные мимоходом подобные замечания античных историков показывают, что, невзирая на жестокую расправу с оппозицией, в окружении царя имелись люди, вынашивавшие планы физического уничтожения Александра.

Конечно, похожий на бунт одиночки протест Александра Линкестийца был преждевременен, так как произошел в самом начале восточной кампании, когда царь и его командиры, окрыленные успехом, завоевывали Малую Азию, сокровища которой потекли полноводной рекой в Македонию и Грецию (зима 334/33 г. до н. э.).

Заговор Линкестийца был очень симптоматичен. Он показал, что Персия прилагала все усилия, стремясь помешать дальнейшему продвижению греков и македонян на Восток, и что нити заговора тянулись в Македонию к Антипатру, оставшемуся полновластным хозяином всего царства, к тому же имевшему значительные воинские силы.

Но пока царь воевал в Малой Азии ради обогащения Македонии и это ни у кого не вызывало нареканий, для противников политики Александра еще не пробил роковой час. Оппозиционные настроения среди командиров Александра, в частности у Пармениона, начинают появляться после овладения Малой Азией, при получении письма от Дария с предложением мира, дружбы, всех земель от Евфрата до Эллинского моря и 10 тыс. талантов выкупа за семью [App., II, 25, 1—2]. Вот здесь-то и возник тот невидимый водораздел, который поделил согласных до этого между собой «друзей» царя на приверженцев и противников его дальнейших планов. Когда же идея создания мировой державы оттеснила на второй план интересы Македонии, оппозиционные элементы в руководстве войском Александра в лице защитников македонских устоев сплотились в блок недовольных.

Идеализированный некоторыми буржуазными авторами поход Александра на Восток представлен как органическое единство воли царя, устремлений командиров и простых воинов, забывших о женах и детях, о том, что им придется воевать вдали от родины, так как они уже считали своей добычей персидское золото и сокровища всего Востока, помнили не о военных опасностях, а о богатствах [Юстин, XI, 5, 9]. Но источники, может быть не всегда отчетливо, сообщают и факты непримиримой вражды между оставшимися верными царю соратниками и противниками восточной ориентации Александра.

Анализ античной историографии убеждает в том, что, начиная восточную кампанию, Александр не имел четкого плана завоевания даже всей персидской державы, не говоря уже обо всем обитаемом мире. Успешное продвижение на Восток — захват Малой Азии, Египта, Персии, Восточных сатрапий, Индии — постепенно меняло планы царя, которые он долго скрывал от войска. Окончательный план он обнародовал только в Индии, указав, что пределом его державы будет край ойкумены.

Марксистская историческая наука считает, что в античных источниках видно изменение планов Александра в отношении Востока, что к идее мировой державы он пришел не сразу, что первоначально его устремления не простирались дальше Малой Азии, т. е. находились в рамках советов Исократа, призывавшего Филиппа захватить земли от Киликии до Синопы [29]. Так признание эволюции планов Александра в отношении Азии ставит по-новому вопрос о сходстве политики Филиппа и его сына на первом этапе самостоятельных действий, об одинаковости их захватнических целей в Малой Азии.

Многие историки полагают, что еще до похода в Азию Александр имел четкий план завоевания мира. Подобные взгляды разделяют Ф. Альтгейм и Ф. Шахермейр, считающие, что Александр не был бы столь великим, если бы не вынашивал идею покорения мира, которую он перенял от могущественных владык древнего Востока [30]. Ю. Керст в более осторожной форме, скорее гипотетически, высказал мысль, что Александр до похода уже думал о завоевании персидской державы [31].

Но есть и другие историки, считающие, что идея завоевания мира возникла у Александра только в самом конце похода, когда греко-македонское войско было уже в Индии [32]. Слабость этого мнения состоит в том, что оно не раскрывает изменений планов завоевания Востока, отчетливо прослеживающихся в источниках.

Бытует и иная точка зрения на политику Александра, сторонники которой не пытаются установить поэтапность завоеваний отдельных регионов Азии, но считают, что молодой македонский царь действовал

смелее своего отца и, наверное, намеревался пойти дальше Малой Азии[23].

Значительная группа историков полагает, что к идее завоевания всего мира Александр пришел не сразу, что в начале похода он лишь желал продолжить дело, начатое отцом[34].

На Западе высказана еще одна точка зрения на деятельность Александра. Она непосредственно примыкает к апологетической версии Плутарха, связавшего цели восточной кампании с желанием распространить эллинскую образованность и культуру на отдаленные окраины Азии. Это особое мнение об эллинизме как чисто культурном явлении принадлежит английскому историку В. Тарну, считающему, что македонский царь никогда не мечтал о мировом владычестве и, следовательно, никогда не интересовался захватом чужих территорий. Единственно, к чему стремился македонский царь,— это к гегемонии, т. е. к главенству в греческом мире[35]. Но источники как раз пишут об изменении и самого царя, и его планов, о желании Александра по мере его успешного продвижения дойти до восточного края земли и создать величайшую в мире империю, простирающуюся от Геракловых Столбов (Гибралтар) до Внешнего индийского моря.

Еще не представляя себе возможных приобретений на Востоке, Александр, очевидно, намеревался остаться там надолго, так как готовил «штат» ученых, историков, философов. По существу, поход Александра, знаменующий «внешний расцвет Эллады», был первым масштабным проникновением греков на Восток с целью его познания путем территориальных захватов и приобретения различных сведений по этнографии, географии, топографии, зоологии, ботанике, астрономии. Будучи учеником Аристотеля, Александр понимал важность научного поиска, а поэтому тщательно подбирал людей для изысканий в различных областях человеческих знаний.

Уже при дворе Филиппа II существовала царская канцелярия. Ее задача заключалась в регистрации наиболее важных событий придворной жизни, внешнеполитическх актов, значительных битв и территориальных приобретений. О том, что это было хорошо налаженное учреждение, можно судить по эллинистическим архивам Зенона, найденным в Египте и показывающим, с какой тщательностью и профессиональным мастерством регистрировались все поступающие и исходящие документы в царской канцелярии, руководимой Аполлонием, одним из управителей Птолемея II.

Эта система ежедневных записей наиболее важных событий царствования была унаследована Александром от Филиппа II, для чего имелись специальные «дворцовые дневники» — эфемериды, которые велись под непосредственным наблюдением кардийца Эвмена, начинавшего службу еще при Филиппе. Эти регистрационные журналы велись вплоть до смерти Александра. Правда, при Александре круг обязанностей царской канцелярии несколько расширился, получив специфически военное направление.

Сам Эвмен имел звание «верховного секретаря», но был человеком военным, в сражениях принимал участие как командир конницы. Через его походную канцелярию проходили царские приказы, указы, распоряжения, вся официальная переписка двора. Там же хранились планы сражений, отчеты о них, зафиксированные потери армии Александра и войск противника.

К сожалению, эфемериды не сохранились, но их материал был использован современниками царя и его ближайшими соратниками Птолемеем

и Аристобулом, чьи свидетельства послужили исходным материалом для «Анабасиса» Арриана.

Благодаря Арриану до нас дошли письма Александра к афинянам с требованием выдачи демократических вождей [I, 10, 4—6], два ответа на послания Дария [II, 14, 4—9; II, 25, 1—3], а также упоминание о письме матери из Индии [VII, 12, 5]. По материалам официальных дневников Арриан и Плутарх создают заключительные главы, посвященные болезни и смерти Александра. Согласно Арриану, подробности последних дней жизни царя у Аристобула и Птолемея совпадают с тем, что было записано в эфемеридах [VII, 26].

Кто же из людей невоенных отправлялся с Александром в восточный поход и каковы были их задачи? Функции официального историографа похода были возложены на Каллисфена, племянника Аристотеля. Кроме того, Каллисфен должен был заниматься сбором всевозможных сведений — от историко-этнографических до зоолого-ботанических. Очевидно, эти научные данные легли в основу естествоведческих исследований Аристотеля [36].

Известно, что «История Александра», написанная Каллисфеном, восхваляла подвиги македонского царя на Востоке, хотя в своей основе и была историко-биографической [37]. Чисто исторический материал восточной кампании, зафиксированный Каллисфеном, утрачен еще в древности, но на его основе позже, на рубеже III в. до н. э., возник увлекательный «Роман об Александре» (приписываемый александрийскому эллинистическому автору Клитарху), в котором чудеса и фантастика затмили фактический ход событий. Условно в исторической литературе «Роман об Александре», не обладающий никакой исторической ценностью, называют псевдокаллисфеновским, т. е. ведущим начало от свидетельств официального историографа македонского царя.

Среди философов, сопровождавших Александра в походе, древние авторы называют Пиррона, Анаксарха, Онесикрита. Все они были представителями различных философских течений, типичных для периода упадка полисной идеологии и нарождающихся космополитических теорий эллинизма [38].

Больше всего мы знаем о деятельности Пиррона из Элиды (ок. 365—275 гг. до н. э.), основавшего у себя на родине философскую школу скептиков, за что благодарные сограждане поставили ему статую на главной площади города. Пиррон был хорошо известен в Греции и имел почетное афинское гражданство, ему приписывается знание учений индийских магов [Диоген Лаэртский, IX, 61—65]. Пиррон и его сторонники проповедовали последовательный агностицизм, ради безмятежной жизни предлагали воздержание от какого-либо суждения, отказ от активной деятельности, гармонию с природой и социальными установлениями.

Сам Пиррон ничего не писал; все, что известно о нем, дошло через труды его ученика Тимона из Флиунта и позднейшего скептика Секста Эмпирика из Александрии (II в. н. э.), создавшего три книги «Пирроновых положений» [39].

Философ Анаксарх был учеником Демокрита. Он разделял взгляды своего учителя, защитника афинской демократии. Наивно полагая, что социальные противоречия объясняются дурным характером людей, последователи Демокрита выступали с моральной проповедью «золотой середины» — умеренного образа жизни, в котором заключалось, по их мнению, истинное счастье.

Онесикрит был представителем кинической философии, учившимся у

Диогена Синопского [Плут., Алекс., 65]. Идеалом киников была жизнь, близкая к природе, и отречение от всех благ. Жизнь самого Диогена Синопского являла собой идеал кинической философии [Диоген Лаэртский, VI, 103]. В дальнейшем кинизм — идеология беднейших слоев населения периода кризиса полисной системы — тесно срастается со стоицизмом.

В отличие от Пиррона и Анаксарха, ничего не писавших, Онесикрит, судя по источникам, создал «Историю Александра», не очень правдоподобную, но весьма апологетическую. Даже Плутарх, явно преклонявшийся перед величием подвигов македонского царя, сомневался в достоверности сведений Онесикрита, а сатирик II в. до н. э. Лукиан едко высмеял такую порочную манеру[40].

В числе авторов, к которым восходит анекдот о сказочном народе амазонок, Плутарх называет Онесикрита, который будто бы читал Лисимаху, тогда уже царю, четвертую книгу своего произведения об Александре, и будто бы Лисимах, услышав об амазонках, спросил: «Где же я тогда был?» [Плут., Алекс., 46]. Более подробный рассказ об амазонках и их царице Фалестрис, восходящий к Клитарху, имеется у Диодора [XVII, 77]. Из всех позднеантичных авторов, сообщавших об этом мифическом народе, самым ранним считается Онесикрит; следовательно, этот анекдот, видимо, исходит от него[41].

Другой рассказ, приводимый Лукианом, также имеет отношение к Онесикриту. В трактате «Как следует писать историю» сатирик пародирует Аристобула, который в Индии читал царю выдержки из своего труда о битве с царем Пором. Когда Аристобул прочел о том, как Александр одним ударом дротика убил слона, на котором сидел индийский правитель, полководец вырвал из рук Аристобула рукопись и швырнул ее в Гидасп, добавив, что за свой труд автор заслуживает того же самого[42]. Хотя Лукиан пишет об Аристобуле, весьма вероятно предположение И. Дройзена, что подобное скорее могло случиться с Онесикритом[43].

Наибольшего доверия заслуживают свидетельства ближайших соратников македонского царя — Аристобула, Птолемея, Неарха, находившихся с ним на протяжении всего восточного похода. Правдивость и объективность этих авторов подтверждает Арриан, положивший в основу своего труда «Анабасис Александра» их дневниковые записи. Как указывает Арриан, он выбрал их потому, что они писали уже после смерти царя и не ожидали за это никакой награды [I, 2].

Больше всего известно нам о Птолемее, ближайшем соратнике Александра и его телохранителе, начавшем свою военную карьеру командиром конницы и только в Индии получившем звание таксиарха после гибели Филоты. Вообще, личность Птолемея, основателя династии эллинистических правителей Египта, самого дальновидного и предприимчивого из диадохов, в античной историографии окружена признанием и почетом. Личность Птолемея, покровителя научных исследований и искусств, проявившего столько заботы об организации Александрийской библиотеки и Мусейона — коллегии ученых и поэтов, получила у современников и последующих историографов хвалебную оценку[44]. В этом немалую роль сыграло то обстоятельство, что именно он, завладев прахом Александра, перевез его в богатую усыпальницу Александрии, подтвердив этим жестом свою приверженность планам македонского царя и доказав право считаться его прямым наследником [Страб., XVII, 794]. Птолемей всегда принимал самое активное участие в битвах, его осведомленность в военных делах очень нравится Арриану, написавшему несколько трактатов по римской тактике.

Птолемей — военный, поэтому он подробно сообщает о планах Александра, об осадах, наступлениях, ходе сражений и о потерях враждующих сторон. Географических сведений у него совсем нет. Таким образом, Птолемей предстает перед нами как способный командир конницы.

Об Аристобуле же почти ничего не известно, кроме того, что он умер в преклонном возрасте в Кассандрии. Сам Аристобул сообщал о себе, что после возвращения из индийского похода царь поручил ему привести в порядок разграбленную усыпальницу Кира, сына Камбиза. Все, что можно было, воры унесли, оставив на месте тяжелый громоздкий гроб и выброшенное из него тело. Зная о том, что Пасаргады — священное место захоронения персидских царей, Александр в пропагандистских целях приказал восстановить усыпальницу Кира, наполнив ее сокровищами и вновь замуровав туда вход. Эту задачу и выполнил Аристобул [App., VI, 29, 9—10].

Оценивая само повествование Аристобула, можно сделать вывод, что он более критически относится к поступкам царя, чем Птолемей. В тех случаях, когда свидетельства этих двух авторов расходятся, Арриан приводит обе версии. Например, Птолемей в отличие от Аристобула ничего не говорит о засаде скифов, перебивших значительный македонский отряд [App., IV, 6, 1]. Точно так же противоречивы свидетельства о взятии седьмого, безымянного города скифов. Птолемей сообщает, что жители сдались сами, а Аристобул утверждает, что все население города было перебито [App., IV, 3, 5].

Вообще, сведения Птолемея более рациональны и более близки к военной истории, в повествовании же Аристобула достаточное количество всевозможных гаданий и предзнаменований, отражавших религиозные воззрения эпохи. Кроме того, Аристобул сообщает некоторые географические сведения, показывающие уровень научных знаний греков в отношении индийского Кавказа (Гиндукуша), Гирканского моря (Каспия), Меотийского озера (Азовского моря), считавшегося выходящим из глубин Понта Эвксинского [App., III, 30, 9].

Третий автор, Неарх, был критянином по происхождению. Его родной остров славился опытными моряками, соперничавшими с финикийцами. Начав службу в сухопутном войске, в конце похода Неарх стал во главе выстроенного в Индии флота, в задачу которого входило исследование индийских рек, дельты Инда и возможности морского пути из «страны чудес» к берегам Персидского залива. Неарх вел судовой журнал, где записывал наиболее интересные события. Весь материал был использован Аррианом для написания «Индии» [V, 5, 1], для чего греческий историк римского времени привлек еще свидетельства более поздних источников — Мегасфена и Эратосфена.

Совершив дотоле не изведанное морское путешествие из Индии в Сузиану, Неарх проложил новый торговый путь, которым широко пользовались преемники Александра. Важна и роль Неарха в исследовании побережья Персидского залива и Аравийского полуострова [App., VII, 20, 9—10].

Бесспорно, что именно использование Аррианом таких заслуживающих доверия источников, как Птолемей и Аристобул, дополненных свидетельствами Неарха, создало ему славу лучшего историографа македонского царя[45].

Подготовка восточной кампании была проведена самым тщательным образом не только в военном аспекте, но и в научном. Олимпийские состязания в Эгах, древней столице Македонии, завершили приготовления к походу, и войско двинулось к Геллеспонту [App., I, 11, 3].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОХОД В МАЛУЮ АЗИЮ

Весной 334 г. до н. э. Александр устремился на Восток, широко пропагандируя идею панэллинского единства в деле освобождения малоазийских греков от персидского владычества [1]. Эта идея как нельзя лучше отвечала интересам греко-македонской элиты, стремившейся сделать поход популярным в эллинском мире и привлечь на свою сторону греков-наемников, сражавшихся в войске Дария.

Взяв направление на Геллеспонт, войско Александра двинулось через Амфиполь, Абдеру, Маронею (греческие колонии на фракийском побережье) к Сесту, куда прибыло через 20 дней. Пехота и конница, посаженные на военные и транспортные суда, благополучно пересекли Геллеспонт и высадились частью у Элеунта (напротив легендарной Трои), частью у Абидоса, где переправой войск руководил опытный Парменион.

Еще находясь на середине Геллеспонта, Александр заколол жертвенного быка в честь Посейдона и Нереид и совершил возлияние из золотой чаши [Арр., I, 11, 6]. Царь первым ступил на азиатскую землю и приказал в честь удачной переправы поставить на обеих сторонах пролива алтари Зевсу, Афине, Гераклу [Арр., I, 11, 7]. Подплывая к Троаде во главе 60 военных кораблей, Александр первый метнул копье в сторону суши и заявил, что боги вручают ему завоеванную Азию [Диод., XVII, 17, 2].

Посещение Илиона (Трои) — места священного паломничества греков — было обставлено со всей возможной пышностью. Александр, увенчанный золотыми венками (дары эллинских городов и местных жителей), посетил могилу легендарного героя Ахилла, где совершил в его честь священное возлияние. Его друг Гефестион с этой же целью навестил могилу Патрокла — другого героя эллинского эпоса, погибшего под стенами Трои. Желая подчеркнуть свою приверженность греческим традициям, царь приказал восстановить Илион, а его жителям даровал автономию и освободил от уплаты податей [Страб., XIII, 593].

Оставив Илион, Александр набрел на храм богини Афины, в котором услышал от своего предсказателя Аристандра пророчество о победе над врагом в конном сражении. За столь добрую весть царь посвятил богине свои воинские доспехи, а из священного оружия храма выбрал себе самый прочный щит и с ним одержал верх в первой же битве.

В приведенных свидетельствах античной историографии подчеркивается проэллинская ориентация Александра — освободителя греков и мстителя за их обиды. Под этим углом зрения следует рассматривать сообщения источников.

Внутренняя слабость персидской державы обнаружилась задолго до того, как Александр решил завоевать Малую Азию. Тактическая ошибка персидского командования, убравшего свой флот от берегов Геллеспонта, была лишь следствием этого. Ведь после посылки Филиппом передового

Малая Азия, Сирия, Финикия и Египет

македонского отряда в Азию стало ясно, что война Македонии с Персией неизбежна. Лишившись возможности нанести удар Александру со стороны Греции, Дарий отдал своему лучшему полководцу Мемнону, греку с Родоса, приказ об изгнании македонского войска с берегов Пропонтиды. Время для этого было выбрано удачно: основные силы Македонии были заняты на «северном» театре военных действий и в Греции, так что Мемнон во главе пятитысячного отряда греков-наемников неожиданно напал на Кизик, принявший сторону Пармениона. Но город был хорошо защищен, и взять его не удалось. Тогда Мемнон бр сил свои силы против Пар-

мениона, осаждавшего Питану. Македоняне не выдержали натиска и отступили. После этого наемники объявились в Троаде и, имея в тылу хорошо укрепленный Лампсак, начали теснить отряды Калата к Геллеспонту. Македоняне с большим трудом смогли удержаться лишь в крайнем пункте пролива [Пол., V, 44].

Однако удачные действия Мемнона против македонян в Малой Азии по неизвестной причине были приостановлены, а персидский флот покинул Геллеспонт. Несколько позже сатрапы близлежащих малоазийских областей обвинили во всех неудачах Мемнона, будто бы желавшего затянуть войну и доказать Дарию свою необходимость [App., I, 12, 10]. Между тем виновен был не Мемнон, а персидское командование, не сумевшее в осложнившихся условиях принять быстрое и оптимальное решение.

Эти важные просчеты персидского командования — отсутствие мер для обороны малоазийского побережья, пассивность флота при переходе Александром Геллеспонта — не случайны. Они неразрывно связаны с обострившимся внутренним кризисом державы Ахеменидов, ее шаткостью и невозможностью дольше сдерживать завоеванные народы в повиновении силой оружия. Внутренний кризис персидской монархии усугублялся децентралистскими настроениями отдельных сатрапов, стремившихся к независимости.

Со времени первого вторжения Персии в Грецию до воцарения Александра прошло более полутора веков, но ненависть и вражда греков к персам не иссякли. И для того, чтобы понять, насколько популярен был лозунг «отмщения варварам», необходимо сделать небольшой экскурс в историю греко-персидских войн V в. до н. э. (500—449 гг. до н. э.).

Основателем персидской державы Ахеменидов, сложившейся в VI в. до н. э., считается Кир Старший, потомок мидийских царей. Став во главе воинственного племени персов и оперевшись на местную знать, Кир быстро завоевал Мидийское царство, а также Армению и Малую Азию.

Персы не были бы в состоянии овладеть в короткое время этими областями древнего Востока, если бы не встретили в завоеванных странах поддержку господствующих группировок, нуждавшихся в расширении торговли и обмена [2]. Вне сомнения, что в границах единого царства, каким в то время являлась персидская монархия, лучше обеспечивались потребности торговли, обмена, культурных связей. Следовательно, создание единого государства, пусть даже такого непрочного объединения, каким в итоге оказалась персидская монархия, было явление прогрессивным для исторического развития Востока.

Высокоразвитые в экономическом отношении западные области, нуждавшиеся в емких рынках, были заинтересованы в создании единой державы, и этим в конечном счете объясняется легкость, с которой Кир Старший овладел Вавилоном, Сирией, Финикией, Месопотамией. Однако при дальнейшем движении на Восток персы натолкнулись на упорное сопротивление бактрийских племен.

Греческие авторы сообщают о Бактрии много любопытного. Ассирийский царь Нин, покорив множество центральноазиатских племен, не мог справиться с воинственными бактрийцами и после бесплодных попыток добиться победы прекратил войну с ними, хотя и захватил там много золота и серебра [Диод., II, 2, 7].

По сообщению Ксенофонта, персидский царь Кир Старший предпринял поход против них и покорил (среди прочих) бактрийцев и индийцев [Киропедия, I, 1, 4]. Другой греческий автор, Ктесий, пишет, что Кир не

мог одолеть бактрийцев, пока они не сдались ему сами, узнав, что его отец — мидийский царь Астиаг [Фотий, XXII, 106].

Неизвестно, смог ли Кир Старший завоевать Бактрию; об этом источники умалчивают. Но при Дарии I она уже значилась в числе сатрапий, платящих дань персам [Behist., § 6]. Правда, некоторые античные авторы приписывают Киру основание Кирополя на Яксарте [App., IV, 3, 1; Страб., XI, 517], а Юстин даже сообщает об основанных этим персидским царем трех городах, жители которых во время похода Александра в Среднюю Азию были переселены в Александрию-Эсхату [XII, 5, 12].

По Геродоту, Кир Старший погиб с большей частью войска в битве против массагетов, живших на равнине к востоку от Каспийского моря [I, 214]. Страбон не пишет, что персидский царь погиб, а сообщает, что он бежал после поражения [XI, 512].

Кир Старший был первым в истории создателем универсальной монархии. Он обладал политическим умом и дипломатической дальновидностью [3]. Кир правильно понимал свои задачи и умело их решал. На своих современников он производил огромное впечатление, а для Ксенофонта (V—IV вв. до н. э.) он был образцом царя и законодателя; недаром греческий историк посвятил ему свой труд «Киропедия».

Еще до рокового похода на Восток Кир Старший сделал соправителем своего сына Камбиза [Герод., I, 208]. При восшествии на престол в 529 г. до н. э. Камбиз тайно убил своего брата Бардия, правителя Бактрии. Тот же Геродот сообщает, что Камбиз резко отличался в дурную сторону от отца и даже получил прозвище «деспота» [III, 89], ибо на «ионян и эолян смотрел как на рабов, полученных по наследству» [II, 1].

Очевидно, поход против Египта, грозного соперника Персии в средиземноморской торговле, был задуман еще Киром. Но осуществил его Камбиз, нанесший египтянам сокрушительный удар при Пелузии (525 г. до н. э.). После этого персам не стоило большого труда покорить Египет, тем более что часть египетского жречества перешла на сторону завоевателя. Камбиз получил титул фараона, чем, видимо, хотел подчеркнуть законность своих притязаний. Но Геродот [III, 16], рисующий его облик, указывает, что он часто поступал «против обычаев обоих народов» (т. е. и персов и египтян).

В общих чертах он в своей политике продолжал усилия Кира Старшего по расширению территории персидского царства. Но непрочность персидского завоевания обнаружилась, как только Камбиз с войском ушел покорять Нубию [Герод., III, 25]. Поход окончился неудачей. После этого Камбиз будто бы вновь намеревался отправиться в Нубию, но известия из Персии позвали его в Азию. На пути, где-то в Сирии, Камбиз погиб таинственным образом [Герод., III, 61—65]. Бехистунская надпись Дария I сообщает, что он «умер, умертвив себя» [Behist., § 11].

Со смертью Камбиза (522 г. до н. э.) началась династическая борьба его наследников, сопровождавшаяся рядом восстаний в зависимых областях (Эламе, Мидии, Армении, Вавилонии, Бактрии). Победителем вышел Дарий I (521—485 гг. до н. э.), которому вторично пришлось покорять Египет (517 г. до н. э.). При нем же завершилось окончательное оформление персидской державы.

Центром державы оставались высокоразвитые экономические области Передней Азии.

Введение единой монетной системы на всей территории царства способствовало укреплению торговых связей и упорядочению налогового обложения. Денежная реформа Дария установила единый номинал — золо-

той дарик, монету, которую имел право чеканить только царь. Серебряный номинал — сикль равнялся $^1/_{20}$ дарика и выпускался отдельными городами, сатрапами, местными царьками.

Система управления страны исходила из деления царства на 20 сатрапий [Герод., III, 89—98], где всю полноту административной, военной и судебной власти осуществлял сатрап, обычно знатный перс. В его функции входили сбор налогов, набор войска, судопроизводство, чеканка монеты — серебряной или медной. Очень интересно свидетельство Геродота о взимании Дарием налогов с отдельных областей: «В царствование Кира и потом Камбиза в Персии определенной подати не существовало вовсе, но подданные приносили подарки. Персы называют Дария торгашом за то, что он установил определенную подать и принял другие подобные меры...» [III, 89].

Из данных Геродота о взимании налогов ясно, какое важное экономическое значение для персидского царства имели его западные области — Малая Азия, Армения, Сирия, Палестина, Вавилония, платившая 1 тыс. талантов серебра, в то время как Мидия — только 450 [Герод., III, 92]. Сами персы, служившие в гвардии «бессмертных» или на высоких административных постах, не платили никаких податей и жили за счет покоренных областей. В этом-то крылась причина того, что не только знатные, но и рядовые персы были опорой Ахеменидов.

О хорошо налаженных персидских дорогах греческие авторы сообщали интересные вещи: все царские указы и распоряжения доставлялись к месту назначения очень быстро путем использования эстафетного метода [Герод., V, 52—54]. Основная связь осуществлялась по «царской дороге» от Суз к Сардам и Эфесу.

Для поддержания порядка и отражения внешней опасности нужна была армия, которая при Дарии I завершила свою организацию. Ее основой были племена Иранского нагорья: персы, мидийцы, служившие в коннице или отрядах «бессмертных». Остальное войско набиралось через сатрапов в зависимых от Персии областях. Эти туземные соединения использовали в бою свои тактические приемы и свое оружие. Пешее и конное персидское войско имело легкое вооружение (пехота — луки, кавалерия — луки, копья, мечи), небольшие щиты и чешуйчатые панцири. В сражениях инициатива всегда принадлежала пехоте, забрасывавшей противника градом стрел; после этого в дело вводилась конница. У персов были также колесницы с серпами, перерубавшими пополам тяжеловооруженных гоплитов. Персидский флот был, по существу, финикийским с некоторым добавлением судов покоренных малоазийских греков.

Несмотря на налаженную систему централизованного управления, персидская держава оставалась непрочной, так как не имела твердой экономической базы и держалась только силой оружия. Сатрапы, наделенные большими полномочиями, чувствовали себя почти самостоятельными и не всегда исполняли приказы центрального правительства. А народы, собранные воедино персами, часто восставали.

До того как Персия начала борьбу с греками за обладание Эгейским морем и до проникновения в Европу Дарий совершил поход против скифов, названных в Бехистунской надписи саками [§ 5]. Вопрос о том, куда предпринял поход Дарий — в Европу или в Азию, остается открытым. Правда, есть свидетельство Геродота о том, что воинственные скифские племена совершали набеги на Мидию [I, 103—106], но в то же время «саками» греческие историки называли кочевые народы Азии [Герод., VII, 64][4].

Малоазийские греческие города были завоеваны Киром. До этого они номинально зависели от мидийского царства и платили ему умеренную дань, имея множество выгод от средиземноморской торговли.

С установлением персидской власти на малоазийском побережье и на островах власть в греческих городах перешла в руки олигархов или тиранов, сотрудничавших с завоевателем и контролировавших всю морскую торговлю греков с богатым хлебом Понтом.

Политика жестокого налогового обложения и поощрения финикийской торговли вызвала восстание ионийских греков (500 г. до н. э.), начавшееся в Милете. Правда, горстка смельчаков не могла долго защищаться против огромного войска Дария, но все же восставшие захватили Сарды и разрушили резиденцию сатрапа Малой Азии. На просьбу ионийцев о помощи откликнулись афиняне и эритрейцы, приславшие соответственно 20 триер и 5 судов. В морском сражении у Лады, близ Эфеса, повстанцы были наголову разбиты в результате измены самосцев и многих греческих ионийских олигархов, заинтересованных в персидском господстве. Восстание в Милете было потоплено в крови, город уничтожен, население перебито или продано в рабство (493 г. до н. э.).

В 492 г. до н. э. полководец Дария Мардоний вторгается через Боспор во Фракию, а затем, по некоторым данным, отправляет к македонскому царю Аминте посольство для заключения мирного договора [Герод., VI, 44]. Сообщение Геродота не очень ясно: то ли македоняне были покорены персами, то ли заключили с ними договор [V, 18; VI, 45]. Более вероятно, что Аминта с готовностью пошел на договор с персами, преследуя цель сокрушения афинского владычества на море. Ведь даже тогда, когда персидский флот попал в шторм у Афона и погибло 300 кораблей, македоняне сохранили верность Дарию.

Первое проникновение персов на Балканы со стороны Фракии и Македонии носило разведывательный характер и получило название первого похода на Грецию.

Спустя два года (490 г. до н. э.) Дарий предпринял вторичную попытку вторжения на Балканы, теперь уже прямо в центре Греции — в Аттике.

Посадив войско на корабли, персы от побережья Киликии через Эвбею (оказавшую помощь восставшим ионийцам и разрушенную персами) устремились к берегам Аттики и высадились у Марафона, где их уже поджидало десятитысячное афинское ополчение во главе с Мильтиадом, бывшим стратегом Херсонеса Фракийского. На просьбу афинян о помощи откликнулись только Платеи (город в Беотии), приславшие отряд в тысячу воинов.

Не очень надеясь на верность соотечественников, Мильтиад предпочел первым начать сражение, пока смута не овладела умами афинян [Герод., VI, 109]. Расчет Мильтиада был верен, так как тяжеловооруженные греческие гоплиты на флангах стали теснить легковооруженных персов, что и решило исход битвы. Персы дрогнули и побежали. Победа греков была полной. Персы, по Геродоту, потеряли 6400 воинов, а афиняне и платейцы — только 192 человека [VI, 117].

В Марафонской битве персидское войско, дотоле непобедимое, потерпело первое серьезное поражение, продемонстрировав слабость тактических приемов и вооружения. Победа при Марафоне вернула грекам веру в свои силы и имела огромное моральное значение. Правда, они не обольщались насчет того, что персы после поражения откажутся от своих

притязаний в Элладе из-за того, что могущество Афин на море не было сломлено, а малоазийские греческие города тяготели к полисам континентальной Греции.

Дарий не оставил мысли о покорении Греции и стал готовиться к новому походу в Европу, но восстания в Египте и Вавилонии отвлекли его от эллинских дел. Спустя четыре года после Марафонской битвы Дарий умер [Герод., VII, 4].

В междоусобной борьбе сыновей Дария I за власть победителем вышел Ксеркс (485—465 гг. до н. э.), который быстро подавил восстание в Египте и поставил там сатрапом своего брата Ахемена.

На подготовку к следующему походу в Грецию Ксерксу понадобилось четыре года; за это время было собрано огромнейшее войско, в котором только пехоты насчитывалось, по данным Геродота, до 1700 тыс. человек [VII, 184]. Даже если это преувеличение, то в любом случае персидская армия намного превышала греческие силы.

Ксеркс переправил свою армию по понтонному мосту через Геллеспонт из Малой Азии на фракийское побережье [Герод., VII, 36] и двинулся берегом к югу, сопровождаемый персидским флотом.

Греция не сумела использовать десятилетнюю передышку для организации всеобщего сопротивления персам. Причиной этого были несогласованность политики отдельных городов-государств и постоянные межпартийные распри. Некоторое единство эллинских полисов обнаружилось только тогда, когда Ксеркс уже навел мосты через Геллеспонт. Афины и Спарта заключили оборонительный союз, к нему примкнули и другие греческие полисы (всего объединился 31 эллинский город). Но были и такие, кто сохранил верность персам (Фессалия, Беотия) или поддерживал нейтралитет (Аргос).

Во главе сухопутных и морских сил коалиции греческих государств стали спартанцы — наиболее сильные и влиятельные члены союза. Придавая большое значение морской мощи Афин, архонт Фемистокл предложил создать быстроходный легкий флот на средства, получаемые от разработки серебряных рудников Лавриона и ранее используемые для раздачи свободным гражданам. Реализация программы Фемистокла, несмотря на сильное противодействие зажиточной части афинских граждан, дала Афинам современный по тем временам флот в 180 быстроходных триер и неоспоримое преимущество на море по сравнению с другими городами-государствами Эллады. По мнению Плутарха, флот афинян не имел себе равных в Греции и вполне мог защищаться от персидского и даже претендовать на ведущее место на Балканах [Фемистокл, 4].

Персидская армия во главе с Ксерксом без сопротивления прошла Фракию. Десятитысячное греческое войско под командованием спартанского царя Леонида медленно отступало, не решаясь вступить в бой с противником.

Вначале греки намеревались задержать персов в Темпейской долине, но, предвидя измену фессалийской аристократии, решили укрепиться в Средней Греции, в Фермопильском проходе.

Было решено дать персам решающее сражение на суше и на море. Но изменник указал врагу обходный путь, и персы вышли в тыл греческому войску. Царь Леонид приказал грекам отступить, а сам остался с 300 спартанцами для прикрытия отхода. Горстка смельчаков, пытаясь задержать врага, погибла вместе с Леонидом, а греческий флот, безуспешно боровшийся с персидским у Артемисия, отступил к острову Саламин [Герод., VII, 222—225].

Персидский шлем, найденный в Олимпии. Музей в Олимпии

Персидские полчища ринулись в Среднюю Грецию, опустошая и сжигая все на своем пути. Афины также постигла эта участь [Герод., VIII, 53]. Многие жители Аттики и Афин заранее бежали на острова Эгину, Саламин и на побережье Пелопоннеса.

После неудач на суше и проникновения персов в Аттику греки все надежды возложили на свой флот. В 480 г. до н. э. в узком проливе, отделяющем остров Саламин от побережья Аттики, произошло знаменитое Саламинское морское сражение. Персы, пользуясь численным перевесом, начали с двух сторон сжимать кольцо охвата. Но юркие греческие триеры прорвались сквозь персидское ограждение и расстроили боевые порядки вражеских кораблей, которые не могли развернуться на узком пространстве, сталкиваясь друг с другом. К ночи персидский флот был разгромлен и множество кораблей уничтожено [Герод., VIII, 84—86].

Испугавшись, что неудачи в Греции могут вызвать волну антиперсидских выступлений внутри страны, Ксеркс вернулся в Азию (479 г. до н. э.), оставив в Фессалии войско под командованием Мардония.

С наступлением весны Мардоний вторгся в Аттику и вновь опустошил ее. Союзные греческие силы, возглавляемые спартанцем Павсанием, стали теснить персов из Аттики. У Платей в Беотии произошло решающее сражение (479 г. до н. э.), в котором победили греки и погиб Мардоний [Герод., IX, 59—63]. После этого персы ушли из Греции.

После изгнания персов с Балканского полуострова афиняне создали под своей эгидой Делосский морской союз (478 г. до н. э.). Кимон, сын Мильтиада, победителя при Марафоне, успешно воевавший с персами во Фракии, изгнал их с фракийского побережья и около 469 г. до н. э. одержал над ними победу в Малой Азии у мыса Микале близ Милета [Герод., IX, 98, 104].

Военные столкновения греков с Персией, носившие характер морских стычек, продолжались вплоть до 449 г. до н. э.

Неудачи персов в Греции не означали, что Ксеркс отказался от мысли о ее завоевании, но постоянные волнения в Вавилонии не давали ему возможности предпринять новый поход в Европу. Наконец Ксеркс отважился на крайнюю меру — уничтожил святилище бога Мардука, тем самым устранив центр притяжения всех антиперсидских сил. С этого времени Вавилон потерял свое ведущее значение культурного центра Востока вплоть до походов Александра Македонского, который, стремясь прослыть «освободителем», восстановил святилище Мардука и приказал отстроить посвященный ему храм [Арр., III, 16, 4].

После двадцатилетнего царствования Ксеркс пал жертвой заговора придворных. Погиб и его сын Дарий. В борьбу за престол вступили два других сына убитого царя — Артаксеркс и Виштаспа; последний вскоре погиб где-то в Бактрии [Диод., XI, 69].

Выйдя из междоусобной борьбы победителем, Артаксеркс получил в управление все земли, входившие в персидскую державу, кроме Египта, который к тому времени отделился. Посланный на подавление египетского восстания военачальник Мегабиз добился, очевидно, формального подчинения Египта [Герод., III, 160].

В 449 г. до н. э. персидский флот потерпел поражение у Кипра. После этой победы греки заключили с персами Каллиев мир. По условиям договора Персия отказалась от главенства на Эгейском море, а также от контроля над Геллеспонтом и Боспором и признала независимость эллинских городов Малой Азии [Диод., XI, 74].

Так закончились греко-персидские войны, продолжавшиеся с некоторым перерывом с 500 по 449 гг. до н. э. Победа греков над персами продемонстрировала моральное преимущество эллинов, боровшихся за свободу своей родины, против чужеземного захватчика, а также превосходство их военной техники и тактики. Ведь уровень греческой рабовладельческой экономики был выше существовавшего в условиях восточной деспотии, тормозившей развитие производительных сил. Греко-персидские войны обнажили внутреннюю слабость первой универсальной державы Востока. С этого времени начинается скольжение вниз персидской монархии, раздираемой внутренними смутами [5].

Потеряв контроль над Эгейским морем, Персия получила еще один удар со стороны Египта. Мегабиз, посланный Артаксерксом I на усмирение сатрапии, сам поднял восстание против центральной власти. Правда, выступление Мегабиза было быстро ликвидировано, сам он погиб, а его сын Зопир бежал к грекам [Герод., III, 160]. Тем не менее центробежные силы, действовавшие в персидской державе, с тех пор постоянно напоминали о себе.

В 424 г. до н. э. Артаксеркс I умер, и его единственный законный сын Ксеркс II стал царем Персии, но вскоре был свергнут.

Эпоха правления вступившего затем на престол Дария II (424—405 гг. до н. э.) — цепь беспрерывных волнений отдельных сатрапий и выступлений самих сатрапов, стремившихся к независимости.

Один из сыновей Дария II, Кир Младший, став правителем Малой Азии, очень быстро добился восстановления престижа персидской власти во вверенных ему сатрапиях [Ксеноф., Эллиника, I, 4, 3], умело использовав давнишнюю вражду афинян и спартанцев.

Для внутреннего состояния персидской державы чрезвычайно характерна борьба за власть сыновей Дария II — Кира Младшего и Артаксеркса II.

Кир Младший набрал при содействии союзной Спарты десятитысячный наемный отряд греков и двинулся из Сард через всю Малую Азию к Вавилону. Об этих событиях нам известно по труду «Анабасис Кира» Ксенофонта, афинянина, перешедшего на службу к спартанцам и принявшего участие в этом походе греков-наемников под командованием Клеарха.

Кир Младший без каких-либо осложнений дошел с войском почти до Вавилона, на подступах к которому и произошла решающая битва (при Кунаксе, 401 г. до н. э.) между братьями-соперниками. Кир Младший пал в сражении, его части рассеялись, а греки-наемники остались одни, без предводителей, коварно убитых персами, окруженные врагами и вдали от родины [Ксеноф., Эллиника, III, 1, 1—2; Плут., Артаксеркс, 3—13; Диод., XIV, 19—24; Юстин, V, 11]. Беспримерный по своей смелости переход 10 тыс. греков, пробивавшихся с боями через Армению к Геллеспонту, описан во всех подробностях Ксенофонтом.

Участие эллинов в династических распрях Ахеменидов показало всю призрачность власти персов над покоренными народами.

Возможно, первым соответствующие выводы из этого сделал фессалийский тиран Фереса Ясон, указавший на возможность восточного похода в условиях ослабления персидской державы [Ксеноф., Эллиника, VI, 1, 12]. Несколько позже эта идея стала основным пунктом программы единства греков, надеявшихся организацией восточного похода преодолеть внутренние противоречия.

Как и следовало ожидать, спартанцам пришлось расплачиваться за помощь Киру Младшему в борьбе с братом. По указанию Артаксеркса II наместник Малой Азии Тиссаферн потребовал возврата эллинских городов Малой Азии, и Спарта, не желая ронять свой престиж, первая начала военные действия.

Царь Агесилай с войском высадился в Малой Азии (396 г. до н. э.) и нанес противнику серьезное поражение при Сардах. Ответом на это явилась Коринфская война (395—387 гг. до н. э.), спровоцированная Персией. Борьба на два фронта — в Греции и Малой Азии — подорвала силы Спарты, с трудом отбивавшейся от врагов. В этих неблагоприятных для Спарты условиях был заключен Анталкидов мир (386 г. до н. э.), получивший также название «царского», ибо он был подписан в Сузах, резиденции персидского царя. Текст этого договора приводит Ксенофонт: «Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Малой Азии, а из островов — Клазомены и Кипр. Всем прочим же эллинским городам — большим и малым — должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса, Скироса, которые по-прежнему остаются во власти афинян. Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я, вместе с принявшими мир, объявляю войну на суше и на море и воюющим с ней окажу поддержку кораблями и деньгами» [Эллиника, V, 1, 31].

Так персы добились восстановления своего господства в Эгейском море и в греческих городах Малой Азии. Кроме того, Персия получила через Спарту возможность вмешиваться во внутренние дела Эллады. Но такое положение существовало недолго: на севере Балкан поднималась новая сила — Македония, а сама персидская держава стала разваливаться. Восстания в Египте, на Кипре, в Сирии следовали одно за другим. Уже сын Артаксеркса II — Артаксеркс III Ох (358—338 гг. до н. э.) только и делал, что усмирял восставшие сатрапии и отпавшие народы. На некоторое время он вновь добился подчинения Египта.

Стремясь укрепить центральную власть, Артаксеркс III задумал лишить сатрапов права иметь войско; кроме того, судя по источникам, он уничтожил всех своих родственников, опасаясь дворцового переворота [Диод., XVII, 5; Юстин, X, 3, 1]. Может быть, это и явилось причиной его убийства главой придворной клики евнухом Багоем [Диод., XVII, 5, 3], посадившим на персидский трон Оарса, которого греческая традиция считает повинным в убийстве Филиппа Македонского [App., II, 14]. Но новый царь, проявив чрезмерное усердие в деле укрепления центральной власти, был вскоре умерщвлен вместе со всеми своими родственниками [Диод., XVII, 5, 5—6]. Его сменил Дарий III Кодоман (336—330 гг. до н. э.), происходивший из боковой ветви династии Ахеменидов.

Дарий III пришел к власти в самое трудное для ахеменидской державы время: боеспособность персидского войска неизменно падала в связи с разорением крестьян-общинников, из которых в основном рекрутировалась армия. Вследствие этого доля пеших подразделений упала, а конницы — возросла. Уже со времен Дария I персы в войске занимали командные пос-

ты или служили в царской гвардии. Следовательно, боевые качества персидской армии снижались, так как основную массу воинов приходилось набирать в покоренных сатрапиях, народы которых неохотно исполняли воинскую повинность и часто шли в бой подгоняемые бичами [Герод., VII, 223]. Поэтому такое большое значение стали играть греки-наемники и эллинские стратеги, волею судеб заброшенные в поисках наживы на Восток. Ясно, что полуподневольное и частично наемное войско Персии было уже не в состоянии исполнять свою основную функцию — держать в повиновении покоренные народы и поставлять рабов.

Центральная власть не способствовала хозяйственному прогрессу отдельных областей, а лишь выкачивала оттуда богатства, т. е. Персия жила за счет покоренных народов.

Военно-деспотическая держава Ахеменидов в экономическом отношении как бы распадалась на отдельные замкнутые районы, очень слабо между собой связанные. Товарно-денежные отношения, в том виде, как они существовали, не способствовали установлению хозяйственного единства, ибо производство в основном оставалось натуральным, а торговали преимущественно предметами роскоши, что вело к накоплению богатств в руках самых обеспеченных слоев населения. О сказочной роскоши персидских царей в греческом мире слагались легенды, а социальная мысль эллинского города-государства указывала на недопустимость того, что азиатские «варвары» богаче греков [Исократ, Филипп, 132]. Несметные сокровища персидских царей, собранные в казнохранилищах Суз, Экбатан, Пасаргад, лежали мертвым капиталом, не находя практического применения[6].

Степень экономического развития отдельных областей персидской державы была крайне неоднородна. Наиболее отсталыми в экономическом отношении были иранские, среднеазиатские и окраинные Восточные сатрапии со слаборазвитым рабовладением, с преобладающим господством натурального хозяйства и пережитками родо-племенных отношений. К сожалению, об этих областях нам почти ничего не известно, кроме того, что Бактрия в свидетельствах греческих историков считалась наиболее развитой. Иную картину представляли Малая Азия, Сирия, Финикия, Палестина, Месопотамия, Египет с их развитым рабовладельческим хозяйством и широкими торгово-обменными связями, дававшие персидским царям основную сумму поступлений в казну [Герод., III, 89—97].

Египет — самая западная сатрапия персидской державы — в экономическом отношении больше тяготел к Греции и островам Эгейского моря, чем к Персии. Поэтому там на протяжении VI—IV вв. до н. э. много раз поднимались восстания против персидского владычества.

То же самое относилось к западной части Малой Азии, которая экономически теснее была связана с Грецией, а не с Вавилонией и Ираном. Другое дело — города финикийского побережья (Тир, Сидон), через которые проходила транзитная торговля средиземноморских стран с Передней Азией. Их преимущественное положение на море опиралось на покровительство персов. Союз Финикии с Персией диктовался обоюдными интересами: персы пользовались флотом союзников, а финикийцы под их защитой богатели от торговых сделок. Кроме того, финикийские города обладали некоторой автономией: они управлялись собственными династиями и чеканили свою монету.

Вавилон при Ахеменидах не утратил своего значения центра торговли и ремесла. Однако ему, как и всем прочим городам Востока, захваченным персами, пришлось платить им значительную дань: тысячу талантов серебра. Это не устраивало местных богатеев, которые стали тяготиться своей

зависимостью. А если к этому добавить практиковавшуюся персами откупную систему взимания налогов с населения, то станет понятным, почему в Вавилоне Александра Македонского встретили как освободителя и почему он приказал немедленно восстановить разрушенные Ксерксом храмы местных богов [7].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что целый ряд наиболее развитых областей персидской державы не был заинтересован в сохранении прежних порядков. В частности, Вавилония очень нуждалась в присоединении окраинных областей ахеменидской державы для дальнейшего экстенсивного развития своей рабовладельческой экономики.

Понятно, что причины экономического порядка вызвали поход греков и македонян на Восток и те же причины обусловили заинтересованность местной азиатской знати в македонском завоевании, принесшем туда новые формы государственного устройства (полисная организация) при сохранении верховной царской власти — именно то, что отвечало уровню развития производительных сил наиболее передовых областей Азии.

Как бы то ни было, персидская держава не была готова к оказанию организованного отпора греко-македонским завоевателям: флот подошел к Геллеспонту лишь спустя несколько месяцев, да и на малоазийском берегу армия Александра не встретила противника. Полководцы Дария занимались еще только разработкой оперативных планов.

На совете военачальников в Зелее родосец Мемнон предложил персам план отхода войск в глубь Малой Азии, подальше от побережья, чтобы, используя тактику выжженной земли, ничего не оставлять противнику и, измотав его, отрезать путь к отступлению и уничтожить по частям [App., I, 12, 9]. В несколько иной интерпретации Диодора, Мемнон вообще предложил «переправить морские и пешие силы и перенести военные действия в Европу» [XVII, 18, 2]. Но убедительные доводы Мемнона были встречены в штыки персами, особенно Спифридатом, правителем Ионии и Лидии, и Арситом, сатрапом Фригии Геллеспонтской, не хотевшими разорения подчиненных им областей. Так уже первое совещание персидских командиров выявило острые разногласия между Мемноном и остальными сатрапами, действовавшими в угоду местническим настроениям и настаивавшими на незамедлительном сражении с противником на пороге Малой Азии [App., I, 12, 10; Диод., XVII, 18, 3].

Пожалуй, лишь Мемнон реально оценивал ударную мощь македонской фаланги, по сравнению с которой отряды греческих наемников чувствовали себя неуверенно. Но персидское командование не разделяло опасений Мемнона, так как было уверено в победе, уповая на численное превосходство своих войск [8].

Персидские сатрапы на военном совете в Зелее решили дать бой противнику в нижнем течении реки Граник, впадающей в Пропонтиду (Мраморное море); крутые, обрывистые берега реки и хорошие естественные укрытия давали преимущество войску Дария.

Количество персидских войск в битве при Гранике (334 г. до н. э.) источники определяют по-разному. Арриан пишет о 20 тыс. конницы и 20 тыс. эллинских наемников [I, 14, 4], Диодор сообщает о 10 тыс. всадников и 100 тыс. пеших [XVII, 19, 5], а Юстин называет общую цифру в 600 тыс. человек [XI, 6, 11]. Бесспорно, что персидская армия во много раз превосходила по численности греко-македонскую, но все же она была не столь велика, как об этом пишут авторы критического направления. В современной исторической литературе наиболее достоверными считаются сведения Арриана, почерпнутые из надежных источников, хронологи-

чески относящихся ко времени Александра, а не свидетельства иных греко-римских авторов, основанные на более поздних данных эллинистических писателей.

В то время как персы заняли рубежи за Граником и приготовились к бою, Александр во главе своей армии только подходил к реке. Греко-македонское войско двигалось походной колонной. Впереди шли легковооруженные разведчики Гегелоха, за ними — двойная фаланга гоплитов, прикрытая с флангов конницей, и многочисленные обозы [App., I, 13, 1]. Когда разведчики сообщили о появлении персов за Граником, армия быстро построилась в боевые колонны, на ходу приготовившись к атаке.

Осмотрительный и опытный Парменион советовал царю подождать с форсированием реки, учитывая невыгодность рельефа, и стать лагерем на этом берегу, а переправу осуществить на рассвете следующего дня, пока вражеское войско еще не успеет построиться. Но Александр отверг это предложение и решил немедленно начать бой, заявив, что слава македонян и его пренебрежение к опасности требуют этого [App., I, 13, 7].

В битве при Гранике впервые проявились наиболее сильные стороны Александра-полководца: быстрота решений, упорство, натиск и личная отвага.

Левое крыло македонского войска возглавил Парменион, правое — Александр. На правом фланге впереди находилась македонская конница под командованием Филоты, за ней — лучники и агриане-дротикометатели. За ними — всадники-сариссафоры во главе с Аминтой (сыном Аррабея), пеоны, щитоносцы и только потом — таксисы фаланги Пердикки, Кена, Аминты (сына Андромена) и Филиппа (сына Аминты).

На левом крыле крайнюю позицию занимали фессалийские конники под командованием Калата (сына Гарпала), за ними — конница союзников во главе с Филиппом (сыном Менелая), всадники-фракийцы и только после них — пешие таксисы Кратера, Мелеагра и Филиппа, занимавшие все пространство до середины строя [App., I, 14, 2—3].

Александр тщательно продумал тактическое построение войска, расположив к центру фалангу, а по краям — конницу для защиты флангов. Персы же построили свою армию в две линии: впереди — конница, сзади — пехота (греческие наемники), ибо полагали, что пересеченный рельеф местности уже обеспечил им преимущество. Подобное построение войска нельзя признать удачным, так как пехота, вплотную придвинутая к коннице, была для нее помехой и не давала возможности маневрировать.

Некоторое время обе армии стояли друг против друга, видимо оценивая силы противника. Первыми атаку начали македонские всадники правого крыла. На их головы с высокого берега Граника обрушились персидские копья и дротики. Македонским кавалеристам пришлось туго, и большинство их погибло. Но тут подоспели свежие силы, ведомые Александром. Царь устремился в самую гущу персидской конницы, где завязалась жестокая схватка. Как пишет Арриан, сражение было конное, но больше походило на бой пехоты, так как происходило на узком пространстве береговой полосы.

В рукопашной схватке тяжелые македонские копья оказались эффективнее, чем персидские легкие дротики. Сам Александр в пылу сражения сломал копье, а получив новое, бросился на Мифридата, зятя Дария, и поверг его на землю. В это время на македонского царя сзади наскочил с кинжалом Спифридат, но подоспевший Клит отрубил персу правую руку. Благодаря смелой атаке македонской конницы фронт персидского

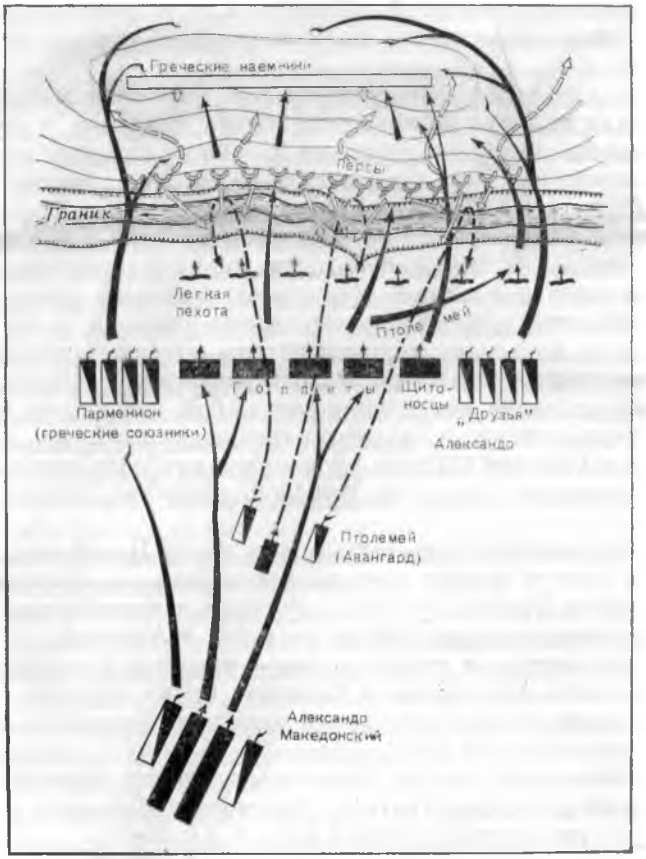


Схема битвы при Гранике

войска был прорван, и остальная часть армии Александра перешла на вражеский берег [Арр., I, 15, 6—8; Плут., Алекс., 16; Диод., XVII, 20, 7].

В битве при Гранике Александр применил охват противника с флангов [Пол., IV, 3, 6] — прием, которым не раз пользовался еще Филипп. Очевидно, не ожидая столь дерзкой атаки, персидское командование растерялось и не отдало приказа грекам-наемникам к выступлению.

После того как персидская конница была обращена в бегство, фалангиты двинулись против эллинских наемников, оказавшихся в роли зрителей только что разыгравшегося сражения. Одновременно на них со всех сторон бросилась македонская конница. Схватка была короткой и жестокой: из 20 тыс. наемников спаслись немногие, около 2 тыс. были взяты в плен [Арр., I, 16, 2]. Пленных заковали в кандалы и отправили в Македонию на работы, ибо «они, эллины, пошли наперекор общему решению греков и сражались за варваров, против Эллады» [Арр., I, 16, 6]. Это свидетельство Арриана говорит о том, что Александр на первых порах старался подчеркнуть общеэллинский характер похода, который был предпринят по решению Коринфского союза, вручившего ему управление войском. В этом плане следует рассматривать и отправку победного трофея — 300 персидских щитов — в дар богине Афине [Арр., I, 16, 7].

Потери персов при Гранике Арриан определяет в 1 тыс. всадников [I, 16, 2], а Плутарх — в 2,5 тыс. всадников и 20 тыс. пехотинцев [Алекс., 16]. Диодор приводит иные данные: всадников погибло не меньше 2 тыс., пехотинцев — более 10 тыс. [XVII, 21, 6]. Урон, причиненный грекам и македонянам, исчислялся древними авторами в 100 солдат [Арр., I, 16, 4], а то и меньше — в 34 человека [Плут., Алекс., 16 — со ссылкой на Аристобула]. Павших в сражении Александр похоронил с почестями, а их родители и дети получили освобождение от уплаты налогов [Арр., I, 16, 5; Юстин, XI, 6, 13].

Победа в битве при Гранике, доставшаяся Александру сравнительно легкой ценой, показала решающую роль фаланги, а также несомненное преимущество греко-македонской тактики. В сражении конные и пешие части действовали в тесном взаимодействии, что и обеспечило победу над превосходящими силами противника, не сумевшего воспользоваться своим численным преимуществом. Ведь эллинские наемные силы так и не были введены в дело, а после прорыва вражеской обороны против них была брошена вся греко-македонская армия.

Персидскому войску был нанесен сокрушительный удар. Отныне основная задача Александра состояла в скорейшем овладении Малой Азией, пока Дарий не оправился от поражения и не набрал новое войско. Для этого прежде всего нужно было захватить Милет, базу персидского флота, и Галикарнас в западной части полуострова.

От Граника греко-македонское войско направилось к Сардам, стоянке персидского флота [Плут., Алекс., 17]. Еще на подступах к Сардам Александра встретили Мифрен, фрурарх крепости, и знатные горожане, вручившие царю ключ от города. Александр разрешил «жителям Сард и прочим лидийцам жить по старинным лидийским законам» и даровал им свободу [Арр., I, 17, 3—4].

Источники единодушны в мнении, что Александр, освобождая эллинские города Малой Азии, давал им свободу и повсеместно низвергал олигархию в противоположность своей политике в Элладе, где македоняне преследовали демократов и опирались на олигархов. Возникает мысль о какой-то непоследовательности в поступках царя, что и отразилось в свидетельствах античной историографии. Однако здесь, видимо, имел место совершенно преднамеренный расчет, так как обстановка подсказывала Александру необходимость союза с демократическими группировками малоазийских эллинских городов, боровшихся против персидского засилья. Наоборот, олигархи поддерживали персов и были проводниками их власти на местах. Очевидно, такая своеобразная линия поведения, исходящая из условий места и времени, была оценена уже древними, причислявшими Александра за его умелую политику к философам [Плут., О счастье или о доблести..., 432 F].

Выступая под лозунгом панэллинского единства, Александр в Малой Азии пропагандировал идею освобождения греков. Он использовал лозунг «свободы и автономии» в надежде на широкую популярность его в демократических кругах греческого населения[9]. Диодор прямо указывает, что македонский царь начал войну с Персией «ради освобождения эллинов» [XVII, 24, 1]. Провозглашение «свободы» сделало войну популярной среди малоазийских греков.

Широкий отклик лозунг освобождения встретил в ионийских городах с преимущественно греческим населением. Не случайно после Сард Александр направился в Эфес, где укрылся Мемнон, бежавший туда с уцелевшими наемниками после сражения при Гранике.

Эфес. Развалины храма Артемиды. II в. н. э.

Предоставив убежище Мемнону, эфесские олигархи, почувствовавшие за собой силу, стали убивать демократов, сторонников Македонии, установивших дружественные связи еще с Филиппом, и творить произвол. Главарь олигархов Сирфак приказал сбросить на землю статую Филиппа и разграбить сокровища храма Артемиды [App., I, 17, 11]. Сторонники Македонии стали ждать подходящего момента для выступления против Сирфака и его приспешников. В условиях крайне обостренной политической борьбы демократических и олигархических группировок Александр приблизился к Эфесу, из которого Мемнон предусмотрительно бежал в Галикарнас [App., I, 17, 10—11].

Арриан ничего не сообщает о трудностях овладения Эфесом, а другие источники и вовсе опускают этот эпизод. Вполне возможно, что при приближении Александра с войском демократические группировки одержали верх и сдали город грекам и македонянам без боя. Следуя своей «освободительной» миссии, Александр «вернул изгнанников, которых ранее удалили из города за расположение к нему, уничтожил олигархию и

восстановил демократию» [App., I, 17, 10]. Далее, по Арриану, народ, освободившийся от страха перед олигархами, стал убивать тех, кто открыл городские ворота Мемнону. Сирфака и всех его родственников, укрывшихся в храме, «вытащили из святилища и побили камнями» [I, 17, 11—12].

Карийские города охотно стали переходить на сторону Александра. Посольства от Тралл и Магнесии-на-Меандре просили царя прислать к ним войско для восстановления демократии.

Видя свою основную задачу в овладении персидскими морскими базами на малоазийском побережье, Александр из Эфеса направился к Милету [App., I, 18, 3]. Что касается мелких ионийских городов, то их «освобождение» осуществляли соратники македонского царя с небольшими отрядами, в то время как сам Александр готовился к штурму главной базы персидского флота.

Для овладения Магнесией и Траллами был послан отряд Пармениона с 200 всадниками и 5 тыс. пехоты, а Алкимах, сын Агафокла, примерно с такими же силами отправился на север «освобождать» эолийские и ионийские города [App., I, 18, 1—2]. Арриан неоднократно подчеркивал, что Александр в Малой Азии повсеместно уничтожал олигархию, восстанавливал демократию, разрешал жить по старым законам и упразднял подати, уплачиваемые персам. Так было уничтожено олигархическое правление на Хиосе (во главе с Аполлодором), в Эресе и на Митилене.

В этой связи очень интересны эпиграфические памятники того времени, отражающие суть восточной политики царя и ее отличие от порядков, установленных в Элладе.

Показательно, что даже в самом начале восточной кампании, официально провозглашая демократию, Александр не выступал как непримиримый враг олигархов, что подтверждается надписью из Эреса 333 г. до н. э. о суде над тиранами Агониппом и Эврисилаем [Ditt., Syll², 526].

В середине IV в. до н. э. в Эресе правили три брата-тирана — Эрм, Ирей и Аполлодор. Их власть была свергнута Филиппом, вернувшим полису демократические порядки. Но со смертью македонского царя к власти в Эресе опять пришли тираны — Агонипп и Эврисилай. После битвы при Гранике они были отстранены от правления.

Позднее бывшие правители Эреса сражались на стороне Мемнона и приняли участие в операциях персов против острова Лесбос. Мемнон добился в Эресе возврата к олигархическим порядкам и восстановил власть тиранов. Активные действия наварха Гегелоха в Эгейском море, очевидно, способствовали возрождению в Эресе демократии. Агонипп и Эврисилай по указу Александра предстали перед судом сограждан, которые вынесли им смертный приговор с конфискацией имущества и навечно изгнали их детей и потомков. Но несколько позже, когда Александр издал указ о политических изгнанниках, потомки тиранов Эреса просили царя о содействии в возвращении на родину, и он пошел им навстречу, предписав эресцам согласиться с их просьбой.

Еще более отчетливо суть «свободы и автономии» видна в указе о хиосских изгнанниках: «...пусть все изгнанники из Хиоса возвратятся, а государственный строй в Хиосе да будет демократическим. Пусть будут избраны номографы, чтобы они записали или исправили законы, дабы не было ничего противоречащего демократии или возвращению изгнанников; написанные или исправленные [законы] представить Александру. Пусть хиосцы представят 20 триер, снаряженных на их средства, и пусть они плавают до тех пор, пока остальной эллинский флот будет плавать с нами.

Из лиц, предавших город варварам, кто успеет бежать, пусть будут изгнанниками из всех городов, участвующих в мире, и пусть они подлежат выдаче согласно решению эллинов. А кто из них останется, тех представить на суд синедриона эллинов.

Если возникнут какие-то споры между вернувшимися и оставшимися в городе, они должны разрешаться у нас. Пока хиосцы не поладят, пусть будет у них гарнизон от царя Александра, какой окажется достаточным; хиосцы должны его содержать» [Ditt., Syll [3], 283].

Так в свете подлинных документов эпохи отчетливо видна политика Александра по отношению к городам Малой Азии и островам, в которой тон задавал сам царь, ставивший по своему разумению гарнизоны, возвращавший изгнанников или исправлявший демократические законы. Видимо, по этой причине, невзирая на популярность освободительной миссии македонского царя на Востоке, не все города Малой Азии добровольно приняли сторону Александра. Известно, что Милет и Галикарнас (в Малой Азии), как и Тир (в Финикии) и Газа, долго и упорно сопротивлялись [10].

Уже И. Дройзен высказывал мнение, будто города Малой Азии получили из рук Александра подлинную свободу и автономию [11]. Но эпиграфические памятники того времени показывают, что свидетельства античных авторов не всегда соответствовали действительному положению дел: свобода городов Малой Азии была еще более условной, чем греческих полисов.

«Свобода» Греции означала олигархическое правление, наличие македонских гарнизонов, отсутствие независимой внешней политики и формальное вхождение в Коринфский союз, интересы которого не соблюдал Филипп, а Александр вообще превратил в фикцию: хиосских правителей царь вопреки союзному соглашению не направил на суд синедриона эллинов, а выслал в египетский город Элефантину [App., III, 2, 7]. На Востоке же свобода стала совсем призрачной. Эллинские полисы Малой Азии освобождались от персидской зависимости, но получали македонское господство; персидские гарнизоны заменялись греко-македонскими; вместо персидских налогов вводились подати, уплачиваемые македонянам,— по сути дела, ничего не изменилось в зависимом положении эллинских восточных полисов.

До поры до времени города Эллады формально составляли как бы ассоциацию равноправных членов — Коринфский союз, где еще (пока царь нуждался в панэллинской идее) соблюдались пункты добровольной симмахии эллинских полисов и македонской монархии [12]. На Востоке положение было иным. Там персидская зависимость сменилась лишь македонским господством, вследствие чего эллинские города потеряли право автономии, чеканки монеты и проведения независимой внешней политики.

Даже покровительство Александра малоазийским демократам было недолговечным. Уже Хиосу, члену Коринфского союза, и Приене навязываются македонские порядки, требующие исправления прежних законов и обязательного возвращения изгнанных олигархов. Возникшие при этом споры будет разрешать не Союзный совет, а македонский царь.

Конечно, молодое, растущее македонское царство нуждалось в иных формах государственного устройства, чем полис или восточная деспотия. Однако, не располагая ничем другим, оно использовало все ту же полисную систему [13], несколько видоизмененную в условиях эллинистической монархии, объективно способствовавшей расширению торговли, обмена и вовлечению окраинных регионов в развитую систему рабовладельческого хозяйства. Только в свете насущных задач македонской политики следует рассматривать усилия Александра, направленные на вхождение греческих городов Малой Азии в русло его великодержавных интересов.

Вернемся к Милету. Лозунг «освобождения» был встречен там без особого энтузиазма. Гегесистрат, персидский комендант города, ранее писавший Александру о добровольной сдаче, при подходе греков и македонян переменил свое намерение и был готов встать на защиту города [Арр., I, 18, 4].

От овладения Милетом зависело многое — и решение давнишнего спора о господстве на море, и успешное продвижение в глубь Малой Азии. Александр не мог рассчитывать на легкую победу: Милет имел двойные крепостные стены, внутреннюю гавань для стоянки флота, достаточно вооружения [Диод., XVII, 22, 2]. К тому же там нашли убежище Мемнон и уцелевшие в битве при Гранике персы.

Македонский царь приказал Никанору, командующему эллинским флотом в 160 кораблей, закрыть подходы к городу и блокировать Милет. Действуя без промедления, Александр достиг важного преимущества: эллинские корабли стали на якорь у острова Лада, а подошедший туда через трое суток персидский флот (300 кораблей) был вынужден остаться на внешнем рейде у мыса Микале, будучи не в состоянии проникнуть во внутреннюю гавань, занятую эллинскими триерами.

Второй раз мнения Александра и Парменнона в отношении дальнейших действий разошлись [14]. Несмотря на то что у персов было 300 кораблей, а у македонян 160, Парменион настаивал на морском сражении, которое, по его мнению, принесло бы великую пользу для всего дела, а поражение не было бы столь пагубным, так как персы все равно господствовали на море [Арр., I, 18, 6]. Но Александр, лучше оценив ситуацию, счел, что мнение Парменнона ошибочно, ибо бессмысленно маленькому флоту вступать в сражение с большим и более опытным в морском деле. Кроме того, что еще более важно, поражение в морском сражении умалит славу македонян на суше и, возможно, будет иметь прямые последствия в Греции, где «эллины заволнуются и поднимутся при известии об этой неудаче на море» [Арр., I, 18, 8].

Взяв Милет в кольцо блокады, Александр начал штурм: он поставил тараны у стен, пробил их и в образовавшиеся проломы направил солдат. Греко-македонское войско ворвалось в город. Персы со своих кораблей, стоявших у мыса Микале, видели, как наемники и милетяне, теснимые македонянами, на перевернутых щитах устремились к безымянному островку в поисках спасения. Взяв Милет, Александр послал к острову триеры с штурмовыми лестницами. Арриан пишет, что царь пожалел смельчаков, готовых стоять насмерть, и предложил им пощаду, если они согласятся служить в его войске. 300 эллинских наемников сдались на милость победителя, а мятежных милетян, уцелевших при взятии города, царь простил и даровал им свободу [I, 19, 6]. Диодор несколько иначе рассказывает о результатах взятия Милета: «Александр с милетянами обошелся человеколюбиво, а всех остальных обратил в рабство» [XVII, 22, 5]. Этими остальными были персы и иноземцы, принявшие участие в защите города, а человеколюбие царя объяснялось тем, что, пока тон походу задавала панэллинская политика свободы и единения греков, не следовало, выступая в роли «спасителя», жестоко расправляться с теми, кого освобождали от персидского гнета.

После падения Милета Александр формально распустил флот [15], который он использовал только один раз, да и то во вспомогательных целях, несмотря на усилия персов навязать македонянам морское сражение.

Древние авторы это важное мероприятие Александра объясняют

бесполезностью флота и невозможностью соперничества с опытными финикийцами и киприотами, служившими на персидских кораблях. Кроме того, античные источники говорят о желании царя ковать победу на суше, о поднятии воинского мастерства при отсутствии флота из-за невозможности к отступлению, о нехватке денежных средств на содержание корабельных команд [Арр., I, 20, 1; Диод., XVII, 23, 1]. Даже указание Диодора о «хитром расчете» царя при роспуске флота также имело в виду только поднятие боевого духа войска, а не что-либо другое. По мнению сицилийского автора, Александр одержал победу при Гранике потому, что за его спиной был сложный для преодоления водный рубеж, а это увеличивало боеспособность солдат, не помышлявших о бегстве [Диод., XVII, 23, 2].

Никто из античных авторов не связывает роспуск флота с планами родосца Мемнона, стремившегося перенести войну к берегам Македонии и Греции, т. е. в тыл Александру, с одновременным захватом островов Эгейского моря. Эмиссары персов стали подбивать греков на восстание [Диод., XVII, 29, 4]. Опасность греческого восстания становилась реальностью, а успехи персидской политики на островах явились подтверждением правильности намерений Мемнона нанести решающий удар Македонии со стороны Греции и островов, что повлекло бы за собой неизбежное поражение Александра, отрезанного от баз снабжения.

Последним оплотом персов на карийском побережье был Галикарнас, где собрались все войска, остававшиеся еще в Малой Азии. Руководство обороной города взял на себя Мемнон.

Не особенно надеясь на опытность персидских сатрапов, Дарий сделал Мемнона главнокомандующим и послал ему много денег [Диод., XVII, 29, 1]. Арриан к этому добавляет, что Мемнон встал во главе всех морских и сухопутных сил [II, 1, 1]. Мемнон основную ставку сделал на флот и остатки наемников, выбитых македонянами из приморских городов (Эфеса, Галикарнаса и пр.).

Вообще, античная традиция считала Мемнона лучшим полководцем Дария, известным своей воинской мудростью [Диод., XVII, 18, 2]; он мог доставить Александру много хлопот, неприятностей и беспокойства [Плут., Алекс., 18].

Не допуская промедления, Мемнон собрал много наемников, посадил их на 30 кораблей и стал энергично вести войну: захватил остров Хиос, овладел городами Антиссой, Мефимной, Эресом и осадил Митилену на острове Лесбос. Молва о его успехах быстро разнеслась по Кикладским островам, и большинство их отправило к Мемнону свои посольства [Диод., XVII, 29, 3].

Слухи об успешных операциях персидского флота на островах проникли и в Элладу; передавалось известие, что Мемнон думает с войсками направиться к острову Эвбея, где города с демократическим правлением охватил страх. У греков, сотрудничавших с персами, в том числе и спартанцев, затеплилась надежда на скорый переворот [Диод., XVII, 29, 3].

Понимая, что захват Милета уже причинил Дарию множество неудобств, так как лишил флот удобной стоянки, Александр сразу же решил поразить карийскую твердыню — Галикарнас, где собралась «немалая сила варваров и чужеземцев» [Арр., I, 20, 2].

Захватив с ходу города, лежавшие между Милетом и Галикарнасом, македонский царь стал лагерем в виду крепости. Мемнон не терял времени зря и постарался так укрепить город, чтобы его нельзя было взять ни с

суши, ни с моря. В Галикарнасе сосредоточились значительные силы, в том числе морские.

Зная о природной неприступности города и о приготовлениях Мемнона, Александр вначале произвел рекогносцировку местности для выяснения наиболее уязвимых мест вражеской обороны. Во время такой разведывательной вылазки в сторону Минда, взятие которого облегчило бы захват Галикарнаса, миндосцы, несмотря на ранее достигнутую договоренность о сдаче, обманули Александра, рассчитывавшего на капитуляцию, а поэтому не отдавшего распоряжения о взятии с собой осадных машин и штурмовых лестниц. Подкоп под стены Минда ничего не дал: на помощь миндосцам морем уже спешили галикарнасцы. Осаду Минда Александру пришлось снять и возвратиться к Галикарнасу [Арр., I, 20, 5—7].

Один штурм Галикарнаса следовал за другим, но все безрезультатно. После неудачных попыток взять город македоняне засыпали землей защитный ров и подкатили к стенам осадные машины, начавшие крушить городские стены. Но в ночной вылазке защитники Галикарнаса подожгли македонскую «технику». Македоняне вступили в бой со смельчаками и уничтожили 170 вражеских солдат; у Александра погибло только 16 человек, 300 было ранено [Арр., I, 20, 10].

Стенобитные машины обрушили две башни и часть стены между ними. Казалось, что македонянам не стоит большого труда проникнуть через пролом в город, но осажденные быстро возвели еще одну кирпичную стену в форме полумесяца, преградившую доступ противнику в Галикарнас.

На следующий день Александр вторично подвел тараны к городской стене, и опять смельчаки предприняли вылазку, чтобы поджечь их.

Третий приступ был решающим. Александр вновь использовал осадные машины, а защитники города неожиданно предприняли всеобщую вылазку. Их вел в бой афинянин Эфиальт, служивший наемником у персов. Свой двухтысячный отряд он разделил пополам; часть воинов получила зажженные факелы, а другая построилась в боевые порядки. Открыв городские ворота, наемники с факелами в руках бросились к осадным машинам и зажгли их. На не ожидавших вылазки македонян посыпался град стрел; завязалась жестокая битва. Эфиальт умело руководил сражением. Вскоре Мемнон прислал из города подкрепление. Македонян погибло много, остальные стали отступать [Диод., XVII, 26, 5—7]. В этот решающий для Александра момент в бой вступили солдаты-ветераны, вставшие щит к щиту и остановившие неприятеля. Эфиальт погиб, а его отряд бежал в город [Диод., XVII, 27, 3][16].

Македоняне преследовали противника и уже почти ворвались в Галикарнас, но Александр приказал отойти, ибо все еще надеялся на добровольную сдачу [Арр., I, 22, 7]. Галикарнасцы потеряли убитыми до тысячи человек, а македоняне — около сорока.

Измученные продолжительной осадой, персидские военачальники Оронтобат и Мемнон пришли к мнению, что дальнейшее сопротивление бесполезно: часть городской стены разрушена, да и ряды защитников значительно поредели. Они решили поджечь город и бежать на кораблях на остров Кос, оставив в акрополе один отряд [Диод., XVII, 27, 5].

Александру об этом доложили на рассвете. Он тотчас приказал тушить пожар и брать Галикарнас. Подробности взятия карийской твердыни неизвестны, так же как и судьба наемного отряда, укрывшегося в цитадели. Арриан и Диодор пишут, что македоняне сровняли город с

землей [Арр., I, 23, 6; Диод., XVII, 27, 6). Александр оставил в Карии гарнизон из 200 всадников и 3 тыс. пехотинцев-наемников для завершения захвата мелких городов, а сам с основными силами направился в Ликию и Памфилию для овладения побережьем, где находились стоянки персидского флота [Арр., I, 24, 3].

Правительницей Карии Александр сделал царицу Аду, добровольно сдавшую ему Алинды и проявившую расположение к македонянам. Однако реальная власть находилась в руках назначенного им сатрапа, располагавшего гарнизоном из 3 тыс. пехотинцев и 200 всадников [Арр., I, 23, 6]. Так что сохранение за Адой царского титула носило скорее символический характер и означало поощрение Александром промакедонских настроений у азиатских царьков и наместников.

В Ликии македоняне легко взяли Гипарны, причем защищавшие город наемники перешли на сторону Александра. Так же быстро были захвачены еще около 30 небольших городов, в том числе Пинары, Ксанф, Патары [Арр., I, 24, 4]. Плутарх и Диодор не уточняют количество взятых в Ликии городов, сообщая, что царь, энергично воюя, покорил все окрест, вплоть до Фригии [Плут., Алекс., 17; Диод., XVII, 27, 6].

После взятия Галикарнаса Александр отпустил на родину часть македонских солдат во главе с Птолемеем, сыном Селевка, ушли домой также Кен и Мелеагр — все они были молодоженами [Арр., I, 24, 1]. Это свидетельство Арриана может показаться странным: Малая Азия еще не была завоевана, а царь отослал домой самых молодых, энергичных солдат, мотивируя этот шаг соображениями личного плана — желанием воинов провести зиму в кругу семьи [17].

Непохоже, чтобы Александр руководствовался только личными мотивами. Больше оснований предполагать, что он просто хотел получить из Греции и Македонии новых рекрутов и наемников, так как и без того небольшие силы македонян на Востоке рассеялись по многочисленным гарнизонам.

После взятия Галикарнаса и отпуска на родину молодых воинов Александр поделил армию на две походные колонны. Одна из них, под началом Пармениона, состоявшая из македонской и фессалийской конницы, войск союзников, обоза и осадных машин, направилась не спеша через Траллы в Сарды для зимовки и дальнейшего продвижения в Гордий Фригии [Арр., I, 24, 3]. Другая, бо́льшая, во главе с самим Александром, включавшая гипаспистов, фаланги, агриан, стрелков и фракийцев, совершая быстрые переходы, овладела морским побережьем Ликии и внутренними районами Малой Азии — Писидией и Киликией [Арр., I, 28, 8].

При завоевании внутренних гористых областей Малой Азии Александр столкнулся с сопротивлением племен мармаров и писидов, упорно отстаивавших свою свободу [18].

Мармары жили на границе Ликии и, когда македонское войско проходило через их земли, напали на его арьергард, многих убили, захватили часть рабов и вьючных животных, а сами укрылись в неприступной крепости. Александр, разозленный нападением мармаров, осадил крепость и в течение двух дней безуспешно старался овладеть ею [Диод., XVII, 28, 1—5].

Столь же упорным было сопротивление писидов, обитавших на границе Фригии.

Расположенный на высоком скалистом месте писидийский город Телмесс практически был неприступен. При подходе к городу македон-

ское войско было встречено воинственными «варварами», занявшими окрестные возвышенности. Видя решимость телмессцев отстоять свой город и понимая преимущество их позиций на склонах гор, македонский царь отдал приказ разбить лагерь. Он точно рассчитал, что писиды не останутся ночевать под открытым небом, а, выставив сторожевое охранение, вернутся в город. И вот, дождавшись темноты, отряды легковооруженных лучников, агриан, гоплитов атаковали вражеские посты и пробились через теснину к городу [Арр., I, 27, 5—8].

Сюда, к Телмессу, прибыли в лагерь Александра послы от другого писидийского племени, селгов, с предложением мира и дружбы. Царь охотно заключил с ними союз.

Верный своей тактике неизменного продвижения вперед, Александр не стал задерживаться у Телмесса, а, оставив его в тылу, стал осаждать другой писидский город — Сагалас.

Писиды расположились на склонах гор, македоняне — внизу, но, несмотря на невыгодность позиций, Александр предпринял штурм. Правое крыло возглавил он сам, а левое — Аминта. Перед пехотинцами царь поставил лучников, агриан и фракийцев.

Начавшие восхождение лучники были отброшены писидами, но агриане не дрогнули, а подошедший с пехотой Александр в рукопашной схватке обратил врагов в бегство: у них не было панцирей и многие получили раны. Около 500 писидов погибло, остальные бежали, и македоняне взяли Сагалас. В войске Александра погиб Клеандр, стратег лучников, и еще 20 человек. Прочих писидов, как пишет Арриан, царь покорил силой, некоторые сдались ему добровольно [I, 28, 1—8].

Судя по источникам, Александр, стремившийся поскорее завоевать всю Малую Азию, поручил назначенным им сатрапам захват оставшихся в тылу неприступных укреплений. Очевидно, овладение Силлием, Телмессом и другими горными крепостями завершили сатрапы силами местных гарнизонов [Арр., I, 27, 4; III, 6, 6].

Покорение Малой Азии подходило к концу. Битва при Гранике продемонстрировала мощь македонского оружия и подняла авторитет Александра как полководца. Но даже на первом этапе похода, отмеченном неизменными удачами, Александру приходилось постоянно иметь в поле зрения настроения греческой оппозиции, сдерживаемой, видимо, страхом перед македонскими гарнизонами. Опасения царя не были напрасными: Персия делала все возможное, чтобы помешать продвижению Александра в Малой Азии. Для этого она использовала недовольство демократических сил Греции, олигархических элементов на островах Эгейского моря и даже скрываемую до поры до времени ненависть Александра Линкестийца, брата убийц Филиппа, казненных по приказу царя [19].

Не исключено, что, потерпев поражение при Гранике, персы сделали ставку на потомка линкестийских правителей.

В апологетической версии нити заговора шли от Линкестийца к Дарию через Аминту, сына Антиоха, ненавидевшего царя и бежавшего из Македонии на Восток. Он был среди тех, кто спасся на судах из осажденного Эфеса [Арр., I, 17, 9].

В интерпретации Арриана, Александр Линкестиец обратился к Дарию с предложением услуг и тот пообещал ему за убийство царя тысячу золотых талантов и македонский трон. Персидский лазутчик, попавший в руки Пармениона, выдал замыслы Дария. Узнав обо всем, македонский царь без лишнего шума приказал взять под стражу Линкестийца, к тому времени командира фессалийских всадников [Арр., I, 25, 3—10].

Согласно антиалександровской традиции этот эпизод выглядел иначе: о злых намерениях Линкестийца известила Александра Олимпиада, писавшая, чтобы сын остерегался начальника фессалийской конницы. Как далее сообщает Диодор, «обвинение это подтвердилось множеством других основательных улик» [XVII, 32], суть которых автор не раскрывает.

Следовательно, и апологетическая и антиалександровская традиции связывают заговор Линкестийца с враждебными царю силами внутри Македонии, опиравшимися на поддержку Персии. Очевидно, растущая опасность взрыва изнутри заставила Александра не предавать огласке это дело [App., I, 25, 5].

Пройдя с боями гористые области мармаров и писидов, македонский царь вышел к границам Фригии — сатрапии очень важной в стратегическом отношении, ибо она примыкала к Геллеспонту.

На пятый день перехода от Сагаласа (в Писидии) Александр достиг Келен, города с крепостью на отвесной скале, где фригийский сатрап оставил гарнизон из 1 тыс. карийцев и 100 эллинских наемников. Последние предложили царю подождать со штурмом, так как, если в назначенное время к ним не подойдет помощь, они сдадут Келены македонянам. Александр предпочел ждать, чем начинать осаду неприступной цитадели.

Греко-македонский отряд в 1,5 тыс. человек остался у Келен, а Александр на десятый день ожидания ушел в Гордий.

Еще не взяв первый город Фригии Геллеспонтской — Келены, Александр назначил его сатрапом Антигона, сына Филиппа и командира союзников, а на его место поставил стратега Балакра, сына Аминты. Как явствует из сообщений античных авторов, македонский царь сразу приступил к налаживанию административного устройства в сатрапиях, провозглашая формальную автономию эллинских полисов и вполне реальную власть полномочного стратега, главы подчиненного ему гарнизона, а также сатрапа и сборщика налогов.

Расчлененность военных и административно-хозяйственных функций, вводимая Александром в Малой Азии, была явлением новым по сравнению с традиционным управлением ахеменидской державы, где всю полноту власти осуществлял сатрап, вплоть до воинского набора и чеканки монеты, которая в эллинистическое время стала монополией царя [20].

Александр не зря торопился в Гордий, ибо там его уже ждали Парменион с войском и прибывшее из Македонии пополнение, которое привели Птолемей, Кен, Мелеагр. Общее количество новых сил составило 3650 человек [App., I, 29, 4], в том числе 3 тыс. македонских гоплитов и 650 всадников (300 из Македонии, 200 из Фессалии и 150 из Элеи). Курций также сообщает о приходе пополнения [III, 1, 24].

По мнению античных историков, пребывание Александра в Гордии — важнейшая веха в его жизни, ибо там македонский полководец, следуя древнему «варварскому» преданию, подтвердил свое право быть властелином Азии. А этому древние историки придавали особое, почти мистическое значение, пытаясь с позиций стоицизма дать объяснение поразительным успехам македонского царя, в короткое время завоевавшего известный в то время грекам обитаемый мир. Древние все аспекты общественной жизни объясняли покровительством или гневом судьбы, усматривая во всех действиях Александра веление рока.

Правда, ни Арриан, ни Плутарх (отстоявшие от описываемых ими событий на три-пять веков) не считали эпизод с гордиевым узлом историческим фактом. Вероятнее, что этот вполне легендарный сюжет был позд-

нейшей вставкой как иллюстрация положительных качеств царя — сообразительности и быстроты принимаемых решений[21].

Легенда о гордиевом узле проста. Вот она: фригийский бедняк Гордий пахал свое поле, когда на ярмо запряженного вола сел орел и сидел до тех пор, пока Гордий не кончил работу. Гордий рассказал об этом одной телмесской девушке-прорицательнице. Та сказала пахарю, что нужно жениться на ней, принеся предварительно жертву Зевсу. Бедняк так и сделал. Вскоре у него родился сын Мидас, которого божество пророчило в справедливые правители фригийцев. Как только в стране начались смуты, Мидас на повозке отца прибыл в Народное собрание и был провозглашен царем. Эту простую повозку с хитроумным узлом из лыка дикой вишни на дышле Мидас преподнес в дар Зевсу, и с тех пор она находилась во дворце.

Арриан и Плутарх пишут, что Александр знал легенду об удачливом царе из народа и что ему очень хотелось увидеть знаменитую повозку и хитроумно сплетенный узел, распутывание которого, согласно древнему пророчеству, обещало власть над Азией [Арр., II, 3, 6—7; Плут., Алекс., 18].

По одним источникам, Александр не смог распутать гордиев узел и, выхватив меч, разрубил его, по другим (как сообщал Аристобул) — царь вытащил колышек, распутал узел и снял ярмо. Арриан не берет на себя смелости утверждать, как был развязан узел, но, как он подчеркивает, спутники царя поверили, что пророчество относилось к Александру [Арр., II, 3, 8].

Из этого обыденного сюжета некоторые историки делали вывод о том, что планы Александра завоевать всю Азию возникли если не перед началом восточной кампании, то уже на начальном ее этапе[22]. Утверждать подобное означает не видеть эволюции планов Александра. Ведь даже сам поход в Малую Азию с целью закрепиться там представлялся грекам дерзкой мечтой, так как ни спартанец Агесилай, ни афинские стратеги Харит и Харидем не добились этого, хотя и проникли в глубь полуострова.

В Гордий к македонскому царю прибыли афинские послы с просьбой освободить угнанных в Македонию на работы их соотечественников — наемников, взятых в плен в битве при Гранике. Но Александр отказал афинянам, так как считал, что если у греков «ослабнет страх перед ним, то это грозит ему бедой» [Арр., I, 29, 6].

Действительно, афиняне выбрали неудачное время для своей просьбы. Завоевав за первый год войны западное и часть южного побережья Малой Азии и захватив стоянки персидских судов, Александр сознавал, что Дарий легко не уступит утраченного им и постарается нанести удар Македонии в самом уязвимом месте, т. е. со стороны островов Эгейского моря и Греции. Поэтому македонский царь считал, что греков нужно держать в постоянном страхе и не спускать с них глаз.

Начав с захвата важнейших коммуникаций в Эгейском море, Мемнон в дальнейшем рассчитывал на усиление внутриполисных распрей в Элладе, на активизацию антимакедонских настроений среди эллинских демократов, а особенно на Спарту и Афины, поведение которых внушало законную тревогу Александру [Диод., XVII, 31, 3]. Правда, афиняне, следуя благоразумным советам Демосфена, не предприняли никаких антимакедонских действий, но все же не отправили свои триеры в македонский флот, вновь собираемый по приказу Александра (см. ниже).

По словам Диодора, Мемнон подкупил многих греков и убедил их перейти на сторону персов; к тому же персидский наварх намеревался на 300 кораблях и с пешим войском идти на Македонию и поднять восстание эллинов [XVII, 29, 4; 31, 3]. Вот тут-то Александра «охватила великая тре-

вога» — необходимо было срочно спасать тыл, чтобы не погубить достигнутого на Востоке и не остаться отрезанным от баз снабжения.

Первое пополнение, прибывшее к Александру в Малую Азию, включало только 350 фессалийских и элейских всадников, т. е. составляло лишь десятую часть навербованного в Македонии пешего войска, а это был симптом того, что «союзники» не слишком жаждали защищать общеэллинские интересы на Востоке.

Учитывая ненадежность греков и ослабление македонских позиций в Эгейском море после захвата Мемноном ряда островов, Александр послал из Гордия двух командиров, Гегелоха и Амфотера, к Геллеспонту с ответственным заданием — собрать вновь флот и даже принудить к службе экипажи торговых судов, плывущих с Понта Эвксинского. Правда, македонский царь пошел на явное нарушение Коринфского соглашения о свободе мореплавания и торговли, что вызвало недовольство афинян, но с настроениями союзников не приходилось считаться ввиду растущей персидской угрозы с моря[23].

Гегелоху было также приказано выбить вражеские гарнизоны с Лесбоса, Хиоса, Коса, для чего он получил от царя 500 талантов [Курц., III, 1, 19]. В то же время Антипатр, регент Македонии, располагавший 600 талантами, послал Протея на остров Эвбею и в Пелопоннес для сбора военных кораблей, которые встали бы на защиту греческого побережья от посягательств «варваров» [App., II, 2, 4]. Если вспомнить, что перед восточным походом Александр имел в казне не более 70 талантов [Аристобул] и взял в долг 200 талантов [Онесикрит], а по другим источникам, задолжал еще 800 талантов [App., VII, 9, 6], т. е. обладал ничтожными средствами по сравнению с выделенными на защиту Македонии, Греции и островов, то станет ясно, насколько важен был для него этот участок антиперсидской борьбы, где на карту было поставлено все достигнутое в Малой Азии.

Почти весь остров Лесбос, расположенный на пересечении важнейших торговых коммуникаций, был в руках персов; незапятой оставалась одна Митилена, «город большой, превосходно снабженный, располагавший большим войском» [Диод., XVII, 29, 2]. Мемнон окружил Митилену двойным палисадом, отрезав от моря, поставил пять фортов и «оказался с суши хозяином положения»; части кораблей он приказал караулить гавань, а другой — охранять подходы к грузовым причалам [App., II, 1, 2].

Но неожиданно Мемнон умер у стен осажденной Митилены. Это было еще одним ударом для персидского царя [App., II, 1, 3]. Как пишет Диодор, смерть Мемнона погубила все дело Дария [XVII, 29, 4]. По мнению Курция, Мемнон был единственной надеждой персов [III, 8, 1]. А Плутарх с кончиной лучшего персидского полководца прямо связывает дальнейшие планы продвижения Александра в глубь Азии [Алекс., 18]. «Великая тревога», не дававшая покоя македонскому царю, несколько улеглась, когда стало известно о кончине Мемнона [Диод., XVII, 31, 4].

Дело Мемнона продолжили два персидских адмирала — Автофрадат и Фарнабаз, активно поведшие осаду Митилены. Город был блокирован с суши и моря, и осажденным ничего не оставалось, как начать переговоры с персами. Митилена обязалась изгнать всех чужеземцев, пришедших на основании военного соглашения с Александром, вернуть изгнанников с половинной компенсацией за утраченное имущество и расторгнуть все договоры с македонским царем [App., II, 1, 4]. Так договор, заключенный митиленцами с Фарнабазом, возвратил их ко временам Анталкидова мира.

Персидские военачальники ввели в город гарнизон под командованием родосца Ликомеда и поставили единовластным правителем олигарха Дио-

Александр. Медная статуэтка, копия римского времени
с греческого оригинала Лисиппа. Археологический музей. Флоренция

гена, одного из возвратившихся изгнанников. Деньги персы частью отняли силой у имущих, а частью взяли из городской казны [App., II, 1, 5].

Установив персидское господство в Митилене и получив нужные средства, Фарнабаз с наемниками отплыл в Ликию, а Автофрадат — к Кикладам.

В это время от Дария, занимавшегося набором нового войска, пришел приказ послать всех наемников к нему и передать Фарнабазу полномочия

Мемнона [App., II, 2, 1]. Отправив чужеземцев в ставку царя, Фарнабаз соединился с Автофрадатом, и на 100 кораблях они устремились к Тенедосу, ранее отослав к острову Сифн перса Датама с 10 триерами для разведки на Кикладах [App., II, 2, 4]. Вот тут-то и пригодился флот, собранный на Эвбее и в Пелопоннесе Протеем по приказу Антипатра.

Под покровом ночи Протей напал на ничего не подозревавшего Датама и захватил 8 кораблей с экипажами; Датам с двумя триерами ускользнул [App., II, 2, 5].

Не случайно персы основные силы бросили к Тенедосу, а не к Кикладам. Стратегическое положение острова, лежащего всего в 12 милях от Геллеспонта, давало им возможность блокировать пролив и держать под контролем торговлю с Понтом Эвксинским.

Персидские адмиралы предложили Тенедосу, подобно Митилене, восстановление Анталкидова мира — все договоры с македонским царем разорвать, а с Дарием жить в дружбе. И хотя тенедосцы были гораздо более расположены к Александру и эллинам, им против своего желания пришлось пойти на заключение союза с персами, так как не было надежд на скорую помощь: Гегелох еще не собрал столько кораблей, чтобы поспорить с вражеским флотом. Арриан заключает, что Фарнабаз заставил тенедосцев признать его власть скорее из-за страха, чем по доброй воле [II, 2, 3].

Таким образом, первый год войны на Востоке еще не решил окончательно спор о господстве в Эгейском море, на островах и на побережье Малой Азии. Войско Александра упрямо продвигалось вперед, в глубь Малой Азии, а персидский флот не менее удачно действовал на островах Эгейского моря и у Геллеспонта. Кульминационным пунктом успехов персов на море был захват Тенедоса, после чего наступил спад их активности. Ведь не случайно античные авторы считали греков-наемников наиболее боеспособной частью персидского войска; Дарий потребовал их прибытия в Финикию, тем самым оголив западный театр военных действий. Явный просчет персидского командования сказался и на этот раз: стремясь задержать продвижение Александра в Сирии, Дарий отдал приказ о сворачивании военных операций на море, чем разрядил напряженную для македонян обстановку в Эгеиде. Гегелоху позже не стоило большого труда «освободить» Киклады и Тенедос от персидских гарнизонов [App., III, 2, 3].

Введение единообразной системы организации завоеванных территорий на Востоке указывало, что Александр намеревался остаться там надолго. Этими соображениями диктовался и способ административного устройства Малой Азии. Официальная пропаганда того времени настойчиво подчеркивала «освободительную» миссию македонского царя, о чем единодушно писали источники. Но под видом освобождения на самом деле осуществлялся процесс включения малоазийских земель в состав македонского царства с четко налаженным аппаратом централизованного подчинения.

Логическим следствием упразднения олигархии и восстановления демократии в малоазийских приморских городах с греческим населением должно было бы быть их вхождение в общеэллинский союз[24]. Но уже И. Дройзен указывал на маловероятность факта вхождения «освобожденных» городов Малой Азии в Коринфский союз, мотивируя это весьма резонно тем, что соглашение Македонии с греческими городами-государствами преследовало цель не только совместного похода против Персии, но и поддержания правопорядка и спокойствия в самой Элладе[25]. Этим немецкий историк прошлого века, видимо, хотел показать различие целей и за-

дач Александра в Европе и Азии. Ведь «замирение» Эллады, достигнутое в результате военного поражения греков, связанных Коринфским союзом, свершилось в интересах македонского царства. И завоевание Малой Азии преследовало те же цели. Поэтому, на наш взгляд, Александр вряд ли помышлял о расширении членства в Коринфской симмахии, тем более что в Элладе он опирался на промакедонских олигархических деятелей, а в Малой Азии на первых порах — на демократических, выступавших против персидского господства. Следовательно, для достижения покорности Эллады и греческих городов Малой Азии македонский царь использовал разные средства. Несколько позже обнаружились истинные намерения Александра — связать Македонию и Восток в едином царстве без различий между македонянами и «варварами» [26].

Сатрап, македонский стратег с гарнизоном, сборщик податей — вот та триада, благодаря которой достигалось централизованное подчинение городов Востока царской власти. Само собой разумеется, что сатрапии полностью утратили прежнюю самостоятельность. В нумизматическом материале этого периода совсем отсутствуют монеты городов и отдельных сатрапий вплоть до 306 г. до н. э., когда завершился окончательный распад державы Александра и его преемники в интересах правящей грекомакедонской элиты возвратились к структуре полисной автономии и ее важнейшему атрибуту — праву выпуска денежных знаков.

После смерти Мемнона персидские военачальники собрались на совет, чтобы решить, продолжить ли военно-морские операции на Западе или всецело переключиться на Восток и дать сражение Александру в Сирии до того, как македоняне успеют овладеть всей Передней Азией. Многие высказывались за то, чтобы сам Дарий возглавил войско и выступил против Александра; по их мнению, это должно было поднять боевой дух армии и усилить энтузиазм воинов [Диод., XVII, 30, 2]. Правда, источники не уточняют, какие были вынесены решения по поводу назначения главнокомандующего, но, судя по отзыву наемников с флота Фарнабаза и свертыванию операций в Эгейском море, можно сделать вывод, что персидский царь готовился к решающей битве на суше.

Достойным продолжателем дела Мемнона античные авторы назвали советника персидского царя — Харидема, «человека изумительной храбрости и искуснейшего стратега», изгнанного из Афин по приказу Александра [27].

Апологетические источники ничего не пишут о разногласиях в персидском руководстве по поводу завершения планов Мемнона на Западе. Видимо, ни Арриан, ни Плутарх не придавали особого значения угрозе со стороны Эгейского моря и антимакедонской оппозиции в Греции. Авторы же критического направления довольно подробно освещают борьбу, развернувшуюся вокруг предложения Харидема [Курц., III, 2, 10].

Харидем не советовал Дарию отправляться на театр военных действий; по его мнению, армию следовало возглавить полководцу, закаленному в боях. Он предложил сам повести стотысячное войско, треть которого составили бы наемники; с ним он надеялся разбить Александра. Вначале Дарий был склонен принять предложение афинского стратега, но приближенные внушили царю подозрение, будто Харидем добивается командования, чтобы потом предать персов. Обозленный Харидем обругал персов трусами, чем навлек на себя гнев царя, который отдал приказ о его казни. Уже идя на смерть, Харидем крикнул Дарию, что тот скоро раскается в своем поступке, а наказанием ему будет крушение царства [Диод., XVII, 30, 5].

В изложении Курция, гибель Харидема объясняется иными причинами: афинский стратег считал, что боеспособность персидского войска всецело зависела от греков-наемников, поэтому посоветовал Дарию употребить имеющееся золото и серебро для найма солдат-чужеземцев [III, 2, 16]. Вот за эти смелые речи он и поплатился жизнью. Когда персидский царь остыл от гнева, он пожалел о допущенной ошибке и велел похоронить Харидема с почетом [Курц., III, 2, 19].

Одержимый страхом перед македонской опасностью, Дарий стал искать достойного преемника Мемнону и, не найдя такового, вынужден был сам стать во главе войска [Диод., XVII, 30, 7].

Узнав о смерти Мемнона и о приготовлениях персидского царя в Вавилоне, Александр «укрепился в своем решении двинуться в глубь Азии» [Плут., Алекс., 18], верно рассудив, что угроза на западе миновала, а Фарнабаз и Автофрадат вряд ли отважутся чинить препятствия на море, не располагая для этого нужными силами (эллинские наемники по приказу Дария ушли с кораблей для укрепления сухопутных сил).

Отдохнувшее и пополненное войско Александр повел на восток и вскоре достиг Анкиры. Туда к нему явилось посольство пафлагонцев с предложением добровольного подчинения. Македонский царь отдал распоряжение, чтобы Пафлагония вошла в состав Фригии, сатрапом которой стал Калат.

Резко повернув на юг, македонская армия пересекла быстрым маршем Каппадокию, где большинство городов сдалось Александру добровольно. Но Синопа и Гераклея Понтийская в северной части провинции надолго сохранили прежний строй. Синопой, как и раньше, управляла партия проперсидских олигархов, а в Гераклее Понтийской упрочилась тирания Клеарха, бывшего главаря греков-наемников. Сатрапом Каппадокии был назначен Сибикт [Арр., II, 4, 2].

Основная задача Александра на данном этапе состояла в быстрейшем продвижении в глубь Азии, в захвате основных опорных пунктов, в частности Киликийских ворот — южных перевалов Аманских гор (Тавра), ведущих к Тарсу.

Но как ни торопился македонский царь к перевалам, Киликийские ворота уже были заняты сильным персидским отрядом. Александр отдал приказ Парменио остаться на месте с тяжеловооруженными воинами, а сам ночью во главе щитоносцев, лучников, агриан неожиданно напал на персов, которые, побросав оружие, разбежались, узнав, что войско ведет сам Александр [Арр., II, 4, 4].

Наутро греко-македонская армия вторглась в Киликию. Получив от лазутчиков сведения, что персидский сатрап Арсам намерен разграбить Тарс и лишь потом оставить его, Александр помчался туда с конницей и легкими отрядами. Арсам покинул Тарс, не успев причинить ему ущерба, и бежал в ставку Дария [Арр., II, 4, 6].

По словам Аристобула, Александр заболел в Тарсе от усталости, а по свидетельству других, сильно простудился, выкупавшись в горной реке. Все античные авторы пишут о серьезной болезни царя, о том, что никто из врачей не брался его лечить, считая положение безнадежным [Арр., II, 4, 8; Плут., Алекс., 19; Диод., XVII, 31, 5]. Только Филипп, лекарь из Акарнании, о котором в войске шла добрая слава, взялся исцелить царя, предложив ему выпить приготовленное им лекарство; оно сразу изгнало болезнь и вернуло силы Александру.

Чтобы наверстать время, упущенное из-за болезни, Александр, едва оправившись, послал Парменио на восток к другим горным проходам,

соединявшим Киликию и Сирию. Его задача состояла в установлении контроля над перевалами, для чего царь дал ему союзническую пехоту, эллинов-наемников, фракийцев и фессалийскую конницу [Арр., II, 5, 1]. Пока Парменион овладевал проходами и изгонял оттуда «варваров» [Диод., XVII, 32, 2], Александр завоевал всю Киликию, ибо при стремительном движении армии в тылу оставалось много непокоренных городов.

Вначале македонский царь прибыл в Анхиал, по преданию основанный ассирийским царем Сарданапалом, так же как и Тарс; потом в Солы, где наложил на жителей штраф в 200 талантов за то, что они «очень благоволили к персам» [Арр., II, 5, 5]; видимо, в Солах Александру было оказано сопротивление, о котором умалчивает античная традиция. Там он оставил гарнизон. На усмирение горных киликийцев царю потребовалась неделя, в течение которой Александр с тремя полками македонской пехоты, всеми лучниками и агрианами бил одних и договаривался с другими, добиваясь покорности.

По возвращении из Киликийских гор в Солы Александр получил известие от Птолемея и Асандра, писавших, что они овладели галикарнасской крепостью, разбили отряды перса Оронтобата и захватили города Минд, Кавн, Феру, Каллиполь, а также остров Кос и мыс Триопий с одноименным городом. Стратеги сообщали царю, что нанесли поражение персам в большой битве, где противник потерял 700 пеших воинов, 50 всадников, и что в плен взято не менее тысячи человек [Арр., II, 5, 7]. По случаю столь внушительной победы Александр устроил в Солах празднество с гимнастическими, музыкальными состязаниями и факельным шествием, а также дал городу демократическое правление [Арр., II, 5, 8].

Возвратившись в Тарс, Александр послал конницу Филоты к реке Пираму, а сам двинулся в Маллы, город с греческим населением, где прекратил междоусобицы, даровал горожанам свободу и упразднил персидскую дань.

В Маллах стало известно, что Дарий с несметным войском пришел из Вавилона в Сирию и расположился лагерем в селении Сохи, в двух днях пути от проходов в Аманских горах [Арр., II, 6, 1].

Древние авторы не пишут о численности македонских сил в битве при Иссе. Можно предположить, что она составляла около 30 тыс. человек, подошедших к устью Пинара, имея в виду полученное из Европы пополнение (3650 человек), не считая многочисленных гарнизонов, оставленных в малоазийских городах.

Напротив, цифровые данные о войсках Дария сообщают все источники. Арриан называет предположительно 600 тыс. человек [II, 8, 8], Плутарх подтверждает эту цифру [Алекс., 18], а Диодор приводит меньшее количество — 400 тыс. пехоты и 10 тыс. всадников [XVII, 31, 2]. Современная историческая наука считает, что численность персидских войск, участвовавших в сражении при Иссе, в источниках чрезмерно преувеличена. Маловероятно, чтобы после разгрома у Граника, где, по свидетельству Арриана, персы имели 40-тысячную армию [I, 14, 4], Дарий сумел собрать за год более чем полумиллионное войско.

Как пишет Плутарх, Дарий полагался не только на свою несметную армию, но и на истолкование его сна халдейскими магами, которые объяснили этот сон так, как того хотел царь. Вся македонская фаланга, снилось царю, стоит охваченная пламенем, а Александр в одежде царского гонца прислуживает Дарию и, войдя в храм Бела, исчезает... Херонейский биограф объяснил этот сон по-своему: завладев Азией, Александр со славой уйдет из жизни [Плут., Алекс., 18].

На македонском военном совете было принято решение немедленно выступать против персов. Александр вдоль морского берега пошел к Иссу, где оставил больных и раненых, а сам, перейдя через южные проходы Аманских гор, спустился к Мириандру, чтобы оттуда двинуться к Сохи на сближение с противником. Однако из-за непогоды он задержался в Мириандре.

Тем временем персидское войско во главе с Дарием расположилось на равнине у Сохи, удобной для маневрирования большого войска и действий конницы.

Рядом с Дарием объявился новый советник — Аминта, сын Антиоха, перебежавший к персам. Он рекомендовал персидскому царю не покидать этого удобного места, где помещается все войско и снаряжение [App., II, 6, 3—4]. Вначале Дарий внял его совету, но, обеспокоенный вынужденной бездеятельностью, стал поддаваться влиянию окружавших его льстецов, уверивших царя, что Александр полон сомнений и страха [Плут., Алекс., 19], так как сам Дарий идет против него, и что персидская конница растопчет македонское войско [App., II, 6, 5]. В конце концов царь расположил армию на значительно менее выгодных позициях, где конница его стала бесполезной, так же как и неисчислимое множество воинов с их луками и дротиками. Таким образом, указывает Арриан, «он своими руками поднес Александру и его войску легкую победу» [II, 6, 6].

Перейдя Аманские горы на востоке, Дарий пришел с войском в Исс, оказавшись, сам того не подозревая, в тылу у македонян. Дарий перебил там оставленных Александром больных и раненых македонян и подошел к реке Пинару [App., II, 7, 1].

Александр не сразу поверил известию, что Дарий с войском находится у него в тылу, и послал нескольких «друзей» на 30-весельном корабле морем к Иссу для разведки. Вернувшись, те подтвердили правильность донесения: Дарий со всем войском расположился у Исса, т. е. в македонском тылу. Положение армии Александра стало критическим. Медлить было нельзя, и македонский царь рискнул двинуться обратно через южные перевалы к исской равнине навстречу Дарию.

Было не исключено, что персы уже заняли горные проходы, поэтому Александр вначале послал для рекогносцировки всадников и лучников и, только когда убедился, что перевал свободен, около полуночи подошел к нему. Он приказал дать воинам кратковременный отдых прямо на скалах и выставить сильные сторожевые посты [28].

На рассвете его армия спустилась в долину у Исса. Пока кругом были теснины, македонское войско шло колонной, но, выйдя на равнину, развернулось широким фронтом: впереди пехота, за ней конница, охватив всю долину между горами и морем. На правом фланге у горы он поставил агему пехоты и щитоносцев во главе с Никанором, сыном Парменио́на; рядом с ним — полк Кена, за ним — таксис Пердикки. Всех их прикрывали конные подразделения этеров, фессалийцев и союзников. Командование правым крылом взял на себя Александр. На левом фланге первым стоял таксис фаланги Аминты, затем — Птолемея и рядом — Мелеагра. Со стороны моря фалангитов защищали легкая пехота и конница фессалийцев и союзников. Всей пехотой левого фланга командовал Кратер, а общее руководство осуществлял Парменион. Ему был дан строгий приказ не отходить от моря, чтобы не оказаться в окружении «варваров», которые, используя численное превосходство, могли обойти македонян [App., II, 8, 1—4]. Кроме того, для защиты тыла от персидского пехотного резерва, расположенного на холмах, Александр поставил справа под углом к фрон-

ту войск небольшое число всадников, лучников, агриан, образовав из них вторую линию обороны [Арр., II, 9, 2].

Канун битвы при Иссе — важный момент в понимании завоевательных планов македонского царя на Востоке. Арриан приводит обстоятельную речь Александра перед командирами (стратегами, илархами, предводителями союзников), в которой тот стремился не только поднять дух воинов, но и убедить их в приближении конца похода.

Александр сказал своим командирам, что победный исход прежних сражений должен внушить им мужество, что они, привыкшие быть победителями, сразятся с теми, кто всегда бывал побежден; что им покровительствует сам бог, внушивший Дарию мысль запереть войско в теснине, где македоняне будут иметь достаточно места, чтобы развернуть пехоту, а огромное войско персов окажется бесполезным.

Далее Александр перешел к сравнительному разбору боевых качеств обеих армий. Он указал на физическую и нравственную слабость противника: македоняне, свободные люди, с давних времен закаленные в военных трудах и опасностях, столкнутся с персами и мидянами, рабами, изнеженными и погрязшими в роскоши. Что касается эллинов в войске Дария, то они, предав интересы родины, за небольшую плату сразятся со своими соотечественниками, вставшими на защиту Эллады. Даже европейские «варвары» — фракийцы, иллирийцы, агриане — по своим боевым качествам выше азиатских. В этом сражении они, свободные люди, победят не сатрапов Дария, не конницу, не 20 тыс. эллинских наемников, а самый цвет персов и мидян и самого царя. Этим сражением завершится для них покорение Азии и будет положен конец их многочисленным трудам.

Затем македонский царь вспомнил славные примеры греческой истории, дерзкий поход на Вавилон 10 тыс. эллинов и Ксенофонта, у которых не было ни фессалийской, ни беотийской, ни пелопоннесской, ни македонской, ни фракийской конницы, ни лучников, ни пращников, но они опрокинули персидского царя со всем его войском, одолели племена, встретившиеся им на пути домой, и возвратились на родину. Одним словом, кончает речь Александра Арриан, царь сказал им все, что в таких случаях хороший вождь говорит перед битвой хорошим воинам [II, 7, 3—8].

В этой речи Александра, созданной Аррианом, отчетливо прослеживаются основные установки апологетической традиции: признание превосходства греков над «восточными варварами», преувеличение понятия «свободы» для греков, к тому времени порабощенных Македонией, и противопоставление их народам Востока, привыкшим, по мнению греческого историка, к рабскому существованию. Все эти рассуждения свидетельствуют об использовании принципиальных положений общественной мысли своего времени (Аристотель, Исократ), на долгие века сохранивших актуальность среди правящего класса греко-римского общества, не изжившего пренебрежительного отношения к «восточным варварам» [29]. Даже поход 10 тыс. греческих наемников на Вавилон во главе с Киром Младшим представлен в идеальном свете, тогда как войско Артаксеркса у Вавилона разбило наемников Кира и греки, теснимые персами, с большим трудом выбрались из Азии.

Но для нас важнее другое: Арриан в речи Александра перед битвой при Иссе прямо указывает, что этим сражением завершится покорение Азии, т. е. закончится восточный поход.

Видимо, как источники Арриана, так и он сам считали, что Иссской битвой должно было завершиться освобождение эллинов Малой Азии, что

торжественно провозгласил основным пунктом своей программы Коринфский конгресс. Именно так представляли себе Филипп и продолживший его дело Александр восточную кампанию — овладеть всей Малой Азией, в том числе богатыми торговыми городами побережья, сломить персидское владычество в Эгейском море и присоединить завоеванные земли к македонскому царству.

Таким образом, в апологетической версии речи македонского царя накануне решающего сражения за Малую Азию еще не видны планы на будущее, а лишь подводится итог всему предшествующему.

По-иному представляет дело критическая традиция, указывающая, что уже перед Иссом македонский царь был полон решимости покорить весь мир. В аналогичной речи Александра перед всем войском Курций дает широкую программу завоевания ойкумены: «...они (македоняне.— *Авт.*) покорят себе не только персов, но и все остальные народы: Бактрия и Индия станут македонскими провинциями... Их уделом будет не бесплодный труд на крутых скалах Иллирии и камнях Фракии, но весь Восток станет их добычей. Им почти не понадобятся мечи: всю вражескую армию, дрожащую от страха, они смогут отогнать щитами» [III, 10, 5—6]. Следовательно, уже до решающего сражения за Малую Азию, по версии Курция, у Александра существовали широкие завоевательные планы, причем в границы будущей империи Курций включает Индию.

Но если речь Александра (созданная Арриапом) вполне соответствует задачам и целям данного этапа, то версию Курция следует признать неправдоподобной, сместившей события. Ведь нереально, чтобы на раннем этапе похода Александр столь четко сформулировал планы захвата всего Востока. Это малоправдоподобно хотя бы потому, что враг был только потеснен, но не разбит и имел достаточно сил для оказания сопротивления, а в руках македонян была даже не вся Малая Азия. Вот почему речь Александра в изложении Курция не соответствует реальному соотношению сил враждующих сторон в то время, а только выражает стремление римского историка показать царя в критическом плане, что постоянно присутствует в его повествовании и восходит к антиалександровской традиции, идущей от эллинистического автора Клитарха. Даже близкий по традиции к Курцию Диодор, черпающий сведения из того же источника, ничего не сообщает о планах Александра накануне битвы при Иссе, впервые упоминая о желании властвовать в Азии только во время мирных переговоров с Дарием [XVII, 54, 6].

Арриан приводит довольно подробную схему построения войска Дария в битве при Иссе (октябрь — ноябрь 333 г. до н. э.). В первой линии персы поставили 30 тыс. наемных гоплитов, а по обеим сторонам от них — 60 тыс. кардаков (пешие туземные формирования по типу македонских фалангитов). У горы, слева, Дарий выстроил против правого крыла Александра около 20 тыс. воинов, часть которых оказалась как бы в тылу у македонян, так как гора, у подошвы которой они стояли, выдавалась подковой вперед. Остальные легковооруженные и гоплиты, построенные по племенам, располагались за эллинскими наемниками и кардаками.

Распределив по фронту пешее войско, Дарий вернул конницу из-за Пинара, поместив ее основную часть против левого крыла Пармениона у моря, так как там было удобнее маневрировать; посланные же на левый фланг к горе всадники возвратились: место оказалось слишком узким [Арр., II, 8, 10]. Сам Дарий на боевой колеснице в окружении телохранителей и вельмож стал в центр расположения, по обычаю персидских царей.

30 тыс. всадников и 20 тыс. легковооруженных персидский царь пе-

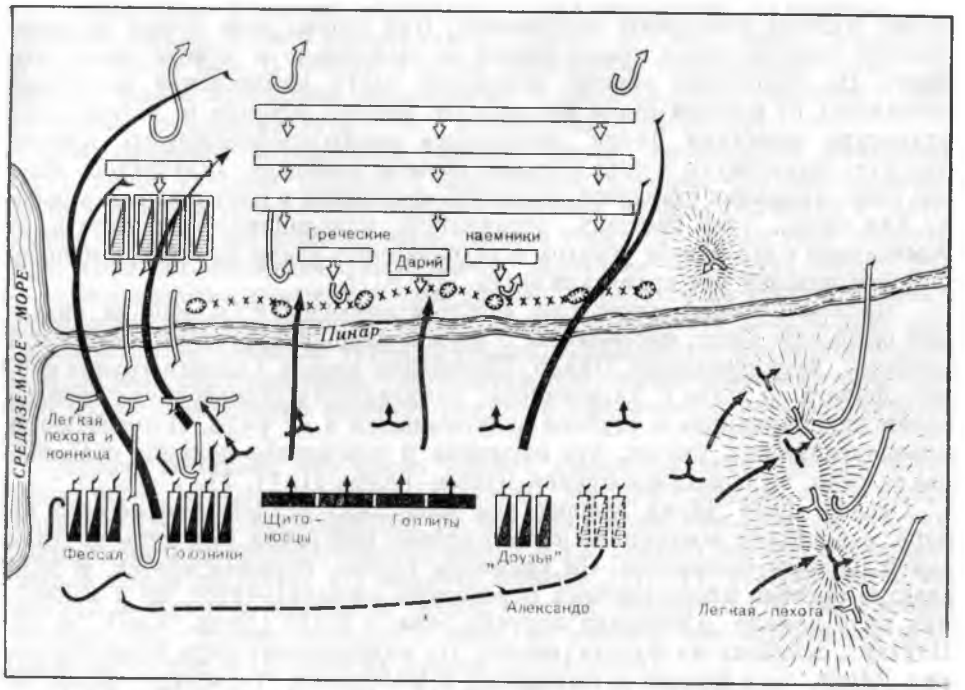


Схема битвы при Иссе

переправил на другой берег Пинара, чтобы было достаточно пространства для построения пешего войска.

Как явствует из свидетельств Арриана, Дарий тщательно готовился к этому сражению и, видимо учтя промахи в битве при Гранике, постарался тактическое построение своего войска приспособить к способу греко-македонских атак, для чего создал подразделения кардаков, а также рациональнее использовал конницу на флангах.

Александр в битве при Иссе в основном применил план, использованный им во время сражения при Гранике.

Разгадав маневр персов, выдвинувших левое крыло по изгибу горы далеко вперед и рассчитывавших отсюда начать окружение, Александр велел агрианам и лучникам потеснить противника и только после этого отдал приказ к бою [App., II, 9, 4].

Медленно, не нарушая боевые порядки, повел македонский царь войско на врага. Армия Дария оставалась на обрывистых берегах Пинара в ожидании подхода македонян. На бродах персидский царь приказал поставить частокол. В виду персидского лагеря Александр объехал верхом весь строй, подбадривая воинов перед сражением. Когда македоняне оказались на расстоянии полета стрелы от персов, он бросил в атаку тяжелую конницу правого крыла [App., II, 10, 3]. Персы ответили градом дротиков и стрел, но их было так много, что они сталкивались на лету и теряли свою силу [Диод., XVII, 33, 3]. Диодор приводит картину начала Исского сражения: «Трубы с обеих сторон подали сигнал к бою; македоняне первые дружно и оглушительно закричали, им ответили варвары, и соседние горы откликнулись эхом, более громким, чем самый крик: казалось, 500 тыс. людей одновременно издали вопль...» [XVII, 33, 4].

Александр, как и в битве при Гранике, рассчитывал на внезапность

атаки, надеясь ошеломить противника. Как только дело дошло до рукопашной схватки, левое крыло персов не выдержало и вскоре было прорвано. Но, увлекшись атакой, передовые части македонской кавалерии оторвались от идущей сзади фаланги. В этот-то прорыв и устремились эллинские наемники Дария, закаленные воины-профессионалы, преградив путь фалангитам к реке. Арриан об этом сообщает: «Завязалось жаркое дело: наемники старались столкнуть македонян в реку и вырвать победу для своих, уже бегущих, соратников; македоняне — не отстать от Александра с его явным успехом и не потемнить славу фаланги, о непобедимости которой все время кричали» [II, 10, 6].

На левом фланге македонян, которым командовал Парменион, ситуация была еще хуже: фессалийцы с трудом сдерживали атаки персидской конницы, форсировавшей Пинар. Положение спасла ударная группа правого фланга во главе с Александром, направившая основной удар против эллинских наемников и глубоко вклинившаяся в их ряды. И только когда македонский царь увидел, что наемники и персидская конница отброшены от реки, он обратился против Дария [App., II, 11, 7].

Оксафр, брат Дария, увидев, что Александр неудержимо несется на царя, с лучшими всадниками своего отряда преградил ему путь почти у самой царской колесницы. Он сражался храбро, поражая врагов. В этой схватке погибло много знатных персидских военачальников, но и македонян пало немало. Александр получил рану в бедро [Диод., XVII, 34, 5]. Плутарх, ссылаясь на Харета, пишет, что македонского царя будто бы ранил Дарий, но в письме к Антипатру в Македонию Александр ничего не сообщает об этом, указывая лишь, что он получил в битве при Иссе незначительное ранение [Плут., Алекс., 20].

Враги наседали на Дария со всех сторон, и персидский царь, охваченный ужасом, пересел с колесницы на коня и бежал с поля боя. Это и решило исход битвы; персидская конница, действовавшая до этого успешно, обратилась в бегство, как только получила известие о бегстве Дария и поражении эллинских наемников.

Успешные атаки конницы Александра по центру вражеской обороны, ее прорыв в непосредственной близости от того места, где находился Дарий, и последующее бегство персидского царя оказали решающее влияние на исход битвы. Поэтому успешные атаки персидской конницы против левого крыла Пармениона в общем балансе битвы не имели решающего значения.

Отступление было настолько всеобщим и беспорядочным, что персидские всадники скорее сами передавили друг друга, чем были уничтожены македонянами [App., II, 11, 3].

Страшась позорного плена, Дарий бросил свою колесницу, лук и царскую мантию, Александр во главе конницы преследовал персидского царя до наступления ночи [App., II, 11, 6], но тот опередил его на 4—5 стадий и бежал к Фапсаку, переправе на Евфрате.

В этой ужасной неразберихе и сумятице оставшиеся в живых 8 тыс. эллинских наемников, ведомых Аминтой, Фимондой, Аристомедом, Бианором (все они были перебежчиками), укрылись в горах и пробрались в Триполис Финикии. Там они захватили вытащенные на берег суда, на которых раньше прибыли с Лесбоса, часть их спустили на воду, оставшиеся сожгли во избежание погони и отплыли на Кипр и далее в Египет [App., II, 13, 3].

Около 4 тыс. персов и наемников увел с собой Дарий при поспешном бегстве от Исса к Евфрату. Остальные рассеялись кто куда.

Вернувшись к войску, Александр застал македонян за грабежом персидского лагеря. В плен попала семья Дария — его мать, жена, две дочери и малолетний сын. В походной казне македоняне обнаружили 3 тыс. талантов. Много ценностей, оставленных в Дамаске, было захвачено Парменионом, посланным туда с этой целью [Арр., II, 11, 10].

Был захвачен и огромный царский шатер, поразивший македонян драгоценной утварью, посудой и предметами роскоши. «Друзья» приготовили в нем для Александра трапезу. Плутарх пишет, что, войдя в шатер Дария и увидев его изысканное восточное убранство, Александр воскликнул: «Это вот, по-видимому, и значит царствовать» [Плут., Алекс, 20].

Большинство персов, которым удалось вырваться на исскую равнину, скрылось в союзных городах, а оказавшиеся в теснинах давили друг друга и все кругом завалили трупами [Диод., XVII, 34, 9]. Это подтверждает и Птолемей, соратник царя, говоривший, что, когда Александр преследовал Дария, македоняне перешли какую-то пропасть по трупам [Арр., II, 11, 8].

Арриан сообщает, что число убитых персов достигло 100 тыс., в том числе более 10 тыс. всадников [II, 11, 8]. Курций приводит иные цифры потерь — 100 тыс. пехотинцев и 10 тыс. всадников; при этом, по его данным, Александр потерял всего 32 пеших и 150 конных воинов, и «слишком легкой ценой досталась эта великая победа» [III, 11, 27]. Плутарх, так же как и Курций, оценивает общие потери персов в 110 тыс. воинов [Алекс., 20]. Диодор согласен с ними, но считает, что македоняне потеряли 300 пеших и 150 конных воинов [XVII, 36, 6].

Таким образом, древние авторы называют примерно одинаковую цифру потерь персидского войска, подчеркивая при этом важность выигранного сражения при минимальных потерях греко-македонских сил (по Диодору — 450 человек).

Как и в битве при Гранике, исход сражения решила стремительность действий пехоты и конницы. Применив охват противника с флангов и пробив брешь в его обороне, македоняне овладели инициативой, вначале потеснив противника, а позже заставив его отступить по всему фронту. Введение в бой эллинских наемников не сыграло существенной роли: конница Александра прорвала их фланг и вклинилась глубоко в их ряды, заставив отступить. Так Александр предотвратил окружение своего немногочисленного войска персами и добился победы над врагом.

Победа Александра в битве при Иссе еще раз продемонстрировала ратное мастерство греков и македонян и показала, что предпосылкой успеха является не численное превосходство, а выучка солдат и преданность командиров, умение находить выход из любого положения и никогда не терять присутствия духа[30].

Главным итогом сражения при Иссе явилось полное покорение Малой Азии и окончание «освободительной миссии» македонского царя по отношению к малоазийским грекам.

Другим, не менее важным итогом победоносного завершения битвы при Иссе было успокоение Греции, пришедшей в волнение при известии об удачных операциях персидского флота в районе Кикладских островов.

Пока враждующие стороны готовились к сражению на суше, персидские наархи Фарнабаз и Автофрадат оставались у Хиоса, а позже, оставив там гарнизон и отослав несколько судов к Косу и Галикарнасу, с сотней быстроходных кораблей подошли к Сифну. Туда же вскоре прибыл на триере спартанский царь Агис для получения денежных средств, морских и сухопутных сил, чтобы начать военные действия против Маке-

донии в Пелопоннесе [App., II, 13, 4]. Агис получил от Автофрадата 30 талантов серебра и 10 триер, которые послал на Тенар к брату Агесилаю с приказом выплатить жалованье матросам и прибыть на Крит для улаживания тамошних дел. Сам Агис остался на островах и позже присоединился к Автофрадату [App., II, 13, 6].

Александр находился далеко в Азии, а в Греции циркулировали всевозможные слухи: о тяжелой болезни царя в Тарсе, об успехах персидского флота на островах, о несметном войске Дария, идущем из Вавилона. Все это волновало умы и давало пищу новым догадкам. Многим грекам казалось, что наступил подходящий момент для устранения македонского господства, и афиняне, фиванцы, спартанцы отправили своих послов к персидскому царю.

Недооценивать важность нависавшей над Александром угрозы — значит вообще не видеть тех центробежных сил, которые постоянно напоминали о непрочности «добровольного» союза греческих городов-государств и Македонии. Маловероятно, чтобы Антипатр со своим 12-тысячным войском мог ликвидировать греческое восстание, если бы оно вспыхнуло и было поддержано Персией.

Но все это происходило до битвы при Иссе. Решительная победа македонян над персидским войском образумила антимакедонские группировки в Греции и на островах. Еще некоторое время персы владели Кикладами и даже захватили Тенедос, но это уже не имело существенного значения.

Персидский флот, лишенный стоянок на побережье Малой Азии и ослабленный уходом с кораблей наемников по приказу Дария, терял свое доминирующее положение на море. Напротив, Гегелох и Амфотер, собравшие эллинские корабли (первый — у Геллеспонта, второй — у Пелопоннеса), добились освобождения островов и не допустили персов к проливам.

После Исса и потери Малой Азии персам оставалось спасать в Эгейском море только то, чем они еще владели. Перепуганный Фарнабаз на 12 триерах с 1500 эллинскими наемниками двинулся к Хиосу, боясь, что, узнав о поражении Дария, хиосцы поднимут восстание [App., II, 13, 5]. Но то, чего опасался персидский наварх, вскоре случилось: хиосцы приняли сторону македонян и при поддержке Гегелоха изгнали вражеские гарнизоны, а Фарнабаза взяли в плен. Правда, когда Гегелох собрал всех тиранических правителей островов, виновных в отпадении, и привел их к Александру в Египет, среди них не оказалось Фарнабаза, которому удалось бежать из-под стражи с острова Кос [App., III, 2, 7].

Вскоре были освобождены Тенедос, Лесбос, Кос, жители которого сами призвали на помощь Амфотера [App., III, 2, 6]. Финикийцы и киприоты, служившие на персидских кораблях, разбежались по домам, как только узнали о движении македонского войска к их городам.

Несомненно, битва при Иссе по своим последствиям выходила за рамки ординарного сражения. Она окончательно убедила греков, что с мечтой о независимости следует расстаться. Афиняне первые пошли на компромисс: на истмийских празднествах наградили Александра золотым венком за победу над «варварами». Но, даже добившись успокоения греков и возврата островов, Александр понимал, что предстоит еще долгая и упорная борьба против антимакедонских сил, сосредоточившихся в Финикии, на Кипре, в Египте, прежде чем можно будет сказать, что с оппозицией покончено навсегда.

Но, пожалуй, не менее важное значение имела битва при Иссе для

планов самого Александра. Видимо, киликийская победа подала ему мысль о завоевании всей персидской державы, так как свидетельства на этот счет появляются в источниках после сражения у Исса. Интересно, что после Исса источники апологетического направления говорят о стремлении Александра захватить власть над Азией, а авторы критической версии называют македонского царя владыкой большей части Азии.

На следующий день после битвы Александр велел построить все войско, как для сражения, и с подобающими почестями похоронить павших, не только своих, но и знатных персов [Курц., III, 12, 13]. В речи к воинам македонский царь воздал хвалу всем отличившимся и каждому выдал денежное вознаграждение согласно чину [Арр., II, 12, 1].

Сатрапом Киликии Александр назначил одного из своих телохранителей, Балакра, а на его место взял другого — Менета. Вместо Птолемея, сына Селевка, павшего в бою, командовать его полком стал Полисперхонт, потомок тимфейских царей.

Все источники приводят сцену встречи Александра с плененной семьей Дария, и все возносят хвалу македонскому царю за гуманное отношение к пленникам. Царя восхваляют за то, что, услышав горестные причитания матери и жены Дария, оплакивающих своего якобы погибшего повелителя, Александр послал к ним Леонната, одного из «друзей», сообщить, что Дарий жив и бежал, а оружие и царскую мантию оставил в колеснице. Далее Леоннат по повелению Александра сказал опечаленным женщинам, что в плену к ним будут относиться как к царицам и что они ни в чем не будут терпеть нужды, кроме единственного неудобства — быть пленницами, так как «Александр воюет с Дарием не из личной вражды к нему, а законно (разрядка наша.— *Авт.*) отвоевывает власть над Азией» [Арр., II, 12, 5]. Более кратко эту сцену описывает Плутарх, также подчеркивающий, что Александр «воюет с Дарием за власть» [Алекс., 21].

Авторы критического направления (Курций, Диодор) в общих чертах повторяют этот эпизод, но ничего не говорят о дальнейших планах царя. Правда, Диодор несколько ранее пишет, что, до того как Александр возвратился из погони за персидским царем, слуги в бывшем царском шатре приготовили трапезу и зажгли много светильников, чтобы, вернувшись, он смог получить все, что было у Дария, и в этом Александр увидел счастливое знамение, предвещавшее ему власть над всей Азией [XVII, 36, 5].

Уже после Исса в источниках отразилось изменение планов македонского царя в сторону продолжения похода. Вероятно, те указания в источниках после Исса (кроме Курция, дающего преждевременно широкую картину завоевания всего мира), которые свидетельствуют о законных притязаниях Александра на власть в Азии, следует понимать как первые симптомы модификации планов македонского царя в отношении Востока [31].

Очевидно, новые идеи, увлекшие Александра, требовали нового решения. Может быть, поэтому македонский царь не продолжил погоню за Дарием в глубь Азии, а, сообразуясь с более насущными задачами момента, решил овладеть всей Финикией, в первую очередь Тиром, поддерживающим связь с мятежной Спартой. Не последнее место в этих планах отводилось Кипру и Египту, захват которых должен был окончательно сломить персидскую мощь на море (финикийцы и киприоты служили в персидском флоте) и предотвратить враждебные действия 8 тыс. эллинских наемников, укрывшихся после Исса в Египте.

Получилось так, что даже после одержанной победы и некоторого

успокоения Греции Запад по-прежнему беспокоил Александра. Происки его тайных недругов были подчас страшнее, чем открытый бой с противником. Он надеялся, что поверженный Дарий не скоро сможет собрать новое боеспособное войско, и рассчитывал использовать наступившую передышку для осуществления самых неотложных задач — овладения Финикией и Кипром.

Александр отдавал себе отчет в том, что промедление может погубить все его замыслы, поэтому, не теряя ни дня после битвы при Иссе, двинулся к торговым финикийским городам, оставив сатрапом Келесирии Менона и дав ему союзническую конницу [App., II, 13, 7].

Миновав южные проходы Тавра, Александр вышел к восточному побережью Средиземного моря, где находились города Мараф, Арад, Библ, Берит, Сидон, Тир. Уже по дороге в Финикию ему стало известно, что большинство правителей этих городов, так же как и кипрские цари, бежали к Автофрадату.

Пока армия македонян двигалась к югу, Парменион получил приказ взять Дамаск и захватить там сокровища и обозы, сопровождавшие персидского царя в походе. Парменион уже был готов просить подкрепление, не надеясь силами небольшого отряда фессалийских конников взять Дамаск, когда в руки македонских разведчиков попал мардиец, пробиравшийся к Александру с письмом, в котором правитель Дамаска предлагал македонскому царю сдать город и сокровища. Обнадеженный таким оборотом дела, Парменион послал мардийца в сопровождении стражи обратно в Дамаск, но тот вскоре бежал от своих спутников. Такое поведение гонца из Дамаска показалось македонянам подозрительным. Тем не менее отряд Пармениона на четвертый день подошел к городу.

Но правитель Дамаска, желавший ценой предательства заслужить доверие Александра, заранее вынес все сокровища за городские стены. Его сопровождали многие тысячи мужчин и женщин, среди которых были люди высокого звания, жены и дети полководцев Дария, а также послы греческих городов, которых персидский царь оставил в Дамаске как «в самом безопасном месте» [Курц., III, 13, 5—6].

Эта огромная толпа горожан показалась Пармениону вражеским войском, поэтому он, ободрив своих конников подходящими для этого случая словами, приказал пришпорить коней и напасть на врага. Но носильщики сокровищ и сопровождавшая их стража, побросав поклажу и оружие, бросились врассыпную [Курц., III, 13, 10].

Операцию по захвату персидских обозов, сокровищ и знатных семей персов Александр умышленно поручил фессалийским конникам, особенно отличившимся в Исском сражении. Македонский царь хотел им дать возможность пограбить, и фессалийцы достаточно обогатились, «вкусив от варварского образа жизни, от ее богатств и любовных утех, и, словно собаки, кинулись по следу, ища и вынюхивая персидские богатства» [Плут., Алекс., 24].

То, что досталось македонянам в Дамаске, превзошло их ожидания: одной чеканной монеты было захвачено на 2600 талантов, а серебряных изделий — 500 фунтов. В плен были взяты 30 тыс. горожан, захвачено 7 тыс. вьючных животных [Курц., III, 13, 16]. Среди пленников были дочери царя Оха (царствовавшего до Дария), жена Фарнабаза с сыном, вдова и сын Мемнона. В плену оказались также афинские, фиванские и спартанские послы, прибывшие к Дарию для заключения союза [App., II, 15, 2]. Их-то и потребовал к себе Александр на расправу за измену союзническому долгу.

Фиванских послов Александр простил и отпустил на родину. Арриан объясняет это тем, что царь «жалел» Фивы и вполне входил в их положение, когда они искали союза с Персией против поработившей их Македонии [II, 15, 3]. Но причина, видимо, была в другом: фиванцы не представляли для Александра серьезной угрозы, так как их город был уничтожен и македонский гарнизон продолжал находиться в Кадмее.

Другое дело афиняне и спартанцы, постоянно подстрекавшие остальных греков на борьбу с Македонией. Их послов Александр предусмотрительно задержал в почетном плену. Как пишет Арриан, афинянина Ификрата македонский царь удержал при себе с великим почетом из-за любви к Афинам и в память о его знаменитом отце-полководце. Когда же Ификрат скончался, его останки царь отослал родственникам [II, 15, 4]. А спартанского посла Эвфикла Александр долгое время держал под стражей, так как он был представителем враждебного Македонии города, и отпустил только после подавления мятежа царя Агиса, когда Спарта перестала быть очагом антимакедонских сил.

Небольшие финикийские города, не имевшие значительного войска, без сопротивления сдались македонянам. Островной город Арад, оставшийся в управлении Стратона, сына местного царька Герострата, бежавшего к Автофрадату, заявил о своей покорности [Арр., II, 13, 7; Курц., IV, 1, 6].

Прибыв в Мараф, Александр получил первое письмо от Дария с просьбой отпустить его мать, жену и детей и с предложением мира и дружбы. Персидский царь писал, что Филипп жил в мире с царем Артаксерксом, а при сыне последнего Арсесе сам нарушил дружбу, хотя персы ему ничего плохого не сделали. С тех пор как Дарий стал царем, Александр не обновлял с ним старинной дружбы, а вторгся с войском в Азию и причинил много зла персам. Он же, Дарий, выступил на защиту своей земли и унаследованной от отцов власти [Арр., II, 14, 1—3].

По версии Курция, это письмо возмутило Александра заносчивым тоном и тем, что Дарий приписал только себе царский титул. Персидский царь скорее требовал, чем просил, и предлагал за семью выкуп, равный богатствам всей Македонии, а также давал совет — пусть Александр довольствуется отцовским царством и очистит пределы чужого. В этом случае Дарий согласен дать ему клятву верности [IV, 1, 7—8].

Ответ Александра у Арриана выдержан в тоне официальной пропаганды того времени, признающей за македонским царем право от имени всех эллинов мстить персам за причиненные обиды, за смерть Филиппа от рук заговорщиков, подкупленных персидским золотом.

«Ты с помощью Багоя,— писал Александр Дарию,— убил Арсеса и захватил власть несправедливо и наперекор персидским законам; ты несправедлив к персам; ты разослал неподобающие письма эллинам, призывая их к войне со мной; ты отправлял деньги лакедемонянам и другим эллинам... и твои послы подкупили моих сторонников и постарались разрушить мир, который я водворил в Элладе.

Я победил в сражении сначала твоих военачальников и сатрапов, а теперь и тебя и твое войско и владею этой землей, потому что боги отдали ее мне. Я теперь владыка всей Азии... и когда в дальнейшем будешь писать мне, пиши как к царю Азии, а не обращайся как к равному...» [Арр., II, 14, 4—9].

Курций в ответе македонского царя Дарию по-другому расставляет акценты: все персидские цари были узурпаторами и поработителями греков, все затевали нечестивые войны и, кроме того, старались действовать

подкупом: Филипп был убит людьми, которым персы обещали огромные деньги, к Александру также хотели подослать наемного убийцу за тысячу талантов (намек на заговор Линкестийца). Поэтому Александр обороняется, а не идет войной, и по праву победителя ему принадлежит бо́льшая часть Азии. Если персидский царь придет к нему с покорностью, то получит без выкупа мать, жену и детей, а если же будет писать, то должен обращаться к Александру как к своему царю [IV, 1, 10—14].

У Диодора в освещении мирных переговоров Александра с Дарием есть одна любопытная деталь: прося македонского царя отпустить его семью за большой выкуп, Дарий предложил ему мир на условиях владения всей Азией до реки Галиса. Но македонский царь скрыл это письмо и показал советникам другое, подложное, «которое соответствовало его собственным намерениям» [XVII, 39, 2]. Возможно, соратников Александра вполне могло удовлетворить предложение персидского царя получить Малую Азию, заключить мир и окончить войну, но это, как сообщает Диодор, не соответствовало намерениям Александра.

В апологетических источниках Александр в Финикии называет себя «владыкой всей Азии», а в критических — «владетелем большей части Азии». По существу, позиции античных историков разного направления сближаются, так как в них речь идет уже о завоевании Азии. Очевидно, за время, прошедшее между кануном битвы при Иссе и пребыванием в Финикии, изменились планы Александра, теперь уже простиравшиеся на всю Азию.

Изменение планов Александра по мере развития его военных успехов отчетливо прослеживается в повествовании Арриана, указывающего на постепенность прихода царя к мысли о мировом господстве. Другое дело Курций, дающий перед Иссом программу завоевания мира до Бактрии и Индии, а позже говорящий лишь о стремлении Александра быть владыкой Азии. Но как бы то ни было, победа в Киликии поставила перед Александром новый рубеж— овладение всей Азией, о чем он сообщил Дарию в ответном письме из Марафа.

В исторической литературе нет единого мнения по вопросу о том, как планы Александра по отношению к Востоку претерпевали изменения на разных стадиях.

Ряд зарубежных историков утверждают, что еще до начала восточной кампании македонский царь был намерен стать владыкой всей Азии, а поэтому нечего и говорить об эволюции его планов. Эта довольно широко распространенная точка зрения находит последователей и в советской исторической науке [32]. Обычно ее сторонники исходят из свидетельства Плутарха (по словам греческого историка, все, что царь имел на родине, он раздарил остающимся, а себе оставил только «надежды» [Алекс., 15]), а также из легенды о гордиевом узле, предрекшей Александру власть над Азией [Арр., II, 3, 6; Плут., Алекс., 18; Курц., III, 1, 14—15; Юстин, XI, 7]. Но на начальном этапе похода Александр сам еще точно не знал, как далеко на Азию распространится его власть [33].

Все же большинство исследователей похода Александра признают изменение планов царя на Востоке по мере успешного продвижения. Различие позиций историков в этом случае зависит от того, за каким источником они следуют. Например, Курций говорит о появлении у царя мародержавных планов до битвы при Иссе, другие пишут, что это произошло гораздо позже, указывая, что уже в Финикии Александр считал себя царем всей Азии (Арриан, Диодор). А претензии Александра на мировое господство прослеживаются в источниках только во время пребывания

в Средней Азии в момент раскрытия заговора «пажей» и далее в Индии [App., IV, 15, 6; Диод., XVII, 89, 5]. До этого Александр ничего не говорит о завоевании всего мира и даже сожжение Персеполя представляет как акт мести эллинского союза за разрушение Эллады. Следовательно, неправы и те историки, которые считают, что до восточного похода у Александра был план завоевания всего мира, и те, которые утверждают, что македонский царь никогда не стремился к мировому господству, а хотел завоевать лишь персидскую державу. Самое верное — видеть в планах македонского царя известное развитие: Малая Азия, вся Азия, весь мир. Только при таком толковании задач Александра на Востоке станут понятны его мероприятия и его политические установки, нашедшие отражение в античной историографии [34].

Освобождение малоазийских греков завершилось битвой при Иссе. Дальше тон походу должна была задавать идея отмщения персам, что ловко использовал Александр для камуфляжа своих захватнических целей. С этого момента в источниках постоянно имеются указания о добровольном переходе городов на сторону завоевателя, так как все они «ненавидели Ахеменидов». Формула «освобождения» неэллинских народов (финикийцев, египтян, вавилонян) из-под власти узурпаторов-персов широко представлена в литературных памятниках античности.

Вступив в Финикию, пишет Диодор, Александр взял много городов, так как население его охотно принимало [XVII, 40, 2]. Плутарх к этому добавляет, что цари Кипра и Финикии добровольно уступили свою власть македонскому царю [Алекс., 24].

Несомненно, что кипрские и финикийские города тяготились зависимостью от персов, но взаимная вражда и торговое соперничество делали невозможным их объединение для совместной борьбы против Персии. Когда при царе Охе восстал Сидон и обратился за помощью к соседним Тиру и Араду, он получил заверения в поддержке. Но, начав борьбу с персами, сидонцы остались один на один с сильнейшим противником — ни тирийцы, ни арадцы не помогли им. Сидон потерпел поражение и потерял ведущее положение торгового города, что вполне устраивало его мнимых союзников.

Аналогичная ситуация была на Кипре. Киприоты одновременно с сидонцами подняли мятеж под предводительством саламинского царя Пнитагора, но уже при его брате Эвагоре опять подпали под власть персов.

Ко времени возросшей активности персидского флота на островах Эгейского моря и у побережья Греции (после битвы при Гранике) по приказу Дария финикийско-кипрские корабли во главе с тирийцем Азе-милком, арадцем Геростратом, библосцем Энимом, а также сидонские триеры [App., II, 13, 7] присоединились к Фарнабазу для проведения совместных операций. Однако после поражения персов у Исса и потери Малой Азии пребывание финикийско-кипрских судов в составе персидского флота могло иметь печальные последствия, поэтому правители вместе с кораблями добровольно сдались македонскому царю.

После Марафа Александр взял Библ, заключивший с ним союз, и Сидон. Сидонцы сами призвали его, так как ненавидели персов и Дария [App., II, 15, 6].

По греческим преданиям, сидонцы владели многими изящными искусствами [Гомер, Илиада, XXIII], а также занимались научными исследованиями в области астрономии и арифметики, начав со счета и навигационной астрономии. Этот народ купцов и мореходов заложил основы

древнего учения об атомах, восходящего, по Посидонию, к сидонцу Моху, жившему до Троянской войны [Страб., XVI, 757].

Очень занимательно сказание о том, как честный бедняк Абдалоним был приглашен на царство и как Александр доверил ему высокий сан правителя, все царское имущество, много персидской добычи и области, прилегающие к Сидону. Интересно, что этот рассказ, отсутствующий у Арриана и Плутарха, приводится всеми авторами критической традиции [Курц., IV, 1, 16—26; Диод., XVII, 48; Юстин, XI, 10].

Получив Сидон из рук правителя Стратона, Александр счел его недостойным быть царем, так как он благоволил к персам и сдал город не по своей воле, а по требованию народа. Македонский царь предложил Гефестиону найти из горожан самого достойного, и тогда народ указал на Абдалонима, потомка царского рода, но честного бедняка, добывающего себе на пропитание работой в саду. Александр сделал его царем Сидона, ибо он «терпеливо переносил свою бедность» [Курц., IV, 1, 25].

Без сомнения, этот эпизод имеет под собой фольклорную основу. Возможно, потому-то его и не вспоминает Арриан, стремящийся к наиболее правдивому повествованию и отбрасывающий все, что не восходит к Птолемею или Аристобулу. Антиалександровская традиция, менее разборчивая в источниках, порой пользовалась недостоверными свидетельствами, стремясь к большей выразительности критических ситуаций. Так в повествованиях Курция, Диодора, Юстина появился рассказ о сидонском царе Абдалониме.

Легенда о гордиевом узле передавалась античной историографией как мифологический сюжет фригийских сказаний, а рассказ об Абдалониме строился уже на вполне реальной основе: Александр, завоевав Сидон, назначает его царем. Если в этом эпизоде отбросить сказочный сюжет — обедневший потомок царского рода зарабатывает на жизнь честным трудом,— то видно другое: желание Александра найти опору своей власти среди местной знати. Именно так несколько позже македонский царь устанавливал свое господство в Египте, Персии, Восточных сатрапиях, Индии, когда задачи создания восточной монархии отодвинули на задний план чаяния греков и македонян и трансформировали самого Александра в восточного владыку. Но об этом речь пойдет позже.

Перед македонянами стояла последняя персидская твердыня Средиземноморья — Тир.

Тир, крупнейший из финикийских городов, находившийся частью на суше, а частью на скалистом острове, имел две гавани: закрытую — Сидонскую (Сидонский порт) и открытую — Египетскую (Египетский порт). Он располагал флотом в 80 триер, не считая судов, которые плавали вместе с Фарнабазом у Кикладских островов.

Александр сознавал, что Тир, обладая рядом преимуществ в составе ахеменидской державы (местное самоуправление, чеканка монеты, сосредоточение в своих руках почти всей торговли Средиземноморья с Передней Азией), вряд ли пойдет на добровольную сдачу и, скорее всего, будет защищаться до последнего. Но обладание Тиром не только уничтожило бы персидское владычество на море, чего добивалась Македония, но и нанесло бы сокрушительный удар антимакедонским силам на Кипре и в Пелопоннесе (Спарта), постоянно побуждаемым извне к выступлению.

Уже по дороге к Тиру Александр был встречен депутацией знатнейших тирийцев во главе с сыном царя Аземилка (сам царь находился в персидском флоте), которая от имени граждан передала македонскому царю, что они согласны на все его предложения [Арр., II, 15, 7].

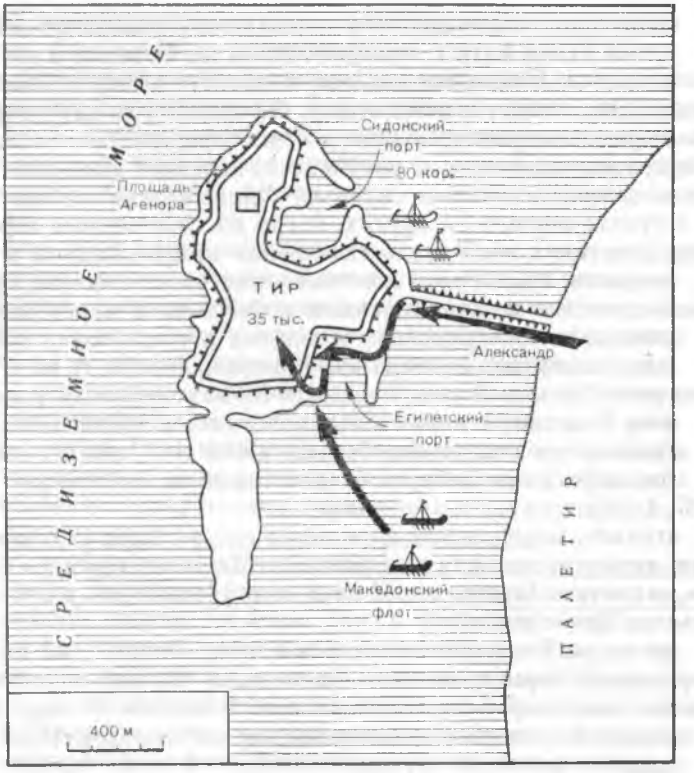


Схема осады Тира

Александр требовал немногого — разрешения войти в город для принесения жертвы Гераклу Тирийскому (финикийскому Мелькарту). Он хотел расположить к себе горожан, показав, что почитает финикийское божество, и вместе с тем это был благовидный предлог, чтобы войти с войском в город. Но тирийцы, разгадав хитрость македонского царя, заявили, что жертву Гераклу можно принести в Старом городе (расположенном на материке); что же касается хорошо укрепленной островной части Тира, то горожане, сохраняя нейтралитет, не впустят туда ни македонян, ни персов.

Тирийцы говорили неправду, желая отделаться от македонян и выждать время, так как исход войны между Персией и Александром еще не был ясен [App., II, 16, 7]. К тому же они хотели услужить Дарию, чтобы получить вознаграждение, так как, отвлекая Александра долгой осадой, давали возможность персидскому царю спокойно готовиться к войне [Диод., XVII, 40, 3].

Тогда Александр, отбросив всякую дипломатию, заявил тирийским послам: «Или вы впустите меня в город, или я возьму его силой» [Курц., IV, 2, 5]. После этого Александр произнес перед предводителями войск, таксиархами и илархами, речь, явившуюся программой завоевания персидской державы.

«Друзья и союзники! — обратился Александр к командирам. — Нам опасно предпринимать поход на Египет (на море ведь господствуют персы) и преследовать Дария, оставив за собой этот город, на который нельзя положиться, а Египет и Кипр в руках персов. Это опасно вообще, а особен-

но для положения дел в Элладе. Если персы опять завладеют побережьем, а мы в это время будем идти с нашим войском на Вавилон и на Дария, то они, располагая еще бо́льшими силами, перенесут войну в Элладу; лакедемоняне сразу же начнут с нами войну; Афины до сих пор удерживал от нее больше страх, чем расположение к нам. Если мы сметем Тир, то вся Финикия будет нашей и к нам, разумеется, перейдет финикийский флот, а он у персов самый большой и сильный. Финикийские гребцы и моряки, конечно, не станут воевать за других, когда их собственные города будут у нас. Кипр при таких обстоятельствах легко присоединится к нам или будет взят запросто, при первом же появлении нашего флота. Располагая на море македонскими и финикийскими кораблями и присоединив Кипр, мы прочно утвердим наше морское господство, и тогда поход в Египет не представит для нас труда. А когда мы покорим Египет, то ни в Элладе, ни дома не останется больше ничего, что могло бы внушать подозрение, и тогда мы и пойдем на Вавилон, совершенно успокоившись насчет наших домашних дел. А уважать нас станут еще больше после того, как мы совсем отрежем персов от моря и еще отберем от них земли по сю сторону Евфрата» [App., II, 17, 1—4].

Следовательно, македонский царь перед осадой Тира уже наметил себе ближайшую задачу — закончить завоевание Финикии, добиться господства на море, захватить Египет и только потом, убедившись в прочности тыла, двинуться к Вавилону.

Во время осады Тира пришло второе письмо Дария [35], но иного содержания: персидский царь предложил Александру 10 тыс. талантов в качестве выкупа за семью, все земли от Эллинского (Эгейского) моря до Евфрата, одну из дочерей в жены и заключение мирного договора [App., II, 25, 1]. Диодор указывает меньшую сумму выкупа — 3 тыс. талантов [XVII, 54, 2].

Оба античных историка пишут, что это предложение персидского царя Александр обсудил на совете «друзей» и попросил каждого откровенно высказаться. Но никто не отважился дать совет в таком важном деле; только Парменион сказал, что если бы он был Александром, то с радостью прекратил бы войну на этих условиях и не подвергал бы себя дальнейшим опасностям. На это царь возразил, что если бы он был Парменионом, то взял бы то, что предлагается, и заключил бы договор. Как сообщает Диодор, Александр произнес гордую речь, отверг персидские предложения и не пожелал принять персидского дара. Его ответ послам гласил: «Как при двух солнцах вселенная не может сохранить своего строя и порядка, так и при двух царях мир не может пребывать в спокойствии». Если Дарий хочет первенствовать, то должен сражаться за единовластие, если же стремится к легкой и удобной жизни, то пусть служит Александру, выполняет его указания и царствует, получив власть по его милости [Диод., XVII, 54, 5—6]. В варианте ответа Александра Дарию у Арриана нет отличия от сообщения Диодора; он также указывает, что македонский царь не был намерен принять вместо всей страны только ее часть [App., II, 25, 3].

Александр не торопился дать ответ на письмо Дария, который до последнего момента надеялся, что македонский царь примет его предложение о мире. Однако, очевидно, Александр уже четко представлял свое дальнейшее поведение и принял решение о последующих действиях.

Ответ Александра опрокинул надежды Дария и своими условиями даже поставил персидского царя в унизительное положение. Требование сдаться, безропотно подчиниться диктату македонского царя заставило

персидского владыку задуматься о необходимости подготовки плана сопротивления. Иного выхода у него не было.

Таким образом, желание завоевать «всю Азию», т. е. царство Ахеменидов, высказанное в первом ответе Дарию, не претерпело изменений во время осады Тира. Александр вновь проводит ту же мысль, причем, видимо, даже не возражает, чтобы персидский царь продолжал царствовать, но на условиях получения власти из его рук — законного властелина державы Ахеменидов.

Сравнение речи Александра перед осадой Тира и ответа Дарию во время осады, приводимых Аррианом, выявляет некоторое несоответствие между ними. В речи, произнесенной перед командирами войска до осады, македонский царь говорит о намерении завоевать персидское царство до Евфрата. В ответе же на второе письмо Дария, когда персидский царь предложил именно то, о чем говорил Александр до штурма Тира, он отверг это предложение как неприемлемое для царя «всей Азии». Возможно, речь Александра накануне осады Тира следует понимать не как программу завоевания державы Ахеменидов, а как один из ее этапов, показывающий, что македонский царь не отступит от своих намерений и неукоснительно будет проводить в жизнь намеченное.

Курций, сообщающий о существовании у Александра плана завоевания всего мира накануне битвы при Иссе, остается верен своей манере преждевременной подачи событий. Так, в Финикии во время осады Тира Дарий, по словам Курция, отправил к Александру письмо, в котором обратился к нему как к царю (чего раньше он, по версии Курция, не делал), предложив в жены одну из дочерей и в качестве приданого земли от Геллеспонта до Галиса, т. е. то, чем уже владели македоняне. Дарий предостерегал Александра от дальнейшего продвижения в глубь Азии; он писал, что эти территории очень обширны и, чтобы обойти их даже без сражений, потребуется много лет, вплоть до его старости; и пусть лучше македонский царь не мечтает о завоевании Востока, ибо достичь Мидии, Гиркании, Бактрии, индийцев, живущих у Океана, не так просто. Письмо Дария Александру свидетельствует о том, что персидскому царю были известны гигантские планы противника и он старался предостеречь молодого человека от «незрелого и пустого увлечения», предлагая ему хорошую плату за его победы — Малую Азию и руку своей дочери Статиры [Курц., IV, 5, 1—6].

Ответ Александра вполне разумно гласил, что ему не интересно принять то, чем он уже владел по праву победителя (т. е. Малую Азию), так как, переправляясь через Море (Геллеспонт), македонский царь не думал о покорении Киликии или Лидии, а помышлял о Персеполе, Бактрах (Бактре), Экбатанах и областях крайнего Востока [Курц., IV, 5, 7—8].

В свете изложенного становится понятно желание римского историка показать миродержавные устремления Александра на ранней стадии (до Исса), раз он сообщает о планах завоевания всего Востока еще до прихода в Азию.

Второй ответ Александра Дарию С. И. Ковалевым расценивается как заявка на мировое господство, сделанная уже на начальном этапе похода — в Финикии [36]. Но мало доводов в пользу того, что это предположение не ошибочно, так как преждевременно было думать о мировом господстве, когда реально владеешь только Малой Азией и когда персидский царь еще жив и готовится к новым битвам [37]. Ведь в наиболее достоверных источниках указания на стремление завоевать всю ойкумену относятся только к моменту пребывания Александра в Средней Азии. Ранее этого времени

если и есть некоторые ссылки на этот счет, то очень неопределенные (например, при посещении оракула Амона в Египте).

В дипломатической переписке Александра с Дарием интересно другое — как ближайшие сподвижники македонского царя восприняли персидские предложения. Источники ничего не сообщают о том, как «друзья» Александра отнеслись к первому письму Дария, но похоже, что обладание одной Малой Азией (до Галиса), когда имелись перспективы получить больше, не устраивало и их. Иную реакцию вызвало второе предложение персидского царя — без боя получить все земли до Евфрата и еще 10 тыс. талантов в придачу. Характерно, что никто из «друзей», как пишет Диодор, не отважился дать совет в таком важном вопросе [XVII, 54, 4]. Только Парменион, ближайший советник царя и старейший военачальник, решился заявить, что лучше на этих выгодных условиях прекратить войну и не подвергаться больше опасности [App., II, 25, 2].

В этом совете старого командира скрывались и неодобрение слишком рискованных и грандиозных, по его мнению, планов Александра, и боязнь, что царь в стремлении владеть Азией заведет немногочисленное македонское войско туда, откуда в случае неудачи не будет возврата. Парменион, владевший значительным имуществом на родине, считал, что стоит принять персидское предложение, с тем чтобы без риска получить половину Азии. Это вполне устраивало и его, и македонский правящий класс, жаждущий новых земель, рабов и богатств. В силу указанных причин сам Парменион и его единомышленники в свое время поддержали Филиппа, стремившегося к созданию централизованного царства и организации всеэллинского союза для совместного похода на Восток. После гибели Филиппа его сподвижники поддержали Александра, увидев в нем продолжателя дела отца [38].

Принципиальное расхождение Пармениона и Александра в мнениях по вопросу о планах на будущее можно считать первым симптомом недовольства в среде «друзей» македонского царя, первым, еще неясным признаком оппозиционных настроений, которые позже вылились в систему заговоров и в неприятие восточной ориентации Александра, забывшего об интересах Македонии и мечтавшего о мировом господстве.

Речь Александра убедила всех воинов в необходимости взятия Тира, а самому царю уверенность в победе придали всевозможные знамения, случившиеся накануне долгой и упорной борьбы за обладание крупнейшим городом Финикии.

Известно, какое место занимали в умах людей того времени всевозможные гадания и предсказания. В придворном штате Александра Македонского была даже должность царского предсказателя, которую бессменно занимал Аристандр из Телмесса, предсказавший еще Филиппу, что у него родится сын, подобный льву [Плут., Алекс., 2]. Александр всегда прибегал к его помощи для толкования снов и природных явлений, влияющих, по мнению древних, на жизнь людей.

Александр увидел во сне, что, когда он подошел к стенам Тира, ему пожал руку Геракл (кстати, подвиги самого царя античные авторы сравнивали с деяниями Геракла) и ввел его в город [App., II, 18, 1]. У Плутарха Геракл с городской стены дружески помахал македонскому царю и позвал его к себе [Алекс., 24]. В изображении Курция, Геркулес сам открыл путь Александру в Тир и проводил его туда [IV, 2, 17]. Этот сон царя Аристандр истолковал как признак долгой и упорной осады Тира, после чего город будет взят.

А не менее суеверным тирийцам приснился другой сон: будто Аполлон заявил, что уходит от них, так как ему не нравятся порядки в городе. Тог-

да тирийцы, сочтя бога врагом, обвязали огромную статую Аполлона веревками и привесили надпись: «Прихвостень Александра» [Плут., Алекс., 24].

Античные авторы критического направления включают в повествование о взаимных приготовлениях македонян и тирийцев к упорной борьбе рассказ о предзнаменованиях, истолкованных каждой из сторон в свою пользу. Когда один македонский солдат разломил хлеб, изнутри потекла кровь [Диод., XVII, 41; Курц., IV, 2, 14]. Этот знак Аристандр истолковал как гибель осажденного города. Другое предзнаменование — из-под железа, положенного на наковальню, потекла кровь — тирийцы истолковали как угрозу македонянам.

Действительно, осада Тира представлялась делом весьма трудным: город располагался на острове, был окружен крепкими стенами, имел собственный флот, к тому же персы продолжали господствовать на море [Арр., II, 18, 2]. Понимая, что борьба за Тир будет долгой и упорной и может затруднить осуществление других дел, Александр вначале послал к осажденным послов, все еще надеясь на сдачу города, но тирийцы убили их и выбросили тела в море [Курц, IV, 2, 15]. Только после этого враждебного акта Александр принял решение во что бы то ни стало добиться победы, так как не пристало македонскому войску не одолеть единственный город, осмелившийся задержать его победное шествие [Диод., XVII, 40, 4; Курц., IV, 2, 17].

Александр решил соорудить дамбу для соединения города с материком, чтобы можно было использовать тараны и осадные башни. Дно в проливе было илистым и вязким; глубина, очень небольшая у материка, постепенно увеличивалась с приближением к острову и достигала у его берегов 3 оргий (оргия — 1,85 м). Но трудности не испугали Александра. Он приказал воинам сбрасывать в воду камни и прочий строительный материал, который, завязнув в иле, плотно ложился на дно. Камни и другой балласт македоняне брали из развалин древнего Тира, а дерево для плотов и башен — с Ливанских гор [Курц., IV, 2, 18]. По другим сведениям, Александр вначале разрушил Старый Тир, находившийся на материке, и согнал жителей окрестных городов для строительных работ [Диод., XVII, 40, 5].

Вначале строительство шло споро: царь сам подбадривал воинов и оделял деньгами наиболее отличившихся. Но как только дамба приблизилась на расстояние полета копья, положение изменилось: тирийцы стали осыпать строителей градом копий с городских стен и с легких судов, снующих в проливе.

Видя, что вопреки их ожиданиям дамба все же растет, тирийцы ревностнее стали готовиться к осаде, отослав часть женщин и детей в Карфаген (колонию, основанную Тиром на африканском побережье), а молодежь поставили на защиту стен и подготовку флота [Диод., XVII, 41, 1]. Македонянам пришлось принимать срочные меры. На дальний край дамбы они выдвинули две осадные башни, покрытые шкурами, чтобы защищать строителей от тирийских стрел [Арр., II, 18, 6; Курц., IV, 2, 23].

Используя легкие суда, осажденные старались нанести македонянам вред везде, где это было возможно: высаживаясь тайно на берег, они нападали на переносчиков камней, а «дикие арабы» убивали македонян, занятых заготовкой леса в Ливанских горах [Курц., IV, 2, 24].

Сложность строительных работ и вынужденное бездействие войска подали Александру мысль предпринять рейд против соседних племен Антиливана, скрывавшихся в горах.

Оставив у Тира Пердикку и Кратера, македонский царь во главе отряда отправился на покорение арабов, совершавших набеги с гор на долину

Оронта [App., II, 20, 4; Плут., Алекс., 24; Курц., IV, 3, 1]. Подробностей источники не сообщают. Известно только, что на эту операцию ушло десять дней, в течение которых Александр одни племена покорил силой, а с другими сумел договориться [App., II, 20, 5]. Только один эпизод этой полной опасностей экспедиции приводит Плутарх.

Дойдя до гор, отряд македонян спешился и продолжил путь пешком. На беду, вместе с царем в этой операции принял участие его воспитатель Лисимах, который из-за дряхлости не мог идти быстро. Александр, жалея старика, замедлил шаг, и вскоре, не заметив этого, отстал с несколькими воинами от отряда. Холодная ночь застала царя и его спутников в незнакомых горах, в окружении врагов. Но Александр не растерялся. Заметив поблизости огонь вражеских костров, он подбежал к одному из них, заколол мечом двух «варваров», сидевших у костра, и, схватив горевшую головню, возвратился к своим спутникам. Они развели большой огонь и, испугав этим всех недругов, провели ночь в полной безопасности [Плут., Алекс., 24].

Возвратившегося к Тиру с гор Антиливана Александра ждала большая неприятность: за время его отсутствия тирийцы снарядили огромный корабль, начиненный смолой, соломой и серой, и погнали его при попутном ветре к македонской дамбе, вблизи которой подожгли. Прежде чем македоняне сообразили, в чем дело, осадные башни и другие сооружения запылали, а к вечеру поднявшийся шторм прорвал дамбу посередине, и весь труд осаждавших пропал даром [App., II, 19, 5; Диод., XVII, 42, 5; Курц., IV, 3, 6—7]. Но царь был упрям: он приказал соорудить новую дамбу, на этот раз из камней и целых деревьев с ветвями, чтобы противостоять ударам волн. Тогда осажденные придумали новый способ вредить македонянам: на легких суденышках они незаметно подплывали к дамбе и, спрятавшись в ветвях деревьев, раскачивали их и увлекали в открытое море, лишая тем самым прочности все сооружение [Курц., IV, 3, 10].

Тем временем Александр, взяв щитоносцев и агриан, отправился в Сидон для сбора финикийских кораблей [App., II, 19, 6].

Победа у Исса, бегство Дария с поля боя и овладение финикийскими городами сделали свое дело: правители приморских городов и кипрские цари покинули Фарнабаза и добровольно явились к Александру в Сидон. Прибыло 80 кораблей из Арада, Библа и Сидона, 12 родосских судов, из Сол и Малл пришли 3 триеры, из Ликии — 10, из Македонии — пятидесятивесельный корабль. Кипрские цари привели с собой 120 судов. Так Александр стал обладателем сильного финикийско-кипрского флота. Кроме того, посланный в Пелопоннес Клеандр привел в Сидон 4 тыс. эллинских наемников [App., II, 20, 5]. Теперь Александра не пугали 80 тирийских легких судов, закрывавших входы в городские гавани.

Македонский царь намеревался дать тирийцам морское сражение и с этой целью, посадив воинов на корабли, двинул флот от Сидона к Тиру. Он разделил флот на два крыла — левым командовали Кратер и кипрский царь Пнитагор, а правым — сам Александр, находившийся на царской пентере [App., II, 20, 6; Курц., IV, 3, 11].

Появление македонского флота под стенами Тира ошеломило защитников города, и от активных действий они перешли к глухой обороне, собрав свои корабли у входов в гавани и тем защитив их от неприятеля [App., II, 20, 8]. Три тирийские триеры, стоявшие поодаль от прочих, блокировавших гавань, затонули, протараненные финикийскими судами.

Александр приказал одной части флота блокировать тирийские гавани, а другой — пристать недалеко от воздвигнутой македонянами дамбы с той стороны, где она была защищена от ветра.

Со всей Финикии и Кипра царь собрал мастеров, которые соорудили множество новых осадных машин и механизмов. Поставив на дамбе осадные башни и установив на кораблях тараны и метательные орудия, македоняне начали крушить городские стены. Тирийцы наскоро заделывали пробоины. Одновременно они приступили к строительству внутренней стены, за которой можно было бы укрыться, если не выдержит наружная [Курц., IV, 3, 13]. Однако беда, как пишет Курций, надвигалась на осажденных с двух сторон: дамба приближалась к городу, а вражеский флот окружил Тир с моря [IV, 3, 14].

Грозная опасность сделала защитников Тира изобретательными: на своих легких триерах они незаметно подходили к македонским судам и перерезали якорные канаты. Македоняне были вынуждены выставить против них тридцативесельные корабли, но тирийские водолазы продолжали перерезать канаты, пока противник не догадался заменить их на цепи, против которых ныряльщики были бессильны [App. II, 21, 6—7].

Пока македоняне вели борьбу с «охотниками за якорями», осажденные побросали с городских стен в море множество больших камней, чтобы сделать невозможным подход македонских судов вплотную к Тиру. При помощи веревочных петель македоняне стали поднимать камни и сбрасывать их в открытое море. Только после того, как подступы к Тиру были освобождены от камней, македонский флот подошел к городской стене.

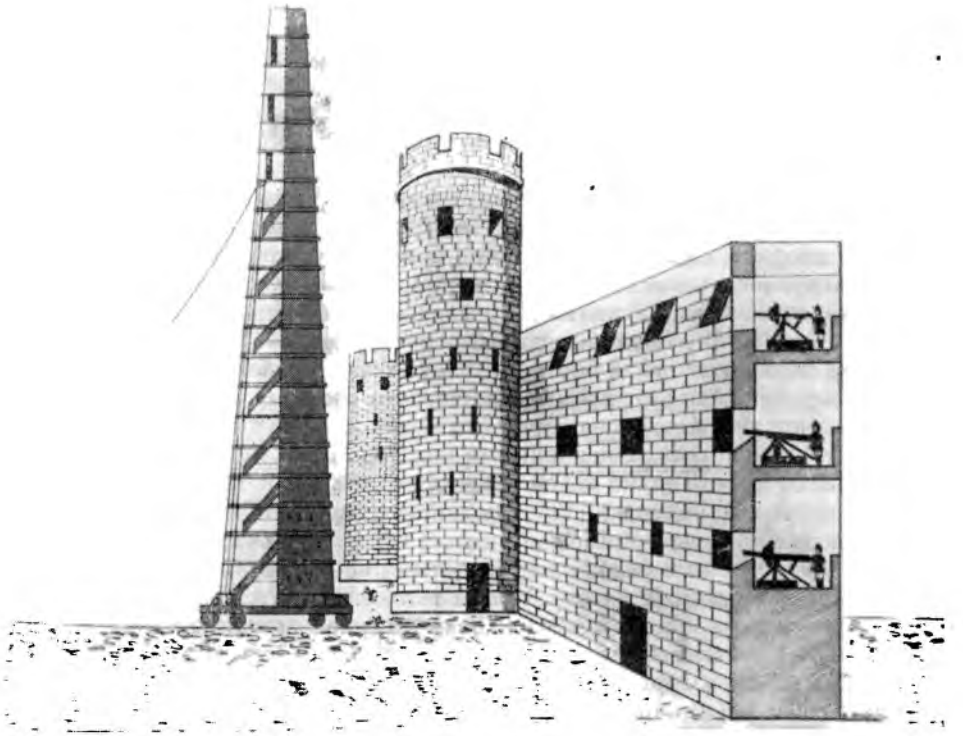
Изобретательность тирийцев не знала границ: они сбрасывали на веревках железные крюки и багры, которые, цепляясь за панцири и щиты, стаскивали солдат с осадных башен. Кроме того, они бросали на головы осаждавших кипящие нечистоты и раскаленный песок, проникавший под панцири и причинявший невероятные страдания, осыпали их градом стрел, дротиков, камней и горящих головней [Диод., XVII, 44; Курц., IV, 3, 25].

Осада Тира настолько затянулась, что становилась помехой для осуществления дальнейших планов Александра, торопящегося овладеть Египтом, до того, как Дарий оправится от поражения и соберет новое войско. Македонский царь намеревался было оставить Тир и идти в Египет, но передумал, сочтя позором для себя дать победу тирийцам. Из его «друзей» только Аминта приветствовал прекращение военных действий у Тира [Диод., XVII, 45, 7].

Осажденные с прежним упорством отражали атаки врага, все еще надеясь на помощь своей колонии Карфагена. Македонские катапульты обрушивали на стены Тира огромные камни, а метательные механизмы, установленные на осадных башнях, осыпали тирийцев стрелами и камнями, нанося им страшные раны. Но и против этого тирийцы нашли спасение, установив по краям стен вращавшиеся колеса, которые ломали летящие вражеские стрелы или отбрасывали их в сторону. Под удары камней, пущенных из камнеметов, они подставляли кожаные мешки, набитые водорослями [Диод., XVII, 45, 3—4].

И все же положение осажденных ухудшалось с каждым днем. Тогда защитники Тира приняли решение неожиданно атаковать противника на море, понимая, что это стало для них единственным спасением. В это время пришло известие о том, что Карфаген не сможет оказать метрополии помощь. Это еще больше укрепило осажденных в мысли самим атаковать противника с моря. Решено было предпринять вылазку из северной, Сидонской гавани, которую сторожили кипрские суда, а не из южной, запертой финикийцами, где находился сам царь.

Задолго до намеченного нападения тирийцы завесили вход в гавань полотнищами, чтобы осаждавшие не могли видеть их приготовлений. Выб-



Использование катапульт и башни при осаде Тира (реконструкция)

рав время полуденного отдыха, когда команды кипрских кораблей разбрелись кто куда, а многие матросы ушли на материк за пресной водой и провиантом, тирийцы выступили на трех пентерах, трех тетрерах и семи триерах. Экипажи были составлены из самых опытных гребцов и воинов, испытанных во многих сражениях [App., II, 21, 8—9].

При первой же атаке тирийцы потопили пентеру Пнитагора и еще две триеры. Другие корабли, на которых почти не было команд, они сильно повредили и пригнали к берегу [App., II, 22, 2]. Курций сообщает, что тирийцы напали на 30 кораблей, из которых 2 потопили, а на остальные навели страх [IV, 4, 6].

А в это время, вопреки обыкновению, Александр недолго задержался в своей палатке на берегу и возвратился к кораблям, стоявшим у южной, Египетской гавани. Отсюда-то он и увидел, как тирийский флот напал на кипрские корабли. Не теряя времени, Александр приказал сторожить запертые в гавани суда осажденных, а сам, «взяв свои пентеры и самое большее 5 триер, на которые уже спешно сел экипаж, поплыл вокруг города на вышедших из гавани тирийцев» [App., II, 22, 3].

Первой к месту сражения подошла быстроходная македонская пентера. С двух сторон ее атаковали две тирийские триеры. Одну из них она пропорола носом, а на другую наскочила триера македонян с такой силой, что кормчий свалился в море [Курц., IV, 4, 7—8].

Осажденные со стен наблюдали за морским боем. Увидев вражеские корабли во главе с царем, они стали подавать своим знаки к отступлению. Но на тирийских судах появление Александра заметили слишком поздно, и, как ни налегали гребцы на весла, многим кораблям пришлось вступить в бой и погибнуть; лишь нескольким судам удалось укрыться в гавани, куда Александр не смог проникнуть из-за града стрел, пущенных с городских стен [Курц., IV, 4, 9].

Флоту тирийцев был нанесен непоправимый ущерб: большинство кораблей затонуло, а остальные получили повреждения. Людей погибло мало. Уцелевшие вплавь добрались до гавани [App., II, 22, 5].

Дав солдатам двухдневный отдых, Александр возобновил штурм города. Осадные машины с дамбы таранили городские стены, в то время как катапульты, установленные на кораблях, пытались сделать пробоины со стороны Сидонской гавани. Но все усилия македонян оставались тщетными: стены Тира были очень крепки.

Наконец тараны расшатали стену в южной части города, и часть ее рухнула. Македоняне попытались проникнуть в пролом, но были отброшены тирийцами [App., II, 22, 7].

Однако уже через три дня, дождавшись безветренной погоды, Александр подвел к городу корабли, и установленные на них осадные машины пробили в стене брешь. Другие корабли подвезли мостки, по которым солдаты должны были ворваться в Тир. По сообщению Арриана, первыми взошли на стену щитоносцы и первым пал их вождь Адмет, пронзенный копьем. Александр совместно с «друзьями» овладел стеной и оттуда направился прямо к царскому дворцу, откуда удобнее было проникнуть в город [App., II, 23, 5—6]. В изображении Диодора, Александр первый с мостков, перекинутых с осадной башни, бросился на врагов и нанес им в рукопашной схватке много потерь. Он действовал так бесстрашно, что заставил тирийцев присмиреть [Диод., XVII, 46, 3], а ворвавшиеся за ним через пролом македоняне довершили их разгром.

Успехи сухопутной армии послужили сигналом для активных действий флота. Финикийские суда атаковали тирийские корабли в Египетской гавани и в открытом море, нанеся им серьезные повреждения. Киприоты проникли в Сидонскую гавань и овладели северной частью города.

Но тирийцы, укрепившиеся на площади Агенора (за Сидонской гаванью), не думали просить пощады. Александр двинул на них щитоносцев, которые многих перебили, а оставшихся в живых обратили в бегство [App., II, 24, 2]. Затем в город вошел полк Кена, и началась «страшная бойня» [App., II, 24, 3]. Македоняне не щадили никого, получив от царя приказ перебить всех вражеских воинов и поджечь все постройки [Курц., IV, 4, 13].

Мужское население Тира поднялось на борьбу — с крыш домов на голову «свирепствующему победителю» бросали камни и все, что попадалось под руку [Курц., IV, 4, 14].

Арриан сообщает о гибели 8 тыс. защитников Тира и о том, что 30 тыс. тирийцев и чужеземцев были проданы в рабство. Потери македонян составили около 400 человек [App., II, 24, 4—5].

Авторы критического направления приводят больше подробностей жестокой расправы македонского царя с жителями Тира. Диодор пишет, что в сражении пало более 7 тыс. человек. Александр обратил в рабство женщин и детей, а всех юношей (было их не менее 2 тыс.) велел повесить; пленных оказалось более 13 тыс. [XVII, 46, 4]. Но все же расправа македонян с тирийцами не получает в освещении Диодора негативной оценки.

Сицилийский историк бросает упрек самим тирийцам, которые «обнаружили больше храбрости, чем благоразумия...» [XVII, 46, 5].

В сообщении Курция о расправе с тирийцами сквозит больше осуждения македонскому царю: были казнены 6 тыс., а 2 тыс. человек были пригвождены к крестам на большом расстоянии вдоль берега моря. Курций пишет, что сидонцы, находившиеся в отрядах македонян, «обманным путем» укрыли на кораблях 15 тыс. тирийцев и переправили их в свой родной город [IV, 4, 15].

Интересно замечание Арриана о том, что Александр помиловал тех, кто укрылся в храме Геракла, т. е. тирийского царя Аземилка, правителей города и карфагенских послов [II, 24, 5]. Получается так, что, оказав упорное сопротивление завоевателю, наказание в Тире понесли рядовые воины и гражданское население, а не представители знати, милостиво прощенные македонским царем. Видимо, Александр, несмотря ни на что, не хотел портить отношений с правящей финикийской верхушкой. Ведь если бы царь проявлял равную жестокость ко всем побежденным без различия их имущественного положения, не осталось бы тех сил, на поддержку которых Александр мог бы надеяться. А это имело первостепенное значение для всей восточной политики Александра, стремившегося сплотить вокруг себя наиболее зажиточные слои местного населения — будущую опору новой власти в создаваемой им всемирной восточной державе.

Так в месяце гекатомбеоне (конец июня — июль) закончилась семимесячная осада Тира, завершившая завоевание последнего оплота персов на финикийском побережье.

Семимесячная осада Тира — одна из интереснейших страниц древней истории. Античная историография довольно подробно осветила все перипетии ожесточенной борьбы тирийцев и македонян, в равной мере упорных и изобретательных. Источники вскользь отмечают, что у Александра были минуты крайнего отчаяния, когда он был почти готов прекратить осаду и устремиться дальше — к Египту. Если бы не стратегическое положение этого важного финикийского порта, являвшегося последним оплотом персов, Александр вполне мог оставить у его стен небольшой отряд для продолжения осады, а сам уйти в Египет. Но Тир как центр притяжения всех враждебных Македонии элементов в Передней Азии, в Греции и на островах играл непосредственную роль во всех выступлениях антимакедонских сил. Поэтому овладение им было столь важно для увеличения престижа войска Александра и для успокоения недругов, все еще надеявшихся на поражение македонян на Востоке.

Понимая, что от овладения Тиром зависит дальнейший ход кампании, Александр упрямо не оставлял в покое мятежный город, борьба за который принесла больше потерь, чем сражения у Граника и Исса.

Независимо от отношения к описываемым событиям античные историки, очевидно в угоду славе Александра, преуменьшают потери греков и македонян и, напротив, завышают потери персов. Сообщая о «легкой победе» Александра при Гранике и Иссе, источники указывают, что потери македонян составили соответственно 115 и 120 человек. При осаде Галикарнаса Александр потерял 40 солдат, а при штурме Тира — 400 человек. Вероятно, последняя цифра также занижена, ибо накануне последних атак города Клеандр привел из Пелопоннеса четырехтысячное наемное пополнение, а спустя некоторое время, после взятия Газы, царь вновь отослал Аминту в Македонию для набора солдат [Курц., IV, 6, 31; Диод., XVII, 49, 1].

К сожалению, античные авторы ничего не пишут о статусе завоеванного Тира. Но если принять во внимание единообразие системы управления,

вводившейся Александром в завоеванных областях, можно почти с полной уверенностью сказать, что Тир утратил свое привилегированное положение и уподобился прочим приморским городам, вошедшим в состав македонского царства. На этот счет имеются не совсем ясные свидетельства антиалександровской традиции. Курций пишет, что царь приказал Филоте «начальствовать в области вокруг Тира» [IV, 5, 9]. Диодор ничего не сообщает о Филоте, но указывает, что Александр «поставил в Тире царем Абдалонима...» [XVII, 46, 6]. Понятно, что Филота, будучи командиром конницы этеров, мог осуществлять в Тире военную власть, а сидонский правитель Абдалоним, преданный Александру,— гражданское руководство; неясным остается только вопрос о финансовом управлении.

Нумизматические находки середины прошлого века на территории Ливана дали обильный материал по периоду первых преемников Александра (около 310 г. до н. э.), когда еще не был завершен официальный распад его державы на отдельные эллинистические царства. Монеты Арада и Сидона все еще выпускались от имени Александра, хотя к тому времени финикийские города получили, очевидно от Селевкидов, право самоуправления и чеканки монеты. Среди этих находок, может быть случайно, совсем не найдено тирийских монет. На основании этого и исходя из античной литературной традиции, И. Дройзен высказал мнение, что те города, которые добровольно перешли на сторону Александра (Арад, Аки, Библ, Сидон), сохранили автономное управление и право чеканить монету. Тир, по-видимому, не имел такого права (потому что долго сопротивлялся), поэтому в монетных кладах не обнаружены его номиналы[39].

Но, насколько нам известно, система управления городов Малой Азии, Финикии, Сирии, введенная Александром, не делала исключения ни для кого. Независимо от характера перехода городов в его руки (добровольного или насильственного) все они управлялись по единой схеме: наместник — начальник гарнизона — сборщик податей, с обязательной зависимостью от центральной власти. Поэтому «свобода» от персидского владычества, провозглашенная Александром на Востоке, не везде имела равный отклик. Милет, Галикарнас, Тир, достаточно самостоятельные при персидской власти, не желали терять свои привилегии и оказали упорное сопротивление македонянам.

Следовательно, не правы И. Дройзен и его последователи, которые в буквальном смысле понимали свидетельства античной историографии о предоставлении свободы и автономии городам Малой Азии. На самом деле права последних оказались более ущемленными, чем у «независимых» эллинских полисов в системе Коринфского союза под эгидой Македонии.

После Тира Александр, неукоснительно следуя намеченному плану, направился в сторону Египта через Палестину. Филистимские города перешли на его сторону, только Газа, управлявшаяся персом Батом (или Бетисом), оказала упорное сопротивление. Бат, зная о намерениях Александра, заранее запасся продовольствием и завербовал арабов-наемников.

Газа, расположенная на высоком валу и обнесенная мощной стеной, была последним городом на пути из Финикии в Египет. Дальше лежала пустыня. Македонские военные инженеры заявили Александру, что взять город приступом будет нельзя, так как вал высок и подтащить тараны туда невозможно. Тогда царь приказал с южной, наиболее доступной стороны Газы насыпать еще один вал, равный по высоте естественному, и подкатить туда стенобитные машины [Арр., II, 26, 3]. Затем он велел начать тайный подкоп под стену. Пока насыпали вал, прибыли транспортные суда с «техникой».

Накануне штурма Александр принес жертву богам, прося их о помощи. Во время этой церемонии какая-то хищная птица, пролетая над алтарем, уронила на голову царя камень (или комочек земли). А так как «сам Александр не был совсем свободен от суеверия», он попросил Аристандра растолковать это знамение. И прорицатель ответил, что город будет взят, но есть опасность, что царь получит рану [App., II, 26, 4; Курц., IV, 6, 12].

Пророчества было достаточно, чтобы Александр отменил штурм. Осажденные, воспрянув духом, предприняли вылазку. Когда ушей царя достиг шум завязавшейся схватки, он, забыв о предостережении Аристандра, во главе щитоносцев кинулся на помощь туда, где особенно теснили македонян [App., II, 27, 1]. Появление царя в самом опасном месте боя спасло македонян от позорного бегства, но вражеская стрела, пробив панцирь, ранила Александра в плечо; он не обратил на это никакого внимания, но спустя некоторое время потерял сознание, и воины принесли его в лагерь. Ват решил, что царь убит и что победа за ним [Курц., IV, 6, 20].

Как только Газу опоясали валом шириной в 2 стадии и высотой в 250 футов, македоняне подвели осадные машины и сделали несколько подкопов. Стена рухнула. Осажденные трижды отбивали атаки противника, и только во время четвертого приступа македоняне сумели ворваться в город. В этом последнем штурме Александр повредил ногу.

Защитники Газы отчаянно сопротивлялись и все погибли [App., II, 27, 7]. Курций сообщает, что персов и арабов при защите Газы пало около 10 тыс., но и для македонян победа не была бескровной. А когда раненый Бат попал в руки Александра, царь, «впав в ярость», приказал привязать его за ноги к колеснице и протащить вокруг города [IV, 6, 29].

Всех женщин и детей по приказу царя обратили в рабство, а обезлюдевший город заселили окрестными жителями и превратили в македонскую крепость [App., II, 27, 7]. Страбон сообщает, что после разрушения Александром Газа пришла в запустение [XVI, 759]. По свидетельству Диодора, осада Газы задержала на два месяца вступление македонян в Египет [XVII, 46].

Источники ничего не пишут о богатствах, захваченных Александром в Тире и Газе. Но если принять во внимание, что эти города находились на пересечении морских (Тир) и караванных (Газа) путей, то вполне допустимо предположение, что богатства их были огромны.

В древности наряду с благородными металлами высоко ценились благовония (ладан, мирра, смирна), добываемые в Аравии и продаваемые арабскими купцами по высокой цене в Египте, Греции, Малой Азии, Вавилоне. Поскольку благовония требовались в большом количестве для отправления религиозных культов (как греческих, так и «варварских»), то торговля ими составляла одну из доходных статей аравийского экспорта. Запасы благовоний, подобно золоту и серебру, считались сокровищами и накапливались в казнохранилищах владык или богатых храмов. Известно, что храм Бела в Вавилоне потреблял благовоний на 1 тыс. талантов в год [Герод., I,183].

Плутарх пишет, что, овладев Газой, македонский царь «отправил много добычи» в Македонию и, кроме того, послал своему воспитателю Леониду на 500 талантов ладана и на 100 талантов смирны, вспомнив, как однажды в детстве учитель упрекнул его в расточительности, когда Александр бросил пригоршню благовоний в огонь. Отсылая подарок Леониду, царь написал ему шутливо: «Мы послали тебе ладану и смирны в изобилии: перестань скаредничать с богами» [Плут., Алекс., 25].

С падением Газы было устранено последнее препятствие на пути в Египет. Македонский царь был вправе ожидать там дружественного прие-

ма, ибо только за 10 лет до прихода греков и македонян на Восток Египет вновь подпал под власть Артаксеркса. Безусловно, свою роль сыграла здесь македонская пропаганда, представлявшая Александра как освободителя покоренных Персией народов.

Итак, за первые полтора года восточной кампании Александр, сам того не ожидая, сделал внушительные территориальные приобретения: Малая Азия, Финикия, Сирия со всеми своими богатствами лежали у его ног. Начиная поход на Восток и лелея в душе скромную мечту о захвате Малой Азии, македонский царь даже не мог помышлять о подобном.

Битва при Гранике подтвердила реальность притязаний македонян на Малую Азию, а Исс явился тем рубежом, начиная с которого планы македонского царя претерпели значительные изменения. Отныне царь стал стремиться к завоеванию всей персидской державы, о чем свидетельствуют его ответы персидскому царю из Марафа и Тира.

Оба крупных сражения были выиграны с минимальными потерями и довольно легко. Вообще, овладение Малой Азией прошло быстро и гладко, а первые серьезные трудности войско Александра встретило при осаде Тира, упорно сопротивлявшегося долгих семь месяцев.

Все это убедило Александра в возможности завоевания персидской державы. Намереваясь стать наследником Ахеменидов, Александр стремился к прочному завоеванию, а потому не проявлял торопливости или необдуманности при выработке решений. Он четко сформулировал свою ближайшую задачу — овладеть Египтом, а затем уже землями до Евфрата и всем персидским царством.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЧЕРЕЗ ЕГИПЕТ К СТОЛИЦАМ АХЕМЕНИДОВ

Овладев Газой, Александр повел свою армию к египетской пограничной крепости Пелузию.

Момент для похода в Египет был выбран очень своевременно: незадолго до прихода Александра бежавший после битвы при Иссе Аминта с восьмитысячным отрядом наемников неудачно выступил в роли «освободителя» египтян от персидской власти.

Проникнув в Египет также через Пелузий, главарь греческих наемников надеялся легко захватить страну, считая, что египтяне, враждебно относящиеся к новому персидскому сатрапу, Мазаку (сменившему после Исса погибшего в сражении Сабака), встретят греков как друзей. В этом Аминта не ошибся. К нему в Пелузий стали стекаться египтяне, народ, «склонный к переворотам» [Курц., IV, 1, 30].

Ободренные поддержкой местного населения, наемники продвинулись к Мемфису, на подступах к нему разбили персов и загнали их в город. Однако, еще не овладев Мемфисом, они начали грабить все вокруг, забыв об опасности. Алчность наемников обернулась против них самих: персы предприняли вылазку из города и перебили всех, включая Аминту [Курц., IV, 1, 30—33].

Спустя неделю после выхода из Газы македонское войско достигло Пелузия, куда несколько раньше подошел из Финикии флот.

По свидетельству Курция, в Пелузии собралось множество народа для встречи Александра. Сюда же прибыл персидский сатрап Мазак, передавший царю 800 талантов и все царское имущество [IV, 7, 4].

Античная традиция едина в мнении, что легкость завоевания Египта объяснялась тем, что Александр выступал в роли освободителя египтян от персидского ига. Именно так понимал Курций бескровность египетского похода: «Египтяне давно уже враждебно относились к персидским правителям, считали, что они алчны и высокомерны, с нетерпением ожидали прибытия Александра...» [IV, 7, 1]. Мнение Курция полностью совпадает с точкой зрения Диодора, считавшего, что египтяне радостно приняли Александра потому, что персы оскорбляли их святыни и управляли с помощью насилия [XVII, 49, 2]. Арриан приводит дополнительные аргументы: сатрап Мазак, не располагавший достаточно боеспособным войском и знавший о блистательных победах македонян, счел благоразумным впустить Александра в страну [III, 1, 2].

Оставив в Пелузии гарнизон, Александр приказал флоту подняться по Нилу до Мемфиса, а сам с войском двинулся через пустыню к Гелиополю. Переправившись через Нил, он вступил в древнюю столицу фараонов — Мемфис. Все источники подчеркивают, что египтяне добровольно перешли на сторону Александра и что нигде он не встретил сопротивле-

ния. Поэтому македонский царь, стараясь во всем подчеркнуть особое расположение к народу и его святыням, принес жертвы разным богам, в том числе и священному быку Апису, наиболее чтимому в Египте [App., III, 1, 4].

Вступлением в Мемфис Александр формально закончил завоевание страны на Ниле. Успехам македонского царя в немалой степени содействовало египетское жречество, увидевшее в нем защитника своих привилегий и поспешившее назвать его наследником фараонов (по египетским верованиям фараон — сын бога Амона-Ра и, следовательно, сам бог).

Чем же Александр завоевал симпатии жрецов? Царю было необходимо прочное владение Египтом и возможность постоянно получать оттуда денежные средства, а египетские жрецы хотели вернуть себе ведущее положение в стране, как это было при свергнутых персами фараонах. Македонский царь, верный своей политике опоры на правящий класс, проявил уважение к местным святыням, дав понять жрецам, что они вполне могут рассчитывать на него как на защитника их интересов и привилегий. А жречество, со своей стороны, провозгласило Александра богом.

Бог Амон. Эллинистическое время. Археологический музей. Стамбул

Таким образом, политический расчет Александра и классовый интерес египетских жрецов сделали их союзниками в деле подчинения народных масс воле завоевателя. Кастовое деление всего населения Египта на три класса — воинов, земледельцев и жрецов, из которых первые занимались военными делами, вторые производили материальные блага, а третьи ведали духовными нуждами,— вполне устраивало Александра, восстановившего традиционную форму управления страной взамен неограниченной власти персидского сатрапа. Возврат к доперсидской системе правления ставил египетское жречество в привилегированное положение, при котором представители этого класса ближе всего стояли к царю [Страб., XVII, 787].

Македонский царь сумел воспользоваться традиционной системой правления для создания собственного административного аппарата, обеспечивающего спокойствие в стране (кроме гарнизонов там было оставлено несколько войсковых соединений) и регулярное поступление податей с населения. По сути дела, Александр ввел там ту же систему управления, которую он установил впоследствии во всех покоренных землях Востока.

Такие выводы позволяет сделать Арриан — основной источник, касающийся военно-политической истории похода Александра.

Обратимся к фактам. Арриан сообщает, что Александр счел небезопасным вручить управление всем Египтом одному лицу в связи с удаленностью этой сатрапии от остальных земель царства Ахеменидов и в силу того, что она представляла собой естественную крепость [III., 5, 7]. Собственно египетские земли Александр поделил на два нома, во главе которых поставил египтян Долоаспа и Петисия. Когда второй номарх отказался от должности (по неизвестным нам причинам), Долоаспа взял на себя всю власть. Две пограничные области (Аравия и Ливия) были выделены как особо важные и управлялись греками-наместниками Клеоменом (из эллинской колонии Навкратис) и Аполлонием; первому было поручено и заведование финансами. Стратеги Балакр и Певкеста остались в Египте во главе войска. Гарнизоном в Пелузии командовал Полемон из Пеллы, а в Мемфисе — Панталеонт из Пидны; этолиец Ликид возглавил греческих наемников [Арр., III, 5, 3—5].

Так система управления Египтом сочетала в себе местные обычаи с руководящей ролью греков и македонян в государственном аппарате, что обеспечивало прочность завоевания и не ущемляло интересов египетского жречества.

Арриан полностью одобрял систему управления Египтом. Он подчеркивал, что римляне, очевидно, у Александра научились «зорко следить» за этой страной [III, 5, 7].

Античная историография старается подчеркнуть «освободительные и просветительные» цели Александра в Египте. Однако политика македонского царя была подчинена не цивилизаторским, а завоевательным задачам, т. е. созданию восточной державы.

Эти же задачи ставил перед собой Александр, когда предпринял полное опасностей путешествие через Ливийскую пустыню к оракулу Амона, что античными историками приравнивалось к подвигам Геракла [Арр., III, 3, 5—6; Плут., Алекс., 26]. Арриан пишет, что Александра влекла к оракулу Амона возможность узнать предсказание на будущее и желание подражать во всем мифическим героям Персею и Гераклу, которые также обращались к оракулу [III, 3, 2].

Оракул Амона в Ливийской пустыне (оазис Сива) привлекал паломников, жаждущих совета божества, со всех концов древнего мира. Греки также почитали египетского бога, который получил у них имя Зевса-Амона. Плутарх рассказывает, что Филипп специально посылал к дельфийской пифии Херона из Мегалополя, чтобы узнать, как ему относиться к Амону, явившемуся во сне его жене Олимпиаде в виде змея. Ответ пифии гласил: «Приносить жертвы Амону и особенно чтить этого бога» [Алекс., 3].

Эллинская мифологическая традиция связывала происхождение Александра не только с героями греческого эпоса, но и с египетским богом Амоном, якобы являвшимся его отцом, в чем Олимпиада призналась сыну, провожая его в восточный поход. Видимо, почва для признания Александра сыном бога Амона была уже подготовлена, и македонский царь, зная это, хотел найти законное оправдание своей власти на Востоке, что в тогдашних условиях могло иметь лишь религиозную окраску[1].

Пройдя вдоль морского побережья 1600 стадий по пустынной местности, Александр достиг города Паретония, где его ждало посольство греческой колонии Кирены. Оно поднесло царю великолепные дары, в том числе 300 боевых коней и 20 лошадей для колесниц. Приняв подарки, Александр

заключил дружественный союз с киренцами. Покинув Паретоний, он повернул резко к югу в сторону оазиса Сива [Арр., III, 3, 3; Диод., XVII, 49, 3].

Счастливо преодолев страшную пустыню, Александр и его свита добрались до оазиса Сива — райского уголка, сплошь засаженного фруктовыми деревьями, маслинами и финиковыми пальмами, где измученного путника ждали густая тень, бодрящая прохлада и целебная влага источника Солнца, становившаяся более холодной по мере нарастания дневного зноя [Арр., III, 4, 2; Диод., XVII, 50, 5; Курц., IV, 7, 22].

Обитатели оазиса, аммонийцы, жили в разбросанных под сенью деревьев шатрах за тройной стеной, отделявшей их от пустыни и от других народов, соседствовавших с ними (эфиопов, арабов-троглодитов, скинитов, пазамонов). За первой стеной находилась резиденция правителей, за второй — их гарем, женские покои, обитель бога, а за наружной — жилье копьеносцев и царской охраны [Диод., XVII, 50, 3; Курц., IV, 7, 21].

Арриан сообщает, что Александр пришел в изумление и восторг от этого места и что, вопросив бога, он услышал ответ, который пришелся ему по душе [III, 4, 5]. Другие источники приводят больше подробностей о пребывании Александра в святилище Амона, связывая с пророчеством бога дальнейшие планы завоевания Востока. По рассказу Диодора, статую бога Амона, усыпанную изумрудами и другими драгоценными камнями, несли на плечах 80 жрецов, путь следования которым бог указывал кивком головы; замыкали эту процессию девушки и женщины, певшие хвалебные песни [XVII, 50, 6—7]. В описании Курция, бог Амон не имел того вида, который обычно придавали божествам: он больше всего походил на выпуклость, украшенную изумрудами и жемчугом. Когда вопрошали оракула, жрецы вносили изображение бога на позолоченном корабле; в это же время были слышны женские песнопения, якобы способствовавшие ясному ответу божества [Курц., IV, 7, 24].

Что же хотел услышать македонский царь от оракула Амона? Арриан, не вдаваясь в детали, пишет, что, отправляясь к Амону, Александр надеялся узнать будущее или сказать, что он это узнал [III, 3, 2]. Другие источники (Плутарх, Диодор, Курций, Юстин) указывают, что Александра интересовали две вещи: признает ли Амон его своим сыном и дано ли ему право стать владыкой всех людей?

Плутарх сообщает, что верховный жрец обратился к Александру, назвав его сыном Амона, и что отсюда пошла молва о его божественном происхождении. А на вопрос, станет ли он властвовать над всеми людьми, пророк изрек, что так и будет. И царь настолько обрадовался этому ответу, что принес храму великолепные дары, а людям раздал деньги. Далее херонейский биограф, ссылаясь на предание, пишет, что македонский царь слышал в Египте философа Псаммона и особенно запомнил его слова о том, что бог правит всеми людьми. Для себя же Александр сделал более важное открытие: «Бог является отцом всех людей, но родными себе он делает лучших из них» [Плут., Алекс., 27].

По Диодору, жрец Амона также обратился к Александру как к сыну бога, на что царь ответил, что с радостью приемлет это имя, если получит власть над всей землей. Жрец дал положительный ответ, пояснив, что с этого момента Александр вообще будет непобедим [XVII, 51, 3].

По Курцию, старейший жрец назвал подошедшего Александра сыном Юпитера (Зевса-Амона), чем подтвердил его божественное происхождение. На вопрос о власти жрец, продолжая льстить царю, объявил, что тот будет правителем всех земель. Интересна последняя деталь,

Александр в образе бога Амона. Золотой медальон римского времени. Археологический музей. Берлин

приводимая римским историком: когда «друзьям» Александра разрешили обратиться к Юпитеру за пророчеством, они спросили только об одном: могут ли воздавать божеские почести своему царю? Итак, кончает рассказ Курций, царь не только позволил называть себя сыном Юпитера, но даже отдал об этом приказ [IV, 7, 28]. Юстин, устами жреца Амона, предсказал Александру победу «во всех войнах и власть над всеми землями» [XI, 11, 10].

Неопределенность всех этих высказываний очевидна, но вместе с тем, если исключить Арриана, еще не раскрывающего планов Александра в отношении Востока, источники с позиций свершившихся событий предрекли македонскому царю власть над всеми людьми и землями. Здесь уместно видеть некоторое смещение событий: широкие планы покорения ойкумены даются раньше их логического возникновения (Арриан говорит об этом только в речи Александра накануне сражения у Гавгамел).

В то же время приведенные выше указания древних авторов не дают положительного ответа на вопрос: верил ли сам Александр в свое божественное происхождение? Арриан не сообщает своего мнения на этот счет. Но Плутарх прямо указывает, что «сам Александр не был одурманен мыслью о своей божественности и не допускал ее; она была для него средством порабощения других» [Алекс., 28]. Курций разделяет мнение Плутарха, сообщая, что Александр считал своим прародителем Амона или хотел, чтобы его таковым считали [IV, 7, 8]. По свидетельству Курция, македонский царь, отдавая приказ о признании его богом, «хотел возвеличить славу своих подвигов» [IV, 7, 30]. А Диодор только замечает, что Александр обрадовался этому предсказанию [XVII, 51, 4].

Чего же добивался македонский царь, стремясь получить титул сына бога Амона? Скорее всего — признания другими его божественного про-

исхождения, чтобы на законном основании стать наследником восточных царей и египетских фараонов[2]. Для чего это было нужно? Видимо, для теоретического оправдания захватнической политики македонян на Востоке, для подведения «идейной» основы под планы создания универсальной монархии. Поэтому больше оснований говорить о политическом расчете, чем о глубоком религиозном чувстве Александра, унаследованном им от матери, только ему открывшей тайну его рождения [Плут., Алекс., 3][3].

Уже древние отмечали двойственность в поведении царя: «Вообще он держался с варварами гордо, как человек, совершенно уверенный в своем божественном происхождении; перед греками он выступал в качестве бога осторожно и редко» [Плут., Алекс., 28]. С этим вполне согласуется свидетельство Курция, когда римский историк пишет, что «македонцы... отвернулись от своего царя, добивавшегося бессмертия с настойчивостью, смущавшей их самих...» [IV, 7, 31][4].

Следовательно, Александр, понимавший, что признание его богом и наследником восточных владык может отдалить греков и македонян, для которых он по-прежнему оставался македонским царем и главой Коринфской симмахии, тщательно скрывал свои истинные намерения в отношении завоевания Востока и создания великой державы, стараясь везде подчеркнуть, что он — вождь македонян и греков, действующий в интересах своих народов[5]. Но поведение царя и его политика говорили об обратном: интересы македонян и греков отходили на задний план, уступая место задачам создания восточной державы, чуждой в равной мере многим соратникам царя, командирам и солдатам. Все это проявилось гораздо позже, когда македонский царь в неуемной жажде завоеваний привел войско в Среднюю Азию и Индию; пока что армия доверяла Александру и шла за ним без оглядки.

Характерно, что македонский царь и после смерти Дария не делал попытки присвоить титул Ахеменидов «царь царей», а предпочитал именоваться «царь Александр», что засвидетельствовано в эпиграфике и нумизматике до 329 г. до н. э. Указание Юстина о том, что, получив власть, Александр «приказал именовать себя царем всех стран мира» [XII, 16, 9], не подтверждается свидетельствами других источников. Скорее всего, неизменность царского титула (в котором после 334 г. до н. э. отсутствует название македонского царства) свидетельствовала о том, что Александр как можно дольше скрывал миродержавные планы даже от своих «друзей», стараясь везде подчеркнуть приверженность Коринфскому союзу, от чьего имени он совершал поход отмщения, что демонстрировал и после Гавгамел, и при сожжении Персеполя[6]. К этому побуждали царя определенные обстоятельства: многие острова Эгейского моря еще следовали в фарватере персидской политики, да и само присутствие персов на море не было уничтожено, к тому же спартанский царь Агис начал в Греции войну против Антипатра. Пока Александр нуждался в поддержке греков и македонян, он всячески скрывал свои намерения, но, как только нужда в этом прошла, царь прямо заявил (в речи против «пажей»), что он пришел в Азию не из-за золота или серебра, а с целью покорить весь мир [Курц., VIII, 8, 17]. Правда, в других источниках не встречается столь категорического утверждения, но нет сомнения, что Александр в это время уже говорил о стремлении завоевать весь мир: это он сообщил скифским послам в период пребывания в Средней Азии [App., IV, 15, 6], а также в Индии после победы над Пором [Диод., XVII, 89, 5].

С падением Тира персидский флот, утратив последнюю возможность пристать к берегам и потерпев ряд поражений, прекратил существование. Эту важную новость сообщил царю, занятому постройкой Александрии, наварх Гегелох, прибывший в Египет после вторичного освобождения островов от персидского владычества.

Тенедос, по словам наварха, сам отпал от персов и перешел на сторону македонян, так как не по своей воле оказался в стане врагов. На Хиосе народ впустил македонян и расправился с теми, кого Автофрадат и Фарнабаз поставили управлять городом. Хиосцы выдали Гегелоху Фарнабаза и Аристоника, тирана мефимнского, пришедшего на Хиос для соединения с персидским наархом, не зная, что остров находился уже во власти македонян. Гегелох собрал всех проперсидски настроенных хиосцев — Аполлонида, Фисина, Мегарея, управлявших с помощью насилия, и привел их к Александру [App., III, 2, 4—5]. Гегелох заключил союз также с Лесбосом, а Харета, распоряжавшегося в Митилене, прогнал с острова.

Кос был освобожден Амфотером, пришедшим туда с 60 кораблями, так как жители острова призвали на помощь македонян. Всех тиранов и олигархических правителей островных городов Александр отослал обратно на суд демоса, а Аполлонида и хиосцев, взяв под стражу, отправил в изгнание в египетский город Элефантину [App., III, 2, 6—7].

В непосредственной связи со свидетельством Арриана об «освобождении» островов Эгейского моря находится эпиграфический памятник той эпохи — указ царя о хиосских изгнанниках [Ditt., Syll[3], 283], документ, очень интересный для иллюстрации восточной политики Александра.

Свобода и автономия Хиоса были фиктивными, так как царь потребовал от хиосцев исправления старых законов или написания новых, согласно своим предписаниям. На острове был оставлен македонский гарнизон под предлогом предотвращения межпартийных распрей. Суд над свергнутыми олигархами вершил царь, хотя Хиос был членом Коринфского союза и виновные были обязаны предстать перед судом Синедриона. Триеры нужны были Александру для охраны побережья Греции и островов.

Аналогичным образом была восстановлена демократия и в Митилене, также являвшейся членом Коринфского союза: царь обязал жителей вернуть изгнанников, а возникающие споры представлять на его разрешение [OGIS, 2]. Ясно, что формальное вхождение в Коринфскую симмахию не вынуждало Александра соблюдать договор с греками; он поступал с союзниками произвольно, не постеснявшись установить македонскую власть на Хиосе и Лесбосе[7].

Слова Александра расходились с его делами, и это не могло не вызвать противодействия греков, не забывших времена полисной независимости. Инициатором антимакедонской борьбы стала Спарта, всегда враждебно относившаяся к Македонии и отвергшая призывы Филиппа и Александра о вхождении в Коринфский союз, ибо она считала, что мир, навязанный победителем,— не мир, а рабство [Юстин, IX, 5, 3]. Получив от персидского наварха Автофрадата 30 талантов серебра и 10 триер, спартанский царь Агис успешно начал военные действия против македонян на Крите; позже восстание перекинулось на Южную Грецию, Иллирию, Фракию [Юстин, XII, 1, 6].

Выступление фракийских племен возглавил их правитель Мемнон, «полный самомнения»; он счел момент подходящим, чтобы отпасть от Македонии, пока Александр воевал с Дарием на Востоке [Диод., XVII,

62, 5]. Восстание фракийцев послужило сигналом к выступлению пелопоннесцев, и наместник Македонии Антипатр, «кое-как закончив войну во Фракии, со всем войском направился в Пелопоннес» [Диод., XVII, 63, 1]. Правда, афиняне не тронулись с места, а прочие пелопоннесцы согласились воевать и внесли имена своих городов в списки союзников Спарты [Диод., XVII, 62, 6—7].

При известии о восстании греков Александр срочно отправил в Пелопоннес Амфотера с кораблями для помощи тем эллинам, которые остались ему верны, а также отдал приказ финикийцам и киприотам выставить 100 судов в помощь тем, кто ушел с наархом к берегам Греции [Арр., III, 6, 3].

Агис, собрав с союзных городов войско в 20 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы, направился в Пелопоннес, а Антипатр с армией, насчитывавшей не менее 40 тыс. воинов, двинулся ему навстречу [Диод., XVII, 62, 7; 63, 1]. В битве у Мегалополя (август 330 г. до н. э.) войско Антипатра нанесло жестокое поражение мятежникам[8]. Агис погиб, а спартанцы отступили, когда увидели, что их союзники разбиты. Потери с обеих сторон были огромны: мятежники потеряли более 5300 воинов, а македоняне — 3500 [Диод., XVII, 63, 3]. Подобных потерь Александр не имел ни в одном сражении на Востоке.

Мегалопольская битва положила конец стремлению антимакедонских сил покончить с зависимым положением греческих городов-государств. Причина неудачи спартанского выступления крылась в том, что оно носило локальный характер и не было поддержано полисами Средней Греции и островов, которые предпочли не ввязываться в конфликт, а наблюдать со стороны и ждать исхода войны. К тому же из-за медленного нарастания антимакедонской борьбы, первоначально вспыхнувшей на Крите (332 г. до н. э.), куда бежали после Исса греки-наемники, поддержанные спартанским царем Агисом при финансовой помощи персов[9], был упущен подходящий момент для одновременного выступления Эллады и островов. Когда Спарта поднялась на борьбу, уже не было тех условий, которые бы обеспечили ей поддержку всех греков: Александр прочно владел Малой Азией, Финикией, Сирией, Египтом, господствовал в Эгейском море. И восстание Агиса не разрослось вширь, а было в зародыше подавлено македонскими силами. С этого времени и вплоть до смерти Александра не отмечалось антимакедонских выступлений в Греции, беспокойный дух которой был уничтожен вместе с могуществом Спарты [Юстин, XII, 1, 9—11].

После неудачного восстания спартанцы отправили к Александру посольство с просьбой о прощении. Царь милостиво простил всех, кроме организаторов выступления, обязав ахейцев и этолийцев выплатить Мегалополю 120 талантов в качестве компенсации за убытки, понесенные вследствие военных действий [Курц., VI, 1, 20].

Арриан сообщает, что к царю в Мемфис прибыли многочисленные посольства из Эллады и что все их просьбы были удовлетворены [III, 5, 1]. Афинянам были возвращены взятые в плен при Гранике граждане, на Хиосе и Родосе были увеличены гарнизоны, а митиленцы за их верность получили новые земли. Были вознаграждены по заслугам и кипрские цари, предоставившие македонянам флот во время осады Тира. Посланный на Крит Амфотер очистил остров от персидских и спартанских войск, а также повел борьбу с пиратами, воспользовавшимися войной [Курц., IV, 8, 12—15]. Арриан не пишет о том, чего хотели греки от македонского царя; он лишь сообщает, что афиняне добились осво-

бождения своих пленных наемников, когда Александр возвратился из Египта и находился в Тире [III, 6, 2].

Сюда же, в Мемфис, прибыло пополнение от Антипатра: 400 эллинских пехотинцев под командой Менета и около 500 всадников из Фракии [Арр., III, 5, 1]. Все они были наемниками.

Не меньше внимания, чем посещению оракула Амона, античная историография уделяет основанию македонским царем в Египте города своего имени, символизировавшего, по их мнению, величие дел Александра и ставшего славным памятником его создателю. Александрия — центр образованности и учености эллинистического мира, достигшая наивысшего расцвета при преемниках Александра,— впечатляла многих греко-римских историков, отмечавших великолепие города, его многолюдность и роскошь египетских царей.

Плутарх сообщает, что, покорив Египет, Александр захотел оставить здесь в память о себе большой и многолюдный город, названный его именем [Алекс., 26]. Далее херонейский биограф приводит красочный рассказ о том, как царь собственноручно с помощью муки начертал план города в виде дуги, замыкаемой двумя прямыми линиями, как слетелось множество птиц, поклевавших всю муку, и как прорицатели увидели в этом знамение, свидетельствующее о будущем процветании огромного города [Алекс., 26].

Курций в общих чертах передает это же предание, только в его рассказе царь использует для обозначения плана будущего города ячменные зерна [IV, 8, 6].

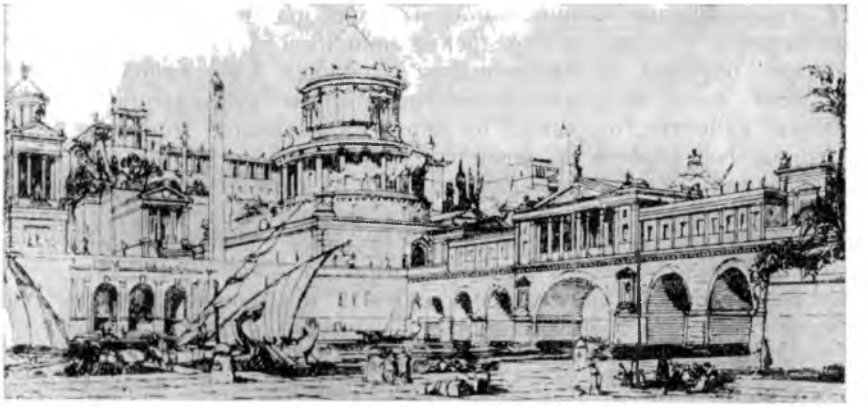
Арриан приводит эту же легенду об основании Александрии, расположенной на берегу Мареотидского озера, в удобной бухте у рыбацкого поселка Ракотис. По его словам, царь наметил границы города и указал, где в нем устроить площадь и сколько воздвигнуть храмов в честь греческих богов и египетской Исиды [III, 1, 5].

Сведения Арриана, Плутарха, Курция дополняет Диодор, подчеркивающий, что город был удобно расположен вблизи Фаросской гавани и что впоследствии он так разросся, что многие считали его первым в мире. Сицилийский историк сообщает, что в его время Александрия имела 300 тыс. свободного населения, а доходов с нее получали более 6 тыс. талантов [XVII, 52, 2—6].

Страбон в «Географии» также писал об Александрии, отмечая красоту ее зданий, великолепие царских дворцов и многолюдие, особенно превознося Мусейон — средоточие учености, где на полном государственном обеспечении трудились знаменитые мужи и поэты, прославившие себя и преемников Александра [XVII, 794, 795].

Афиней в «Пире мудрецов» («Дипнософистес») со ссылкой на Калликсена Родосского («Об Александрии») тоже сообщает об этом городе, описывая роскошь пиров Птолемея Филадельфа, на которых египетский царь употреблял драгоценную утварь общим весом в 10 тыс. талантов серебром [V, 25, 26].

Позднеримские историки также писали об Александрии, центре философии и науки вплоть до гибели античного общества. Юлий Солин (III в. н. э.) писал: «Александрию прославили и размеры города, и создавший ее македонянин; архитектору Динократу, планировавшему ее, принадлежит по праву второе после создателя место в памяти потомства» [32, 41]. Другой римский историк, Аммиан Марцеллин (IV—V вв. н. э.), указывал, что его речь бессильна описать александрийский Серапейон (храм египетского божества Сераписа), который после Капитолия



Александрия римского времени (реконструкция)

является самым великолепным памятником вселенной [XXII, 16, 7]. С горечью сообщал этот же автор о гибели от пожара Александрийской библиотеки (48 г. до н. э.), когда сгорело 700 тыс. рукописей, «собранных неусыпными трудами царей Птолемеев» [XXII, 16, 13].

Все написанное об Александрии античными авторами вобрало в себя и легендарный материал, и подлинно исторический. Город в устье Нила, ставший центром средиземноморской торговли и науки, пользовался в эллинистическое время не меньшей славой, чем Афины классической эпохи. Достаточно сказать, что Плутарх, Диодор, Страбон бывали в Александрии и многое писали по личным наблюдениям. А Аппиан (II в. н. э.), александриец, вообще приписывал Александру египетское происхождение, что дало повод многим исследователям творчества этого историка говорить о его «восточном патриотизме».

Конечно, основывая Александрию как торговый город, соперник непокорного Тира, македонский царь вряд ли задавался великими целями создания центра образованности и учености; подобные мысли приписали ему позже античные авторы апологетического направления. Но объективно историческое развитие стран Средиземноморья пошло по пути создания эллинистических монархий, где ведущее место заняли наиболее крупные города Востока — Александрия, Антиохия, Селевкия на Тигре, куда потянулись греческие ученые и философы в поисках безбедной жизни при дворах царей в связи с всеобщим запустением Эллады, менее всех извлекшей выгод от восточного похода и ранее других охваченной экономическим кризисом.

Бескровное подчинение Египта, признание македонского царя сыном бога Амона, основание Александрии — вот те вехи, которые закрепили господство македонян в Средиземноморье и дали возможность Александру, находившемуся в зените славы и могущества, продолжить поход на Восток, в столицы персидского царства, чтобы окончательно решить спор о власти над Азией с последним отпрыском некогда могущественной династии Ахеменидов[10].

С завоеванием Малой Азии, Сирии, Финикии и Египта окончательно определились контуры системы управления, установленной в новой державе Александра: опора на местную знать и жречество, децентрализация управления сатрапиями, разделение административной и военной

власти, упорядочение чеканки монеты и сбора налогов, повсеместное провозглашение свободы от персидской зависимости.

Таким образом, нарождающаяся держава Александра, основанная на системе военизированно-централизованного управления, несла в себе новые качества, отличные от черт македонской монархии, эллинского города-государства и персидских сатрапий. Это уже была монархия восточного склада[11], унаследовавшая от своих предшественников теократические основы царской власти и целый ряд атрибутов восточного происхождения (обожествление царствующей особы при жизни, проскинеза), что было чуждо эллинскому миру, особенно рабовладельческой демократии, предусматривавшей выборность должностных лиц на все ответственные государственные посты и обязательную подотчетность перед Народным собранием свободных граждан.

Оставив ранней весной 331 г. до н. э. Мемфис, Александр через наведенные на Ниле переправы ушел из Египта. Вероятно, греко-македонское войско возвратилось в Сирию тем же путем, так как источники сообщают, что царь вскоре прибыл в Тир, где задержался на некоторое время для упорядочения управления Финикией. Ничего не известно о трудностях возвращения из Египта в Азию. Только Курций упоминает, что на обратном пути к царю пришло известие о гибели его военачальника Андромаха, оставленного в Сирии и сожженного самаритянами заживо. Эта печальная новость заставила Александра ускорить марш, чтобы побыстрее наказать зачинщиков. Виновные были казнены, а на место погибшего Андромаха царь назначил Мемнона [Курц., IV, 8, 9—11].

Для сбора налогов Александр поставил в Финикии Койрана из Берои, а в землях до Тавра — Филоксена. Главным хранителем всех денежных средств и сокровищ, захваченных на Востоке, стал Гарпал, друг юности царя, изгнанный когда-то Филиппом из Македонии за преданность его сыну [Арр., III, 6, 4—6]. Сатрапа Сирии Аримму царь сместил за невыполнение его приказа подготовить все необходимое для продолжения похода в глубь Азии. Его место занял Асклепиодор [Арр., III, 6, 8]. Большинство «друзей» царя стали сатрапами завоеванных областей Малой Азии: Неарх — Ликии и земель до Тавра, Менандр — Лидии, Асклепиодор — Сирии. Очевидно, царь хотел поощрить своих соратников и вместе с тем обеспечить прочность завоевания. Он с большой осторожностью выдвигал на руководящие посты бывших персидских правителей, в большинстве своем сохранивших верность Дарию; поэтому административный аппарат Малой Азии, Финикии, Сирии и даже Египта (не считая номархов и более мелких должностей) состоял в основном из преданных Александру греков и македонян, благодаря чему на этой стадии похода приближенным царя казалось, что он действует ради греко-македонских интересов, ради идеи панэллинского единства и отмщения персам. А царь, со своей стороны, старался подольше сохранить это мнение и скрыть от командиров и войска намерение остаться на Востоке[12].

Тем временем Дарий интенсивно готовился к войне с македонянами. Пока Александр находился в Египте и Сирии, Дарий «собрал отовсюду войска и приготовил все нужное для войны» [Диод., XVII, 53, 1]. Вначале персидский царь намеревался лично заниматься набором нового войска в отдаленных районах царства, но потом оставил эту мысль и отдал приказ всем отдаленным народам собраться в Вавилоне [Курц., IV, 9, 1—2].

Авторы критического направления отмечают ряд преобразований, осуществленных Дарием для лучшей оснащенности войска[13]. Поскольку были мобилизованы многие народы из Восточных сатрапий, ощущался недостаток в оружии. Поэтому для защиты всадников и коней персы применили панцири из железных пластинок, а тем, кто ранее был вооружен только дротиками, добавили щиты и мечи. Кроме того, пехотинцам предоставили необъезженных лошадей, чтобы таким образом увеличить численность кавалерии [Курц., IV, 9, 2—4].

Думая, что Александр выиграл Исскую битву благодаря обилию оружия, Дарий приказал изготовить 200 серпоносных колесниц — главное новшество персидского войска, предназначенное для атак против македонской фаланги [Диод., XVII, 53, 1—2; Курц., IV, 9, 4—5]. У персов было также 15 боевых слонов, приведенных из Северо-Западной Индии [App., III, 8, 6].

Наш основной источник, Арриан, указывает, что на помощь Дарию пришли индийцы, соседи бактрийцев, и согдийцы; всеми ими командовал бактрийский сатрап Бесс. Были у персов сакские конные лучники под началом Мавака; они считались не подданными, а союзниками персидского царя. Сатрап Арахозии (Арахосии) Барзаент привел арахотов и горных индийцев, сатрап Арии Сатибарзан — ариев. Конники из Парфии, Гиркании, Тапурии прибыли во главе с Фратаферном. В состав персидского войска входили также мидяне, кадусии, албаны, сакесины, люди с Красного моря (так именовали древние Аравийский залив), вавилоняне, армяне, каппадокийцы, сирийцы из Келесирии [App., III, 8, 3—6].

Это прибывшее в Вавилон огромное разноплеменное войско там же формировалось и наспех обучалось, так как Дария беспокоила мысль, что в сражении, не понимая друг друга, воины не смогут действовать согласованно [Диод., XVII, 53, 4].

Арриан, ссылаясь на не совсем достоверные источники, говорит о 40 тыс. всадников, 1 млн. пехоты, 200 колесницах и 15 слонах [III, 8, 6]. Все другие античные авторы также пишут о миллионной армии Дария, выступившей из Вавилона навстречу македонянам [Плут., Алекс., 31; Диод., XVII, 53, 3; Курц., IV, 9, 3].

Источники приводят эти огромные цифры, видимо, потому, что персидский царь объявил набор рекрутов на всей территории, оставшейся под его властью,— от Тигра до Яксарта (Сырдарьи) и Северо-Западной Индии. Очевидно, необозримость пространств и многочисленность народов, населявших земли, подвластные персам, создали у античных авторов впечатление о наличии у Дария миллионной армии. Вообще, эллинская традиция со времен греко-персидских войн сильно завышает численность персидских войск. Так, Геродот сообщал, что Ксеркс привел в Элладу 1700 тыс. пеших [VII, 184] и что счет воинам он производил по отрядам в 10 тыс. человек, выпускаемым из укреплений [VII, 60]. Видимо, эта традиция классической греческой историографии повлияла на сочинения эллинистических и последующих греко-римских авторов, также указывающих непомерно завышенное количество персидского войска в сражениях с Александром Македонским на Востоке. По всей вероятности, во время последнего крупного сражения в Азии (при Гавгамелах) персидская армия численно намного превосходила войско Александра[14], но в любом случае она не могла превышать 100 тыс. человек против 47 тыс. греков и македонян (7 тыс. конницы и 40 тыс. пехоты), пришедших с македонским царем к ассирийскому селению Арбелы [App., III, 12, 5].

Закончив решение неотложных дел в Финикии, Александр с войском

Александр. Деталь мозаики из Помпей. Национальный музей. Неаполь

направился к переправе на Евфрате у Фапсака, куда ранее ушел Парменион во главе авангарда и инженерного обоза для наведения мостов.

Нельзя сказать, что Дарий пассивно ожидал предстоящего сражения с македонянами. Напротив, он делал все возможное, чтобы затруднить Александру продвижение в глубь Азии. Киликийский сатрап Мазей с 6-тысячным отрядом конницы и пехоты (3 тыс. всадников и 3 тыс. пехотинцев, в том числе 2 тыс. греков-наемников) сторожил переправу у Фапсака, мешая македонянам строить мосты [Арр., III, 7, 1; Курц., IV, 9, 8]. Мазею было также приказано опустошать области, в которые должны были вступить македоняне [15]. Этим персидский царь хотел добиться от Александра прекращения войны, так как, не имея регулярного снабжения и живя одним грабежом, войско противника (по его мнению) вряд ли пойдет дальше. Кроме того, с разведывательными целями был послан тысячный отряд отборных всадников во главе с лидийским сатрапом Атропатом [Курц., IV, 9, 7—9].

Македонские разведчики, проникшие на вражескую территорию, издали наблюдали за персидским войском и потом донесли Александру, что войско Дария более многочисленно, чем было раньше. Но македонский царь, презрев опасность, за одиннадцать переходов достиг Евфрата [Курц., IV, 9, 11—12]. Два не достроенных македонянами моста через реку были закончены уже после похода Александра с основными силами,

Дарий. Деталь мозаики из Помпей. Национальный музей. Неаполь

когда Мазей, услышавший о приближении македонского царя, бежал со своим отрядом, оставив свободными переправы [Арр., III, 7, 2].

По наведенным мостам македонское войско переправилось через Евфрат и вступило в северную Месопотамию. Персов не было видно. Очевидно, в их расчеты входило как можно дальше заманить противника и дать ему сражение там, где было выгодно войску Дария. Как пишет Арриан, Александр, преодолев водный рубеж, не пошел на Вавилон, так как дорога туда пролегала по выжженной солнцем земле, по местам, где было невозможно добыть провиант, а двинулся северными плодородными областями, оставив слева Евфрат и горы Армении [Арр., III, 7, 3].

Взятые в плен персидские разведчики сообщили, что Дарий с войском находится у реки Тигра и что он решил не допустить Александра к переправе [Арр., III, 7, 4]. Ускорив движение колонн, Александр на четвертый день подошел к Тигру.

В изложении Арриана, македоняне с трудом перешли вброд бурный Тигр, но никто их переправе не препятствовал [III, 7, 5]. Иную картину рисуют авторы критического направления. Так, Диодор сообщает, что Дарий намеревался задержать продвижение греко-македонского войска у брода на Тигре, послав туда сатрапа Мазея с войском, но последний, понадеявшись на бурный нрав реки, не выставил сторожевые посты [XVII, 55, 1–2]. Курций приводит эту же версию, добавляя эпизод о конном

сражении, якобы происшедшем между пеонами Аристона и тысячным отрядом персидских всадников Атропата, будто бы погибшего [IV, 9, 20—25], что малодостоверно, так как из других источников известно, что Атропат был родоначальником правящей династии Малой Мидии, известной под названием Мидии Атропатены (древний Азербайджан) [16].

Во время двухдневного отдыха македонского войска после переправы через Тигр произошло полное лунное затмение, которое древние относят ко второму году 112-й Олимпиады месяца боедромиона (сентябрь), т. е. к 331 г. до н. э., благодаря чему современная историческая наука располагает более точной хронологией событий этого периода.

Отсюда македонское войско двинулось на юго-восток по течению Тигра через земли Ассирии, оставив слева Гордиейские горы. На четвертый день разведка донесла, что на равнине показалось около тысячи вражеских всадников [App., III, 7, 7—8]. Александр отдал приказ войску построиться в боевые порядки, а сам во главе конного отряда помчался навстречу неприятелю. Персы, не приняв боя, повернули обратно. Отставших македоняне убили, нескольких взяли в плен; они сообщили, что Дарий с многочисленной армией находится неподалеку [App., III, 8, 1—2].

На сей раз персидское командование выбрало более удобное место для сражения — равнину у селения Гавгамелы, примерно в 600 стадиях от города Арбелы. Учтя просчеты, допущенные во время битвы при Иссе, где персидское войско, скованное теснинами, не могло развернуться, Дарий отдал приказ не покидать это стратегически выгодное место и ожидать подхода противника. Даже все неровности почвы персы сровняли для удобства конных атак и действий колесниц.

А македонское войско, по совету Парменио́на стало лагерем, чтобы лучше изучить местность, собрать сведения о противнике и дать воинам отдых перед боем. Укрепив лагерь рвом и палисадом, Александр оставил там обоз и непригодных для сражения солдат. Не обремененные поклажей подразделения во главе с Александром выступили в ночь (около второй стражи) с 29 на 30 сентября и к утру достигли холмов, скрывавших персидскую армию, которая находилась на расстоянии 60 стадий от македонян [App., III, 9, 2]. Когда же македоняне поднялись на эти холмы и стали спускаться вниз, их взору открылись персидские войска, выстроенные на равнине.

Царь приказал остановиться и созвал на совещание «друзей», стратегов, илархов, представителей союзников и наемников для решения вопроса: стоит ли тотчас начинать бой с врагом (как хотело большинство) или следует по совету Парменио́на разбить лагерь и провести рекогносцировку местности? И хотя многие командиры горели желанием поскорее вступить в бой с «варварами», верх одержало благоразумие, и царь, прислушавшись к мнению опытного полководца, решил остановиться, не нарушая боевого построения воинов [App., III, 9, 4].

В сопровождении легковооруженных воинов и «друзей» Александр объехал место предстоящего сражения, а затем вновь созвал военачальников на совет. Это произошло вечером 30 сентября. Македонские воины ужинали и отдыхали, а вдали на равнине между Нифатом и Гордиейскими горами сверкал огнями вражеский стан, откуда слышался смутный гул [Плут., Алекс., 31].

Накануне сражения у Гавгамел Александр произнес речь перед командирами. Смысл этого выступления представители апологетической и антиалександровской традиций передают по-разному.

По сообщению Арриана, в кратком слове командирам царь сказал, что

ему нет надобности воодушевлять их перед битвой: они давно уже воодушевлены собственной доблестью и многократно совершенными подвигами. Он только хочет, чтобы они ободрили своих подчиненных и сказали им, что сражаться предстоит не за Келесирию, Финикию или Египет, как раньше, а за всю Азию, чтобы решить вопрос, кто должен ею править. Не надо ободрять солдат длинными речами, так как доблесть у них природная, продолжал Александр. Им надо только напомнить, чтобы каждый, находясь в опасности, помнил о порядке в строю и дисциплине, чтобы соблюдал строгое молчание или громко кричал, когда это будет необходимо, и пусть каждый запомнит, что промах одного подвергнет опасности всех.

Речь царя встретили криками радости, все заверили его, что он может положиться на них [III, 9, 5—8].

В критической интерпретации, Александр выступил перед войском, а не перед командирами и сказал, что на пути македонян после победы у Граника, преодоления гор Киликии, захвата Сирии и Египта осталось последнее препятствие. У македонян нет оснований бояться имен неизвестных народов, раз они невоинственны и их никто не знает. Персов страшиться нечего, так как у них немногие имеют полное вооружение, а остальные снабжены дротиками или пращами. Поэтому «македоняне, отмерив столько пространств земли, оставив позади себя столько рек и гор, должны теперь проложить себе путь на родину к пенатам своею собственной рукой» [Курц., IV, 14, 1—7].

Как явствует из вариантов речей Александра у Арриана и Курция, они имеют различное звучание. Арриан впервые прямо указывает на обширные планы завоевания Азии, а Курций сообщает о завершении похода этим сражением. Плутарх разделяет мнение Курция, провозглашая Александра в Египте «владыкой всех людей», а после Гавгамел — лишь царем Азии [Алекс., 27, 34]. Диодор примыкает к большинству, ибо сицилийский историк подчеркивает, что «в один день решится все и они (воины.— *Авт.*) отдохнут от долгих трудов и опасностей» [XVII, 56, 4].

Кто же прав — Арриан или все прочие авторы, настойчиво указывающие на окончание похода? Историческая наука отдает предпочтение Арриану, свидетельства которого по логике событий заслуживают самого серьезного отношения: нетрудно заметить, что в сообщении Курция имеется явное противоречие — перед битвой при Иссе римский историк говорит о планах завоевания Востока [III, 10, 5—6], когда еще шла борьба за обладание Малой Азией, а перед Гавгамелами — об окончании восточной кампании [17].

Арриан сообщает, что на Пармениона повлиял вид несметного вражеского войска и он пришел в палату царя, чтобы уговорить его неожиданно начать ночную атаку для деморализации ничего не подозревавшего противника. Но Александр гордо ответил Парменио́ну, что стыдно ему красть победу. Арриан, редко высказывающий свое отношение к описываемым им событиям, на этот раз отдает должное воинскому таланту Александра, который правильно рассудил, что ночной бой может обернуться поражением для македонян, не знавших местности и имевших в обозе много пленных, которые при малейшей неудаче перебегут к Дарию и вместе с остальными персами обрушатся на них [III, 10, 1—4].

Но, очевидно, Дарий не исключал возможности ночного нападения, так как всю ночь его армия оставалась наготове в ожидании атаки противника на персидский лагерь, не имевший надежного прикрытия. Бессонная ночь накануне решающей битвы сказалась не только на боеспособ-

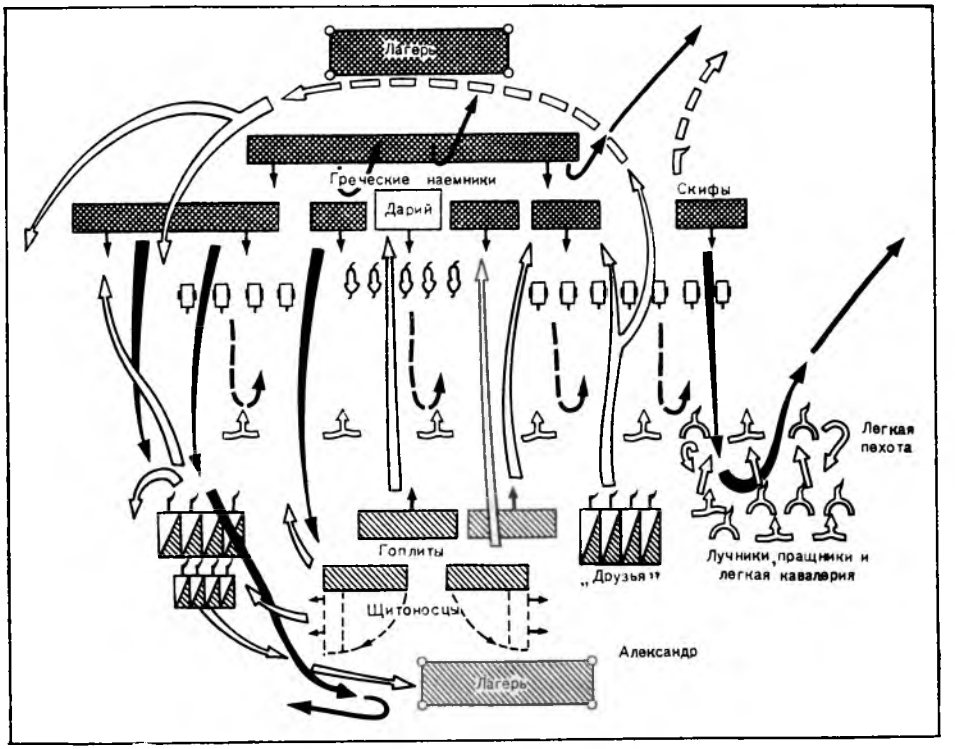


Схема битвы при Гавгамелах

ности персидских солдат, но и на их моральном состоянии; ведь неудачи предыдущих сражений лежали на них тяжелым бременем [Курц., IV, 13, 11].

Благодаря тому что план расположения войска Дария в битве при Гавгамелах попал в руки македонян (по словам Аристобула), известны многие детали построения персов в последнем, решающем сражении.

На левом крыле Дарий поставил скифскую конницу, около 1 тыс. бактрийцев и 100 колесниц с косами, за ними — бактрийских всадников, даев и арахотов, рядом — персидские конные и пешие подразделения вперемежку, за ними — сусиев и кадусиев. Это крыло занимало пространство до середины всего войска.

В центре боевой линии, как и при Иссе, находился Дарий в окружении «родственников», пажей и конной гвардии, за которыми стояли индийцы, карийцы и марды-лучники, уксии, вавилоняне, люди с Красного моря и ситтакены. «Эллины-наемники,— как пишет Арриан,— стояли возле Дария, по обе стороны его и персов, бывших с ним» [III, 11, 7]. Их было 2 тыс., и они, по замыслу персидского царя, должны были противостоять македонской фаланге. Сзади центр персидской гвардии прикрывали слоны и 50 серпоносных колесниц.

На правом крыле впереди находились армянские и каппадокийские конники и 50 боевых колесниц, за ними стояли солдаты из Келесирии и Месопотамии, а также мидяне, парфяне, саки, тапуры, гирканы, албаны, сакесины — тоже до середины строя персов.

Построение македонского войска отчасти повторяло расположение при Иссе, но имелось и существенное отличие: на случай возможного окружения была создана вторая линия обороны, состоявшая из фалангитов, легкой конницы и пехоты. Тщательно продумав дислокацию армии и учтя численное превосходство персов, Александр был вынужден оставить часть сил для прикрытия тыла и флангов.

В первой линии македонского войска расположение оставалось традиционным: в центре — шесть таксисов фаланги, слева от них — конница союзников и фессалийцев во главе с Парменионом, справа — гипасписты и восемь ил македонской конницы, агриане, акентисты, царская ила и сам Александр. Во второй линии по центру также стояла фаланга. На флангах располагались легкая кавалерия и пехота, задача которых состояла в удлинении фронта (во избежание охвата противником) или в создании замкнутого четырехугольника, препятствующего проникновению персов в тыл [App., III, 11, 8—10]. Чтобы противостоять атаке персидских колесниц, македонский царь придумал следующее: сомкнуть щиты и ударять сариссами, чтобы лошади, испугавшись шума, понесли назад; если же это не поможет, то расступиться и тем избежать урона в войске [Диод., XVII, 57, 6].

Когда армии приблизились друг к другу, трубы с обеих сторон дали сигнал к бою, и воины с громким криком устремились на врага. Так началось 1 октября 331 г. до н. э. знаменитое сражение при Гавгамелах, решившее судьбу Азии.

Александр двинул вправо вытянутый правый фланг, чтобы его не могли обойти персы. Дарий бросил против Александра левое крыло своего войска, на котором стояли скифские всадники, но македонский царь упрямо продвигался вправо, почти выйдя за пространство, предназначенное противником для прохода колесниц. Испугавшись, что македонский царь уйдет с удобной равнины на пересеченную местность, где будет невозможно использовать колесницы, Дарий отдал приказ всадникам левого крыла окружить неприятеля. Скифские и бактрийские всадники уже почти приблизились к передовым македонским частям, когда Александр приказал наемной коннице Менида начать встречную атаку. Однако она не удалась: эллинский отряд не смог сдержать натиск более многочисленной кавалерии противника. Только пришедшие на подмогу кавалеристы правого фланга сумели задержать продвижение бактрийцев и скифов. В упорной конной схватке воинов Александра пало больше, так как «варвары» и их кони имели защитные доспехи. Несмотря на это, македонянам удалось расстроить вражеские ряды.

В это время Дарий ввел в бой серпоносные колесницы, и они понеслись на стоявших на правом фланге македонян. Но персы обманулись в своих ожиданиях. Метатели дротиков под командованием Балакра и стрелки-агриане перебили многих возниц, пока они доскакали до македонского войска; те же, что ворвались в ряды фалангитов, попали в западню: опытные воины Александра расступились в стороны и на колесницы обрушилась македонская кавалерия [App., III, 13, 5—6].

Когда Дарий ввел в дело всю свою пехоту, Александр велел легкой кавалерии атаковать конницу персов, пытавшуюся охватить правое крыло македонян. Конница Александра расстроила передние ряды «варваров», и в образовавшуюся брешь македонский царь двинул построенную клином фалангу и кавалерию. Наступил решающий момент боя. Ударная группа тяжелой македонской конницы и фаланга, ощетинившаяся сариссами, наседали на врага. Короткое время сражение шло врукопаш-

ную, но персы уже не могли сдержать натиска фалангитов: массированный удар слева и справа парализовал их. Охваченный паническим страхом, Дарий бежал с поля боя, бросив бесполезную колесницу и пересев на верховую лошадь [App., III, 14, 1—3; Плут., Алекс., 33].

Тут началось повальное бегство персов на правом фланге. Македонские отряды еще продолжали вести бой, а кавалерия уже начала преследование противника. Толпа беглецов и густая пыль мешали разглядеть, куда скрылся Дарий. Стоны упавших, топот копыт и щелканье бичей сливались в сплошной грохот [Диод., XVII, 60, 3—4].

Возможно, Дарию и не удалось бы спастись, если бы не появление всадников, посланных Парменионом с просьбой о помощи: на левом крыле персидская конница и индийцы прорвали не только первую, но и вторую линию македонской армии и бросились грабить обозы. Завязалась горячая схватка. Преимущество было на стороне персов, так как обозники не имели вооружения и не ожидали, что противник сможет проникнуть к ним через двойной заслон; пленные «варвары» присоединились к своим и также атаковали македонян [App., III, 14, 5—6].

Левому флангу армии Александра грозила неминуемая гибель, но выручила недисциплинированность персов, бросившихся грабить обозы. Это дало возможность второй линии развернуться и ударить в тыл противнику, занятому грабежом [App., III, 14, 5—6].

Почти все античные историки объясняют неудачи левого фланга Пармениона численным превосходством отборной персидской конницы Мазея и индийцев. Согласно другой точке зрения, лучший полководец Александра вел себя нерадиво и вяло — может быть, потому, что был стар, или потому, что самовластие царя (по словам Каллисфена) его тяготило [Плут., Алекс., 33].

Перехватив инициативу у противника, воины второй линии македонского войска атаковали грабивших обоз персидских и индийских всадников. Те отступили, и в это время на них устремился Александр, появившийся с конницей «друзей». Теперь персы думали не о победе, а лишь о спасении. Александр потерял около 60 «друзей», ранены были Гефестион, Кен и Менид [App., III, 15, 2].

Части персидских всадников удалось прорваться через вторую линию войска Александра и бежать. Македонский царь уже был готов атаковать правое крыло персов, но фессалийская конница сама разгромила неприятеля. Наконец «варвары» обратились в бегство; македоняне уничтожали отставших, и вскоре вся равнина была завалена вражескими трупами [Диод., XVII, 61, 2].

Только убедившись окончательно, что враг повержен, Александр вновь начал преследовать Дария, оставив Парменио добивать противника. Македоняне захватили вражеский лагерь, обозы, слонов и верблюдов. До самой темноты конница Александра мчалась на юго-восток. С наступлением сумерек, после перехода реки Лик, македонский царь дал кавалерии отдых, но уже в полночь продолжил преследование. Утром македоняне достигли Арбел. Но Дария там не было. С остатками бактрийской конницы, греками-наемниками (2 тыс. человек) и гвардией персидский царь вместе со стратегами Бессом, Барзаентом, Сатибарзаном и Набарзаном через Армянское нагорье бежал в Мидию, где укрылся в столице — Экбатанах.

В Арбелах македоняне захватили походную казну Дария (3 тыс. талантов серебра), его колесницу, щит, лук, а также много припасов и военного снаряжения [App., III, 15, 5; Диод., XVII, 64, 3].

Битва при Гавгамелах была самым крупным сражением, выигранным Александром на Востоке. Однако и македоняне понесли там самые крупные с момента начала восточного похода потери[18]. Древние авторы приводят различные цифры потерь враждующих сторон. Арриан пишет, что людей Александра было убито около 100, у «варваров» же погибло до 30 тыс., а в плен было взято гораздо больше [III, 15, 6]. Курций сообщает о 40 тыс. убитых персов и о 300 погибших македонянах [IV, 16, 26]. Диодор дает максимальную цифру потерь: в сражении была перебита вся вражеская конница, пеших пало до 90 тыс.; македонян погибло 500 человек, раненых же оказалось очень много [XVII, 61, 3]. Явное несоответствие потерь македонян и персов в битве при Гавгамелах, отраженное в источниках, показывает, что, несмотря на различный подход античных авторов к описываемым событиям (апологетическая и критическая традиции), все они чрезмерно восхваляли деятельность Александра[19].

Сражение у Гавгамел довершило падение державы Ахеменидов, у которой не нашлось больше сил для сопротивления. Путь к столицам царства был открыт[20].

Почему же Дарий не бился до последнего, а при первой неудаче оставил поле боя? Источники на этот счет не дают никаких объяснений, но настойчиво проводят мысль о «великом страхе», который владел персидским царем еще до битвы [Арр., III, 14, 3].

Но, видимо, не только «великий страх» царя помешал персам выиграть сражение. Слабая дисциплина и недостаточная выучка разноплеменной армии Дария сказались в первом же столкновении с войском Александра. Ведь в конечном счете не численное превосходство, а умение противостоять противнику и не терять присутствия духа в любой ситуации решили исход битвы. Так, левое крыло македонян во главе с Парменионом, оказавшись в окружении, использовало неразбериху среди персов, проникших неожиданно в македонский лагерь и прельстившихся добычей. И пока неприятель растаскивал походное имущество, предводители отрядов второй линии перестроились и ударили персам в тыл.

На что же теперь рассчитывал Дарий? Скорее всего, на отдаленность Восточных сатрапий, куда вряд ли двинется Александр, так как путь туда сложен и «пройти большому войску трудно» [Арр., III, 16, 2]. Одновременно персидский царь все еще пытался сколотить новое войско. Уже в Экбатанах он собрал всех, кто уцелел, и вооружил безоружных. Он также направил гонцов к соседним племенам и разослал военачальникам, сатрапам Бактрии и других окраинных областей письма, в которых содержалась просьба хранить ему верность [Диод., XVII, 64, 2].

Однако надежд на сбор нового войска было очень мало. Ведь народы Восточных сатрапий лишь номинально входили в державу Ахеменидов, ограничиваясь уплатой дани. К тому же было неизвестно, как эти народы отнесутся к просьбе воевать за персидского царя после недавнего разгрома у Гавгамел. И если Дарий все еще надеялся, что дальше Вавилона македоняне не пойдут, то Александр вовсе не собирался приостанавливать движение на Восток[21].

И все же персидский царь был прав, когда думал, что Александр не бросится за ним в погоню в Мидию, а, скорее всего, устремится к плодородным землям Междуречья, в места густозаселенные, где есть все необходимое для войска и как награда за невзгоды и трудности войны — богатства Суз и Вавилона [Арр., III, 16, 2]. Предания о сказочной роскоши ассирийских царей, о неприступных стенах Вавилона и висячих садах Семирамиды были известны эллинам из рассказов Ктесия (V в. до н. э.),

грека из Книда, служившего придворным лекарем у персидского царя Артаксеркса Мнемона. Понятно, что Вавилон манил к себе предприимчивых греков и македонян, отважившихся проникнуть в глубинные районы Азии.

Из Арбел Александр прямо двинулся к Вавилону, решив, что важнее овладеть основными центрами державы Ахеменидов и захватить накопленные там богатства, чем продолжать погоню за Дарием в малоизвестные земли Востока, путь куда пролегал по безлюдным местам, полным всяческих опасностей, лишенным провианта и корма для коней.

Хотя у македонян были основания надеяться, что вавилоняне встретят их как избавителей от персидского гнета [22], войско Александра подходило к Вавилону в боевом порядке, так как македонский царь был уверен, что встретит сопротивление: там укрылся бежавший из Гавгамел Мазей. Разумеется, Александр не мог предвидеть степени неприязни вавилонян к персам, лишившим их автономии и разрушившим храм главного божества — Бела — после неудачного восстания (479 г. до н. э.), вконец испортившего отношения Ахеменидов с правящим вавилонским классом и жречеством. Поэтому для греков и македонян приятной неожиданностью была встреча, которую им устроили жители Вавилона.

Как только вавилоняне увидели приближающееся войско Александра, они отправили к царю депутацию знатных граждан, в число которых входили сатрап Вавилона Мазей и его взрослые сыновья. Мазей смиренно приблизился к Александру и сдал ему на милость город и самого себя. Царь принял благосклонно Мазея с сыновьями, но все же не отдал войску приказ о перестроении, и оно вошло в Вавилон в боевом порядке.

Множество народу собралось на городских стенах, чтобы приветствовать царя-«освободителя». А комендант крепости и хранитель царской казны Богофан (чтобы не отстать от Мазея) устлал всю дорогу, по которой шли македоняне, цветами и воздвиг по ее краям серебряные алтари, где курились благовония. Сотни ликующих горожан и роскошно убранных всадников двинулись за македонской пехотой, замыкавшей торжественную процессию, впереди которой на колеснице следовал Александр [Курц., V, 1, 17—23].

Почему же Мазей не счел возможным защищать город от неприятеля? Видимо, по той же причине, по какой сатрап Мазак не сумел воспрепятствовать македонскому проникновению в Египет. Слишком велика была неприязнь вавилонян к угнетателям-персам. К тому же после поражения у Гавгамел Мазей не располагал силами, достаточными для оказания сопротивления. Вот и решил вавилонский сатрап без боя сдать город, надеясь, что это будет оценено завоевателем. И Мазей не ошибся. Александр оставил его на прежнем посту. Конечно, было бы опрометчиво считать, что Мазей после поражения превратился в друга македонян. Но классовый интерес правящей верхушки нередко толкает ее представителей на компромисс с любым завоевателем, который в целях упрочения своей власти готов действовать либерально по отношению к местной элите [23].

Поскольку Александр в Вавилоне разыгрывал роль освободителя, он сразу же отдал приказ об обновлении храмов и восстановлении святилища Бела, очень почитаемого населением. Царь встречался с халдеями; он выполнил их пожелания относительно храмов и принес по их просьбе жертву Белу [App., III, 16, 5]. Вавилонские жрецы не остались в долгу и провозгласили Александра «царем Вавилона и четырех стран», подтвердив тем самым его право на «мировое» господство и одновременно под-

черкнув особую роль города — прославленного религиозно-культурного центра Востока[24].

Арриан ничего не сообщает о том, как долго македонский царь пробыл в Вавилоне, но прочие источники пишут, что греко-македонское войско «задержалось в этом городе дольше, чем где-либо» [Курц., V, 1, 36], или пробыло там более месяца, так как местные жители были гостеприимны и никто не чувствовал недостатка ни в чем [Диод., XVII, 64, 4].

Персидский воин. Деталь мозаики из Помпей. Национальный музей. Неаполь

Интересно, что позднеантичные авторы разделяли мнение о том, что моральный упадок и деградация нравов (якобы повинные в гибели эллинистических государств) пришли с Востока. По этой причине ни александрийцы, которых Полибий называл «метисами», ни вавилоняне, ни жители других крупных городов Востока не имели хорошей репутации у греко-римских историков, связывающих начало упадка эллинства с походом Александра на Восток, когда греки впервые столкнулись с изнеженным и разлагающим образом жизни Азии, гибель которой была предрешена вырождением моральных устоев азиатских племен. В частности, очень настойчиво проводит эту мысль Курций, подчеркивающий, что «нет другого города (как Вавилон.— *Авт.*) с такими испорченными нравами, со столькими соблазнами, возбуждающими неудержимые страсти». И за это Александр подвергся самой суровой критике римского историка. Курций осуждает македонского царя за долгое пребывание в Вавилоне, где войско растеряло свои боевые качества и потому вряд ли смогло бы в дальнейшем противостоять настоящему противнику [V, 1, 36—39].

Для марксистской исторической науки подобное объяснение причин гибели эллинистических государств (так же как позднее Римской империи) неприемлемо уже потому, что исходит из тезиса о культурном превосходстве греков (и римлян), способствовавших приобщению к цивилизации «варварских» народов Востока. Об этом, может быть, не стоило бы и говорить, если бы все эти рассуждения античной историографии (связанные с ограниченностью понимания древними причин упадка эллинистического мира) не были восприняты рядом современных исследователей эллинизма, которые с позиций «культурничества» рассматривают суть данной эпохи, отразившей, по их мнению, победоносное шествие эллинства в мире[25]. Так, пренебрегая понятием общественно-экономической формации, отдельные исследователи эллинизма, модернизирующие древность в угоду современности, не хотят видеть действительных причин гибели античного способа производства, выискивая их в моральном упадке духа «эллинской нации» и вырождении правителей.

Введенная Александром система управления Вавилоном повторяла

Развалины Вавилона

структуру организации Египта и Малой Азии: во главе сатрапии остался перс Мазей, командиром гарнизона в составе 2 тыс. воинов стал Аполлодор из Амфиполя, а сборщиком податей — Асклепиодор, сын Филона [App., III, 16, 4]. Таким образом, черты единой организации завоеванных земель Востока уже четко определились.

Царь приказал Аполлодору и гиппарху Сирии, Финикии и Киликии Менету нанять как можно больше солдат-чужеземцев, для чего дал им 1 тыс. талантов серебра [Диод., XVII, 64, 5; Курц., V, 1, 43].

В вавилонской цитадели был оставлен Агафон из Пидны, по одним источникам имевший под своим началом гарнизон из 700 человек [Диод., XVII, 64, 5], по другим — из тысячи [Курц., V, 1, 43].

Стараясь подчеркнуть особую роль Вавилона в жизни Востока, Александр оставил городу право чеканки серебряной монеты. Сатрапом еще не завоеванной Армении царь назначил Мифрена, сдавшего ему Сарды без боя [Диод., XVII, 64, 6].

Источники не пишут о добыче, доставшейся Александру в Вавилоне, очевидно, потому, что македонский царь считался «освободителем» вавилонян и, следовательно, говорить о захваченных сокровищах было просто неуместно. Однако имеются косвенные указания на то, что после захвата Вавилона царь выдал каждому всаднику по 6 мин, союзнику — по 5, а воинов-чужеземцев пожаловал двухмесячным окладом [Курц., V, 1, 45; Диод., XVII, 64, 6]. Дело в том, что македонский царь постоянно испытывал финансовые затруднения, расходуя огромные суммы на ведение войны, так что не всегда имелись средства для выплаты войску жалованья или для поощрения отличившихся. Только после овладения столицами царства Ахеменидов (Сузы, Персеполь, Экбатаны) источники сообщают о щедрости Александра, раздававшего своим подчиненным без оглядки огромные богатства.

Стены Вавилона

Четвертое по счету пополнение привел из Македонии к Вавилону Аминта (посланный для этой цели еще от Газы на родину). Всех вновь прибывших всадников царь зачислил в конницу «друзей»; каждую конную илу он разделил на два лоха, поставив лохагами тех, кто отличился доблестью; пехотинцев он распределил по полкам, сформированным на основе племенного принципа [Арр., III, 16, 10]. Этим было положено начало реорганизации армии, которая после сражения у Гавгамел постепенно приспосабливалась к условиям ведения военных действий небольшими мобильными группами, соответствующими подвижным отрядам местных народов, предпочитавших «малую войну» генеральным битвам. В этих специфических условиях неизмеримо возросла роль конных подразделений и, наоборот, сошло на нет значение фаланги; после сражения у Арбел не представилось случая ее использовать в качестве основной ударной силы: время больших битв прошло [26].

К сожалению, Арриан ничего не сообщает ни о численности, ни о составе четвертого пополнения Александрова войска. Второстепенные же источники указывают, что от Антипатра прибыло 6 тыс. македонской пехоты, 500 македонских всадников, 600 фракийцев, 3,5 тыс. траллов, пехоты из Пелопоннеса — 4 тыс., а всадников немного меньше тысячи. «Друзья» царя вызвали из Македонии своих сыновей: 50 знатных юношей для службы в царской охране [Диод., XVII, 65, 1]. Диодор и Курций дают одинаковые цифры, только последний называет 380 эллинских всадников [V, 1, 40—42], а не тысячу.

Важность этих свидетельств для исторической науки бесспорна, так как благодаря им можно проследить, хотя бы в общих чертах, изменение

состава войска Александра, где доля македонских сил неуклонно уменьшалась, а количество наемных контингентов росло.

Сразу же после битвы при Гавгамелах Александр послал Филоксена с небольшим отрядом конницы для захвата сокровищ Ахеменидов в Сузах. Более месяца греко-македонское войско находилось в Вавилоне, отдыхая от ратных дел.

Уже по дороге из Вавилона в древнюю столицу Элама Александр встретил сына сатрапа Сузианы с письмом от Филоксена, который сообщал царю, что жители города сдаются македонянам и что вся казна сохранена для него [Арр., III, 16, 6]. На двадцатый день перехода от Вавилона армия Александра вошла в Сузы. Сатрап Абулит сдал македонянам город и царские сокровища. По одним источникам, Абулит сделал это добровольно, так как не имел достаточных сил для оказания сопротивления — остатки разбитого войска персов бежали вместе с Дарием в Мидию [Арр., III, 16, 6—7]; по другим — сузийский сатрап сделал это по приказу самого персидского царя, чтобы отвлечь Александра захватом знаменитых городов и больших сокровищ и таким образом удержать македонского царя в бездеятельности, пока Дарий будет готовиться к войне [Диод., XVII, 65, 5; Курц., V, 2, 8]. Однако, скорее всего, отсутствие войска и бегство Дария на Восток убедили сатрапа Сузианы в бесполезности сопротивления, а пример Мазея, правителя Вавилонии, показал, что добровольная сдача македонянам поможет сохранить ему прежний пост. Поэтому вполне допустимо предположение, что Абулит сдал добровольно Александру Сузы и царские сокровища не потому, что следовал предписанию Дария, а ради собственной выгоды.

Добыча, доставшаяся македонянам в Сузах, превзошла все их ожидания. Одной чеканной серебряной монеты было до 50 тыс. талантов, не считая прочего царского имущества [Арр., III, 16, 7]. Здесь находились ценные пурпурные ткани из Гермионы, пролежавшие почти 200 лет и выглядевшие новыми, стоимостью в 5 тыс. талантов, а также на 9 тыс. талантов золотой монеты — дариков [Диод., XVII, 66, 2]. Обнаруженную в царском дворце Суз статую Гармодия и Аристогитона (убийц сына тирана Писистрата), вывезенную Ксерксом из Греции, Александр вернул в Афины [Арр., III, 16, 7—8], подчеркнув этим еще раз свою приверженность Коринфскому союзу. Есть предание о том, что вместе с сокровищами персидские цари хранили в Сузах воду из Нила и Истра, «словно этим хотели подтвердить господство над всеми» [Плут., Алекс., 36].

Описывая пребывание Александра в Сузах, Арриан старается показать верность македонского царя союзническому долгу, во имя которого он совершал поход отмщения, между тем как в источниках критического направления явно подчеркивается желание Александра поскорее стать восточным владыкой. Диодор и Курций пишут, что во время посещения дворца Ахеменидов в Сузах македонский царь сел на персидский трон, который был слишком высок для его роста, так что ноги Александра не доставали до земли. Тогда кто-то из приближенных поставил под его ноги стол, за которым Дарий обычно совершал трапезу. В этом бывшие слуги персидского царя увидели изменчивость судьбы, столь немилостиво обошедшейся с Ахеменидами, а македоняне — признак скорой гибели персидской державы, распростертой у ног победителя [Диод., XVII, 66, 3—7; Курц., V, 2, 13—15].

Неизвестно, сколько времени пробыл Александр в Сузах, но, видимо, недолго, так как он торопился достичь других столиц персидской державы, где тоже имелось много богатств.

Сузы были одной из резиденций персидских царей, и, может быть, поэтому Александр постарался именно там продемонстрировать своему войску патриотическую сторону похода отмщения, отослав в Афины статую тираноубийц и устроив жертвоприношения «по обрядам отечественным», а также празднества с гимнастическими состязаниями и бег с факелами [Арр., III, 16, 9].

Однако преданность эллинским традициям не помешала Александру установить в Сузиане традиционную форму управления: во главе сатрапии остался перс Абулит, командиром гарнизона в Сузах стал один из «друзей» царя, Мазар, а стратегом — Архелай [Арр., III, 16, 9], получивший отряд в 3 тыс. человек, не считая выслуживших срок солдат-ветеранов, предназначенных охранять крепость и сокровища, вверенные Калликрату [Курц., V, 2, 16—17]. Из Суз Александр послал Менета с 3 тыс. талантов серебра к Средиземному морю, чтобы помочь наместнику Македонии Антипатру справиться с восставшими спартанцами и набрать наемников в западных областях [Арр., III, 16, 10]. Видимо, эти наемные силы подошли к Александру, когда он выступил из Персиды в Мидию: прибыло 5 тыс. пехотинцев и 1 тыс. всадников; всеми ими командовал афинянин Платон [Курц., V, 7, 12].

Оставив в одном из дворцов плененную семью Дария, Александр покинул Сузы. За четыре перехода он достиг реки Паситигр и, форсировав ее, очутился в земле горных уксиев.

Страбон, живший на рубеже старого и нового летосчисления, знал о племенах уксиев, которых делил на землепашцев (жителей равнин) и воинственных горцев, обитавших на границах Сузианы и Персиды, не признававших персидской власти и постоянно взимавших плату с Ахеменидов за право прохода через их земли [Страб., XV, 728].

Была середина зимы, сезона, во время которого в древности обычно не предпринимали походы и войны, но Александр торопился достичь главной резиденции персидских царей — Персеполя, пока сокровища еще не были растащены стражей, наверняка знавшей уже о поражении войска персов у Гавгамел и о бегстве Дария в Мидию. Тем досаднее была неожиданная задержка в горных проходах, где уксии потребовали с Александра такой же платы, какую они взимали с персидских царей [Арр., III, 17, 2]. И тогда македонский царь, невзирая на зимнее время, решил проучить горцев, осмелившихся потребовать платы с претендента на господство над Азией.

Александр отослал обратно посольство уксиев, прибывшее требовать плату, сказав, что желаемое они получат на перевалах, а сам во главе телохранителей, щитоносцев и 8 тыс. других воинов ночью двинулся в горы. Ведомый местным проводником, он по горным тропам к рассвету вышел к деревням горцев, перебил многих и захватил большую добычу [Арр., III, 17, 2].

Наведя страх на уксиев, Александр поспешил к теснинам, где горцы намеревались его встретить, чтобы получить установленную плату. Таксиарха Кратера он предусмотрительно отправил на соседние высоты для атаки на уксиев при их отступлении.

Не теряя времени, Александр повел войско к горным проходам и обрушился на горцев. Перепуганные уксии, не приняв боя, обратились в бегство; многих уничтожили македоняне, часть разбилась в пропасти, а остальные были атакованы воинами Кратера. По свидетельству Птолемея, мать Дария Сисигамба вымолила у Александра прощение уксиям и разрешение остаться им жить на землях предков. Так как денег пастушеское

племя горцев не имело, македонский царь обложил их натуральной данью: 100 лошадей, 500 вьючных животных и 30 тыс. овец в год [Арр., III, 17, 6].

В других источниках события описываются иначе. Александр безуспешно осаждал безымянный город-крепость уксиев, защитой которого руководил Мадет (или Мадат), родственник Дария. Долгое время провел македонский царь под стенами города, пока часть его войска (1500 наемников и 1 тыс. агриан) под командованием Таврона не обошла осажденных со стороны крутых скал, господствовавших над крепостью. Только тогда уксии попросили о посредничестве мать Дария, которая спасла горцев и их предводителя от гнева Александра [Диод., XVII, 67, 4—5; Курц., V, 3, 15].

Но благополучный переход через земли уксиев не означал конца испытаний для македонского войска. Александр решил кратчайшим путем достичь Персеполя, поэтому сам во главе македонской пехоты, конницы, разведчиков, агриан и лучников спешно двинулся через горы, отправив Парменнона с другой половиной войска (тяжелая пехота, фессалийская конница, обозы) проезжей дорогой в том же направлении [Арр., III, 18, 1—2].

Подойдя к Персидским воротам, Александр нашел ущелье перегороженным стеной из камня; за ней располагалось войско сатрапа Ариобарзана в 40 тыс. пехоты и 700 всадников, стоявшее здесь лагерем. Македоняне также разбили лагерь. На следующий день они подошли к стене, но, убедившись, что штурмом ее взять невозможно, отступили. Воины Ариобарзана хорошо охраняли стену и с помощью машин, установленных наверху, метали в противника камни — многие македоняне получили раны [Арр., III, 18, 3—4].

Царь не знал, что предпринять дальше, когда пленные сообщили, что есть другая дорога, идущая в обход Ворот, правда узкая и трудная, но по ней можно выйти в тыл персам. Александр принял решение двинуться по этой дороге, а чтобы у противника не возникло подозрений, оставил полки Кратера, Мелеагра, отряд лучников и 500 всадников для штурма стены.

Выступив под покровом ночи, Александр, ведомый пленными, с щитоносцами, полком Пердикки, лучниками, агрианами и легкой конницей прошел 100 стадий по горной дороге. До рассвета он уничтожил первый сторожевой пост персов, на втором — перебил большинство воинов, на третьем — все вражеские солдаты убежали в горы, так что Александр напал на персидский лагерь неожиданно. А в это время трубы подали условный сигнал Кратеру, и его воины бросились на штурм стены.

Войско Ариобарзана оказалось между двух огней, теснимое с тыла обошедшим его Александром, а с фронта — Кратером. Не приняв боя, Ариобарзан бежал с немногими всадниками в горы. Много персов погибло от рук македонян, многие во время бегства срывались с крутых скал в пропасть [Арр., III, 18, 4—9].

Таков рассказ Арриана о взятии Персидских ворот, но есть и другая версия этих событий, показывающая, что македонский царь был не столь удачлив, как это представлено в апологетическом варианте.

Прежде всего войска у Ариобарзана было гораздо меньше — 25 тыс. пехоты и 300 всадников. Персы не препятствовали проходу македонян в ущелье, но, как только противник оказался зажат с двух сторон горами, атаковали его, бросая сверху камни и осыпая стрелами. Македонское войско сильно пострадало, а персы не имели даже раненых.

Александр вынужден был отойти от ущелья на 300 стадий (в других источниках — на 30 стадий) и стать лагерем. Но судьба выручила Александра: к нему пришел ликиец-пастух, когда-то попавший в плен к персам и хорошо знавший эти места. Он повел македонян в обход перевала по глубоким снегам, пропастям и ущельям. Концовка этого рассказа вполне совпадает с арриановской: три сторожевых поста персов были сметены, войско противника обратилось в бегство, Александр овладел проходом [Диод., XVII, 68, 1—7; Курц., V, 4, 10—27].

Что, на наш взгляд, может вызвать сомнение в изложении этих событий античными авторами разных направлений? Маловероятно, чтобы Ариобарзан смог выставить 40-тысячное войско для защиты Ворот (Арриан); другие источники называют только 25 тыс. Далее, если рассмотреть расположение армии Александра и отрядов Ариобарзана, нетрудно заметить, что персы обладали преимуществом до тех пор, пока македоняне не обошли их с тыла. Поэтому уместно согласиться с историками критического направления, указывающими на значительные потери в македонском войске.

Вообще, апологетическая традиция тем и отличается от критической, что везде старается подчеркнуть превосходство Александра над противником и сообщает малые потери греков и македонян по сравнению с персами и прочими «варварами». Критическая же ради усиления динамики событий постоянно дает больше кровавых битв и как следствие этого — большой урон с обеих сторон. Однако греческий историк В. Лаурдас пишет, что все это ни в коей мере не умаляет величия Александра, который представлен как любимец богов и судьбы, чье покровительство позволяет ему шествовать победоносно по миру и завоевывать его [27].

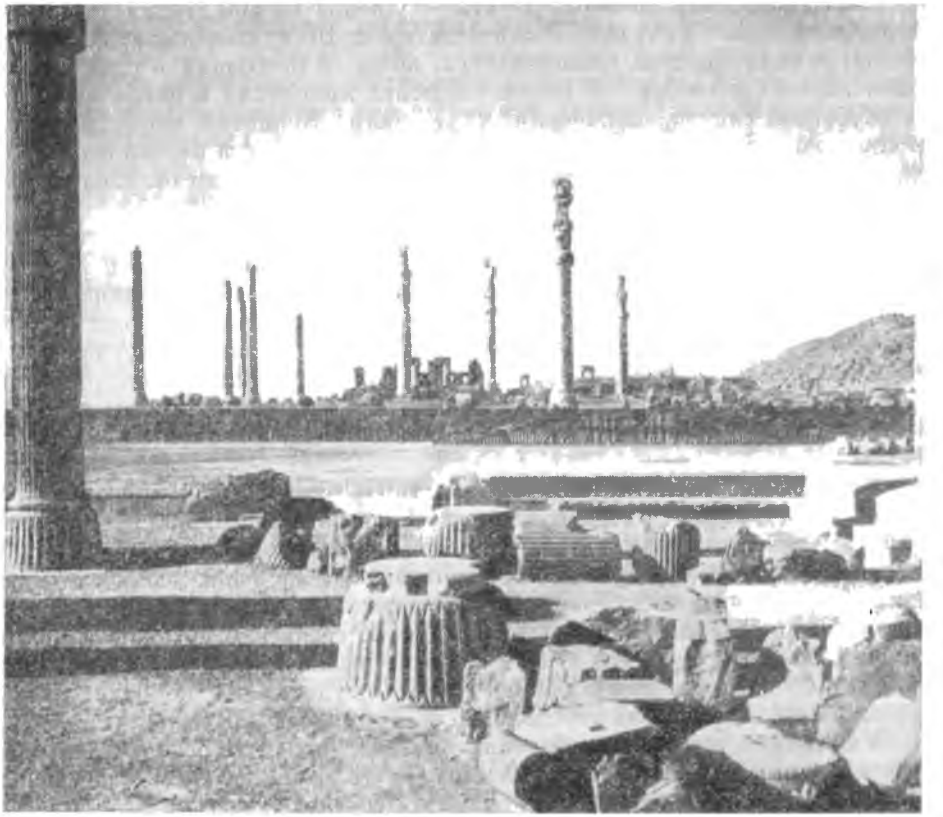
Уничтожив войско Ариобарзана на подступах к Персиде, Александр перевел армию по наведенному Аминтой, Филотой и Кеном мосту через Аракс (Бунд-Амир) и быстро двинулся к Персеполю.

Письмо, полученное Александром от Тиридата, хранителя персидских сокровищ в Персеполе, призывало царя как можно скорее прибыть в город, пока стража и местные жители не расхитили казну [Арр., III, 18, 10; Диод., XVII, 69, 1; Курц., V, 5, 2]. Ускорив движение походных колонн, Александр успел вовремя войти в Персеполь и овладеть главными сокровищами персидских царей.

Таков перечень событий, приходящихся на 330 г. до н. э., когда Александр, достигнув середины Азии, находился на полпути между Геллеспонтом и Индией. Но сухой исторический факт под пером античных историков приобретает живое, осязаемое звучание, переносящее нас к тем далеким временам, когда уставшее от длительных переходов и сражений греко-македонское войско достигло сердца Азии — Персеполя, символа могущества и богатства древней Ахеменидской династии.

Александр был уже недалеко от города, когда заметил необычную процессию немолодых искалеченных людей. Вид их был жалок и ужасен, особенно для греков и македонян, признавших в несчастных своих соотечественников. Это были пленные эллинские ремесленники (по свидетельству одних источников — 800 человек, по другим — 4 тыс.); персы преднамеренно их изувечили, оставив только ту часть тела, которая была необходима для работы, и отрубив все остальное во избежание возможного побега.

Калеки-ремесленники стали молить Александра о помощи и заступничестве. Македонский царь был готов оказать им любое содействие, вплоть до отправки на родину, но греки попросили у Александра материальной



Развалины Персеполя

поддержки для домашнего устройства, так как преклонный возраст и увечья не позволяли им пуститься в столь далекое путешествие. Александр щедро одарил несчастных калек, выдав каждому по 3 тыс. драхм, по 5 одежд (мужских и женских), по 2 пары волов, по 50 овец и по 50 медимнов пшеницы, а также освободил от уплаты царских податей [Диод., XVII, 69, 1—9, Курц., V, 5, 1—24].

Эта трогательная сцена совсем отсутствует у авторов проалександровской традиции, но очень подробно описывается историками критического направления, вставившими ее как оправдание сожжения и разграбления Персеполя, «самого враждебного из азиатских городов» [Диод., XVII, 70, 1].

Сожжение Персеполя — кульминационный пункт греко-македонского похода отмщения, поэтому древние авторы подробно комментировали это событие. Обратимся к свидетельствам источников.

Осторожный Арриан писал, что Александр сжег дворец Ахеменидов в виде мести персам за разрушение Афин и храмов во время их вторжения в Элладу, хотя Парменион и предостерегал царя от столь необдуманного поступка, говоря, что нехорошо губить собственное имущество и что он пришел в Азию как властитель, а не как грабитель. Далее греческий историк пишет, что «Александр действовал безрассудно и не было

здесь никакого наказания персам» [III, 18, 11—12]. Видимо, сам Арриан сомневался в том, что Александр сжег Персеполь из побуждений мести — скорее это был продуманный политический акт, призванный показать близкий крах персидского владычества. И вифинийский грек сурово осуждает македонского царя за безрассудный поступок.

Плутарх, стараясь оправдать царя за гибель персепольского дворца, винит во всем разгульную жизнь сподвижников Александра, которые везли за собой гетер; одна из них, Фаида, любовница Птолемея Лага, будущего царя Египта, в пьяном экстазе предложила уничтожить дворец персидских царей. А так как все были пьяны, то, схватив бездумно факелы, бросились поджигать его. Когда царь поднес зажженный факел к дворцу Ахеменидов, это вызвало всеобщий восторг окружающих, решивших, что царь не собирается жить среди «варваров», а думает о возвращении на родину. Как пишет Плутарх, царь вскоре пожалел об этом и велел тушить пожар [Алекс., 38], но слишком поздно: деревянные части перекрытий сгорели и рухнувшая крыша довершила гибель дворцового комплекса.

Рассказ о гибели персепольского дворца, приводимый Плутархом, присутствует с некоторыми вариациями у Диодора [XVII, 72, 1—6] и Курция [V, 7, 3—7], также подчеркивающих, что виной всему было опьянение Александра, который позже сожалел о случившемся и будто бы сказал, что бо́льшим наказанием персам было бы видеть его восседающим на троне Ксеркса. Итак, Плутарх, Диодор и Курций едины в мнении, что сожжение Персеполя — дань минутному настроению победителя, опьяненного успехом. Арриан, наоборот, указывал, что уничтожение Персеполя — продуманный поступок, обращенный одновременно к грекам и персам. Первым он показывал, что пришел конец восточному походу отмщения, а вторым — что близок крах персидской монархии [28].

Ряд авторов расценивают гибель Персеполя с арриановских позиций, хотя и не отвергают мнение Плутарха о запоздалом раскаянии царя. На Западе широко распространено мнение, что Персеполь — тот географический рубеж, за которым простираются дикие области Азии, куда македонский царь принес образованность, приобщив «варваров» к культуре [29]. Однако в так называемых варварских областях была своя самобытная древняя культура, градостроительная традиция и специфический уровень военной техники, соперничавшей с греко-македонской. Достаточно упомянуть, что непобедимая македонская фаланга, последний раз в полной мере использованная в битве при Гавгамелах [30], больше нигде не была применена Александром, ибо оказалась неприемлемой в условиях «малой войны», которую пришлось вести завоевателю после Персеполя.

Как же повел себя Александр в Персеполе, на исконно персидской земле?

На этот счет сведения источников противоречивы. Арриан вообще не сообщает никаких подробностей о Персеполе, ограничиваясь замечанием, что Александр сжег дворец персидских царей и захватил там сокровища, так же как и казну в Пасаргадах, и что сатрапом Персиды он поставил Фрасаорта [III, 18, 10—12]. Очевидно, краткость сообщения Арриана о пребывании македонского царя в Персиде объясняется тем, что греческий историк римского времени хотел подчеркнуть важность поимки Дария как последнего препятствия на пути к обладанию Азией. В этом смысле персепольский эпизод для него — не более чем символ краха персидского могущества.

В других источниках дело представлено иначе, ибо с падением Персеполя кончается совместный поход отмщения греков и македонян на Вос-

ток и открывается новая страница истории — превращение македонского царя в восточного владыку, преемника Ахеменидов.

Плутарх пишет, что в Персеполе произошло страшное избиение пленных, что сам Александр отдал приказ убивать людей (Плут., Алекс., 37]. Диодор к этому добавляет, что царь, «относясь враждебно к местным жителям... решил совершенно уничтожить Персеполь» [XVII, 71, 3]. Македонские воины бросались друг на друга с оружием, если не могли поделить захваченное. Насытившись грабежом и насилием, солдаты убивали пленных и бедняков, с которых нечего было взять. А жители Персеполя, не видя спасения, кончали жизнь самоубийством, бросаясь с городских стен или сжигая себя заживо в своих жилищах. И так продолжалось до тех пор, пока Александр не отдал распоряжения прекратить грабеж [Курц., V, 6, 1—8].

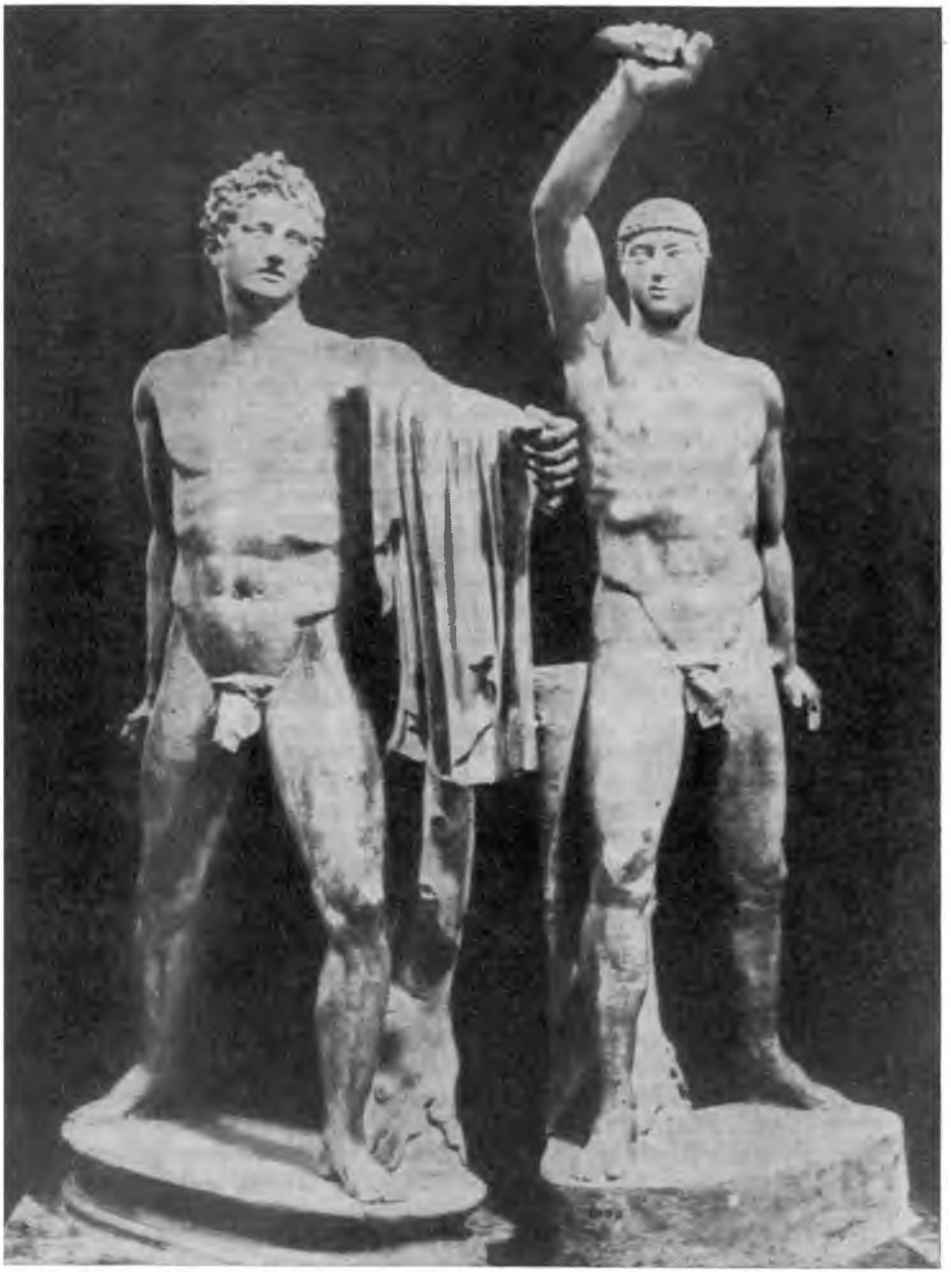
Сокровища, захваченные Александром в Персеполе, по некоторым сведениям, составляли 120 тыс. талантов, не считая драгоценной утвари и прочего добра [Диод., XVII, 71, 1; Курц., V, 6, 9], для перевозки которого понадобилось 10 тыс. парных подвод и 5 тыс. верблюдов, доставленных из Суз, Вавилона и Месопотамии [Плут., Алекс., 37].

Очень интересно свидетельство Плутарха о том, как македонский царь впервые сел на трон Ахеменидов под золотым куполом и как один из его приближенных воскликнул: «Какой радости лишились эллины, умершие раньше, чем увидели Александра воссевшим на трон Дария!» Любопытен и другой описанный им эпизод: Александр долго простоял у поверженной на землю статуи Ксеркса, считая это расплатой за разорение Эллады [Алекс., 37].

Завладев богатствами Востока, Александр стал щедро раздавать их своим приближенным. Олимпиада в письмах не раз упрекала сына, пеняя ему на то, что «друзей» «он делает почти царями, а себя оставляет одиноким». Но царские милости все сыпались на приближенных: Пармениону он отдал в собственность дом Багоя (возведшего на престол Дария III Кодомана), в котором нашли только одежд на 1 тыс. талантов, а сыну сатрапа Вавилонии Мазея он обещал отдать в управление еще одну сатрапию, в дополнение к той, которой тот уже управлял. Матери и Антипатру в Македонию он также отправлял богатые дары [Плут., Алекс., 39]. Даже рядовых воинов Александр не обходил своим вниманием. Однажды, увидев, как солдат из последних сил тащил тяжелый мешок с золотом, он подбодрил его словами: «Отнеси это себе...» Курций упоминает о почете, которым был окружен Тиридат, хранитель персепольских богатств, сбереженных им для Александра [V, 6, 11].

Однако то, от чего предостерегала Олимпиада сына, произошло очень скоро: обретя власть и богатства, «друзья» царя стали тяготиться походами, предпочитая битвам праздный образ жизни. Видимо, уже после Персеполя сподвижники Александра в своем большинстве восприняли продолжение похода на Восток как неприятную обузу, мешающую насладиться властью и достатком; планы завоевания мира их не прельщали; глухое недовольство политикой царя зафиксировано в источниках после Персеполя [31].

Желая представить рост оппозиционных настроений в среде военачальников как личный конфликт, Плутарх пишет, что они утопали в наслаждениях и вели недопустимый образ жизни: теосец Гагнон носил сапоги, подбитые серебряными гвоздями, Леоннату песок для гимнасия везли караванами из Египта, Филота заказал для охоты сеть длиной в 100 стадий [Алекс., 40]. Все это царь не одобрял. Но поскольку Александр



Гармодий и Аристогитон. Скульптурная группа, увезенная персами из Греции и возвращенная на родину Александром после взятия Персеполя. Национальный музей. Неаполь

гнался за славой, т. е. за властью над миром, а «друзей» больше привлекали земные радости, конфликт между царем и приближенными нарастал.

Зиму 331/30 г. до н. э. Александр провел в Персеполе [32]. Источники эту продолжительную задержку объясняют желанием царя дать войску отдых [Плут., Алекс., 37] и покорить прочие города Персиды [Диод., XVII, 73, 1]. На наш взгляд, Александра задержало не это, а грозные события в тылу — в Греции и Фракии, о которых речь пойдет ниже.

Александр посетил гробницу Кира Старшего, основателя персидской державы, в Пасаргадах, ритуальном центре и бывшей столице Ахеменидов. По преданию, Кир, одержав верх над Астиагом-мидянином и вырвав у него власть над Азией, основал здесь город и воздвиг дворец в память о победе [Страб., XV, 730]. В отношении Пасаргад есть единственное свидетельство, по которому город был сдан Александру наместником Гобаром и царь получил там сокровищ на 6 тыс. талантов [Курц., V, 6, 10].

Поскольку Пасаргады были не только резиденцией Кира, но и местом сакрального поклонения персов, Александр отдал приказ Аристобулу украсить гробницу надлежащим образом. Как сообщает Аристобул, когда он проник туда через узкий проход, он увидел золотое ложе, стол с кубками, золотой саркофаг и множество одеяний и украшений с драгоценными камнями. Тот же источник свидетельствует, что на ложе была надпись: «Человек! Я — Кир, создатель державы персов, и я был царем Азии. Поэтому не завидуй мне за этот памятник». Рассказ Страбона приводит и Арриан [IV, 29], но относит его ко времени возвращения Александра из индийского похода, когда грабители уже унесли из гробницы все ценное, а труп выбросили.

Для нас не имеет значения, сколько раз Александр посетил могилу Кира в Пасаргадах. Важнее другое — забота царя о персидской святыне, уважительное отношение к чужому религиозному культу. Это была дальновидная политика опоры на служителей культа и представителей местной аристократии, которые все шире привлекались македонским царем на службу новой власти.

Задержавшись на четыре месяца в Персеполе, Александр не проводил время праздно. Так, вопреки обычаям древних не проводить военных операций зимой он «отправился к другим персидским городам, одними овладел силой, других привлек к себе добротой» [Диод., XVII, 73, 1] [33].

Не представляется возможным детально выяснить, что и как покорял Александр в Персиде, поскольку основные источники об этом почти ничего не пишут. Арриан и Плутарх, описав пребывание Александра в Персеполе, сразу переходят к событиям в Мидии, считая, видимо, что овладение Экбатанами, летней резиденцией персидских царей, — более важная веха восточной кампании, чем покорение недружелюбных горцев Персиды. Только Курций свидетельствует, что, назначив Никархида начальником гарнизона Персеполя и передав в его распоряжение отряд в 3 тыс. македонян, оставив значительную часть войска и обозы под руководством Пармениона и Кратера, Александр с тысячью всадников и отрядом легковооруженных пехотинцев отправился на покорение племен центральной части Персиды. Снег, холод и бездорожье мешали продвижению горстки смельчаков во главе с царем, но они, преодолев все невзгоды, вышли к человеческому жилью. Увидев вооруженных людей, местные жители бежали в горы. Александр через пленников убедил их возвратиться к жилищам, и они сдались на милость царя [Курц., V, 6, 11—16].

Разорив поля Персиды и покорив много селений, царь пришел к племени мардов, горцам Персиды, очень воинственным. Очевидно, они были завоеваны силой, так как Курций сообщает, что и «это племя укротил удар Судьбы». На тридцатый день от начала экспедиции царь возвратился в Персеполь [Курц., V, 6, 17—19]. Тот же историк пишет, что, вернувшись из похода на мардов, Александр раздал почти все, что приобрел в Персеполе, солдатам [V, 6, 19].

Разумеется, свидетельство Курция не следует понимать буквально. Ведь не мог же царь раздарить воинам все сокровища Ахеменидов — 120 тыс. талантов, доставшиеся ему в Персеполе. Правда, после захвата Суз, Персеполя, Пасаргад Александр стал сказочно богат, имея в руках ценностей на общую сумму в 180 тыс. талантов, в то время как Дарий сумел унести лишь 8 тыс. талантов при поспешном бегстве в Мидию [Страб., XV, 731].

Персеполь, центр древнеперсидской державы, занимал многих исследователей: историков, археологов, искусствоведов, с разных сторон изучавших величественные руины дворцового комплекса, не имевшего себе равных на Востоке.

Персепольский дворец был олицетворением могущественной державы Ахеменидов в пору ее наивысшего расцвета. Строительство этого уникального сооружения началось при Дарии I (520 г. до н. э.), продолжалось почти 60 лет и закончилось при Артаксерксе I (460 г. до н. э.).

Археологические раскопки Персеполя подтвердили свидетельства античной историографии о пожаре дворца, под развалинами которого были погребены и величие ахеменидской державы, и бесценные творения древних зодчих. Руины стоколонной ападаны — царского зала приемов — до сих пор удивляют своими размерами, но безжалостное время поработало над жемчужиной персидского зодчества, и выразительные развалины позволяют лишь угадывать контуры великолепного сооружения [34].

Но некоторые исследователи, постоянно ищущие подтверждения тезиса: «греки — это европейцы, персы — азиаты», уничтожение Персеполя понимают только как логический крах средневосточной цивилизации (ассиро-мидийской и персидской), в силу этнической принадлежности ее представителей лишенной творческих порывов и обреченной на гибель [35]. С их точки зрения, Александр выступал в роли мстителя за Элладу и вместе с тем нес семена греческой образованности на Восток.

Подобное понимание закона преемственности и деление наций на отжившие и мужающие, столь характерное для гегельянства, в полной мере прослеживаются в работах отдельных исследователей античности, несмотря на некоторое расхождение в оценке источников. Важно не то, что одни авторы не приемлют свидетельства Диодора и Плутарха о сожжении персепольского дворца гетерой Фаидой, видя в лозунге отмщения официальную пропаганду, а другие во всем винят обстоятельства и полностью принимают клитарховскую традицию [36]. И те и другие признают особую, исключительную роль македонского царя в насаждении эллинской образованности на окраинах Азии и создании очагов цивилизации. В этом смысле, по мнению ряда авторов, Персеполь — поворотный пункт истории, в котором, как в фокусе, сконцентрировались многие аспекты деятельности Александра: месть за поругание Эллады, уничтожение персидской державы, окончание завоевательного похода по областям древних цивилизаций и исполнение основного предназначения македонского царя — покоряя, сеять семена образованности на далеких окраинах ойкумены [37]. Отсюда происходит и утверждение немарксистской историографии о том,

что Александр — «пионер цивилизации», стремящийся к «единомыслию» Востока и Запада.

На чем же основывается это утверждение?

Прежде всего, на широко известных словах Плутарха о желании македонского царя смешать обычаи и нравы, приобщить к культуре людей, живших примитивной и дикой жизнью [О счастье или о доблести ..., А, 5]. Далее, на сообщении Диодора о том, что Александр намеревался строить города со смешанным населением, перемещать народы из Европы в Азию, дабы привести континенты к дружбе и братству [XVIII, 4, 35]. И в довершение — на указании Арриана, что царь молился о «согласии и единомыслии царств македонского и персидского» [VII, 11, 9].

Нетрудно во всех приведенных высказываниях античных историков увидеть идеи официальной пропаганды того времени, сформулированные в придворных дневниках, регистрировавших наиболее значительные события царствования Александра. Понятно, что в целях пропаганды поход на Восток должен был быть представлен как идейное мероприятие освобождения, отмщения и насаждения культуры, что и отразили в своих сочинениях античные авторы, из соображений политической необходимости своего времени не назвавшие действительных причин грандиозной эпопеи греков и македонян, устремившихся на Восток в поисках новых земель и богатств.

Никто из древних авторов, оставивших нам историю похода Александра, не был его современником; все созданное о македонском царе отстоит от описывавшихся в этих сочинениях событий на три-пять веков, в течение которых эллинистические монархии пережили подъем, расцвет и упадок, быстро обнаружив свои пороки, приведшие к превращению огромных территорий Азии и Африки в провинции Римской империи.

Здесь уже видна некая преемственность задач античной историографии на разных этапах: в пору Александра идеями «единомыслия» и просветительства затушевывали захватнические цели восточного похода; во времена консолидации Римской империи также подчеркивались задачи «согласия» и «процветания», которые Рим якобы провозгласил критерием внешней политики. Эту официальную точку зрения поддерживали многие античные историки, и все они возвеличивали Александра Македонского ради потребностей своего времени.

Страбон, понтийский грек, хвалил римские порядки в Египте и превращение независимого царства в провинцию, которая хотя и платила значительные подати римлянам, но управлялась благоразумными префектами, посылаемыми туда время от времени [XVII, 797]. Подобные рассуждения о пользе римского владычества звучат и у Павсания в применении к Элладе, когда он прославляет императора Адриана, более всех других приложившего усилий, чтобы осчастливить своих подданных [I, 5, 5]. Курций также всячески восхвалял римскую власть, которая, например, для разрушенного Александром Тира была спасительной, так как при гуманном владычестве римлян город продолжительное время пользовался миром, содействовавшим всеобщему процветанию.

Поэтому идеи «единомыслия» и «братства» между народами, настойчиво пропагандируемые античной историографией[38], воспринимаются марксистами как утопия своего времени, не отражавшая реального соотношения движущих сил рабовладельческого общества, основанного на социальном неравенстве и жестокой эксплуатации основных производителей материальных благ — рабов Понятно, что античные историки, являвшиеся представителями правящего класса, не интересовались проблемой ра-

бовладения, считая незыблемым тот строй, который достался им от отцов. Но рост рабовладения в эпоху эллинизма несомненен, и это, возможно против желания древних авторов, отражено в их трудах.

Разорение городов Востока, поголовное обращение в рабство местного населения, гибель огромных материальных ценностей — таков путь Александра Македонского, отмеченный на карте Азии дымом пожарищ и кровью.

Марксистская историческая наука не отрицает значительного греческого влияния на Востоке, но с существенными оговорками. Прежде всего это влияние затронуло, в сущности, лишь городские центры, где была сосредоточена основная масса греко-македонского и эллинизированного населения, и почти не распространилось на сельские районы, χώρα (хора), сохранившие «варварские» традиции. Наличие многих чисто туземных центров, особенно в среднеазиатских областях, также иллюстрирует это положение. Кроме того, признавая эллинизм как понятие синкретическое, советская историческая наука указывает на длительный процесс взаимопроникновения Запада и Востока, относящийся не к периоду похода Александра, а к позднему времени, когда закончился распад его мировой державы и на ее развалинах выросли эллинистические монархии и эллинизированные государственные объединения [39]. Понимать же процесс эллинизации Востока как одномоментное действие [40], связанное с приходом войска Александра в глубины Азии, более чем рискованно. Ведь этот процесс, начавшийся в IV в. до н. э., продолжался вплоть до середины II в. до н. э.

Идею «единомыслия» греков, македонян и персов следует понимать как политический расчет завоевателя, желание найти опору в покоренных областях. Ведь правящий греко-македонский класс и туземная знать Востока очень скоро нашли общий язык. В этом не было ничего удивительного, так как Александр покровительствовал местным аристократам и жречеству. Но появление объединенного класса господ, «эллино-персов», не было показателем быстрого усвоения греческой культуры на Востоке, а, наоборот, указывало на постепенность взаимодействия эллинских и ориентальных начал.

Действительно, Персеполь — поворотный пункт деятельности Александра на Востоке. Здесь кончились полномочия македонского царя как стратега-автократора Коринфского союза, облекшего Александра неограниченными правами вождя эллинов в совместном походе отмщения на Восток. Начиная с этого рубежа македонский царь продолжил поход от своего имени, от имени законного наследника Ахеменидов. Он охотно восседал на персидском троне, в число приближенных допускал «варваров», применял восточный ритуал поклонения, рядился в персидские одежды — в общем, менялся на глазах своих подчиненных, увидевших бездну, отделявшую их от царя, превратившегося в восточного монарха.

Античная историография приводит достаточно примеров трансформации македонского царя — выборного вождя военной дружины — в коварного, надменного, подозрительного деспота, усвоившего все самое худшее на Востоке и тем повредившего своим планам и своей славе [Плут., Алекс., 47; Курц., III, 12, 19].

Объективно греко-македонский поход на Восток способствовал проникновению туда развитых форм рабовладения, денежного обращения, греческой культурной традиции, но все это налагалось на местную почву, которая взрастила доселе неведомое явление — эллинизм, синтез эллинских и восточных начал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КРАХ ПЕРСИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

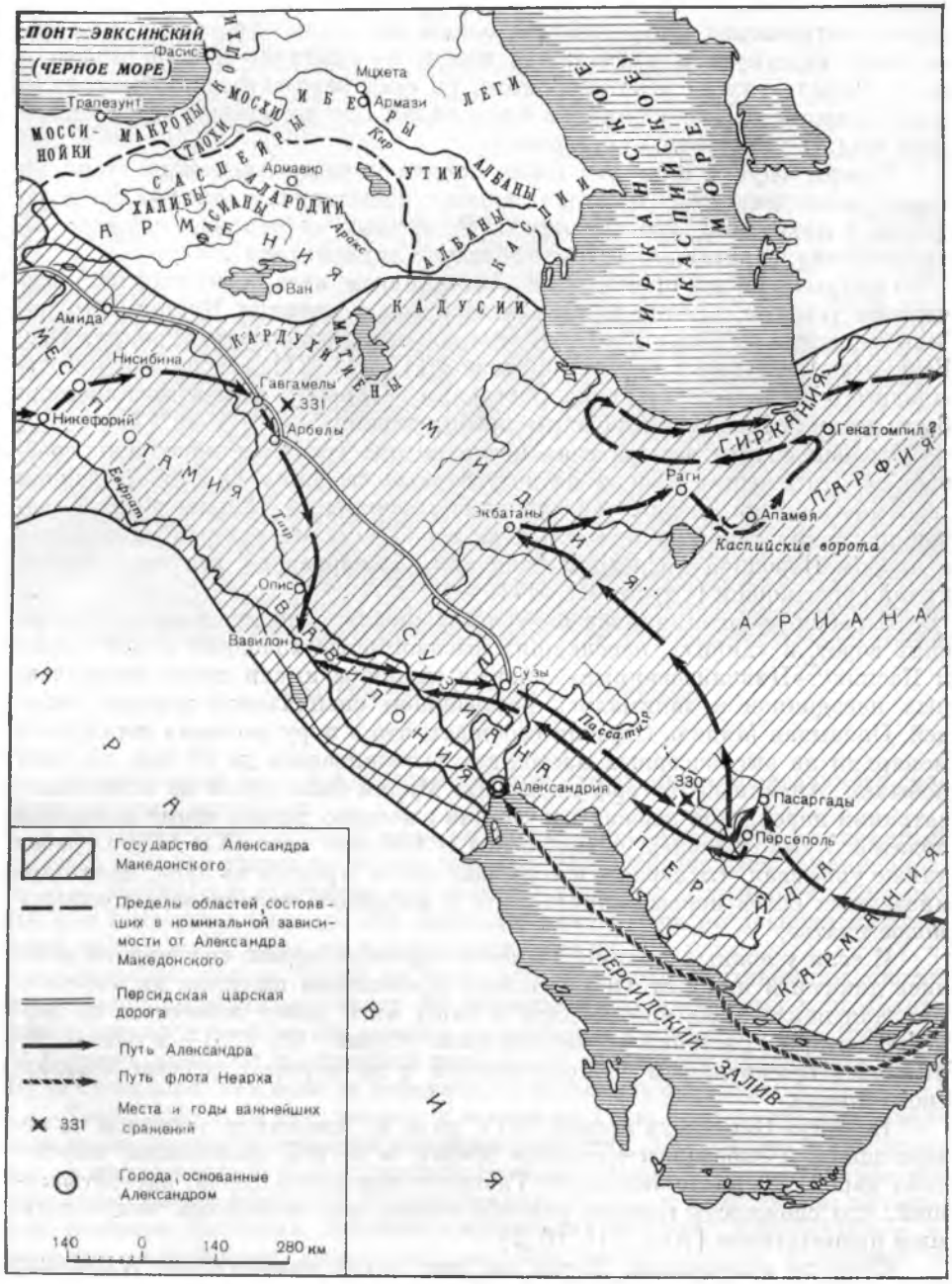
Одержав победу в сражении при Гавгамелах, Александр достиг желаемого — стал полновластным владыкой Азии. Однако существование последнего Ахеменида продолжало быть помехой для выполнения честолюбивых замыслов македонского царя. Вполне закономерен вопрос: почему Александр оставался в Персеполе четыре месяца и не торопился в Экбатаны для поимки Дария?

Непоследовательность Александра — преследование Дария после сражения до Арбел и утрату интереса к персидскому царю впоследствии — источники объясняют необходимостью дать отдых солдатам и желанием царя покорить прочие города Персиды [Плут., Алекс., 37; Диод., XVII, 73, 1]. Но подобное толкование причин задержки Александра в Персеполе неубедительно, так как стратегия македонского полководца в азиатском походе предусматривала стремительное продвижение вперед основного войска и окончательное завоевание оставшихся в тылу территорий силами гарнизонов, переданных в распоряжение вновь назначенных сатрапов. Так было неоднократно в Малой Азии, так произошло и с Арменией, получившей сатрапа до ее покорения [Арр., III, 16, 5]. Очевидно, что-то другое удерживало Александра в Персеполе, мешая скорейшему осуществлению его мечты — стать владыкой мира.

Серьезную угрозу для реализации планов Александра на Востоке представляли события в Греции, Македонии и Фракии, которым античная историография уделила недостаточно внимания.

Положение наместника Македонии Антипатра было весьма сложным: в Южной Греции разгорелось восстание Агиса, призывавшего всех греков последовать примеру Лакедемона и начать борьбу против македонского засилья. В это же время заволновались фракийские племена, во главе которых стал Мемнон, которого Александр ранее назначил правителем «варваров». Диодор сообщает, что Мемнон совершил переворот во Фракии [XVII, 62, 3—4] и что Антипатр «со всем войском» начал с ним войну; закончив ее «кое-как», он двинулся в Пелопоннес против Агиса [XVII, 63, 1]. Агис погиб в сражении у Мегалополя (осенью 331 г. до н. э.), фракийцы были усмирены, но не полностью, так как одрисский царь Севфт III сумел добиться восстановления своего царства [Диод., XIX, 73, 8] и даже посылал посольство в Афины для подтверждения дружественных отношений с ними; сохранился незначительный фрагмент договора афинян с фракийцами [1].

Следовательно, Александр вынужден был задержаться в Персеполе на четыре месяца не только потому, что отказался от поимки Дария и продвижения на Восток, но и вследствие мощных антимакедонских выступлений в Греции и во Фракии, с которыми Антипатру удалось справиться при максимальном напряжении сил и благодаря материальной



Вавилония и Ариана

помощи, полученной от Александра [App., III, 16, 10]. И только когда угроза всегреческой и фракийской войны миновала, Александр смог облегченно вздохнуть и продолжить поход, не опасаясь нового взрыва в тылу. Накал вражды угас на Западе, но стал разгораться на Востоке, в среде ближайших сподвижников Александра, обеспокоенных стремлением царя создать универсальную державу.

Теперь, спустя пять лет после начала похода, Александр стоял на пороге непредвиденных и самых трудных испытаний, выпавших на долю греков и македонян при покорении Восточных сатрапий,— мощного сопротивления, охватившего многие области Средней Азии [2].

Оглядываясь на пройденный Александром путь, отмеченный неизменным успехом, вполне можно согласиться с мнением Курция, что победы македонского царя в трех генеральных сражениях (Граник, Исс, Гавгамелы) достались ему легкой ценой [III, 11, 27], а основные тяготы ждали его в неведомых землях Востока, о которых у греков того времени были весьма сбивчивые и неясные представления.

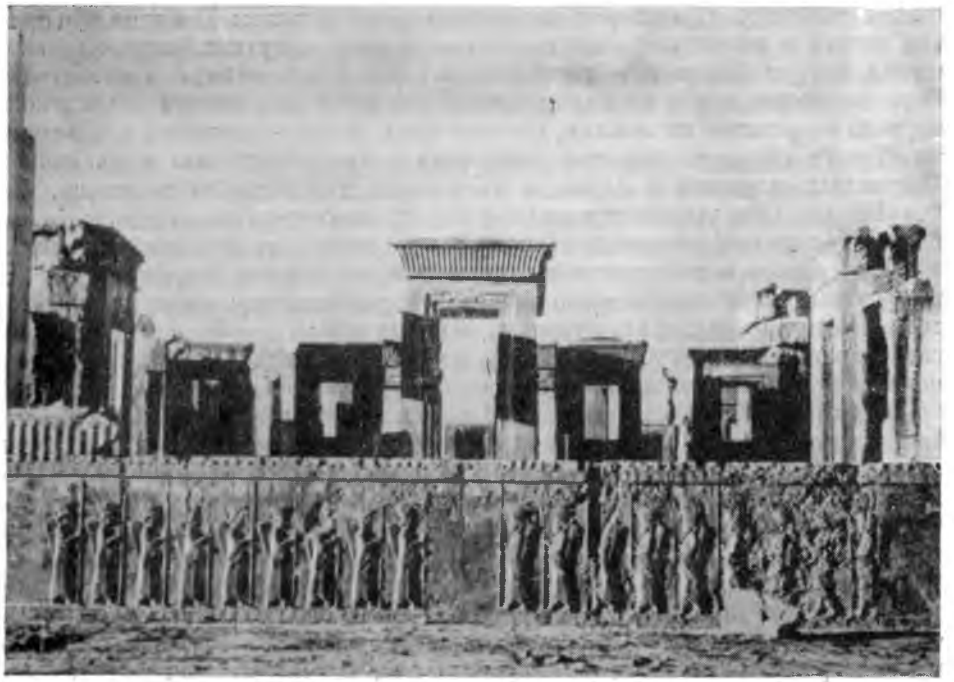
Страбон спустя четыре века после похода греков и македонян сообщал об этих местах далеко не достоверные сведения [XI, 508], черпая свой материал из предшествовавших ему сочинений. Однако и сам Страбон не изжил традиционного взгляда греко-римских авторов на племена и народы Передней и Средней Азии как на «варваров», ведущих разбойничий образ жизни [Страб., XI, 517].

Страбон делит мидийцев на «благородных», живших южнее Каспийских ворот, и «диких», населявших высокогорные холодные земли ближе к Каспию. «Цивилизованные», южные мидийцы имели славу великолепных наездников и занимались разведением специальной породы лошадей. Описывая Мидию, Страбон сообщает, что в пору расцвета персидской монархии на высокогорных пастбищах выращивалось до 50 тыс. царских кобылиц. Античный географ писал, что Мидия была одной из важнейших сатрапий персидской державы и что она ежегодно давала кроме денежных податей 3 тыс. лошадей, 4 тыс. ослов и 100 тыс. овец [XI, 525]. Страбон также указывал, что страсть к верховой езде и стрельбе из лука, почитание иноземных богов персы заимствовали у мидийцев, так же как и длиннополое платье.

И если у южных мидийцев многое переняли персы, то северные остались дикими и нищими. Они питались древесными плодами, из жареного миндаля пекли хлеб, употребляли в пищу мясо диких животных, из корней некоторых растений выжимали вино [Страб., XI, 526] — в общем, занимались примитивным собирательством и не перешли рубежа «варварской» жизни.

Покинув Персеполь весной 330 г. до н. э., Александр двинулся на северо-запад, к Экбатанам — столице Мидии и летней резиденции персидских царей, где после бегства от Гавгамел находился Дарий, рассчитывавший, что сложность горного рельефа станет для македонян непреодолимым препятствием [App., III, 16, 2].

Судя по источникам, Дарий все еще питал надежду, что Александр удовлетворится обладанием Вавилонией и Персидой и захватом ахеменидских сокровищ. К тому же персидский царь, видимо, знал о восстании фракийцев и выступлении Лакедемона. Дарий собирал новое войско и готовился к очередному сражению с греками и македонянами. Добровольно сдаться противнику он считал позором для царя персов; по его мнению, остаться владыкой Восточных сатрапий было вполне подходящей ролью для потомка Ахеменидов [App., III, 19, 1—2]. Таким образом, Дарий допускал



Развалины дворца Дария I в Персеполе

территориальный раздел царства на основе статус-кво, определенного сражением при Гавгамелах.

Но расчеты персидского царя не оправдались. Александр, опьяненный удачей, уже помышлял не только о покорении всей державы Ахеменидов, но и об Индии, о владычестве над миром, о выходе к восточному краю земли и к Внешнему Океану. Эти заветные мечты царь не доверял никому, зная, что ни командиры, ни войско не одобрят их.

Очевидно, считая Дария не столь уж серьезным противником, апологетическая традиция оставляет без внимания его намерение подготовить новое войско и померяться силами с греками и македонянами у Экбатан. У Курция, наоборот, персидский царь полон решимости продолжать борьбу за единовластие и если не победить, то погибнуть с честью.

Дарий собрал 30 тыс. пехоты, в том числе 4 тыс. греков, «до конца верных царю», 4 тыс. пращников и стрелков из лука, 3300 бактрийских всадников под командой Бесса, сатрапа Бактрии [Курц., V, 8, 3—4]. По источникам, Дария окружали преданные царедворцы и наместники: начальник конницы Набарзан, Артабаз с сыновьями Кофом, Ариобарзаном и Арсамом, Автофрадат, сатрап тапуров, Фратаферн, сатрап Гиркании и Парфии, Сатибарзан, сатрап Арии, Барзаент, сатрап Арахозии и Дрангианы. Ожидалось прибытие пополнений от кочевых племен кадусиев и скифов. Эти силы могли остановить продвижение Александра на Восток. Но верность сатрапов Дарию оказалась относительной, а готовность войска сражаться — сомнительной.

Своеобразное развитие северо-восточных областей персидского царства, платившихъ умеренную дань центральной власти, а в остальном оставав-

шихся самоуправляющимися, подрывало мощь державы. Понятно, что приход греков и македонян был нежелателен для сатрапов, сгруппировавшихся вокруг Дария для организации совместного отпора завоевателю. В то же время никто из них не желал установления власти персидского царя во вверенных им землях, где они были неограниченными правителями. Таким образом, желание задержать врага объединяло наместников Восточных сатрапий и Дария, а полярность интересов разъединяла.

Вполне оправданно стремление персидского царя сохранить хотя бы половину царства, разумным выглядит и его план — предотвратить проникновение греков и македонян в горные районы Мидии, Парфии и Гиркании путем уничтожения всего живого, встречающегося на пути завоевателя. Но при этом Дарий, очевидно, больше думал о себе, чем об интересах сатрапов. Поэтому, уже выйдя из Экбатан навстречу Александру, персидский царь неожиданно повернул вспять и бежал на северо-восток[3], так и не решившись вступить в бой с противником [App., III, 19, 4]. Внезапность действий Дария Арриан оставляет без внимания, а критические источники объясняют тем, что уже в Экбатанах Набарзан, начальник конницы, посоветовал Дарию на время уступить свою власть Бессу, с тем чтобы после победы над македонянами опять принять на себя управление царством [Курц., V, 9, 3—7].

Чего же добивались персидские сатрапы? Видимо, устранения Дария как скомпрометировавшего себя царя, отделения Восточных сатрапий и создания там независимого государства вокруг наиболее богатой и экономически развитой области— Бактрии. О том, что именно так мыслили окружавшие Дария правители, свидетельствуют события, последовавшие за бегством персидского царя из Экбатан. Скорее всего, Дарию, не получившему обещанной помощи от кадусиев и скифов и видевшему враждебное отношение к нему сатрапов, не оставалось иного выхода, как отступать дальше.

По Курцию, Бесс и Набарзан, «разжигаемые страстью к власти», отделились от войска и даже склоняли к измене персов, оставшихся верными царю, так что предводитель греков-наемников Патрон отдал приказ своим воинам быть готовыми к бою [Курц., V, 9, 13—17]. Вполне уместно предположить, что взаимная неприязнь и борьба за власть начались уже в Экбатанах, а не позже, у Каспийских ворот, когда преследуемые Александром мятежные сатрапы ценой выдачи Дария решили получить прощение у македонского царя, как об этом пишут авторы апологетического направления. Вполне допустимо, что Набарзан, Бесс и Барзаент [App., III, 21, 1], наиболее непримиримые противники Дария, вывели свои силы из состава персидской армии, и поэтому в распоряжении царя персов осталось только 3 тыс. конницы и 6 тыс. пехоты, в том числе 4 тыс. греческих наемников [App., III, 19,5].

Александр торопился в Мидию, понимая, что наступил решающий момент его единоборства с Дарием за власть. Быстро миновав Паретакену, область, граничившую на севере с Персидой, Александр покорил ее племена, занимавшиеся частью землепашеством, но не отказывавшиеся от разбоя [Страб., XVI, 744]. Сатрапом он поставил Оксафра (сына Абулита, наместника Суз), выказавшего покорность [App., III, 19, 2].

Известие о том, что Дарий с войском ждет Александра для сражения, пришло к македонскому царю на марше, и он тотчас отдал приказ армии двигаться без остановок, не дожидаясь подхода обозов. На двенадцатый день Александрово войско достигло Мидии. На расстоянии трех дней пути от Экбатан македонское войско встретил Бисфан, сын Оха, сообщивший,

что Дарий пять дней назад покинул Экбатаны и бежал в направлении Каспийских ворот, захватив у мидийцев 7 тыс. талантов.

Александр задержался в Экбатанах ненадолго, но успел осуществить два мероприятия, дающие ключ к пониманию всех его дальнейших намерений.

Во-первых, он отпустил на родину фессалийских всадников и остальных союзников, полностью выплатил им жалованье и прибавил в виде награды 2 тыс. талантов [App., III, 19, 5]. Арриан не дает объяснения поступку царя, как и Диодор, который (смещая события во времени и относя их к моменту гибели Дария) пишет, что Александр отпустил на родину контингенты греческих союзных городов, поблагодарив их за помощь [XVII, 74, 3]. Всем, кто пожелал остаться в его войске, македонский царь выплатил по 3 таланта, и таких оказалось немало [Диод., XVII, 74, 4; App., III, 19, 6].

Это важнейшее мероприятие Александра обычно объясняют тем, что союзники и фессалийцы не хотели более добровольно служить Александру и потому он вынужден был отпустить их домой[4]. Но причина была в другом: совместный поход отмщения персам, предпринятый по решению Коринфского союза, закончился в Персеполе. Следовательно, Александр как гегемон Коринфской симмахии выполнил поставленные союзниками задачи и дальнейшие действия должен был предпринимать от своего имени, а не от лица эллинских союзников. Возникший парадокс — Александр, нуждаясь в воинах, отпустил на родину солдат — объясняется просто: царь, постоянно нуждаясь в наемниках, отказывался от услуг бывших союзников.

Желая оставить у уходящих воинов самое лучшее воспоминание о себе, Александр приказал конной охране сопровождать их до моря, а Менету написал, чтобы тот по прибытии солдат к морскому побережью переправил всех на Эвбею [App., III, 19, 6]. Так было покончено с союзниками. Теперь Александр оставался с собственно македонскими силами и наемниками — как греческими, так и местными, широко привлекавшимися к службе.

Это мероприятие Александра может быть понято только в свете переориентации планов царя на Восток, когда маленькая Греция и ее воинские силы утратили всякое значение в системе политики македонского полководца.

Во-вторых, царь решил оставить Пармениона, лучшего и опытнейшего военачальника, в Экбатанах. Внешне все выглядело весьма естественно: Парменион было около 70 лет, и он с трудом переносил тяготы походной жизни. Ему была поручена охрана тылов и сбережение персидских сокровищ, находившихся в Экбатанах под надзором казначея Гарпала и шеститысячного отряда воинов, а также некоторого количества всадников и легковооруженных пехотинцев. Последнее поручение царя Парменион состояло в том, чтобы привести чужеземную конницу в Гирканию, после чего престарелый военачальник вернулся в Мидию, где и погиб от рук подосланных Александром убийц [App., III, 26, 3—4].

Однако возраст Пармениона и важность нового назначения отнюдь не были основной причиной его устранения от участия в походе. Дело было в ином: престарелый полководец неоднократно выказывал неудовольствие действиями царя и явно осуждал затяжку восточной кампании. Отсюда сам собой напрашивается вывод, что, как только Александр принял решение отделаться от эллинских союзников, он отстранил Пармениона от руководства.

В этих двух, на первый взгляд не связанных между собой поступках царя есть закономерная связь, показывающая невозможность одновременного соблюдения интересов Македонии, Греции и Востока. И Александр выбрал Восток, в угоду которому пожертвовал Западом[5].

Если бы македонский царь даже настиг Дария в Экбатанах, то не ограничился бы Мидией, а бесспорно, пошел бы вперед навстречу опасностям и невзгодам, только бы осуществить заветную мечту — стать владыкой мира. Практическое осуществление этого грандиозного плана началось с Мидии, когда Александр отдал наемной коннице приказ идти через земли кадусиев в Гирканию, а Клиту, во главе оставленных в Экбатанах для охраны царских сокровищ пеших македонян, — поспешить в Парфию [App., III, 19, 7—8].

Лично Александра заботила поимка Дария, но в то же время было не менее важно покорить встречающиеся на пути народы, так что, пока царь гнался за персидским царем, его военачальники методически осуществляли захват новых сатрапий, тут же включаемых в общую систему управления земель Востока.

Мы не вправе утверждать, что бегство Дария имело характер панического отступления. Персидский царь, насколько он мог учесть сложившуюся ситуацию, вполне разумно направился в летнюю резиденцию Ахеменидов — Экбатаны — для организации отпора в горной Мидии, если македоняне последуют туда за ним. Источники указывают, что, находясь в Экбатанах, Дарий осуществил новую мобилизацию войска на всех подвластных ему территориях. Если верить Диодору [XVII, 73], то персидский царь вновь собрал 30-тысячную армию.

Вполне допустимо, что среди единомышленников Дария возникли какие-то разногласия, приведшие к тому, что персидский царь отказался от первоначального плана дать македонянам сражение на подступах к Экбатанам и бежал с небольшой частью войска (около 9 тыс. — 3 тыс. пехоты, 6 тыс. всадников) далее на Восток. Видимо, здесь уже следует видеть истоки заговора на жизнь царя, приведшего позже к его убийству. Источники (порой многословные в описании незначительных событий) очень скупо и глухо сообщают о решении Бесса, Сатибарзана, Набарзана и Барзаента устранить Дария, а на его место поставить бактрийского сатрапа. С точки зрения официальной персидской пропаганды того времени все выглядело вполне законно: Бесс, дальний побочный родственник Ахеменидов, вполне мог стать царем (в понимании античной историографии царский сан могли иметь только те, кто имел царское происхождение).

Закончив в Экбатанах решение неотложных дел, Александр во главе конницы «друзей», наемных всадников, разведчиков, македонской пехоты, лучников и агриан бросился в погоню за Дарием. Люди и кони с трудом выдерживали столь стремительную скачку — солдаты отставали, а лошади падали [App., III, 20, 1]. Особенно трудным было продвижение по безводной пустыне под палящими лучами солнца. По Плутарху, Александр, встретив македонский обоз, везший воду, отказался один выпить воды, налитой в шлем, сказав, что не может этого сделать, так как измученное жаждой войско совсем падет духом, и тогда благодарные воины воскликнули, что они «не считают себя смертными, пока с ними такой царь» [Алекс., 42]. Не подлежит сомнению, что этот рассказ о самообладании и великодушии Александра создан фантазией Плутарха или, быть может, взят из какого-либо источника апологетического характера, автор которого ставил перед собой задачу героизировать облик царя и потому включил в историческое повествование сцену фольклорного свойства.

Реконструкция дворца в Сузах. Лувр

Бросая отставших, на одиннадцатый день царь прибыл в город Раги (преодолев расстояние в 3300 стадий), находившийся от Каспийских ворот в сутках пути, если нестись со скоростью Александровой кавалерии. Страбон, ссылаясь на Аполлодора, пишет, что это расстояние равнялось 500 стадиям [XI, 514].

Но Дарий уже миновал Персидские ворота и бежал дальше в Парфию. Узнав, что персидский царь недалеко, Александр дал пятидневный отдых утомленному войску, а затем продолжил погоню. Спустя сутки он был у Каспийских ворот, на вторые — миновал горные проходы и углубился в обитаемые парфянские земли, где запасся провиантом и фуражом, так как далее лежала пустыня.

Ситуация понемногу начинала проясняться, бегство Дария становилось понятным: по сведениям разведки, многие бывшие союзники персидского царя оставили его и вернулись к своим очагам, другие готовы были сдаться.

А заговорщики между тем, внешне проявляя преданность царю, начали смущать персов разговорами о неизбежной гибели и бесперспективности сопротивления, предлагая обеспеченную жизнь в изобильных землях Бактрии [Курц., V, 9, 16]. Пока персидская часть войска была верна царю и его поддерживали греки-наемники, трудно было предпринять какое-либо насилие над Дарием без кровопролития. Поэтому мятежники исподволь готовились к низложению персидского царя, выжидая для этого удобный момент.

Вскоре объявились первые перебежчики из ставки персов — Багистан, знатный вавилонянин, Антибел, один из сыновей Мазея. Они принесли весть, что Набарзан, Бесс и Барзаент арестовали Дария и держат его под стражей. Получив это известие, Александр еще больше заторопился. Вверив командование войском Кратеру и не дождавшись прихода отрядов Кена, посланных за фуражом, македонский царь, взяв только конницу «друзей», разведчиков и самых выносливых пехотинцев и захватив на два дня провианта, бросился вперед, продвигаясь всю ночь и весь следующий день до полудня [App., III, 21, 3].

Что же так взволновало Александра и заставило ускорить погоню? Видимо, для него было полной неожиданностью низложение Дария в результате заговора сатрапов Бактрии (Бесс), Арахозии и Дрангианы (Барзаент) и начальника персидской конницы Набарзана, решивших устранить царя персов как безынициативного военачальника, скомпрометировавшего себя постыдным бегством с поля боя. Заговорщики намеревались создать независимое государство, ядром которого была бы могущественная Бактрия, с тем чтобы попытаться отразить притязания греков и македонян [Курц., V, 10, 1—3]. Этого-то и страшился Александр, зная о боевых качествах бактрийских всадников, ничуть не уступавших македонской кавалерии. Похоже на то, что Александр хотел поскорее покончить с Дарием и его противниками, пока последние не предприняли никаких практических шагов для реализации своего замысла.

После кратковременного отдыха греко-македонский авангард продолжил преследование и на рассвете достиг оставленного персами лагеря, где Александр узнал, что бактрийская конница и прочие «варвары» провозгласили Бесса начальником и что мятежные сатрапы насильно везут с собой в Бактрию бывшего царя [Арр., III, 21, 4].

Что же случилось в персидском стане?

Арриана волновал конечный результат греко-македонской погони, а не подробности гибели персидского царя от руки заговорщиков. «Бесс и его единомышленники,— пишет Арриан,— старались увезти с собой в повозке Дария, но, когда Александр уже совсем настигал их, Сатибарзан и Барзаент, нанеся Дарию множество ран, бросили его и сами бежали с 600 всадников» [III, 21, 10]. Для Диодора был важен сам факт ухода из жизни Дария. Он сообщает, что Дарий во время отступления был захвачен Бессом и изменнически убит им [XVII, 73, 2]. Что же касается других авторов, то их интересовали подробности последних часов жизни персидского царя, но не сами по себе, а как иллюстрация великодушия Александра [Плут., Алекс., 43] или показ неблагодарности гнусных предателей, заслуживавших самой суровой расплаты [Курц., V, 12, 5].

Как пишет Плутарх, первыми в неприятельский лагерь ворвались 60 воинов, которых не привлекли ни брошенные персами сокровища, ни прочая добыча, а сам Дарий, лежавший в простой повозке и находившийся при смерти от множества ран. Он попросил пить, и грек Полистрат принес ему воды. После этого царь персов сказал, что очень сожалеет, что не может отблагодарить Александра за доброту, проявленную к его матери, жене и детям. С этими словами он скончался [Алекс., 43].

Курций, пожалуй, больше всех приводит подробностей на эту тему, постепенно разворачивая события и украшая их риторическими фигурами. Вот его рассказ.

Первым злой умысел сатрапов разгадал командир эллинских наемников Патрон. Он предупредил Дария о заговоре и предложил перейти под охрану греков. Но царь ответил, что полностью вверяется своей судьбе. На уговоры Артабаза, рекомендовавшего то же самое, Дарий вновь ответил отказом и покорно стал ждать своей участи.

А тем временем Бесс, понявший, что царю известны его намерения, дождался ночи и, когда персидские воины ушли по селениям за провиантом, при содействии верных бактрийцев взял Дария под стражу [Курц., V, 12, 16].

Несмотря на осуждение действий заговорщиков, высказанное Курцием, не видно, чтобы сатрапы намеревались убить Дария. Они только хотели отстранить его от власти и в качестве главы государства поставить

Гробница Кира в Пасаргадах

Бесса, более подходящего для этой роли (к тому же отпрыска персидских царей), сумевшего после поражения при Гавгамелах сохранить боеспособность своих бактрийцев [Арр., III, 16, 1][6]. Они долгое время везли Дария как пленника, спасаясь от преследования греко-македонских передовых частей.

Вообще, в изображении греко-римских историков Дарий — человек безвольный, мягкий и доверчивый, по своему характеру не отвечавший высокому сану царя Ахеменидов и потому повинный во всех бедах, обрушившихся на персидскую державу. Может быть, он вызывал жалость, возможно, сочувствие, но больше заслуживал упреков и осуждения. Эпитафия, созданная Аррианом, именно так оценивает его деятельность, вызвавшую неизбежную гибель [Арр., III, 22, 2—6].

Отныне власть перешла к Бессу. Из источников не видно, чтобы устранение Дария вызвало какое-то волнение в войске. После низложения Дария греческие наемники и Артабаз с сыновьями ушли в Гирканию по собственной инициативе [Арр., III, 21, 4].

Античные историки пишут об упорстве, с которым Александр гнался за Дарием, но не сообщают о том, что он с ним собирался делать в случае пленения. Убить пленника было бы недопустимо хотя бы потому, что Александр всячески старался подчеркнуть законность своих притязаний на власть в Азии. Кроме того, для македонского царя, осуществлявшего политику сближения с азиатской верхушкой, в том числе персидской, убийство даже повергнутого владыки было невозможно еще и по той причине, что это могло бы оттолкнуть от него многих представителей знатных родов. Таким образом, вопрос об устранении персидского царя для Александра был не прост. Бесс, убив Дария, не подозревал о том, что оказал тем самым услугу Александру, не преминувшему использовать убийство персидского царя как обвинение против сатрапа Бактрии.

По одним источникам, македонский царь застал Дария уже мертвым [Арр., III, 21, 10; Плут., Алекс., 43], по другим — живым [Диод., XVII, 73, 4], по третьим (не сохранившимся) — благословляющим Александра на управление персидским царством [Курц., V, 13, 25 и сл.]. Но все античные авторы пишут о почестях, которые воздал македонский царь погиб-

шему Дарию и об отправке его трупа в Персеполь для торжественного погребения в усыпальнице персидских царей.

Дария не стало, однако вряд ли Александр был доволен достигнутыми успехами: Бесс и его единомышленники представляли куда более серьезную опасность, чем бесславно ушедший из жизни персидский царь. Это, очевидно, хорошо сознавал Александр, ибо он немедленно принял решение преследовать Бесса как убийцу Дария, достойного самой худшей участи за измену своему царю. Начиная борьбу с Бессом как с изменником, Александр рассчитывал привлечь на свою сторону многих знатных персов, находившихся в лагере мятежного сатрапа Бактрии.

Смерть последнего персидского царя завершила крушение ахеменидской державы, симптомы внутренней слабости которой обнаружились задолго до правления Дария III Кодомана, не знавшего передышки от военных тягот и трусливо спасавшегося бегством от преследования греков и македонян. Персидская монархия, просуществовавшая более двух веков и казавшаяся одной из самых прочных империй древности, пала под ударами более совершенной греко-македонской военной машины[7].

Какие практические выводы сделал Александр из своего нового положения «законного» преемника персидских царей? Пока что никаких, ибо принятие титула Ахеменидов «царь царей» означало бы разрыв с Македонией и Грецией, что не входило в планы Александра, стремившегося не разобщить, а объединить в одном государстве македонян, греков и Восток. Характерно, что он никогда не изменял своего титула, постоянно называясь на монетах «царь Александр», хотя вполне мог именоваться «царем четырех стран света»[8] или «царем царей». Именно это обстоятельство указывало на то, что, хотя Александр и стремился осуществить идею мирового господства, он тщательно скрывал свои планы от греков и македонян во избежание полного разрыва с теми, кто был его ближайшими друзьями и соратниками[9]. Тем не менее то, что подспудно зрело давно, после 330 г. до н. э., с падением персидской державы, стало прорываться наружу.

Как бы Александр ни таил свои намерения относительно будущего, его деятельность говорила сама за себя. По свидетельству Курция, царь отдал Гефестиону приказ собрать всех пленников и, выявив знатность каждого, отделить благородных от черни; таких оказалась тысяча [Курц., VI, 2, 9]. Он выдвигал на ответственные посты знатных персов, привлекал на службу местных наемников, вводил при дворе восточный этикет — все это не ускользало от внимания греков и македонян, не одобрявших «варварских» вкусов царя.

Античная историография полна примерами того, как Александр менялся, причем, по мнению македонян, в худшую сторону, усваивая восточный образ жизни. Плутарх пишет, что царь не перенял полностью все из мидийской одежды, а носил нечто среднее между персидской и македонской — она была скромнее первой, но пышнее второй. Вначале Александр одевался подобным образом только дома, принимая «друзей» и «варваров», но позже стал появляться в таком виде на официальных приемах [Плут., Алекс., 45]. Ему начали нравиться персидская изнеженность и роскошь; он завел во дворце жезлоносцев из местных уроженцев, телохранителями взял виднейших персов, в том числе Оксафра, брата Дария. Затем он надел персидскую диадему и одежду и окружил себя наложницами. Но все это Александр вводил постепенно, так как боялся раздражать македонян; недовольных он склонял на свою сторону подарками [Диод., XVII, 77, 5—6]. Кроме того, Александр «сделался противен своим самомнением;

в нем появилось слишком много солдатского, он стал хвастлив, льстецы вертели им как хотели — это бесспорно. Они изводили самых приятных людей из его окружения...» [Плут., Алекс., 23]. Письма, посылавшиеся в Европу, он запечатывал своим перстнем, а те, что отправлял в Азию,— перстнем Дария, но было очевидно, замечает Курций, что «один человек не может охватить судьбы двоих» [Курц., VI, 6, 6].

Следовательно, античные авторы подметили двойственность в поведении царя, его стремление переориентироваться на Восток и вместе с тем скрыть свои намерения от приближенных. Но подобное положение не могло длиться долго и вело к неизбежному разрыву между полководцем и командирами, царем и войском. В конце концов ближайшие сподвижники царя, некогда единодушные в своей жажде обогащения и захвата новых земель, выступили с резким осуждением миродержавных планов Александра. Это неизбежно привело к организованным выступлениям оппозиции, намеревавшейся физически устранить царя, который перестал быть проводником греко-македонских интересов на Востоке.

Как обычно бывает, сложные коллизии резче обнажают и обостряют противоречия. Это подтвердили события в Восточных сатрапиях, где греко-македонских завоевателей ожидали наибольшие трудности и где Александру пришлось не однажды пережить приступы отчаяния и бессильной злобы.

Смерть Дария не означала окончания похода: все враждебные Александру силы сосредоточились в Восточном Иране и областях Средней Азии, куда бежал Бесс с единомышленниками для организации сопротивления завоевателю. Так Александр оказался на пороге неизведанного мира, о котором у греческих авторов были весьма смутные представления. Ведь в понимании древних греков обитаемая Земля — ойкумена — начиналась у Геракловых Столбов на западе и кончалась Индией на востоке. Интересно, что более правильные представления о морях внутренних и внешних имел Геродот, указывавший, что за крайним западным пунктом Земли — Геракловыми Столбами — простирается Атлантическое море, частью которого является Красное море [Герод., I, 202]. По сравнению же с другими морями Гирканское (Каспийское) море — замкнутый водный бассейн, на западе граничащий с Кавказом, а на востоке — с безграничной степью, простирающейся по направлению к восходу солнца [Герод., I, 203—204].

Но воззрения Геродота были опровергнуты в последующие века описательной географией Эратосфена, считавшего, что обитаемый мир, т. е. Европа, Азия и Африка,— это остров, имеющий форму хламиды и омываемый Внешним Океаном [Страб., II, 113].

Восточные походы Александра намного расширили представления греков об обитаемом мире[10], но вместе с тем внесли путаницу в некоторые правильные понятия. Вот один из примеров такой путаницы: Гирканское море — один из заливов Внешнего Океана, а поэтому возможен морской путь из Бактрии в Индию.

Сведения античной географии, во многом обязанной Эратосфену и Посидонию и популяризированной Страбоном, были некритически восприняты многими древними историками, считавшими незыблемыми свидетельства предшественников об обитаемом мире. По этой причине идея создания универсальной мировой державы считалась вполне осуществимой при жизни одного поколения. Ведь не случайно античные историки, писавшие о восточных походах Александра, сообщали, что после неудавшейся попытки выйти к восточному краю Земли (у Ганга) Александр отчасти

достиг желаемого — увидел Внешний Океан и его берегом прошел до Персидского залива, замышляя на будущее поход в западном направлении до Геракловых Столбов [Диод., XVIII, 4, 35]. Об этих планах царя античные авторы писали вполне серьезно, так как полагали, что весь обитаемый мир может быть подвластен одному одаренному полководцу.

Александра в его неуемной жажде власти ничто не могло остановить, и он устремился на северо-восток в погоню за Бессом, узурпатором и убийцей законного царя персов. Перед македонянами простирались бескрайние просторы Восточных сатрапий — Гиркания, Ария, Парфия, Дрангиана, Арахозия, Бактрия, Согдиана, где свободолюбивые народы поднялись на борьбу с чужеземным завоевателем [11].

Парфянина Атминапа, сдавшего вместе с Мазаком Египет, царь назначил сатрапом Парфии и Гиркании, а одного из «друзей», Тлеполема, поставил «наблюдателем» над этими областями; сам же, дождавшись подхода основных сил, направился в Гирканию [App., III, 22, 1].

Гористая область на юго-восток от Каспия переходила в необозримые равнины, простиравшиеся, по мнению древних, до самого Великого моря. Александр очень торопился в Гирканию, так как в прикаспийских горах Восточного Ирана укрылись греки-наемники, служившие персам [App., III, 23, 1]. Здесь, в Гиркании, он увидел морской залив, который показался грекам не меньше Понта Эвксинского; но изучить его не было возможности; задолго до восточного похода Александра его считали северным заливом Внешнего Океана, названным Каспийским морем [Плут., Алекс., 44].

Вторгшись в Гирканию, Александр решил поделить войско на три части, так как узнал, что чужеземцы, находившиеся на службе у Дария, бежали в горы к тапурам [App., III, 23, 1]. Наибольшую часть армии, не обремененную поклажей, царь сам повел самой короткой и трудной дорогой; Кратера и Аминту с их полками, лучниками и конницей послал на тапуров, а Эригию приказал с чужеземной конницей сопровождать многочисленные обозы [App., III, 23, 2].

Однако даже та часть войска, которая двигалась налегке, продвигалась очень медленно: местность была незнакомой, и, ожидая нападения «варваров», Александр неизменно выставлял сторожевые посты. Перевалив через первую гряду гор, македоняне разбили у безымянной речки лагерь. Войско Александра никого не повстречало на пути; только на агриан, стоявших в охранении, напали «варвары», которых отогнали дротиками [App., III, 23, 5]. В повествовании Плутарха «варвары» напали на конюхов Александра и отбили Букефала, но, когда царь пригрозил, что уничтожит их с женами и детьми, горцы пришли с повинной, сдали свои города и даже получили от царя выкуп за возвращенного коня [Плут., Алекс., 44].

Александр четыре дня оставался в лагере, ожидая подхода Кратера и Эригия. В это время к нему явились Набарзан, хилиарх Дария, и Фратаферн, сатрап Гиркании и Парфии. Очевидно, молва о благожелательном отношении македонского царя к лояльным сатрапам дошла до прикаспийских земель, и, поскольку Александр уже был в Гиркании, Фратаферн решил добровольно сдаться в надежде на прощение. Его примеру последовал Набарзан, как будто вначале обратившийся к царю с письмом, в котором старался доказать свою верность Дарию и объяснить участие в заговоре на его жизнь необходимостью самозащиты, так как за дельный совет он едва не был казнен персидским царем. Униженный тон письма и обращение к македонскому царю как к богу [12] убедили Александра

в искренности Набарзана, и он без колебаний обещал не подвергать знатного перса наказанию [Курц., VI, 4, 8—14].

Вскоре подошел Кратер, так и не встретивший противника и подчинивший власти македонян пройденные земли. Позже прибыли обозы Эригия, и Александр уже был готов направиться в гирканский город Задракарты, когда к нему прибыли сдаваться персидский вельможа Артабаз с сыновьями, сатрап тапуров Автофрадат и послы от греков-наемников. Артабаз, до конца преданный Дарию, был принят с подобающим его сану почетом, Автофрадат сохранил за собой пост сатрапа, а от греков-наемников, воевавших на стороне «варваров» вопреки постановлению Коринфского союза, Александр потребовал безоговорочной сдачи.

Брошенные на произвол судьбы почти в центре Азии, греки-наемники (1500 человек), видимо не имея иного выхода, согласились на капитуляцию и были зачислены во вспомогательные части [Арр., III, 23, 8—9; Курц., VI, 5, 8—10]. Что же касается послов эллинских городов, прибывших в ставку Дария и позже примкнувших к наемникам, то представителей Лакедемона и Афин Александр приказал взять под стражу, посланцев Синопы отпустил на родину, так как они, находясь под властью персов, ничего враждебного македонянам не предпринимали, всех же прочих заставил служить себе, поставив над ними начальником Андроника [Арр., III, 24, 4—5; Курц., VI, 5, 9—10].

Равнинная Гиркания в сочинениях античных авторов представлена как плодородная страна со множеством городов. Так, Страбон для доказательства ее благосостояния сообщает, что там виноградная лоза дает 1 метрет (39 л) вина, а смоковница — 60 медимнов (1 медимн = 52, 53 л) ягод, хлеб родится из зерна, выпавшего из соломы, и пчелы роятся на деревьях, а мед течет с листьев... [XI, 508—509]. Эти сведения о «счастливых селениях» Гиркании присутствуют и у Диодора [XVII, 75, 4—7].

Однако, несмотря на сказочное плодородие, Гиркания, по мнению древних, не привлекала к себе должного внимания, будучи страной далекой и находящейся под «варварским» управлением мидийцев, персов, а позже — парфян. Македоняне же владели Гирканией непродолжительное время, так как много воевали и не могли уследить за этой провинцией [Страб., XI, 509].

В северных и труднодоступных местах на границе Гиркании обитали «бродячие разбойники» — марды [Страб., XI, 523], которые не прислали к Александру своих послов и, видимо, не собирались подчиниться. Дорожа славой непобедимого, как пишет Курций, македонский царь во главе наиболее подвижных частей (лучников, щитоносцев, агриан, полков Кена и Аминты, половины конницы «друзей» и всадников-аконтистов) вторгся в страну мардов [Арр., III, 24, 1—2; Курц., VI, 5, 11—12]. Марды, народ бедный и воинственный, выставили восьмитысячное войско [Диод., XVII, 76, 4]. Они были уверены, что в их страну проникнуть невозможно, а потому не испугались, когда македоняне подошли совсем близко. Однако Александр захватил мардов врасплох и преследовал их до самых гор, пока они не сдались сами и не сдали свои города. Царь смилостивился над мардами и сатрапом у них поставил Автофрадата, того самого, что назначен был к тапурам [Арр., III, 24, 3]. Таков рассказ Арриана о покорении мардов. Курций иначе описывает события, подчеркивая, что марды упорно сопротивлялись, и Александр, «выследив их, подобно охотнику», многих убил, но, не зная местности, сам потерпел значительный урон. И, только «отчаявшись удержать захваченное ими пространство», марды сдались [VI, 5, 17—21].

Очевидно, Александра привлекали в Гиркании горные районы у Каспия, изобиловавшие лесом [Страб., XI, 509], со множеством удобных бухт для стоянки флота. Важны также были горные проходы, ведущие в Армению и Мидию. Незадолго до смерти Александра была сделана попытка обследовать южное побережье Каспия[13], но, судя по Страбону, практического значения она не имела, ибо эти земли вскоре после смерти македонского царя отошли к парфянам. Но и во времена Селевка все еще верили, что Каспий — северный залив Океана и что возможен морской путь в Индию.

Где-то на границах Гиркании и земель албанов древние авторы помещали племя амазонок, женщин-наездниц, предводительствуемых прекрасной царицей Фалестрис, якобы вступившей в связь с Александром, чтобы иметь ребенка от столь прославленного полководца. Некоторые античные авторы считали рассказ о существовании племени амазонок мифом, но, несмотря на это, под тем или иным предлогом он встречается у большинства историков, писавших об Александре. Диодор и Курций сообщают о свидании царицы амазонок с Александром как о достоверном факте [Диод., XVII, 77; Курц., VI, 5, 24—30].

Плутарх, Арриан, Страбон отрицают достоверность существования амазонок каждый по-своему. Так, Плутарх пишет, что об амазонках нет свидетельств у серьезных авторов, таких, как Птолемей, Аристобул, Дурид Самосский, но о них писали Клитарх, Онесикрит, Антиген; сам Александр в подробном письме Антипатру, отправленном из Азии, сообщал о предложении царя скифов выдать за него свою дочь, но ничего не писал об амазонках [Плут., Алекс., 46]. Страбон полагает, что такого народа вообще не могло быть, так как немыслимо племя, состоящее из одних женщин [XI, 505]. Арриан не отрицал существования в древности какого-то племени женщин-наездниц, поскольку многие поэты воспевали их и даже Геракл, посланный к ним, привез в Афины пояс их царицы; известны и сказания о борьбе афинян с амазонками. Но все это Арриан относит к области мифологии. По его мнению, амазонки, вероятно, уже исчезли, так как Ксенофонт, описывая отступление греков-наемников, указывал, что рядом с Трапезундом живут колхи и фасеяне, но ничего не сообщал об амазонках. И, очевидно, Атропат, после возвращения Александра из Индии, привел к царю каких-то «варварок», умевших ездить верхом,— так заканчивает свой рассказ Арриан [VII, 13, 2—6].

После 15-дневного отдыха в самом большом гирканском городе, Задракарты, Александр двинулся в Парфию, а затем — к границам Арии, где к нему явился сатрап этой области Сатибарзан. Царь оставил Сатибарзану его сатрапию и направил его в Арию вместе с отрядом Анаксиппа из 40 всадников-дротикометателей, чтобы выставить сторожевые посты на время прохождения греко-македонской армии через провинцию во избежание «обид, которые могло причинить ариям войско» [Арр., III, 25, 2]. По-видимому, армия Александра настолько привыкла грабить завоеванные территории, что, когда царь в целях примирения с восточной знатью захотел прекратить подобную практику, для этого пришлось выделять специальные подразделения, одно из которых он предусмотрительно послал в Арию еще до прихода туда основных сил.

По Арриану, греки и македоняне после Гиркании направились через Парфию и Арию к Бактрии. Однако Александр был вынужден задержаться в восставшей Арии. В повествовании Арриана совсем не говорится о времени, проведенном македонянами в Парфии. Правда, с точки зрения военных операций Парфия не представляла ничего интересного. Ее са-

Персидский всадник. Греческая терракотовая статуэтка. IV в. до н. э. Музей «Метрополитен». Нью-Йорк

свой образ жизни. Кратер же «оставался верен отцовским традициям». Первый помогал в сношениях царя с «варварами», а второй — с греками и македонянами[16]. Вражда, существовавшая между Гефестионом и Кратером, часто приводила к открытым столкновениям. Александр сумел их внешне примирить, лишь пообещав, что при следующей ссоре убьет обоих [Плут., Алекс., 47]. Курций, так же как Плутарх и Диодор, сообщает о нововведениях царя, но в его оценке больше порицания. Римский историк считает, что перенятие восточных обычаев для греков и македонян равносильно превращению их в рабов.

Александр, чувствуя осуждение воинов, решил начать войну против Бесса, так как бездействие породило бунтарские мысли у солдат, погрязших в пороках и отягощенных награбленным добром [Курц., VI, 6, 9—11]. Трофеи и предметы роскоши скопились в обозах в таком количестве, что стали помехой для движения войска, и поэтому Александр приказал свалить в одно место свое имущество и имущество солдат и поджечь. Только после этого греко-македонское войско смогло продолжить поход [Курц., VI, 6, 14—17]. Рассказ об уничтожении обременительной поклажи приводит и Плутарх, но относит это событие к более позднему времени — накануне похода в Индию [Плут., Алекс., 57]. Идентичность текста у двух авторов разного направления, с одной стороны, свидетельствует о том, что оба они пользовались одним и тем же источником, а с другой — явля-

ется наглядным примером отхода античных писателей от историзма и произвольного перемещения отдельных событий, что можно расценивать как литературный прием.

Ближайшей задачей Александра была поимка Бесса, но не потому, что тот предательски убил Дария (как представляет дело античная историография), а, как отмечалось, ввиду растущей опасности объединения всех враждебных грекам и македонянам сил вокруг бактрийского сатрапа, объявившего себя царем Азии под именем Артаксеркса и собравшего вокруг себя бежавших на восток персов и бактрийцев. Кроме того, Бессу обещали помощь скифы-союзники [Арр., III, 25, 3].

Медлить было нельзя. И македонское войско через Арию, вдоль южных склонов «Кавказа» (Гиндукуш), направилось в Бактрию [Арр., III, 25, 4; Страб., XV, 724]. Но оно еще не дошло до границ Арии, как стало известно, что «Сатибарзан, сатрап ариев, убил Анаксиппа, его аконтистов, вооружил ариев и собрал их в городе Артакоане...» [Арр., III, 25, 5]. К мятежникам примкнул и сатрап соседней Дрангианы и Арахозии Барзаент. Поход в Бактрию откладывался.

Основные силы во главе с Кратером стали лагерем, а Александр с конницей «друзей», всадниками-дротикометателями, лучниками, агрианами, полками Аминты и Кена повернул к Артакоане[17], к которой подошел через два дня, преодолев расстояние в 600 стадий [Арр., III, 25, 6].

Из источников неясно, сколько времени потратили македоняне на замирение Арии, Драпгианы и Арахозии. Расплывчатое замечание Страбона о том, что «Александр провел там зиму» [XV, 725], указывает на непредвиденную задержку, которая могла длиться до полугода[18].

Что же произошло в Арии?

Скорее всего, Сатибарзан, один из активных участников убийства Дария, прибыв к Александру с повинной, не был искренен. Он просто намеревался выиграть время. Видя, что македонский царь торопится в Бактрию в погоню за Бессом и не расположен надолго задерживаться в Арии, Сатибарзан притворился покорным, но, как только македоняне ушли, убил Анаксиппа, уничтожил его малочисленный отряд и стянул войска к Артакоане.

Арриан, по существу, подводит итог карательных экспедиций греков и македонян, когда пишет, что «одних он казнил, других обратил в рабство, сатрапом назначил перса Арсака», а также учинил погоню за всеми, кто принял участие в этом восстании [Арр., III, 25, 7]. Курций довольно подробно описывает замирение Арии, но его рассказ расходится с официальной версией. Римский историк называет два основных очага сопротивления — неприступную, поросшую лесом скалу и Артакоану [VI, 6, 23—25, 33]. В кратком свидетельстве Диодора скала и мятежный город идентифицируются [XVII, 78, 1].

Вначале Александр приблизился к скале, на вершине которой укрылись 13 тыс. ариев. Но, видя ее неприступность, Александр оставил Кратера для осады, а сам поспешил в погоню за Сатибарзаном, который с двухтысячным войском бежал к Бессу, «чтобы побудить его скорее подать помощь» [Диод., XVII, 78, 2]. Однако, когда арийский сатрап прибыл к Бессу, численность его войска сократилась, так как многие покинули его, узнав о приближении македонян [Арр., III, 25, 7].

Не обнаружив поблизости Сатибарзана, Александр возвратился к штурмующим скалу. Все придуманные македонянами средства оказались неэффективными, но счастье и на этот раз выручило Александра: солнце пекло так сильно, что срубленные деревья воспламенились, и поднявший-

ся ветер погнал огонь вверх на защитников скалы. Македоняне подожгли лес в других местах, и огромный костер охватил неприступную гору. «Варвары» спасались кто как мог. Одни сгорали, другие бросались со скалы, а третьи, сильно обожженные, сдавались македонянам [Курц., VI, 6, 26—31].

Покончив с защитниками скалы, Александр вернулся к Кратеру, осаждавшему Артакоану. С приходом царя к стенам города придвинули осадные башни, и его защитники, испугавшись, сдались Александру. Царь не только простил их, но и вернул все захваченное имущество [Курц., VI, 6, 33—34]. После этого Александр за 30 дней овладел всеми городами Арии и основал город Александрию, видимо близ Артакоаны [Страб., XI, 516], в районе современного Герата.

Когда Александр находился в Артакоане, к нему прибыло очередное пополнение: 500 солдат из Греции, 3 тыс. воинов из Иллирии, 130 фессалийских всадников, 300 всадников и 2600 воинов-чужеземцев из Лидии [Курц., VI, 6, 35]. Это сообщение Курция не подтверждается другими источниками. Неправдоподобно, чтобы Антипатр прислал иллирийские части[19]. Вторая же половина сообщения римского автора заслуживает большего доверия: лидийские (малоазийские) наемники могли влиться в войско Александра во время его пребывания в юго-восточных сатрапиях (Ария, Драангиана, Арахозия).

Но замирение Арии еще не значило, что можно продолжать поход в Бактрию: Драангиана и Арахозия также были охвачены восстанием.

По свидетельству источников, страна драангов (или зарангов) была быстро покорена, а ее сатрап Барзаент, бежавший в восточную Арахозию, за Инд, был выдан индийцами Александру и казнен за измену Дарию [Арр., III, 25, 8]. О завоевании Драангианы античные авторы подробностей не сообщают. Но они подчеркивают, что Александр жестоко расправился со всеми участниками убийства Дария, вменив им в вину не столько непокорность ему, сколько неверность персидскому царю. В подобных действиях легко обнаружить стремление Александра сблизиться с азиатской знатью.

Но пребывание в столице Драангианы Фраде, известной также под именем Проффазии [Страб., XI, 514], отмечено событиями, нашедшими отражение у всех античных авторов, писавших о восточном походе Александра.

Так как завоевание Восточных сатрапий, видимо, окончательно оформило идею мирового господства в уме македонского царя, который сам говорил, что пришел в Азию не из-за золота и серебра, а ради покорения всего мира, неизбежно было возникновение оппозиции, не разделявшей взглядов Александра. Очевидно, именно рост недовольства политикой Александра имел в виду Плутарх, когда писал, что «царь, приобретя вселенную для македонцев, был ими оставлен...» [Плут., Алекс., 47]. Арриан также указывал, что в силу своего беспокойного характера Александр вряд ли удовольствовался бы любым приобретением и всегда искал бы новых пределов царства [VII, 1, 4].

Вопрос о наличии оппозиции в войске Александра важен для уяснения сущности его восточной политики, которая шла вразрез с интересами правящей македонской верхушки, считавшей, что азиатский поход совершался ради самой Македонии, а не ради желания царя создать восточную державу, в которой македонскому царству отводилась бы второстепенная роль. Древние авторы, писавшие о походах Александра, не отрицают существования направленных против Александра заговоров, но представляют их как личный конфликт между царем и соратниками (особен-

но в интерпретации Плутарха); расходясь иногда в частностях, они единодушны в их общей оценке.

Обратимся к свидетельствам античных писателей. Арриан пишет, что первым, уже в Малой Азии, недовольство царю высказал Парменион, считавший, что нецелесообразно продолжать поход в глубь Азии, поскольку есть богатая добыча [II, 25, 2].

Первый заговор на жизнь царя был раскрыт в Ликии, в городе Фаселиде, где был схвачен Александр Линкестиец, командир фессалийской конницы, брат Геромена и Аррабея. Линкестиец был связан с персами. По приказу царя он долгое время содержался под стражей [Арр., I, 25, 1—9].

Похоже, что заговор Линкестийца был отзвуком сепаратистских настроений верхнемакедонских царских родов, предпринявших последнюю попытку с помощью Персии добиться децентрализации Македонии. Поэтому его не следует связывать с противодействием ближайших соратников царя его восточной политике[20], что проявилось позже, когда греко-македонское войско дошло до среднеазиатских земель.

Неоднократно выражавшееся Парменионом недовольство в связи с продолжением похода на Восток явилось причиной отстранения его от руководства войском. Что же касается его сына Филоты, обвиненного в организации нового заговора, то он оставался до последних дней на посту командира конницы «друзей», наиболее близкого к царю и привилегированного полка.

Птолемей и Аристобул, чьей версии следует Арриан, писали, что еще в Египте сообщили Александру о заговоре Филоты, но царь этому не поверил, так как старинная дружба с Парменионом и доверие к его сыну сделали в его глазах донос не заслуживающим внимания [Арр., III, 26, 1]. В этом факте есть прямая связь со свидетельством Курция, который пишет, что в Египте после официального признания Александра сыном бога Амона «македонцы отвернулись от своего царя» [IV, 7, 31]. Говорили о каком-то письме Филоты, в котором он иронически поздравлял царя с причислением к сонму богов. Но даже если бы царь обо всем этом знал, он бы не смог ничего предпринять, так как, осуществляя поход отмщения, должен был постоянно проявлять заботу о единстве всех его участников.

Иной характер приобрели действия царя в Средней Азии, в Дрангиане, где он уже не делал секрета из своих намерений. Теперь Александр очень ревниво относился ко всем наветам, стал раздражителен и подозрителен. Филота, схваченный по приказу царя, был приведен на войсковое собрание македонян. Александр его обвинял. Филота защищался; те, кто раскрыл заговор, приводили улики, изобличавшие сына Пармениона и его единомышленников. Всем казалось подозрительным признание самого Филоты, что он знал о заговоре, но ничего не говорил царю. Поскольку прямых улик против Филоты не было, ему предъявили обвинение в недонесении царю [Арр., III, 26, 2].

Филоту и других участников заговора македоняне поразили дротиками. Парменион был убит в Экбатанах стратегами Мидии Клеандром, Ситалком и Менидом по личному приказу царя, доставленному верным Полидамантом.

Почему же были убиты Парменион и Филота, если участие их в заговоре осталось недоказанным? Арриан, имея, вероятно, в виду особое положение Пармениона и Филоты в армии, не допускал того, чтобы им ничего не было известно о деятельности заговорщиков. Даже если Филота и не принимал непосредственного участия в заговоре, то, зная о нем и не доно-

ся царю, становился косвенным соучастником. А если Филота знал о готовящемся покушении на жизнь царя, то не мог не знать о нем и Парменион; следовательно, тот и другой были виновны. А если даже Парменион и не знал о заговоре, то после убийства сына его страшно было оставлять в живых: слишком большой авторитет имел он в македонском и чужеземном войске [App., III, 26, 3—4]. Таков ход рассуждений Арриана, допускающего косвенное участие отца и сына в покушении на жизнь царя, но не раскрывающего причин, приведших их в стан заговорщиков.

В Египте еще не было поводов к осуждению деятельности Александра, разве что вызывало нарекания его провозглашение сыном бога Амона, но и это в ту пору имело скорее символическое значение, ибо македонский царь из нового положения вещей не сделал никаких практических выводов. По-иному обстояло дело в Средней Азии, когда Александр, отбросив всякий камуфляж, перестал скрывать свои планы, все более отдаляясь от «друзей» и единомышленников. Причина усиления оппозиции заключалась не в том, что царь стал одеваться на восточный лад, завел гарем, окружил себя персами, а в том, что он утратил интерес к Македонии и Греции, к их установлениям и всецело переключился на Восток, добиваясь непосредственного сращивания греко-македонской и восточной правящей верхушки. В этом заключался скрытый смысл конфликта, о чем Арриан ничего не пишет.

Царь страшился оппозиционных настроений, видя молчаливое неодобрение своих действий со стороны многих соратников. Ведь именно Парменион и Филота всецело одобряли Филиппа II в его усилиях по созданию централизованного македонского царства, помогали Александру в смутное время после убийства отца стать царем Македонии. И пока Александр чувствовал эту преданность, он не верил никаким доносам на Филоту. Но как только он почувствовал отчуждение Пармениона и его сына, он стал чутко прислушиваться ко всем высказываниям, направленным против его политики. Было бы наивно полагать, что, зная о росте оппозиционных настроений среди своих соратников, царь не принял никаких мер самозащиты. Он трезво оценивал опасность, которую представляли для его планов оппозиционеры, и боролся с ними самым суровым образом.

Конечно, говорить о том, что царь был одинок в своих замыслах,— значит не учитывать реального соотношения сил. Известно, что Птолемей, Гефестион, Певкеста, Неарх, личные друзья Александра, поддерживали все его планы. Но были и противники, видимо тяготевшие к Парменионy и Филоте, выразителям чаяний македонской знати, которая не одобряла восточной политики Александра, умалявшей интересы Македонии [21]. Недаром Арриан указывает, что по делу о заговоре к суду были также привлечены Аминта с братьями Полемоном, Атталом и Симмием, первый из которых «перебежал к врагам» [III, 27, 1—2]. Аминту спасло то, что он явился на войсковое собрание македонян вместе с двумя братьями, «энергично защищался» и доказал свою невиновность, пообещав привести обратно брата-перебежчика. Действительно, он возвратил Полемона, который также был прощен, но вскоре получил смертельное ранение и скончался [App., III, 27, 3].

Интересна одна деталь, указываемая Аррианом: Александр не сам вершил суд, а предоставил выполнить эту функцию македонскому войсковому собранию, которое признало Филоту и прочих заговорщиков (телохранителей Александра) виновными и закололо дротиками. Следовательно, Александр не побоялся доверить войску решение столь важной задачи; а это

значит, что в ближайшем окружении царя большинство шло за Александром. Этого, скорее всего, не было в тыловых частях Мидии, возглавлявшихся Парменионом. Там царь действовал по-другому, послав с верным человеком приказ сатрапам убить Пармениона, что они и сделали без промедления, ибо авторитет престарелого полководца был в войске велик. Таков немногословный финал рассказа Арриана о заговоре Пармениона и Филоты.

После раскрытия этого заговора Александр реорганизовал конные подразделения «друзей», которые прежде возглавлял Филота. Полк этеров был поделен на две части, так как царь «не хотел вручить командование конницей одному человеку, хотя бы и самому близкому» [Арр., III, 27, 4]. Македонской тяжелой конницей стали командовать Гефестион и Клит, друзья юности Александра. Тыловыми подразделениями Мидии, находившимися ранее под началом Пармениона, стали руководить гиппархи Клеандр, Ситалк, Менид. Осуществляя эти мероприятия, Александр явно руководствовался стремлением избежать нового заговора.

Плутарх, Диодор, Курций, черпающие материал из другого источника, подробнее освещают раскрытие заговора Филоты. В отличие от Арриана они убеждены в виновности сына Пармениона.

Плутарх не сомневается, что Филота виновен, что он замышлял недоброе против царя. Не отрицая того, что Филота пользовался большим уважением среди македонян, античный биограф указывает, что из мужественного, выносливого и щедрого воина он превратился в высокомерного, окруженного роскошью завистника, что его образ жизни стал недопустимым для частного лица и что даже Парменион однажды сказал сыну: «Будь-ка поменьше» [Плут., Алекс., 48]. У него появились завистники, на него начали писать доносы. Но и сам Филота не был безгрешен. Он вел неподобающие речи еще в Киликии (Малая Азия), когда все военные подвиги приписывал себе и отцу, а Александра называл мальчишкой, присвоившим себе плоды их трудов — царский титул. Правда, Плутарх не дает прямого ответа на вопрос, чего же добивался Филота; об этом скажут авторы критического направления. Но все же он подводит к тому, что начальник македонской конницы жаждал подобающей его подвигам славы. Когда слухи о заговоре достигли Кратера, он обо всем рассказал царю и даже устроил тайное свидание с Александром любовницы Филоты, которой поручили доносить все царю.

Но, несмотря на неопровержимые улики, Александр долгое время терпел Филоту, может быть из-за его собственного влияния и престижа Пармениона. Следовательно, Плутарх намечает одну линию заговорщиков: Парменион — Филота, возможно хотевших устранения царя в корыстных целях [Плут., Алекс., 49].

Другая линия оппозиции — заговор, составленный несколькими «друзьями» Александра. Его возглавил Лимн из Халестры, человек среднего положения, чем-то обиженный царем. Уже при подборе участников заговора намерения Лимна стали известны Филоте, который обязался обо всем доносить царю. Но он медлил, ссылаясь на занятость царя более важными делами. И когда, заподозрив Филоту, невольные участники заговора Лимна Никомах и Кебалин через какого-то царедворца добились свидания с Александром и рассказали ему о заговоре, царь «в сильном раздражении» послал воинов схватить Лимна. При аресте тот оказал сопротивление, и стражник убил его [22]. Это еще больше взволновало царя, так как со смертью Лимна исчезли улики, изобличавшие заговорщиков. И тут, как пишет Плутарх, старые враги Филоты, воспользовавшись случаем, стали

упрекать царя в легковерии, говоря, что Лимн был только орудием в руках заговорщиков, направлявших убийцу. А так как клеветники видели, что царь прислушивается к их наветам, они еще усерднее стали чернить сына Пармениона. Филоту схватили, пытали в присутствии царя и «друзей» и казнили. В версии Плутарха, Филота не признал себя виновным. Но царь и его единомышленники, из которых античный биограф называет одного Гефестиона, осудили его поведение [Плут., Алекс., 49].

Убийство Пармениона по приказу Александра внушило многим страх перед царем. Особенно испугался Антипатр, который, вместо того чтобы напасть на этолийцев, заключил с ними союз [Плут., Алекс., 49].

Таким образом, несмотря на наличие двух враждебных царю группировок — Филоты и Лимна, Плутарх ничего не пишет о существовании широкого фронта недовольства политикой Александра, сводя все к личному конфликту царя и сына Пармениона (разбогатевшего и рвущегося к власти), царя и одного из «друзей» (обиженного Александром). Скорее всего, апологетическая направленность Плутарха помешала ему реально оценить силы, противившиеся восточной политике Александра, увидеть в них серьезную угрозу планам царя.

К версии Плутарха близка трактовка Диодора (историка критического направления), но не в оценке личности Александра, а в подаче исторического факта.

Начиная рассказ о раскрытии заговора Филоты в Драангиане, Диодор заранее оправдывает Александра тем, что ему довелось совершить поступок, не соответствующий «его благородному характеру» [XVII, 79, 1]. Близость позиций Плутарха и Диодора здесь очевидна. Александр, в понимании обоих авторов,— благородный человек; он совершает убийство потому, что сами жертвы вынудили его сделать это. Повествование Диодора о раскрытии заговора Лимна почти полностью повторяет свидетельство Плутарха; разница лишь в том, что у херонейского биографа стражник при аресте убил Лимна, а у сицилийского историка тот покончил с собой. По версии Плутарха, Филота не признал свою вину, а у Диодора он под пыткой сознался [Диод., XVII, 80, 2]. Зато концовка у этих двух авторов различна. Плутарх пишет, что Александр, убив всех заговорщиков, «внушил страх» многим. Диодор обращает внимание на другое: уничтожив заговорщиков, царь отделил тех македонян, кто плохо говорил о нем, о его намерениях, негодовал по поводу смерти Пармениона, всех их соединил в «отряд беспорядочных», чтобы они ропотом и свободными речами не развратили остальное войско [XVII, 80, 4].

Новая у Диодора деталь — вместе с Филотой на суд был приведен Александр Линкестиец. Три года он содержался под стражей по обвинению в сговоре с персами и в подготовке покушения на жизнь царя, но, будучи другом Антигона, не был сразу казнен и теперь, не сумев представить разумного оправдания, был убит вместе с сыном Пармениона.

Но далеко не всему тому, что сообщает Диодор, можно верить. Заговор Линкестийца не имел никакого отношения к оппозиции, сложившейся гораздо позже, во время самого похода. Первая попытка устранения Александра была раскрыта в Ликии, когда персидские происки нашли подготовленную почву в среде недовольных царем бывших правящих родов верхнемакедонских племен, утративших независимость при Филиппе. К ним принадлежал и Александр Линкестиец, брат Геромена и Аррабея, казненных за убийство Филиппа. Линкестиец командовал на Востоке фессалийской конницей, т. е. подразделениями европейских «варваров», по терминологии Арриана [II, 7, 5].

Возможно, что в среде фессалийцев также имелись антимакедонские настроения, так как Александр не убил Линкестийца, а постарался поскорее изолировать его от войска во избежание волнений. Следовательно, не дружба с Антигоном отсрочила на три года расправу с Линкестийцем, а боязнь неповиновения фессалийских всадников [Арр., I, 25, 5], в которых в то время очень нуждался царь.

Допустимо, что осуществление заговора Линкестийца должно было произойти позже, когда Лакедемон, Фракия и некоторые острова поднялись против македонского засилья. Но, изолировав Линкестийца от фессалийской конницы, Александр сумел подавить в зародыше еще не разросшееся враждебное выступление, спутав этим карты персов и старомакедонской оппозиции.

Изменившаяся ситуация после завершения похода отмщения персам (Персеполь) выдвинула перед Александром новые задачи: отныне центральное место отводилось Востоку и восточной политике. В связи с этим отпала нужда в союзных эллинских контингентах, и после Экбатан фессалийские конники были отпущены царем на родину [Арр., III, 19, 5]. И только после окончательного разрыва Александра с бывшими союзниками, когда в македонском войске стали преобладать наемники, в том числе фессалийские и «восточноварварские» контингенты, царь смог вынести на суд армии дело Линкестийца, покушавшегося на его жизнь еще в Малой Азии.

В целом античная историография, преуменьшающая роль и значение оппозиции в период восточных походов, уделяла недостаточно внимания организованному противодействию восточным планам царя. Может быть, поэтому даже Арриан, наш самый надежный источник, не утверждает, что Парменион и Филота намеревались убить царя.

Плутарх, более склонный к признанию виновности Филоты и Пармениона, пишет, что «старые недруги» возвели много клеветы на командира македонской конницы. Среди ярых противников Филоты он называет Гефестиона, который после его гибели стал одним из гиппархов македонской кавалерии [Арр., III, 27, 4]. В данном случае не исключена возможность личного соперничества между Гефестионом и Филотой, занимавшим после отца первое по важности место в войске.

Самой жизнеспособной оказалась псевдокаллисфеновская линия освещения событий, приписываемая Клитарху (IV—III вв. до н. э.). Ей следовали Плутарх, Диодор, Курций, чем вызвано большое сходство в освещении ими отдельных эпизодов похода. Но вместе с тем видны и различия, обусловленные временем жизни каждого из античных историков и теми задачами, которые ставила перед ними определенная эпоха. Отсюда возможная градация в оценке деятельности оппозиции — от предположительной виновности (Арриан, Плутарх) до признания вины (Диодор, Курций). Интересно, что если Арриан и Плутарх как будто жалеют Пармениона, то Диодор осуждает его за участие в заговоре, хотя Александр поручил ему охранять 180 тыс. талантов персидских сокровищ и сделал его правителем Мидии [Диод., XVII, 80, 3].

Самую широкую картину организации и расследования заговора на жизнь царя оставил нам Курций, уделивший этому событию пять глав (7—11-я) шестой книги и две главы (1—2-я) седьмой книги «Истории Александра Македонского». Хорошо известна назидательная направленность произведения Курция, в котором имеется большое количество мифологических и традиционно-устных напластований[23], но вместе с тем благодаря многословию и детальному разбору заговора Филоты он проясняет

некоторые аспекты деятельности оппозиции, в официальной традиции только упоминаемые, но не развитые.

Рассказ о заговоре Филоты Курций начинает с указания о том, что непобедимый для внешнего врага царь подвергся опасности со стороны внутренних недругов. Среди них историк называет этера Димна (Лимна), обиженного царем и решившего присоединиться к группе заговорщиков, в которую входили телохранитель Деметрий, Певколай, Никанор, Афобет, Иоллай, Диоксен, Археполис, Аминта. Из всех участников заговора, намеревавшихся устранить царя через три дня, нам известны трое: телохранитель Деметрий, которого Александр арестовал, подозревая в измене, и на его место назначил Птолемея Лага [Арр., III, 27, 5]; Аминта — командир таксиса; Иоллай — сын Антипатра, виночерпий Александра. Недаром этер Димн, когда хотел привлечь к заговору юношу Никомаха, говорил ему, что он будет участвовать в нем вместе со «смелыми и выдающимися мужами» [Курц., VI, 7, 6]. Так предположение Арриана и Плутарха о существовании группы заговорщиков подтвердилось свидетельством Курция, назвавшего поименно участников заговора.

Первым был арестован Димн, но он успел нанести себе смертельную рану мечом. Еще до проведения расследования Александр был уверен в намерениях Филоты, ибо говорил, что сын Пармениона намеревался быть царем Македонии вместо него. Но внешне царь не изменил своего отношения к нему, хотя и собрал без его ведома на тайный совет самых близких друзей: Гефестиона, Кратера, Кена, Эригия, Пердикку и Леонната. В качестве главного обвинителя против Пармениона и его сына выступил Кратер. Он заявил, что Филота ничего бы не скрыл от царя, если бы сам не был главою заговора. Александр и «друзья» согласились с мнением Кратера и решили провести дознание.

Почему же Кратер недолюбливал Филоту? Курций объясняет это соперничеством, желанием занять первенствующее положение при царе [VI, 8, 2]. Плутарх подчеркивает, что о заговоре Филоты царю стало известно через Кратера [Алекс., 48]. Курций к этому добавляет, что Кратер не хотел упустить удобного случая, чтобы уничтожить соперника [VI, 8, 3].

Операцию по аресту Филоты осуществили ночью, когда лагерь спал. На дорогах были выставлены сторожевые посты, чтобы никто не мог тайно бежать к Парменио в Мидию. Филоту стражники взяли прямо с постели. На следующий день его поставили на суд 6 тыс. солдат, интендантов и обозной прислуги.

Речь царя перед войском (приводимая Курцием) показывает, что во главе заговора стоял Парменион, а его орудием был Филота, сплотивший вокруг себя остальных заговорщиков. Но свидетельские показания не подтвердили виновности Филоты, и тогда Александр сам обвинил сына Пармениона в «жажде царской власти» [Курц., VI, 9, 11], а для большей убедительности показал солдатам письмо Пармениона к сыновьям, понятое как намек на преступный замысел.

Несмотря на доводы царя, войско как будто сочувствовало Филоте и особенно Парменио, уже потерявшему на войне двух сыновей. Вот тогда-то против Филоты резко выступил Аминта, напомнивший воинам, что их «предали варварам» и что они вряд ли вернутся на родину. Потом выступил Кен, зять Филоты, назвавший его «предателем царя, страны, войска» и чуть не убивший обвиняемого камнем.

Филота отрицал свою причастность к заговору, но под пытками дал показание, что Гегелох, погибший в сражении, был другом его отца и подбивал последнего на заговор против Александра, после того как царь

объявил себя сыном бога Амона. Но в то время Парменион будто бы отверг план заговора, сочтя его преждевременным.

После тщательного дознания все заговорщики были казнены.

Общее впечатление о заговоре Филоты у Курция двойственное: если раньше воины считали, что сын Пармениона понес заслуженную кару, то, когда его не стало, ненависть обратилась в сострадание [VII, 1, 1]. Несколько дальше римский историк выразил сомнение, сказал ли Филота под пыткой правду или просто хотел положить конец своим мучениям [VII, 2, 34].

Аминта с братьями, обвиненный в причастности к заговору, сумел доказать свою невиновность. В этом пункте рассказ Курция перекликается со свидетельством Арриана, отличаясь от него лишь в некоторых деталях. Вообще, если сопоставить сведения четырех источников о раскрытии заговора Филоты, то можно заметить своеобразную градацию недовольства политикой Александра, отправным пунктом которой явилось обожествление царя [24].

Арриан не пишет, как войско реагировало на расправу с Парменионом и Филотой. Плутарх отмечает, что действия царя «внушили страх». По словам Диодора, царь организовал «отряд беспорядочных», куда собрал всех, кто дурно отзывался о его поступках. Курций сообщает, что Александр отделил всех солдат, «ненавистных» ему, поставил над ними начальником Леонида, некогда близкого к Парменио́ну, приказал им разбивать лагерь отдельно от остального войска, чтобы оградить его от духа недовольства [VII, 2, 35—37]. Следовательно, то, о чем умалчивает официальная традиция, проскальзывает в трудах критического направления, заостряющих внимание не только на личной вражде царских приближенных и соперничестве между ними, но и на росте недовольства, охватившего командиров и войско. Если Арриан и Плутарх ничего не пишут о реакции войска на гибель Филоты и Пармениона, то Диодор сообщает об «отряде беспорядочных», а Курций к этому добавляет рассказ о волнениях в Мидии, где солдаты чуть не убили своих командиров за расправу с Парменионом. Только чтение письма царя о кознях полководца пресекло мятеж. И все же воины добились выдачи тела любимого вождя для захоронения [VII, 2, 32].

Так, сопоставляя свидетельства античных историков, можно обнаружить не только личный конфликт царя и мятежников, но и нарастание недовольства среди командиров и отчасти солдатской массы, противящихся широким планам создания восточной державы. Показательно, что Кен «больше всех обвинил Филоту» во Фраде [Курц., VI, 9, 30], в Индии же сам выступил против политики Александра от имени «большей части войска» [App., V, 27, 2]. Поэтому общая тенденция античной историографии, стремящейся представить заговоры на жизнь царя как личный конфликт, не подтверждается ими самими, когда они пишут о целом круге заговорщиков. Между тем версия о бунте одиночек была подхвачена еще И. Дройзеном [25].

В марксистской исторической науке возникновение и развитие оппозиции рассматриваются с социально-экономических позиций. Советская историография считает, что заговоры на жизнь царя — один из аспектов ожесточенной борьбы внутри правящего класса греков и македонян, противившихся осуществлению планов Александра на Востоке. Будучи едиными во взглядах на цели оппозиционеров в войске Александра, советские исследователи по-разному определяют движущие силы, противившиеся восточной ориентации македонского царя.

Одни исследователи убеждены, что оппозиция в войске Александра состояла из трех основных частей: старой македонской аристократии, ратовавшей за децентрализацию Македонии; командиров; солдатской массы [26]. Другие исключают первую составную часть оппозиции, считая, что она не принимала никакого участия в противодействии миродержавной политике Александра на Востоке [27]. Это мнение представляется нам более убедительным.

Действительно, старая македонская аристократия боролась за возврат к временам раздробленной Македонии. Последним отзвуком этой оппозиции, задавленной еще Филиппом, было выступление Линкестийца. Итак, неправомерно сближать цели старомакедонских правящих родов с интересами тех деятелей, которые верой и правдой служили Филиппу и в полном согласии с которыми Александр начал восточную кампанию.

Для всех античных историков был очевиден отход Александра от интересов Македонии. Однако авторы критического направления, не делая различия между оппозицией, всех недовольных объединили в одну группу, поставив рядом с Филотой и Парменионом Линкестийца, отличающегося от первых своими намерениями. Некоторые зарубежные исследователи также не видят различия между оппозицией в Ликии и заговором Филоты и Пармениона [28].

В апологетической традиции нет прямых доказательств участия Филоты и Пармениона в заговоре Димна. Значит, Александр совершил ошибку, убив одного из лучших командиров конницы? Очевидно, нет, так как иначе Александр поступить не мог, видя настороженное отношение к себе многих «друзей». Конфликт был неизбежен; следовательно, при малейшем подозрении на существование направленного против него заговора Александр вынужден был устранить тех, кто мог оказаться в скором времени в стане его врагов. Царь не думал отказываться от своих намерений, а это вело к росту оппозиции. Он убрал из войска самых влиятельных командиров, за которыми могла пойти бóльшая часть армии.

Бесспорно, Александр действовал жестоко, но вместе с тем, боясь выступления оппозиции, он не мог сохранить жизнь людям, на которых пала хотя бы тень подозрения. Правда, раньше Александр прощал своим соратникам мелкие и крупные провинности. Например, когда казначей Гарпал бежал после Исса в Грецию, Александр простил его и оставил на посту хранителя царских сокровищ [App., III, 6, 7]. Но дело приняло иной оборот, когда царь завел войско в сатрапии Средней Азии, помышляя о выходе к восточному краю Земли, а командиры и солдаты неохотно шли вперед, все больше думая о родине и доме. В условиях обострившейся отчужденности царь обязан был действовать более решительно. Он так и поступил в назидание всем, кто в будущем решился бы посягнуть на его жизнь.

У Александра было достаточно сил, и он мог действовать беспощадно. Солдаты еще не разуверились в своем царе и шли за ним, несмотря на крамольные речи какой-то части воинов, собранных в отдельный отряд. Большинство командиров также не утратили веру в Александра, и поэтому царь, оказав давление на войсковое собрание, смог добиться вынесения смертного приговора всем подозреваемым участникам заговора.

Хотя заговор на жизнь царя во Фраде был раскрыт, в окружении Александра продолжали господствовать неуверенность, зависть, интриги, взрастившие позже новых оппозиционеров, не оставлявших мысли о повороте македонской политики вспять. И тогда среди непримиримых противников царя мы найдем его ближайших соратников: командира конницы Клита, историка Каллисфена, гиппарха Кена. Все они поплатились жиз-

пью за несогласие с планами Александра. Но об этом речь пойдет ниже. А пока вернемся к нашему рассказу.

Обезглавив оппозицию, царь повел свое разноплеменное войско на восток. На пятый день армия достигла области расселения ариаспов (аримаспов), прозванных эвергетами (благодетелями) за помощь, оказанную Киру во время скифского похода [29].

Александр, в изображении античной традиции поборник справедливости и законности, уважительно отнесся к народу, чьи предки помогли Киру. А после того как царь убедился, что «их общественная жизнь вовсе не похожа на жизнь других местных варваров» и что они соблюдают справедливость наравне с лучшими людьми Эллады, он оставил их независимыми, прирезав им соседние земли [Арр., III, 27, 5]. Другие источники приводят несколько иные сведения: ариаспы приветливо отнеслись к Александру, и он, уладив за 60 дней все дела, наградил их большой суммой денег за верность Киру. Сатрапом их стал перс Амедин, бывший секретарь Дария III [Курц., VI, 3, 1], или, по другой версии, Тиридат, хранитель персидских сокровищ в Персеполе, добровольно сдавший казну Ахеменидов македонянам [Диод., XVII, 81, 2].

Как бы то ни было, Александр теперь везде старался подчеркнуть свое особое уважение к тем, кто верно служил законной власти в противовес беззаконию Бесса, убившего Дария и присвоившего царский титул. Подготавливая таким образом общественное мнение, македонский царь надеялся внести раскол в ряды сообщников бактрийского сатрапа и при возможности привлечь их на свою сторону. Очевидно, независимость эвергетов, о которой писал Арриан, имела пропагандистский характер и была дарована как награда за верность законной власти и принятие без сопротивления македонских порядков. Но установленная царем повсеместно на Востоке система управления была распространена на земли эвергетов и гадросов (сдавшихся добровольно), объединенные в одну сатрапию. Следовательно, «свобода», как понимали ее античные историки, в рамках законной власти македонского царя была обеспечена полностью.

У южных склонов «Кавказа» (Гиндукуша) находилась Арахозия — горная страна. На юге она граничила с землей гандаров, а на севере — с Бактрией [Страб., XI, 516]. Попав сюда в ноябре 330 г. до н. э., македонское войско вязло в глубоком снегу и терпело недостаток в пище, но все же упорно продвигалось вперед. Покорив Арахозию, Александр сделал ее сатрапом македонянина Менона, оставив ему войско в 4 тыс. пехотинцев и 600 всадников [Арр., III, 28, 1; Курц., VII, 3, 5].

Где был расположен македонский гарнизон, основные источники не сообщают, точно так же как ничего не пишут о городах, основанных Александром в Арахозии, стратегически важной сатрапии, контролировавшей путь на север через земли паропамисадов в Бактрию и на восток через Ортоспану (Кабул) в Индию.

Плиний [VI, 92] и Страбон [XI, 514] писали об Александрии Арахозийской, называя ее Арахотами (впоследствии — Кандагар), и приводили различные расстояния от Александрии Арийской (Герат) до этого города. Еще одну Александрию древние помещали на северо-востоке современного Афганистана, в районе Газни. Вполне допустимо, что Арахоты Плиния — не что иное, как Александрополь Исидора Харакского, географа I в. н. э. Этим и объясняется меньшее расстояние от Александрии Арийской до Александрии Арахозийской у римского географа по сравнению с тем, которое дает Страбон.

Спор о том, сколько городов основал Александр в Арахозии, в исторической литературе до сих пор не решен, ибо никто всерьез не занимал-

ся этой проблемой и археологических изысканий не проводилось. Все, чем оперируют историки,— это свидетельства Страбона, Исидора Харакского, Плиния, не согласных между собой в сведениях об Александрии Арахозийской. Видимо, название «Александрия», присвоенное городу, который был создан македонским царем в Арахозии, ненадолго пережило своего основателя, так как Исидор Харакский упоминает Александрополь, включенный в перечень парфянских почтовых станций, и Деметрию Арахозийскую (Σταθμοί Παρθικοί , 19). Из этого сообщения В. Тарн делает вывод, что в Арахозии была одна Александрия — Газни, а другая, возможно, являлась простым военным поселением[30]. М. Уилер оспаривает эту точку зрения, считая, что более важной была Александрия — Кандагар, центр эллинской образованности в Средней Азии[31].

Не вызывает сомнений ни важность торгового пути из Бактрии в Индию, проходящего через Арахозию, ни стратегически выгодное положение Арахот (Кандагара), но все же мы не вправе утверждать, что это был центр греческой культуры и философии, как делают некоторые западные исследователи. На чем основано подобное мнение?

Общеизвестно, что в немарксистской историографии эпоху эллинизма рассматривают как время распространения греческой культуры на Восток, что, в свою очередь, всецело приписывается сознательной деятельности Александра. В этом плане любая археологическая находка, датированная данной эпохой, рассматривается отдельными историками как подтверждение мнения о преимущественно культурном аспекте эллинизма. Нечто подобное произошло с недавней находкой билингвы, наскального двуязычного эдикта буддийского императора Ашоки (III в. до н. э.), внука Чандрагупты из рода Маурьев, найденного близ современного Кандагара, в районе древней Александрии Арахозийской. Тот факт, что к концу третьей четверти III в. до н. э. (75 лет спустя после Александра) в Арахозии был выбит наскальный эдикт по-гречески и по-арамейски, дает основание некоторым ученым говорить о широкой географии эллинской культуры в Средней Азии и даже делать вывод о сохранении греками в этих местах своего «наиболее совершенного строя»[32]. Но подобный вывод бездоказателен, так как не учитывает основного в эллинизме — его синкретического характера, сложенного из эллинских и восточных начал. Вряд ли греки, осевшие в далекой Арахозии, сохранили свою полисную организацию, хотя преемники Александра на Востоке, Селевкиды, всячески поощряли самоуправление городов в рамках подчинения центральной власти.

Но греческое население Александрии в Арахозии уже подчинялось индийскому правителю. Поэтому-то, обращаясь к своим подданным с проповедью буддийских норм поведения, Ашока использовал и греческий язык κοινή, и арамейское письмо. Кандагарский эдикт не подтверждает примата эллинства в Средней Азии, а свидетельствует лишь о наличии там греческих колонистов[33], в обращении к которым буддийский царь употребил понятный им язык. Ведь не приходится удивляться тому, что следы греческих колоний и поселений обнаруживались в Бактрии, Парфии, Индии, где побывал с войском македонский полководец и где по его приказу селились солдаты-ветераны и оставлялись гарнизоны. Точно таким же образом потомки бывших воинов Александра очутились в Арахозии, подпавшей с середины III в. до н. э. под власть могущественного рода Маурьев.

В Арахозии Александра застало известие о восстании в Арии. Сатибарзан, бежавший ранее к Бессу, вновь объявился в сатрапии с 2 тыс. всадников и «убедил тамошнее население отпасть от Александра» [Диод., XVII, 81, 3]. Однако македонский царь не стал со всем войском возвра-

Персидские воины

щаться в Арию, на что, возможно, надеялись Бесс и его единомышленники, хотевшие выиграть время и упрочить свое положение в Бактрии, а вступил в горную страну Паропамис.

Посланные в восставшую Арию перс Артабаз, Эригий и Каран с 6 тыс. пехотинцев и 600 всадников при поддержке парфянского сатрапа Фратаферна вступили в жестокую битву с противником [App., III, 28, 2—3; Курц., VII, 3, 2]. В одних источниках указано, что «варвары» кинулись бежать сломя голову, после того как вместе с Эригием погиб Сатибарзан [App., III, 28, 3]. В других приводится иная версия. Посланные Александром стратеги застали в Арии большие силы. Многие схватки и перестрелки предшествовали генеральному сражению, в котором долгое время не могла победить ни одна из враждующих сторон. Тогда Сатибарзан, сорвав с себя шлем, предложил македонским военачальникам вступить с ним в единоборство. Вышел Эригий и победил, а мятежное войско, напуганное гибелью Сатибарзана, сдалось македонянам [Диод., XVII, 83, 4—6].

Племя паропамисадов Страбон помещает по верхнему течению Инда и в отрогах «Кавказа» (Гиндукуша). В зимнее время страна эта недоступна из-за обилия выпадающего снега, но в ней много селений и она богата всяческими продуктами [Страб., XV, 725].

В представлении древних, Кавказ (или Тавр) имел продолжение на Восток вплоть до Индийского моря [Страб., XI, 519] и носил название Индийского Кавказа. Отдельные его части именовались местными жителями Паропамис, Эмод, Имай [Страб., XV, 689]. «Если направиться на восток от Гирканского моря,— пишет Страбон,— то справа будут горы, тянущиеся до Индийского моря. У греков они называются Тавром. Они начинаются у Памфлии и Киликии и простираются с запада до этих мест непрерывной цепью, принимая то одно, то другое название» [XI, 510]. Таким образом, Страбон, опиравшийся в основном на труды Эратосфена, разделял его взгляды. Но не все Страбон считал достоверным в свидетельствах своих предшественников, особенно тех, кто жил в эпоху Александра и ради большей славы македонского царя переосмысливал традиционную эллинскую мифологию. Так, он негодует, когда прикованного к скале Прометея помещают не на Кавказе у Понта Эвксинского, а где-то в Паропамисе [XV, 688]. Отзвук этого нового мифотворчества находим у Диодора, который пишет, что посредине Кавказа есть пещера, в которой был прикован Прометей, гнездо сказочного орла и следы цепей — все это местные жители будто бы показали македонскому царю [XVII, 83, 1]. Эту же легенду приводит и Курций.

В представлении античных историков, паропамисады были самым диким племенем среди всех «варваров». О них ничего не знали соседи, ибо они не хотели ни с кем торговать. Высокогорный климат требовал постройки жилищ, хорошо защищавших от зимних холодов и непогоды. Кирпичные строения, широкие внизу, постепенно сужались кверху, оставляя только отверстие для проникновения света и выхода дыма [Диод., XVII, 82, 2—3]. Но, невзирая на жестокие холода, обилие снега и продолжительную зиму, паропамисады разводили виноград и плодовые деревья, тщательно укрывая их землей от зимней стужи.

Официальная традиция ничего не сообщает о покорении племени паропамисадов. Отсутствие сведений о них наводит на мысль о мирном завоевании народа, обитавшего в отрогах Гиндукуша. Даже авторы критического направления мимоходом пишут, что «царь скоро покорил всех местных жителей» [Диод., XVII, 82, 8] и что паропамисады, «никогда не видевшие чужеземцев, леденели от страха» и предлагали македонянам все, что имели [Курц., VII, 3, 16]. Из этих скупых и неясных свидетельств можно только сделать предположение о добровольной сдаче Александру этого горного племени.

Но интересно иное, на что порой не обращается достаточного внимания: влияние, которое оказали на античных историков традиционные эллинские взгляды, в частности воззрения Аристотеля на все негреческие народы. В этом смысле рассказ о горных племенах, обитавших на перевалах Гиндукуша, очень типичен.

«Страна Паропамис лежит при заходе Плеяд» (т. е. на севере),— пишет Страбон [XV, 725]; «на крайнем Севере»,— указывает Диодор [XVII, 82, 2]; «в холодной северной зоне»,— добавляет Курций (VII, 3, 7). Такое нарочитое упоминание севера у античных авторов не случайно. Понятие географической среды как определяющего фактора степени культурного развития народов на разных широтах было сформулировано Аристотелем, признающим примат условий обитания в жизни древних племен [34]. Народы, проживающие на севере, по мнению древних греков, обладали незаурядной храбростью, но были дики и некультурны. Не зря Курций называет паропамисадов «наименее цивилизованным племенем» [VII, 3, 6]. Однако из сообщений тех же античных авторов не видно, что эти

племена не перешли рубежа варварства. Высокогорье и суровые зимы не мешали горцам Паропамиса выращивать виноград и фрукты, делать запасы продовольствия. Отсутствие леса в этих местах способствовало развитию строительства из камня, в частности из кирпича. Несмотря на суровость климата, там было множество поселений. Следовательно, не такими уж «варварами» выглядели эти горные племена, жившие у «Кавказа».

Подойдя к горе «Кавказ», как пишут древние авторы, Александр основал город и назвал его Александрией (где-то в районе современного Кабула). Арриан называет только один город, основанный македонским царем в Паропамисе,— Александрию Кавказскую [III, 28, 4]. Это свидетельство подтверждается Страбоном, отмечающим, что македонский царь, перезимовав в Паропамисе, основал там город [XV, 725]. В некоторых второстепенных источниках говорится об основании двух Александрий на «Кавказе», на расстоянии суток пути между ними [Диод., XVII, 83, 1—2]. Не вполне ясное свидетельство Курция также, видимо, указывает на существование двух городов [VII, 3, 23].

Административное управление Паропамиса повторяло схему, повсеместно применявшуюся Александром на Востоке: сатрапом стал перс Проекс, а гиппархом — Нилоксен, один из «друзей» [Арр., III, 28, 4]. По одним источникам, Александр во вновь основанном городе оставил 7 тыс. старейших македонян и, кроме того, воинов, непригодных к дальнейшей военной службе [Курц., VII, 3, 23]; по другим — 3 тыс. из сопровождавших войско и наемников, пожелавших остаться там, и 6 тыс. местных «варваров» [Диод., XVII, 83, 2].

Чем объясняется, что в среднеазиатских сатрапиях (Восточный Иран и Северный Афганистан) Александр основал несколько городов своего имени?

Ставший традиционным на Западе взгляд на Александра как на сеятеля эллинской культуры на Востоке (берущий начало от Плутарха) совсем не соответствует тому, что осуществлял македонский царь. Он строил города, создавал поселения колонистов, преследуя стратегические цели. Показательно географическое размещение созданных им в Средней Азии городов: все Александрии — в Арии (Герат), в Арахозии (Кандагар, Газни), в Паропамисе — находились на торговых путях, ведущих из Мидии в Бактрию и Северную Индию[35]. Обладание ими давало Александру возможность контролировать торговлю и обмен, что, в свою очередь, способствовало установлению некоего экономического единства в рамках создаваемой универсальной монархии.

Итак, минул год с тех пор, как Александр оставил Персеполь (весна 330 г. до н. э.) и устремился в погоню за Дарием по важнейшей магистрали, связывавшей Вавилон со среднеазиатскими областями через Экбатаны и Каспийские ворота. Весной 329 г. до н. э. греко-македонское войско находилось уже на перевалах Гиндукуша в Александрии Кавказской, новой колонии со смешанным населением.

Бесспорно, успехи, достигнутые за этот год, были внушительны: ушел из жизни последний представитель некогда могущественной династии Ахеменидов, тем самым как бы передав свою власть законному и более могущественному наследнику. Рассуждения на эту тему имеются в источниках, указывающих, что будто бы сам Дарий на смертном одре завещал персидское царство Александру и просил покарать изменника Бесса (Плутарх, Диодор).

В понимании античных авторов Бесс был самозванец, убийца закон-

ного царя и узурпатор. Поэтому борьба с ним представлена в источниках как акт справедливой мести Александра. Однако деятельность Бесса была направлена на организацию отпора чужеземному завоевателю, и в этом ее глубокий смысл [36].

Допустим, что Дарий, инертный и бездарный полководец (как его представляют источники), действительно не был той фигурой, за которой могли пойти разноплеменные народы, оказавшиеся под властью персидских царей [37]. Но и после него не нашлось руководителя, сумевшего стать во главе сопротивления, разгоревшегося в восточных сатрапиях против греко-македонских завоевателей. Следовательно, не бездарность Дария и его сатрапов, пытавшихся задержать войско Александра на подступах к Средней Азии, а общий упадок державы Ахеменидов определил боевые качества персидского войска. В свете сказанного становится понятным, почему Александр смог за год покорить огромное пространство: Мидию, Гирканию, Парфию, Арию, Драангиану, Арахозию — все земли, охватывавшие с запада и юга Бактрию, где укрылся Бесс.

Известие о принятии Бессом царского титула не на шутку взволновало Александра. Бесс имел достаточно военных сил и союзников, а потому представлял серьезную угрозу для македонян. По этой причине Александр без промедления устремился из Гиркании через Арию в сторону Бактрии. Однако мощное выступление в Арии надолго задержало его на подступах к Бактрии. По-видимому, именно эту цель преследовал Бесс, привлекая на свою сторону арийского сатрапа Сатибарзана. Александр был вынужден дважды замирять восстававшую Арию, где в военно-стратегических целях создал свой опорный пункт — Александрию Арийскую (Герат). Вероломное поведение Сатибарзана убедило македонского царя, что вначале следует закрепиться на подступах к Бактрии, добиться прочности тылов, а потом уже двинуться против Бесса, укрывшегося за Гиндукушем. Александр в общей сложности потратил на эту операцию около полугода, методически покоряя одну область за другой, налаживая там административное управление и создавая опорные пункты (Александрии) в ключевых местах сатрапий [38].

Парфия, Гиркания, Драангиана, Арахозия покорились без сопротивления, так как местная знать сочла более выгодным сотрудничать с завоевателем, чем подняться на борьбу с ним. Милостивое отношение Александра ко всем персидским вельможам, добровольно перешедшим на его сторону, было залогом сохранения для них прежних привилегий и постов. Правда, после измены Сатибарзана Александр с оглядкой оставлял на важных постах местных правителей, но все же широко практиковал назначение персидских вельмож на руководящие должности.

Вторичное восстание в Арии удалось подавить небольшими силами греков и македонян при поддержке парфянского сатрапа Фратаферна. Выступление в Драангиане также потерпело крах, ибо сатрап Барзаент, сторонник Бесса, бежал в восточную Арахозию к индийцам, был выдан Александру и казнен за измену Дарию [Арр., III, 25, 8]. Так несогласованность действий сатрапов, руководствовавшихся узкоместническими интересами, дала Александру возможность покорить одну за другой все земли на подступах к Бактрии и достичь перевалов «Кавказа».

Устранение Дария, вне сомнения, было важнейшим моментом в реализации планов создания восточной монархии, и с этого времени наблюдается повышенный интерес македонского царя к местной знати, желание перенять местные обычаи. Как раз тогда вводится персидский придворный этикет, на царе появляется мидийская одежда, заводится гарем и

штат жезлоносцев. Все нововведения не проходят мимо античных историков, отметивших превращение македонского царя в восточного владыку.

Древние историки связывали крах персидской державы со смертью Дария, хотя фактически это случилось раньше, в битве при Гавгамелах (331 г. до н. э.), когда армия персов была рассеяна, а сам царь бежал с поля боя, бросив на произвол судьбы войско и имущество. Следовательно, если считать битву при Гавгамелах свидетельством краха персидской державы, то гибель Дария в парфянских землях (район современного Дамгана) — его логическое завершение.

Территориальные приобретения Александра за прошедший год были впечатляющи, но, видимо, они не радовали македонского царя, столкнувшегося с ростом оппозиции среди ближайших соратников. Антитеза Восток — Македония была неразрешима, и если царь рвал связи с родиной, то неизбежно отдалялся от своих бывших единомышленников, приближался к «варварам», что, в понимании греков того времени, было недопустимо[39]. Формула «порочного» Востока, якобы испортившего и царя, и его соратников, многие из которых, разбогатев, стали домогаться царской власти, характерна для античной историографии. Она отчасти искажает суть заговоров на жизнь Александра, перемещая сложный социальный конфликт в область личных отношений.

Но не моральная деградация на Востоке, как представляет дело античная историография, была причиной все нараставшей волны оппозиции, возникшей среди командиров и завершившейся неповиновением всего войска, что вынудило Александра уйти из Индии, так и не достигнув «восточного края» Земли. Именно поэтому македонский царь долго и тщательно скрывал овладевшую его умом идею мирового господства от приближенных и солдат, зная заранее, что его миродержавные планы останутся чуждыми для большинства сподвижников. Показательно, что заговор Пармениона и Филоты был раскрыт в Драангиане, восточной сатрапии, после того как Александр порвал связь с Элладой, отправив на родину все союзные контингенты.

Своеобразным водоразделом между Александром Македонским, царем маленького балканского государства, и Александром, восточным владыкой, официальная традиция (Арриан, Плутарх) считает время после гибели Дария, когда македонский царь не только фактически, но и юридически стал преемником Ахеменидов. А положение восточного владыки обязывало Александра следовать местным обычаям. Так царь сам отдалялся от македонян и греков, что не могло не повлечь за собой резкого недовольства его восточной политикой.

Жестоко расправившись с Парменионом и Филотой, Александр преподал наглядный урок всем тем, кто не был согласен с его действиями. Он надеялся, что подобное больше не повторится. Но как он ошибался! Ведь недовольство в рядах греков и македонян не могло заглохнуть, раз царь «предал интересы родины» и приблизил к себе «варваров». Отчужденность греко-македонского войска возрастала, и ничто уже не могло сдержать взрыва, зревшего в его недрах. Следовательно, даже получив желанный титул наследника Ахеменидов, Александр не мог чувствовать себя уверенно, так как те, с кем он начинал поход, постепенно из друзей превращались в его врагов.

Но все это еще не означало невозможности продолжать поход, и Александр упрямо шел вперед, видя свою ближайшую задачу в завоевании Бактрии и Согдианы, где под руководством Бесса готовилось новое сопротивление.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В ГЛУБИНАХ АЗИИ

Проведя зиму в стране паропамисадов и основав там город, Александр весной 329 г. до н. э. одолел за 15—17 дней труднодоступные заснеженные перевалы и привел свое войско в равнинные земли южной Бактрии (современный Северный Афганистан). Перед греками и македонянами лежала покрытая снегом пустыня, лишенная бессом всего живого, чтобы затруднить продвижение противника. Но Александр, несмотря на глубокий снег и нехватку самого необходимого, шел вперед [Арр., III, 28, 8—9].

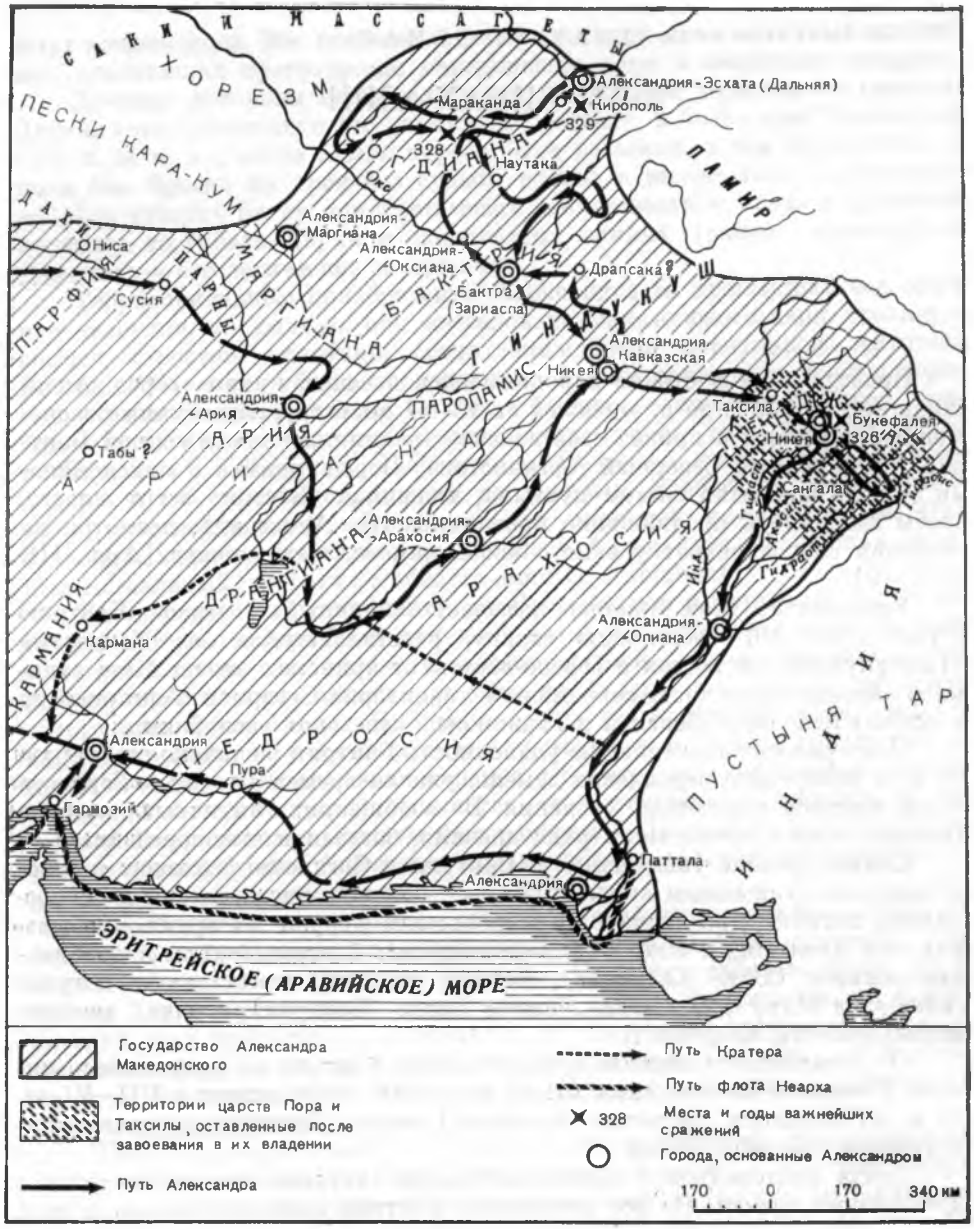
Украшением всей Арианы называет античный географ Бактрию [Страб., XI, 516] — обширную страну, расстилавшуюся за «Кавказом» (Гиндукушем) на восток и северо-восток от арийских земель. Она занимала значительную часть современной территории Северного Афганистана и южных районов Узбекской и Таджикской советских республик.

Невзирая на значительную удаленность Бактрии не только от Греции, но и от собственно персидских земель, уже со времен Ктесия и Геродота о ней имелись некоторые сведения. В сообщениях античных авторов Бактрия представлена как страна древняя, богатая и высокоразвитая.

Самые древние упоминания о Бактрии и Согдиане восходят к зороастрийским священным книгам Авесты[1], бо́льшая часть которых, по преданию, погибла при пожаре персепольского дворца во время пребывания там Александра. Уже в них упоминались благословенные и изобильные области: Согдо (Согдиана), богатая людьми и стадами, могучее священное Муру (Маргиана), чистое Багди (Бактрия), страна великих знамен [Авеста, Фаргард I].

От древнейшего периода существования Бактрии не сохранилось ничего. Главными источниками наших сведений (восходящих к VII—VI вв. до н. э.) являются греческие историки Геродот, Ктесий и позднеэллинистический географ Страбон.

Слава плодородной и обширной страны укрепилась за Бактрией с древнейших времен. Но все сведения о Бактрии основывались на устной традиции, дошедшей до эллинов через историка Ктесия, придворного лекаря Артаксеркса, встречавшегося в Сузах с персидскими купцами и землепроходцами. До времени похода Александра ни один грек не побывал в Бактрии, не считая эллинов из Милета, так называемых бранхидов, по преданию выселенных Ксерксом в отдаленные земли [Курц., VII, 5, 28]. В этом смысле проникновение македонян в Бактрию носило познавательный характер, а не только завоевательный. Даже спустя несколько веков после похода Александра на Восток античные авторы писали о богатстве природы этих мест, где разнообразные деревья и виноградная лоза давали в изобилии сочные плоды, где имелась тучная почва и многочисленные источники. На мягких землях там сеяли хлеб, а осталь-



Восточные сатрапии и Индия

ные использовали под пастбища. Но плодородные равнины перемежались с песчаными пустынями, которые путники обычно пересекали ночью, так как путь можно было определить только по звездам. В оазисах же имелось много людей и лошадей. Бактрия поставляла до 30 тыс. всадников в персидское войско [Курц., VII, 26—31; Страб., XI, 516].

Наиболее ранние упоминания о народах Средней Азии относятся к VII—VI вв. до н. э., времени расцвета и упадка Ассирийского царства, а также возвышения Персии. Мифологически-литературная традиция, отра-

женная у Ктесия и дошедшая до нас через Диодора [II, 3, 19], повествует о легендарном походе ассирийского царя Нина в Среднюю Азию. Некоторые советские ученые отрицают возможность установления господства Ассирии в Средней Азии, считая, что ассирийское влияние не распространялось далее областей Западного Ирана[2]. Но мифологический сюжет у Ктесия иллюстрирует другое — притягательную силу среднеазиатских земель для завоевателей и сложность их покорения из-за воинственности жителей.

За 17 лет Нин, как повествует предание, покорил все племена Азии, кроме индийцев и бактрийцев, несмотря на несколько попыток завоевать труднодоступную и воинственную Бактрию [Диод., II, 2]. И только собрав огромное войско из всех подчиненных Ассирии племен (200 тыс. конницы и 1600 серпоносных колесниц), Нин овладел Бактрией. Однако он так и не смог взять ее главный город, Бактры, «вследствие неприступности и сопротивления» [Диод., II, 5—6]. Там же он нашел много золота и серебра [Диод., II, 7].

По преданию, и царица Семирамида, правившая ассирийской державой с 810 г. до н. э., бывала в Бактрии. Она готовилась там к индийскому походу, собрав в Бактру лучших мастеров из Сирии, Финикии и с Кипра для строительства кораблей из бактрийского леса.

Еврипид, знаменитый автор греческих классических трагедий V в. до н. э., в «Вакханках» вспоминает о стенах (мощных укреплениях) Бактр, через которые прошел бог Дионис, победоносно шествовавший по Азии [Вакханки, 13].

Но это все — мифологический материал, а подлинно исторические сведения о народах Средней Азии восходят к VI в. до н. э., когда персидский царь Кир Старший после завоевания мидийского царства двинулся в глубь континента покорять народы Средней Азии. По версии Ктесия, Кир долго и безуспешно вел войну с бактрийцами, пока они сами не приняли его сторону, узнав, что он — сын мидийца Астиага [Фотий, XXII, 106].

Ксенофонт называет бактрийцев среди тех, кто был покорен Киром силой [Киропедия, I, 1, 4]. Кир погиб где-то в Средней Азии, по одним источникам — в борьбе с дербиками [Фотий, XXII, 29, 6], а по другим — от руки массагетов [Герод., I, 215]. По Страбону же, он остался жив и бежал от саков [XI, 512].

С приходом к власти Дария I, добившегося огнем и мечом централизации персидского царства, Бактрия, Согдиана, саки упоминаются как платящие персам дань и исполняющие все их приказания [Behist., I, § 6]. Но наряду с этим есть указания о постоянных восстаниях в Бактрии (Маргиане), у саков, в Согдиане [Behist., III, § 3; V, § 4].

По свидетельству Геродота, Дарий установил определенные размеры поступлений со всей территории персидского царства, разделив страну на 20 податных округов. Так, двенадцатый округ — земли от бактрийцев до элгов (индийцев) — платил 300 серебряных талантов [Герод., III, 92]. Бактрийцы платили умеренную дань по сравнению с поступлениями в персидскую казну от индийцев (360 золотых талантов = 4680 серебряных талантов) и вавилонян (1 тыс. серебряных талантов).

Социальный строй народов Средней Азии представлялся греческим историкам варварским. Таковы сведения Геродота, Диодора, Страбона, Помпея Трога о среднеазиатских «скифах» — исседонах, саках, массагетах, даях. Все древние авторы говорят о кочевом образе жизни «скифских племен» Средней Азии, управляемых вождями, имеющих общее имущест-

во, групповой брак, справедливых и не знающих угнетения,— все это явные признаки доклассового общества. Но наряду с кочевниками-«скифами» в долинах среднеазиатских рек имелось оседлое земледельческое население: в Хоразмии — по течению Окса (Амударьи), в Бактрии и Согдиане. Социальные отношения и культура здесь были выше, чем у кочевых племен, так как уже сложились классовые отношения, стимулировавшиеся системой ирригационного земледелия, а выделявшаяся родовая аристократия начала играть первостепенную роль. Наличие городов с мощными крепостными стенами являлось прямым доказательством существования общества с дифференцированной классовой структурой.

Долгое время не было никаких археологических доказательств наличия городской жизни на территории Средней Азии в столь отдаленную эпоху. Проблема возникновения классового общества и появления укрепленных поселений городского типа особенно волновала советских исследователей, полагавших, что полумифические сведения о существовании могущественной древней Бактрии до персидского владычества свидетельствовали о сложении классового общества на территории южной части Средней Азии в отдаленные времена, а не гораздо позже, когда Александр Македонский, разгромив войско последнего Ахеменида, овладел этими землями.

В середине 50-х годов были проведены археологические раскопки в долине реки Мургаб на развалинах Мерва, древней Маргианы, некогда входившей в состав Бактрии. Так, Бехистунская надпись (VI в. до н. э.) Дария I в одном из своих пунктов гласит, что, когда восстала Маргиана, на ее усмирение был послан сатрап Додарс, подавивший мятеж и присоединивший эту область к Бактрии [Behist., III, § 3].

Три года археологических работ в Маргиане дали исследователям богатейший материал по материальной культуре Бактрии IX—VI вв. до н. э., той Бактрии, которая в трудах античных историков окутана ореолом сказочного могущества и величия. Раскопки на городище Яз-депе показали, что в отличие от поселений эпохи бронзы (первобытнообщинный строй) в центре комплекса располагалась мощная цитадель, видимо резиденция правителя. Обнаруженные остатки монументального толстостенного здания навели на мысль, что это дворец правителя. Кроме того, было найдено оружие древнего гарнизона: глиняные ядра и гладкие камни для пращей. Правда, обводной стены, сделанной из сырцового кирпича, обнаружить не удалось, природа разрушила ее, но, возможно, Яз-депе — одно из древнейших поселений северной Бактрии [3].

Результаты раскопок, проведенных советскими учеными, полностью подтвердили гипотезу о существовании на территории древней северной Бактрии оседлого земледельческого населения, уже перешедшего рубеж варварства к VII в. до н. э.— ко времени сложения поселений городского типа, отмеченных в сочинениях античных авторов.

В эпоху персидского владычества (VI—IV вв. до н. э.) в Средней Азии наблюдался бурный процесс классообразования, ускоренный установлением централизованной власти Ахеменидов в этих областях. Наиболее четко он прослеживается в Бактрии и Согдиане, в местах сосредоточения оседлого земледельческого населения, вокруг укрепленных городов и поселений.

Персидское господство в Средней Азии не было ни прочным, ни стабильным. Бактрия, Согдиана, Хоразмия были окраинами персидской державы, отдаленными и неспокойными. Обычно персидские цари на должности сатрапов в северо-восточные провинции назначали знатных персов,

которые, подобно правителям других частей державы Ахеменидов, имели крупные земельные владения, обрабатываемые рабами. В их функции входило общее наблюдение за сатрапией и регулярное взимание сборов в царскую казну. В своей политике персидские цари опирались на местных вождей племен и аристократов, осуществлявших неусыпный контроль над туземным населением. Даже персидское войско сохраняло территориальное деление племен. Описывая греко-персидские войны и приход «варваров» в Элладу, Геродот называет бактрийских и сакских конников, сражавшихся своим традиционным оружием [VII, 86].

Но если при первых Ахеменидах среднеазиатские правители были довольны своим полузависимым положением, то с дальнейшим развитием рабства и товарно-денежных отношений стали тяготиться этой ролью. Пользуясь внутренними трудностями правящего дома Ахеменидов, они не раз поднимали восстания с целью отпадения от персидской державы. О том, что это были мощные выступления, можно судить хотя бы по тому, что Кир погиб в борьбе с массагетами и что саки и хоразмии считались союзниками персов, а не подданными [App., III, 8, 3; IV, 15, 4]. Все это свидетельствовало о том, что среднеазиатская знать настолько усилилась, что не хотела делиться с персами доходами, получаемыми от эксплуатации местного населения.

К началу восточного похода Александра Македонского Бактрия, управлявшаяся сатрапом Бессом, дальним родственником Дария III, уже была готова отпасть от персов. Внешне она сохраняла лояльность и посылала значительные конные отряды в персидское войско. Даже после рокового сражения у Гавгамел бактрийские всадники Бесса как будто сохранили верность Дарию и вместе с ним бежали к Каспийским воротам, держа путь на Бактрию.

Очевидно, план устранения Дария возник еще в Экбатанах, а стремительная погоня Александра ускорила его исполнение. Дарий был убит своими единомышленниками.

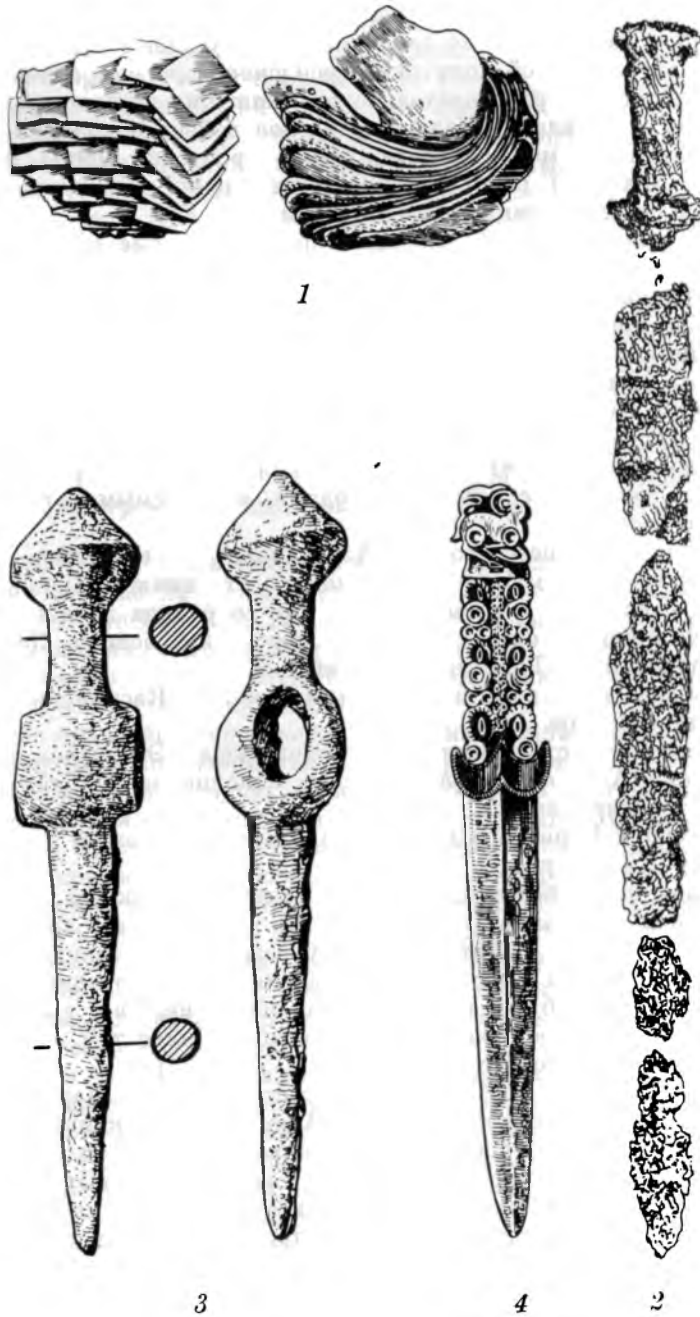
После смерти Дария его место занял Бесс, принявший тронное имя Ахеменидов — Артаксеркс.

Источники почти без внимания оставляют этот важный для истории племен Средней Азии момент, хотя имеется упоминание о том, как Бесс стал призывать народ к защите свободы, указывая, что страна недоступна для чужеземцев и имеет достаточно населения, дабы отстоять независимость. Заявив, что он будет предводителем на войне, Бесс «набирал солдат, заготовил много вооружения и ревностно занялся тем, что насущно требовалось в данный момент» [Диод., XVII, 74, 1—2].

Невзирая на то что Бесс был персом и ставленником Дария, он сумел заручиться поддержкой народов Средней Азии, горячо откликнувшихся на призыв вступить в борьбу с чужеземным захватчиком [Диод., XVII, 74, 1].

Что же собирался противопоставить Бесс хорошо выученной и до сих пор не знавшей поражений армии Александра Македонского? Прежде всего сакских и бактрийских всадников, принимавших участие в походе Ксеркса на Элладу и снискавших известность своими боевыми качествами. В войске «варваров», как пишет Геродот об этом времени, наиболее отличались сакские конники [IX, 71]. В битве при Гавгамелах бактрийские и сакские всадники успешно действовали против авангарда Александра и в завязавшемся конном сражении почти одолели греков и македонян [App., III, 13, 3—4].

Письменные свидетельства о вооружении среднеазиатских народов восходят в основном к Геродоту, перечисляющему все племена, принявшие участие в походе персидского царя Ксеркса на Грецию [VII, 61—99].



Вооружение сакского воина:

1 — детали доспеха; *2* — железный меч; *3* — акинак; *4* — кинжал

заносчивом характере Бесса, оттолкнувшем от него многих единомышленников.

Напуганный быстрым продвижением Александра, Бесс созвал военачальников на пир для обсуждения сложившейся ситуации. Изрядно выпив, командиры начали хвастаться своей силой и насмехаться над малочисленностью врагов. Больше всех разошелся сам Бесс, упрекнувший Дария в тупости и возложивший на него полную ответственность за поражение у Исса, где непроходимые ущелья и стремительные горные реки могли не только задержать врага, но и способствовать его гибели. Он, Бесс, не повторит подобной ошибки и укроется за Оксом, в Согдиане, как за неприступной стеной, пока не придут сильные подкрепления хорезмийцев, саков, даев, индийцев и скифов из-за Танаиса (Сырдарьи), причем эти воины столь высокого роста, что макушки македонян едва достигают им до плеч [Курц., VII, 4, 1—7].

Так хвастался Бесс, и собутыльники в пьяном угаре признали предложенный им план ухода за Окс единственно правильным решением. Один только лидиец Кобар (Гобарен), человек скромный и честный, посоветовал Бессу более полагаться на рассудительность, чем на стремительность, приведя при этом известные пословицы: «Трусливая собака сильнее лает, чем кусает», «Самые глубокие реки текут бесшумно», «Для хорошей лошади достаточно тени от прута, для ленивой мало и шпор». Их иносказательный смысл был хорошо понят присутствующими, и, как только Кобар произнес, что лучше было бы отдаться во власть более сильного врага, Бесс, от природы жестокий человек, схватился за акинак. Другие удержали его от преступления, а Кобар бежал к Александру [Курц., VII, 4, 12—19]. Этот рассказ Курция схематично присутствует у Диодора, указывающего, что в тот момент у многих военачальников возникла мысль схватить Бесса, выдать македонянам и получить от Александра богатые дары [XVII, 83, 8].

За Бессом шли 7—8 тыс. южных бактрийцев. Они охотно подчинялись ему, пока думали, что Александр пойдет в Индию, а не в их земли. Но когда бактрийские всадники узнали, что македонское войско миновало заснеженные перевалы «Кавказа», они покинули Бесса и разошлись по домам.

Оставшись с немногими друзьями, в числе которых были согдиец Спитамен и бактриец Оксиарт, и сохранив лишь отряды согдийской конницы и даев [Арр., III, 28, 10], Бесс бежал за Окс в Наутаку Согдианы, сжег за собой все средства переправы и стал собирать новое войско [Арр., III, 28, 9; Курц., VII, 4, 20—21].

Таким образом, попытка Бесса сплотить вокруг себя племена Средней Азии окончилась неудачей: все готовы были выступить против врага, пока он был еще далеко, но, как только Александр перевалил Гиндукуш, начался разброд в рядах сподвижников Бесса. Первыми изменили ему южнобактрийские всадники, не желавшие разорения своих очагов. До этого потерпело поражение вторичное восстание в Арии, и сатрап Сатибарзан погиб. Мятеж Барзаента в Драангиане также окончился неудачно, а сам он был казнен, после того как был выдан арахозийскими индийцами Александру. Союзники Бесса быстро таяли, а из множества бактрийцев, некогда поддерживавших его, не осталось никого.

Так Бесс разделил участь Дария. Подобно персидскому царю, он не был фигурой, вокруг которой могли бы объединиться среднеазиатские народы и встать на защиту своих земель. Не исключено, что принятие Бессом царского титула только внесло разлад в его отношения с бактрийскими всадниками. Ведь после краха персидской власти народ хотел обрести свободу, а не надеть ярмо новой царской кабалы. В то же время много

вреда организации сопротивления грекам и македонянам причинили местные аристократы и племенные вожди, действовавшие не столько ради общих интересов, сколько в угоду своим личным целям. Следовательно, именно разобщенность и распыленность среднеазиатских военных сил обусловили победу греков и македонян.

Дав непродолжительный отдых войску в Драпсаке, Александр повел его на крупнейшие бактрийские города — Аорн и Бактры, которые взял с ходу. В Аорне он оставил гарнизон под начальством Архелая, одного из «друзей», а «над остальными бактрийцами, — как пишет Арриан, — которые сдались почти без сопротивления, он поставил перса Артабаза» [III, 29, 1].

Так весной 330 г. до н. э. были захвачены южнобактрийские земли — важный плацдарм для вторжения в Среднюю Азию.

Бесс укрылся в Наутаке, и Александр, не теряя времени, принял решение переправиться через Окс, чтобы поскорее вступить в соприкосновение с войском бактрийского сатрапа.

Путь из Бактр к Оксу был не прост: перед македонянами лежала безводная пустыня. Войско двигалось преимущественно по ночам, когда зной спадал и на раскаленную землю спускалась прохлада. Но все равно воинов брал страх, так как на протяжении 400 стадий (около 70 км) не было воды. Солдаты совсем обессилели, пали духом. Только те, кто по совету местных жителей запасся водой, смогли поначалу легче переносить переход через пески. В страшных муках и лишениях войско Александра достигло Окса [Курц., VII, 5, 1—12]. Но еще более тяжкие испытания ожидали солдат, когда они добрались до реки: истомленные жаждой, они пили так много, что умирали. Число погибших превзошло потери греков и македонян в любом из выигранных сражений [Курц., VII, 5, 13—15].

Некоторые исследователи отрицают достоверность свидетельства Курция о трудностях, встретившихся на пути греко-македонского войска при подходе к Амударье. Но переход через пустынные земли Южного Афганистана и Бухарского ханства русской миссии в конце XIX в. очень напоминает то, о чем сообщал Курций [17]. Следовательно, на этот раз римский историк был далек от «риторических прикрас» [18].

Ширина Окса там, где к нему вышли греки и македоняне, достигала 6 стадий, к тому же река была глубока и обладала стремительным течением [Арр., III, 29, 3]. О сооружении моста не могло быть и речи: леса не было, а подвозить его издалека не имело смысла, так как это заняло бы слишком много времени. Александр не знал покоя до тех пор, пока не принял решения: организовать переправу через своенравный Окс на шкурах от палаток и бурдюках, набитых соломой [Арр., III, 29, 4; Курц., VII, 5, 17—18].

Перед форсированием реки Александр отобрал старых и уже непригодных к дальнейшей службе македонян [19], оставшихся добровольно на службе фессалийцев, и отпустил их на родину.

За пять-шесть дней войско благополучно переправилось через Окс. Место переправы до сих пор не уточнено, так как источники не дают исходного пункта (видимо, это были Бактры), но большинство исследователей отождествляют место переправы с районом современного Келифа [20].

Где-то недалеко от Окса находился городок бранхидов, отправленных Ксерксом в дальнее поселение после того, как они выдали царю персов сокровища разрушенного им храма Аполлона Дидимского близ Милета. За такое неслыханное святотатство бранхиды стали ненавистны всем эллинам [Страб., XI, 518]. По свидетельству Каллисфена, как только Апол-

лон покинул разрушенный храм в Дидиме, иссяк священный источник, но достаточно было Александру освободить Милет, как источник забил вновь, а бог изрек пророчество относительно рождения царя от Зевса, победы при Гавгамелах, кончины Дария и восстания в Лакедемоне [Страб., XVII, 814].

Бранхиды с радостью приняли Александра, не забыв обычаев своих далеких предков. Но царь был суров к бранхидам и предоставил воинам-милетцам решить их участь. Милетцы не пришли к единому мнению, и тогда царь отдал приказ фалангитам окружить и разграбить город, а всех жителей уничтожить [Курц., VII, 5, 28—32; Диод., XVII, 84]. Курций гневно осудил Александра за уничтожение города и потомков бранхидов, которые даже не видели Милета и потому не могли быть изменниками [VII, 5, 35].

Вопрос о существовании поселения бранхидов в Средней Азии остается открытым[21], хотя некоторые историки допускают наличие такого эллинского племени на территории древней Согдианы, якобы положившего начало особому языку греко-согдийского происхождения[22].

Скрывшись за Оксом, Бесс не выставил против греков и македонян заслон. Сделать этого бактрийский сатрап не мог, так как в результате заговора был низложен и взят под стражу.

Не успел Александр углубиться в согдийские земли, как к нему прибыли от Спитамена и бактрийца Датаферна послы с предложением передать македонскому царю содержащегося под стражей Бесса, если он выделит для этого необходимое войско [Арр., III, 29, 6]. Инициатором устранения Бесса источники называют Спитамена, который в качестве предлога для этого использовал месть за убийство Дария, подбив на заговор ближайших единомышленников бактрийского сатрапа Датаферна и Катана (из Паретакены). По свидетельству Курция, восемь человек осуществили эту операцию: они связали Бесса, сорвали с него корону и разорвали одежду, снятую с убитого Дария, сказав людям, что действуют по приказу царя Александра [VII, 5, 21—26].

Для захвата Бесса македонский царь выделил большой отряд — три гиппархии «друзей», всех конных дротикометателей, агриан, половину лучников, хилиархию щитоносцев и полк пехоты — всеми ими командовал Птолемей Лаг [Арр., III, 29, 7].

В источниках есть две версии поимки Бесса: одна восходит к Птолемею, другая — к Аристобулу. Первой следует Арриан, второй — Курций.

Птолемей по приказу царя устремился к ставке Бесса и, преодолев за четыре дня расстояние, которое обычно проходят за десять дней, прибыл в лагерь, где накануне останавливался Спитамен. Здесь он узнал, что Спитамен и Датаферн раздумали выдавать Бесса. Бросив бактрийского сатрапа с небольшим числом воинов в каком-то укрепленном селении, главари мятежников бежали в глубь Согдианы. Птолемей окружил селение (оно имело крепостную стену) и потребовал выдачи Бесса, дав обещание не причинять вреда жителям. Население впустило воинов Птолемея, и они, забрав Бесса, вернулись в македонский лагерь. Бактрийского сатрапа вывели голым и в ошейнике на дорогу, по которой проходило македонское войско. Потом Александр приказал бичевать Бесса и отдать его на расправу родственникам Дария, которые его четвертовали и казнили в Бактрах [Арр., III, 30, 1—5].

Аристобул несколько иначе повествует о поимке Бесса: схваченный Спитаменом и его сообщниками, бактрийский сатрап был приведен к Александру голым и с цепью на шее; все участники заговора получили награды от македонского царя [Курц., VII, 5, 36—43].

Многое в этих двух рассказах остается неясным. Предположительно местом событий была Наутака, где укрывался Бесс после перехода через Окс [Арр., III, 28, 9]. Но и это свидетельство древних вызывает много споров в исторической литературе. И. Дройзен полагал, что Наутаку следует искать в районе Карши, на дороге, ведущей из Балха (древних Бактр) за Окс (в северную Бактрию) через переправу у Келифа [23].

В. В. Григорьев считал Наутаку не городом, а областью, лежавшей к югу от Шахрисябза до Амударьи [24]. Высказывалось даже мнение о том, что это название области Кашка-Дарьи [25]. Развивая мысль о нахождении Наутаки в районе Карши и основываясь на свидетельстве Арриана о преодолении отрядом Птолемея за четыре дня расстояния, равного десятидневному переходу [Арр., III, 29, 7], И. Дройзен пришел к мысли, что Бесс был схвачен в каком-то селении, лежащем на пути к Бухаре, к северо-западу от переправы у Келифа [26].

Перейдем к анализу рассказов древних. Арриан пишет, что Спитамен и Датаферн по собственной инициативе решили выдать Бесса Александру, для чего направили к нему послов [III, 29, 6]. Несколько позже Птолемей Лаг узнал, что Спитамен и Датаферн изменили свое решение и бежали, а Бесса бросили в каком-то укрепленном селении «с небольшим числом воинов» [Арр., III, 30, 1—2]. Арриан от себя добавляет, что заговорщикам «было стыдно выдать Бесса собственными руками». Местные жители впустили воинов, и те беспрепятственно взяли Бесса.

Прежде всего неясно, почему Бесс не попытался бежать, раз у него еще были воины? Кроме того, почему эти воины не встали на защиту своего предводителя? На эти вопросы у Арриана нельзя найти ответа. Но события, развернувшиеся вскоре на территории Согдианы и Бактрии, показали, что новоявленный «царь Артаксеркс» оказался лишним в развернувшемся мощном сопротивлении среднеазиатских народов иноземному захватчику. Бесс повторил судьбу Дария III, так же как и он оставленного своими более энергичными сподвижниками. Очевидно, Бесс не смог добиться сплочения среднеазиатских народов потому, что был персом, дальним родственником царя и сатрапом, поставленным центральной властью. Племена Средней Азии не пошли за Бессом, увидев в «царе Артаксерксе» нового чужеземного повелителя.

Судя по Арриану, Спитамен и Датаферн хотели избавиться от Бесса, выдав его Александру, усыпить тем самым бдительность македонян, а в это время приготовиться к организованному отпору [Арр., III, 30, 1].

По другой версии, Спитамен и Датаферн хотели «заслужить милость» Александра, приведя к нему изменника Бесса, убившего законного царя [Курц., VII, 5, 21—26]. Это мнение поддерживает И. Дройзен [27], но есть и другая точка зрения, приверженцы которой упрекают бактрийского сатрапа за инертность [28].

Источники не позволяют сделать конкретные выводы о том, что произошло в окружении Бесса, но вполне допустимо предположить, что бактрийский сатрап оказался в изоляции и что сторонники более радикальных мер (Спитамен, Датаферн, Катан) решили сами возглавить борьбу народов Средней Азии. Ведь Бесс, подобно Дарию не вступая в соприкосновение с греками и македонянами, без боя отдал Александру бо́льшую часть Бактрии и крупнейшие города — Бактры, Аорн, Драпсаку. Бежав за Окс, он надеялся, что своенравная река станет пределом проникновения македонян на северо-восток. Но как только этот рубеж был преодолен и войско Александра углубилось в Согдиану, Бесс окончательно утратил авторитет среди единомышленников, был низложен и покинут ими.

После поимки Бесса Александр, реквизировав у местных жителей лошадей (взамен павших при переходе через «Кавказ»), устремился в центральные области Средней Азии[29]. На четвертый день перехода от Наутаки он достиг Мараканды, столицы Согдианы.

Античная традиция не сохранила свидетельств взятия Мараканды, хотя трудно предположить, чтобы город, имевший двойную крепостную стену протяженностью 70 стадий, сдался без сопротивления [Курц., VII, 6, 10]. Видимо, и указание на то, что Александр опустошил и сжег ближние села, следует понимать как отголосок борьбы местного населения против чужеземцев. Таким образом, по косвенным данным, мы вправе говорить о первом сопротивлении грекам и македонянам, оказанном под стенами Мараканды. В захваченном городе македонский царь поставил гарнизон.

Арриан сообщает, что на небольшой отряд македонян, посланный за фуражом, напали какие-то местные племена, многих убили, а затем бежали на неприступную гору; всего там было около 30 тыс. человек. Александр во главе самых легких и подвижных отрядов осадил мятежников. Взобраться на гору было невозможно: «варвары» осыпали македонян градом стрел. Многие получили ранения, в том числе и царь, пораженный в бедро. И все же гора была взята. Большинство ее защитников были уничтожены на месте, так что из 30 тыс. осталось в живых не более 8 тыс. [Арр., III, 30, 10—11].

Рассказ Курция о столкновении отряда македонских фуражиров с «варварами» полон подробностей иного свойства. Во-первых, на македонян напали 20 тыс. «разбойников», вооруженных пращами и луками. Во-вторых, «разбойники» сами сдались Александру. Пораженные его воинской доблестью, они были готовы сами наказать виновников сопротивления. О жестокой расправе с «варварами» ничего не говорится [Курц., VII, 6, 1—7]. Мы вправе больше доверять Арриану, чем Курцию, и видеть в этом эпизоде организованное сопротивление, а не случайную стычку при фуражировке[30].

После жестокой расправы с согдийцами Александр двинулся к Танаису (Сырдарье)[31].

Источники не приводят никаких сведений о том, как Александр добрался до Танаиса, только сообщают о прибытии посольств от европейских и азиатских скифов [Арр., IV, 1, 1—2; Курц., VII, 6, 12]. Географические представления древних допускали это, так как европейских и азиатских скифов разделял Танаис (Дон), от которого было недалеко до Меотийского озера (Азовское море), Боспора Киммерийского (Керченский пролив) и Понта Эвксинского.

События, происходившие между взятием Мараканды и основанием Александрии-Эсхаты (на Танаисе), изложены в источниках довольно путанно. Арриан рассказывет, что Александр решил основать город на Танаисе как македонский форпост и вместе с тем как защитный вал против набегов заречных «варваров» [IV, 1, 3]. Но постройку города пришлось отложить, так как началось восстание согдийцев и бактрийцев. Население покоренных областей перебило македонские гарнизоны и стало укреплять свои города. Видимо, сигналом к мятежу послужил приказ Александра о прибытии всех командиров бактрийских всадников на совещание в Зариаспу, в чем местные вельможи заподозрили недоброе [Арр., IV, 1, 5]. Инициаторами выступления источники называют 7 тыс. бактрийских всадников, за которыми последовали согдийцы [Курц., VII, 6, 14].

По Арриану, первыми поднялись те, «кто захватил Бесса», то есть

Спитамен и Датаферн [IV, 1, 5]. У Курция иное развитие действия: Александр призвал к себе Спитамена и Катана, чтобы с их помощью прекратить восстание. Но они, будучи его инициаторами, сами подбивали народ к неповиновению, распространяя слухи, что македонский царь призвал к себе бактрийских всадников, чтобы всех перебить. А так как они не могли перенести свирепости Александра, то стали во главе восставших [VII, 6, 14—15].

Где же это произошло? И. Дройзен полагал, что мятеж вспыхнул на территории средневековой Уструшаны в районе Туркестанского хребта, где горный рельеф давал возможность мятежникам с небольшими силами оказывать сопротивление грекам и македонянам [32]. Согдийские документы VIII в. с горы Муг также называют Уструшану [33].

В то время как Александр находился в Фергане, возможно в районе современного Ленинабада, началось восстание жителей городов Уструшаны, уничтоживших македонские гарнизоны. На подавление мятежа Александр бросил все свое войско, рассредоточив его по различным очагам восстания. Пехотинцам было приказано изготовить лестницы для штурма городских стен. Ссылаясь на свидетельства некоторых источников, Арриан сообщает об одновременном восстании семи уструшанских городов. Самым крупным из них был Кирополь, где «варваров собралось больше всего» [IV, 2, 2]. Туда Александр послал Кратера, приказав ему окопать город рвом, сделать насыпной вал, изготовить осадные машины и держать в цепкой осаде жителей, чтобы они не могли оказать помощь другим восставшим.

Александр двинулся к ближайшему от македонского лагеря городу, Газе, имевшему невысокие глинобитные стены. Приставив к ним заготовленные лестницы, пехотинцы пошли на приступ, а пращники, стрелки из лука и дротикометатели повели обстрел городских стен, сбивая вражеских бойцов. Стрелы летели в неприятеля и с машин. Когда македоняне овладели городом, Александр отдал приказ все мужское население уничтожить, а женщин, детей и прочую добычу отдать солдатам [App., IV, 2—4]. Газу он велел разрушить, чтобы этим устрашить других [Курц., VII, 6, 16].

Второй восставший город был взят в тот же день таким же образом; побежденные разделили участь защитников Газы. Еще через день Александр захватил третий мятежный город.

Пока пехотинцы брали штурмом одни согдийские города, всадники блокировали другие, никого оттуда не выпускали, а бежавших беспощадно уничтожали. «Когда варварское население двух еще не взятых городов увидело дым, поднимавшийся над соседними подожженными городами, и к ним прибежало несколько очевидцев штурма, спасшихся среди общего разгрома,— тогда все как были толпой кинулись бежать из этих городов, наткнулись на стройные ряды всадников и были в большинстве своем изрублены» [App., IV, 2, 6].

Так за два дня Александр овладел пятью согдийскими городами. Затем он направился на подмогу к Кратеру, блокировавшему Кирополь.

Античные авторы считали, что Кирополь (Киры) основан персидским царем Киром, отметившим этим городом предел распространения державы на северо-восток [Страб., XI, 517]. Источники сообщают, что Александр вначале не хотел разрушать город, питая уважение к его основателю, но вынужден был это сделать из-за частых восстаний его жителей или из-за их нежелания подчиниться [Страб., XI, 517; Курц., VII, 6, 21].

Взять Кирополь было нелегко: он имел мощные крепостные стены,

а его защитники были «самые воинственные» [App., IV, 3, 1]. Пока машины таранили стены, отвлекая внимание осажденных, царь налегке, с небольшим отрядом телохранителей, лучников, щитоносцев и агриан проник в город по высохшему руслу реки и разбил изнутри ворота, так что войско проникло в город. Но, даже видя, что враг уже в городе, защитники Кирополя не дрогнули и атаковали воинов Александра. Завязалась жестокая схватка, в которой царь был тяжело ранен камнем, а Кратер и многие другие военачальники — стрелами.

Вскоре македоняне овладели городскими стенами и оттеснили защитников (их было около 15 тыс.) к цитадели. Те продержались там сутки, а затем сдались, так как не имели воды.

Арриан не пишет, как Александр расправился со сдавшимися ему согдийцами; он только указывает, что при штурме города погибло около 8 тыс. мятежников [IV, 3, 3—4]. Другие авторы сообщают, что Кирополь был разграблен и стерт с лица земли [Страб., XI, 517; Курц., VII, 6, 21].

Амударьинский клад. Золотая пластина с изображением сакского воина. Британский музей

Седьмой по счету согдийский город был взят с ходу. В рассказе Птолемея его жители сдались македонянам сами, и царь приказал держать их в цепях до тех пор, пока он не уйдет из этой страны. По Аристобулу, Александр перебил всех мятежников [App., IV, 3, 5].

Арриан называет семь восставших согдийских городов, Курций — один безымянный, город мамакенов и Кирополь, а Страбон только один — Киры. Свидетельства Курция и Страбона о взятии Кирополя отрывочны и не позволяют проследить этапы борьбы за обладание городом, хотя упоминают о разграблении и уничтожении его.

Интересен рассказ Курция о сопротивлении города воинственного племени мамакенов, которое упорно не сдавалось Александру. Город удалось взять только после того, как был сделан подкоп, а до этого восставшие мамакены в ночной вылазке уничтожили македонский отряд из 50 воинов. При штурме города Александр получил серьезное ранение камнем в голову и шею [Курц., VII, 6, 17—23].

После падения город был разграблен и сожжен македонянами. Сбивчивый рассказ Курция о восстании уструшанских городов наводит на догадку, что Кирополь и город мамакенов — один и тот же населенный пункт[34]. В пользу этого мнения — общие детали повествования Арриана и римского историка о продолжительной осаде города. Обычно в первом безымянном городе Курция видят аррианoвскую Газу, а в городе мамакенов — Кирополь[35].

Согдийский город Киры на левобережье Танаиса упоминается Страбоном [XI, 517], а также Клавдием Птолемеем под именем Кирэсхаты [VI, 12].

И. Дройзен предлагал два варианта местоположения Кирополя — в районе Ура-Тюбе или Заамина, причем склонялся ко второму варианту, исходя из сообщения Арриана о пересекающей город высохшей летом реке[36]. В. В. Григорьев локализовал Кирополь на месте Ура-Тюбе[37]. Этого мнения придерживаются и некоторые западные исследователи[38]. В. В. Бартольд предлагал искать Кирополь в районе Шахристана[39]. Археологи, производившие в 1959 г. раскопки на городище Муг в Ура-Тюбе, обнаружили культурный слой IV—II вв. до н. э., чего не найдено в Шахристане[40]. Местоположение остальных шести восставших городов к югу и юго-востоку от Ура-Тюбе определить пока невозможно из-за недостаточности свидетельств античных источников. Новое может внести только археология.

Пока Александр усмирял восставшие поселения и города на левом берегу Танаиса, заволновались кочевые племена саков на правобережье. Видя, что восстание разрастается, скифы приготовились перейти реку и оказать помощь согдийцам. Пришло также известие о том, что Спитамен осадил македонский гарнизон в цитадели Мараканды. На помощь осажденным Александр послал стратегов Андромена, Менедема и Карана с отрядом всадников в 860 человек (60 македонян и 800 наемников) и 1500 наемных пехотинцев; с войском был отправлен ликиец Фарнух, знавший язык местных жителей и умевший с ними обращаться [App., IV, 3, 6—7].

Курций иначе рассказывает об этих событиях: Спитамен изгнал из цитадели Мараканды македонский гарнизон и сам заперся там, хотя «жители и не одобряли восстания»; впрочем, позже они примкнули к мятежникам. Александр послал в Мараканду Менедема с 800 всадниками и 3 тыс. пехоты [VII, 6, 24].

Тем временем Александр с основным войском начал наконец постройку города на Танаисе. Арриан очень кратко пишет о строительстве Александрии-Эсхаты. Он лишь сообщает, что за 20 дней город был обнесен стеной и заселен эллинскими наемниками, пожелавшими жить там, соседями-«варварами» и непригодными к службе македонскими солдатами. Основание города было отмечено гимнастическими и конными состязаниями [App., IV, 4, 1].

Второстепенные источники приводят подробности строительства Александрии-на-Танаисе. Город был основан на месте македонского лагеря и обнесен стеной протяженностью 60 стадий. На семнадцатый день после возведения укреплений были построены дома; воины соревновались друг с другом, кто скорее закончит работу. В новом городе царь поселил пленных, выкупленных у их хозяев [Курц., VII, 6, 25—27].

Существует мнение, что Александр намеренно оставил в Александрии-Эсхате греческих наемников[41], то есть тех, кто «в войске обнаружил беспокойный дух» [Юстин, XII, 5, 8].

Александрию-Эсхату обычно отождествляют с Ходжентом (современным Ленинабадом), который был расположен на пересечении древних торговых путей и имел большое стратегическое значение, что и имел в виду Александр, строя город на Танаисе[42]. Впрочем, есть и другие мнения: город Александра локализуют в Узгене, Оше, Нау; существует даже точка зрения, в соответствии с которой Кирополь был переименован в Александрию-Эсхату[43], что совсем не согласуется со свидетельствами источников. Однако и отождествление Александрии-Эсхаты с современным Ленинабадом остается пока лишь предположением, так как до сих пор в этом районе найдено немногое, что могло бы относиться к IV—III вв. до н. э.

Строительство македонского города на Танаисе заречные саки восприняли как угрозу своей независимости, и скифский царь повелел своему брату Картасису перейти реку, разрушить Александрию-Эсхату и отогнать греков и македонян подальше от Танаиса [Курц., VII, 7, 1].

Скифы сосредоточили свое войско на берегу и начали метать стрелы во врага, похваляясь тем, что македоняне не рискнули проникнуть в их владения. Александр не мог стерпеть такого пренебрежения и отдал приказ о подготовке кожаных мешков для переправы [App., IV, 4, 2]. Предсказатель Аристандр, ссылаясь на плохое предзнаменование, отсоветовал царю переходить реку, но скифы не оставляли македонян в покое, и в конце концов царь решился на форсирование Танаиса, чтобы не быть посмешищем для кочевников, т. е. поступил подобно Дарию, отцу Ксеркса, который упорно сражался с саками, «живущими за Согдианой», пока не добился их подчинения [44].

Перед переправой войска на скифский берег македоняне выпустили из метательных машин стрелы в сакских воинов, ранив некоторых из них; одна стрела, пробив щит и панцирь, убила скифского всадника. Напуганные саки отступили от реки, и македонское войско под звуки труб начало переправляться через Танаис.

Первыми ступили на скифский берег лучники и пращники. Они держали под огнем саков, чтобы те не имели возможности приблизиться к берегу и помешать переправе пехотинцев. Сариссофоры и тяжелые греческие конники, число которых достигало 1200 [45], после переправы начали атаку на скифов. Но их маневр не удался: саки, атаковав лавой, а затем использовав прием ложного отступления, окружили греко-македонскую тяжелую конницу, забросали ее стрелами и беспрепятственно скрылись. Тогда Александр ввел в бой легковооруженных лучников, агриан и пехоту. После этого в атаку пошла тяжелая конница, поддержанная легковооруженными всадниками, не дававшими скифам возможности развернуться и напасть снова. Так греки и македоняне вышли из окружения и добились преимущества.

Скифы начали отступать по всем направлениям. Македоняне, разгоряченные битвой, бросились преследовать их, невзирая на палящий зной и мучительную жажду. Скифы умчались в солончаковые степи, и македоняне гнались за ними на расстояние 80—100 стадий (15—18 км). Лишь с наступлением ночи они прекратили погоню [Курц., VII, 9, 13].

Об ожесточенности битвы можно судить по потерям, значительным с обеих сторон. Саков пало до тысячи, в плен было взято 150 воинов, в том числе их предводитель Сатрак [App., IV, 4, 8]; у македонян потери составили 160 убитыми и 1 тыс. ранеными [Курц., VII, 9, 16]. Если вспомнить потери греков и македонян в самой крупной битве с персами, при Гавгамелах,— 100 человек убитыми, по Арриану [III, 15, 6], что считается некоторыми исследователями ошибкой [46], то нельзя не прийти к выводу, что стычка с саками была более ожесточенной и кровавой [47].

Уже стало традицией давать последовательность событий по Арриану, хотя известно, что он кроме трудов Птолемея и Аристобула пользовался и другими источниками и порой группировал схожие на его взгляд события [App., IV, 14, 4]. Сцену прихода скифских послов с извинениями за случившееся Арриан приводит после описания боя у Танаиса [IV, 5, 1], Курций же приурочивает первое предупредительное посольство скифов ко времени, предшествовавшему переправе через реку [VII, 8, 9—30], а второе — после сражения [VII, 9, 17—19].

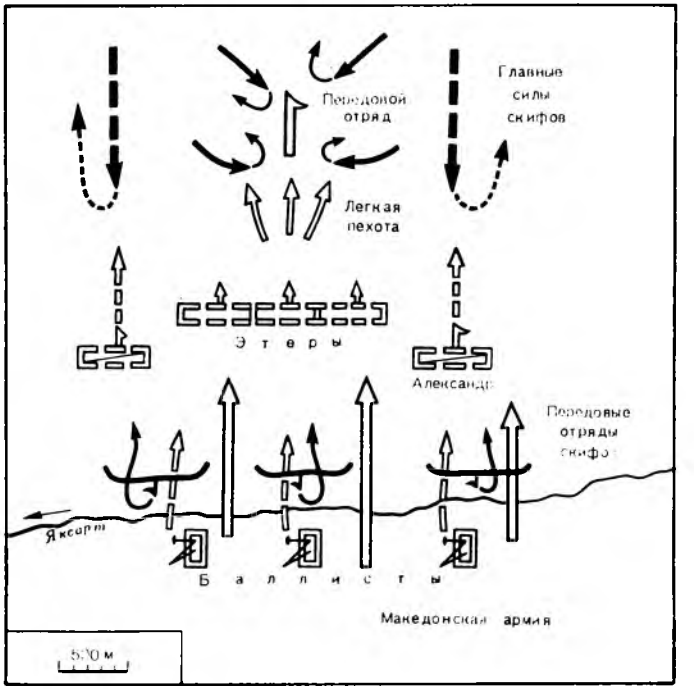


Схема битвы на Танаисе (Яксарте, Сырдарье)

По сообщению Арриана, скифские послы извинились за враждебные действия «грабителей и разбойников», на что Александр дал уклончивый ответ, заявив о невозможности прекращения войны в данных условиях [IV, 5, 1]. В изображении Курция, первое посольство скифов имело целью предостеречь Александра от вторжения в их владения, где ему не уйти от неминуемой расплаты, так как и ширина просторов, и пустыни будут помогать им. Под пером Курция скифы предстают не дикими разбойниками, а умудренными воинами, разумными и не чуждыми культуре. Так, речь старейшего скифа — образец народной мудрости и вместе с тем иллюстрация положений стоической философии, с проповедью которой посол как бы обращается к Александру.

Скифский посол обвинил Александра в непомерной жадности, в стремлении покорить «весь людской род», а если это случится, то повести войну с лесами, снегами, реками, дикими животными. Мудрый скиф убеждал царя быть умеренным в желаниях и стремлениях, не желать недосягаемого, так как не может быть дружбы между побежденным и победителем, точно так же как между господином и рабом. Далее он предостерегал, что если Александр начнет воевать против скифов, то на борьбу поднимется весь свободолюбивый народ [Курц., VII, 8, 9—30].

Македонский царь пренебрег скифским наказом, перешел Танаис, одержал победу, но получил наглядный урок стойкого сопротивления, развернувшегося на всей территории Средней Азии, где саки не раз приходили на помощь бактрийцам и согдийцам[48].

Закончив победоносно «скифскую» войну и отпустив всех пленных саков без выкупа [Курц., VII, 9, 18], Александр вынужден был опять замирять Согдиану, поскольку Спитамен осадил македонский гарнизон в Мараканде.

Отряд Менедема в 2360 человек торопился поскорее достичь столицы Согдианы, где македонский гарнизон яростно отбивался от наседавших отрядов Спитамена. Но предводитель восставших согдийцев не стал дожидаться подхода македонских сил: при известии о приближении Менедема он отошел на север Согдианы [App., III, 5, 2—3]. Можно допустить, что мятежники еще располагали достаточными силами для того, чтобы вступить в открытый бой с македонянами, но вернее будет предположить, что бегство Спитамена было лишь тактическим приемом заманивания противника в глубь страны, с тем чтобы, измотав его длительными переходами, нанести решающий удар там, где его менее всего ждали.

Македонские стратеги и Фарнух (ликиец-переводчик), поставленный Александром над ними, приняли необдуманное решение: преследовать мятежников до границ Согдианы и, таким образом, покончить с восставшими. Увлекшись стремительной погоней, македоняне оказались на краю скифской пустыни и «вопреки здравому смыслу» напали на саков-кочевников [App., IV, 5, 3].

Это было непростительной ошибкой, сыгравшей роковую роль в судьбе отряда македонян. Только что замиренные саки вновь стали врагами. Спитамен тотчас воспользовался этим промахом. Заключив союз со скифами, он привлек в свой отряд 600 сакских всадников. После этого Спитамен остановился на краю скифской пустыни, считая, что достаточно далеко завел греков и пора начинать их разгром.

Скифские всадники на свежих лошадях осыпали македонян стрелами и стремительно исчезали. Войско Менедема не знало ни минуты покоя: вражеская конница наседала и на отступавших, и на тех, кто еще удерживал позиции. А македонские всадники, измотанные долгими переходами, не могли противостоять скифам. Среди македонян было много убитых и раненых, когда стратеги приняли решение отступить к реке Политимету (Зеравшан) под защиту леса, куда не могла проникнуть вражеская конница и где от пехотинцев было бы больше пользы [App., IV, 5, 5—6].

Драма, разыгравшаяся на Политимете, показала неспособность командира македонского отряда действовать хладнокровно, с тем чтобы выйти с честью из неравной борьбы.

Арриан приводит две версии событий на Политимете, указывая, что растерянность командиров была причиной гибели македонского отряда.

В первом варианте Каран, предводитель конницы, по собственной инициативе переправил кавалерию на другой берег, чтобы между ним и противником пролегал водный рубеж. Тогда пехота (около 1,5 тыс. воинов), беззащитная с флангов и тыла, без приказа устремилась вброд через реку, торопясь встать под защиту конницы. Этим тактическим промахом воспользовались согдийские всадники, начавшие теснить пехотинцев сзади и с фронта, засыпая солдат стрелами и сбрасывая выбравшихся на противоположный берег опять в воду. Видя противника сзади и спереди, македоняне укрылись на небольшом островке, где воины Спитамена и скифы часть их перестреляли из луков, а остальных взяли в плен и затем умертвили [App., IV, 5, 8].

Во втором рассказе Арриана (по Аристобулу) отряд Менедема погиб в схватке с засевшими в приречных зарослях скифами, уничтожившими почти всех македонян во время сражения, где каждый из командиров действовал произвольно, не сообразуясь с общим ходом битвы. Три командира, Андромах, Каран, Менедем, и переводчик Фарнух никак не

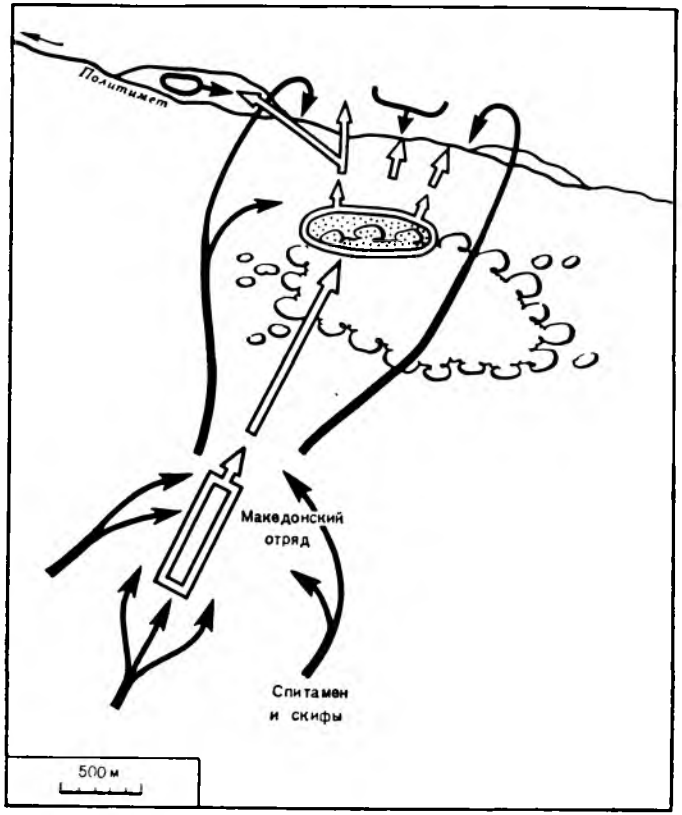


Схема битвы на Политимете

могли договориться о том, кто должен возглавить войско; все боялись ответственности перед царем, а поэтому сложили головы сами и погубили почти весь отряд. Спаслось не более 40 всадников и 300 пехотинцев [App., IV, 6, 1—2].

Так погиб более чем двухтысячный отряд македонян[49]. Столь огромных потерь в войске Александра не было за всю историю восточного похода. Вот почему Курций пишет, что это поражение Александр ловко скрыл от остальных воинов, пригрозив тем, кто уцелел после битвы, казнью за распространение сведений о случившемся [VII, 7, 39]. Арриан сообщает, что гибель македонян на Политимете очень опечалила Александра и «он решил стремительно идти на Спитамена и его варваров» [IV, 6, 3].

Александр обрушил на мятежных согдийцев всю мощь македонского войска, начав невиданные по своей жестокости карательные операции. Царь отдал приказ жечь села и убивать все взрослое население [Курц., VII, 9, 22]. Эти трагические события нашли отражение в подробном перечне утерянных глав XVII книги Диодора[50], повествующих о завоевании Согдианы и Бактрии. Сицилийский историк подчеркивает, что Александр, преследуя восставших согдийцев, убил более 120 тыс. человек [Диод., Epit., XVII][51].

Ободренный проведением удачной операции на Политимете, Спита-

мен, не теряя времени, вновь осадил Мараканду. Восставшая Согдиана бурлила, и каждый день промедления мог быть чреват серьезными последствиями для македонян. Александр, понимавший, что с гибелью большого отряда в долине Политимета его военный престиж потерпел значительный урон, решил жестоко покарать отпавших согдийцев и тем самым предостеречь другие племена от неповиновения.

Очевидно, выйдя из Александрии-Эсхаты на Танаисе, македонский царь, двигаясь днем и ночью, преодолел за три дня расстояние в 1500 стадий и на рассвете четвертого дня подошел к Мараканде. Этот стремительный марш-бросок Александр проделал с наиболее маневренными соединениями — половиной конницы «друзей», щитоносцами, агрианами, лучниками и самыми выносливыми пехотинцами [App., IV, 6, 3]. Остальное войско под командованием Кратера продвигалось медленнее и короткими переходами [Курц., VII, 9, 20].

Еще до начала карательных экспедиций в Согдиане и Бактрии к Александру, по свидетельству Курция, прибыло большое пополнение из западных областей — 19 тыс. наемников (16,5 тыс. пехотинцев и 2,5 тыс. всадников). Указанное сообщение римского историка [VII, 10, 11—12] не подтверждается другими источниками. Но вполне допустимо, что об этом писал в не дошедших до нас главах XVII книги об Александре Македонском Диодор, как наиболее близкий по духу к Курцию автор. Может быть, Арриан имел в виду именно это пополнение, когда сообщал о зимовке в Зариаспе (Бактрах) в 329/28 г. до н. э. после усмирения восставшей Согдианы. Он писал, что Асандр и Неарх привели эллинских наемников, а сирийский сатрап Бесс и гиппарх Асклепиодор прибыли с побережья с навербованными солдатами [App., IV, 7, 2].

Разведка своевременно предупредила Спитамена о подходе македонского войска к Мараканде, и он бежал, видимо, за Политимет, к границам Согдианы и скифской пустыни.

Александр, не найдя Спитамена в Мараканде, бросился преследовать согдийцев вплоть до самой пустыни, но дальше не отважился идти, помня о гибели отряда Менедема. Повернув обратно и соединившись с пехотинцами Кратера, македонский царь опустошил всю Согдиану, а «варваров», скрывшихся в укрепленных местах, перебил, так как ему сообщили, что все они участвовали в нападении на македонский отряд на Политимете [App., IV, 6, 4—5].

Невероятная жестокость, проявленная Александром при замирении восставшей Согдианы, сквозит в скупых свидетельствах античных историографов. Вместе с тем Курций сообщает, что 30 знатных согдийских юношей, приведенных на суд македонского царя, поразили его своей отвагой, пренебрежением к смерти и что Александр, восхищенный их духовной силой, милостиво всех простил [VII, 10, 4—9]. О чудесном спасении согдийских вождей упоминает и Диодор [Epit., XVII].

Характер развернувшейся на территории Согдианы, Бактрии и скифских земель борьбы под предводительством Спитамена, имевшей антимакедонскую освободительную направленность, показал Александру, что одолеть народ не так просто, что он сильнее, неодолимее, чем все персидское многотысячное войско, неизменно рассеивавшееся при соприкосновении с противником.

Какую же оценку получили действия Александра в Согдиане и Бактрии в трудах античных авторов и научной литературе?

Арриан, по возможности избегающий личных оценок и предоставляющий судить самому читателю, констатирует лишь сам факт усми-

Амударьинский клад. Серебряное блюдо. Британский музей

рения восставшей Согдианы и уход Спитамена во владения массагетов. Курций, несмотря на приводимые им примеры жестокости Александра, не порицает царя, а, скорее, даже оправдывает его поведение военной необходимостью, не знающей жалости и сострадания [VII, 9, 22]. Диодор к восставшим согдийцам присоединяет бактрийцев [Epit., XVII].

И. Дройзен, не считая борьбу народов Средней Азии против иноземного завоевателя организованной, полагает, что очаги спонтанного недовольства в различных местах возникали самопроизвольно и что гнев царя был справедлив[52]. И совсем уже не прав В. Тарн, утверждающий, что мятежники группировались вокруг феодальных замков вельмож — «скал», где местные «бароны» собирали своих крепостных[53]. Тарн забывает, что завоевание Средней Азии Александром Македонским происходило в IV в. до н. э., когда рабовладельческая формация была на подъеме. До феодализма еще было далеко, тем более что в глубинах Азии ввиду специфических особенностей развития окраинных сатрапий бывшей державы Ахеменидов классовые отношения сложились сравнительно поздно, о чем свидетельствовали укрепленные поселения и города, обнаруженные археологами по течению Амударьи и Зеравшана[54].

Положение было напряженным не только в Согдиане, но и в соседней Бактрии. Лаконичное свидетельство Курция, сообщающего об усмирении «остальных областей» [VII, 11, 1], показывает, что пламя

Амударьинский клад. Золотой браслет. Британский музей

борьбы охватило не только оседлое земледельческое население Средней Азии, но и кочевников — саков и массагетов. Имеется также указание того же Курция о походе македонян в Маргиану и о строительстве там шести крепостей «на близком расстоянии друг от друга, чтобы не искать далеко взаимной помощи». Цель их — держать в узде покоренные народы [VII, 10, 15—16]. Это сообщение Курция (отсутствующее у других авторов) по сей день оспаривается историками. Еще И. Дройзен полагал, что здесь вкралась ошибка переписчика, указавшего вместо «Мараканды» «Маргиану». Теперь невозможно установить местонахождение этих македонских крепостей — форпостов завоевательной политики Александра Македонского в Средней Азии, но некоторые античные авторы упоминали Александрию Маргианскую, якобы основанную македонским царем, позже разрушенную «варварами» и восстановленную Антиохом I [Плиний, VI, 16] [55]. И. Дройзен путем логических рассуждений допускал основание по приказу Александра в Маргиане города его имени [56]. Скорее всего, данное суждение восходит к Плутарху, от которого пошло предание о строительстве Александром 70 городов на Востоке [Плут., О счастье или доблести..., А, 5].

После бегства Спитамена в земли массагетов Александр оставил в Согдиане трехтысячный отряд пехоты под командованием Певколая,

а сам отправился с войском на зимние квартиры в Бактрию [App., IV, 7, 1; Курц., VII, 10, 10]. По Арриану, Александр провел зиму в Зариаспе, по Курцию — в Бактрах. В источниках Зариаспа и Бактры иногда фигурируют как два различных города, а иногда как один [57]. В новейшей историографии неоднократно высказывалось мнение о двух названиях одного и того же города [58].

Предание гласит, что к Александру в Бактру прибыло посольство от «европейских скифов», т. е. заяксартских саков, принимаемых древними за кочевников Причерноморья, поскольку они считали, что Танаис отделяет Европу от Азии.

Скифские послы сообщили Александру, что их царь умер и что ему наследовал его брат (не исключено, что это был Картасис, намеревавшийся ранее разрушить Александрию-Эсхату и отогнать македонян от Танаиса). Они предложили македонскому царю мир и дружбу, в знак которых поднесли ему богатые дары и которые, кроме того, хотели скрепить брачными узами знатных скифских женщин и македонских военачальников. Александр дал скифам обнадеживающий ответ, «так как ему на то время было выгодно», но отказался от браков [App., IV, 15, 1—5]. Курций почти в тех же выражениях повествует о посольстве скифов, но смещает его во времени, перенося к моменту после вторичного покорения согдийцев и пребывания Александра в Мараканде. В рассказе Курция «европейские скифы» представлены как «живущие за Боспором» [VIII, 1, 7—9].

Источники сообщают также о прибытии к Александру правителя Хорезма Фарасмана с 1,5 тыс. всадников. Хорезмский правитель предложил македонскому царю содействие в организации похода на колхов и амазонок, ближайших его соседей, а затем в завоевании племен, живущих у Понта Эвксинского. Во всем этом Фарасман обещал предоставить македонянам помощь и быть им проводником [App., IV, 15, 4]. Но Александр просил Фарасмана отложить поход, так как его мысли были заняты Индией. Покорив ее и овладев, таким образом, всей Азией, он возвратился бы на родину и только потом организовал бы экспедицию на Понт [App., IV, 15, 6].

Что в этом рассказе правда, а что вымысел? Не подлежит сомнению факт существования могущественного независимого Хорезма, имевшего торговые связи с племенами, населявшими прикаспийские и причерноморские степи [59]. Но в то же время указание источников о его соседстве с землями колхов и амазонок вызывает недоумение. Вполне допустимо, что в рассказе Арриана произошло смещение событий и реально существовавшего царя Иберии Фарасмана (I в. н. э.) греческий историк спутал с правителем древнего Хорезма, носившего то же имя [60]. Лишено всякой исторической значимости указание Курция, что Фратаферн, парфянский сатрап, стал во главе Хорезма и объединил его с соседними областями саков и массагетов [VIII, 1, 8]. Ни Хорезм, ни заяксартские кочевники не были покорены Александром, а выступали в роли его добровольных или вынужденных союзников.

В рассказе Арриана о Фарасмане очень важна одна деталь: Александр в общих чертах раскрывает свои планы на будущее, из которых явствует, что после покорения Индии (т. е. всей Азии, по мнению древних) он завоюет земли у Геллеспонта, Пропонтиды и Понта Эвксинского. Следовательно, идея создания мировой державы, вначале представлявшаяся лишь честолюбивой мечтой македонского завоевателя, во время пребывания Александра в Средней Азии окончательно оформилась,

причем были даже намечены границы новой универсальной монархии в пределах ойкумены.

Весь 328 год до н. э. царь был занят борьбой со Спитаменом. Началось вторичное выступление свободолюбивых народов Согдианы и Бактрии, не смирившихся со своим подневольным положением.

Уже весной 328 г. до н. э. стало известно, что множество согдийцев собралось по укреплениям и отказалось повиноваться поставленному над ними сатрапу [App., IV, 15, 7]. Александр в спешном порядке оставил Бактры и вскоре достиг Окса, где стал лагерем. Рядом с походной палаткой царя, как передает предание, забил масляный источник, что предсказатель Аристандр истолковал как признак тяжких трудов с победным исходом [App., IV, 15, 7—8]. Действительно, положение греков и македонян в Средней Азии оставалось сложным и неясным: завоеванные народы могли в любую минуту отпасть и обратить свое оружие против них.

Волнения в Согдиане требовали немедленного прихода туда греко-македонского войска, но восстание, начавшееся в Бактрии, также отвлекало часть армии Александра. Что можно было сделать в данной ситуации? Напрячь все силы и постараться поспеть везде, пока отдельные очаги сопротивления не слились воедино и не охватили пожаром всю Среднюю Азию. Александр так и поступил, оставив в Бактрии Полисперхонта, Аттала, Горгия и Мелеагра с частью войска для подавления восстания и чтобы «следить за страной», а сам с остальными воинами перешел Окс и вторгся в Согдиану [App., IV, 16, 1].

Поделив свои силы на пять отрядов (не считая отряда, находившегося под его собственным командованием), во главе которых стали Гефестион, Птолемей, Пердикка, Кен и Артабаз, Александр направился к Мараканде, а его военачальники, действуя по собственному усмотрению, стали захватывать укрепления согдийцев [App., IV, 16, 3].

Источники не сообщают прямо о размахе антимакедонской борьбы в Согдиане. Лишь по косвенным замечаниям можно сделать вывод, что восстание было широким и подавить его было не так-то просто. Находившийся в Согдиане Певколай с трехтысячным отрядом пехоты не смог справиться с поднявшимися на борьбу согдийцами и вынужден был просить помощи. Очаги сопротивления, видимо, покрывали всю Согдиану, так как в противном случае незачем было бы делить войско на пять частей. Опыт борьбы с семью восставшими согдийскими городами (в Уструшане) пригодился Александру для подавления восстания в Согдиане. Как и раньше, подвижные греко-македонские отряды действовали в разных частях провинции; жестоко расправляясь с непокорными, сдавшихся они превращали в рабов.

Подробности вторичного замирения Согдианы совсем отсутствуют в источниках. Возможно, восставшие согдийцы были усмирены не менее жестоко, чем в первый раз. Свидетельство Арриана о том, что Гефестиону было поручено заселять согдийские города, указывает на то, что страна обезлюдела. Видимо, свидетельство некоторых источников об основании Александром восьми укрепленных городов в Согдиане и Бактрии[61] также дает ответ на вопрос о размахе сопротивления в Средней Азии [Страб., XI, 517; Юстин, XII, 5, 13].

Пока Александр карал восставших согдийцев, Кен и Артабаз были посланы к скифам, так как Спитамен бежал к ним. Неясно, каких результатов добилось это посольство, но Спитамен недолго пробыл в Скифии. Узнав, что Александр находится в районе Мараканды, он набрал конный

Ритон бактрийский серебряный. Государственный Эрмитаж

отряд массагетов (600 человек) и объявился на границе Бактрии [62]. Удачно атаковав один из македонских сторожевых постов, перебив его стражу и взяв в плен командира, Спитамен достиг Зариаспы. Правда, брать город он не решился, но ушел с большой добычей [App., IV, 16, 4—5].

Двое оставленных в Зариаспе из-за болезни «друзей» Александра во главе небольшого отряда наемников (80 человек) бросились преследовать массагетов. Неожиданно наткнувшись на скифов, они многих уничтожили и отняли добычу, но, когда возвращались к городу, попали в засаду и погибли [App., IV, 16, 6—7].

Узнав о случившемся, Кратер, находившийся в Бактрии, во главе основных греко-македонских сил двинул войско на массагетов. Но они, не приняв боя, бежали в пустыню. Кратер гнался почти по пятам за отрядом Спитамена и настиг его только на краю пустыни. К имевшимся у Спитамена 600 массагетским всадникам присоединилась еще тысяча, и все они приняли участие в жаркой схватке с македонянами. Кратер выиграл битву, у скифов пало 150 всадников; остальные ускакали в пустыню, и македоняне не решились их преследовать [App., IV, 17, 1—2]. Очевидно, Курций имел в виду этот же эпизод, когда писал, что Кратер в сражении победил мятежников, из которых даки потеряли до тысячи воинов, а все массагеты спаслись бегством [VIII, 1, 6].

Приближалась зима, а Спитамен все еще оставался не пойманным. Он появлялся всегда там, где его меньше всего ожидали.

Александр на этот раз зазимовал в Наутаке, чтобы быть поближе к театру военных действий. Перед уходом из Мараканды македонский

Амударьинский клад. Модель золотой колесницы. Британский музей.

царь вместо престарелого Артабаза сатрапом Бактрии назначил Аминту. Кен во главе македонских частей и бактрийско-согдийских формирований Аминты остался зимовать в Согдиане, чтобы «следить за страной и охранять ее» [App., IV, 17, 3], а также чтобы изловить Спитамена, если он окажется в этих местах.

Опасения Александра вскоре сбылись: Спитамен, узнав, что Александр ушел в Наутаку, занял пограничную согдийскую крепость Габы, куда вместе с ним пришли еще 3 тыс. скифских всадников. Кен двинулся Спитамену навстречу. В жестоком сражении победили македоняне, уничтожившие до 800 вражеских всадников. Часть согдийцев и бактрийцев изменила Спитамену и перебежала к Кену. Тогда массагеты разграбили обозы своих бывших союзников и бежали вместе со Спитаменом в скифские владения. Причина ухода бактрийцев и согдийцев из войска мятежников неясна; не лишено основания предположение, что «среди варваров не было единодушия» [Курц., VIII, 1, 2].

Сопротивление грекам и македонянам не ослабело ни в Согдиане, ни в Бактрии, но, судя по источникам, в войске Александра в это время появились конные подразделения согдийцев и бактрийцев [App., IV, 17, 3]. Значит, какая-то часть туземных соединений перешла на сторону греков и македонян [63].

Вполне логично предположение, что некоторые представители местной знати решили прекратить сопротивление и примириться с Александром. В этом свете и следует, очевидно, рассматривать загадочное убийство Спитамена массагетами и посылку его головы македонскому царю, чтобы отвратить его от вторжения в скифские владения [App., IV, 17, 7]. В рассказе Курция жена Спитамена сама убила его, а голову принесла Алек-

сандру, так как ей надоела полная опасностей и лишений походная жизнь [VIII, 3, 2—11].

Местнические, сепаратистские настроения часто определяли линию поведения вождей повстанческих отрядов. Вследствие территориальной разобщенности отдельные племена Средней Азии оказывали упорное сопротивление завоевателю лишь до тех пор, пока это касалось их исконных земель. Но как только противник уходил, находилось мало энтузиастов продолжать борьбу за их пределами. Дезертирство бывших союзников Дария и Бесса — наглядный тому пример.

Правда, в исторической литературе имеется и несколько иное мнение относительно гибели Спитамена от руки его собственной жены. В. Тарну принадлежит мысль, что жена Спитамена была дочерью персидского царя Артаксеркса II[64]. Это предположение имеет сторонников в советской и зарубежной историографии[65].

Подводя итог второму этапу освободительной борьбы народов Средней Азии, можно сослаться на Диодора, который пишет, что Александр «наказывает согдийцев и бактрийцев, вторично восставших, и строит в подходящих местах города, чтобы держать их в повиновении» [Epit., XVII]. К сожалению, источники не сообщают никаких подробностей, поэтому судить о накале борьбы и о методах ее ведения не представляется возможным.

После гибели Спитамена в скифских землях Кен отправился в Наутаку, где в это время находился царь с остальным войском, пережидая зимние холода. Туда же прибыли Кратер из Бактрии, Фратаферн из Парфии, Стасанор из Арии. Фратаферн получил новое задание — пойти к мардам и тапурам и привести их сатрапа Автофрадата, который, несмотря на неоднократные вызовы царя, до сих пор не явился в его ставку. Арийского сатрапа Стасанора Александр направил в Дрангиану, а к мидийцам послал Атропата, так как прежний сатрап Оксидат замышлял недоброе. Стамен был назначен в Вавилон на смену умершему Мазею. Сопол, Менид, Эпокил отбыли в Македонию для вербовки новых наемников. Постоянные перемещения оставленных в покоренных областях сатрапов и гиппархов свидетельствуют о том, что Александр многим не доверял и вместе с тем не надеялся на прочность завоеванного.

С наступлением весны 327 г. до н. э. Александр продолжил подавление очагов сопротивления на территории Средней Азии, на сей раз сконцентрированных в южных горных, труднодоступных районах.

Первой на пути греков и македонян встала «Согдийская скала» — горная крепость, от неприступности которой зависела дальнейшая судьба готовых вновь восстать согдийцев. О взятии этой крепости рассказывают и Арриан и Курций («Скала Аримаза»). В общих чертах их версии схожи, но расходятся в описании деталей и конца этой операции.

Вначале обратимся к рассказу Арриана.

Александр с войском подошел к «Согдийской скале» весной, но в горах еще лежал снег, что затрудняло ведение военных действий для греков и македонян, а «варварам» давало возможность иметь в необходимом количестве воду. После того как мятежники отвергли предложение Александра о добровольной сдаче, посоветовав ему найти «крылатых воинов», способных одолеть горную твердыню [App., IV, 18, 4—7], царь решил брать крепость штурмом.

Он отобрал 300 самых лучших воинов, опытных в скалолазанье, и предложил устроить соревнование — кто первый одолеет скалу. Победителю он обещал 12 талантов, последнему — 300 дариков. Воины-скалолазы, запасшись железными костылями от палаток и льняными веревками,

дождались ночи и в самом недоступном месте, не охраняемом «варварами», начали восхождение. Взбираться было очень трудно, люди вязли в глубоком снегу, срывались с отвесных склонов. 30 воинов упали в пропасть, их трупов так и не нашли. Остальные смельчаки на рассвете добрались до вершины (оказавшись выше мятежных согдийцев) и начали размахивать платками, чтобы их заметили в македонском лагере. И тогда Александр велел глашатаю прокричать, что среди македонян нашлись «крылатые люди», занявшие вершину горы.

Согдийцы, не ожидавшие такого оборота дела, не поняли, что это была лишь горстка храбрецов, и сдались. В плен было взято много женщин и детей, в том числе семья бактрийского вельможи Оксиарта, руководившего защитой «скалы». Александр, увидев дочь Оксиарта, красавицу Роксану, влюбился в нее с первого взгляда и пожелал назвать своей женой. Оксиарт, как гласит предание, услышав, что македонский царь увлечен его дочерью, явился к нему сам и был принят с подобающим почетом [App. IV, 19, 4—6; 20, 4].

Рассказ Курция о взятии «Скалы Аримаза» строится на идентичном материале. Но сам эпизод овладения «скалой» у римского историка представлен с бо́льшими подробностями и более драматичен.

Согдиец Аримаз (а не бактриец Оксиарт, как у Арриана) укрылся с 30 тыс. воинов в пещере на неприступной скале, сделав запас провианта на целых два года. Подняться на скалу, имевшую в высоту 30 стадий, а в окружности у основания — 150, можно было только по очень узкой тропе, охраняемой согдийцами.

Оценив естественную недоступность крепости, Александр попытался вести переговоры с Аримазом через Кофа, сына Артабаза, который убеждал мятежников сдаться. Но Аримаз, не испытывавший недостатка ни в чем, дерзко ответил македонскому царю, что он сможет овладеть крепостью, если найдет «крылатых людей», способных подняться на горные кручи.

Царь отобрал 300 самых ловких, выносливых воинов (привыкших дома гонять стада по горным тропам и непроходимым скалам) и отдал им приказ взобраться на скалу в том месте, где согдийцы этого не ожидали. Первому, кто поднимется на вершину скалы, была обещана награда в 10 талантов, а еще девяти — по 9 талантов каждому.

Вооружившись копьями и мечами, взяв продовольствия на два дня, а также захватив крепкие веревки и железные клинья, 300 смельчаков около второй ночной стражи приступили к восхождению. Подъем был настолько тяжел, что 32 человека сорвались в пропасть. Остальные же достигли вершины и, пренебрегая опасностью, заснули крепким сном. Проснувшись на рассвете, они поняли, что взобрались выше согдийцев.

Царь очень волновался за своих воинов и не сомкнул глаз до тех пор, пока ночной мрак не окутал горы. Но едва стало светать, как Александр вновь стал наблюдать за вершиной скалы. Наконец он увидел храбрецов, размахивавших укрепленными на копьях полотнищами. Тогда Александр еще раз послал Кофа на переговоры с Аримазом, и снова согдиец отказался сдаться. А когда сын Артабаза вывел его из пещеры и показал на «крылатых» македонских воинов, сидящих на вершине, он в испуге послал к Александру с Кофом 30 вождей для ведения переговоров о сдаче. Но теперь македонский царь потребовал капитуляции, и Аримаз согласился, хотя его положение и не было безнадежным. Всех мятежных вождей согдийцев Александр приказал бичевать и распять на крестах у подножия скалы, а пленников с имуществом раздал в дар населению новых городов.

Артабаз остался охранять захваченную крепость и окрестную область [Курц., VII, 11, 1—29].

Общая схема построения рассказа Арриана о «Согдийской скале» и Курция о «Скале Аримаза» наводит на мысль о едином источнике, лежащем в их основе. А расхождения в характере и оценке сообщаемых фактов происходят, скорее всего, от различия писательской манеры греческого и римского историков. Арриан, верный своей манере панегириста, вводит в рассказ о взятии «Согдийской скалы» эпизод с Роксаной, а также добровольную сдачу царю бактрийского вельможи Оксиарта, отца его будущей жены, принятого македонянами с почетом и уважением. Здесь уже видно стремление среднеазиатской знати сотрудничать с новой властью. Курций строит свой рассказ о взятии «Скалы Аримаза» на иной основе: у согдийцев были все условия выдержать долгую осаду, и только неожиданное появление «крылатых людей» подорвало их волю к победе. Аримаз проявил малодушие — и погиб, послав на смерть остальных предводителей и отдав в руки врага 30 тыс. согдийских воинов, обращенных в рабов.

Страбон называет две горные крепости, взятые Александром,— «Скалу Сисимитра» в Бактрии, где жила дочь Оксиарта Роксана, и «Скалу Окса» (или «Скалу Аримаза») в Согдиане [XI, 517]. Ни Плутарх, ни Курций не связывают женитьбу Александра на Роксане с захватом мятежных горных крепостей, а, напротив, подчеркивают, что этот брак был нужен «для укрепления власти» [Курц., VIII, 4, 25] и вполне «соответствовал положению дел» [Плут., Алекс., 47]. Арриан и Страбон вплетают в рассказ о взятии горных крепостей сюжет Роксаны, в первом случае находившейся среди защитников «Согдийской скалы», а во втором — «Скалы Сисимитра».

Не подлежит сомнению факт сближения греков и македонян с местной аристократией. Этот мотив, ранее проступающий у Арриана, несколько позже освещается Курцием, а также находит подтверждение у Плутарха и Страбона. Эпизод женитьбы Александра на представительнице «варварского племени», девушке, приведенной на царский пир для увеселения, использован Плутархом для подтверждения тезиса о желании македонского царя сблизиться с персами. Кроме херонейского биографа этот тезис нашел отражение в сочинениях Страбона, Арриана, Курция.

Овладев «Согдийской скалой» (или «Скалой Аримаза»), Александр с войском направился в Паретакену для взятия другой мятежной крепости — «Скалы Хориена».

«Скала Хориена», как донесли царю, была еще более неприступной. Она была окружена глубокой пропастью, которую войско не могло перейти. В крепости собралось множество «варваров» во главе с Хориеном и другими вельможами.

Где же помещалась область паретакенов (паретаков) и почему Александр во что бы то ни стало хотел овладеть «Скалой Хориена»? Сведения, приводимые Аррианом, Курцием, Страбоном, не позволяют точно определить местонахождение древней Паретакены. Больше всего свидетельств о ее жителях находим у Страбона, который их помещает по соседству с персами и сусиями [XI, 524]. Эти горцы, жившие в суровой стране, занимались земледелием, но не отказывались и от разбоя, надеясь на неприступность своих горных крепостей [Страб., XV, 732; XVI, 744]. Исходя из этих сообщений, историки делали разные предположения относительно локализации Паретакены и «Скалы Хориена». Указание античного географа о горцах-разбойниках давало основание многим исследователям помещать паретаков на юге современного Таджикистана, в отрогах Гис-

сарского хребта. В. В. Григорьев полагал, что Паретакена находилась в северной и средней частях Гиссара[66]. По мнению В. Томашека, она располагалась в районе современного Бадахшана[67]. И. Маркварт помещал паретаков в правобережной Бактрии[68]. Скорее всего, древняя Паретакена занимала всю территорию правобережной Бактрии[69].

Итак, Александр с войском стоял у «Скалы Хориена» и не знал, с чего начинать ее штурм. Глубокая пропасть не давала возможности подвести к «скале» войско, а поэтому македонский царь отдал приказ рубить растущие на склонах гор могучие ели и делать из них лестницы, с тем чтобы спуститься по ним на дно пропасти. Работа не прекращалась ни днем ни ночью; солдаты и командиры по очереди работали круглые сутки, сооружая на вбитых в отвесную стену костылях сплетенные из ивовых ветвей настилы, по которым войско могло бы подойти к «скале» [Арр., IV, 21, 1—5].

Вначале, как пишет Арриан, «варвары» отнеслись пренебрежительно к этим работам, но, когда вражеские стрелы стали достигать их укрытия, они испугались и пошли на переговоры с македонянами. Хориен через глашатая попросил царя прислать к нему Оксиарта. Тот долго убеждал защитников крепости сдаться на милость такого справедливого царя, как Александр. Хориен послушался совета бактрийского вельможи и сам пришел к царю в сопровождении нескольких родственников и друзей.

Македонский царь принял всех ласково, а Хориена оставил управлять этой крепостью и прилегающей областью. Измученная зимней непогодой и обильными снегами армия Александра терпела недостаток в съестных припасах, и тут на выручку грекам и македонянам пришел Хориен, доставивший из крепости провиант для всего войска на два месяца; при этом он сказал, что израсходовано не более десятой части сделанных на «скале» запасов. После этого, сообщает Арриан, Александр еще больше стал уважать Хориена [IV, 21, 10].

Рассказ Арриана о взятии «Скалы Хориена» очень напоминает эпизод с захватом «Скалы Сисимитра» в области Наутаке, описанный Курцием [VIII, 2, 19—20]. Финал у Курция полностью совпадает с арриановским: Сисимитр при посредничестве Оксиарта сдался Александру, получил его прощение и остался на посту сатрапа. Расхождение имеется только в деталях: у Арриана македоняне строят из ветвей настил, а у Курция — засыпают бурную реку на подступах к крепости. В рассказе греческого историка Хориен сразу же поддался на уговоры Оксиарта и принял сторону Александра, в изложении Курция Сисимитр еще некоторое время колебался, пристыженный своей матерью и готовый к дальнейшему сопротивлению. Но, сравнив свои силы и силы врага, он принял решение о сдаче. В обоих случаях крепость была сдана в результате измены Хориена и Сисимитра, добровольно перешедших на сторону македонского царя, хотя имелись все условия для сопротивления.

Желание Александра примириться со среднеазиатской знатью нашло отклик у ее представителей (Оксиарт, Аримаз, Хориен, Сисимитр), готовых прекратить борьбу и сотрудничать с новой властью. Судя по источникам, Оксиарт, Хориен и другие представители местной аристократии стали лучшими друзьями македонского царя и проводниками его власти во вверенных им провинциях.

Итак, античные историографы называют четыре горные крепости — «скалы» (Согдийская, Аримаза, Хориена и Сисимитра), взятые македонским царем в Согдиане и Бактрии. При этом каждый из древних авторов говорит только о захвате двух горных крепостей: Арриан — о «Согдийской

скале» и «Скале Хориена», Курций — о «Скале Аримаза» и укреплении Сисимитра, Страбон — о «Скале Сисимитра» и «Скале Окса» («Скале Аримаза»). Явные совпадения рассказов Арриана и Курция позволяют считать, что Александр в Согдиане и Бактрии овладел двумя укрепленными местами, фигурирующими у античных авторов под различными названиями. Подобное мнение признано современной историографией, высказывающей также предположение, что упоминаемая римским историком область Габаза (находящаяся неподалеку от «Скалы Сисимитра», где македонян застал снежный буран, погубивший 2 тыс. солдат) находилась в Паретакене[70]. Не поддается локализации предпринятый Александром «поход на саков», в результате которого он опустошил «всю их страну», а из добычи дал Сисимитру «30 тыс. голов скота» [Курц., VIII, 4, 20]. Другие источники не подтверждают этого сообщения.

Основные очаги повстанческого движения в Согдиане и Бактрии прекратили сопротивление, и Александр во главе главных сил ушел в Бактры. Кратер с 600 всадниками и пехотинцами, отрядами Полисперхонта, Аттала, Алкеты остался в Паретакене, где мятежники во главе с Австаном и Катаном не прекратили борьбу. Подробности этого последнего сопротивления бактрийцев не отражены в источниках, да и о самих руководителях ничего не известно. Правда, Катан дважды встречается у Курция: впервые он фигурирует среди сообщников Спитамена, приведших пленного Бесса к македонскому царю. Вполне допустимо предположение, что Австан и Катан были племенными вождями, сопротивлявшимися даже тогда, когда представители местной аристократии изменили своему долгу и пошли на примирение с завоевателем.

Сражение бактрийцев с отрядами Кратера закончилось победой македонян. Катан погиб на поле боя, Австан попал в плен, 120 бактрийцев-всадников сложили головы в этой битве, 1500 пехотинцев стали пленниками македонян [Арр., IV, 22, 1—2; Курц., VIII, 5, 2]. Стремительный рейд Полисперхонта в страну Бубацену (скорее всего область западного Припамирья[71], а не современный Бадахшан[72]) закончился ее покорением.

С подавлением последнего очага сопротивления в Паретакене закончилось покорение земель Средней Азии.

Минуло три года с тех пор, как Александр весной 330 г. до н. э., предав огню столицу персидской державы — Персеполь, устремился в Восточные сатрапии ахеменидского царства в погоню за Дарием. Уже битва при Гавгамелах ответила на вопрос, кто будет владеть Азией по праву сильнейшего. И все же присутствие персидского царя в прикаспийских землях было пусть формальным, но немаловажным препятствием для свершения честолюбивых замыслов Александра. Гибель Дария летом 330 г. до н. э. от руки бывших единомышленников где-то в Парфии юридически явилась как бы поворотным пунктом в восточной политике Александра. Отныне македонский царь стал единственным законным властелином бывшей персидской державы и, следовательно, правителем огромной разноязычной универсальной монархии.

Если сожжение Персеполя символизировало крах персидской державы, то смерть Дария зафиксировала переход всей власти в руки Александра Македонского. Это был важный исторический момент, начиная с которого недвусмысленно проявилась ориентация всей политики Александра на Восток, при умалении и забвении интересов Македонии и Греции. Вот почему многие соратники царя, разуверившиеся в том, что он защищает интересы Македонии и Греции, а не восточных «варваров», не приняли эту новую политику.

С точки зрения античных авторов, Александр действовал правильно и разумно, когда желал приобщить к эллинской культуре людей, живших примитивной и дикой жизнью, когда проповедовал «единомыслие» и «соучастие во власти» греков и «варваров». Такова оценка восточной политики Александра Македонского, данная древними историками. В этом, по их мнению, состоит совершенный им на благо человечества подвиг; этим они оправдывают и его жестокость по отношению к сопротивлявшимся племенам и к несогласным с ним соратникам.

Античная историография уделила достаточно внимания заговорам против Александра, переместив, впрочем, акцент в сферу личных конфликтов некоторых его сподвижников, погрязших в роскоши и разврате и желавших к своим непомерным богатствам добавить обладание властью. Но то, что хотели «скрыть» древние авторы ради возвеличения Александра, читается в их сочинениях между строк: протест против восточной политики македонского царя был не бунтом одиночек, а широкой сетью заговоров на его жизнь.

Переориентация на Восток была явлением новым, ломавшим традиционные представления эллинов о культурной полноценности народов. Ведь общественная мысль греков IV в. до н. э. (Исократ, Аристотель, Демосфен) не шла дальше традиционных взглядов, в соответствии с которыми народы извечно делились на эллинов и «варваров», и формулировка «кто не грек — варвар» имела глубокий социальный смысл, означая превосходство первых над вторыми. Эллинам присуще повелевать и быть свободными, «варварам» — вести рабский образ жизни и находиться в подчинении. Этот рубеж полноценности считался неодолимым, хотя идеологи различных социальных групп ратовали за разные идеалы — монархические (Исократ), средних слоев (Аристотель), демократические (Демосфен). Но поскольку рабство всеми ими воспринималось как данность, никто из мыслителей и общественных деятелей IV в. до н. э. не ставил вопрос о «сближении» или «объединении» в одном царстве эллинов с их «совершеннейшим общественным строем» и «варваров» Востока, уделом которых считалось рабское существование.

Если античные авторы всерьез полагали, что Александр сознательно задался целью объединения всех племен в одно и создания качественно нового народа, «эллино-персов», им простительно было впадать в подобное «заблуждение», ибо веяние космополитических воззрений эллинизма отразилось в творчестве всех позднеантичных историков. Но заблуждение древних было с легкой руки И. Дройзена подхвачено немарксистской историографией новейшего времени, расписывающей стремление Александра сблизить Запад и Восток в братстве и согласии [73].

Во всех субъективистских оценках деятельности македонского царя есть один существенный просчет: много говорится о «единомыслии народов», о стремлении «насадить эллинскую культуру», но очень мало — о завоевательных целях. А этого никогда не следует забывать, ибо, начав восточную кампанию как выразитель чаяний греко-македонского правящего класса, Александр в дальнейшем отказался от приоритета «эллинской политики» и продолжил поход в Восточные сатрапии и Индию по собственной инициативе как законный наследник властителей державы Ахеменидов. Александр — прежде всего завоеватель, а это наложило определенную печать на всю его деятельность. Огнем и мечом завоевывая Восток, он вряд ли думал о насаждении цивилизации и культуры (что позже ему настойчиво приписывали древние авторы); скорее всего, его мысли занимала военная стратегия, результатом чего были его градостроитель-

ная деятельность (необходимость сооружения опорных пунктов) и создание греко-македонских колоний. И даже стремление сблизиться с местной знатью Александр, бесспорно, связывал с конкретной задачей — удержать завоеванные земли. Идея восточной универсальной монархии должна была иметь под собой реальную базу, т. е. совпадение интересов завоевателя и местной знати. Именно этого настойчиво добивался македонский царь, широко привлекая местных аристократов в свой штат придворных и на командные должности в армии.

Уже античные историки отмечали отход Александра от традиционных воззрений древних греков, считавших всех неэллинов варварами (македоняне для Аристотеля также были варвары, хотя их цари вели свое происхождение от героев греческой мифологии [74]), в сторону восприятия норм и традиций Востока, т. е. процесс «варваризации» македонского царя и превращения его в деспота, утратившего черты гегемона «свободных» союзных греческих городов-государств.

Позже этнические понятия «эллин» и «неэллин» приобрели социальное звучание, указывающее на принадлежность того или иного представителя местной восточной знати к правящей элите [75]. Имеется некоторое количество надписей позднеэллинистического времени, сообщающих о принятии вавилонянами греческих имен [76].

Но то, что казалось недопустимым в понимании свободного грека IV в. до н. э., в период эллинизма и во время поздней античности стало нормальным явлением; акцент отныне ставился не на этнической принадлежности, а на всемирном гражданстве людей, чему во многом способствовали идеи стоической и кинической философии, уводящие от социально-политических проблем в область безмятежного существования, вытекающего из умеренно-благой жизни. Так под воздействием взглядов стоиков, наиболее сильно повлиявших на творчество античных писателей I в. до н. э.—II в. н. э., все написанное об Александре Македонском получило более апологетическую направленность, чем критическую, даже у тех авторов, которых нельзя заподозрить в особых симпатиях к македонскому царю (Аппиан, Юстин).

Александр ставил перед собой благороднейшую задачу объединить в одном царстве все народы ойкумены; неважно, что к этой цели он шел через насилие, произвол, убийства, обращение в рабство,— так понимали его деятельность на Востоке античные историки, и почти так же многие современные авторы переоценивают вклад Александра в сокровищницу мировой цивилизации.

Арриан пишет, что Александр думал о единомыслии и соучастии во власти македонян и персов [Арр., VII, 11, 9]. Но «соучастие во власти» противоречило интересам греков и македонян, пришедших в Азию покорять и властвовать, а не быть на положении тех же «варваров», вынужденных довольствоваться зависимой, рабской жизнью.

Пожалуй, самым сложным вопросом остается связь между философскими воззрениями Аристотеля и деятельностью Александра Македонского. Характерные для немарксистской науки рассуждения о том, что величайший философ воспитал величайшего полководца [77], по сути дела ничего не объясняют. Сочинения Плутарха, к которым обращаются историки, не в состоянии дать исчерпывающий ответ на вопрос: как сложились отношения Аристотеля с его бывшим учеником в позднейшее время, когда Александр стал македонским царем и предпринял восточный поход?

Общеизвестны взгляды Аристотеля на сущность монархической власти, высказанные им в раннем морально-этическом трактате «Никомахо-

ва этика», где античный философ выступал как сторонник правления одного лица при наличии у него высоконравственных качеств мудрого царя и философа, стоящего выше остальной толпы[78]. Но от этого идеала царя-философа Аристотель позже отказался (не встретив подобное в жизни) и обратился к умеренной форме правления — политии, при которой избранные представители среднего слоя граждан осуществляли наилучшее управление полисом.

Интересно, что в дошедших до нас сочинениях Аристотель нигде не упоминает о том, что он был воспитателем и наставником Александра Македонского, равно как и не высказывает своего отношения к его восточной политике. Участие в походе на Восток Каллисфена, племянника Аристотеля, в качестве официального историографа, как уже говорилось, воспринималось в исторической литературе как косвенное доказательство одобрения философом идеи завоевания персидской державы.

Общественная мысль Греции долго и исподволь вынашивала идею захвата Малой Азии под благовидным предлогом отмщения персам. Общественные воззрения Аристотеля не шли вразрез с насущным требованием греческих городов-государств, задыхавшихся в тисках экономического застоя. Кроме того, социальная направленность учения Аристотеля, воспринимавшего рабовладение как извечную, по природе данную, зависимую форму существования определенных народов, термины «варвар» и «раб» — как понятия идентичные, показывает сущность его воззрений, не выходящих за рамки той эпохи. В свете подобных взглядов Аристотеля на социальные отношения, при которых одним людям дано право господства, а другие обречены на подчинение, не приходится сомневаться в том, что он одобрял идею восточного похода, который интересовал философа и в плане получения нового материала для естественнонаучных целей.

Судя по источникам, на первых порах между Александром Македонским и Аристотелем сохранялись дружественные связи: иногда они обменивались письмами. Но взаимное уважение сменилось неприязнью и подозрительностью [Плут., Алекс., 8]. Отчуждение между Аристотелем и царем наступило, скорее всего, тогда, когда Александр, отбросив всякий камуфляж, стал говорить о стремлении стать владыкой мира и объединить греков и восточные народы в едином царстве. Хронологически это совпадает с пребыванием Александра в Средней Азии, когда на фоне трудностей, встретившихся на пути македонского завоевателя, среди части приближенных возникло стремление физически устранить царя и закончить поход, с их точки зрения, ненужный.

Только допуская принципиальное расхождение интересов греков, македонян и Александра, можно понять указание Плутарха, что царь поступил обратно тому, что советовал ему Аристотель. А философ убеждал Александра быть другом и гегемоном для греков и деспотом для «варваров». Так было логично с точки зрения греков, но нелогично в свете задач Александра, стремившегося создать восточную монархию[79]. Во исполнение этого замысла Александр старался перенять внешние формы восточного придворного этикета (пышные персидские одеяния, ритуал коленопреклонения) и приблизить к своей особе представителей местной знати. Подобное поведение царя вызывало осуждение определенной части его сподвижников, видевших в этом отход от традиционных представлений древних греков о неполноценности восточных народов.

Видимо, неправы античные авторы, считавшие, что заговоры на жизнь царя — предосудительное поведение отдельных корыстолюбцев,

ради собственной выгоды замышлявших преступление. Древние историки все приписывали велению божества, которое иногда благоволило, а иногда карало. Если все покушавшиеся на жизнь царя получили суровое возмездие, то причиной тому были их испорченные натуры, обнаружившие худшие черты в обстановке «изнеженного и порочного Востока».

По мнению древних, моральная деградация — основной порок многих царей и правителей, безрассудно правивших и тем самым погубивших свои царства. Этот лейтмотив особенно характерен для античных авторов позднеэллинистической эпохи и времени римского господства, когда на их глазах гибли эллинистические государства, неспособные противостоять экспансии Рима.

Таким образом, античная историография отмечает «порчу нравов» прежде всего среди соратников Александра, которые по зову низменных страстей решились совершить преступление. В антитезе Александр — заговорщики античные историки видели причину разногласий, более всего заостряя внимание на моральной стороне дела.

Ряд современных исследователей, некритически воспринимавших свидетельства источников, с тех же позиций «морального вырождения» объясняют причины заговоров на жизнь царя. Но, несмотря на преднамеренное желание античных историков оправдать негативные поступки Александра и представить его «поборником справедливости» и культурного развития отсталых народов Востока, в их сочинениях прослеживается социальная борьба, на фоне которой проходил восточный поход, рост оппозиции планам Александра, скрытая вражда и соперничество отдельных группировок в окружении царя. И. Дройзен выделил двух ближайших сподвижников царя — Гефестиона и Кратера, между которыми существовала давняя вражда, порой прорывавшаяся наружу; вместе с тем они всегда оставались преданными Александру и заслужили большее уважение у потомков, чем те, кто шел наперекор царской воле. Более всего похвал И. Дройзен расточает Кратеру, сохранившему преданность традициям отцов, но никогда не стоявшему в оппозиции к Александру. Возможно, что Кратер также осуждал стремление царя сблизиться с «варварами», но он не обнаруживал явного желания противиться этому, а, напротив, всегда помогал Александру во взаимоотношениях с македонянами. После гибели Филоты и Пармениона, когда Антипатр ослушался приказа царя и не начал войну с этолийцами, Александр решил заменить его на посту регента другим, более преданным человеком, и тогда его выбор пал на Кратера.

Вообще, источники, задавшиеся целью возвеличить личность Александра Македонского, очень схематично рисуют портреты его сподвижников, мало дифференцируя их. Они как бы служат фоном, оттеняющим поступки царя.

Итак, когда наступило лето 328 г. до н. э., македонская армия, вынужденная вторично замирять восставших согдийцев, находилась на постое в столице Согдианы Мараканде. Александр метался по бурлящей провинции, не зная, куда в первую очередь бросить основные силы. Спитамен, согдийцы и, очевидно, поддержавшие их бактрийцы уже не ограничивались обычными способами ведения войны, а прибегли к «партизанской войне», т. е. к тому, что Ф. Энгельс считал результативным для маленького народа, способного одолеть большой [80].

И вот в это самое время на пиру «друзей» Александр убил своего лучшего друга Клита, брата его кормилицы македонянки Ланики.

Убийство Клита всячески порицается античными историками как поступок, противоречащий характеру Александра, действовавшего по воле разгневанного бога Диониса. Не знаешь, чего в рассказах об убийстве Клита больше — наивной веры древних в гнев богов, от которых зависели судьбы людские, или преднамеренной направленности античных историков, во что бы то ни стало стремившихся реабилитировать Александра в глазах потомков, показать, что он также смертен и зависим от божественного провидения.

Канва событий, связанных с убийством Клита, у всех античных авторов идентична: заносчивый и невоздержанный на язык командир конницы так умалил славу царя, что Александр, не владея собой и под влиянием опьянения, заколол его сариссой, выхваченной у одного из телохранителей. Особый интерес представляют приводимые источниками детали и нюансы, за которыми угадывается ответ на вопрос, был ли протест Клита вызван его неуживчивым характером или имел под собой определенную социальную основу. Вывод может быть только однозначным: инцидент с Клитом — не роковая случайность в пьяной перебранке, а осуждение действий Александра, противоречащих устремлениям македонской элиты [81].

Вначале важно представить себе облик Клита, созданный античной традицией. В свете источников Клит — один из самых преданных царю друзей его юности (возможно, даже учившийся вместе с ним в Миезе), отчаянно храбрый воин, спасший жизнь Александру в битве при Гранике [Арр., I, 15, 8]. Он занимал пост командира царской илы, а после гибели Филоты совместно с Гефестионом принял командование всей македонской кавалерией «друзей» [Арр., III, 27, 4]. В тот момент, когда Филота выступил с осуждением действий Александра (за два года до драмы в Мараканде), у царя не было причин сомневаться в преданности Клита. Из источников не явствует, чтобы Клит пренебрежительно отзывался о царе или осуждал его поступки.

Определенный схематизм портретных характеристик сподвижников Александра не дает возможности представить их в динамике, да и сам македонский царь, присутствующий в каждом эпизоде, выглядит как личность заданная, скованная искусственными рамками добродетели, переходящей в порок при отходе от норм умеренно-разумного поведения (стоицизм с примесью неоплатонизма).

Обратимся к разбору свидетельств источников, сопоставление которых даст ответ на вопрос: почему Александр убил друга своей юности?

Рассказ о роковом пире в Мараканде Арриан предваряет философским рассуждением о величии дел Александра, который задумал присоединить к Европе Ливию и Азию, но вместе с тем не смог обуздать свои низменные страсти [IV, 7, 5]. Греческий историк как бы порицает поступок царя, но только в плане морального несовершенства, что, по мнению стоиков, вело к «дурным» поступкам и социальным потрясениям. Вместе с тем Арриан постоянно подчеркивает несовершенство человеческой натуры, склонной к излишествам.

Сообщая о насильственной смерти Клита, он указывает и на беду, постигшую в этом случае царя [IV, 8, 1]. А так как Арриан задался целью возвеличить деяния Александра, он дает понять, что порочен был не столько сам царь, сколько его окружение, где процветали лесть и раболепие, создавшие у него ощущение безнаказанности любых поступков.

Наступил праздник бога Диониса (почитаемого всем греческим миром), и Александр в честь этого устроил пир. Но на сей раз он принес жертву не Дионису (как было заведено у македонян), а Диоскурам, вве-

дя, таким образом, новый культ. В этом поступке царя Арриан видит отход от традиционных верований в сторону принятия чуждых обычаев, так как царь «пировал по-новому, по-варварски» [IV, 8, 2].

Льстецы из царского окружения стали наперебой восхвалять подвиги Александра, превознося его деяния выше Геракловых. И тогда разгоряченный вином Клит, «явно и уже давно» огорчавшийся возраставшей склонностью Александра к «варварским» обычаям и расточаемой ему лестью [App., IV, 8, 4], сказал то, чего никогда от него не слышал царь. Он заявил, что он не позволит кощунствовать над делами древних героев и таким недостойным образом возвеличивать славу Александра, не совершившего ничего великого, но присвоившего себе то, что сделали македоняне. Царь обиделся на эти слова. Мирный вначале спор перешел в перебранку сторонников царя и разгневанного Клита, который тем резче выступал против дел Александра, чем больше превозносили его льстецы. Когда же «некоторые» (те, кто всячески восхвалял царя) стали ругать Филиппа, называя его дела совершенно ничтожными по сравнению с деяниями его сына, Клит в крайнем раздражении оскорбил царя, припомнив, что спас его от верной гибели при Гранике.

Царь в гневе вскочил, но его удержали товарищи по пиру, а Клит все не унимался. Александр призвал на помощь щитоносцев, но никто не явился. Тогда он выхватил копье у одного из телохранителей и пронзил им Клита. По «словам других», пишет Арриан, Клит был убит сариссой [App., IV, 8, 8]. Греческий историк приводит также версию Аристобула, по которой Птолемей Лаг увел с пира захмелевшего Клита, увидев, что царь разгневан и готов его убить. Но Клит вскоре возвратился в пиршественный зал через другой вход и был заколот сариссой.

Аристобул во всем винит Клита, и Арриан согласен с ним, считая, что его поведение было дерзким. А Александр, находясь во власти двух пороков — гнева и пьянства, не соображал, что делал. При такой оценке происходящего Арриан вправе жалеть царя, сразу раскаявшегося в содеянном. По одной версии, царь хотел заколоть себя этой же сариссой, по другой — он удалился в свои покои и бурно переживал гибель Клита, называя себя «убийцей друзей». Он вспомнил, что его кормилицей была сестра Клита, которой он отплатил за заботу такой неблагодарностью. Три дня царь не выходил из палатки, не притрагивался к пище, оплакивая своего друга. Но тут выступили прорицатели в роли «утешителей» царя. Они заявили, что во всем виновен бог Дионис, которому царь не принес жертву, и Александр поторопился воздать почести богу, так как «ему было желательно приписать несчастье гневу божества, а не собственной порочности» [App., IV, 9, 5]. И так как царь раскаялся в содеянном, Арриан воздает ему хвалу.

Исполнив свой «долг», прорицатели удалились, а к царю позвали философа-скептика Анаксарха, изложившего ему суть своего отношения к случившемуся. Он сказал Александру, что древние рядом с Зевсом всегда помещали Правосудие, и это делалось для того, чтобы все поступки бога считать справедливыми. Анаксарх посоветовал Александру точно так же отнестись к убийству Клита и не предаваться чрезмерной скорби, раз все совершаемое царем справедливо. Эта удобная философия, вызвавшая осуждение Арриана, очень устраивала Александра, возомнившего себя сыном бога Амона и потребовавшего, чтобы перед ним падали ниц, рядились в мидийские одежды и придерживались персидского этикета. Здесь, по мнению Арриана, Александр действовал самостоятельно, а не по наущению таких «советчиков», как Анаксарх [App., IV, 9, 8—9].

Но то, что Арриану казалось недопустимым в отношении Александра (Анаксарх «причинил ему великое зло»), в глазах Аппиана выглядело вполне уместным, когда он писал о Селевке Никаторе, наследнике македонского царя в Азии, установившем общий для всех закон: «Всегда справедливо то, что постановлено царем» [Syr., 61].

В аррианoвском рассказе об убийстве Клита достаточно упреков и оправданий Александру; историк как бы раздваивается, переходя от осуждения к похвале. Но, в его версии, Клит в одиночестве выступает против Александра, льстецов и подхалимов, готовых очернить даже Геракла и Диониса, чтобы угодить царю. Арриан винит Клита за дерзкое поведение, а Александра порицает не за преступление, а за то, что он оказался во власти пороков — гнева и пьянства.

Плутарх, по своим воззрениям эклектик с уклоном к неоплатонизму (религиозно-мистическая направленность), подходит к оценке событий с морально-этической меркой.

«Вскоре дошла очередь до Клита» — так начинает херонейский биограф рассказ о трагическом пире в Мараканде. Александра Плутарх оправдывает заранее, обвинив во всем Клита, гневом и опьянением которого воспользовался злой демон [Алекс., 50]. Роковая предопределенность, присутствующая у Арриана, в интерпретации Плутарха приобретает мистический оттенок: за Клитом, прибывшим на зов царя, вошли три овцы, предназначенные для заклания; это был плохой признак, так же как и увиденный накануне царем сон, в котором его друг сидел в окружении одетых в черное погибших сыновей Пармениона.

Клит вошел в пиршественный зал, когда Александр уже принес жертву Диоскурам и молодежь запела сатирическую песенку о полководцах, потерпевших поражение от «варваров». Отношение к певцам было двоякое — гости постарше стали бранить поющих и сочинителя, Александр с «друзьями» поощрял глумление. Клит, «уже пьяный, дерзкий и чванливый по характеру» (литературный прием, неоднократно используемый Плутархом для очернения жертвы), сказал при всех то, что думал о царе: нехорошо перед варварами и врагами (намек на сближение с персидской знатью) оскорблять македонян, которые и в несчастье выше своих победителей; македоняне своей кровью и ранами подняли Александра так высоко, что он забыл своего отца Филиппа и выдает себя за сына бога Амона [Плут., Алекс., 50]. Это была неслыханная дерзость, так как официальная пропаганда всячески раздувала авторитет Александра, подчеркивая его божественное происхождение.

Александр вспылил: «Негодник! Ты думаешь, мне приятно, что ты постоянно говоришь об этом и мутишь македонцев?» — пишет Плутарх о начале ссоры царя с Клитом [Алекс., 51]. Эта реплика царя очень существенна, ибо за ней угадывается не протест одиночки (к чему свел весь конфликт Плутарх), а широкое недовольство политикой царя, выразителем которого стал Клит, не побоявшийся сказать открыто то, о чем другие молчали. Что же больше всего огорчало македонян? Сближение с персами и отдаление соотечественников, которым запрещалось свободно высказываться, но разрешалось жить рядом с «варварами» и рабами и падать ниц перед царем в мидийском одеянии. Пожалуй, это место у Плутарха — самое важное, потому что вопреки собственному желанию он показал пропасть, разверзшуюся между царем-деспотом и «свободными» македонянами.

Александр не мог вынести этих обвинений и, бросив в Клита яблоко, стал искать меч. Присутствующие, окружив его, умоляли одуматься.

Александр в бешенстве велел трубачу играть тревогу, но тот медлил, а Клита в это время друзья увели с пира. Казалось, инцидент был исчерпан. Но Клит возвратился через другие двери и с презрением произнес стих из «Андромахи» Еврипида:

«...Как ложен суд толпы!»

Тогда Александр, выхватив у ближайшего стражника копье, пронзил им друга, и тот со стоном рухнул наземь. Все безмолвно застыли при виде преступления. Царь хотел этим же копьем пронзить себе горло, но телохранители его удержали и отвели в спальню [Плут., Алекс., 51].

В роли «утешителя» первым выступил философ-скептик Анаксарх, «приобретший имя своим презрением и пренебрежением к принятому и обычному» [Плут., Алекс., 52]. Совет Анаксарха пренебрегать людскими законами и справедливостью и самому стать мерилом законности пришелся по душе Александру. Плутарх также положительно отнесся к совету философа, вложив в его уста сентенцию: «Ты побеждал, чтобы управлять и властвовать, а не быть рабом пустых мнений!» [Плут., Алекс., 52].

Характерно, что этот эпизод Арриан оценивает совершенно по-иному, подчеркивая, что всепрощающая мораль скептиков для правителей и царей — зло, а не благо, что она уводит от умеренной жизни и влечет за собой порок и преступление [App., IV, 9, 8].

Пришел утешить Александра «словами кроткими и глубокомысленными» и Каллисфен. Несколько дальше Плутарх пишет, что Анаксарх удивительно приноровился к царю и отвратил его от общения с историографом. С одной стороны, Плутарх как бы намекает на молчаливое осуждение Каллисфеном восточной политики Александра, а с другой — показывает, что занятия философией становились доходным промыслом для многих философов, живущих у царей на полном обеспечении и дающих им советы, согласно которым все, что делается правителями, считается законным и морально оправданным [82].

Каллисфен-перипатетик едко высмеивал Анаксарха-скептика за приспособленчество и при случае напоминал философу, что у него есть все условия восхвалять жизнь на Востоке, так как на родине он был нищ, а здесь разбогател и стал укрываться тремя коврами. Ясно, что Анаксарх после этого затаил обиду на историографа [Плут., Алекс., 52].

Ярче всего конфликт царя и Клита, молчаливо поддерживаемого старыми македонянами, проступает в повествовании Курция. Отрицательное отношение к Александру (но только в аспекте морального несовершенства), высказанное Курцием, отражает запросы римского общества I в., когда было модно ругать Александра и восхвалять римское правление.

Курций намекает на несовпадение интересов Александра и группы молодежи, поддерживающей царя, с настроениями старых воинов-ветеранов и Клита, которым тяжело слышать лесть и чрезмерную хвалу в адрес царя и принижение дел Филиппа и македонян, принесших своими победами славу Александру.

Македонский царь у римского историка сам превозносит свое величие, а Клит добивается обратного — признания заслуг Филиппа, македонян и даже Пармениона с Филотой [Курц., VIII, 1, 31—33]. Клит защищает не себя, а престиж старых македонян, оплативших кровью все победы Александра, награду за которые получили не они, а хулители славы Филиппа. Даже свое назначение на пост сатрапа Согдианы Клит расценил как желание царя отделаться от преданных македонским порядкам друзей [Курц., VIII, 1, 35].

Клит обвинил царя во многих грехах, но самым оскорбительным для Александра был упрек в расправе с Парменионом. Этого обвинения Александр не мог простить другу и решил убить его, хотя Птолемей Лаг и Пердикка пытались удержать царя, а Лисимах и Леоннат отняли у него копье. Но Александр, не владея собой, не отступил от намеченной цели.

Царь бурно переживал смерть друга, испытывая угрызения совести и чувствуя отчужденность окружающих. Но, вспомнив, что не принес жертву богу Дионису и этим разгневал его, Александр все случившееся приписал гневу божества. После этого раскаявшийся в преступлении царь (совершивший его не по злому умыслу) был оправдан македонянами, постановившими, что Клит убит законно [Курц., VIII, 2, 12].

Общая структура рассказа об убийстве Клита, за исключением некоторых деталей, однотипна у всех античных авторов. Оценка же различна: от неумеренно хвалебной (Плутарх) до осуждающей (Курций) через порицающе-оправдывающую (Арриан).

Казалось бы, убийство Клита, как раньше казнь Филоты и расправа с Парменионом, должно было испугать тех, кто надеялся изменить восточную политику царя. Однако вскоре в Бактрии разыгрались события еще более грозные — был раскрыт заговор знатной македонской молодежи — «пажей» [83], несших службу в личной охране царя.

Непосредственным вдохновителем и инициатором заговора источники называют Каллисфена из Олинфа, историографа похода и племянника Аристотеля.

Каллисфен, как и старые македоняне «гвардии Филиппа», не одобрял восточных нововведений царя, считая их ненужной, пустой затеей, ибо он не мог даже представить себе возможность сближения «рабов» с образованными и свободными эллинами. И это вполне естественно, так как даже жившие три-пять веков спустя античные историки все еще придерживались традиционного взгляда на восточные народы как на неполноценные.

Арриан одобряет несогласие Каллисфена с восточными наклонностями царя. И, с его точки зрения, Александр был не прав, когда приглашал на пиры персов, назначал их сатрапами и допускал в конницу «друзей». Но и Каллисфену, по мнению греческого историка, не следовало хвастаться зависимостью славы царя от его труда, в котором он собирался возвеличить деяния Александра [IV, 10, 1—2]. Арриан не очень доверяет источникам, из которых тот черпал материал, но нам известно по сохранившимся отрывком из сочинений Каллисфена [84], что они были выдержаны в духе официальной апологии и, видимо, написаны до того, как был раскрыт заговор «пажей». Следовательно, оппозиционность Каллисфена обнаружилась лишь тогда, когда не осталось сомнений в том, что Александр не повернет вспять и не станет македонским царем, присоединившим к Элладе Азию.

Арриан пишет об очень интересном разговоре, происшедшем однажды между Филотой и Каллисфеном. Филота спросил Каллисфена, кого, по его мнению, больше всего почитают афиняне, и получил ясный ответ: Гармодия и Аристогитона, убивших тирана и упразднивших тиранию. На вопрос Филоты о том, сможет ли тираноубийца найти убежище в эллинских городах, Каллисфен ответил утвердительно и назвал Афины [IV, 10, 3—4].

Этот разговор симптоматичен во многих отношениях. Филота, стоявший в оппозиции к царю и желавший его физического устранения (хотя по источникам и неясно, насколько был виновен сын Парменнона), думал,

очевидно, о возможности найти убежище в каком-либо из эллинских городов. Понятно, что Каллисфен указал на Афины, где недовольство македонским засильем, подогревавшееся демократическими вождями, ощущалось сильнее всего. Ответы Каллисфена не оставляют сомнения, что ему был понятен смысл вопросов Филоты и что он разделял подобные взгляды.

Поводом для протеста Каллисфена послужила попытка введения проскинезы — земного поклона царю, обычая, чуждого эллинскому миру, ибо последний покоился на принципах рабовладельческой демократии или олигархии, а при наличии монархического устройства признавал выборность царей.

Зная наперед, что греки и македоняне не одобрят проскинезы, царь начал исподволь готовить к этому общественное мнение, в чем ему помогли персы, мидяне и философ Анаксарх. Последний брался обосновать проскинезу с философской точки зрения, а персы и мидяне, привыкшие к подобному ритуалу, должны были показать на практике, как это делается [App., IV, 10, 5].

На пиру Анаксарх повел речь о том, что гораздо правильнее почитать богом Александра, чем Диониса и Геракла, не только за его великие дела, но и потому, что первый из них — фиванец (а Фивы постоянно враждовали с македонянами), второй же — аргивянин, т. е. тоже грек. Так уж лучше пусть македоняне оказывают божеские почести «своему царю» [App., IV, 10, 7]. Анаксарх говорил долго, и его сторонники одобрили эти слова и выразили желание пасть ниц перед царем. Но большинство македонян хранило молчание. Каллисфен первый взял слово. Обратившись к философу-скептику, он сказал, что вполне согласен с мнением, что царь достоин всяческой чести, подобающей человеку, но нельзя нарушать порядок, установленный эллинами; людям следует воздавать людские почести, а богам — божеские, так как «не подобает все это перемешать и привести в полный беспорядок», подняв человека на недосягаемую высоту божества. Боги не стерпят кощунства и жестоко покарают тех, кто подобное хотел бы считать дозволенным. Для царя более чем достаточно считаться самым храбрым, самым царственным и лучшим военачальником [App., IV, 11, 4—5]. Так Каллисфен отверг предложение Анаксарха, и это всеми македонянами было признано разумным.

Дарий I, Ксеркс, Артаксеркс, Дарий III — все персидские цари, перед которыми падали ниц, терпели поражения, а поэтому Каллисфен посоветовал Александру не вводить такого позорного обычая [App., IV, 11, 8—9]. Но историограф осудил не только царя, но и философа Анаксарха, задача которого, по словам Каллисфена, состояла в том, чтобы приобщать Александра к философии и мудрости (как понимал назначение монархической власти Аристотель), а не давать советы варварского свойства [App., IV, 11, 6]. Слова Каллисфена раздражили Александра, а «македонянам пришлись по душе». Пристыженный царь отдал приказ, чтобы совсем забыли о проскинезе. Но самые почтенные персы встали и зéмно поклонились царю.

Греческая мифология давно канонизировала героев, допуская их посмертное обожествление, но лишь после предсказания дельфийского оракула. Подобное считалось нормой, и норму эту нарушать не разрешалось. «И самому Гераклу,— сообщает Арриан,— при жизни его эллины не воздавали божеских почестей и стали чтить его как бога не сразу после смерти, а только потом, по приказу дельфийского бога» [IV, 11, 7].

Эпоха эллинизма, выдвинувшая новые принципы построения государства, в отличие от греческого полиса нуждалась в новых богах синкретического свойства, которые бы удовлетворяли в равной мере религиозные запросы Запада и Востока. Так возник культ Зевса-Амона. При Александре, принявшем титул сына бога Амона, оазис Сива стал почитаться так же, как храм в Дельфах. Эллинские боги стушевывались, уступая место эллинистическим божествам, но религиозно-мифологическая традиция времен классики еще долго жила в сознании людей качественно нового периода. Поэтому не всегда Александр мог поступать так, как хотел, грубо попирая религиозные установления. Например, оракул Амона после смерти Гефестиона в Экбатанах разрешил приносить ему жертвы не как богу, а только как герою [App., VII, 14, 7] [85].

Таким же кощунством по этическим нормам эллинского мира было введение проскинезы. Возможно, Каллисфен не осудил бы так резко царя, если бы не чувствовал поддержки греков и македонян, также осуждавших «варварский» образ мыслей Александра, забывшего о том, что поход на Восток он предпринял от имени эллинов, пожелавших присоединить Азию. Иной альтернативы греки и македоняне не допускали, считая бесчестием падать ниц перед царем, как это было принято на Востоке. Приводя свидетельства «некоторых», Арриан пишет, что земной поклон царю впервые ввел Кир, сын Камбиза [IV, 11, 9], погибший в борьбе со скифами (массагетами) где-то в прикаспийских землях [86].

В другом рассказе Арриана «Александр, отпив из золотой чаши, пустил ее вкруговую, начав с тех, с кем он сговаривался относительно поклонов. Первый из получивших чашу отпил из нее, встал и зе́мно поклонился Александру, который поцеловал его. Так чаша обошла подряд всех» [IV, 12, 3]. Каллисфен отказался поклониться. Царь без поклона не разрешил ему поцеловать себя [App., IV, 12, 5]. Каллисфен насмешливо произнес: «Я потерял только один поцелуй».

С этого момента Арриан, прежде явно сочувствующий Каллисфену и тем, кто выступил против проскинезы, начинает резко осуждать историографа, надерзившего царю из-за своего свободоречия, высокомерия и неумения держать себя. Каллисфен сразу же превращается во врага, которому ставится в вину инициатива заговора «пажей» [App., IV, 12, 7].

Еще со времен Филиппа было заведено, что сыновья знатных македонян шли в услужение к царю, исполняя обязанности телохранителей и прислужников при его особе. В числе этих юношей находился и Гермолай, сын Сополида; он, видимо, занимался философией и поэтому с уважением относился к Каллисфену [App., IV, 13, 2].

Однажды на охоте кабан кинулся на царя, и телохранитель Гермолай метнул в зверя копье раньше, чем это сделал царь. Александр рассердился на Гермолая и приказал его высечь. С этого момента оскорбленный юноша начал сколачивать группу недовольных с намерением убить царя [App., IV, 13, 3—4]. Заговорщиков набралось человек восемь-десять. Они решили устранить царя ночью во время сна. Подготовка велась больше месяца, но по стечению обстоятельств намерение «пажей» не осуществилось: царь пропьянствовал всю ночь и ночной караул, который должен был совершить убийство, утром был сменен. Один из молодых людей рассказал о неудавшейся попытке покушения своему другу, и слух быстро достиг Птолемея Лага, обо всем доложившего Александру. Молодые люди были схвачены, уличены во всем и казнены. Так официальная версия, очевидно созданная в ближайшем окружении царя, представила этот конфликт.

Аристобул и Птолемей называют вдохновителем заговора Каллисфена; прочие авторы пишут о том, что Александр ухватился за мысль объединить заговорщиков с историографом, чтобы отделаться от него. Видимо, все эти версии были известны Арриану, который сетует на то, что люди, бывшие участниками событий, представили их очень противоречиво [IV, 14, 3].

Несмотря на тенденциозное освещение заговора «пажей» античной историографией (традиционный прием конфликта царя и обиженных им лиц), в сочинениях древних авторов присутствуют важные моменты, дающие ключ к разгадке постоянного нарастания конфликтов между македонским царем и его соратниками.

Интересно проследить на материале заговора «пажей» социальную направленность оппозиции, установить закономерную связь с протестом Филоты и Пармениона, а также наметить линию дальнейшего развития событий в сторону активного неприятия войском и командирами миродержавных намерений Александра.

Хронологически заговор «пажей» произошел вскоре после убийства Клита на пиру в Мараканде. Очевидно, интервал между этими событиями не превышал нескольких месяцев — Клит погиб весной 328 г. до н. э., а Каллисфен был взят под стражу летом того же года в Кариатах (Бактрия), куда переехал двор царя после окончания карательных экспедиций в Согдиане [Страб., XI, 517]. Значит, инцидент с Клитом еще не был забыт, когда был раскрыт заговор «пажей». Поэтому мы вправе установить определенную закономерность, связать воедино протест Филоты, Пармениона, Клита, Каллисфена и «пажей», выразивших общие настроения греков и македонян, приведенных царем на край обитаемого мира во имя желания стать его владыкой.

Сжато, почти конспективно излагает Арриан речь Гермолая перед войсковым собранием македонян, в которой он признался в намерении убить царя-деспота и тем освободить остальных соотечественников. Греческий историк приводит обвинения, выдвинутые телохранителем: несправедливая казнь Филоты и незаконная расправа с Парменионом, убийство Клита, введение персидских обычаев и проскинезы, недостойный для македонского царя образ жизни — продолжительные попойки, сменяющиеся в неположенное время сном [IV, 14, 2].

У Плутарха этой речи нет, Курций же более подробно перечисляет провинности царя перед македонянами. Основной упрек македонян Александру состоит в том, что он их, свободнорожденных, захотел сравнять с рабами, незаконно убил многих известных военачальников — Аттала, Филоту, Пармениона, Александра Линкестийца, Клита. И обвинение в измене, выдвинутое против Каллисфена,— пустая затея, никто из заговорщиков не подтвердил этого. А царь проливает кровь македонян как ненужную и грязную; он забыл о соотечественниках и на всех надел ярмо новых обычаев [Курц., VIII, 7, 8—10]. Поэтому-то Гермолай заявил, что заговорщики намеревались убить «персидского царя», а не вождя македонян, ставшего перебежчиком в стан врагов [Курц., VIII, 7, 8, 12].

Александр в ответной речи отверг обвинения заговорщиков, стараясь убедить войсковое собрание в том, что инициатива исходила от Каллисфена, что грек-олинфянин, неподсудный ему,— причина заговора «разбойников».

Защитительная речь царя построена Курцием в канонах стоической морали с примесью эпикурейства и скептицизма. Вот ее главные пункты: Александр действует разумно (не переходит рубежа умеренности), так

как жалует победителей, но и не обижает побежденных; придя в Азию, не уничтожает народы, а приучает их к совместной жизни с македонянами; управляет ими как добрый царь, а не как кровавый тиран. В этом, по мнению римского историка, и состоит смысл усилий царя, которых не хотят понимать отдельные «бунтари», подбивающие на заговор людей непорядочных и корыстных.

Начатая в духе стоицизма речь Александра под конец обретает иное звучание, родственное скептицизму эпохи, отрицавшему ценность полисной идеологии и навязывавшему космополитические идеи. Проповедь норм скептиков более отвечала задачам становления эллинистических отношений, а поэтому скептические афоризмы: «Часто ложь, которой поверили, становится истиной» [Курц., VIII, 8, 14], «Покорность смягчает власть», «Милость царей и вождей обусловлена характером не только их самих, но и подчиненных» [Курц., VIII, 8, 8] — часто несли бóльшую смысловую нагрузку, чем стоические.

Остается последний вопрос: какое имел отношение к заговорщикам Каллисфен и был ли он действительно связан с ними?

Большинство авторов, как указывает Арриан, не считали Каллисфена виновным [IV, 14, 1]. Видимо, это были историки-перипатетики (александрийцы), из среды которых вышел Клитарх, положивший начало критической версии в изображении деятельности Александра Македонского[87]. Но сам Арриан, следующий версии Птолемея и Аристобула, точно так же как и Плутарх с его моральной проповедью добродетели, разрушенной судьбой, обвиняет Каллисфена и жалеет Александра. Следовательно, то, что исходило от окружения царя, имело апологетическую направленность, а от противников восточной политики Александра — критическую.

Создавая образы своих героев, Арриан и Плутарх основывались на различных предпосылках: первый был стоик, второй считал себя перипатетиком (влияние школы Аристотеля через Теофраста несомненно). Однако облик Каллисфена, явно сниженный, весьма похож у этих двух античных авторов. У Арриана Каллисфен ведет себя неподобающим образом, не содействует преуспеянию царя (в чем состоит его назначение), а проявляет высокомерие и свободоречие [IV, 12, 6—7]. Плутарх, сгущая краски, пишет, что у Каллисфена было много завистников, но он сам был виновен в этом, так как отказывался от приглашений, был мрачен, молчалив и, казалось, осуждал происходящее [Алекс., 53]. Момент осуждения и неприятия политики Александра заговорщиками присутствует в любом из сочинений античной историографии, независимо от отношения их авторов к описываемым событиям.

У Арриана речи Каллисфена и Гермолая во многом схожи. Каллисфен, осуждая проскинезу, раскрывает принципиальные расхождения между взглядами царя и многих из его окружения; все это повторяет Гермолай перед судом македонского войска. И тот и другой ставили перед собой благородные цели — освободить греков и македонян от тирании царя-варвара. По мнению греческого историка, «пажи» по своей неопытности не могли сами действовать как заговорщики, их направлял Каллисфен, «внушивший этот дерзкий замысел» [IV, 14, 1].

Даже постоянно снижая образ Каллисфена, Плутарх вынужден признать его популярность среди молодежи и людей старшего поколения. Что же влекло к нему молодых и старых? Упорядоченный образ жизни, серьезность, независимость суждений. Он — племянник Аристотеля и поклонник учения перипатетиков о мудром и добродетельном философе-правителе, умело управляющем полисом и стремящемся к его благу. К Александру он

примкнул, чтобы «вернуть на родину сограждан и восстановить родной город» [Плут., Алекс., 53]. Этим сказано все: Каллисфен отправился в восточный поход ради блага греков, ради того, чтобы, возвратившись домой, можно было насладиться плодами военных побед и иметь необходимые средства для восстановления эллинской колонии Олинф, разрушенной Филиппом и насильно присоединенной к Македонии. Выходит, что высший долг гражданина — это забота о полисе и согражданах.

Много говорят об универсальном уме Аристотеля, охватившего огромный круг философских, естественнонаучных и социальных проблем, но при этом часто забывают его промежуточное положение между эпохой классики и временем эллинизма, сказавшееся на его социальных воззрениях, постоянно колеблющихся между идеализмом и материализмом[88]. В вопросах социального устройства Аристотель остался верен полисной организации, предпочтительно управляемой людьми среднего слоя, так как в практической жизни не увидел подтверждения своим ранним идеалам, связанным с деятельностью умеренного философа-правителя. Этот круг ранних аристотелевских идей защищал Каллисфен, вступивший в единоборство с царем за интересы греков вообще и родного Олинфа в частности.

Однажды на званом пиру, при стечении множества гостей, Каллисфен произнес хвалебную речь македонянам. Она так пришлась по душе слушателям, что оратора почтили аплодисментами и забросали венками. Царь для забавы предложил историографу произнести речь, порицающую македонян. Тогда Каллисфен сказал, что только раздоры среди греков сделали Филиппа великим, что при всеобщей вражде и худшему достается почет. С этого момента, как полагает Плутарх, началось отчуждение между Каллисфеном, с одной стороны, и царем и македонянами — с другой [Алекс., 53]. Но античный биограф ошибается: выступление Каллисфена отражало недовольство не только греков, но и ущемленных в правах македонян. В противном случае вряд ли его слушали бы с сочувствием молодые и старые воины, но он сказал то, о чем думали, негодуя в душе, старые македоняне, он спас их от введения позорного обряда проскинезы, первый отказавшись зéмно поклониться Александру.

Плутарх не одобряет поведения Каллисфена, но он не может не признать, что Гефестион, Лисимах и Гагнон очернили доброе имя историографа, утверждая, что он чрезмерно горд и мнит себя единственным человеком, сокрушившим тиранию. А молодежь, увлекавшаяся философией, тянулась к нему. Плутарх не скрывает, что клеветники и завистники преднамеренно распространяли всяческие домыслы вроде беседы Каллисфена с Гермолаем, когда якобы первый посоветовал юноше убить царя, чтобы прославиться [Алекс., 55]. Здесь нетрудно обнаружить сходство с аррианoвским текстом, где Филота ведет разговор с софистом о необходимости убийства тирана. В изложении этой беседы Аррианом [IV, 10, 3] внимание заостряется на общественном звучании конфликта царя и Филоты: убийство тирана и ниспровержение его власти встретят должное одобрение греков[89]. У Плутарха же общественное подменяется личным: юный Гермолай, желая прославиться, обращается за советом к Каллисфену, и тот направляет энергию юноши на корыстную цель — убийство царя.

Плутарх не всегда последователен, не всегда следует к намеченной цели прямым путем и часто избирает намеренно окольный, чтобы ярче высветить благородство Александра и порочность его противников. Но иногда, сам того не желая, Плутарх приводит сведения, не соответствующие его целям: он обвиняет во всем Каллисфена, но приводит свидетель-

ства тех источников, которые сообщают, что никто из юношей даже под пыткой ничего плохого не сказал о Каллисфене. Александр в письме к Кратеру, Атталу и Алкете подтверждал это. В другом же послании, к Антипатру, царь писал о виновности Каллисфена и о том, что намерен сам его наказать, так же как и тех, кто прислал его. А этим человеком мог быть только Аристотель [Плут., Алекс., 55]. Так, царь не сомневался, что Стагирит осуждал его восточную политику. «Впоследствии,— пишет Плутарх,— он (царь.— *Авт.*) стал относиться к нему подозрительно; зла не делал, но в их отношениях не было прежней горячей любви, они охладели друг к другу» [Алекс., 8].

Смерть Каллисфена остается одной из неразгаданных тайн истории. Источники полны противоречивых сведений на этот счет. Арриан приводит свидетельства Аристобула и Птолемея; в изложении первого, историограф по приказу царя был закован в цепи и в таком виде следовал за войском, пока не заболел и не скончался; у второго — Каллисфен прошел через пытки и был повешен [App., IV, 14, 3]. Плутарх вспоминает эти версии, однако считает (ссылаясь на Харета), что историограф, пробыв в заключении семь месяцев (царь хотел его судить в присутствии Аристотеля), умер во время индийского похода «от ожирения и вшей» [Алекс., 55]. У Курция Каллисфен — жертва злодейства царя, замучившего до смерти прекрасного молодого человека, защитника общественной свободы [VIII, 8, 21—22].

Видимо, официальная придворная традиция, отраженная в апологетических сочинениях Арриана и Плутарха, хотела скрыть расправу с Каллисфеном. Арриан уклоняется от личной оценки этих событий, скрываясь за свидетельствами Птолемея, Аристобула и прочих авторов. Плутарх, панегирист Александра, винит во всем Каллисфена, ставшего жертвой собственной невоздержанности. Осуждает Александра Курций, у которого более четко прослеживается влияние александрийских перипатетиков, учеников, последователей и доксографов Аристотеля, из чьей среды вышли сочинения, славящие Каллисфена. Древним был известен трактат «Каллисфен, или о печали» Теофраста, ближайшего соратника Стагирита, главы школы перипатетиков в течение 35 лет после смерти учителя.

Рассуждения о пагубности тирании и о признании подвига тираноубийцы повторяются в сочинениях античных историков, для которых понятие «восточный царь» синонимично тирании худшего качества, т. е. деспотии. Эти настроения не утратили своего значения и в эллинистических царствах Востока. Закон о тирании (III в. до н. э.), принятый жителями Илиона сразу же после смерти Лисимаха в правление Селевка, показывает, что устои рабовладельческой демократии не заглохли после времени Александра [Ditt., Syll^3, 218].

Итак, то, что было высказано Каллисфеном, не было только его личным мнением, а отражало настроение многих греков и македонян. Однако у Александра было еще достаточно единомышленников среди командиров и войска, оперевшись на которых он смог повести армию в Индию.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ИНДИЯ

Покончив с завоеванием Бактрии и Согдианы и жестоко расправившись с заговорщиками-«пажами», Александр двинулся в Индию.

Согласно свидетельствам древних авторов, только в Индии Александр четко сформулировал идею мирового господства. Так, Арриан писал: «Если кто-нибудь желает знать конечный пункт его походов, то он может сказать им, что до Ганга, до моря на Востоке уже недалеко... границы, которые бог назначил Земле, будут границами его царства...» [V, 26, 2]. Диодор указывал, что «в мыслях у него было дойти до границ индийской земли и, покорив всех ее обитателей, спуститься по реке к Океану» [XVII, 89, 5]. Курций подчеркивал, что в речи перед войском Александр говорил: «...Мы скоро подойдем к восходу солнца и Океану, а оттуда, завоевав край света, мы вернемся на родину победителями» [IX, 2, 26].

Но из совпадающих в смысловом отношении свидетельств античных источников некоторые авторы делают противоречивые выводы, признавая наличие у Александра идеи мирового господства, ради которой македонский царь предпринял поход в далекую Индию. Спор между этими авторами идет только о том, когда возникла мысль о владении миром: перед походом[1], в начале похода[2] или в Индии[3]. Но есть и сторонники той точки зрения, что невозможно определить время возникновения у Александра идеи господства над миром[4]. Особняком по отношению ко всем прочим авторам находится В. Тарн, отрицающий желание Александра стать владыкой мира. В. Тарн полагает, что македонский царь никогда не имел такого намерения и что оно было приписано ему в позднейшее время. Поход в Индию английский историк расценивает как стремление завоевать всю ахеменидскую державу[5].

Столь крайние оценки (жажда мирового господства владела царем с юношеских лет или вообще была ему чужда) никак не соответствуют тому, что имеется в источниках. Марксистская историческая наука рассматривает в динамике идею мирового господства у македонского царя, который только в Средней Азии[6] (согласно наиболее достоверным источникам) высказал мысль о завоевании всей обитаемой земли и выходе к ее восточному краю и Внешнему Океану[7]. Ряд исследователей разделяют это мнение[8], хотя в большинстве своем преувеличивают личный элемент в индийском походе, склоняясь к мысли о сильном влиянии греческой мифологии (Геракл, Дионис), разжигавшей у царя повышенный интерес к «стране чудес»[9].

Отважившись на продолжение похода к «восточному краю» Земли, Александр шел в неизвестность, так как представления эллинского мира об Индии были фантастичны.

Первым из греков побывал в Индии Скилак из Карии (Малая Азия), обследовавший по заданию персидского царя Дария I Гистаспа течение

Инда до его впадения в Океан, а также морской путь в Египет. Через два с половиной года Скилак добрался до Южной Аравии и Красного моря, закончив свое плавание в районе современного Суэца. Таким образом, заключает Геродот, было выяснено, что Азия (кроме восточной стороны) окружена морем [IV, 44].

Известно, что труд Скилака «Περίπλους» послужил основой для сочинения логографа Гекатея Милетского «Περιήγησις», от которого сохранилось значительное число отрывков [10].

Геродот заимствовал у Гекатея некоторые сведения об Индии, добавив к ним рассказы персидских купцов, посещавших эту страну. В частности, он взял у Гекатея рассказ о хищных муравьях величиной почти с собаку, добывающих золотоносный песок в пустыне [Герод., III, 102—105]. Правда, Геродот не всегда верит всему, что сообщает, но свой долг он видел в пересказе услышанного [11], а поэтому наряду с подлинно историческим материалом мы встречаем у него много вымысла.

Геродот знал, что Азия обитаема вплоть до Индии, за которой далеко на восток простирается пустыня, неизвестная древнему историку. Индия, сказочно богатая золотом, лежала на краю ойкумены (не далее современной пустыни Тар) и имела редчайшие дары природы (более крупные виды птиц и животных), а также деревья, дающие шерсть (хлопок), из которой ее жители изготовляли одежды [Герод., III, 106].

Спустя 50 лет после Геродота об Индии писал Ктесий из Книда, греческий лекарь при дворе персидского царя Артаксеркса II Мнемона. Его «Ἰνδική», основанная на рассказах персидских купцов, изобилует всевозможной фантастикой, за которой теряется истина. Но, несмотря на безудержный вымысел, труд Ктесия пользовался вниманием читателей многие века. В IX в. патриарх Константинопольский Фотий сделал краткое изложение «Описания Индии» Ктесия, благодаря чему до нас дошло в отрывках это древнее сочинение. Влияние Ктесия прослеживается в повествованиях Диодора и Плутарха.

Таковы были представления эллинов VI—V вв. до н. э. об Индии. Ко времени похода Александра Македонского на Восток они не претерпели изменений. Да и сам поход, как это ни странно, не намного обогатил сведения греков об Индии. Известно, что Александр дошел только до реки Гифасиса (современная Биас), обследовал среднее и нижнее течение Инда, но достичь конечной цели похода, Ганга, так и не сумел из-за отказа войска следовать дальше.

Уместно предположение, что все написанное об Индии было известно Александру через Аристотеля, считавшего Индию, как и его предшественники, восточным краем земли [Аристотель, Μετεωρολογικά, I, 13, 15]. Очевидно, кроме сведений литературного свойства Александр имел некоторую информацию о стране индийцев, почерпнутую у главы одного из индийских племен — Таксила, который во время пребывания македонского царя в Согдиане советовал ему предпринять поход против непокорных племен, обещая при этом свою помощь [Диод., XVII, 86, 4]. Арриан также косвенно пишет об этом, указывая, что походу предшествовали какие-то переговоры с Таксилом [IV, 22, 6].

Что же влекло македонского завоевателя в Индию? Древние авторы связывали поход македонян в «страну чудес» со стремлением Александра закончить завоевание всей Азии, выйти к восточному краю Земли и достичь Внешнего Океана [Арр., IV, 15, 6; Диод., XVII, 89, 5]. Индией, по мнению античных писателей, заканчивалась Азия, и, следовательно, обладание ею давало право на мировое господство. Именно так

большинство современных немарксистских[12] и марксистских[13] исследователей понимают задачи индийского похода.

Отправляясь в индийский поход, Александр оставил в Бактрии Аминту с 10-тысячным отрядом пехоты и 3500 всадниками [Арр., IV, 22, 3], а в Согдиане — Певколая с 3 тыс. пехотинцев [Курц., VII, 10, 10]. По свидетельству Курция, перед походом в Индию к Александру прибыло пополнение, состоявшее из наемников: «Птолемей и Менид привели 30 тыс. пехотинцев и 1 тыс. всадников. Из Ликии пришел также Александр с таким же числом пехотинцев и 1 тыс. всадников. Столько же пришло из Сирии с Асклепиодором; Антипатр прислал 8 тыс. греков, среди них 500 всадников» [VII, 10, 11—12]. Арриан сообщает, что греко-македонское войско пополнилось, кроме того, всадниками из Арахозии, Паропамиса, Бактрии, Согдианы, Скифии и страны саков [V, 11, 3; 12, 2], а во флоте на Гидаспе появились кипрские, финикийские и египетские мореходы [Индия, 18].

Все древние авторы указывают, что Александр повел в Индию 120-тысячное войско [Арр., Индия, 19; Курц., VIII, 5, 4; Плут., Алекс., 66][14]. Но, несмотря на совпадение свидетельств античных писателей, некоторые современные исследователи высказывают обоснованное сомнение по поводу численности войска Александра, отправившегося в индийский поход[15]. Характерно, что в «Анабасисе» Арриан ничего не пишет о численности греко-македонской армии. И только в более позднем труде, «Индия», основанном на свидетельствах Мегасфена, он мимоходом говорит о 120-тысячном войске македонского царя в Индии, не ручаясь за полную достоверность приводимых данных. Видимо, войско Александра перед индийским походом не было столь многочисленным, если царь отправил нескольких командиров в Македонию для вербовки наемников, которые прибыли уже к Акесину, когда армия завоевателя возвращалась из Индии[16].

Не отрицая качественных изменений состава войска Александра, ряд исследователей делают вывод о преднамеренном желании царя пополнить армию «варварскими» народами якобы для эллинизации их и приучению к греко-македонским обычаям. Здесь опять присутствует преднамеренное подчеркивание культурных задач при завоевании Востока, что далеко не соответствовало действительности. По мере продвижения в Азию таяли регулярные греко-македонские силы, заменяемые греческими и восточными наемниками. Ясно, что, невзирая на личные настроения Александра, он вынужден был включать в свое войско «варварские» соединения, которые к началу индийского похода составляли основу его армии.

Исходя из сведений, содержащихся в трудах античных авторов, можно сделать суммарный подсчет пополнений, прибывших к Александру в разное время на Восток.

О подходе первого пополнения в Гордий пишут Арриан [I, 29, 4] и Курций [III, 1, 24]. Затем Арриан сообщает о прибытии наемников в Финикию [II, 20, 5]. Позже в Мемфис прибыло около 1 тыс. наемников [Арр., III, 5, 1]. Курций [V, 1, 40] и Диодор[XVII, 65, 1] пишут о подкреплениях, которые по заданию царя привел в Вавилон Аминта. Арриан указывает на новое пополнение в Сузах [III, 16, 10—11], а Курций — в Лидии [V, 7, 12]. В Среднюю Азию из западных областей пришли 19 тыс. наемников [Курц., VII, 10, 11—12]. Последнее пополнение, по Диодору — в 33 тыс. союзников и наемников, прибыло на обратном пути из Индии [XVII, 95, 4], но, видимо, речь идет только о наемных контингентах.

Общее число прибывшего на Восток к Александру войска равнялось примерно 80 тыс. воинов; при этом македонян было около 10 тыс., а основную массу составляли наемники и «варвары» (наемников — 44 тыс., «варваров» — 28 тыс.).

Изменение состава войска Александра на Востоке было вызвано не его желанием «эллинизировать» «варваров», а необходимостью оставлять значительные гарнизоны в городах и поэтому привлекать в армию местные контингенты. Это было связано также с тем, что начиная с 331 г. до н. э. не поступало регулярного войска из Македонии: все прибывавшие отряды состояли из наемников.

В Индию отправилось качественно иное войско по составу и тактике. Преобладание в армии Александра эллинских наемников и «варваров» привело к большему использованию греческого оружия и местных форм ведения войны: атаки лавой, рассыпного строя, атаки с одновременным использованием различных родов войск.

Перед походом в Индию Александр создал легковооруженные отряды кавалерии (гиппоконтистов и гиппотоксотов), видимо набранные из «варваров» [Арр., III, 24, 1]. Арриан сообщает и о включении местных конников в отряды этеров, а некоторых (самых родовитых) даже в царскую гвардию — агему [VII, 6, 3].

После гибели Филоты Александр реорганизовал тяжелую конницу этеров, поручив командование ею Гефестиону и Клиту [Арр., V, 12, 2; VI, 6, 4], наряду с которыми выдвинулись новые гиппархи: Пердикка, Деметрий, Кратер, Леоннат [Арр., VII, 12, 4]. Агему возглавил Кен [Арр., V, 16, 3].

В конце весны 327 г. до н. э. войско Александра из Бактрии двинулось в Индию через Паропамис[17] и Александрию Кавказскую, где снова были оставлены непригодные к военной службе солдаты [Арр., IV, 22, 3—5]. Заменив сатрапа Паропамиса перса Проэкса на Тириеспа и поставив во главе гарнизона Никанора, Александр направился к долине Кофена (Кабула), одного из притоков Инда.

Перед греками и македонянами расстилалась индийская земля. Первое (безымянное) племя было покорено на подходе к городу Нисе [Курц., VIII, 10, 7]. Вначале Арриан только упоминает Нису как город, где войско принесло жертву богине Афине и где глашатаю был отдан приказ известить Таксила и прочих дружественных вождей индийских племен о том, чтобы греки и македоняне были подобающим образом встречены [Арр. IV, 22, 6]. В другом месте и в «Индии» греческий историк несколько подробнее пишет о нисейцах — племени не индийского происхождения, а скорее эллинского, пришедшего в Индию вместе с богом Дионисом из Малой Азии [Арр., Индия, I, 4].

В V книге «Анабасиса» Арриан передает содержание легенды о походе не то фиванского, не то ликийского Диониса в Индию. Там, между реками Кофеном и Индом, он основал город Нису, свободный и управляемый лучшими законами. Посол нисейцев Акуфис, упоминаемый Аррианом и Плутархом [Арр., V, 1, 4; Плут., Алекс., 58], был назначен гиппархом Нисы за почтение к Александру и готовность послать в его войско 300 всадников [Арр., V, 2, 3—4]. Далее Арриан, так же как и Курций, приводит сцену празднества в честь бога Диониса, организованного солдатами; они увенчали себя священным плющом, не виденным ими с того дня, когда они покинули родину [Арр., V, 2, 5—7; Курц., VIII, 10, 15—18].

Мифологический сюжет о походе бога Диониса в Индию не получил всеобщего признания у античных авторов. Эратосфен, Теофраст, Страбон,

Арриан отвергают его. Страбон пишет, что авторы подобных небылиц взяли какое-то индийское племя и назвали его нисейцами для иллюстрации подвигов Диониса, дошедшего до восточных пределов Земли [XV, 687—688]. Мегасфен и Курций говорят об этом мифе как о реальном факте.

В античной литературе известно несколько Нис: Гомер сообщает о городе с таким названием во Фракии [Илиада, VI, 132], Геродот — в Эфиопии [II, 146]. Гораздо позже, на закате античной поэзии (IV—V вв. н. э.), последний греческий поэт из Египта, Нонн, использовал все легенды о боге Дионисе в поэме «Διονυσιακά». Видимо, упоминаемая Аррианом индийская Ниса соответствовала городу Дионисополю, названному географом Птолемеем [VII, 1, 43]. Отдельные историки, признающие стремление Александра к мировому господству, чрезмерно преувеличивают влияние греческой мифологии на поступки Александра, якобы хотевшего не только подражать Дионису и Гераклу, но и превзойти их[18], поскольку он считал себя сыном Зевса[19].

Если исключить Таксила и нескольких мелких правителей, подвластных ему, в Индии Александру был оказан далеко не радушный прием. Племена поднялись на борьбу с чужеземным захватчиком, и их воля к свободе была не меньшей, чем у народов Средней Азии, в течение трех лет отстаивавших свое право на независимое существование.

Немарксистская историография, как правило, не занимается вопросом антимакедонской борьбы периода восточных походов Александра; поэтому она проходит мимо факта упорного противодействия индийских племен захватнической политике греков и македонян, а все внимание уделяет триумфальному шествию гениального полководца по Азии[20], которому иногда противодействовали разбойничьи племена. Но даже при всем пренебрежении античных авторов социальной стороной восточной кампании видно, что племена ассакенов, аспасиев, кафеев, оксидраков, маллов причинили много неприятностей войску Александра и постоянно затрудняли его продвижение по Индии.

Марксистская историческая наука считает, что выступление индийских племен — третий этап антимакедонского движения времени похода Александра на Восток[21]. Не внешние факторы (тропические ливни, жара, болезни), о чем подробно сообщают античные авторы, заставили Александра бесславно покинуть Индию, а усиление противодействия войска миродержавным планам царя и рост сопротивления индийских племен.

Отдохнув после перехода через Паропамис в благодатной Нисе десять дней [Курц., VIII, 10, 17], Александр приступил к планомерному завоеванию Индии. Он разделил войско на две части: одну возглавили Гефестион и Пердикка; под их началом находились полки Горгия, Клита и Мелеагра, половина конницы «друзей» и вся наемная конница; они должны были пройти через землю певкелаотов к Инду, захватить области аспасиев и ассакенов и навести переправу [Арр., IV, 22, 7]; вторую часть возглавил сам Александр.

Войско двинулось вниз по течению Кофена к Инду; Пердикка и Гефестион повели свои части правым берегом, а Александр с остальными силами избрал северный берег [Страб., XV, 697]. Выбор пути диктовался не столько характером местности (северный, гористый берег Кофена плодороден и обитаем, а южный — дик и пустынен), сколько соображениями военно-стратегического характера: не дать возможности племенам объединиться для совместной борьбы[22].

Гефестион и Пердикка довольно быстро справились со своей задачей: без особых препятствий прошли правым берегом Кофена до впадения

его в Инд и только у Певкелаотиды (Пушкалавати) встретили сопротивление местного царька Астиса, «который погиб сам и погубил город, в который бежал» [App., IV, 22, 8].

В 1958 г. английских археологов заинтересовал холм Бала-Гиссар на Пешаварской равнине (Западный Пакистан), неподалеку от города Чарсада, вблизи слияния рек Сват и Кабул. Аэрофотосъемка холма и последующие раскопки обнаружили оборонительные вал и ров, видимо наскоро построенные при подходе к Певкелаотиде греков и македонян[23]. Очевидно, город был хорошо укреплен, так как Гефестион смог овладеть им только после месячной осады. После гибели царька Астиса управлять городом стал Сангай, ранее переметнувшийся на сторону Таксила, чем снискал доверие македонян [App., IV, 22, 8].

Продвижение колонн, следовавших с Александром, затруднялось горным рельефом местности, но еще более — сопротивлением племен аспасиев и ассакенов, «бежавших в окрестные горы и свои города, откуда с успехом можно было отражать врага» [App., IV, 23, 2].

Верный тактике внезапного нападения, Александр во главе всей конницы и 800 македонских пехотинцев, посаженных на коней, стремительно атаковал «варваров» у первого на его пути города, загнал их внутрь, но сам был ранен в плечо [App., IV, 23, 3]. Город был окружен двойной стеной. Греко-македонское войско расположилось лагерем и только на следующий день перед рассветом начало штурм первой стены. Солдаты Александра одолели ее без труда, затем овладели второй стеной, после чего аспасии через городские ворота бросились бежать в горы. Царь отдал приказ никого не щадить, и многие индийцы погибли во время бегства. Город был срыт до основания [App., IV, 23, 4—5].

Этот же эпизод взятия города аспасиев, который защищали 38 тыс. пехотинцев, укрывшихся за могучими стенами, приводит Курций, подробно расписавший трудности овладения им и испуг индийцев при виде движущихся и мечущих стрелы осадных башен. Напуганные невиданными доселе орудиями войны, аспасии сдались Александру [VIII, 10, 23—33].

У римского историка Александр — храбрый воин и великодушный победитель, у Арриана — расчетливый, коварный и жестокий завоеватель. Так кто же прав? Скорее греческий автор, постаравшийся критически подойти к свидетельствам современников похода и выбрать из них то, что ему казалось заслуживающим доверия. Уничтожение целых городов и поголовный угон жителей в рабство — не случайные эпизоды восточной кампании Александра, а необходимая мера для удержания в руках завоеванного. Подобные случаи происходили в Греции (Фивы), Малой Азии (Галикарнас), Финикии (Тир), Персии, Согдиане, Бактрии, где всякий раз жестоко подавлялись выступления непокорных.

Расправа македонян с жителями безымянной столицы аспасиев возымела свое действие: вскоре без боя сдалась Андака. Там был оставлен Кратер во главе тяжелой пехоты для подчинения соседних городов или их уничтожения в случае сопротивления. После окончания этой операции Кратер должен был идти на подмогу царю к Аригею [App., IV, 23, 5].

А в это время Александр со своей группой войск двинулся на северо-восток, к реке Эваспле, где укрылся аспасийский правитель[24]. Преодолев значительное расстояние, греки и македоняне на следующий день подошли к городу, покинутому и подожженному жителями, бежавшими в горы. Царь отдал приказ уничтожать беглецов, и множество индийцев погибло при преследовании [App., IV, 24, 2]. На одном из холмов Птолемей Лаг увидел предводителя аспасиев, и, хотя воинов у него было меньше, чем

у противника, он смело бросился на индийца и нанес ему смертельную рану в бедро. Птолемей, раненный копьем в грудь, продолжал наседать на «варваров», которых подоспевший на подмогу Александр с трудом отогнал в ближайшие горы [App., IV, 24, 3—5].

Город Аригей, занимавший важное стратегическое положение, также был сожжен и покинут жителями. Царь приказал Кратеру вновь отстроить город, обнести его стеной и поселить в нем окрестных жителей и непригодных к службе солдат-ветеранов. Затем Александр поспешил с войском в горы, где, по полученным им сведениям, собралось много индийцев. Посланный за фуражом и одновременно для разведки, Птолемей доложил царю, что видел множество вражеских костров, гораздо больше, чем в лагере Александра [App., IV, 24, 6—8]. Несмотря на это, царь принял решение атаковать индийцев, так как дальнейшее промедление могло быть на руку только аспасиям, хорошо подготовившимся к обороне. Царь поделил свое войско на три части: одну он возглавил сам, а командование над остальными двумя передал Леоннату и Птолемею.

Отнесясь с пренебрежением к немногочисленному войску македонян, индийцы спустились с гор в долину и вступили в бой с противником. Александр легко одержал победу, точно так же как Птолемей и Леоннат, дравшиеся с индийцами на холмах. Так закончилась военная экспедиция в горы против аспасиев. В плен было взято более 40 тыс. человек. Кроме того, в руки македонян попало 230 тыс. голов рогатого скота — основное богатство индийских горцев [App., IV, 25, 1—4]. О жестоком подчинении индийских племен сообщает и Курций: «Он (Александр.— *Авт.*) демонстрировал силу своего оружия одновременно во многих местах; жители были разгромлены там, где не ожидали встретить врага, и после такого поражения покорились» [VIII, 10, 20].

Завоевание Индии по своим методам напоминало покорение Согдианы и Бактрии, где греко-македонские войска истребляли или обращали в рабство население и стирали города с лица земли.

Едва успев покорить аспасиев, Александр бросился на борьбу с ассакенами, которые, по сведениям лазутчиков, собрали 30 тыс. пехоты, 2 тыс. всадников и 30 слонов [App., IV, 25, 5]. Македонский царь с наиболее подвижной частью войска предпринял марш-бросок через земли гуреев, перешел бурную реку Гурей и вторгся во владения ассакенов, которые при известии о его приближении разошлись по своим городам, чтобы защищать их.

Сначала Александр направился к самому крупному городу, Массаге. Индийцы не проявили никакого страха даже тогда, когда македоняне разбили лагерь вблизи их города. Кроме собственных значительных сил защитники Массаги очень рассчитывали на помощь наемников-соплеменников из дальних мест, а потому стремились навязать противнику сражение вблизи города. Но это не устраивало Александра, так как враг легко мог в случае необходимости укрыться за неприступными стенами. Поэтому македоняне решили несколько отойти от города и разбить лагерь на новом месте. Индийцы, думая, что противник отступает, стали беспорядочно атаковать македонян. Александр отдал приказ повернуть фалангу, и солдаты бегом устремились на ассакенов. Те не выдержали ближнего боя и бежали в город под прикрытие мощных стен [App., IV, 26, 1—4].

Началась упорная осада Массаги. Ее жители раз за разом отбивали атаки македонян, пытавшихся через пролом, пробитый в стене осадными машинами, проникнуть в город. Трижды Александр водил на приступ фалангитов и трижды был отброшен назад, несмотря на то что с осадной

башни в месте пролома были переброшены мостки, по которым щитоносцы ринулись в город (этот прием с успехом был применен при взятии Тира). Только на четвертый день, потеряв предводителя и множество бойцов, индийские наемники решили вступить с Александром в переговоры. Весть об этом обрадовала македонского царя, и он поспешил договориться с ними о переходе их к нему на службу. Воины-индийцы в полном вооружении вышли из города и разбили свой лагерь напротив македонского. Но уже к ночи они раскаялись в своем намерении и решили бежать, чтобы не сражаться против соплеменников. Александр не мог допустить этого и, взяв индийцев в клещи, перебил всех. После этого Массага была взята без труда: защищать город было некому [Арр., IV, 27, 4]. Арриан подчеркивает упорство защитников города, говорит о значительных потерях с обеих сторон, пишет об истреблении всех индийских наемников, но вместе с тем указывает, что македоняне недосчитались только 25 воинов. Причина может быть двоякой: или источники, на которых основывается труд Арриана, умолчали об этом, или же сам греческий историк преднамеренно скрыл урон греко-македонского войска, чтобы не омрачать славы Александра.

Вообще, античная историография постоянно старалась подчеркнуть, что решающее значение в Индии приобрели внешние факторы: нехватка продовольствия и труднопереносимый тропический климат [Плут., Алекс., 58].

Но Массага была не единственным городом, оказавшим стойкое сопротивление грекам и македонянам. Другие города ассакенов также упорно защищались. Арриан называет еще два города — Оры и Базиры, куда царь в спешном порядке отправил Алкету и Кена в надежде на добровольную сдачу после падения Массаги. Но случилось обратное: жители городов приготовились к продолжительной осаде. Алкета и Аттал стояли под стенами Ор, а Кен — у Базир, дожидаясь возможных переговоров о сдаче.

Как только до царя дошло известие, что Абисар Кашмирский, предводитель соседней страны, намерен оказать помощь Орам, Александр срочно повернул от Базир к этому городу, взял его штурмом и забрал всех слонов, оставленных там. Расчет македонского царя оказался верным: жители Базир, точно так же как и других поселений ассакенов, бежали в горную крепость Аорн в стране Сват.

В рассказах о подвигах Геракла упоминается, что он в своих странствиях доходил до восточных пределов Земли — Индии, где не смог взять горную крепость Аорн. Видимо, это название собирательное, так как цитадель Аорн греки и македоняне уже брали в Бактрии [Арр., III, 29, 1]. Вполне резонно Страбон, Эратосфен и Арриан с недоверием отнеслись к этому свидетельству своих предшественников, указывая, что неясно, какой Геракл — фиванский, тирийский или египетский — побывал в Индии [Страб., XV, 687; Арр., IV, 28, 2]. Справедливы сомнения Арриана и Страбона относительно легендарного похода Геракла в Индию, о котором современники восточного похода, когда македонскому царю удалось взять крепость Аорн близ истоков Инда, вспомнили для подтверждения славы Александра, превзошедшего на этот раз деяния мифологического героя [Страб., XV, 688; Арр., IV, 28, 2]. Но не все античные авторы критически подходили к свидетельствам мифологии: Диодор, Мегасфен, Курций (через Клитарха) верили тому, что Геракл дошел до Индии и после трех попыток не взял Аорн [Диод., XVII, 85, 2; Курц., VIII, 11, 2].

Александр знал, что Геракл не взял Аорн из-за землетрясения и других знамений. Поэтому он отдал приказ осадить твердыню, чтобы поме-

риться с божеством в славе [App., IV, 28, 4; Диод., XVII, 85, 2; Курц., VIII, 11, 2].

Описание Аорна очень напоминает «Скалу Хориена» в земле паретаков: мощная цитадель, перед которой глубокая пропасть, а единственная дорога, ведущая к ней, узка и неудобна [App., IV, 21, 2–3]. Неприступность крепости в Аорне еще более преувеличена: по одним источникам, окружность крепости — 200 стадий, высота в самом узком месте — 11 [App., IV, 28, 3]; по другим — окружность 100 стадий, высота — 16 [Диод., XVII, 85, 3]. Для сравнения напомним, что окружность «Скалы Хориена» у основания составляла только 60 стадий [App., IV, 21, 2—3].

Не менее противоречивы сведения древних и о том, как быстро македонский царь взял Аорн: Страбон пишет, что Александр с первого приступа овладел крепостью [XV, 688]; Арриан сообщает, что в течение пяти дней солдаты делали насыпь, где поставили на уровне стен метательные механизмы [IV, 30, 1–2]; Курций и Диодор указывают, что только на седьмой день македоняне засыпали пропасть перед «скалой» [Курц., VIII, 11, 9; Диод., XVII, 85, 6].

Перипетии взятия Аорна у всех античных историографов схожи: местные жители указали македонскому царю единственный проход к крепости, и Александр послал туда Птолемея с легковооруженными воинами. Птолемей, преодолев крутой подъем, закрепился на склоне холма, разбив лагерь и окружив его частоколом. Индийцы первыми с высоты напали на македонян, но потеснить их не смогли и к ночи отступили [App., IV, 29, 1–3].

Пока Птолемей удерживал захваченный рубеж, ему на подмогу шел Александр. Ведомый местным проводником, которому были обещаны богатые дары[25] [Диод., XVII, 85, 6], Александр с большими трудностями добрался до места стоянки Птолемея, и они совместными силами вступили в сражение с индийцами. До полудня бились в жестокой схватке македоняне, но взять крепость не сумели. После этого царь отдал приказ засыпать пропасть перед Аорном, чтобы использовать метательные механизмы. Пять дней воины сооружали насыпь, а когда стрелы, пущенные с нее, достигли осажденных, индийцы согласились на мирные переговоры. На самом же деле они и не думали сдаваться, а просто хотели выиграть время и под покровом ночи бежать в оставленные ранее поселения [App., IV, 30, 2].

Узнав об этом от разведчиков Балакра, Александр приказал снять сторожевые посты, чтобы индийцы могли беспрепятственно уйти из крепости. После этого царь с отрядом телохранителей и щитоносцев в 700 человек взобрался на скалу и занял крепость. Затем он отдал приказ преследовать беглецов; многие индийцы упали в страхе с крутых скал, а иные были убиты [App., IV, 30, 4]. Курций по этому поводу замечает, что царь оказался скорее победителем природы, чем врагов, так как «варвары» сами ушли из цитадели [VIII, 11, 24].

Щедро наградив проводника, царь оставил в крепости гарнизон, начальником ее он сделал местного правителя Сизикотта, еще в Бактрии перешедшего на сторону Александра [App., IV, 30, 4].

Так захватом горной крепости Аорн, господствовавшей над долиной Кофена, закончилось завоевание земель до Инда. Александр уже намеревался идти за Инд, когда разведка донесла, что брат Ассакена, одного из индийских вождей, погибшего при штурме Массаги, со слонами и множеством «варваров» бежал в окрестные горы. Царь поспешил к городу Дирте, но никого из жителей там не застал. Он поручил Неарху и Антиоху

прочесать местность, навести порядок и разузнать относительно слонов [App., IV, 30, 6].

В других источниках брат Ассакена, собравший 20-тысячное войско, носит имя Эрик или Африк. С ним сразился Александр и выбил его из леса. Воины-индийцы убили своего предводителя, перешли на сторону македонского царя и в знак верности преподнесли ему голову брата Ассакена [Курц., VIII, 12, 1; Диод., XVII, 86, 2].

Македонский царь не стал дожидаться вторичного замирения ассакенов, а направился к Инду. Посланные туда ранее Гефестион и Пердикка уже навели переправу через реку [App., IV, 28, 5; IV, 30, 9]. Войско продвигалось медленно, так как в любой момент можно было ожидать нападения воинственных племен. На переход от Аорна к месту переправы на Инде ушло 16 дней[26] [Курц., VIII, 12, 4], из которых часть была использована на сооружение кораблей из леса, росшего по берегам, и на плавание к месту наведения переправы [App., IV, 30, 9].

Подойдя к Инду, Александр увидел, что Гефестион и Пердикка выполнили его приказ: мост был готов, были построены два тридцативесельных корабля и множество мелких судов [App., V, 3, 5]. В источниках место переправы определяется поблизости от взятого Гефестионом после месячной осады города Певкелаотиды, где погиб Астис, его правитель [App., IV, 22, 8; Страб., XV, 698]. Сюда прибыли послы Таксила с дарами от своего царя: 200 талантами серебра, 3 тыс. быков, 10 тыс. овец и 30 слонами. Явились также 700 всадников-индийцев. Таксил велел сказать македонскому царю, что добровольно сдает ему свой город, самый большой между Индом и Гидаспом [App., V, 3, 5]. Видимо, Таксил не жалел средств на богатые подношения Александру, рассчитывая в дальнейшем получить несравненно больше; кроме того, он, вероятно, надеялся на помощь греков и македонян в борьбе с соседними индийскими царями — Пором и Абисаром Кашмирским.

Но вернемся к Александру. На рассвете македонская армия перешла Инд и вступила во владения Таксила (между Индом и Гидаспом). Видимо, для переправы были использованы поставленные борт о борт суда, ибо вряд ли можно было выстроить настоящий мост в столь короткий срок при значительной глубине реки [App., V, 7, 1].

Столица дружественного вождя, Таксила,— в представлении древних, большой город, отличающийся прекрасными законами,— была окружена плодородной равниной [Страб., XV, 698]. Таксил и жители его страны радушно встретили Александра, за что получили больше даров, чем ранее послали македонскому царю, вызвав зависть многих. Имеется свидетельство о том, что царь пожаловал индийцам окрестной земли, сколько они хотели, Таксилу — 1 тыс. талантов серебра из собственной добычи, золотые и серебряные сосуды, персидскую одежду, 30 коней со сбруей [Курц., VIII, 12, 16].

В начале нашего века в течение почти 20 лет в северо-западной части Индии (нынешний Пакистан) работала английская археологическая экспедиция, занимавшаяся раскопками древней Таксилы[27]. Археологи обнаружили бессистемную застройку города из блоков сырцового кирпича и клад серебряных монет, в основном персидских, среди которых были две, принадлежащие времени Александра (датируемые 326 г. до н. э.). Расцвет Таксилы, центра индо-греческого искусства, относится к более позднему времени (II в. до н. э.), когда стали вырисовываться контуры нового государственного объединения, охватившего Бактрию и земли Пенджаба.

Некоторое время македонское войско отдыхало, принимая участие в конных и гимнастических состязаниях. В Таксилу прибыл с посольством от горных индов брат Абисара, желавший заключить союз с македонским царем. Сатрапом Таксилы Александр поставил Филиппа, сына Махаты, дав ему гарнизон и воинов-ветеранов, непригодных к дальнейшей службе [App., V, 8, 3].

В Таксиле македонский царь впервые познакомился с индийскими мудрецами. Они произвели на него несравненно большее впечатление, чем киник Диоген Синопский, пренебрегший всеми житейскими благами [App.. VII, 2, 1; Плут., Алекс., 14]. Софисты в Индии не занимались никаким трудом, приносящим доход казне; их единственное занятие состояло в том, чтобы приносить жертвы богам за весь народ и предсказывать будущее. Мудрецы ходили обнаженными и всю жизнь проводили под открытым небом: зимой — на солнце, а летом — в тени огромных деревьев [28]. Питались они древесными плодами и съедобной корой [App., Индия, 11].

Александра поразило, что индийские брахманы были непритязательны и довольствовались тем немногим, что имели. При виде македонского царя они не выказали ни удовольствия, ни неприязни, а только стали топтаться на месте, желая этим показать, что, как бы смертный человек ни суетился на земле, ему принадлежит ее столько, сколько находится под ногами, а после смерти достанется не больше, чем нужно для погребения [App., VII, 1, 6]. Александр понял намек софистов на тщетность попыток завоевать как можно больше, но «действовал он все равно по-другому» [App., VII, 2, 1].

Царю захотелось иметь в своей свите кого-нибудь из этих сдержанных людей. Но самый мудрый из них, Дандамий, отверг предложение Александра; он сказал, что не желает ничего, что есть у царя, и не страшится, что царь сможет что-либо отнять у него. В услужение к македонянам согласился пойти Калан, поведение которого осудили другие брахманы, назвав его «человеком без всякого самообладания» [App., VII, 2, 4].

В античной историографии имеется и другой эпизод, связанный с наглядным уроком индийской мудрости по поводу того, как надо управлять царством. Индийские мудрецы с полным пренебрежением отнеслись к Александру и не стремились увидеть его. К ним, по преданию, македонский царь послал Онесикрита, ученика Диогена Синопского, киника, которого софисты заставили раздеться, так как сами не носили одежд. Внимательно выслушав рассказ Онесикрита об эллинских философах Сократе, Пифагоре, Диогене, брахманы заявили, что те прожили свою жизнь, чрезмерно подчиняясь законам [Плут., Алекс., 65]. Идти же на поклон к царю они наотрез отказались. В сочинении одного малоизвестного автора, Афинея Механика (около II в. н. э.), есть свидетельство о том, что Калан осудил греческих философов за многословие, противопоставив им индийских мудрецов, немногословных даже в важных делах]Περί μηχανημάτων, 5].

Только правителю Таксилы удалось уговорить Калана явиться к Александру, и мудрец научил царя, как следует управлять царством: следует больше заботиться о центральной власти и поменьше отлучаться на далекие окраины, подобные Индии [Плут., Алекс., 65]. Вообще, индийские мудрецы вели себя недоброжелательно по отношению к пришельцам, поднимали восстания среди независимых племен, наносили завоевателям всяческий ущерб, поносили правителей, перешедших на сторону Александра, что побудило царя перевешать многих философов [Плут., Алекс., 59].

Так, Александр не нашел общего языка с представителями индийских культов, в противоположность тому, чего он добился со жрецами храма Амона в Египте [Арр., III, 4, 5] и халдейскими мудрецами в Вавилоне [Арр., III, 16, 3; Плут., Алекс., 27; Диод., XVII, 51, 3—4]. Видимо, индийцы не приняли всерьез появление в их стране пришельцев с далекого Запада, рассудив, что их власть непрочна и с их уходом все останется попрежнему. В этом, несомненно, была доля правды, ибо бо́льшая часть южноазиатского субконтинента никогда до Александра не знала чужеземных захватчиков, да и сами индейцы не совершали походов в чужие владения [Арр., Индия, 9]. Правда, Северо-Западная Индия входила номинально в державу Ахеменидов, составляя двадцатый податной округ, уплачивавший персам наибольшую дань — 360 талантов золотым песком [Герод., III, 94]. Но, очевидно, центральная персидская власть не вмешивалась во внутренние дела индийских племен, как это происходило в Бактрии, куда Ахемениды постоянно посылали наместника из боковой линии царствующего дома [Герод., IX, 113; Арр., III, 21, 5].

После непродолжительного отдыха в дружественной Таксиле Александр поспешил к Гидаспу, на противоположном берегу которого царь Пор, по данным разведки, сосредоточил все войско, чтобы не допустить проникновения греков и македонян в свои владения [Арр., V, 8, 4].

Страна Пора, обширная и плодородная, насчитывала до 300 городов и занимала междуречье Гидаспа и Акесина. Богатства этого края составляли прекрасные корабельные леса (ель, сосна, кедр), произраставшие в Эмодских горах [Страб., XV, 698].

Александр подошел к Гидаспу со всем войском, усиленным 5 тыс. индийских солдат, присланных Таксилом и другими дружественными царьками. Естественным рубежом, разделявшим два вражеских войска, был Гидасп. Вид грозной армии Пора и бурное течение реки повергли в ужас македонян. Их сердца дрогнули, хотя они не раз одолевали грозного противника [Курц., VIII, 13, 11].

О численности войска Пора источники сообщают различные сведения. Арриан называет цифру в 34 тыс. человек (4 тыс. конницы и 30 тыс. пехоты), 300 колесниц и 200 слонов [V, 15, 4]. Курций приводит такие же данные о пешем войске и колесницах, но сокращает количество слонов до 85 и совсем не упоминает о коннице [VIII, 13, 6]. Наименьшая численность войска Пора — у Плутарха: 22 тыс. воинов (2 тыс. конницы и 20 тыс. пехоты), причем он ничего не сообщает ни о колесницах, ни о слонах [Алекс., 62]. По Диодору, Пор имел армию в 53 тыс. человек (50 тыс. пехоты и 3 тыс. конницы), 1 тыс. колесниц и 130 слонов [XVII, 87, 2].

Согласно античной традиции Пор возлагал особые надежды на слонов, зная, что у Александра их нет. Правда, имеется свидетельство Курция, не подтвержденное другими источниками, что перед битвой с Пором к македонскому царю привели 30 пойманных слонов [Курц., VIII, 13, 3].

Как же Александр намеревался преодолеть водный рубеж и выйти на противоположный берег, усиленно охраняемый противником?

У одних авторов македонский царь послал Кена обратно к Инду с приказом разобрать построенные там суда, погрузить их на повозки и доставить к Гидаспу [Арр., V, 8, 4], у других — сколотить плоты из леса, растущего здесь же, на берегу реки [Плут., Алекс., 60; Курц., VIII, 13, 26].

Александр разбил лагерь на западном берегу Гидаспа у места переправы, а на восточном выстроил свое войско Пор, предусмотрительно рас-

ставив в первой линии слонов вперемежку с пехотинцами, вооруженными тяжелыми копьями. Македонский царь не решался приступить к форсированию водного рубежа, так как грозный вид слонов мог испугать лошадей и тем свести на нет эффективность конной атаки [App., V, 10, 1—2]. В то же время Александр предпочитал действовать, а не ждать: пришло сообщение, что Абисар Кашмирский выслал в помощь союзнику подкрепление, которое, по некоторым данным, было не меньше, чем сама армия Пора [Диод., XVII, 87, 2]. И тут Александра выручила очередная хитрость: разделив войско на множество отрядов, он разослал их вверх и вниз по течению Гидаспа, приказав им обследовать течение реки, попутно опустошая все на своем пути. Один из отрядов возглавил он сам. Кроме того, македоняне по ночам устраивали в разных местах ложные тревоги, чтобы показать противнику, что они не оставили мысли о переходе Гидаспа. Так повторялось много раз, и Пор уже настолько привык к ночным вылазкам македонян, что перестал реагировать на их действия. Этого момента и ждал Александр.

Взяв наиболее мобильные конные отряды Гефестиона, Пердикки, Деметрия, бактрийцев, согдийцев, скифов, даев, лучников и агриан, щитоносцев из фаланги, подразделения Клита и Кена, он отошел от лагеря на некоторое расстояние вверх по течению и остановился в лесистой местности напротив острова, где намеревался перейти Гидасп. К месту переправы македоняне заранее подвезли разобранные корабли и собрали их; кроме того, они набили сеном мехи и тщательно зашили их. Все приготовления происходили под проливным дождем при грозных раскатах грома. К утру дождь прекратился, и Александр отдал приказ форсировать реку. Конница переправлялась на мехах, пехота — на судах [App., V, 12, 4].

В македонском лагере остался Кратер со своей гиппархией, с конными арахотами и паропамисадами, отрядом пехотинцев Алкеты и Полисперхонта, номархами индийцев-союзников, с отрядом в 5 тыс. человек [App., V, 11, 3]. Кратеру было строго-настрого приказано не начинать переправы, пока он не получит известия о том, что Пор ушел, или о том, что его войско потерпело поражение.

Индийские сторожевые посты заметили противника почти у самого берега и немедленно направили гонцов к Пору. Александр начал высадку и только потом заметил, что пристал не к берегу, а к небольшому островку, отделенному от суши протокой, неширокой, но достаточно глубокой: пехотинцам вода доходила до груди, а у лошадей только головы торчали над поверхностью.

Достигнув берега, Александр построил войско в боевые порядки: вперед поставил конных лучников, за ними — царских щитоносцев Селевка и агему. На флангах стояли фалангиты, защищенные лучниками, агрианами и дротикометателями.

Пешее войско (около 6 тыс. человек) неспешно двинулось навстречу противнику, а конница (5 тыс. всадников) поскакала вперед; лучникам был отдан приказ быстро следовать за кавалерией [App., V, 13, 4; 14, 1].

План Александра был прост и смел: в конном сражении с Пором или победить, или продержаться до подхода пехоты; в случае же панического бегства индийцев начать преследование и уничтожить как можно больше живой силы противника — прием, которым македонский царь пользовался неоднократно в борьбе с восточными народами [App., V, 14, 2; Плут., Алекс., 60].

Аристобул рассказывает, что сын Пора с 60 колесницами прибыл к

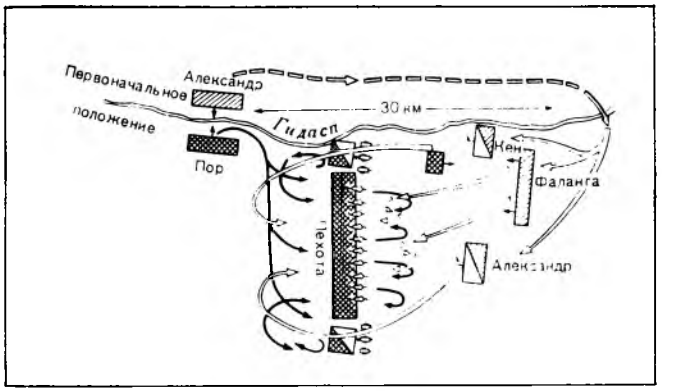


Схема битвы при Гидаспе

переправе еще до того, как Александр успел перебраться с острова на берег. Но индийские колесницы проехали мимо и не препятствовали македонянам высаживаться на сушу. Александр не преминул воспользоваться этой оплошностью и в погоню за колесницами отправил конных лучников, которые без труда обратили их в бегство [App., V, 14, 3].

Птолемей (которому следует Арриан) передает события иначе: сын Пора привел к месту переправы 2 тыс. всадников и 120 колесниц, вначале атакованных конными лучниками, а затем — кавалерией Александра. В бою погиб сын Пора и еще 400 индийцев. Македонянам удалось захватить все колесницы: они были тяжелы и вязли в грязи после ночного ливня [App., V, 15, 2].

По сообщению Плутарха, при переправе Александра атаковали 1 тыс. конных индов и 60 колесниц, 400 всадников погибли, все колесницы достались македонянам [Алекс., 60]. Еще одна античная версия гласит, что Пор выслал к месту переправы колесницы во главе со своим братом. На каждой из них находилось по шесть воинов: двое стрелков по бокам и четверо возниц, вооруженных дротиками. Но колесницы, пущенные по бездорожью, вязли в грязи и только мешали своим же воинам [Курц., VIII, 14, 1—4].

Первыми атаковали индийцев скифы и даки, затем подоспел полк Пердикки, действовавший на правом фланге; противник беспорядочно отступил [Курц., VIII, 14, 4—5].

Известие о гибели сына и о высадке македонян на восточном берегу Гидаспа повергло Пора в замешательство. Царь индийцев не знал, что делать. Кратер с частью войска не отходил от места переправы и, видимо, намеревался перейти реку, как только Пор перебросит свою армию к месту высадки греков и македонян.

Оставив в лагере несколько слонов и некоторое количество воинов для отпугивания всадников Кратера, Пор со всей конницей (4 тыс.), колесницами (300), слонами (200) и лучшей частью пехоты (30 тыс.) устремился на Александра [App., V, 15, 3—4]. Свое войско он построил на ровном песчаном месте, удобном для маневрирования конницы. В центре по фронту на значительном расстоянии друг от друга стояли слоны, прикрывавшие пехотинцев. Между грозными животными расположились тяжеловооруженные воины. На флангах также была пехота, усиленная конницей и продвинутыми вперед колесницами [App., V, 15, 7].

Рассмотрев построение индийского войска, македонский царь сказал: «Наконец-то я вижу достойную меня опасность» [Курц., VIII, 14, 14].

Как явствует из рассказа Арриана, это сражение не было похоже ни на одно из предыдущих [V, 17, 3]. Чем же эта битва отличалась от всех предшествовавших? Прежде всего тем, что противник заставил Александра изменить традиционную для греков дислокацию войска и перегруппировать подразделения так, чтобы в бою основной тон задавали легковооруженные конные илы, а фаланга — ударный кулак греко-македонских армий — на первом этапе сражения оказалась в бездействии.

Оценив по достоинству хорошо продуманное расположение войск индийцев, Александр принял единственно правильное решение — ударить с флангов отрядами легкой кавалерии. Фалангиты, отведенные во вторую линию обороны, получили приказ вступить в сражение только тогда, когда конница расстроит ряды индийской пехоты.

Против левого крыла армии Пора Александр бросил конных лучников Кена, а сам во главе кавалерии «друзей» ударил по правому флангу. В завязавшемся конном сражении индийцам пришлось отбивать атаки с двух сторон. Это сразу же внесло замешательство в ряды индийской кавалерии. И тут македонский царь повернул конницу в центр войска Пора. Индийцы не выдержали и побежали под прикрытие слонов. В это время погонщики направили животных на македонскую конницу, и тогда в сражение вступили фалангиты.

Поражая слонов и погонщиков дротиками, фаланга теснила индийцев. Между тем обезумевшие от ран и грохота боя животные причинили много бед македонской пехоте, топча и расшвыривая солдат во все стороны [Арр., V, 17, 4]. Александр с трудом отбил конную атаку индийцев и, собрав воедино всю кавалерию, загнал слонов, пехоту и всадников противника в узкое место, где многие погибли, охваченные кольцом македонских конников и сомкнутыми рядами фаланги. Как только конница Александра разомкнулась, образовав проход, все индийцы обратились в бегство [Арр., V, 17, 7].

Тем временем Кратер, дождавшись победы македонян, переправился через Гидасп и со свежими силами бросился на отступавшего противника. Даже в столь трудную и опасную минуту Пор не покинул поля боя, а продолжал на своем слоне, окруженный горсткой людей, метать дротики в противника. Он был хорошей мишенью для вражеских стрел. Получивший девять ран, индийский царь продолжал отбиваться от наседавших врагов [Курц., VIII, 14, 32]. Смелость и упорство Пора понравились Александру, и он отправил к нему Таксила для переговоров о сдаче. Пор отверг предложение македонского царя и чуть было не убил Таксила. Только посланный к нему его друг Мерой убедил Пора прекратить бессмысленное сопротивление [Арр., V, 18, 6—7].

Так окончилось самое крупное сражение в Индии, в котором Пор потерял 20 тыс. пехоты, 3 тыс. всадников, все колесницы и множество слонов. В этой битве погибли два сына царя, все гиппархи и стратеги [Арр., V, 18, 2; Диод., XVII, 89, 1]. Потери Александра составили, по данным одних источников, немногим более 300 человек [Арр., V, 18, 3], а других — почти тысячу [Диод., XVII, 89, 3].

Пор сдался, видя, как его войско рассеялось под ударами кавалерии Александра. Но и будучи побежденным, он не выказывал ни тени раболепия перед македонским царем, а держался гордо и независимо. Античные историки пишут, что Александр по достоинству оценил мужество Пора [Арр., V, 19, 2; Плут., Алекс., 60; Курц., VIII, 14, 45]. Но, очевидно,

главным было стремление македонского царя добиться лояльности Пора[29], чего он и достиг, оставив его правителем прежнего царства, названного сатрапией, и еще добавив независимую область с 15 племенами и 5 тыс. городов [Плут., Алекс., 60]. После этого Пор «стал Александру верным другом» [App., V, 19, 3].

Уже отмечалось, что македонский царь привел в Индию качественно новое войско, в котором преобладали местные контингенты кавалерии, вооруженные луками (даки), из пограничных северо-восточных провинций Персии[30]. В армию Александра влились свежие силы местных оседлых и кочевых народов, принесших с собой собственные методы ведения войны, основанные на приемах кочевников-степняков,— нападение лавой, рассыпной строй с последующим преследованием, чем успешно пользовались парфяне в борьбе с римскими легионерами[31]. Вполне справедлива точка зрения некоторых авторов, считающих, что вряд ли Александр добился бы успеха в Средней Азии и Индии традиционной эллинской тактикой[32].

В Средней Азии не было генеральных сражений, да если бы они и были, то вряд ли македонский царь смог бы применить фалангу против согдийцев, бактрийцев, скифов, действовавших легкими подвижными конными отрядами. После Гавгамел фаланга была брошена только против слонов Пора, а сражение на Гидаспе закончилось блестящей победой Александра благодаря использованию рассыпного строя легкой кавалерии[33]. Военные реформы, начатые македонским царем еще в 331 г. до н. э., получили окончательное завершение к 327 г. до н. э., накануне похода в Индию[34]. Именно поэтому античная историография называет в качестве основной ударной силы войска Александра согдийскую, бактрийскую, скифскую, дакскую и персидскую конницу.

На обоих берегах Гидаспа — около места переправы и там, где была одержана победа над индийцами,— македонский царь основал два города: Букефалею (в честь своего коня, павшего в сражении) и Никею. Античные авторы объясняют это желанием Александра сохранить память о победе македонского оружия[35] [App., V, 19, 4; Плут., Алекс., 61; Диод., XVII, 89, 6; Страб., XV, 699; Курц., IX, 1, 6]. Но более вероятно, что македонский царь был движим иными побуждениями: завоевание царства Пора делало его повелителем Пенджаба, а новые города играли роль опорных пунктов македонской власти[36].

Кратер с частью войск остался укреплять новые города, а также строить флот из леса, растущего в Эмодских горах [App., V, 20, 3; Страб., XV, 698; Диод., XVII, 89, 4]. Именно сооружение флота на Гидаспе некоторые исследователи считают доказательством того, что Александр не стремился к мировому господству, а хотел лишь завоевать всю персидскую державу[37]. Ошибочность такого мнения подтверждается свидетельствами источников критического направления, сообщавших о планах царя: «дойти до границ индийской земли и, покорив всех ее обитателей, спуститься по реке к Океану» [Диод., XVII, 89, 5]. А строить корабли царь приказал, чтобы, «пройдя всю Азию, поплыть по морю к пределу всех земель» [Курц., IX, 1, 3]. Следовательно, после Гидаспа Александр и не думал о возвращении обратно, а, наоборот, намеревался продолжать поход далее на Восток, к Гангу, к неведомому краю Земли.

Отпраздновав победу над Пором и дав передохнуть войску[38], Александр устремился на соседние племена главгаников (по Аристобулу), или главсов (по Птолемею), которые сдались добровольно. Здесь Александр овладел 37 городами, причем в самых незначительных из них было не

менее 5 тыс. жителей. И эти земли царь отдал в управление Пору [App., V, 20, 4].

Таксил, примиренный с Пором, ушел в свои владения, а Абисар Кашмирский, ранее намеревавшийся выступить против Александра, прислал своего брата с денежными дарами и 40 слонами. Македонский царь, невзирая на подношения, пригрозил, что, если Абисар сам не явится к нему, он с войском вторгнется в его владения. Послы ассакенов, прибывшие в македонский лагерь, сообщили, что племя восстало, убило правителя и отложилось. Александр срочно направил к ассакенам Филиппа и Тириеспа с войском для наведения порядка [App. V, 20, 7].

Перейдя Акесин в наиболее широком месте, где течение было поспокойнее, Александр у места переправы оставил Кена следить за подходом отрядов, посланных за продовольствием для армии. Пора он отправил набирать воинов-индийцев и ловить слонов, которых индийский царь обязался привести к Александру.

Вскоре македоняне подошли к реке Гидраоту, шириной не уступавшему Акесину, но имевшему более спокойное течение. Везде, где проходили македоняне, Александр оставлял сторожевые посты, чтобы Кратер и Кен могли спокойно реквизировать продовольствие [App. V, 21, 4].

Александр с основной частью армии довольно быстро продвигался вперед, поручая небольшим отрядам проведение локальных операций по замирению — способ, успешно примененный им еще в Малой Азии (мармары, писиды) и позже в Восточных сатрапиях. Так, Гефестион с частью войск (часть фаланги, две гиппархии конницы, половина лучников) был отправлен в Гандариду, страну, управляемую Пором, родственником индийского царя, побежденного Александром [Страб., XV, 699]. Кроме того, Гефестион должен был покорить все племена по берегам Гидраота и отдать их в управление царю-союзнику Пору [App., V, 21, 5].

Переправившись через Гидраот, Александр подчинил многие племена, взявшиеся за оружие; некоторые сдались сами. Только кафеи и некоторые другие независимые индийцы решили сражаться с незваными пришельцами у неприступного города Сангалы (Лахор). Кафеи, подобно оксидракам и маллам, считались самыми искусными и отважными воинами [App., V, 22, 2]. Пор и Абисар до Александра пытались покорить их, но не добились ничего.

После двухдневного перехода Александр приблизился к городу Пимпрамы, жители которого сдались добровольно. Отдохнув сутки, войско на исходе третьего дня подошло к Сангале.

На подступах к городу кафеи устроили лагерь за тройным рядом телег [App. V, 22, 4]. Александр вначале бросил против них конных лучников, забросавших кафеев градом стрел. Затем он ввел в дело конницу, но индийцы не дрогнули и из-за прикрытия пускали стрелы в македонян. Тогда Александр спешился и повел на приступ первого ряда телег пехоту, которая отбросила противника ко второму, более плотному ряду. Греки и македоняне наступали беспорядочно, так как все пространство было забито повозками противника. У третьего ряда телег индийцы не задержались, а бросились в город и заперлись там.

Александр окружил город фалангой, а у мелководного озера поставил конные сторожевые посты. Ночью кафеи попытались бежать, но, наткнувшись на македонскую стражу, возвратились обратно в Сангалу. На вторую ночь кафеи опять предприняли вылазку, но воины Птолемея заставили их возвратиться в город [App., V, 24, 1—2]. Македонский царь уже отдал приказ подкатить к городской стене осадные машины, но его воины

по штурмовым лестницам взобрались на стену и овладели ею. К этому времени царь Пор привел 5 тыс. индийцев и уцелевших слонов.

При взятии города погибло 17 тыс. кафеев, в плен было взято более 70 тыс.; македоняне захватили также 300 колесниц. У Александра погибло менее 100 человек, а раненых оказалось 1200 [App., V, 24, 5]. Македоняне стерли с лица земли Сангалу, а ее земли отдали индийцам, покорившимся добровольно новой власти [App., V, 24, 8; Пол., IV, 3, 30].

Некоторые античные авторы пишут о существовании в этих землях золотых и серебряных рудников [Страб., XV, 700]. Понятно, что легендарные рассказы об Индии, невероятно богатой драгоценными металлами, после Геродота и Ктесия повторялись в сочинениях последующих авторов наряду с выдумками о чудесных собаках Сопифа или грифах, стерегущих золото [Диод., XVII, 92]. Арриан, основываясь на сообщениях соратников Александра, пишет, что у тех индийских племен, до которых дошел Александр, золота совсем нет и что жизнь они ведут не роскошную [V, 4, 4].

Не задерживаясь долго в землях кафеев, Александр направился с войском к Гифасису. «Он считал,— пишет Арриан,— что война не может окончиться, пока есть еще люди, способные с ним воевать» [V, 24, 8].

Куда же стремился македонский царь? Все его помыслы были заняты Гангом и Внешним Океаном — предполагаемым восточным краем обитаемой Земли. Внешний Океан (часть его — Восточное море) охватывал всю Землю — таковы были представления античных географов. Поэтому-то выход к восточному краю ойкумены означал для Александра подтверждение права на мировое господство.

Греко-македонское войско стояло лагерем на берегу Гифасиса, и Александр готовился к форсированию реки, попутно собирая информацию из первых рук о племенах, населявших заречные земли.

Со времен Геродота было известно, что восточная часть Индии представляет собой пустыню, о которой нет достоверных сведений [Герод., III, 98; IV, 40]. Индийские цари Пор и Фегей сообщили Александру, что за Гифасисом, на протяжении 12 дней пути, лежит пустыня, а за ней — река Ганг, на берегах которой живут племена гангаридов и прасиев [Диод., XVII, 93, 2; Курц., IX, 2, 2]. По другим сведениям, сразу за Гифасисом находилась богатая страна, управляемая лучшими людьми, «которые не отдадут ни одного несправедливого приказания»; ее население умеет хорошо обрабатывать землю и храбро воевать [App., V, 25, 1]. Это известие еще больше разожгло желание Александра идти дальше.

Авторы критического направления называют царя гангаридов и прасиев Ксандрамесом (или Аграмесом); он имел огромное войско в 20 тыс. всадников, 200 тыс. пехоты, 2 тыс. колесниц и 3 тыс. (по другим данным, 4 тыс.) боевых слонов [Диод., XVII, 93, 2; Курц., IX, 2, 3—4]. Долгие споры в научной литературе наконец привели к отождествлению Ксандрамеса с Нандом, основателем магадхского царства [39]. В источниках подчеркивается, что царь гангаридов и прасиев был «порочного и низкого происхождения» и что Александру не составило бы большого труда овладеть его царством. Об этом говорил македонскому царю юноша Чандрагупта [Плут., Алекс., 62], и это же подтвердил Пор [Курц., IX, 2, 6; Диод., XVII, 93].

Интересно, что сведения античных авторов о нандском царе Аграмесе совпадают, и это, видимо, указывает на индийский устный источник, исходящий из свидетельств Пора, Фегея, Чандрагупты, враждебно настроенных к династии Нандов. Индийские источники времени первых

Маурьев сохранили такую же позицию по отношению к магадхскому царству, но эта тема выходит за рамки данной работы, и на ней мы не будем останавливаться.

Ко времени прихода Александра в Индию там кроме небольших и раздробленных государственных объединений существовала могущественная империя Нандов, занимавшая значительную часть севера страны и, возможно, юга.

Источники, нелестно отзывавшиеся о царе Аграмесе, косвенно намекали на желание некоторых правителей (Пор, Фегей, Чандрагупта) выступить объединенными силами против царя гангаридов и прасиев. Этим, очевидно, и объясняется лояльность Таксила, Пора, Фегея, Чандрагупты, хотевших направить греко-македонское войско против «бесчестного» царя Аграмеса. Без сомнения, македонский царь так бы и поступил, если бы не непредвиденные обстоятельства, положившие конец проникновению греков в Индию и мечте о мировом господстве.

Что же помешало Александру довести до конца завоевание восточного края Земли, выйти к Гангу и Внешнему Океану?

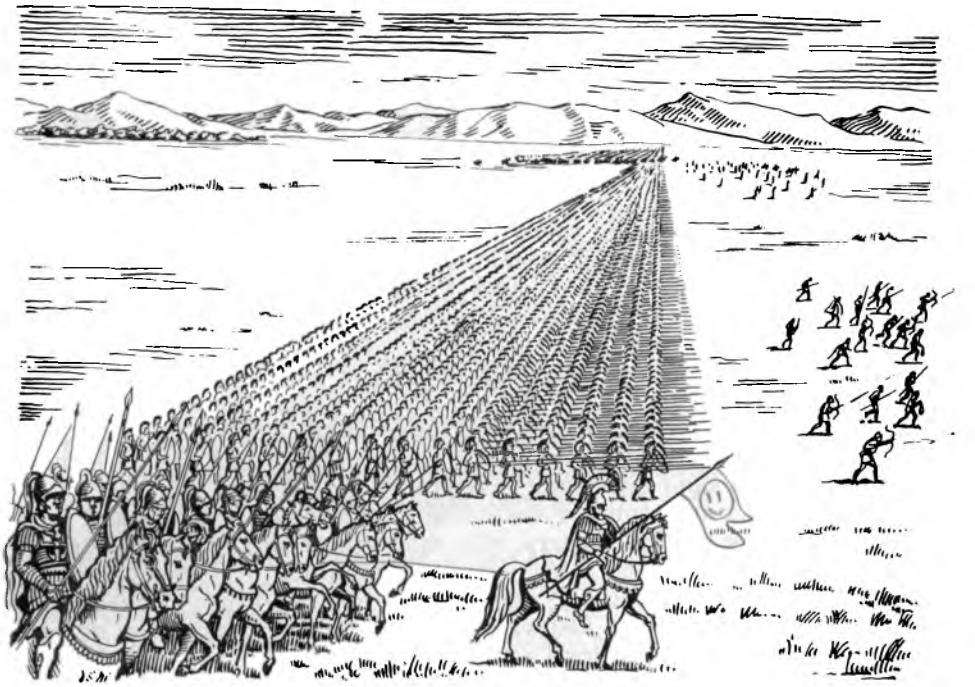
В исторической науке наиболее широко распространено мнение, согласно которому истощение моральных и физических сил солдат, а также тяжелые природные условия Индии были причиной отказа войска продолжать поход[40]. Подобная точка зрения прослеживается и в античной традиции, где наряду с чисто внешними препятствиями имеются (пусть отрывочные) указания на то, что только в Индии Александр раскрыл перед воинами цели восточной кампании, да и то после того, как солдаты отказались переходить Гифасис.

Освещение этой важной стороны восточного похода у отдельных авторов различно. Но, несмотря на некоторые разночтения, общее изложение программы Александра совпадает. По Арриану, солдаты пали духом, стали собираться на сходки и заявлять, что дальше не пойдут, ибо видели, что царь их «готов громоздить тяготы на тяготы и опасности на опасности» [V, 25, 2]. Не дожидаясь, пока волнения солдат усилятся, царь обратился к военачальникам с речью, в которой, перечислив все покоренные македонянами земли, указал, что уже недалек предел похода — Ганг и Восточное море, т. е. границы, которые боги назначили Земле. Александр долго и настойчиво убеждал своих сподвижников следовать дальше. Он обещал им невиданные богатства и права сатрапов в завоеванных землях и одновременно предостерегал от необдуманного стремления вернуться домой и тем поощрить враждебные македонянам народы к выступлению [App., V, 26, 1—7].

Ответом на речь царя было долгое, тягостное молчание — ни один не рискнул возразить ему, но никто не был согласен с ним. И только Кен, сын Полемократа, зять Пармениона, отважился сказать царю то, что думал. Опытный командир выступил не от своего имени, а от имени большей части войска.

Кен убеждал царя возвратиться после стольких лет военных лишений (поход продолжался более восьми лет) на родину, дать отдых усталым, состарившимся в боях солдатам и, набрав молодых, повести их на индийцев, или к Понту Эвксинскому, или против Карфагена и Ливии. Кен советовал Александру быть умеренным в счастье и не забывать, что человеческая жизнь всецело зависит от воли богов [App., V, 27, 7—9].

По версии Плутарха, война с Пором «расхолодила македонцев», они не хотели продолжения похода и решительно воспротивились воле царя [Алекс., 62]. Диодор пишет, что ни щедрые дары, ни возможность гра-



Фаланга в наступлении

бить, ни обдуманная речь Александра не убедили солдат продолжать поход. Ведь за долгие годы военных тягот армия значительно поредела, одежда поизносилась, оружие затупилось, к тому же два месяца лили беспрерывные дожди [XVII, 94, 1–5].

Наиболее четко противопоставляет планы Александра и настроения войска Курций, прямо указывающий, что «у него (Александра.— *Авт.*) и его солдат неодинаковые стремления: он лелеет в душе завоевание всего мира и находится только у начала своего дела, воины же, утомленные трудностями похода, ожидают любого первого успеха и окончания опасностей» [IX, 2, 11]. В речи Кена, изложенной Курцием, подчеркивается, что солдаты выполнили свой долг, долг смертных, дойдя почти до края света, царь же хочет идти в другой мир [IX, 3, 7–8]. Следовательно, не внешние трудности, а неприятие войском миродержавных планов царя и упорное противодействие им заставили Александра отказаться от намерения достичь Ганга и восточного края Земли [41].

В зарубежной историографии отказ войска на Гифасисе продолжить поход к Гангу квалифицируется не как бунт, а как результат крайнего истощения моральных и физических сил македонян и греков, уставших от многолетних тягот походной жизни. Указывая на изменившийся этнический состав войска Александра, пришедшего в Индию, некоторые авторы приходят к мысли, что только греки и македоняне отказались следовать дальше [42], а их было крайне мало по сравнению со скифами, бактрийцами, арахозийцами, согдийцами, паропамисадами, даками. Но источники не утверждают подобного, а подчеркивают, что царь обращался к «македонцам и нашим союзникам» [App., V, 26, 2] — скифам и бактрийцам [Курц., IX, 2, 31–33], которые и вовсе не понимали, зачем ушли так да-

леко от родных мест[43]. Не зря у разных историков македонский царь обращается то к командирам (Арриан), то к рядовым воинам (Курций), стараясь убедить и тех и других завершить задуманное. Но вся сложность заключалась в том, что Александр стремился к мировому господству, а некоторые командиры (вначале) и рядовые воины (позже) не разделяли подобных взглядов: завоеванного и награбленного было достаточно, и всем хотелось вернуться на родину и насладиться добычей дома. Следовательно, отказ войска продолжать поход можно рассматривать как один из этапов социальной борьбы в недрах греко-македонской армии, где солдатский протест сомкнулся с оппозицией командиров, также убедившихся, что Александр пренебрег интересами Греции и Македонии ради желания стать повелителем Вселенной[44]. Против единодушного мнения солдат и военачальников царь ничего не мог поделать и, выждав несколько дней, отдал приказ о возвращении, встреченный армией с неподдельным восторгом. Александр не принял суровых мер к воинам, упорствовавшим в своем отказе, и это также говорит о том, что оппозиция войска и командиров сомкнулась и что у македонского царя не осталось сил, на которые он мог бы опереться для реализации задуманной программы.

И. Дройзен характеризует отказ войска продолжать индийский поход как историческую необходимость, ибо, завоевывая Индию, Александр мог потерять Запад[45], т. е. все ранее захваченное, о чем отрывочно сообщали античные авторы. Недаром Плутарх вложил в уста мудреца Калана истину, как следует укреплять центральную власть и не отлучаться на далекие окраины, подобные Индии [Алекс., 65].

Александр, побежденный своим войском, упорствовавшим в нежелании продолжать поход, приказал соорудить на берегу Гифасиса 12 алтарей, о которых сообщают древние авторы[46] и которые безуспешно разыскивают археологи, и отдал приказ «сниматься с лагеря» и двигаться в обратный путь, на запад [Плут., Алекс., 62].

Итак, индийский поход был неожиданно прерван, и начался уход греков и македонян из «страны чудес». Александр достиг только самой восточной реки Пенджаба — Гифасиса — и, следовательно, побывал лишь в незначительной части Индии[47]. Но зато обратный путь македонский царь выбрал с расчетом достигнуть Великого моря на юге.

Во времена античности наивно полагали, что Гирканское море (Каспий), Эритрейское море (Аравийский залив и северная часть Индийского океана) — это заливы Великого Океана [App., V, 26, 2]. Поэтому, расставшись с мечтой достичь Великого моря на Востоке, Александр послушался совета Кена, убедившего царя не идти к славе обходным путем, когда рядом, на юге, лежит Океан, выход к которому даст ту же славу, но при меньших опасностях [Курц., IX, 3, 14; 4, 20].

В зарубежной историографии выбор Александром обратного пути из Индии нередко объясняют не стремлением осуществить идею мирового господства, а желанием посеять семена эллинской образованности по нижнему течению Инда и тем вывести индийцев из «варварского» состояния[48].

Еще раньше, увидев в Инде крокодилов, а на берегах Акесина — бобы, которые, как он знал, растут в египетской земле, Александр поверил, что находится у истоков Нила, впадающего во Внутреннее море (Средиземное), о чем и написал матери в Македонию. Но вскоре от этого мнения пришлось отказаться, ибо Инд, по свидетельству местных жителей, впадал в Великое море двумя устьями и не имел ничего общего с Нилом [App., VI, 1, 3—5]. Так постепенно и крайне медленно эллины IV в. до

н. э. познавали обитаемый мир и вносили коррективы в географические представления своих предшественников. Неверное мнение о Внешнем Океане, обтекающем всю Землю, укрепившееся во время восточного похода Александра Македонского, дало толчок важнейшему открытию того времени — установлению морского пути из Индии к Персидскому заливу, Аравии и Египту, игравшего исключительную роль в торговле Запада с Востоком в последующие эпохи.

Отдав в управление Пору страну до Гифасиса, Александр прежним путем вернулся к Гидраоту, перешел его и вышел к Акесину, где по его приказу Гефестион уже выстроил город, куда собрал местных жителей и небоеспособных наемников[49]. Здесь Александру пришлось задержаться на некоторое время, готовясь к плаванию по Великому морю. Вновь пришли к царю с дарами послы от Абисара и Арсака, правителей соседних царств. Поверив, что Абисар из-за болезни не может сам прибыть в македонский лагерь, Александр оставил его сатрапом его же области и установил размеры податей, взимаемых с подвластных ему земель.

Последнее пополнение из Эллады, по свидетельству Диодора, пришло к Акесину — 30 тыс. пехотинцев, не менее 3 тыс. всадников, вооружение для 25 тыс. солдат и лекарственные снадобья на 100 талантов [Диод., XVII, 95, 4].

Не задерживаясь у Акесина, Александр переправился через реку и возвратился к Гидаспу. Он помог восстановить нормальную жизнь в Никее и Букефалее, пострадавших от ливней, а также «навел порядок в стране» [App., V, 29, 5]. Речь шла о владениях Пора, весьма преданного македонскому царю, что постоянно подчеркивается в источниках. Здесь, очевидно, произошли какие-то выступления местных жителей, враждебно настроенных к завоевателям.

Для того чтобы выйти к Великому морю на юге, Александру был необходим флот, посадив на который войско он мог быстро спуститься по Гидаспу и Инду и далее к его устью и к Океану.

Кратер, оставленный с частью солдат во вновь основанных городах, не только обживал их, но и строил флот [App., VI, 2, 4; Страб., XV, 698]. Ко времени возвращения Александра с войском к Гидаспу было приготовлено не менее 2 тыс. судов[50], включая 80 тридцативесельных и 71 для транспортировки лошадей. Гребцов и матросов набрали из представителей народов-мореходов, сопровождавших войско в походе: египтян, финикиян, карийцев, киприотов [App., Индия, 18, 1].

Источники приводят любопытную деталь: для строительства и оснастки флота из числа самых уважаемых командиров были выбраны 33 триерарха, сделавших значительные пожертвования (литургии) для этой цели [App., Индия, 18; Плут., Эвмен, 2; Плиний, XIX, 1]. Плутарх пишет, что взнос каждого триерарха равнялся 300 талантам, но, видимо, эта сумма не была столь высока. В списке 33 триерархов фигурировали 24 македонянина и 6 эллинов, среди них историк Эвмен из Кардии и лариссец Медий, «самый верный человек из тогдашних приближенных» [App., VII, 24, 4; Диод., XVII, 117, 1]. В число триерархов были включены также два сына кипрского царя и перс Багой, любимец царя, на официальных приемах сидевший рядом с Александром [Плут., 67; Афиней, XVII, 603в].

Во главе флота стал Неарх[51], друг юности царя, критянин, долгое время живший в Амфиполе. Флотоводец Александра оставил после себя сочинение о прибрежном плавании от устья Инда до Персидского залива, использованное Аррианом в труде об Индии [App., V, 5, 1; Индия, 17, 7].

Непредвиденное обстоятельство — смерть Кена на Акесине — несколь-

ко отсрочило выступление. Арриан пишет, что Кен скончался от болезни [VI, 2, 1], когда ему было не более 40 лет. Курций говорит о его внезапной смерти и о том, как царь сказал, что «несколько дней назад Кен произнес длинную речь, будто один только рассчитывал вернуться в Македонию» [IX, 3, 20]. Упоминания о болезни Кена в источниках нет. Вполне допустимо, что причиной его внезапной кончины послужила речь, раздосадовавшая Александра и подтвердившая решимость солдат и командиров закончить поход.

Александр не практиковал никаких нововведений в Индии, оставив там традиционное управление. Пор, как наиболее могущественный царь, имел под своей властью семь племен и более 2 тыс. городов. Таксил также несколько расширил владения. На своих местах остались мелкие индийские правители — Абисар, Фегей, Сопиф. Понятно, что за столь короткий срок Александр не был в состоянии наладить централизованное управление подчиненными индийскими землями. Но везде в ключевых пунктах он оставлял македонские гарнизоны и облагал население податью.

Мнение И. Дройзена, будто Александр не собирался присоединить Индию к своим восточным владениям [52], не подтверждается античной историографией. Источники свидетельствуют обратное, подчеркивая, что в ненасытной жажде завоевания Александр неизменно стремился вперед, оставляя на прежних постах лояльных царьков, сатрапов, деспотов, так как при создании восточной империи нуждался в опоре на местную знать.

Оставив сатрапом земель от Бактрии до Инда Филиппа, которому было приказано через три дня после отплытия македонян двинуться с войском вслед за Александром, царь разделил всю армию на три части, с тем чтобы, продвигаясь по Акесину, Гидаспу и Инду, завоевывать тамошнее население. Сам царь, посадив на корабли щитоносцев, лучников, агриан и агему всадников, поплыл по притокам Инда на юг. Кратер повел западным берегом Гидаспа вниз по течению часть конницы и пехоты; восточным берегом продвигался Гефестион «во главе лучшей и большей части войска»; с ним было 200 слонов. Пунктом встречи Кратера и Гефестиона была назначена столица Сопифа, находившаяся в трех днях пути от места отправления [App., VI, 2, 2; Диод., XVII, 96, 1].

Через три дня Александр приплыл к месту встречи. Кратер и Гефестион уже стояли лагерем по обоим берегам Гидаспа в ожидании указаний царя. Александр дал солдатам двухдневный отдых, дождался подхода сатрапа Филиппа и вновь устремился вперед.

Кратер и Гефестион, отправленные ранее, продолжили марш по берегам реки, а Филипп получил задание продвигаться по Акесину. Плывя по реке, Александр приставал в разных местах к берегу и покорял индийцев. Он торопился поскорее добраться до земель маллов и оксидраков, которые, по полученным сведениям, «решили воевать с ним». Он хотел застать их врасплох [App., VI, 4, 2—4].

На пятый день македоняне прибыли к месту слияния Гидаспа и Акесина [53], где река имела бурное течение и было множество водоворотов. Преодолели его не без потерь. Многие корабли разбились, а их экипажи погибли. Выйдя на спокойный простор речной глади, Александр высадился на правый берег и совершил набег на «варваров», намеревавшихся оказать помощь маллам. Пока царь осуществлял эту операцию, Неарх спешно отплыл к маллам [App., VI, 5, 1—4].

С какими племенами столкнулся македонский царь в этом районе? Античные авторы называют сибов, будто бы эллинского происхождения, пришедших в Индию в незапамятные времена вместе с Гераклом и безус-

пешно осаждавших Аорн. Сибы встретили македонян богатыми дарами, и царь милостиво обошелся с ними, «объявил их свободными» [Диод., XVII, 96, 2—3; Страб., XV, 688—701]. Другое отношение было к племени агалассов, собравших 33-тысячное войско. Сражение они проиграли, а все те, кто бежал в соседние города, были обращены в рабство. Другое безымянное племя, выставившее 20-тысячное войско, также было разбито, но и македоняне понесли значительные потери. Города мятежных индийцев предавались огню [Диод., XVII, 96, 3—4].

По возвращении Александра из карательной экспедиции Гефестион, Кратер и Филипп получили новое задание: продвигаться на юг к месту слияния Акесина и Гидраота, стать там лагерем, не трогаясь в путь до прибытия царя. Предполагая, что маллы и оксидраки ожидают македонян со стороны реки, Александр решил нанести им неожиданный удар с пустынного севера, от владений кафеев и гангаридов, и погнать вниз по Гидраоту.

Взяв всех конных лучников, половину конницы «друзей» и пехотинцев Пифона, Александр повел их через безводную пустыню на маллов. Пройдя не более 100 стадий, войско запаслось водой и немного отдохнуло, а затем, преодолев 400 стадий пустынной местности, на рассвете вышло к городу маллов. Индийцы не ждали противника с этой стороны и во множестве бродили перед городом без всякого оружия. Источники указывают, что маллы и оксидраки враждовали между собой, но при известии о приближении завоевателя прекратили раздоры и организовали совместное войско в 80 тыс. пехоты, 10 тыс. всадников и 700 колесниц[54] [Диод., XVII, 98, 1]. Они вполне могли противостоять македонянам, но несогласие в выборе командиров сильно им повредило.

Античная историография полна подробностей жестокой схватки маллов с воинами Александра, где царь чуть было не погиб, раненный вражеской стрелой. Историков, причем не только древних[55], больше всего занимало героическое поведение македонского царя, первым проникшего во вражеский город и отбивавшегося, несмотря на полученную в грудь рану, от наседавших врагов. От неминуемой гибели царя спас его верный друг Певкеста.

Описание штурма города маллов и трудностей, выпавших на долю македонян, сделано в обычной манере античных историков, стремившихся показать македонского царя в наиболее выгодном освещении. Но нас поражает другое: невероятная жестокость Александра.

Арриан, самый немногословный в рассказе об этом эпизоде, пишет, что при осаде города маллов погибло около 2 тыс. жителей, а Пердикка, посланный к другому городу, всех жителей перебил или загнал в болото [VI, 6, 5—6]. Диодор сообщает, что при взятии приступом города маллов все его население было перебито и трупы валялись грудами на улицах [XVII, 99, 4]. Курций, подробнее всех описавший эту сцену, свидетельствует, что македоняне не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей [IX, 5, 20].

Полученная в сражении с маллами рана задержала Александра на месте битвы, а разнесшийся слух о его гибели вызвал смятение среди солдат, оставшихся в македонском лагере [App., VI, 12, 2]. Желая как-то успокоить македонян и предотвратить волнения, Александр, едва оправившись, приказал везти себя на Акесин в лагерь. Появление царя верхом на коне сразу изменило настроение воинов, и никто из них более не роптал на свою участь.

Вскоре в македонский лагерь прибыли послы от уцелевших маллов и

оксидраков. Они заявили о своей покорности, согласились принять назначенного им сатрапа и платить установленную дань. Желая испытать верность прежних врагов, царь потребовал тысячу заложников из самых влиятельных родов и, когда получил требуемое, поверил, что маллы и оксидраки вряд ли отважатся в будущем воевать против македонян. Заложников он отпустил, а сатрапом оксидраков и маллов поставил Филиппа [App., VI, 14, 3].

Пока македонский царь оставался в лагере из-за ранения, было построено много новых судов. Выздоровев, Александр посадил на них 1700 «друзей»-всадников, легковооруженных воинов, 10 тыс. пехотинцев и быстро достиг места впадения Акесина в Инд [App., VI, 14, 4—5]. Здесь македоняне опять разбили лагерь. Александр ожидал подхода Пердикки, направленного к племени абастанов. Абастаны покорились, так же как индийские согды и ксатры, в землях которых были сооружены тридцативесельные корабли и грузовые суда. Еще одно независимое племя, оссадии, прислало своих послов с выражением покорности [56].

Земли, завоеванные от Бактрии до места впадения Акесина в Инд, Александр отдал в управление Филиппу, оставив с ним всех фракийцев и лучников. Здесь же, при слиянии рек, царь велел основать город и построить корабельные верфи. Название города не отражено в источниках по походу Александра, но Стефан Византийский считает этот город Александрией-Опианой [57].

Переправив Кратера с тяжеловооруженными воинами на левый берег Инда, так как дорога тут была легче и тамошние племена были настроены менее враждебно, Александр отплыл в столицу согдов, которую укрепил и где также построил верфь. Этот город получил традиционное название Александрии (Согдийской) [58]. Сатрапом всех земель от места слияния Акесина с Индом до впадения его в море, а также береговой полосы царь поставил Пифона. Это назначение имело пока лишь символический характер, так как земли по среднему и нижнему течению Инда еще не были покорены македонянами.

Источники называют три воинственных индийских племени, живших по нижнему течению Инда вплоть до области Патталены — заболоченной дельты второй по величине реки Индии. Царьками их были Мусикан, Оксикан (Портикан) и Самба [App., VI, 15, 5; 16, 1—3; Страб., XV, 701].

Пока Кратер медленно продвигался к югу левым берегом Инда, царь гораздо быстрее на судах достиг владений Мусикана, самой благословенной части Индии, по рассказам местных жителей. Мусикан, перепуганный насмерть, вышел к македонскому царю с богатыми дарами, что позволило ему сохранить власть. В главном городе страны Кратер возвел акрополь и оставил гарнизон, так как царь считал это место очень удобным для удержания соседних племен в повиновении [App., VI, 15, 7].

Так же стремительно Александр вторгся во владения Оксикана. Два больших города македоняне взяли сходу, в одном из них схватили правителя и убили. Остальные города сдались, ибо царь «вселил в души всех индийцев рабский страх перед собой» [App., VI, 16, 2]. К этому свидетельству Арриана другой греческий историк добавляет, что Александр уничтожил все города в царстве Портикана (Оксикана) [Диод., XVII, 102, 5]. Точно такую же расправу македоняне учинили с жителями страны Самбы, горными индийцами, правитель которых бежал к границам Индии и таким образом спасся от преследователей. Опустошив царство, уничтожив его города и обратив жителей в рабов, Александр перебил 80 тыс. населения [Диод., XVII, 102, 6]. Зачинщиками столь упорного неповино-

вения были индийские мудрецы (брахманы), которых царь беспощадно уничтожал.

Но пока македоняне грабили и сжигали города Самбы, против них поднялся Мусикан. Туда срочно отправился Пифон с войском. Сатрап быстро справился с восстанием; мятежные города сровнял с землей, а всех жителей обратил в рабство. Мусикан разделил участь строптивых индийских мудрецов, повешенных по приказу царя. По всей стране Пифон возвел крепости [App., VI, 17, 1—2]. После столь сурового «замирения» правитель Патталы сам поспешил к Александру с заверениями покорности. Царь отослал его обратно для подготовки всего необходимого при приеме войска.

Отсюда, со среднего течения Инда, Александр отправил Кратера с полками Аттала, Мелеагра и Антигена, с лучниками, «друзьями» и прочими македонянами-ветеранами на запад (а позже — в Македонию), выбрав путь их следования через Арахозию и Драангиану в Карманию, область, лежавшую к северу от Персидского залива, где было приказано ждать подхода царя. Причиной ухода Кратера с ветеранами явились волнения, вспыхнувшие среди населения названных областей [App., VI, 17, 3]. Известия, приходившие оттуда, вызывали беспокойство. Прибывший к Александру бактриец Оксиарт (отец Роксаны) сообщил о волнениях в земле паропамисадов, за что Александр отрешил от должности сатрапа Тириеспа, а его сатрапию присоединил к Бактрии [App., VI, 15, 3]. В Арии вождь племени ариаспов Ордан провозгласил себя независимым [App., VI, 27, 3]. Это уже были первые симптомы внутреннего взрыва, приведшего впоследствии к быстрому распаду державы Александра Македонского.

Одним из таких событий, замалчиваемых представителями апологетического направления (Арриан, Плутарх), но освещаемых авторами, принадлежащими к антиалександровской традиции, было восстание греческих колонистов в Бактрии и Согдиане в 325 г. до н. э. Это событие выпало из поля зрения многих историков, считавших свидетельства Диодора и Курция не заслуживающими внимания. Об этом или вообще не писали, или упоминали мимоходом [59], не стараясь выяснить истинные причины выступления.

Обратимся к Курцию и Диодору. Римский историк сообщает о том, что греческие колонисты близ Бактр при ложном известии о гибели Александра в Индии восстали, овладев городской цитаделью. К восставшим примкнули «варвары». Во главе мятежников стал Афинодор, командир греческих наемников, объявивший себя царем, но «не из-за вражды к Александру,— как сообщает Курций,— а по причине желания совместного возвращения на родину» [IX, 7, 1—2]. Но это высказывание Курция противоречит тому, чего добивались мятежники. Ведь поселение эллинских колонистов в далекой Бактрии было создано для того, чтобы предотвратить выступления местных народов, а мятежники, по словам Курция, требовали возвращения домой. Далее римский историк пишет о распрях между колонистами, об убийстве Афинодора неким Биконом, который совместно с мятежниками ушел на родину. В заключение Курций отмечает, что восстание греческих колонистов произошло в Бактрии и близ страны «скифов», очевидно в Согдиане [IX, 7, 10—11].

Сообщение Диодора более последовательно. Оно прямо указывает, что мятеж эллинских колонистов произошел в Бактрии и Согдиане: «Поселенцы в Бактрии и Согдиане, уже давно с трудом терпевшие житье среди варваров, теперь, когда до них дошел слух, что царь умер от раны

[в Индии], восстали. Их собралось до 3 тыс.; они понесли много трудов, чтобы вернуться домой. Позднее, уже после смерти Александра, их перебили македонцы» [XVII, 99, 5—6].

Неизвестно, как закончился мятеж, но вполне допустимо предположить, что он был подавлен силами местных сатрапов, так как два года спустя эллинские колонисты в Бактрии и Согдиане восстали вновь.

Такова фактическая канва события, описываемого Курцием и Диодором. Отсюда трудно сделать какие-либо конкретные выводы. Но если этот мятеж связать со следующим выступлением греков, в 323 г. до н. э., о чем также сообщает Диодор [XVIII, 7], то станет понятным, что недовольство эллинских поселенцев было вызвано всей восточной политикой Александра: эллинское население основанных им на Востоке городов не обладало никакими привилегиями по сравнению с «варварами», не имевшими полисной организации самоуправления, что было чуждо греческому образу жизни [60].

Как бы то ни было, первое организованное выступление греческих колонистов показало, что в державе Александра начался процесс роста центробежных сил. Это была как бы прелюдия ее распада на отдельные царства, не столь грандиозные, но более прочные и жизнеспособные. События в далекой Бактрии заложили, вероятно, те основы, на которых в середине III в. до н. э. родилось греко-бактрийское царство.

Итак, Кратер с частью войска двинулся в путь на Персеполь, а Александр поплыл вниз по Инду к устью, поручив Гефестиону вести сухопутную армию правым берегом. Пифон с конными стрелками и агрианами переправился на левый берег для усмирения местных жителей и для строительства городов [App., VI, 17, 4].

На третий день плавания царь получил сообщение, что правитель Патталы бежал с большей частью населения в пустыню, оставив обезлюдевшую страну. Александр разослал в разные стороны самых быстроногих воинов для поимки беглецов, поручив сказать им, чтобы они без страха возвращались в родные места. Многие поверили царским обещаниям и возвратились.

В источниках Паттала фигурирует как город в устье Инда, а область, лежавшая в нижнем течении реки, носит название Патталены [Страб., XV, 701; App., VI, 18, 1]. У Патталы по приказу Александра Гефестион построил крепость, а рядом — гавань и верфь [App., VI, 18, 1—2]. Примерно это же место у Плиния называется Кселинополем [VI, 23]. Псевдоарриановский Перипл упоминает торговый город Миннагару, где, по свидетельству анонимного автора I в. н. э., сохранились следы пребывания Александра — фундаменты фортификационных сооружений и огромные колодцы [61] [Перипл, 41].

Местоположение Патталы в устье Инда на берегу Океана открывало новые возможности для развития торговли этого региона с западным миром. Александр обследовал на судах рукава Инда и дважды выходил в открытое море, плывя вдоль побережья в западном направлении. На одном из островов началось строительство второй гавани [App., VI, 20, 5].

Индийская кампания подходила к концу. Царь отдал последние приказания Неарху, ожидавшему зимнего муссона, чтобы начать прибрежное плавание из Индии к устью Евфрата, а сам, запасшись водой и продовольствием, в августе 325 г. до н. э. ушел из Патталы берегом моря и, миновав пограничные индийские области, вскоре достиг пустыни Гедросии (современный Белуджистан). Затем он двинулся на запад к Сузам и Вавилону, которые намеревался сделать столицами своей мировой державы.

Что же увидели македоняне в Индии за два года пребывания в этой стране и за девять месяцев плавания[62] (ноябрь 326 — июль 325 г. до н. э.) от Никеи до Патталы?

Александр дошел в Индии только до Гифасиса (восточного притока Акесина) и, следовательно, побывал лишь в бассейне Инда (Пенджаб). Вполне справедливы упреки наиболее обстоятельных античных авторов своим предшественникам (Онесикриту, Патроклу, Деимаху, Неарху, Мегасфену) в отношении тех мест в Индии, в которых никогда не были македоняне и о которых они сообщали по рассказам купцов и мореходов.

Страбон, живший три века спустя после похода Александра, ручается за достоверность свидетельств Эратосфена (III—II вв. до н. э.) об Индии, так как этот автор с уверенностью сообщал только о тех местах, где побывал с войском Александр, не далее Гифасиса — самой восточной реки Пятиречья [Страб., XV, 698 и сл.]. Интересно, что еще спустя полтора века после Страбона Арриан в «Анабасисе» и «Индии» почти ничего нового не добавляет к свидетельствам античного географа.

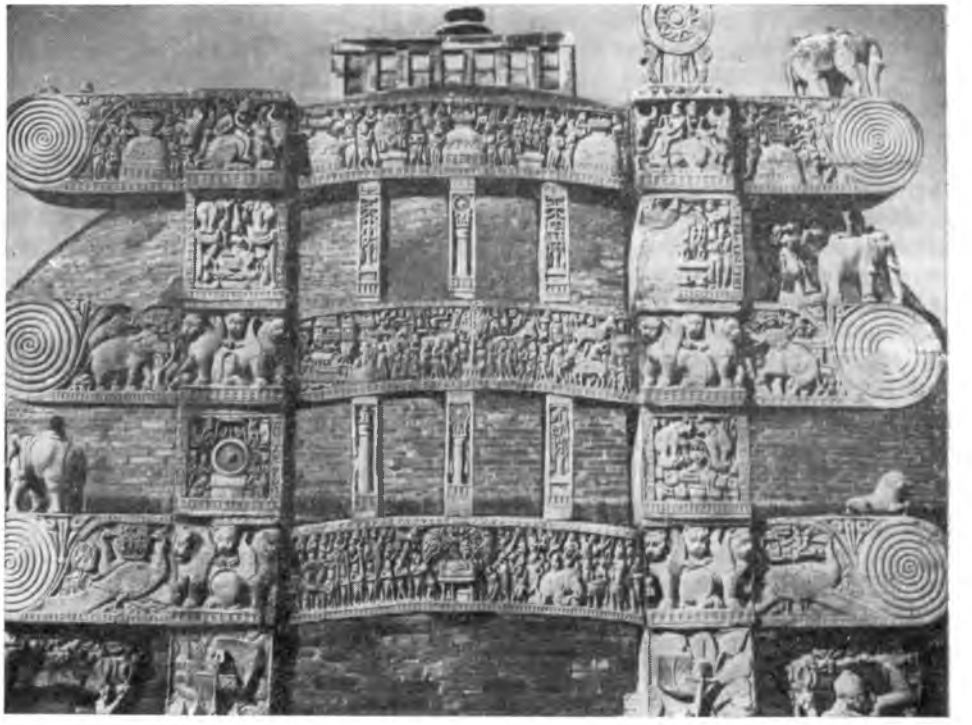
Страбон и Арриан в своих описаниях Индии оперируют сообщениями, на их взгляд, самых достоверных источников — Птолемея, Аристобула, Эратосфена[63], с добавлением свидетельств Неарха и Мегасфена.

Особым доверием у древних пользовался Эратосфен из Кирены, величайший географ своего времени[64]. Применив к географии метод математического исследования, он высчитал размеры ойкумены, использовав для этого записи бематистов Александра [Диод., XVIII, 5—6]. Эратосфен не сомневался в том, что известные грекам материки (Европа, Азия, Африка) — суть острова, омываемые Внешним Океаном [Страб., I, 32, 56; II, 113]. Он первый предугадал возможный путь в западном направлении из Испании в Индию [Страб., I, 65].

Страбон с уверенностью называет пять индийских рек: Инд, Гидасп, Акесин, Гиаротида, Гипанис, в бассейне которых побывал с войском Александр [XV, 697]. Этими же сведениями оперирует Арриан, добавляя к ним некоторые подробности об Инде, почерпнутые из сочинений соратников Александра. Инд, вторая по величине река Азии, берет начало в Паропамисе и несет свои воды на юг в Великое индийское море, при впадении в которое распадается на два устья, мелководные и илистые (подобно Нилу), называемые Патталы [Арр., V, 4, 1—2; Индия, 2].

Оба античных автора пишут, что северные индийцы внешне очень похожи на египтян, а южные — на эфиопов, так как их земли имеют много общего: там, где существует недостаток влаги, равнины бесплодны [Страб., XV, 696; Арр., Индия, 6].

Поход греков и македонян в Индию значительно конкретизировал познания древних об этой стране. Хотя мифологически-сказочная основа свидетельств Геродота и Ктесия не совсем утратилась, все же появился более точный и конкретный материал об индийских племенах, об их обычаях, нравах, состоянии общества. Правда, Мегасфен, селевкидский посол в Паталипутре (около 300 г. до н. э.), живший в столице могущественного царства Магадха, имел возможность непосредственно наблюдать жизнь индийцев, но его выводы не всегда соответствовали действительности[65]. Характерно, что, начиная рассказ о населении страны, селевкидский посол основывается на известных грекам мифах о начале цивилизации в Индии, принесенной туда некогда эллинами. По словам Мегасфена, индийцы в незапамятные времена были дикими кочевниками, одевались в шкуры животных, не имели ни храмов, ни городов, питались сырым мясом и плодами дикорастущих деревьев. Так продолжалось до



Верхняя часть ворот ступы Санчи. Центральная Индия. V в. н. э.

тех пор, пока к ним не пришел бог Дионис. Он построил города, дал жителям законы, вино, оружие, умение возделывать землю. Такова легенда о возникновении оседлых индийских племен и о начале цивилизации, приводимая Аррианом со ссылкой на Мегасфена. Верил ли сам Арриан этому? Видимо, не очень, так как несколько раз подчеркивал, что это свидетельство взято у Мегасфена [Арр., Индия, 7, 2—8].

Древние считали самым большим городом Индии Палимботру в земле прасийцев, у места слияния Эраннобоя и Ганга [Арр., Индия, 10, 5; Диод., II, 39; Страб., XV, 689; Птолем., VII, 1, 73; Плиний, VI, 2, 63]. Его отождествляют с современной Пантой.

Все греко-римские авторы сообщают о массовом обращении жителей индийских городов в рабство. Естественно возникает вопрос: существовали ли рабы в Индии до прихода туда македонян? Античные источники здесь весьма противоречивы. Мегасфен сообщает, что самым замечательным в Индии было отсутствие рабства [Арр., Индия, 10, 8—10]. Онесикрит же объявляет рабство достижением индийцев в стране Мусикана, где к тому же имелись лучшие законы [Страб., XV, 710). Кто же прав? На сей раз — кормчий корабля Александра, который сумел разглядеть положение низшего класса, хотя и снискал сомнительную славу хвастуна и лжеца [Арр., VI, 2, 3; Страб., II, 70].

Всех индийцев Арриан делит на семь классов [Индия, 11, 1]. Данное свидетельство Мегасфена нашло отражение у Диодора [II, 40] и Страбона [XV, 703]. Но это скорее перечень профессиональных занятий, чем описание классов, так как «Законы Ману» [X, 4] называют только четыре касты — брахманов, воинов, крестьян, низший класс.

Первый класс — мудрецы, «софисты»; они приносят жертвы богам и занимаются предсказанием будущего [Арр., Индия, 11, 1—8; Страб., XV, 703]. Второй класс, самый многочисленный,— земледельцы; у них нет оружия, они только возделывают землю, платят налоги царям или автономным городам [Арр., Индия, 11, 9; Страб., XV, 704]. Третий класс — пастухи овечьих стад и крупного скота; они ведут кочевой образ жизни в горах и также платят подати [Арр., Индия, 11, 11]. Четвертый класс — ремесленники и купцы (и все люди физического труда); все они, кроме тех, кто изготовляет оружие и получает за это жалованье от государства, платят налоги в казну; к этому же классу относятся строители кораблей и матросы (Арр., Индия, 12, 1; Страб., XV, 707]. Пятый класс — воины; по численности они следуют за земледельцами; провиант и лошадей им поставляют другие, возницами также служат другие; воины только сражаются, получают хорошее жалованье, а в мирное время ведут праздную жизнь [Арр., Индия, 12, 2—4]. Шестой класс — наблюдатели; они обо всем докладывают царю или магистратам в самоуправляющихся городах [Арр., Индия, 12, 5]. Седьмой класс — совет при царе и высшие государственные чиновники: номархи, хранители сокровищ, военачальники, надсмотрщики за сельскохозяйственными работами [Арр., Индия, 12, 6]. Браки у индийцев можно заключать только в пределах одного класса, не дозволено и переходить в другой класс [Арр., Индия, 12, 8].

Так благодаря Мегасфену в античной историографии возобладало мнение об отсутствии рабства в Индии. Этой проблеме в современной исторической науке уделяется значительное внимание. Ею занимаются западные[66], советские[67], индийские[68] исследователи. Если оставить в стороне мнение о наличии феодальных отношений в древней Индии (высказанное рядом индийских и западных историков), то большинство исследователей сходятся во мнении о существовании там рабской зависимости.

К приходу греков и македонян в Индию там уже были рабы, но рабы-соплеменники, с ограниченной сферой применения — в домашнем производстве[69]. Эта неразвитая форма рабства, так называемое патриархальное рабство, по определению К. Маркса, рассчитана на собственное потребление[70]. Ее особенностью было также наличие у рабов собственности, семьи[71], что резко отличалось от статуса рабов в античном обществе, где «раб, находящийся во власти другого, сам не может иметь ничего своего» [Юстиниан, II, 9, 3]. Неразвитая форма рабовладения в Индии как бы стирала грани между положением свободных эксплуатируемых ремесленников и слуг, что Мегасфен посчитал отсутствием рабской зависимости[72].

В то же время «патриархальное рабство» отнюдь не означало хорошего отношения, а между тем именно на это делает основной упор западная историография[73].

Античная форма рабской зависимости — более прогрессивная для той эпохи — была принесена в Индию греко-македонскими завоевателями, которые все население захваченных городов обращали в рабов. С тех пор начинается бурный рост рабовладения в Индии и проникновение рабского труда в ремесленное производство и сельское хозяйство. Уже в эпоху первых Маурьев (Чандрагупта) существовал институт рабства, что отражено в «Законах Ману» и «Артхашастре», называвших до девяти разрядов рабов (от пожизненных рабов-пленников до временных долговых).

* * *

Все время пребывания греков и македонян в Индии они не знали покоя. Местное население постоянно держало завоевателей в напряжении, поднимая восстания. Греко-македонская фаланга доживала последние дни: горный рельеф местности и индийская военная тактика сделали ее непригодной. Только один раз фалангиты участвовали в сражении, брошенные по приказу царя против слонов Пора.

За два года Александр завоевал земли Пятиречья вплоть до устья Инда, но эти приобретения достались дорогой ценой, ибо индийские племена имели хорошее по тем временам вооружение.

Первое описание вооружения индийцев мы находим у Геродота, рассказывающего о вторжении войск Ксеркса в Элладу [VII, 65]. Впоследствии к сведениям «отца истории» были добавлены конкретные данные, сообщенные участниками похода Александра. Пехотинцы-индийцы были вооружены луками, стрелы к которым имели в длину чуть менее трех локтей. Били они с такой силой, что поражали любую цель[74]. В левой руке индийские воины держали кожаные щиты, некоторые — дротики [Арр., Индия, 16, 6—8]. Все воины носили широкие мечи, длиной в три локтя, которыми действовали в рукопашном бою, нанося удар двумя руками [Арр., Индия, 16, 9]. Всадники имели на вооружении два копья и небольшой щит. Лошади у индийцев были не оседланы. Узда была непохожа на греческую: в рот коню вставляли железный стержень, к которому крепились поводья [Арр., Индия, 16, 11].

Характерно, что сражение с Пором было выиграно благодаря конной атаке, так как Александр учел силу индийской пехоты, усиленной боевыми слонами [Арр., V, 16, 2].

Даже отрывочные свидетельства греко-римских авторов о вооружении индийцев показывают, что оно вполне могло конкурировать с греко-македонским. Слабость индийских племен, как и народов Восточных сатрапий (Согдианы, Бактрии), состояла в распыленности войсковых соединений, в постоянной вражде раздробленных царств, воюющих друг с другом, — Таксила, Пора, Абисара, Фегея, Сопифа, Аграмеса. Не какое-то особое превосходство греко-македонского войска[75], а междоусобицы племен позволили Александру завоевать Пенджаб и спуститься по Инду вплоть до Великого моря. В связи с этим лояльность, проявленную к македонскому царю рядом индийских правителей, можно рассматривать как политический расчет, желание опереться на чужеземное войско в борьбе за власть.

Сам факт прихода греков и македонян в Индию, поразивший своим дерзновением древних, заслуживает всяческого восхищения. Но результаты великой трансазиатской эпопеи оказались ничтожными: вскоре после ухода Александра из Индии сатрап Филипп был убит, а сменивший его Эвдем по смерти македонского царя покинул пределы страны, якобы желая помочь Эвмену в борьбе с Антигоном [Диод., XIX, 14, 8]. Источники умалчивают о новом назначении сатрапа Индии, но, видимо, его уже не могло быть, так как эти территории отложились от державы Александра. Все же объективно поход греков и македонян в Индию привел к двум серьезным результатам: консолидации индийских племен и установлению торговых связей с западными регионами[76].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Путь, избранный царем для возвращения из Индии в Персию, не был легким. Еще древнее предание гласило, что, когда царица Семирамида проходила этими землями, она погубила здесь все свое войско. Подобная участь постигла и персидского царя Кира[1], по одной из версий (Ктесий) погибшего в борьбе с дербиками (племенем, граничащим с индийцами)[2], которые прислали в помощь соседям боевых слонов [Фотий, XXII, 29, 6]. Тем величественнее в глазах античных историков становился подвиг Александра, избравшего этот полный опасностей и лишений путь. Но не жажда новых подвигов влекла сюда Александра, а необходимость обеспечить флот Неарха провиантом и водой [App., VI, 24, 3]. Этими соображениями было вызвано и другое обстоятельство: сухопутное войско во главе с царем ушло из Патталы в августе 325 г. до н. э., а Неарх, дождавшись северо-западного муссона, начал плавание в конце сентября[3].

Было бы ошибочным предположение, что Александр расстался с мечтой о мировом господстве и хотел поскорее увести войско из отдаленных земель южноазиатского субконтинента. Даже оставив мысль о выходе к восточному краю Земли, македонский царь не терял надежды покорить все племена, встречавшиеся на его пути, и тем самым присоединить к своей державе южную часть обитаемой суши.

На десятый день после выхода из Патталы греки и македоняне достигли земель арабитов и оритов [Курц., IX, 10, 5]. Арриан полагает, что это независимые племена индийского происхождения [VI, 21, 3—4], а Страбон считает их жителями Арианы, причем первых он причисляет к индийским племенам, а вторых называет независимой народностью [XV, 720]. По данным одних источников, арабиты при приближении македонян бежали в пустыню [App., VI, 21, 4], по данным других — сдались добровольно [Диод., XVII, 104, 4].

Перейдя через узкую и мелководную реку Арабий, Александр с щитоносцами, половиной пеших лучников, отрядами пеших «друзей», агемой, с илами от каждой гиппархии и всеми конными лучниками направился к морскому побережью рыть колодцы и покорять оритов, не оказавших никаких дружеских услуг ни ему, ни его войску [App., VI, 21, 3]. На время отсутствия царя армию возглавил Гефестион.

За ночь Александр пересек пустынную местность и на рассвете вышел к человеческому жилью. Здесь начинались владения оритов. Пехота следовала обычным строем, а конные илы, поделенные на три части (под началом самого царя, Леонната и Птолемея), быстро охватили большую территорию, принадлежавшую враждебно настроенному племени. Источники очень кратко сообщают о покорении оритов, отмечая, что всех оказавших сопротивление перебили и многих взяли в плен

[App., VI, 21, 4]. Диодор пишет, что в руках македонян оказались огромные пространства, где «пылали пожары, шли грабежи и убийства... количество убитых исчислялось десятками тысяч...» [XVII, 104, 6—7].

Заняв самое большое селение оритов — Рамбакию, царь на его месте решил основать город [App., VI, 21, 5]; его постройку поручили Гефестиону[4].

Оставшиеся в живых ориты бежали к границам Гедросии, где в узких теснинах, объединившись с племенем гадросов, решили задержать продвижение греков и македонян. Однако, получив известие о приближении Александра, ориты выслали к царю своих предводителей с выражением покорности. Царь простил всех и велел местным вождям вернуть народ в родные земли. Сатрапом он назначил Аполлофана, телохранителю Леоннату поручил построить у моря город, заготовить провиант для флота и оборудовать верфи для ремонта судов [App., Индия, 23, 7—8], а также привести в порядок дела племени, чтобы больше расположить к новой власти [App., VI, 22, 3]. Новым администраторам царь оставил значительные военные силы: всех агриан, лучников, всадников, наемную эллинскую пехоту и конницу.

Дождавшись подхода тяжеловооруженных воинов Гефестиона, Александр через горные проходы двинулся в пустыню Гедросию.

Что же за город было поручено построить Леоннату? Александрия-Рамбакия находилась к западу от реки Арабий и располагалась вдали от моря. Что касается «приморского города», о котором сбивчиво сообщают античные авторы, то он располагался на побережье и предназначался для временной стоянки флота Неарха. Видимо, сообщения Диодора и Курция относятся именно к этому второму городу, заложенному македонянами в земле оритов [Диод., XVII, 104, 8; Курц., IX, 10, 7]. Диодор называет этот город Александрией, а Арриан — Кокалой (со ссылкой на Неарха); здесь произошла встреча Леонната с флотоводцем Александра, и здесь Неарх пополнил продовольственные запасы и заменил нерадивых моряков на усердных солдат из гарнизона. Кроме того, греческий историк вскользь упоминает о битве оритов с войском Леонната, в которой погибли все местные военачальники и 6 тыс. солдат, в то время как македоняне потеряли лишь 15 всадников, немного пехотинцев и сатрапа Аполлофана [Индия, 23, 4—7].

Итак, в земле оритов Александр создал два опорных пункта: один — внутри страны, поблизости от горных проходов в Гедросию, а второй — у моря: Александрию-Рамбакию и Александрию-Кокалу.

Александр вел войско вдоль моря жарким пустынным побережьем Гедросии, где под лучами палящего солнца резкий благовонный запах источали кусты мирры. Финикийские купцы, следовавшие за армией, собирали ценную смолу, а также корни нарда. Кроме того, там росло много деревьев, похожих на лавр, и колючих терновников, которые могли стащить с лошади всадника или вцепиться в пробегавшего зайца [App., VI, 22, 4—8]. Но это было только начало Гедросии. Далее растительность кончилась, зной стал нестерпимее и жажда — мучительнее. Не было ни признаков человеческого жилья, ни следов зверей. Александр хотел продвигаться берегом моря, чтобы рыть колодцы и делать запасы провианта для флота. Но кругом не было ничего съедобного, да и посланный поближе к берегу на разведку Фоант, вернувшись, доложил, что встретил только жалкие хижины рыбаков, сложенные из раковин и покрытые рыбьими хребтами. Пресной воды в этих местах не было, солдатам приходилось пить солончаковую [App., VI, 23, 1—3].

Терпя лишения и невзгоды, греки и македоняне добрались до племени «ихтиофагов» — диких рыбаков, питавшихся сырой рыбой и строивших жилища из рыбьих и китовых костей. Они негостеприимны и звероподобны: не стригут ни волос, ни ногтей, одеваются в звериные шкуры [Диод., XVII, 105, 4; Курц., IX, 10, 9]. Даже овцы, разводимые этим племенем, кормились рыбой, а поэтому македоняне не могли употреблять их мясо в пищу [Плут., Алекс., 66].

Александр принял решение несколько отойти от берега в надежде встретить жилье и пополнить запасы продовольствия. Но дальнейшее продвижение по Гедросии было сопряжено с еще большими лишениями и трудностями: люди голодали и болели, не хватало питьевой воды, начался падеж скота. Диодор пишет, что «Александр... вступил в пустыню, где вообще не было ничего, чем поддерживается жизнь. Многие погибли от голода, войско пало духом» [XVII, 105, 6]. Сообщение сицилийского историка подтверждает Плутарх, указывающий, что Александр прошел через величайшие трудности и погубил столько людей, что не вывел из Индии и четвертой части боеспособного войска[5]. Арриан [VI, 23, 1; Индия, 26, 1] и Страбон [XV, 722], почерпнувшие сведения из записок Неарха, также сообщают о неимоверных трудностях, выпавших на долю войска Александра в пустыне Гедросии (Белуджистана).

Видя, как воины погибают от нестерпимого зноя, жажды, болезней, Александр послал скороходов в Парфию, Драгиану, Карманию с приказом сатрапам подготовить караваны хлеба и прочего провианта и все это свезти в указанное место. Помощь подоспела на границе пустыни, но к тому времени уже множество солдат погибло или затерялось в песках [Диод., XVII, 105, 7—8; Курц., IX, 10, 18]. Страбон (ссылаясь на Неарха) пишет, что Александр знал заранее о трудностях, ожидавших его в песках Гедросии [XV, 686], но, одержимый честолюбием, решил провести войско через эту страну, с тем чтобы посрамить Семирамиду и Кира, бежавших оттуда с горсткой людей [XV, 722]. Предание гласит, что только через 60 дней [Плут., Алекс., 66] македонский царь миновал ужасную пустыню Гедросию[6].

Среди множества подробностей об этом беспримерном походе у Страбона имеются указания о переходах армии Александра, делавших за ночь по 200, 300 и даже 600 стадий [XV, 722]. Если предположить, что войско продвигалось столь стремительно, то с этим не согласуется указание Плутарха о 60 днях перехода через Гедросию[7]. Подобных разночтений в источниках более чем достаточно.

Еще целую неделю армия Александра шла берегом моря по пустынной местности, но пресная вода имелась в достатке, да и в редких селениях воины находили провиант [Страб., XV, 722]. Сделав необходимые продовольственные запасы на морском берегу для флота Неарха, Александр углубился в страну и подошел к столице Гедросии городу Пуре, где дал заслуженный отдых измотанному и поредевшему войску[8].

Как уже было сказано, сатрап Оритиды и Гедросии Аполлофан погиб в жестоком сражении с оритами [Арр., Индия, 24, 4—7; Диод., XVII, 105, 8]. Новый сатрап, Фоант, вскоре умер, и тогда гадросами и арахотами царь поручил управлять Сибиртию, а сатрапом Кармании назначил Тлеполема [Арр., VI, 27, 1].

Уже по пути в Карманию пришло известие, что Филипп, сатрап индийцев, предательски убит наемниками-заговорщиками. Тогда Александр послал Таксилу и Эвдему письмо с приказом присмотреть за страной до присылки сатрапа [Арр., VI, 27, 2]. Но индийцы так и не

дождались нового правителя, а Эвдем вскоре бежал из Индии, спасая собственную голову. Таким образом, спустя лишь три-четыре месяца после ухода македонян из Индии она была потеряна для них навсегда.

Преодолев все трудности, войско Александра достигло Кармании, последней области, расположенной на побережье Океана. Это был уже север Аравийского залива, который древние называли Красным морем [Арр., Индия, 32, 8; Плиний, VI, 107]. Кармания граничила с Гедросией и Персидой, омывалась множеством рек, что способствовало плодородию края. Но лошадей там почти не было, и местное население использовало ослов даже на войне. По обычаям и языку (как сообщает Неарх) карманцы были близки к персам и мидийцам. По данным Онесикрита, в Кармании были золотые и серебряные рудники, а также соляные копи [Страб., XV, 726–727].

В Кармании должна была произойти встреча Александра с Кратером, ушедшим со среднего течения Инда северным путем через Арахозию и Драангиану. Македонский царь первым прибыл в Карманию, а несколько позже подошел Кратер с третьей частью войска и боевыми слонами[9], благополучно миновав Арахозию, Драангиану и Арию. Он привел с собой мятежного перса Ордана, провозгласившего себя независимым правителем племени ариаспов [Арр., VI, 27, 3].

В Кармании Александр начал жестоко расправляться с сатрапами при малейшем подозрении в нелояльности.

Из Мидии по приказу царя в Карманию явились Ситалк, предводитель одрисских аконтистов, Клеандр, главарь пеших наемников, и Геракон, иларх наемной конницы. Они привели с собой 5 тыс. пехотинцев и 1 тыс. всадников [Курц., X, 1, 1]. И войско, и местное население обвинили их в осквернении храмов и святынь, в грабежах и насилиях. Всех троих Александр казнил в назидание другим сатрапам, желая показать покоренным народам, что он не допустит произвола и беззакония [Арр., VI, 27, 5; Диод., XVII, 106, 2]. Видя в действиях отдельных правителей угрозу центральной власти, македонский царь разослал всем азиатским сатрапам указ об отпуске наемных контингентов, завербованных ими [Диод., XVII, 106, 3]. Это важнейшее мероприятие Александра отражено только в одном источнике. Оно ярко характеризует начавшееся еще при жизни царя брожение в отдельных сатрапиях, намеревавшихся стать независимыми, так как слухи о гибели Александра в Индии приходили неоднократно[10]. Каждый из сатрапов, опираясь на наемников, торопился округлить свои владения и стать независимым. Потому-то Александр жестоко расправился со всеми сатрапами, превысившими власть, страшась развала державы, симптомами чего были выступления колонистов в Бактрии и Согдиане, волнения в Арахозии, Драангиане, Арии.

Назначенная встреча Александра и Кратера состоялась, но не было никаких известий от флота, который, дождавшись попутного ветра, начал прибрежное плавание вдоль берегов Индии на запад, в направлении к Персидскому заливу.

В «Анабасисе» Арриан не останавливается на плавании Неарха; он подробно пишет об этом в «Индии», положив в основу рассказа записки флотоводца Александра. Отплыв из Патталы в конце сентября 325 г. до н. э., флот Неарха несколько дней продвигался протоками Инда и только на четвертые или пятые сутки вышел в Океан. Во время следования дельтой Инда Неарх называет несколько стоянок — Стура, Кавмара, Корееста, определить местонахождение которых ныне не представляется возможным из-за изменчивости русла реки.

Выйдя в море и проплыв 150 стадий, флот остановился у песчаного острова Крокала против земель индийского племени арабитов [Диод., XVII, 104; Птолем., VI, 21, 4; Страб., XV, 720]. Затем флот вошел в узкую и удобную гавань, которую Неарх назвал гаванью Александра [Арр., Индия, 21, 10] [11]. Но тут подули сильные ветры с моря, и Неарх не решился продолжить плавание. Он приказал высадиться на берег, разбить лагерь и обнести его каменной стеной, так как местные жители имели явное намерение растащить македонское имущество. Три недели флот ожидал попутного ветра. Все это время солдаты находили диковинные раковины [Арр., Индия, 21, 12—13].

При попутном ветре флот снялся с якорей и, плывя вдоль берега, вскоре приблизился к устью реки Арабий. Пресной воды не было, и, только углубившись вверх по реке на 40 стадий, солдаты Неарха нашли цистерны с питьевой водой, подготовленные здесь солдатами Александра [Арр., Индия, 22, 8—9].

За Арабием начинались земли оритов, по словам Арриана — племен диких, звероподобных, не знавших железа. Эти «ужасные варвары» при виде кораблей Неарха выстроились на берегу с копьями, готовые напасть на всякого. Их было не более 600, и Неарх бросил на них фалангитов, которые, выстроившись на мелководье в шеренги по три и издав боевой клич, бросились на противника. Полуголые «варвары» немедленно разбежались [Арр., Индия, 24, 1—9].

Далее путь флота лежал мимо берегов Гедросии и страны «ихтиофагов», где в скудных хижинах рыбаков матросы Неарха нашли рыбу и овец, мясо которых отдавало рыбой. Отплывая от берегов Гедросии, Неарх взял в проводники местного жителя Гидрака, который пообещал вывести флот к Кармании.

Вскоре пустынный берег сменился садами, возделанными пашнями, и Неарх, терпящий недостаток в продовольствии, отдал приказ пристать к берегу. Из ближайшего городка жители вынесли в дар македонянам жареную рыбу, немного лепешек и фиников. Это было более цивилизованное племя «ихтиофагов», у которого имелась рыбья мука, причем злаки они употребляли в качестве приправы [Арр., Индия, 28, 1—9].

Хлеба не было, и среди матросов начался голод. Чтобы команды не разбежались, Неарх предусмотрительно бросал якоря в открытом море, не приставая к берегу. Здесь впервые в Индийском океане греки увидели огромных китов, один вид которых поверг матросов в ужас. Но шум ударявших о воду весел и крики гребцов отпугнули морских животных, и они удалились от кораблей, не причинив им вреда [Арр., Индия, 30].

Во время первой стоянки в Кармании, в Бадисе, матросы увидели гористый мыс, далеко вдающийся в море. Местные жители говорили, что до его конца надо плыть целый день и что он принадлежит уже Аравии, «стране корицы», знакомство с которой обнаруживали многие античные авторы [12].

Натолкнувшись на нежелание Онесикрита обследовать побережье залива, Неарх напомнил ему приказ Александра о подробном ознакомлении с берегом для выяснения возможности устройства стоянок и развития торговли с различными племенами [Арр., VII, 20, 9; Арр., Индия, 32, 11—12]. Неарх ввел флот в Персидский залив и бросил якорь в устье реки Ананис, у селения Гармозий [Арр., Индия, 33, 1] [13]. Матросы и гребцы сошли на берег, разбили лагерь и предались заслуженному отдыху. Плавание вдоль пустынных берегов Гедросии окончилось благополучно. В Кармании македоняне нашли все, чтобы восстановить силы.

Македонский царь с остальным войском в это время находился в глубине страны, у приморского города Салмунта [Диод., XVII, 106, 4]. Стоял декабрь 325 г. до н. э. Александр и Неарх потеряли друг друга — сухопутное войско и флот ни разу не вступили в контакт.

Вытащив на берег корабли и соорудив двойной защитный вал, чтобы их не унесло в море во время отлива, мореходы занялись ремонтом судов. Часть воинов ушла подальше от берега на разведку. Здесь они встретили одного эллина, который сообщил, что царь Александр с войском находится в пяти днях пути от побережья Океана. Неарх тут же принял решение лично отправиться в лагерь к царю [Арр., Индия, 33]. Гиппарх Кармании в расчете на хорошее вознаграждение кратчайшей дорогой поспешил в македонский лагерь, принеся весть о том, что Неарх со свитой идет к царю Александру. Но проходили дни за днями, разосланные в разные стороны гонцы возвращались ни с чем, и царь заподозрил гиппарха во лжи. По приказу Александра его взяли под стражу.

Наконец Неарх, Архий и еще пять воинов, грязные, оборванные, измученные бессонными ночами, предстали перед царем. Увидев их, Александр долго плакал, радуясь встрече и вместе с тем печалясь о гибели флота: он еще не знал, что флот цел и стоит в устье реки Ананис. Когда же царь узнал истинное положение дел, радости его не было границ; казалось, что он больше ликовал при известии, что флот не погиб, чем тогда, когда узнал, что завоевал всю Азию [Арр., Индия, 35] [14].

Еще до встречи с Неархом, достигнув Кармании, Александр принес благодарственную жертву за победу над индийцами и за спасение войска в Гедросии. Кроме того, царь организовал вакхическое шествие через Карманию в подражание богу Дионису, покорившему индийцев и прошедшему с триумфом через значительную часть Азии. Рассказ о всеобщей вакханалии и пьяном разгуле войска Александра, длившемся целую неделю, имеется у Диодора [XVII, 106], Курция [IX, 10, 24—28], Плутарха [Алекс., 67]. Арриан, исходя из свидетельств Птолемея и Аристобула, отвергает этот эпизод как небылицу [VI, 28, 1—2]. Ряд историков разделяют аррианoвскую точку зрения [15], в соответствии с которой Александр не мог себе позволить предаваться веселью целую неделю. На наш взгляд, рассказ древних содержит явное несоответствие: царь ликовал в связи с победой над индийцами и спасением войска в Гедросии; но еще не дойдя до Кармании, он получил известие о том, что сатрап Филипп убит восставшими наемниками и что три четверти войска погибло в пустыне (по свидетельству Плутарха). Так были ли причины предаваться разгулу? Наверное, нет. Апологетическая традиция (Плутарх) подчеркивает стремление Александра подражать богу Дионису, а критическая — заостряет внимание на моральной деградации царя (Диодор, Курций).

Самая трудная и полная опасностей часть перехода греков и македонян из Индии осталась позади. Неарх возвратился к флоту с приказом следовать Персидским заливом вдоль берегов Сузианы до устья Тигра [Арр., VI, 28, 6]. Гефестион повел основную часть войска и обозы берегом Кармании в Персию, а Александр с легковооруженными всадниками и лучниками коротким путем направился в Сузы через Персеполь и Пасаргады [Арр., VI, 29, 1]. Примерно через месяц, в начале 324 г. до н. э., Александр встретился с флотом Неарха на реке Паситигр у Суз.

Плавание вдоль берегов Персидского залива прошло успешно, если не считать стычек с местным населением, когда «варвары» Кармании по два-три раза в день нападали на македонян [Арр., Индия, 36, 9]. В остальном Неарх не встретил каких-либо препятствий и, соединившись

с Александром у понтонного моста на Паситигре, был награжден за спасение флота золотым венком. Такой венок получил в награду и Леоннат за победу над «варварами», соседями оритов [Арр., Индия, 42, 9—10].

Неарх сообщает, что общая протяженность побережья Кармании — 3700 стадий[16]; за нею на 4400 стадий тянется знойное побережье Персиды до реки Ороатиды (Ороатис), являющейся естественной границей между Персидой и Сузианой [Арр., Индия, 39, 9; Страб., XV, 727].

За время шестилетнего восточного похода начался развал державы Александра на Западе. Многочисленные слухи о смерти царя в Индии, а затем о его гибели в Гедросии вызвали в западных провинциях разложение и ощущение безнаказанности.

Известия о неповиновении сатрапов (часто случайных людей, опиравшихся на наемные силы) приходили к Александру в Индию, и этим, видимо, была вызвана отправка Кратера со среднего течения Инда через Арахозию и Дрангиану в Карманию, где начались волнения. Первую расправу с сатрапами Александр учинил в Кармании. В Персиде царь опять обнаружил злоупотребления и вновь наказал виновных. Сатрап Персиды Фрасаорт умер, и его сменил самозваный правитель перс Орксин [Арр., VI, 29, 2], который в источниках критического направления называется очень богатым Ахеменидом [Курц., X, 1, 22]; во время битвы при Гавгамелах он командовал всем войском персов, мардов и согдийцев [Курц., IV, 12, 8]. Его македонский царь казнил за разграбление гробницы Кира в Пасаргадах, хотя тот и хотел «сохранить Александру Персию в порядке» [Арр., VI, 29, 2]. После расправы с Орксином сатрапом Персиды стал телохранитель Певкеста, заслонивший собой царя от вражеской стрелы в Индии; он был единственным из македонян, кто надел мидийскую одежду и выучил персидский язык, к чему царь относился благосклонно [Арр., VI, 30, 2—3]. По приказу царя были также схвачены маги, охранявшие могилу Кира, но никто из них не сознался в ограблении, и Александр отпустил жрецов, не желая обострять отношений со служителями местных культов [Арр., VI, 29, 11]. Вообще, виновных в злоупотреблении властью нашлось много, поэтому Александр карал сатрапов сурово при малейшем подозрении [Курц., X, 1, 39]. Так, он предал казни Барпакса, провозгласившего себя царем персов и мидян [Арр., VI, 29, 3]; мидийский сатрап Атропат привел его в Пасаргады. Был казнен и сатрап Сузианы Абулит с сыном «за худое управление Сузами» [Арр., VII, 4, 1].

Характерно, что независимости добивались не только местные азиатские правители и предводители наемников. Даже ближайший сподвижник Александра и друг его юности Гарпал из Элимиотиды, охранявший в Сузах все захваченные на Востоке сокровища, почувствовал себя вполне независимым после ухода царя в индийский поход.

О Гарпале известно немногое, в основном через Плутарха, использовавшего труд современника Александра историка Феопомпа с Хиоса [Страб., XIV, 645], отрицательно относившегося к демократическим учреждениям Греции и восхвалявшего монархическое правление Спарты. Феопомпа, а вслед за ним и Плутарха занимал вопрос о моральных категориях, которые для древних авторов были критерием при оценке поступков их героев. В глазах античных историков Гарпал — бесчестный человек, не сумевший оценить искреннее расположение к себе царя, сделавшего его казначеем, несмотря на прошлые прегрешения. Еще в Малой Азии, будучи хранителем сокровищ, Гарпал задумал бежать с ними к Александру, царю эпирскому, воевавшему в Италии, но, передумав, задержался в Мегаре. Александр простил Гарпала, помня, что он был среди самых

верных его друзей юности, высланных из Македонии Филиппом [App., III, 6, 7; Плут., Алекс., 10].

Но в первую очередь античных авторов интересовал не Гарпал, бежавший вторично от Александра в Грецию с 5 тыс. талантов серебра и 6 тыс. наемников [Диод., XVII, 108, 6], а афинский оратор Демосфен, представленный Плутархом в виде бесчестного политика, якобы получившего от бывшего казначея Александра взятку в 20 талантов и золотой кубок [Плут., Демосфен, 25]. Осыпая благодеяниями Афины, Гарпал готовил себе убежище на случай измены судьбы [Диод., XVII, 108, 6]. В голодный год он прислал афинянам хлеб, за что получил почетное гражданство. Отныне он мог надеяться на радушный прием афинян. Стратег Филокл, действуя согласно постановлению афинского демоса, принятому по предложению Демосфена, не разрешил Гарпалу с наемниками высадиться на берег у Мунихия. Тогда Гарпал уехал на мыс Тенар, где оставил наемников; после этого он вторично предстал перед афинянами, умоляя о защите. Его допустили в полис, но взяли под стражу, так как сам Демосфен настаивал на задержании Гарпала [17].

Действительный ход дальнейших событий установить не представляется возможным: все дошедшие до нас свидетельства принадлежат противникам Демосфена, обвинявшим афинского оратора во взяточничестве и непоследовательности. Даже наиболее непримиримые противники Македонии, и в их числе соратник Демосфена Гиперид, обвиняли вождя демократов в инертности, выступив с призывом использовать средства Гарпала для освобождения Греции от македонского засилья [Гиперид, XV, 1, 14, 21]. Но Демосфен, более трезво оценивавший ситуацию, сложившуюся в Греции,— наличие македонских гарнизонов и олигархическое правление во многих полисах,— отверг возможность вооруженной борьбы против засилья Македонии.

Народное собрание постановило изъять у Гарпала деньги (700 талантов), что поручалось сделать Демосфену. А наутро следующего дня обнаружилось, что в казне находится только 350 талантов и что Гарпал бежал из-под стражи на Тенар к наемникам [18]. Вскоре он оказался на Крите, где был убит одним из своих друзей, Фиброном, который затем, захватив сокровища, вместе с наемниками ушел в Кирену [Диод., XVII, 108, 8; Павс., II, 34, 4].

Плутарх в связи с этим обвинил Демосфена во взяточничестве. Вместе с тем в античной литературе высказывается другое мнение: по показаниям раба Гарпала, бежавшего на остров Родос и схваченного Филоксеном, имени афинского оратора не было в списке тех, кому предназначались деньги Гарпала [Павс., II, 33, 4]. Ареопаг наложил на Демосфена штраф, но средств на его уплату не было, и оратор попал в тюрьму, откуда бежал (не без помощи друзей) на Тенар и стал изгнанником [Плут., Демосфен, 27].

Расправу царя с превысившими свои полномочия сатрапами некоторые историки преподносят как благородный гнев царя против притеснителей народов и осквернителей святынь; по их утверждению, после этого покоренные народы якобы воспылали глубокой привязанностью и любовью к Александру [19]. Подобное утверждение — вымысел. Александр наказывал сатрапов не за обиды, причиненные завоеванным народам, а за стремление отложиться от центральной власти и стать независимыми царьками, что противоречило его усилиям, направленным на создание единой мировой державы. Следовательно, Александр делал все возможное, чтобы предотвратить развал монархии на мелкие царства.

В этом смысле характерны два последних указа македонского царя, направленные грекам,— вернуть в свои города политических изгнанников и признать царя богом. Александр явно оказывал нажим на Грецию вопреки подтвержденному им клятвенно коринфскому соглашению о недопустимости насильственного возвращения в города ранее изгнанных. Античные авторы критического направления указывали, что Александр послал в Грецию Никанора, который на 114-х Олимпийских играх (324 г. до н. э.) огласил царский декрет: «Царь Александр шлет свой привет изгнанникам греческих городов. Мы не виновны в вашем изгнании, но мы хотим вернуть на родину всех, кроме святотатцев и убийц. Поэтому мы обязали Антипатра силой заставить вернуть ссыльных там, где полисы это откажутся сделать» [Диод., XVIII, 8; Курц., X, 2, 4). Кроме свидетельств древних авторов об указе имеется текст этого декрета из Самоса, в котором жители острова, изгнанники, благодарят Горга и Миния за возможность вернуться на родину[20]. Но афиняне и этоляне ослушались царя и не выполнили его предписаний. Видимо, македонский царь тогда не мог оказать давления на афинян, так как Гарпал в то время добивался права быть принятым в полисе, а его наемники ожидали на Тенаре. К этому следует добавить, что афинянин Леосфен, «непримиримый враг Александра», имея 50 талантов для раздачи наемникам, собрал их всех на Тенаре (около 50 тыс. человек) и начал поиски союза с этолийцами для будущей войны с Македонией [Диод., XVII, 111, 3; Павс., I, 25, 3; VIII, 52, 5].

Источники апологетического направления ничего не сообщают о событиях этого времени в Македонии и Фракии. Но авторы критической версии указывают, что Мемнон, македонский стратег во Фракии, сочтя себя достаточно сильным, взялся за оружие и начал воевать с Антипатром [Диод., XVII, 62, 4—6]. Юстин сообщает о походе македонского наместника на Понте Зопириона с 30-тысячным войском за Дунай к скифам, где он погиб со всеми своими силами [XII, 1, 4; 2, 16]. Курций также упоминает Зопириона, правителя Фракии, погибшего во время скифского похода [X, 1, 43]. По свидетельству Диодора, Антипатр «кое-как закончил войну во Фракии» [XVII, 63, 1].

Ю. Белох сделал попытку связать поход Зопириона к скифам с приказом Александра установить связь Фракии с Бактрией, что при тогдашних ошибочных географических представлениях считалось вполне допустимым[21].

Второй указ Александра грекам, о признании его сыном бога Амона, имел политическую направленность, ибо устанавливал единый культ на всей территории его державы[22]. Древних авторов занимало, насколько сам Александр верил в свое божественное происхождение. Плутарх, наиболее живо интересовавшийся этим вопросом, указывал, что перед «варварами» Александр выступал как человек, уверенный в своем божественном происхождении, а перед греками — «осторожно и редко» [Алекс., 28]. Он отмечал, что македонский царь использовал это для порабощения других [Плут., Алекс., 28]. Плутарх приводит такую версию: афинский оратор Демад сказал, что, если Александру хочется, пусть он называется богом [Лаконские изречения, 219]. В позднейшей литературе имеются свидетельства, что оратор Демад внес предложение в Народное собрание о признании Александра богом и о причислении тринадцатым к сонму двенадцати почитаемых греками олимпийцев [Элиан, Пестрые рассказы, 11, 12]. Это предложение было принято, и Демосфен отдал за него свой голос[23]. Позже на Демада был наложен штраф в 10 или 100 талантов

[Афиней, 251а; Элиан, V, 12]. Даже некоторые из македонян, ближайших сподвижников царя, иронизировали по поводу божеских почестей, воздаваемых Александру, часто издеваясь над тем, что он якобы происходит от бога Амона [Диод., XVII, 108, 3].

Итак, уже в сочинениях древних прослеживается объективный смысл этой меры: необходимость религиозного единства в мировой державе. Из чего же исходил Александр? Из эллинских традиционных верований или из восточных установлений? Вопрос спорный и неоднозначный. Ахемениды были не сыновьями бога, а «царями царей»; египетские фараоны при жизни считались богами. Греческая мифология героизировала или обожествляла своих царей или устроителей полисов после их смерти. Происхождение Александра эллинская традиция выводила от Ахилла и Геракла, а его подвиги сравнивались с деяниями богов и героев. Поэтому мы не можем говорить, что обожествление Александра — явление чисто восточное или греческое. В нем, скорее всего, отразились верования как греков, так и египтян, синкретическое объединение которых привело к установлению эллинистического культа бога Зевса-Амона, сыновьями которого считали себя многие эллинистические цари. Причисляя себя к «самым лучшим» из людей, Александр возносился до родственника бога [Плут., Алекс., 28]. Не следует также упускать из виду, что исконно эллинские боги имели антропоморфные черты и что древние греки относились вполне серьезно к тому, что бог Дионис был старше Геракла на пятнадцать поколений [Арр., Индия, 9, 10].

В установлении своего культа Александр видел идеологическое оформление создаваемой мировой державы. Объективно этот культ способствовал впоследствии развитию тенденции монотеизма в условиях религиозного синтеза.

В Персии индийский мудрец Калан, ранее никогда не болевший, занемог и решил добровольно уйти из жизни. Арриан [VII, 3] и Плутарх [Алекс., 69] сообщают о Калане как о человеке огромной воли, отважившемся на добровольный уход из жизни. Страбон же [XV, 717], солидаризируясь с Мегасфеном, осуждает Калана за превращение в раба Александра и за то, что он, человек необузданных страстей, кончил жизнь на костре, хотя его вера и не требовала этого.

В отношении места сожжения Калана в источниках царит полнейший разнобой. Страбон пишет о Пасаргадах [XV, 717], Элиан [II, 41] говорит о предместье Вавилона, Арриан [VII, 3] и Плутарх [Алекс., 69] не уточняют места. Вероятнее всего, что это произошло в Сузах, так как в торжественной церемонии приняли участие все войско и Неарх.

Древние авторы этим эпизодом хотели показать глубокое уважение, проявленное Александром к памяти друга, но нам видится другое: стремление царя везде проявлять веротерпимость, уважение к местным святыням и богам. В Египте и Вавилоне дружеские отношения между победителями и побежденными установились легко. Сложнее дело обстояло в Индии, где служители культа стали в резкую оппозицию к завоевателям и выступили инициаторами неповиновения. Потому-то Александр и привлек к походу Калана. Тем самым он продемонстрировал «особое расположение» к индийским софистам, несмотря на их недружелюбное отношение к нему.

Рассказ о самовольном уходе из жизни индийского мудреца Калана и о роскошном погребальном костре, сложенном в его честь по приказу царя, присутствует у многих древних авторов, отмечавших, что Александр взял мудреца в свою свиту и прислушивался к его советам. Арриан указы-

вает, что Калан был другом не только царя, но и Лисимаха и Птолемея Лага, который помог ему осуществить акт самосожжения. Подробности гибели Калана в античной историографии различны, но структура рассказа едина, что позволяет делать вывод о близости первоисточников, легших в основу этого сюжета.

Благополучное возвращение войска и флота из индийского похода было торжественно отпраздновано в Сузах.

Следуя античной традиции, согласно которой Александр стремился установить «единомыслие» Запада и Востока [App., VII, 11, 9], в немарксистской историографии, за немногим исключением, неоднократно высказывалось мнение о сознательном желании царя создать единый народ «эллино-персов». В качестве одного из доказательств некоторые историки ссылаются на массовые свадьбы греков и македонян с персидскими женщинами и парад «эпигонов» (персидских юношей), обученных на македонский манер по приказу царя [24]. Александр Македонский был типичным завоевателем древности, действовавшим в соответствии с задачами организации мировой монархии, должной объединить различные племена и народы Европы и Азии. Поворот в сторону Востока, уравнение в правах эллинов и «варваров» было явлением новым для того времени. «Ориентализация» Александра, так же как и «вавилонизация» Кира [25],— понятия равнозначные: и тот и другой желали мирового владычества и действовали согласно этой программе. Приписывание Александру целей «интернационального» сближения народов в едином братстве, берущее начало в воззрениях стоиков и муссируемое рядом исследователей [26], не подтверждается источниками.

Все же желание Александра всюду достичь Великого моря (т. е. завоевание всей обитаемой земли) Ю. Керст и Ф. Шахермейр связывают с задачами цивилизаторской деятельности [27], хотя есть и противники этого мнения [28]. Не подлежит сомнению факт, что македонский царь объективно добивался создания нового правящего класса, готового обслуживать потребности его восточной монархии. Поэтому Александр стремился сблизить победителей (греков и македонян) с азиатской элитой. Насколько Александр мог, он эту задачу решал, перенимая восточный этикет, проявляя веротерпимость, приближая к себе азиатских вельмож, оставляя на прежних постах лояльных сатрапов и всячески заигрывая с местными царьками и правителями. Здесь присутствует хитрый расчет завоевателя — удержать любыми средствами завоеванное. Только так можно подходить к оценке деятельности Александра во время похода греков и македонян на Восток [29].

Массовые свадьбы в Сузах нашли отражение у многих античных историков. Арриан пишет, что Александр первый подал пример, женившись одновременно на старшей дочери Дария и на младшей — царя Оха. Ему последовали Гефестион, Кратер, Птолемей, Эвмен, Неарх, Селевк. 80 «друзей» царя заключили браки со знатными персиянками и мидийками. Имена этих знатных женщин, многие из которых стали позже царицами, встречаются в названиях эллинистических восточных городов — Апамея [App., Syr., 57], Амастрида [Страб., XII, 545].

10 тыс. македонян также взяли в жены азиатских женщин. Браки были заключены по персидскому обычаю. Всем молодоженам царь прислал свадебные подарки [App., VII, 4, 4—8; Диод., XVII, 107, 6]. Плутарх к этому добавляет, что царь устроил грандиозный пир, на котором присутствовало 3 тыс. гостей. Кроме того, царь заплатил из собственных средств чужие долги на сумму в 10 тыс. талантов [Алекс., 70] [30].

Основные сведения о невиданной роскоши массовых свадеб в Сузах нам известны через авторов позднеантичного времени, использовавших мемуары придворного летописца Александра Харета Митиленского, сообщавшего в X книге своих записок об этом празднестве [Афиней, XII, 538; Элиан, VIII, 7]. Мемуары Харета утрачены. Впрочем, они не имели никакой исторической ценности, ибо в них были собраны придворные анекдоты, вошедшие в компилятивные сборники отрывков Афинея и Элиана [31].

Но несмотря на щедрость царя и всеобщее ликование, «немалым огорчением для македонцев было видеть мидийскую одежду на царе... большинству не были по душе и браки... даже некоторым из самих новобрачных» [App., VII, 6, 1—2]. Очевидно, среди соратников царя и рядовых воинов имело место внутреннее брожение и глухое недовольство его «варваризацией» [32]. Ведь перенятие восточного этикета и одежды, а также приближение знатных персов к царю указывало, что Александр намеревался остаться на Востоке и в дальнейшем действовать как восточный владыка, преемник Ахеменидов, а не как выборный предводитель македонского войска. Те «волнения и восстания», на которые указывает Плутарх, были первыми симптомами непрочности мировой державы Александра и шаткости его положения неограниченного повелителя. Достаточно было ложного известия о гибели царя в Индии, чтобы спонтанно начался процесс выделения независимых территорий, с которым Александру удалось справиться лишь вооруженной силой.

После парада в Сузах персидские «эпигоны» влились в состав македонского войска. Если ранее набранные Александром местные конные подразделения бактрийцев, согдийцев, парфян, индийцев и других народов Центральной Азии действовали как самостоятельные воинские части, то после массовых свадеб они полностью вошли на равных правах в греко-македонскую армию. Более всего эта мера сказалась на коннице, наиболее привилегированной части армии, где по традиции служили знатные македоняне [33]. Вместо прежних пяти гиппархий было создано четыре, а затем их число было опять увеличено до пяти после включения в состав войска восточных пополнений. Илы этеров — «друзей» царя пополнились представителями местной знати, а самые именитые, такие, как брат Роксаны и сыновья сатрапов, вошли в агему [App., VII, 6; Диод., XVII, 108] [34]. Таким образом, перемены в коннице и уход на родину части всадников-ветеранов (1500 человек) обеспечили лидирующее положение восточным контингентам, тем самым уравняв конные илы с непривилегированными пехотинцами. В источниках имеется указание о планах царя по включению в войско персидских отрядов с собственным вооружением [App., VII, 23, 3]. В этом факте некоторые исследователи видят указание на «варваризацию» македонской фаланги [35]. Видимо, в дальнейшем Александр намеревался радикально изменить структуру войска, сделать его максимально приближенным к нуждам восточной монархии, но судить об этом конкретно невозможно: источники оставляют многое неясным и спорным.

Данные дворцовых дневников, найденных после смерти Александра, позволяют говорить о широких завоевательных планах царя на Западе. Эти сведения зафиксированы только у авторов критического направления. Их достоверность спорна, хотя они и восходят к современнику Александра, участнику восточного похода Иерониму из Кардии (через александрийца Клитарха). В новейшей историографии одни авторы считают эти свидетельства истинными [36], а другие — легендой, созданной в последующие времена [37]. Мы не можем полностью доверять свидетельствам Курция и Диодора, почерпнутым из Клитарха, но отрицать миродержавные планы

Александра в отношении Запада неправомерно, так как источники подчеркивают ненасытную жажду царя к завоеваниям [Арр., VII, 19, 6]. Арриан рассказывает, как Александр живописал воинам на Гифасисе картину покорения всей ойкумены, планируя совершить кругосветное путешествие на кораблях в Ливию и к Геракловым Столбам [V, 26, 2], что считалось вполне достижимым по географическим представлениям той эпохи.

Апологетическая традиция только дает наметку планов похода в западном направлении, а критическая — указывает программу-минимум — проложить морской путь из Вавилона в Египет, проникнуть в Африку и программу-максимум — подчинить Карфаген, Иберию, Италию, а затем и Эпир [Курц., X, 1, 17—18]. Сведения Диодора, основанные на том же источнике, не отличаются от сообщений Курция [Диод., XVIII, 4, 35].

Для реализации этого плана был необходим хороший флот, поэтому правителям Месопотамии был отдан приказ о строительстве 700 кораблей из ливанского кедра, доставке их в Фапсак и спуске водой к Вавилону [Арр., VII, 19, 3; Курц., X, 1, 18]. А с царей Кипра Александр потребовал медь, пеньку, паруса для оснастки строившихся судов [Курц., X, 1, 19]. Кроме того (по словам Аристобула), у македонского царя был и другой флот, построенный из вавилонских кипарисов; в нем охотно служили мореходы из Финикии и прочих прибрежных областей [Арр., VII, 19, 4]. Клазоменец Миккал был отправлен с 500 талантами в Финикию и Сирию для вербовки моряков [Арр., VII, 19, 5].

Видимо, неудача индийского похода не охладила пыла Александра к завоеванию новых земель. Уже возвратившись в Вавилон, царь послал специальную экспедицию во главе с Гераклидом, сыном Аригея, для исследования возможности пройти морским путем к Гирканскому морю — следовательно, к скифам и бактрийцам, а также для выяснения соединения этого моря с Понтом Эвксинским и Великим Океаном [Арр., VII, 16, 2]. Одновременно обдумывался план проникновения от Каспия к болотам Меотиды (Азовского моря) [38].

Неясные представления древних о землях, прилегающих к северо-восточной части Прикаспия, ввели в научный обиход ошибочные сведения о том, что Окс, Яксарт и Аракс впадают в Гирканское море, что Меотидское озеро — это Азовское море. Об Аральском море ничего не было известно во времена Арриана. Неясно, насколько Гераклид справился со второй частью задания, но первую часть он, несомненно, выполнил: строил суда из гирканского леса по эллинскому образцу [Арр., VII, 16, 1].

Очевидно, экспедиция Гераклида к Гирканскому морю не дала никаких новых сведений, так как военачальник Патрокл, посланный первыми Селевкидами на обследование южного, западного и восточного побережий Каспия, видимо исходя из какого-то неверно истолкованного устного сообщения, сделал вывод, что Гирканское море — залив Океана [Страб., XI, 507], хотя Аристотель и высказывал сомнения на этот счет [39]. Практического значения экспедиции Гераклида и Патрокла не имели: Селевкиды были слишком заняты другими делами, чтобы снаряжать новые экспедиции к Гирканскому морю [40].

Более завершенными оказались «периплы» трех военачальников Александра, посланных для исследования аравийского побережья Персидского залива [41].

Первым отбыл Архий из Пеллы. Он открыл какие-то острова в устье Евфрата и возвратился раньше всех. Андросфен с острова Фасос исследовал значительную часть Аравии и даже приставал к берегу [Арр., Индия.

43, 8]. Дальше всех проник Гиерон из Сол, но и он не отважился обследовать все побережье Аравии [App., VII, 20, 8]. Незавершенность экспедиций Арриан объясняет недоступностью этих мест, подчеркивая, что никто не мог ни объехать пустынный мыс, расположенный против Кармании, ни побывать на его другой стороне; этот мыс моряки Неарха видели при входе в Персидский залив [App., VII, 20, 9; Индия, 43, 7, 10]. Как бы то ни было, македоняне достигли Бахрейна и Йемена [42].

Фактические знания, приобретенные греками на Востоке, послужили исходным материалом для дальнейшего развития естественных наук.

Уже великий предшественник Аристотеля, иониец, философ-материалист Демокрит из Абдеры (ок. 460—370 гг. до н. э.), которого К. Маркс назвал «первым энциклопедическим умом среди греков» [43], высоко оценивал достижения научной мысли Востока. По свидетельству Диогена Лаэртского, его первыми учителями были халдейские мудрецы и персидские маги [X, 12]. Учение Демокрита высоко ценил Аристотель, отмечавший, что он первый пришел к научному методу исследования [О частях животных, 642а, 24]. Поэтому К. Маркс считал, что Аристотель является настоящим источником для знакомства с демокритовой философией [44]. По свидетельству Евсевия [Praepar. evang., X, 472], Демокрит с гордостью говорил о себе: «Из всех своих современников я объехал наибольшую часть Земли, исследуя самое отдаленное, и я видел наибольшее количество стран и областей. Я слушал речи наибольшего количества ученых людей...» Он в самом деле, писал К. Маркс, объездил Вавилонию, Египет, Персию, учась у египетских жрецов [45].

Для научных исследований Аристотель очень нуждался в фактических знаниях, которые он получал с Востока благодаря стараниям своего племянника Каллисфена. Аристотелю принадлежит заслуга первой систематизации естественных явлений, переход от познания всеобщего к единичному, конкретному. Его трактаты «О частях животных», «Описание животных», «О возникновении животных» заложили основы зоологии как науки. Они были построены на его учении о биологической целесообразности, которая выводилась из общего понятия природных закономерностей,— развитие плода из семени, структура животных, их инстинкты. Идя от общего к частному, Аристотель весь живой мир делил на три части: растения, животные, человек; считая, что тело — форма материи и ей присуща энтелехия (душа), Аристотель соответственно полагал наличие растительной, животной или разумной (человеческой) души в живой природе.

Эта наиболее сильная сторона учения Стагирита, идущая от атомистического учения Демокрита, была развита его учеником Теофрастом (370—288 гг. до н. э.), в течение 34 лет руководившим Ликеем. Он по праву считается «отцом ботаники», так как на основе богатейшего фактического материала восточного похода создал два труда — «История растений» в 9 книгах и «О причинах растений» в 6 книгах, в которых применил метод наблюдения и индукции.

Что касается космогонии Аристотеля, то она была более отсталой, чем у Демокрита и Пифагора. Его теория небесных тел геоцентрична и продолжает линию Эвдокса Книдского, воспринявшего древневавилонскую схему развития космоса. В центре Вселенной покоится неподвижная Земля, материки которой, подобно островам, омываются Внешним Океаном. Вопрос о возможности морского пути из Индии в Африку, занимавший Аристотеля, был решен походом греков и македонян на Восток, доказавшим, по мнению древних, что все известные им моря суть заливы этого

мирового, всеохватывающего Океана. Так аристотелевская теория «естественных мест», где все основные элементы мира (земля, вода, воздух, огонь) располагаются согласно их тяжести, получила вроде бы практическое подтверждение благодаря открытию Неархом морского пути из Индии к Персидскому заливу и далее к Геракловым Столбам. Точно к таким же результатам привело исследование Патроклом южной части Гирканского моря, которое также сочли заливом Внешнего Океана, расположенным у подножия «Кавказа» (Гиндукуша), что, следовательно, делало возможным плавание из Бактрии в Индию. Эти неверные географические представления древних долгое время считались непогрешимыми: даже Страбон, живший в самом конце эллинистической эпохи, в своей «Географии» приводит как истинные подобные рассуждения.

Но важно другое: естественнонаучные трактаты Аристотеля изучались и комментировались не только в эллинистическую эпоху, но и в средние века наиболее передовыми мыслителями Востока[46]. Бесспорно, наука сделала гигантский шаг вперед, ибо для греков обитаемая Земля увеличилась почти в четыре раза. Вся черновая, предварительная работа была проделана специальными отрядами бематистов (землемеров) Александра, производивших постоянные измерительные работы для определения расстояний между различными пунктами Азии. Вне сомнения, основы географии как науки описательной, необходимой для походов и нужд правителей, как ее понимал Страбон, были заложены во время десятилетнего восточного похода Александра.

Сама жизнь учила греков и македонян практическим навыкам. Например, они узнали, что в Индии прибрежное плавание можно совершать в зимнее время, когда с «земли, промокшей от ливней, начинают дуть мягкие ветры», т. е. муссоны [App., VI, 21, 1—2]. Не менее важным для греков открытием в Индии было явление морских приливов и отливов, которое на первых порах повергло в ужас греков и македонян [App., VI, 19, 1—3].

Но вернемся к Александру. К сожалению, подробности подготовки западного похода нам известны только по сочинениям апологетически настроенных авторов, указывающих, что на завоевание арабов Александра толкало пренебрежительное отношение этих племен к македонянам, отсутствие доброжелательства и уважения [App., VII, 19, 6]. В то же время сам Арриан как бы опровергает этот тезис, подчеркивая, что македонский царь был ненасытен в жажде завоеваний и хотел захватить Аравию, так как там в изобилии имелись пряности (корица, мирра, ладан, киннамон) и находилось множество удобных гаваней для стоянок флота и торговых факторий [VII, 20, 2].

Вернувшись из экспедиции, Архий сделал царю доклад о том, что в устье Евфрата, недалеко от побережья, расположен лесистый остров, жители которого проводят жизнь вокруг храма Артемиды и разводят священных оленей и коз. По словам Аристобула, Александр велел этот остров назвать Икаровым, в честь одноименного в Эгейском море, где, по преданию, погиб Икар, сын Дедала [App., VII, 20, 5]. Другой остров, Тил, находится в сутках плавания от устья Евфрата; на нем нет лесов, но множество культурных растений. Об этих островах пишет также Страбон, сообщая, что там растут деревья с запахом ладана, корни которых дают обильный сок [XVI, 767]. Так данные первых исследований побережья Персидского залива еще больше укрепили решимость Александра обживать и заселять эти места.

Оставив Сузы, македонский царь поручил Гефестиону вести бо́льшую

часть пехоты к Персидскому заливу, сам же со щитоносцами, агемой и небольшим конным отрядом «друзей» спустился на судах по Эвлею (рукав Тигра) к морю. Оставив в устье реки пострадавшие от непогоды корабли, Александр на быстроходных судах вышел в море, держа курс к месту впадения Тигра. Остальные суда по каналу, прорытому между Эвлеем и Тигром, были переправлены в Тигр [App., VII, 7, 1—2].

Войдя в Тигр, македонский царь поднялся вверх по реке вплоть до места стоянки сухопутного войска, возглавлявшегося Гефестионом. Далее вся армия двинулась к Опису, городу на Тигре, куда суда смогли подойти после разрушения по приказу царя устроенных персами шлюзов. Впоследствии на месте Описа вырос богатый торговый город Селевкия [Страб., XVI, 739].

Завершая реорганизацию войска, Александр принял решение отправить в Македонию солдат-ветеранов, состарившихся в походах или получивших увечья. Царь обещал каждого щедро наградить, так что на родине многие должны были им завидовать. Однако войско встретило это решение в штыки. Чаша солдатского терпения переполнилась. Воины и без того были недовольны и мидийской одеждой царя, и зачислением персидских всадников в отряды «друзей» [App., VII, 8, 1—2]. Солдаты стали кричать: пусть царь их всех увольняет, а сам воюет с отцом Амоном — это был насмешливый намек на божественное происхождение Александра. Царь, привыкший к восточной угодливости, велел схватить зачинщиков. Их оказалось тринадцать. Всех повели на казнь. В толпе воинов воцарилось тягостное молчание, и тогда царь произнес свою последнюю речь [App., VII, 8, 3].

В повествовании Плутарха о событиях в Описе все акценты смещены в сторону морального осуждения воинов, осмелившихся перечить царю. Но, даже порицая поведение солдат, херонейский биограф невольно упрекает Александра за излишнюю «варваризацию», за отстранение от должности телохранителей и передачу их функций персам [Алекс., 71]. В изложении Диодора, бунт войска был прекращен после того, как царь собственными руками передал зачинщиков на расправу и поставил в армии начальниками персов, отказавшись от услуг греков и македонян [XVII, 109]. Рассказ Курция о бунте в Описе свидетельствует о единодушном протесте всего войска, отказавшегося служить царю из-за того, что он приблизил к себе азиатов [X, 2, 18].

Античная традиция сохранила два варианта речи Александра к взбунтовавшимся воинам. Ценно, что они принадлежат авторам разных направлений, так что их сопоставление представляет определенный интерес для исследователя. Несмотря на апологетическую направленность Арриана и антиалександровскую — Курция, в обеих версиях звучит мотив недовольства войска миродержавной политикой царя, его пренебрежением интересами соотечественников и эллинов. В каждой из них Александр делает упор на праве воинов-завоевателей быть повелителями Вселенной, владеть богатствами Востока, которые для них собрал царь в своей мировой империи [Курц., X, 2, 24]. Александр поражен, что его солдаты, бывшие во времена Филиппа жалкими оборванцами, данниками персов и иллирийцев, оказались столь неблагодарными за все благодеяния царя: возможность грабить и наживаться, щедрые награды отличившимся, освобождение от налогов семей на родине [App., VII, 10, 2—4]. Так возникает антитеза: царь — войско. Отчетливо прослеживается протест армии против восточной ориентации царя, его желания остаться в Азии и «варваризироваться».

Любопытно, что круг идей, высказанных Аристотелем в IV в. до н. э. о назначении эллинов властвовать, а «варваров» — быть рабами, доминировал и в римское время, отдаленное от походов Александра на пять веков. Римлян, проводивших экспансионистскую политику, вполне устраивал лозунг преемственности культурных традиций от эллинов, подтверждавший их право на мировое господство. В этом же направлении разрабатывалось учение стоиков о всемирном гражданстве, под непосредственным влиянием которого находились Арриан и Курций. Курций подчеркивает сознательное стремление Александра объединить македонян и персов, с тем чтобы дать и тем и другим равные права в царстве, управляемом одним монархом [X, 3, 14]. Арриан проводит ту же мысль, указывая, что все молились о «ниспослании равных благ и о согласии и единении царств македонского и персидского» [VII, 11, 9]. Так в силу политических установок своего времени античные историки представляли Александра Македонского объединителем народов Востока и Запада.

Решительный протест войска не заставил Александра сделать первый шаг к примирению. Напротив, царь заявил, что он совсем отказывается от услуг греков и македонян. Уже три дня спустя царь исполнил свою угрозу, назначив персов командирами, организовав персидскую агему, персидскую конницу «друзей» и аргираспидов.

Солдаты, не ожидавшие такого оборота дела, пришли к царской палатке просить прощения [App., VII, 11, 4]. Александр всех простил, но не отступил от задуманного: отправить на родину воинов-ветеранов, непригодных к несению службы.

На роскошном пиру, устроенном в знак примирения царя с македонянами и греками, Александр восседал в окружении своих соотечественников и персов, делая возлияния в честь эллинских и восточных богов. Все присутствующие (а их было 9 тыс.) пели хвалебные пеаны [App., VII, 11, 9]. После примирительного пира Александр отобрал 10 тыс. ветеранов, выдал им жалованье и по одному таланту сверх того и отправил в Македонию под началом Кратера и Полисперхонта [App., VII, 12, 1—2]. Ушедших на родину солдат Александр заменил персидскими и мидийскими воинами. А Кратер, самый преданный царю командир, получил задание сменить Антипатра на посту правителя-регента Македонии, Греции и Фракии, Антипатру же было приказано привести на Восток новобранцев.

Существует предание (отраженное в источниках) о постоянной вражде Антипатра к Олимпиаде, о том, что он считал себя вправе занять первое место в стране. Возможно, что Александр не очень доверял письмам матери, но все же, очевидно, не мог положиться на Антипатра, если вызвал его на Восток [App., VII, 12, 6—7]. Сам Арриан высказывает недоверие к этому свидетельству, хотя исторической науке известна ведущая роль Антипатра в междоусобной борьбе диадохов за власть после смерти Александра.

В конце лета 324 г. до н. э. Александр из Описа[47] через область Ситтакену направился в Экбатаны по хорошо известной персам дороге: столица Мидии была летней резиденцией персидских царей. Царя позвали в Мидию неотложные дела [Плут., Алекс., 72]. Мидийский сатрап Атропат остался верен Александру, но некто Бариакс объявил себя самозваным царем персов и мидян, за что был казнен в Пасаргадах [App., VI, 29, 3]. Кроме того, бежавший из Экбатан хранитель царских сокровищ Гарпал, как уже было сказано выше, домогался политического убежища в Афинах, обещая финансовую и иную помощь в борьбе с Македонией.

Форсировав Тигр, македонское войско отдохнуло возле деревень, на-

зывавшихся Каррами, и за четыре перехода подошло к Самбанам, где оставалось неделю. Покинув Самбаны, греки и македоняне через три дня достигли страны келонов, населенной беотийцами, согнанными со своих мест Ксерксом [Диод., XVII, 110, 3—5]. Затем, несколько отклонившись от избранного пути, Александр посетил горную страну Багистан (Бехистун), где, согласно преданию, Семирамида приказала разбить висячие сады — одно из семи чудес света [Диод., XVII, 110, 5].

Месяц Александр провел на Нисейских полях, где с древнейших времен выращивались знаменитые персидские кони для Ахеменидов. В старину их было до 160 тыс. голов (это засвидетельствовано Геродотом), но ко времени Александра осталось только 60 тыс. [Диод., XVII, 100, 5—6] [48]. Сюда к Александру прибыл правитель Мидии Атропат, пожелавший встретить македонского царя у границ своей сатрапии. Спустя неделю греко-македонское войско достигло Экбатан.

Древние Экбатаны, одна из столиц персидских царей, имели славу огромного города с царским дворцом и богатыми сокровищницами. Длина крепостных стен, окружавших город, по Диодору, достигала 250 стадий [XVII, 110, 7].

Источники умалчивают о тех делах, которые решал Александр в Экбатанах, а подробно описывают пиры и всевозможные празднества, устроенные с восточной пышностью и великолепием. Гимнастические и музыкальные состязания сменялись попойками [App., VII, 14, 1]. Только из Эллады прибыло 3 тыс. артистов [Плут., Алекс., 72].

Но праздничное настроение царя и его окружения омрачила неожиданная болезнь Гефестиона. На одном из царских пиров Гефестиону стало плохо [App., VII, 14, 1]. Его уложили в постель, а спустя неделю (когда все были на гимнастических состязаниях) он умер [App., VII, 14, 2; Плут., Алекс., 72; Диод., XVII, 110, 8].

О горе Александра, потерявшего лучшего друга, античные авторы писали по-разному. Уже Арриану были хорошо известны всевозможные версии поведения Александра, отдавшегося скорби. Греческий историк римского времени верно подметил, что все написанное о кончине Гефестиона можно поделить на две части: хвалебную и осуждающую, т. е. апологетическую и критическую.

Одни источники сообщали, что Александр оплакивал друга подобно Ахиллу, что он приказал ввести во всей «варварской» земле глубокий траур и притушить жертвенный огонь [App., VII, 14, 3—9]. Другие писали, что македонский царь, обезумев от горя, приказал повесить лекаря Главка за плохое лечение Гефестиона и за то, что он спокойно смотрел, как тот напивался допьяна [Плут., Алекс., 72]. По третьей версии, Александр разрушил до основания храм бога врачевания Асклепия в Экбатанах — поступок «варварский» с точки зрения эллинских верований [App., VII, 14, 5].

Поручив Пердикке перевезти тело Гефестиона в Вавилон, царь предпринял поход на коссеев, независимое мидийское племя горцев, занимавшееся разбоем. Перебив за 40 дней всех коссеев и основав в их землях города [49] [Плут., Алекс., 72; Диод., XVII, 111, 6], македонский царь покинул пределы Мидии и устремился к Вавилону, избранному им столицей царства [App., VII, 15, 3—4]. Этот выбор определялся тем, что Вавилон располагался на судоходном Евфрате вблизи Персидского залива, на пересечении торговых путей, ведущих из Египта в Индию, поблизости от Аравии, изобилующей пряностями и благовониями.

На пути к Вавилону Александр встретился с рядом посольств: элей-

рия во Фригии по легенде на его монетах: «Александр аморийцев». Этот город Страбон упоминает среди пяти крупнейших фригийских городов[75].

Карийская царица Ада передала Александру город Алинду на Латме [App., I, 23, 8]. Из этого свидетельства Стефан Византийский сделал вывод о существовании на Латме Александрии, хотя название этого города не сохранилось, а нумизматический материал фиксирует существование только книдских монет.

После победы в сражении при Иссе (в Киликии), по словам Курция, царь приказал соорудить на берегу Пинара три алтаря [III, 12, 27]. Скимн в географическом стихотворении, обращенном к царю Никомеду, пишет об основании Александром македонского города при Иссе[76]. Стефан Византийский называет этот город восьмой Александрией (Киликийской) О нем также упоминает Геродиан [III, 4].

Далее идет сообщение Страбона о пяти городах Исского залива среди которых есть город, названный в честь македонского царя: Росс, Мириандр, Александрия, Никополь, Мопсуестия [XIV, 676].

Вторичную застройку Тира и Газы после продолжительной осады и разрушения древние авторы приписывали Александру, так как он заселял города вновь, перебив прежних жителей или продав их в рабство [Диод., XVII, 46, 4; Юстин, XVIII, 3, 19].

Основание македонским царем Александрии Египетской, крупнейшего центра торговли, науки, культуры эллинистического Средиземноморья, ни у кого из древних авторов не вызывает сомнений. Посещение Александрии, средоточия философии и учености, считалось столь же обязательным и почетным, как паломничество в Афины классического времени. Достаточно сказать, что Полибий и Страбон бывали в Александрии [App., III, 1, 3—4; Плут., Алекс., 26; Диод., XVII, 52, 5; Страб., XVII, 793]. Страбон называет еще один египетский город, основанный Александром,— Паретоний или Аммоний, что подтверждает и Евсевий [Страб., XVII, 799; Евсевий, II, 114], а Евстафий пишет об основании Александром Кирены, хотя известно, что македонский царь никогда там не был [Ad Dionis., Per. v. 213].

Сообщение Курция об усмирении Александром мифического народа самаритян на пути из Египта в Малую Азию [IV, 8, 9] дает Евсевию повод считать, что Александр основал там «город самаритян» [II, 116].

Ассирийские Арбелы, неподалеку от которых произошло сражение при Гавгамелах, Плиний считает Александрией [VI, 16, § 41], но Страбон связывает основание города с неким Арбилом, сыном Афмонея [XVI, 737].

В Мидии известен лишь один город, основанный Александром,— Гераклея (недалеко от Раг)[77], в Парфии также один — Нисея, который Плиний именует Александрополем [VI, 25, § 113]. Сообщение Плиния подтверждается Страбоном, вспоминающим Нисею в связи с набегами кочевников [XI, 509, 511].

Имеется свидетельство Плиния об Александрии Маргианской на Мургабе[78], но оно не подтверждается другими авторами, говорящими о пребывании македонского царя в Мервском оазисе.

Об основании Александрии Арии (Герата) ничего не пишут ни Арриан, ни Диодор, ни Курций. Только Плиний указывает на существование Александрии Арийской[79]. О наличии македонского города в Арии свидетельствует Страбон [XI, 514]. Кроме того, греческий географ сообщает об основании Александром в Ариане собственных поселений [Страб., XV, 724].

Главный город Драгианы — Фраду, где был раскрыт заговор Филоты, Плутарх считает основанным Александром. У Страбона этот город называется Профтасия[80]. Стефан Византийский пишет, что Александр переименовал его в Проффазию[81]. Под этим именем город встречается у Плиния [VI, 23, § 93].

Плиний [VI, 17, § 61] и Страбон [XI, 514] пишут об Александрии Арахозийской, называя ее Арахотами, но приводят различные расстояния от Александрии Арии до Арахот. Есть сообщение Курция об оставлении значительных гарнизонов в Арахозии под началом Менона, но римский историк не уточняет их размещения [VII, 3, 5].

В 327 г. до н. э., направляясь в Бактрию, в южных районах Гиндукуша (Паропамиса) Александр основал Александрию Кавказскую [App., III, 28, 4], в которой поселил греческих наемников, окрестных «варваров» и македонских ветеранов [App., IV, 4, 1]. Об этом сообщает и Курций, добавляя, что в городе были оставлены 7 тыс. старых македонян и, кроме того, воины, непригодные к службе [VII, 3, 23]. Несколько позднее, перед походом в Индию, Александр вторично посетил Александрию Кавказскую и снова оставил там непригодных к службе ветеранов и «приказал еще нескольким окрестным жителям поселиться там» [App., IV, 22, 5].

Французская археологическая экспедиция в 40-е годы XX в. вела раскопки Беграма, отождествляемого с Александрией Кавказской. Самые ранние культурные слои датировались монетами Евкратида и Менандра, греко-бактрийских царей [II в. до н. э.]. Археологи также установили, что город перестраивался в I в. до н. э., в пору своего наивысшего расцвета[82], что подтверждает точку зрения советских исследователей о процветании греко-бактрийских городов в кушанское время[83]. Кроме свидетельств Арриана и Курция об основании Александрии Кавказской есть не совсем ясное указание Диодора об организации городов и поселений в этой области, где обосновались 7 тыс. «варваров» и наемников — «кто пожелает» [XVII, 83, 2].

Юстин указывает на основание двенадцати городов македонским царем в Согдиане и Бактрии [XII, 5, 13], Страбон пишет только о восьми городах [XI, 517]. О создании шести городов-крепостей в Маргиане для взаимной выручки друг друга сообщал Курций [VII, 10, 15].

Находясь в Мараканде, царь приказал Гефестиону вновь заселять согдийские города [App., IV, 16, 3]. Это сообщение Арриана И. Дройзен объясняет широкой градостроительной деятельностью Александра на Востоке[84]. Но более правдоподобно, что Гефестион селил в разоренных и спаленных согдийских городах ветеранов и «всех тех, кто в войске обнаруживал беспокойный дух» [Юстин, XII, 5, 13].

Не подлежит сомнению основание Александром на Яксарте Александрии-Эсхаты, назначение которой состояло в том, чтобы сдерживать натиск кочевников[85]. Город также был заселен наемниками, македонскими ветеранами и «варварами» [App., IV, 4, 1]. К этому Курций прибавляет, что в городе были оставлены бывшие пленные, якобы прощенные царем [VII, 6, 25, 27].

Населенная «избранными спутниками бога Диониса» индийская Ниса, где Александру оказали радушный прием, скорее всего, была какой-то давнишней колонией ахеменидского времени, позже получившей греческое название [App., V, 1, 3].

Древние пишут о строительстве Александром двух городов на Гидаспе, в том месте, где произошла битва с царем Пором. Арриан назы-

Голова Александра. Копия с оригинала Лисиппа, найденная в Александрии (Египет). Музей истории искусств. Женева

вает Никею и Букефалею [V, 19, 4; 29, 5]. Курций и Диодор подтверждают это, добавляя, что города располагались на обоих берегах Гидаспа [Курц., IX, 1, 6; Диод., XVII, 89].

На среднем течении Инда, в самом южном пункте индийской сатрапии, был построен город с верфями; там остались фракийские воины и небольшое число пехотинцев под началом сатрапа Филиппа [Арр., VI, 15, 2]. Позднейшие авторы называли этот город Александрия-Опиана. В нижнем течении Инда, в земле содров, или согдов, македонский царь основал другой город, Александрию Согдийскую [Курц., IX, 8, 8].

По свидетельству Арриана, Паттала в устье Инда была перестроена Александром, заложившим там верфи и порт [VI, 18, 1; 20, 1]. Этот же самый город имеет в виду Плиний, но называет его Кселинополем [VI, 23, 96].

В Гедросии, на расстоянии девятидневного перехода от Патталы, как пишет Курций [IX, 10, 5], находилась земля оритов, где Александр на месте селения Рамбакии основал город и оставил в нем гарнизон [Арр., VI, 21, 5; Курц., IX,10, 7].

В Кармании Плиний помещает еще одну Александрию [IV, 23, § 107]; его известие подтверждает Аммиан Марцеллин [XXIII, 6, 49]. Но иные авторы, более близкие ко времени Александра, ничего об этом городе не сообщают.

Последним городом, основанным Александром (в связи с планировавшейся колонизацией Персидского залива), Арриан считает город, находившийся южнее Пеллакопы, на берегу озера Румия; в нем поселились ветераны и наемники [VII, 21, 7].

Итак, даже собранные воедино свидетельства античных авторов не дают права доверять свидетельству Плутарха об основании Александром 70 городов. При всем стремлении доказать истинность этого сообщения немецкий историк прошлого века И. Дройзен насчитал не более 40 городов, допуская еще наличие значительного количества военных поселений, где оставались греко-македонские гарнизоны, которые при преемниках Александра стали городами[86]. Но не суть важно, сколько именно городов основал македонский царь на Востоке[87]. Важнее другое: поход греков и македонян дал значительный импульс развитию рабства, торговли, обмена, городской жизни, сближению народов, населявших далекие друг от друга регионы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РАСПАД ДЕРЖАВЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Смерть Александра — тот рубеж, с которого начался неудержимый процесс развала его державы. Более 40 лет (время жизни целого поколения) Греция и Восток оставались ареной кровавых распрей претендентов на власть[1]. Из всех эллинистических царей первого поколения после Александра (диадохов) только Птолемей Лаг умер естественной смертью, все прочие пали на поле брани или стали жертвами династических заговоров.

Сложность изучения этого периода, долгое время не представлявшего интереса для историков из-за обилия войн, затруднена отсутствием хороших источников. Не сохранилось ни одного цельного труда, который бы осветил процесс распада мировой державы Александра и возникновения эллинистических монархий. Не говоря о социальном аспекте, даже военно-политическая история периода известна нам в самых общих чертах. Между трудом Арриана «Анабасис Александра» и «Историей» Полибия (которая начинается с 221 г. до н. э.) пролегают события целого века, очень слабо отраженные в литературных источниках. Еще хуже дело обстоит с эпиграфическими памятниками. Известный нам по Фотию (IX в.) труд Арриана «История после Александра» в 10 книгах (до 320 г. до н. э.) не сохранился, а извлечения из него константинопольского патриарха на основании Дексиппа (IV в. н. э.) не дают возможности восстановить канву аррианoвского повествования. От сочинения Фотия сохранились незначительные отрывки.

Основным источником по периоду преемников Александра считаются «Параллельные жизнеописания» Плутарха, где античный биограф через призму деятельности великих людей того времени (Фокион, Эвмен, Демосфен, Деметрий, Пирр) освещает перипетии борьбы бывших соратников македонского царя, оспаривавших право на власть в Европе и Азии.

Диодор Сицилийский в XVIII—XX книгах «Исторической Библиотеки» писал о времени после Александра (до 302 г. до н. э.). В основе изложения этих событий Диодором лежит труд александрийца Клитарха и отчасти Полибия. Фрагментарно время после Александра освещает Помпей Трог в пересказе Юстина.

Сочинения Иеронима из Кардии и Дурида Самосского, участников и очевидцев этих событий, не сохранились. Видимо, на их основе писали позднейшие авторы (Диодор, Плутарх), но через вторые, третьи руки. О начальном периоде эллинизма есть некоторые сведения у Павсания («Описание Эллады») и римского историка Корнелия Непота (II—I вв. до н. э.), от сочинения которого «De viris illustribus» сохранилась только биография Эвмена.

Источники по периоду после Александра отрывочны, не всегда ясны, запутанны хронологически, и ни один из них не может претендовать на достоверность описываемых событий.

Отчего же столь быстро развалилась мировая держава Александра Македонского, по существу так и не начавшая функционировать как единый организм?

Смерть Александра — не причина гибели его державы, как казалось в пору античности, а лишь эпизод в закономерном процессе исторического развития. Наивная вера древних в веление судьбы, выждавшей, пока Александр покорит Восток и дойдет до Океана, достигнет апогея славы и величия и, свершив все доступное смертному, уйдет из жизни [Курц., X, 5, 36], только с позиций стоицизма могла объяснить поразительные успехи македонского царя, точно так же как и его заранее предсказанную смерть. Круг этих идей присутствует в любом сочинении античной историографии. Но наивные идеи древних, неизбежные вследствие ограниченности мышления античного мира, присутствуют и в трудах некоторых современных исследователей, всерьез полагающих, что Александр мог бы покорить весь мир, если бы не умер столь рано [2]. Такое толкование истории, полностью укладывающейся в рамки биографий царей, отвергается марксистской наукой, подчеркивающей, что, если бы македонский царь не ушел из жизни столь рано, он сам увидел бы крушение несбыточной мечты о мировом господстве [3].

Что же представляла собой держава Александра к 323 г. до н. э.? Пестрый конгломерат разнородных областей, соединенных силой греко-македонского оружия в одном государственном объединении. История до Александра знала несколько универсальных мировых империй древности: ассиро-вавилонскую, мидийскую, ахеменидскую, из которых последняя была самой долговечной, так как она просуществовала более двух столетий [4].

Несмотря на введение единообразной политико-административной системы на всей территории державы, отдельные области империи Александра оставались разобщенными между собой.

Македония сохранила традиционно-монархический уклад, расставшись с возможностью возврата к прежней раздробленности. Антипатр крепкой рукой держал в повиновении вверенные ему племена. Хуже это удавалось с греками, доставлявшими македонскому наместнику немало хлопот. Многие эллинские города еще лелеяли надежду на реставрацию прежней автаркии, хотя были вынуждены содержать македонские гарнизоны и иметь олигархических правителей.

Малая Азия, будучи и до походов Александра разнородной, унаследовала эту разобщенность и в составе державы македонского царя. Богатые торговые города западного побережья с преимущественно эллинским населением, после Анталкидова мира (387 г. до н. э.) попавшие под власть Персии, тяготели более всего к материковой Греции и островам Эгейского моря. Южные киликийские города по укладу жизни и интересам приближались к финикийским. А горные племена внутренних и северо-восточных районов Малой Азии, номинально признавшие новую власть или вовсе оставшиеся независимыми (мармары, писиды, армяне), не были связаны экономически с приморскими областями.

Финикия и Сирия, игравшие значительную роль в торговле Восточного Средиземноморья, не утратили своего ведущего значения и при Александре. Географическая отдаленность и изолированность Египта как при Ахеменидах, так и при македонянах давали ему относительную само-

стоятельность. А Вавилония, избранная Александром центром державы, должна была стать связующим звеном в морских и караванных торговых сношениях Востока с Западом[5].

За Месопотамией простирались огромные пространства Иранского нагорья, Средней Азии и Северо-Западной Индии. Количество сатрапий достигало, видимо, четырнадцати[6]: Персида, Паретакена, Кармания, Мидия, Тапурия (и страна мардов), Парфия с Гирканией, Бактрия, Ария с Драгианой, Гедросия со страной оритов, Арахозия, страна паропамисадов, Индия по эту сторону Инда, Индия по ту сторону Инда и области нижнего Инда. Было бы заблуждением полагать, что оставленные в этих сатрапиях греко-македонские гарнизоны обеспечат прочность завоеванного.

Кажущееся единство мировой державы Александра и согласие бывших соратников царя разлетелись с его смертью в прах, уступив место сепаратизму и взаимной вражде. Апологетическая традиция ничего не сообщает о событиях, последовавших сразу же после смерти македонского царя, заканчивая рассказ о жизни Александра пространным панегириком в честь величайшего завоевателя древности. Авторы критического направления, также славящие македонского царя, пишут о тягостном ожидании самого худшего, распространившемся в войске [Курц., X, 5, 15]. Неуверенность в завтрашнем дне толкнула пехотинцев на организацию мятежа, подобного тому, который произошел в Описе: македонские фалангиты с оружием в руках бросились во дворец, где оставалось непогребенным тело Александра, и потребовали провозглашения царем Арридея — слабоумного побочного сына Филиппа II [Юстин, XIII, 1, 6—8].

Противоборство началось между теми, кто хотел «настоящего» македонского царя, и приверженцами сохранения державы Александра за его наследниками (хотя не все военачальники преследовали эту цель).

Пехотинцы, в своей массе македонские крестьяне, чуждые восточным нововведениям, и их предводитель Мелеагр поддерживали кандидатуру Арридея, сводного брата Александра, своего соплеменника. Конница этеров предлагала выждать время до родов Роксаны и, если это будет мальчик, сделать его царем. По одной версии, Роксана была на девятом месяце беременности [Юстин, XIII, 2, 5], по другой — на шестом [Курц., X, 6, 9]. Видимо, сын Александра родился в ближайшие дни после его смерти, так как в указанных источниках распределение постов и раздел сатрапий дается до погребения македонского полководца.

Неарх выставил кандидатуру внебрачного сына македонского царя — Геракла от Барсины, вдовы Мемнона, жившего в Пергаме. Пердикка отстаивал интересы еще не родившегося сына Александра, а Птолемей Лаг категорически отвергал право наследников Александра быть царями, так как их матери — восточные женщины и пленницы македонян. Пусть военный совет из приближенных, говорил Птолемей, собирается каждый раз у пустующего трона Александра и выносит большинством голосов нужное решение [Курц., X, 6, 15]. Но мнения опять разделились: одни согласились с Птолемеем, другие — с Пердиккой, третьи предлагали сделать царем того, кому Александр на смертном одре передал свой перстень, т. е. Пердикку.

Чтобы не усугублять взрывоопасную ситуацию и избежать кровопролития, решено было посадить на трон двух царей: Арридея под именем Филиппа III и новорожденного сына Роксаны Александра IV при регентстве Пердикки, взявшего на себя общее руководство войсками в Азии [Курц., X, 10, 4; Юстин, XIII, 4, 3].

Уже древние историки не принимали всерьез этих «царей», указывая, что Пердикка преднамеренно оставил за собой общее руководство войском и сразу же оказался на вершине власти, а новый царь, Арридей (Филипп III), был только пешкой в его руках [Плут., Алекс., 77].

Суть междоусобных конфликтов среди преемников Александра Курций видит в упадке твердой единоличной власти, что вызвало развал империи [X, 9, 1]. Кроме того, преемники македонского царя предпочитали расширять пределы своих владений, а не довольствоваться предназначенным [Курц., X, 10, 8]. Таким образом, компромиссное решение о двух царях и регенте, принятое в Вавилоне, ни в коей мере не устранило соперничества между претендентами на власть, среди которых одни выступали под флагом сохранения целостности державы (Пердикка, Эвмен, Антигон), а другие ринулись в борьбу за раздел наследия Александра, стараясь выкроить независимые владения (Птолемей, Пифон, Селевк).

На первых порах власть поделили бывшие военачальники Александра, сохранившие в большинстве свои должности.

Известны шесть списков первого раздела сатрапий между военачальниками македонского царя. Из них наиболее полную картину дают списки Диодора [XVIII, 3] и Юстина [XIII, 4], имеющие разночтения, так как восходят к различным первоисточникам — Дуриду Самосскому и Иерониму из Кардии. Сохранившийся фрагмент «Истории после Александра» Арриана совпадает с перечнем Диодора[7]. Во главе Македонии и Греции стали Антипатр и Кратер[8]. (Антипатр — стратег-автократор в Европе, а Кратер — простат царства.) Антигон получил Великую Фригию, Леоннат — Фригию Геллеспонтскую, Птолемей — Египет, Лисимах — Фракию и Понт, Эвмен — Каппадокию и Пафлагонию (еще не завоеванные), Пифон — Мидию, Асандр — Карию и Киликию, Лаомедон — Сирию, а Пердикка, не взяв себе никакой сатрапии, осуществлял общее руководство в Азии[9].

Номинальный выбор царей, назначение регента и сатрапов не были в состоянии сдержать процесс распада — держава Александра стала разваливаться.

Деятельность Пердикки в роли правителя Азии осложнялась не только неповиновением отдельных военачальников, но и мощными движениями в некоторых областях. В регентство Пердикки произошло выступление греческих колонистов в Бактрии (323 г. до н. э.), которое в исторической науке считается вторым мятежом эллинов, оставленных Александром в глубинах Азии[10].

Первое выступление эллинских поселенцев, желавших возвратиться на родину [Диод., XVII, 99; Курц., IX, 7, 1—11], было подавлено, очевидно, силами местных сатрапов, так как источники сообщают о 3 тыс. мятежников, будто бы покинувших после взаимных распрей пределы предоставленной им царем колонии и ушедших в Грецию[11]. О втором мятеже греческих колонистов в 323 г. до н. э. в Бактрии и Согдиане имеется лишь свидетельство Диодора [XVIII, 7], который пишет, что, пока был жив царь, эллинов удерживал страх, но, когда он умер, они восстали, избрав своим руководителем Филона[12]. Повстанцы собрали войско в 20 тыс. пехотинцев и 3 тыс. всадников.

На подавление мятежа Пердикка послал Пифона[13], сатрапа Мидии, бывшего телохранителя Александра, с отрядом македонян из 3 тыс. пехотинцев и 800 всадников. Кроме того, сатрапам был отдан приказ выделить в распоряжение Пифона 10 тыс. пехоты и 8 тыс. конницы. Таким образом, силы мятежников и Пифона были примерно равными.

Очевидно, Пердикка, отправляя сатрапа Мидии в мятежные Бактры, не очень ему доверял, так как отдал войску строжайший приказ не церемониться с восставшими, а их имущество забрать себе.

Будучи человеком предприимчивым и решительным, Пифон с радостью взялся за порученное дело [Диод., XIX, 14]. Отправляясь в карательную экспедицию, он и не думал об усмирении восставших, а надеялся склонить их к измене, объединить все силы и стать во главе Верхних сатрапий. Вступив в сражение с колонистами и начав их теснить, Пифон предложил командиру трехтысячного отряда повстанцев Липодору разоружить воинов и вернуть их в катекии, обещая полное прощение. Липодор принял это предложение, но, когда безоружные колонисты возвратились в катекии, солдаты карательного отряда, вспомнив об обещанной добыче, напали на них, всех перебили, а их имущество поделили между собой.

Таков краткий рассказ Диодора о подавлении второго бактрийского мятежа эллинских колонистов. Вполне уместно предположить, что восстание эллинов вышло за пределы Бактрии и Согдианы, значительно шире затронув Верхние сатрапии [14]. Весьма интересна точка зрения, согласно которой выступления греков явились предвестником образования в середине III в. до н. э. греко-бактрийского независимого царства [15].

При первом разделе сатрапий совсем не упоминались индийские владения Александра, где после убийства Филиппа временным сатрапом оставался Эвдем, опиравшийся на местного царька Амбхи. По Диодору, преемники Александра признали власть местных индийских царьков, так как не располагали ни войском, ни средствами для устранения их от управления [XVIII, 39, 6].

После ухода Александра из Индии самым могущественным царем в северо-западных и западных областях Пенджаба стал Пор, которому македонский царь передал покоренные народы и не только позволил управлять ими, но и присвоил ему звание сатрапа, присоединив к его владениям независимые ранее территории [Плут., Алекс., 60]. Таким образом, Индия, где Пор и Чандрагупта, основатель династии Маурьев, некогда безуспешно старавшийся втянуть Александра в борьбу с царством Нанда, начали междоусобный спор за власть, была почти потеряна для македонян. Мощные выступления индийских племен при жизни царя в Кандагаре [Курц., VIII, 13, 3—4], в землях ассакенов [Арр., V, 20, 7], в низовьях Инда в стране Мусикана, организованные брахманами [Арр., VI, 15—17], свидетельствовали о том, что новая власть не упрочилась на южноазиатском субконтиненте.

Единственным греком в Пенджабе до поры до времени оставался Эвдем, принявший самое непосредственное участие в борьбе за власть между Пором и Чандрагуптой [Диод., XIX, 14, 8]. Несколько забегая вперед, скажем, что Эвдем в 317 г. до н. э. тайно убил Пора, захватил его боевых слонов и бежал из Индии якобы на подмогу Эвмену, боровшемуся с Антигоном. Возможно, что в убийстве был крайне заинтересован Чандрагупта и что оно совершилось по его прямому указанию. После устранения Пора Чандрагупта стал самым могущественным правителем Пенджаба [Арр., Индия, 5, 3]. Именно ко времени после Александра Юстин относит основной этап борьбы индийских племен против иноземных захватчиков. Индия, как пишет римский историк, сбросила иго рабства и перебила наместников Александра [XV, 4, 18]. Видимо, антимакедонское наступление в Индии развернулось по всему фронту; только так можно объяснить поспешное бегство Эвдема из подвластной ему сатрапии [16].

Ни выбор двух царей, ни новые назначения военачальников не были способны предотвратить междоусобную вражду. Зависть, корысть, подозрительность обуяли бывших соратников царя, согласных только в том, что всем можно пренебречь ради собственной выгоды[17].

Пока Кратер еще не дошел до Македонии во главе возвращавшихся солдат-ветеранов, всю власть в Европе сосредоточил в своих руках Антипатр.

Условно период междуцарствия — время после смерти Александра и до образования на развалинах его державы нескольких эллинистических государств — можно поделить на три стадии: от смерти Александра до смерти Пердикки (323—321 гг. до н. э.), от смерти Пердикки до гибели Эвмена (321—316 гг. до н. э.) и от смерти Эвмена до смерти Антигона (316—301 гг. до н. э.). Все основные события первых лет в основном группировались вокруг Пердикки, Эвмена, Антигона, стремившихся сохранить наследие македонского царя и вместе с тем добиться верховной власти.

Общее руководство Азией, взятое на себя Пердиккой, было крайне непрочно. Видимо, он сам это понимал, так как постарался поскорее отделаться от тех, кого мог подозревать в дурных мыслях. Первый случай неповиновения, как сообщают источники, произошел у правителя Азии с Мелеагром, подбившим македонских пехотинцев на бунт, который был усмирен после того, как 30 зачинщиков были брошены под ноги слонам [Диод., XVIII, 4; Юстин, XIII, 4, 8][18]. Потрясенный дикой расправой над фалангитами и подозревая недоброе, Мелеагр бежал в ближайший храм, на ступеньках которого был убит по приказу Пердикки.

Чего же столь ревностно добивался Пердикка? В первую очередь он стремился сохранить наследие Александра в Азии и не допустить отпадения отдельных сатрапий, а в качестве недалекой перспективы рассчитывал на брак с Клеопатрой, сестрой македонского царя, и на македонский трон. Ясно, что сохранить уже не существующее единство было более чем трудно. Пердикка отдавал приказы, а сатрапы их не выполняли, действуя на свой страх и риск. Посылка Пифона на усмирение греческих колонистов в Бактрии имела обратный результат: мидийский сатрап, действуя согласно личным планам, подавил мятеж, но провозгласил себя независимым правителем Верхних сатрапий.

При разделе сатрапий Эвмен получил еще не завоеванные Пафлагонию и Каппадокию, где должен был вести войну с Ариаратом и охранять северо-восточные области Малой Азии до Трапезунда [Курц., X, 10, 3]. На завоевание Каппадокии Пердикка послал сатрапа Великой Фригии Антигона и сатрапа Фригии Геллеспонтской Леонната. Антигон сразу же ослушался приказа Пердикки и бежал под покровительство Антипатра в Македонию. Леоннат было направился завоевывать Каппадокию, но просьба Антипатра о помощи позвала его в Грецию [Плут., Эвмен, 3]. Подобно Пердикке, Леоннат возлагал надежды на брак с Клеопатрой и через нее — на македонский трон. Леоннат будто бы раскрыл свои истинные планы в отношении Европы Эвмену, призывая его быть союзником в борьбе за македонский трон, но тот не решился на подобный шаг, боясь Антипатра [Плут., Эвмен, 3].

После бегства Антигона и Леонната в Европу Пердикке ничего не оставалось делать, как самому предпринять поход в Каппадокию [Диод., XVIII, 16].

Возможно, что правитель Каппадокии Ариарат, подобно царю соседней Пафлагонии, признал номинально власть Александра [Арр.,

Mithr., 7], однако со смертью македонского царя он предпринял попытку освободиться от этой зависимости [Курц., X, 10, 3]. Располагая значительным войском — 30 тыс. пехоты и 15 тыс. конницы [Диод., XVIII, 16), Ариарат надеялся одержать верх. Битва каппадокийцев с Пердиккой окончилась для первых поражением: 4 тыс. воинов погибли, а 6 тыс. были взяты в плен. Престарелый Ариарат и его ближайшие родственники по приказу Пердикки были подвергнуты пытке и распяты на крестах [Плут., Эвмен, 3; Диод., XVIII, 16]. Так Эвмен получил первую из предназначенных ему сатрапий. Неизвестно, как проходило завоевание Пафлагонии, источники об этом умалчивают, но спустя некоторое время в наемном войске Эвмена появились пафлагонские всадники [Диод., XXX, 19, 4]. В лице Эвмена Пердикка приобрел ревностного единомышленника, готового пойти на любой риск ради упрочения власти регента в Азии.

Следующей на очереди была Фригия, сатрап которой Антигон бежал в Македонию. Через Писидию, не полностью завоеванную Александром, так как города Ларанда и Исавра оказали стойкое сопротивление македонянам, Пердикка направился во Фригию. Писидийскую Ларанду македоняне взяли с ходу; жителей перебили или продали в рабство, а город сровняли с землей. С Исаврой пришлось повозиться долго. Упорные горожане предпочли погибнуть в пламени ими самими зажженного костра, чем сдаться противнику [Диод., XVIII, 22].

Пока Пердикка осаждал Исавру, Эвмен в Каппадокии развил поразительную активность: отдельные города он раздал своим друзьям, сделав македонян и греков фрурархами, судьями, писцами [Плут., Эвмен, 3].

Не слишком доверяя фалангитам, Эвмен подарками, обещаниями, освобождением от податей сумел собрать шеститысячный конный отряд, предвидя неизбежные столкновения с отложившимися сатрапами [Плут., Эвмен, 4]. Для содержания этого войска нужны были значительные средства, а их Эвмен добывал, отдавая солдатам на разграбление земли, конфискованные у местного населения.

Таким образом, Пердикка и Эвмен, не очень полагаясь на верность своих соплеменников, с одной стороны, старались найти опору в местных контингентах, а с другой — беззастенчиво грабили население. По этой причине власть греко-македонских завоевателей в центральных и северо-восточных областях Малой Азии была весьма непрочной [19]. Но все же события в Малой Азии развивались медленно. Пердикка действовал осторожно, чтобы не вызвать озлобления или резкого противодействия сатрапов. Правитель соседней Армении Неоптолем казался не очень надежным, но что мог с ним поделать Пердикка? Используя посредничество Эвмена, он добился от Неоптолема формального признания его верховной власти.

В противоположность корыстным побуждениям преемников Александра, готовых вырвать друг у друга добычу, источники приводят пример народов Востока, не бунтовавших при известии о смерти царя, а, напротив, оплакивавших своего «благодетеля» и «господина». Эта сказочная фабула скорее отражает литературную традицию псевдокаллисфеновского романа, чем историческую правду.

На фоне жестокой межпартийной борьбы в Греции (см. ниже) Восток выглядел индифферентным к новой власти. Если там и были случаи неповиновения, то только со стороны греческих поселенцев или ненадежных сатрапов. Основная масса населения оставалась безразличной к тому

или иному правителю, а в наемники шли туда, где больше платили. Специфика развития Востока, задавленного теократической монархией ахеменидских царей, выработала покорность у населения, безучастно взиравшего на борьбу диадохов[20]. Ни Александр, ни его преемники ничем не изменили положения рядовых тружеников, несмотря на широковещательную пропаганду «свободы и автономии».

Спустя месяц после смерти Александра известие об этом достигло Греции[21]. Афинские демократы ликовали. Олигархические правители Афин Фокион и Демад призывали граждан к умеренности[22]. Но народ поднялся по всей Аттике, и везде был брошен клич: «Война! Война!» Афиняне выступили инициаторами движения против Македонии, а войну назвали панэллинской, так как предстояло освобождение всей Греции [Диод., XVIII, 10, 2]. Демократы призывали к немедленным военным действиям, а зажиточные предостерегали от непоправимых ошибок, беспокоясь за свои состояния. Вскоре прибыл с Тенара Леосфен, нанявший 8 тыс. наемников из Азии для защиты Афин [Диод., XVIII, 9]. Во все концы Эллады афиняне разослали эмиссаров с призывом к войне [Диод., XVIII, 10].

Примеру афинян последовали Этолия, Фокида, Фессалия, Локрида, помогшие Афинам отрядами конницы. Многие пелопоннесские города, где верх одержали противники Македонии, также оказали посильную поддержку афинянам.

Леосфен во главе афинского войска, насчитывавшего немногим менее 30 тыс. человек [Диод., XVIII, 11; Плут., Фокион, 23], не стал дожидаться, пока Антипатр первым начнет военные действия, а направился к Фермопилам, рассчитывая, если позволят обстоятельства, продвинуться до Темпейской долины в Фессалии. Мысль Леосфена была проста: он надеялся на антимакедонские выступления в Фессалии и Фракии, тем более что одрисский царь Севфт начал вооружаться [Диод., XVIII, 11], а назначенный сатрапом Лисимах еще не добрался до фракийских земель. Кратер с ветеранами стоял в Киликии, куда Антипатр прислал гонцов с просьбой о помощи.

Антипатр, располагая вдвое меньшими силами, чем у греков, быстро вторгся в Фессалию, приказав флоту в 110 кораблей следовать вдоль побережья. Но дальше Фермопил македоняне не рискнули двигаться, решив подождать подхода свежих сил из Азии. Помощь из Азии не приходила, и Антипатр был уже готов пойти на перемирие, но Леосфен требовал только безоговорочной сдачи [Диод., XVIII, 18]. В одной из стычек с македонянами Леосфен погиб [Диод., XVIII, 13; Юстин, XIII, 5, 12]. Леоннат с войском подоспел вовремя к осажденному Антипатру. В завязавшемся сражении Леоннат погиб, а остатки македонского войска отступили. Остается неясным в источниках поведение Антипатра. Почему он, дождавшись подхода союзных контингентов из Азии, прекратил сопротивление у Ламии и поспешно удалился в Македонию? К сожалению, единственным источником по Ламийской войне 323—322 гг. до н. э. является Диодор, из отрывочного рассказа которого трудно воспроизвести последовательную картину событий. Видимо, положение в Македонии стало угрожающим, а на Востоке начались первые столкновения среди преемников Александра.

На суше греки добились некоторого успеха, поскольку Антипатр ушел в Македонию, и этим была достигнута передышка в военных действиях. Но греческий союзный флот в 180 боевых единиц, патрулировавший Геллеспонт и северную часть Эгейского моря (чтобы не допустить

подхода свежих сил из Азии), был разбит у острова Аморгос (Киклады) более сильным македонским флотом в 240 кораблей [Плут., Дем., 11].

Прибытие Кратера во главе воинов-ветеранов существенно поправило положение Антипатра. По свидетельству источников, объединенное македонское войско насчитывало 50 тыс. человек, тогда как греки имели только половину этого количества [Плут., Фокион, 26; Диод., XVIII, 15]. Враждующие армии встретились у Краннона. Численный перевес решил исход сражения в пользу македонян; греки, потеряв убитыми 500 человек, отступили [Плут., Дем., 28; Диод., XVIII, 17].

После неудач на море и на суше энтузиазм многих греков испарился, и эллинский союз распался [Диод., XVIII, 18]. Промакедонские деятели Фокион и Демад снова стали во главе Афин. Фокион поспешил в македонский лагерь в Фивы просить мира [Плут., Фокион, 26; Павс., VII, 10, 4].

Условия мира, продиктованные македонянами, были настолько унизительны для афинян, что Ксенократ охарактеризовал их как слишком легкие для рабов, но слишком тяжелые для свободных [Plut., Vit. X Orat., Dem., 847]. Согласно договору Афины обязались принять на постой в Мунихий македонский гарнизон, возместить военные убытки, осуществить реформу избирательного права и выдать Антипатру зачинщиков антимакедонского выступления [Плут., Фокион, 27—28]. Демосфен покончил самоубийством, приняв яд, остальные вожди афинской демократии были казнены. Новый избирательный ценз в 2 тыс. аттических драхм лишил 12 тыс. граждан политических прав [Плут., Фокион, 28][23]. Кроме того, афиняне утратили внешние владения — Ороп и Самос [Диоген Лаэртский, X, 1], а изгнанные оттуда клерухи переселились в Аттику, Фракию, Пелопоннес.

Спокойствие в Греции было восстановлено, у власти стали промакедонские деятели, и, если судить по Афинам, были исправлены конституции отдельных городов. За эту «милость» Антипатр был увенчан золотым венком [Диод., XVIII, 18].

Последним очагом неповиновения была Этолия, куда бежали от преследования многие демократы из эллинских городов. Совместный поход Антипатра и Кратера в Этолию с войском в 30 тыс. человек не имел особых результатов. Десятитысячное этолийское войско укрылось в недоступных горах, и македоняне решили взять их измором. Осажденных этолийцев спасло непредвиденное обстоятельство: из Азии прибыл Антигон, сатрап Великой Фригии, с известием о столкновениях, начавшихся между преемниками Александра. По этой причине Антипатр наскоро подписал мир с этолийцами и поспешил в Азию, чтобы задержать продвижение Пердикки и Эвмена [Диод., XVIII, 25].

Стараясь путем временных соглашений расширить сферу своего влияния, преемники Александра часто вступали в коалиции друг с другом. Против Пердикки и Эвмена организовалась первая коалиция — Антигон, Кратер, Лисимах, Птолемей, — начавшая военные действия в Малой Азии и Египте. Видимо, ее созданию предшествовали какие-то тайные переговоры между египетским сатрапом и Антипатром [Диод., XVIII, 14].

Античная традиция считала Птолемея Лага наиболее способным и дальновидным преемником Александра. Этому мнению немало способствовала роль, которую сыграла в истории столица Птолемеев Александрия — крупнейший культурный центр эллинистического мира. Птолемей Лаг вошел в историю как «Сотер» — спаситель египетского народа от про-

Птолемей Лаг. Бронза. III в. до н. э. Национальный музей. Неаполь

извола назначенного Александром правителя Клеомена, ввергшего страну в бездну нищеты [Диод., XVIII, 14].

Но, несмотря на «филэллинство» и покровительство наукам и искусствам, Птолемей I был типичным эллинистическим царем, умело собиравшим налоги с населения и стремившимся создать большую державу. Утверждение М. Ростовцева о том, что в начале своей деятельности Птолемей уделял основное внимание «процветанию» Египта и не имел «империалистических тенденций»[24], неверно. Суть политики первого Птолемея, как и его преемников, заключалась в постоянном расширении владений, в стремлении играть ведущую роль в Средиземноморье, что явственно проступало в его деятельности по отношению к Кипру, Родосу, Греции, Сирии, Финикии. Пожалуй, единственное отличие египетского царства от прочих эллинистических государств состояло в том, что оно в течение трех столетий не знало разорительных войн на своей территории. Но политика захватов никогда не была чужда Птолемею, постоянно стремившемуся расширить владения Египта.

Подчинив соседнюю Кирену [Диод., XVIII, 21; Юстин, XIII, 8, 1], Птолемей вторгся в Сирию и Финикию, прибрав к рукам попутно Кипр, богатый медью и строевым лесом. В ответ Пердикка немедленно начал подготовку к походу в Египет.

А в это время Антигон и Кратер осадили Эвмена в Наре (Каппадо-

кия). Военные действия велись вяло, в одном из сражений Кратер погиб [Диод., XVIII, 32; Плут., Эвмен, 7]. Спустя год Эвмен с горсткой людей бежал из осажденного города, не собираясь прекращать борьбу.

Весной 321 г. до н. э. Пердикка через Сирию двинулся в Египет [Диод., XVIII, 35—36]. Благополучно дойдя до Пелузия, пограничной египетской крепости, войско остановилось: предстояла переправа через бурные протоки Нила. Солдаты начали роптать, а некоторые командиры перебежали на сторону Птолемея. Встав во главе мятежников, Пифон, Селевк и Антиген убили Пердикку в его же палатке [Диод., XVIII, 36; Страб., XVII, 794]. Пифон возглавил войско и увел его обратно в Сирию.

Со смертью Пердикки острие борьбы союзников направилось против Эвмена, оказавшегося самым могущественным сатрапом в Азии.

Совещание военачальников в Трипарадисе (Сирия) не внесло существенных изменений в расстановку сил. Антипатр остался регентом Македонии и Греции, все прочие сатрапы сохранили свои посты, а в азиатских делах на первое место выдвинулись Антигон Одноглазый, стратег-автократор Азии, и Селевк, получивший в управление Вавилонскую сатрапию [Диод., XVIII, 39].

Но равновесие сил, установившееся в Греции вследствие опоры царей на македонские гарнизоны и промакедонских правителей, нарушилось со смертью Антипатра (319 г. до н. э.). Пост регента он завещал опытному военачальнику Александра Полисперхонту, стороннику сохранения наследия македонского царя, в обход интересов собственного сына Кассандра, получившего звание хилиарха [Диод., XVIII, 48].

Не удовлетворенный таким оборотом дела, Кассандр предложил Птолемею заключить оборонительный и наступательный союз и послать флот к Геллеспонту для предупреждения действий Полисперхонта [Диод., XVIII, 49]. Намереваясь изгнать Полисперхонта из Македонии и Греции, Кассандр присоединился к Антигону, одновременно заручившись поддержкой Лисимаха.

Полисперхонт, также нуждавшийся в союзниках, направил к Эвмену в Каппадокию посольство с предложением вести войну в Азии против Антигона. В обмен на поддержку Полисперхонт обещал Эвмену звание стратега Азии, возможность использовать сокровища Александра по его усмотрению, а также включение в состав его войска отборной македонской пехоты аргираспидов [Диод., XVIII, 59; Плут., Эвмен, 13].

Дав согласие на предложения нового регента, Эвмен навербовал наемное войско в 10 тыс. пехоты и 2 тыс. всадников [Диод., XVIII, 63]. Попытка Птолемея, находившегося в то время с флотом у берегов Киликии, склонить аргираспидов к измене не удалась [Диод., XVIII, 62].

Заручившись поддержкой наемной армии Эвмена, Полисперхонт нанес решительный удар олигархическим сторонникам Кассандра в Греции, издав манифест о свободе и автономии эллинских городов: «Так как наши предки неоднократно оказывали добро эллинам, то мы желаем сохранить их традиции и дать всем доказательство нашей благосклонности к ним. Когда умер Александр и власть перешла к нам, мы сообщили об этом всем эллинским городам, надеясь возвратить всем мир и прежнее государственное устройство. Но так как во время нашего отсутствия некоторые греки начали войну против Македонии и потерпели поражение от наших стратегов, города Греции подверглись различным бедствиям... Теперь, исполняя наше первоначальное намерение, мы даруем вам мир, даем вам государственный строй, какой вы имели при Филиппе и Александре, и все прочие привилегии... Афины сохранят в своей власти то,

что имели при Филиппе и Александре; Ороп остается за оропянами, Самос же мы возвращаем афинянам... Никто не должен вести войны против нас или вообще предпринимать что-либо в ущерб нам... Вы должны уважать наше настоящее решение; с теми же, кто нарушит его, мы поступим без всякого сожаления» [Диод., XVIII, 56].

Что же заставило Полисперхонта, потомка тимфейских царьков, проявлять трогательную заботу о свободе эллинов? Только желание приобрести бо́льшую популярность у греков в противовес сторонникам олигархического толка, которые защищали интересы самых зажиточных греческих слоев, державших сторону Македонии. Если Кассандр опирался на олигархов, то Полисперхонт уповал на союз с демократами, для которых лозунг свободы был основным мерилом всей их антимакедонской деятельности.

Следствием провозглашения демократии в Элладе явились гонения на бывших олигархических правителей. Так, в послании к Аргосу Полисперхонт писал, что нужно казнить всех, кто был другом Антипатра и преследовал демократов [Диод., XVIII, 57].

Восторженно встретив манифест Полисперхонта, афиняне потребовали вывода македонского гарнизона из Мунихия. Фокион всячески противился этому. Тогда жители Афин изгнали его из города, а затем потребовали его казни. Полисперхонт выдал Фокиона согражданам, и они его казнили как предателя [Плут., Фокион, 37].

В Афинах возрождались демократические институты; был также принят декрет в честь Эфрона Сикионского, друга афинян, отдавшего жизнь за интересы полиса [Ditt., Syll³, 317].

Но торжество демократического правления было недолгим. Полисперхонт не чувствовал себя уверенно в Македонии, страшась прихода в Грецию Антигона или Кассандра. Неудачная осада Мегалополя, оставшегося верным Кассандру, пошатнула престиж македонского регента в Греции [Диод., XVIII, 69—71]. Объявившийся в Пирее Кассандр вскоре овладел Эгиной и Саламином, нанеся серьезный урон афинскому флоту [Павс., I, 25; Пол., IV, 11]. Полисперхонт не смог больше осаждать Мегалополь и поспешил в Македонию, чтобы преградить путь Антигону к Геллеспонту [Диод., XVIII, 62].

Не будучи в состоянии противостоять реальной угрозе из Пирея и видя бессилие Полисперхонта, афиняне заключили союз с Кассандром [CIA, 584].

Демократическое правление в Афинах кончилось. По договору афиняне утратили Саламин, Мунихий и пограничную с Беотией крепость Панактан [Диод., XVIII, 74]. Кассандр, ловко маскируя свои симпатии к олигархам, оставил в Афинах демократическое правление, снизив имущественный ценз для граждан до 1 тыс. драхм по сравнению с 2 тыс. драхм при Антипатре и учредив должность эпимилета полиса. Им стал на 10 лет (317—307 гг. до н. э.) Деметрий Фалерский, сын зажиточного афинянина Феностратa [Полиб., XII, 13; Диоген Лаэртский, V, 75; Афиней, XII, 542].

Ю. Белох считает Деметрия Фалерского выдающимся государственным деятелем, подобным Тезею и Солону. В его правление, по мнению немецкого историка, Афины процветали[25]. Исходя из литературных данных Менандра и Теофраста, М. Ростовцев делает вывод о зажиточности афинских граждан в послеалександровское время[26]. Античная традиция высоко оценивала деятельность Деметрия Фалерского как номотета, что подтверждается эпиграфическими памятниками[27], но это не мешало ему

быть приверженцем олигархов и проводником македонских интересов в Греции. Он несколько сократил срок военной службы, упразднил триерархию (взносы зажиточных на оборону) — в общем, действовал в интересах самых зажиточных слоев Афин.

Положение Полисперхонта в Македонии стало настолько шатким, что он бежал в Этолию. Кассандр добился чего хотел — занял ведущее место в Македонии и Греции. Арридей еще ранее по приказу Олимпиады был убит[28], Роксана с малолетним царевичем Александром IV находилась в заточении. Олимпиаду Кассандр приказал побить камнями [Юстин, XV, 2; Диод., XIX, 51; Павс., IX, 7].

Никто из преемников македонского царя и не думал о сохранении единства державы Александра. Возможно, эта идея еще одушевляла Эвмена, действовавшего от имени «законных» царей. Однако власть Эвмена в Азии была весьма непрочна, несмотря на его военные таланты и огромные денежные средства, захваченные в различных городах бывшей империи Александра. Это объяснялось тем, что он, не имея никакой подвластной территории, всецело зависел от прихоти сатрапов и наемных армий. К 317 г. до н. э. в Азии сложилась ситуация, типичная для времени диадохов: у каждого сатрапа было свое войско и подвластная территория, которую он ревностно защищал и по возможности расширял. Эвмен же не имел ничего, хотя номинально считался самым крупным правителем Азии.

Собрав большое войско наемников, Эвмен двинулся из Вавилона в Персиду. Вставший на его пути Селевк попытался преградить ему путь, но успеха не добился. Тогда Антигон поспешил из Экбатан навстречу противнику. Враждующие армии встретились в Габиене (на границе Мидии и Персиды). Численно превосходившее войско Эвмена уже было близко к победе, но тут противник отбил обозы аргираспидов с добычей и женами. Тогда отборные отряды македонской пехоты повернули копья против своего полководца. Они схватили Эвмена и выдали его неприятелю. Персидские стрелки во главе с Певкестой также перешли на сторону Антигона: остальные разбежались кто куда [Диод., XIX, 40—44; Плут., Эвмен, 19]. Так Эвмен, покинутый всеми, оказался в руках своего злейшего врага.

По Плутарху, Антигон, решая судьбу Эвмена, некоторое время колебался. Возможно, что он даже хотел склонить его на свою сторону. Но многие военачальники и изменники-аргираспиды требовали смерти диадоха. В конце концов Эвмен был брошен в тюрьму и позже умерщвлен, но вроде бы без ведома Антигона. Однако аргираспиды не извлекли выгод из выдачи его: все они были умерщвлены по приказу Антигона [Плут., Эвмен, 19; Юстин, XIV, 3—4].

Биография Эвмена, написанная Плутархом, дает образ незаурядного политического деятеля, искренне преданного Филиппу и Александру. Не отрицая выдающихся способностей Эвмена, в течение многих лет исполнявшего должность личного секретаря македонских царей, Плутарх все же говорит о его отверженности среди македонских придворных. Благодаря своим талантам он, грек, был приближен к царям, что вызывало к нему зависть и ревность со стороны македонян. В плане конфликта личности и среды раскрывает Плутарх причину неудач Эвмена.

Характерно, что компромиссные решения вавилонского совещания сразу же выявили всю глубину противоречий среди бывших соратников македонского царя и полярность устремлений каждого из них. И если в Вавилоне еще пытались говорить о единстве державы, то только ради предотвращения бунта в войске, ибо уже тогда каждый из преемников

лелеял мечту о собственном царстве. В этом смысле отчетливо видна беспредметность усилий Эвмена сохранить то, что уже распалось. Временный успех его политики в Азии ради «царей» объяснялся, скорее всего, наличием в его руках части царской казны, вывезенной из Суз. Располагая этими средствами, Эвмен мог создать большое войско. Он настолько хорошо платил всем желавшим сражаться под его знаменами, что к нему потянулись наемники со всех концов Азии и даже из Греции [Плут., Эвмен, 13].

С Эвменом было покончено, но на пути Антигона к единовластию в Азии встал Пифон, давно намеревавшийся получить Верхние сатрапии. Собрав вокруг себя недовольных командиров, Пифон исподволь готовил мятеж в войске, но вовремя предупрежденный Антигон схватил его и предал казни в Экбатанах [Диод., XIX, 46].

Действуя решительно и смело, Антигон стал смещать всех неугодных ему сатрапов: Мидию получил Оронтобат, Персиду — Асклепиодор [Диод., XIX, 46]. Певкеста лишился звания сатрапа Персиды и после этого больше не упоминался в античных источниках [Диод., XIX, 48].

Новые назначения Антигона не коснулись Восточных сатрапий (Бактрия, Кармания, Гедросия, Паропамисады), хотя многие из их правителей поддерживали Эвмена (Тлеполем, Стасанор, Оксиарт). Причина кажущейся непоследовательности наместника Азии крылась в том, что все без исключения сатрапы имели собственные вооруженные силы и их устранение требовало военного вмешательства, что в данный момент не устраивало Антигона, помышлявшего о скорейшем возвращении в Македонию и Грецию.

Совершив быстрый переход по маршруту Персеполь — Экбатаны — Сузы, Антигон сосредоточил в своих руках сокровища на сумму 25 тыс. талантов (в Экбатанах — 5 тыс., в Сузах — 20 тыс. талантов), не считая части казны, вывезенной Эвменом в Киликию (10 тыс. талантов), также доставшейся ему. Кроме того, доход с азиатских сатрапий составлял не менее 11 тыс. талантов в год [Диод, XIX, 56] [29]. Конечным пунктом этой необычной экспедиции по обиранию азиатских народов намечался Вавилон, откуда Антигон с награбленным намеревался возвратиться в Малую Азию.

Потребовав от Селевка отчета о ведении денежных дел в Вавилонии, Антигон натолкнулся на неповиновение сатрапа, после чего тот бежал в Египет под покровительство Птолемея [Диод., XIX, 55]. С бегством Селевка и лишением власти сатрапа Междуречья Блитора Антигон подчинил себе Вавилон, Месопотамию и все племена, которые жили между Мидией и Геллеспонтом [App., Syr., 54].

По рассказу Диодора, халдейские мудрецы предрекли Антигону потерю Азии, если он выпустит из своих рук Селевка, тем более что последний уже подбивал Птолемея на союз против наместника Азии [Диод., XIX, 55].

Антигон поспешно возвратился в Киликию: предстояло готовиться к войне на суше и на море, а флота у него не было, так как остатками прежнего завладели его недруги [Диод., XIX, 56].

К этому времени Кассандр занял ведущее положение в Македонии и Греции, Птолемей владел Египтом, Киреной и Сирией, а Антигон — всей остальной Азией. Дальнейшее усиление каждого из союзников, особенно на море, неизбежно вело к столкновению между ними. Владея финикийским побережьем, Птолемей смог усилить флот, а союз с кипрскими царями давал ему преимущественное положение в средиземноморской тор-

говле. Так прежний союз утратил свое значение, и начала вырисовываться новая коалиция в составе Птолемея, Кассандра, Селевка и Лисимаха против Антигона, усиление которого в какой-то мере затрагивало интересы каждого из названных правителей.

Позднее появление Лисимаха среди враждующих диадохов было связано с тем, что, получив в наследство Фракию, Херсонес и владения у Понта, он долгое время не мог добиться покорности предназначенных ему в управление племен. Особенно много забот причиняли фракийцы, считавшиеся у античных авторов самым диким народом [Юстин, XV, 3, 15]. Затяжная война с одрисским царем и эллинскими городами западного Понта, вплоть до устья Дуная, отнимала все силы Лисимаха. Только укрепившись в своей сатрапии, он наконец перешел Геллеспонт и захватил области Малой Фригии [Диод., XIX, 73, 77]. Это был достаточный повод, чтобы рассориться с Антигоном и войти во враждебную ему коалицию сатрапов.

Кассандр, чувствовавший себя полным хозяином Македонии благодаря устранению всех возможных претендентов на власть, старался поправить свое положение в Греции: укрывшийся в Этолии Полисперхонт и его сын Александр выжидали удобного момента, чтобы возобновить борьбу за утраченные позиции.

Летом 316 г. до н. э. Кассандр предпринял поход в Пелопоннес. Беспрепятственно миновав Фермопилы, он вышел к беотийской равнине. Здесь он издал указ о восстановлении Фив, за 20 лет до этого разрушенных Александром. Восстановление полиса было организовано как общеэллинское дело, так что средства стекались из всех греческих городов [Ditt., Syll[3], 337]. Этим Кассандр не только заработал популярность, но и стяжал у греков «бессмертную славу» [Диод., XIX, 53].

Пока Кассандр упивался поклонением греков, Александр, сын Полисперхонта, занял Истм. Кассандр был готов броситься на неприятеля, но известия из Азии о подготовке Антигона к походу в Европу заставили его возвратиться в Македонию [Диод., XIX, 54].

Добравшись до Египта, Селевк представил Птолемею «полное горечи обвинение против Антигона», в котором подчеркивал, что последний рвется к власти во всем государстве, так как уже расправился со многими неугодными ему сатрапами (Пифон, Певкеста), мешавшими осуществлению его планов [Диод., XIX, 56].

Антигон первый не выдержал неопределенности ожидания и направил послов к Птолемею, Кассандру и Лисимаху с предложением обновить союзнический договор против «общих врагов» — Полисперхонта и Селевка. Отправка дружественного посольства не помешала Антигону вторгнуться в Верхнюю Сирию и потеснить птолемеевские гарнизоны [Диод., XIX, 57].

Ответ союзников послам Антигона был ультимативен: разделить между всеми захваченные в Азии богатства, признать за Птолемеем Сирию и Финикию, за Лисимахом — Фригию Геллеспонтскую, вернуть Селевку Вавилонию, отдать карийскому сатрапу Асандру Ликию и Каппадокию[30], а Кассандра считать правителем европейских земель. Антигон отверг требование коалиции сатрапов, и началась изнурительная война, которая в течение 14 лет (вплоть до 301 г. до н. э.) с переменным успехом шла в Европе и в Азии [Диод., XIX, 57; Юстин, XV, 1].

На суше Антигон чувствовал себя уверенно, чего нельзя было сказать о его морских делах: судов у него не было, так что флот Птолемея господствовал в Средиземноморье.

Взвесив свои силы и возможности противника, Антигон избрал политику, направленную на разобщение коалиции сатрапов, чтобы справиться с каждым в отдельности. Вначале он отправил послов на Родос и Кипр с предложением союза, надеясь использовать их флот. Потом правитель Азии стал искать пути подхода к Полисперхонту, чтобы привлечь на свою сторону пелопоннесские города, в союзе с которыми он мог причинить неприятности Кассандру и тем самым предотвратить его появление в Азии. Кроме того, Антигон замыслил заключить тайный союз с городами Понта, выступления которых должны были отвлечь внимание Лисимаха.

Пока эмиссары Антигона добивались соглашений в Греции и на Понте, Антигон осадил Тир [App., Syr., 56]. Понимая, что без флота бесполезно начинать борьбу, он приказал везде, где можно, строить суда. Их стали сооружать в Финикии, Киликии, на верфях Родоса. Сам Антигон похвалялся, что к лету у него будет флот в 500 боевых кораблей [Диод., XIX, 58; Плиний, XIII, 11].

В то время как шли приготовления к морской войне, к Антигону в Сирию прибыл сын Полисперхонта Александр для согласования совместных действий против Кассандра [Диод., XIX, 61]. Выпустив манифест о свободе и автономии эллинских полисов и о выводе македонских гарнизонов, Антигон привлек на свою сторону многие греческие города[31]. Этолийцы заключили с ним союз, острова Эгейского моря также последовали их примеру. Аргос готов был сделать то же самое, воспользовавшись отсутствием в городе командира македонского гарнизона Аполлонида. Вернувшийся Аполлонид жестоко расправился с аргосцами: 500 человек, собравшиеся в Пританее на совет, были заживо сожжены [Диод., XIX, 63].

А в это время Птолемей делал что мог: направил 100 кораблей к берегам Ионии, заключил союз с наиболее могущественными царями Кипра [Диод., XIX, 79] и также обнародовал манифест о свободе эллинских полисов [Диод., XIX, 62]. Понятно, что Птолемей и Антигон хитрили, соревнуясь в обещаниях свободы грекам.

Казалось, что Птолемей смирился с потерей Сирии и Финикии, хотя Тир уже более семи месяцев выдерживал осаду войск Антигона. Спущенный на воду флот Антигона в 240 кораблей был готов оспаривать первенство на море с флотом Птолемея. Но обладание столь огромным флотом не дало ему особых преимуществ: родосские корабли были захвачены у берегов Киликии противником и уведены в Пелузий, а их команды перебиты. Следующей неприятностью для Антигона явилась измена Александра, сына Полисперхонта, переметнувшегося в стан Кассандра и начавшего захват городов в северной части Пелопоннеса, а также потеря Кипра, где одержали верх приверженцы Птолемея. Все это вынудило Антигона искать путей примирения с египетским сатрапом. Но никто из соперников не хотел уступать, и вскоре переговоры зашли в тупик, еще больше ожесточив враждующие стороны [Диод., XIX, 64].

Военные действия переместились в Грецию, где Кассандр и полководец Антигона Аристодем воевали за пелопоннесские города. Так, Сикион дважды переходил из рук в руки; во время вторичной осады Александр, перебежавший к Кассандру, погиб. Его войско сумело взять город, перебило защитников и заставило сикионцев признать Кассандра [Диод., XIX, 67]. Вражда Антигона и Кассандра не оставила равнодушными греческие полисы: акарнанцы напали на этолийцев; Беотия приняла сторону Антигона, но быстро была приведена к покорности войском противника. Столкновения в Эпире и Иллирии закончились в пользу Кассандра.

Овладев ионическим побережьем, Кассандр добился господствующего положения в Греции и стал подумывать об экспедиции в Малую Азию.

В то время как Греция стала яблоком раздора для претендентов на власть, в Азии наступило некоторое затишье. Антигон еще долго безуспешно осаждал Тир и только после 15 месяцев осады, добившись полного истощения физических и моральных сил защитников города, смог взять его и ввести свой гарнизон [Диод., XIX, 61].

В изложении Диодором этих событий неясно, почему Птолемей не оказал с моря поддержки Тиру, важнейшему городу Финикии. Похоже на то, что Птолемей предпочитал укрепиться на Кипре и островах Эгейского моря, а не начинать военные действия в Финикии. Несмотря на преимущество в количестве военных кораблей, Антигон не решался вступать в сражение с Птолемеем, возможно не очень надеясь на опытность команд.

Стратег Кассандра Препелай высадился на побережье Малой Азии. Антигон поспешил в Карию для проведения к покорности сатрапа Асандра, подчинившегося полководцу Кассандра. Источники не сообщают, каким образом Антигон заставил капитулировать карийского сатрапа, но спустя некоторое время Асандр вновь обратился за помощью к Птолемею, Селевку и Кассандру. Войско Антигона вторично вторглось в сатрапию, взяло Милет и провозгласило его автономию [Диод.. XIX, 75]. После этих событий имя Асандра больше в источниках не упоминается.

Вторично подчинив Карию, Антигон рискнул пустить в дело флот и отправил к греческим берегам эскадру в 150 кораблей под командованием Птолемея, своего племянника, «освобождать» эллинские города [Диод., XIX, 77]. Осадив Халкиду на Эвбее флот Антигона не довел дело до конца. Получив известие о продвижении Кассандра, он ушел к берегам Малой Азии, где велась подготовка к европейскому походу.

Наконец Антигон решился на задуманный поход в Европу. Он подошел к Геллеспонту и уже достиг Пропонтиды, когда получил известие о возвращении Кассандра в Македонию и о приближении войска Лисимаха, не допустившего союза Византия с азиатским правителем. В этих условиях Антигон признал нецелесообразным поход в Европу и вернул войско в Геллеспонтскую Фригию [Диод., XIX, 77].

Стараясь не упустить из виду ни одного из участников враждебной коалиции, Антигон предпринял попытку добиться отпадения Кирены и заключить союз с кипрскими царями. Но воинские подразделения египетского сатрапа быстро навели порядок в Кирене и на Кипре; кроме того, набег на сирийское побережье, занятое Антигоном, дал богатую добычу и много рабов [Диод., XIX, 79].

Наступил подходящий момент для отвоевания Сирии. Весной 312 г. до н. э. Птолемей с войском в 22 тыс. человек (македоняне и наемники) выступил из Александрии, через Пелузий вторгся в Сирию и осадил Газу [Диод., XIX, 80]. Пытавшееся задержать противника войско Деметрия, сына Антигона, было разбито и в беспорядке отступило [Плут., Деметрий, 5]. Окрыленный одержанной победой, Птолемей вскоре взял Тир [Диод., XIX, 86] и ряд других городов финикийского побережья. Деметрий совсем ушел из Финикии и укрылся в Киликии (Плут., Деметрий, 6; App., Syr., 54].

Успешное проведение Птолемеем военных операций в Азии открыло перед Селевком возможность похода в Вавилон, где оставался незначительный гарнизон Антигона. С отрядом в 1 тыс. человек Селевк двинулся отвоевывать «свою» сатрапию. По преданию, накануне выступле-

Деталь украшения, возможно из диадемы, известной под названием «Гераклова узла». Эллинистическое время. Британский музей

ния он увидел чудесный сон, в котором Александр Македонский предсказал его будущее могущество [Диод., XIX, 90] [32].

В Вавилоне Селевк быстро справился с гарнизоном Антигона, а местные вельможи и горожане встретили его как царя. Вскоре ему подчинились Мидия, Персида и Сузиана. Встречали его повсюду восторженно, так как он был «добр и справедлив». В этом месте Диодор добавляет, что Селевку теперь недоставало только царского звания [Диод., XIX, 92]. Приход Селевка в Вавилон в первых числах октября 312 г. до н. э. послужил установлению во всей Передней Азии нового летосчисления — эры Селевкидов.

После поражения у Газы Деметрий сколотил в Киликии новое войско и опять пришел в Сирию. Неожиданно напав на гарнизон Птолемея, он захватил 7 тыс. пленных и богатую добычу. тем самым взяв реванш за разгром у Газы [Диод., XIX, 93; Плут., Деметрий, 6].

Казалось, удача изменила Птолемею; к тому же Антигон из Геллеспонтской Фригии двинулся на подмогу к сыну. Не желая ввязываться в бой с превосходящими силами противника, египетский сатрап снял свои гарнизоны и отступил на Нил [Павс., I, 6, 5]. Антигон не отважился на преследование Птолемея в египетских землях, очевидно помня печальный исход похода Пердикки.

Дав беспрепятственно Птолемею уйти в Египет, Антигон напал на кочевое племя арабов-набатеев, жившее в пустынной местности по берегам Мертвого моря и занимавшееся посреднической торговлей между Индией и Египтом. Торговля арабов благовониями и пряностями приносила огромный доход. Традиционно египтяне вывозили с пустынных берегов Мертвого моря асфальт, необходимый для выделки мумий.

Стратег Антигона Афиней с отрядом в 4 тыс. пехоты и 600 всадников незаметно приблизился к набатейской столице Петре, разграбил ее, захватил запасы благовоний и пряностей, 500 талантов серебра и поспешно ушел подальше от разгромленного города. Но в то время как солдаты Афинея не ожидали неприятеля, арабы напали на их лагерь, перебили почти всех воинов, забрали свои богатства и укрылись в Петре [Диод., XIX, 97].

Вторичное вторжение в земли набатеев совершил Деметрий, подписавший с арабами мир на условиях дани в 700 верблюдов и права добывать асфальт у Мертвого моря [33]. Но как только македоняне ушли, набатейцы уничтожили всех посланных Антигоном для добычи асфальта людей и нарушили мирный договор [Диод., XIX, 100]. Так безрезультатно закончился поход в земли набатеев, южных соседей Сирии. Добиться безусловной покорности арабов Антигон не смог: приход Селевка в Вавилон и захват им Персиды, Сузианы и Мидии срочно потребовали переброски основных сил на Восток.

Поход Деметрия с 20-тысячным войском на Вавилон не дал практических результатов. Удержать в своей власти сатрапию он не сумел [Плут., Деметрий, 7], но вывез оттуда богатую добычу, предав огню и мечу селения, храмы, запасы продовольствия. Вавилонские клинописные хроники того времени сообщают о великом плаче и стенаниях в стране [34]. Столкновения между гарнизонами Антигона и силами Селевка продолжались в Вавилонии вплоть до 307 г. до н. э.

Не добившись особых преимуществ, враждующие стороны пошли в 311 г. до н. э. на заключение мирного договора. В рассказе Диодора о перипетиях борьбы преемников Александра в этом месте имеется пробел, поэтому неясно, какие события непосредственно предшествовали заключению мира.

Мирный договор 311 г. до н. э. не внес существенных изменений в расстановку сил. Каждый из сатрапов подтвердил свое право на те владения, которые имел. Кассандр остался правителем Европы, Птолемей — Египта, а также пограничных земель Ливии и Аравии, Лисимах — Фракии, Антигон — Азии. О Селевке ничего не было сказано, так как Антигон не считал его законным претендентом на Вавилонию, с ним еще долго шел торг за обладание районами Передней Азии. Но главным пунктом договора было признание «свободы и автономии эллинских полисов» [Диод., XIX, 105]. По этой причине Антигон издал манифест, экземпляр которого, обращенный к малоазийскому городу Скепсису, сохранился:

«...мы заботились о свободе эллинов, ради которой делали немалые уступки и к тому же роздали деньги, и по этому поводу послали Эсхила с Демархом. Прежде чем достигнуто было соглашение на этот счет, мы участвовали во встрече на Геллеспонте (в 313—312 гг. до н. э.— *Авт.*) и, если бы кое-кто не помешал, все было бы завершено тогда. Ныне же, когда Кассандр и Птолемей стали поговаривать о мире и к нам явились по этому поводу Препелай и Аристодем, то хотя мы видели, что некоторые из требований Кассандра слишком тягостны, но, поскольку дело шло о соглашении насчет греков, мы нашли необходимым не обратить внимания на это, чтобы возможно скорее уладить главное. Ведь мы считали важнее всего все устроить для эллинов, как мы хотели, а если бы все это затягивалось, при затяжке иногда случается много неожиданного, а нам желательно было, чтобы все касающееся эллинов было улажено при нашей жизни; мы поэтому полагали, что не следует из-за мелочей рисковать устройством дела в целом. А сколько мы приложили в этом деле старания, ясно будет, я думаю, и вам и всем другим из самого содержания соглашения. Когда мы уже завершили соглашение с Кассандром и Лисимахом, для чего они послали уполномоченного Препелая, к нам прислал послов Птолемей, прося заключить мир и с ним и вписать его в то же соглашение. Мы видели, что нам приходится немало поступиться своим честолюбием, ради которого мы перенесли немало забот и потратили много денег; к тому же тогда уже с Кассандром и Лисимахом мы договорились, и дальнейшие переговоры были уже легче. Но, понимая, что если наладить и с ним (т. е. с Птолемеем), то скорее будет покончено с Полисперхонтом, поскольку никого не останется в союзе с ним, а также принимая во внимание мое родство с ним, вместе с тем видя, что вы и прочие союзники страдаете от военных действий и расходов, мы сочли правильным уступить и заключить мирный договор также с ним. Для заключения договора мы послали Аристодема, Эсхила и Гегесия; они вернулись, получив гарантии, а от Птолемея

прибыло посольство во главе с Аристобулом, чтобы получить от нас. Итак, знайте, что соглашение достигнуто и наступил мир. Мы записали в соглашении, что все эллины принесут клятву, что взаимно будут охранять свободу друг друга и автономию, предполагая, что, пока мы живы, мы, поскольку это зависит от человеческих расчетов, будем это соблюдать, а на будущее время, если все эллины и стоящие у власти обяжутся клятвой, свобода эллинов станет более прочной» [35].

Манифест Антигона — образец дипломатической хитрости и политического расчета. Расписывая свои уступки и потери, которые якобы ему пришлось понести ради «мира и свободы» греков, Антигон слишком сгустил краски. На самом деле он не поступился ни одним владением в Азии, а что касается Греции, то Кассандр и Птолемей общими усилиями смогли установить контроль над значительной территорией: Афины сохраняли нейтралитет, из Фив союзники изгнали македонский гарнизон, ввели войска в города Фокиды и осадили Опунт. Понятно, что не уступки со стороны Антигона привели к подписанию мира, а безуспешность усилий враждующих сторон, нуждавшихся хотя бы в кратковременной передышке.

Почему преемники Александра придавали такое большое значение «свободе и автономии эллинских полисов»? По той причине, что диадохи основным принципом своей политики провозгласили защиту интересов эллинов как на Западе, так и на Востоке. Полностью отказавшись от намерений Александра Македонского иметь опору в восточной знати, его преемники на первое место выдвинули греков и македонян [36]. Вот почему лозунги «свободы и автономии» имели такое первостепенное значение для Греции и Востока. В Малой Азии, Финикии, Сирии было много городов с греческим населением, и, чтобы склонить его на свою сторону, Антигон выпустил манифест, провозгласивший особые права греко-македонских полисных общин, явившихся проводниками новой власти.

В. Тарн и М. Ростовцев отводят особое место договору 311 г. до н. э. как документу, способствовавшему установлению долгожданного мира между эллинами и возврату к полисно-автономной организации [37]. Но никто из преемников Александра и не собирался проводить в жизнь то, что было зафиксировано в мирном договоре. Цель документа состояла в том, чтобы создать благоприятный климат вокруг идеи «свободы и равенства» эллинских полисов. Этот лозунг имел широкий отклик в Греции и на Востоке, став идейным знаменем будущих царей эллинистического времени.

Птолемей первый нарушил мирный договор и вторгся в города Киликии под предлогом исполнения положения о «свободе и автономии», так как Антигон не убрал оттуда свои гарнизоны [Диод., XX, 19]. Проведя успешно эту операцию, Птолемей вскоре осадил Галикарнас. Однако на помощь гарнизону пришел Деметрий и отогнал отряды египетского сатрапа к Минду [Плут., Деметрий, 7].

О войне Селевка с Антигоном за обладание Вавилоном и Верхними сатрапиями источники сообщают очень скупо. Диодор называет Селевка повелителем Вавилона [XIX, 106]. Арриан пишет о помощи, оказанной Птолемеем Лагом Селевку Никатору воинами, посланными из Египта через безводную пустыню к Вавилону. Из-за страшной жары отряд мог продвигаться только ночами, везя с собой питьевую воду [Арр., Индия, 43, 4]. О сражении Антигона с Селевком имеется свидетельство Полиэна, подчеркивающего, что последний «без труда одержал победу» [IV,

9, 1]. Может быть, упоминаемый Аппианом Никефорий, город, основанный Селевком на Евфрате, есть именно то место, где произошла битва и был разгромлен Антигон [App., Syr., 57].

Из приведенных сообщений античных авторов можно сделать по крайней мере два вывода: Птолемей оказал помощь Селевку, и тот окончательно подчинил себе Вавилонию и Верхние сатрапии. Правда, Антигон имел все возможности получить их обратно, но происки Птолемея в Малой Азии и в Греции не позволили ему дольше задерживаться в этом регионе. События развивались так, что Антигон поспешил на запад — к Малой Азии и Геллеспонту. Усилия Антигона по привлечению на свою сторону кипрского царя Никокла увенчались успехом, между ними был заключен тайный договор. Но Птолемей, узнав о вероломстве кипрского царя, подослал к нему убийц и таким образом вернул Кипр в сферу египетского влияния [Диод., XX, 21; Пол., VIII, 48].

Кассандр заключил союз с Полисперхонтом, купив его за 100 талантов [Диод., XX, 28].

Усмирив фракийцев и покончив с враждой понтийских городов, более активно включился в борьбу диадохов Лисимах. Видя намерение Антигона перейти Геллеспонт, он основал на границе Кардии город Лисимахию, куда переселил многих кардийцев [Диод., XX, 29; Павс., I, 9, 10].

Птолемей, завершив захват Киклад и «освободив» Андрос, вступил в Истм. Сикион и Коринф перешли на его сторону. От пелопоннесских городов египетский сатрап потребовал денег и провианта в обмен на «свободу», но те медлили, уже не раз обманутые многообещающими лозунгами. В Афинах с нетерпением ожидали прихода Птолемея. Демократические группировки уже готовились к свержению олигархического правления Деметрия Фалерского, когда пришло известие, что Птолемей, формально подтвердив мир с Кассандром и оставив гарнизоны в Сикионе и Коринфе, покинул пределы Греции [Диод., XX, 37]. Успехи сицилийского тирана Агафокла, осадившего Карфаген, и отпадение Киренаы вынудили Птолемея вернуться в Египет и заняться упрочением своей власти в соседних землях. Незамедлительный поход в Кирену возвратил ее в руки египетского сатрапа [Павс., I, 6, 8].

Каковы были позиции враждующих сторон к 307 г. до н. э., когда Антигон, собрав все свои сухопутные и морские силы, двинулся в Европу «освобождать» Македонию и Грецию?

По территориальным приобретениям перевес был на стороне коалиции. Птолемей сохранял гегемонию в Эгейском море, упрочив свою власть на Кипре и Кикладах. Он владел также Коринфом, Сикионом, Мегарами. Кассандр распоряжался в Пелопоннесе и большей части Греции. Лисимах, упрочивший свою власть во Фракии, определял политику понтийских городов и Византия. Пожалуй, в худшем положении оказался Антигон, отчаянно боровшийся за утраченные земли в Малой Азии и Сирии. В Северной Сирии путем синойкизма нескольких поселений он основал Антигонию-на-Ороонте [Плиний, V, 33, § 124], которая позже разрослась и в некотором роде соперничала с Александрией Египетской.

Смирившись с потерей земель за Евфратом, Антигон укрепился в западной части Малой Азии и стал деятельно готовиться к европейскому походу.

Не успел Птолемей уйти из Греции, как объявился новый «освободитель» эллинов — Деметрий, прибывший в Пирей из Эфеса во главе эскадры в 250 кораблей. Не ожидавшие столь быстрых перемен Деметрий Фа-

лерский и гарнизоны Кассандра вышли навстречу «флоту Птолемея». Хитрый расчет Антигона, отправившего флот в Пирей, спутал все планы союзников, ожидавших его прихода через Фракию.

Как пишет Плутарх, друзья советовали Антигону вначале подчинить Афины — ключ ко всей Элладе [Плут., Деметрий, 8]. Он так и поступил, неожиданно высадившись в Пирее.

Деметрий, прибыв в Афины, заявил, что отец послал его с повелением освободить город, вернуть ему прежние законы и традиционный строй. Афинские демократы изгнали олигархов и отрешили от должности Деметрия Фалерского, бежавшего в Фивы, а позже — к Птолемею в Египет. Он больше не вернулся к политике, а увлекся филологией и созданием Александрийской библиотеки при материальной поддержке Птолемея[38]. Свергнутые афинские олигархи предстали перед судом и были казнены. Деметрий Фалерский заочно был приговорен к смерти [Диод., XX, 45].

Афины торжественно отметили возврат к демократическому правлению, издав специальный декрет в честь Ликурга Бутада, блестящего оратора и финансиста, соратника Демосфена, выдачи которого в период правления олигархов требовал Александр Македонский, получивший тогда категорический отказ [Диод., XVII, 15]. Изгнав македонские гарнизоны Кассандра, афиняне воздали должное защитнику демократических устоев полиса. Сохранилось два отрывка этой посвятительной надписи: один — из Агоры, другой — из театра Диониса:

«В архонтии Анаксикрата постановление демоса: предложение Стратокла, сына Эфтидима из демоса Диомия,— так как Ликург Ликофрона из демоса Бутадов унаследовал от своих предков связанную с его родом преданность демосу...»

«...Знаменитый город... достоин древней своей славы. Он (Ликург.— *Авт.*) закончил строительство, завершил сооружение арсенала, театра Диониса, Панафинейского стадиона, гимнасия Ликея и других построек, которыми изукрасился весь город.

Когда большой страх и опасность объяли греков, он сопротивлялся до конца, защищая свою родину от Александра. А когда Александр захватил Фивы и всю Азию и всю ойкумену завоевал, он остался безупречен и неподкупен в деле защиты своей родины и всех эллинов, предоставив для этого свое имущество и себя самого в борьбе за свободу и автономию полиса. А когда Александр потребовал его выдачи, демос не согласился и даже отказался от обсуждения этого требования, так как он много раз отчитывался в своей деятельности и правлении в свободном и демократическом полисе» [Ditt., Syll², 457; Syll³, 326].

Не случайно афинский демос принял декрет в честь Ликурга Бутада, ведавшего в течение 15 лет финансами полиса и проявившего себя с самой лучшей стороны. О нем также писал Плутарх в «Жизни десяти ораторов», причисляя Ликурга к самым ревностным борцам антимакедонской плеяды в последний период демократических Афин.

Но особых почестей удостоились Антигон и Деметрий, увенчанные золотыми венками как «боги-освободители». Кроме того, на истмийских празднествах 291 г. до н. э. был оглашен хвалебный гимн в честь Деметрия Полиоркета, приводимый Афинеем:

«Высшие из всех богов и возлюбленнейшие приближаются к этому городу, Деметра и Деметрий несут нам счастье. Они приходят, чтобы совершить у нас священные таинства Коры, и он, ясный, как прилично богу, прекрасный и улыбающийся, является вместе с нею. Какое торжественное

зрелище: друзья кругом, и в середине он сам. Друзья, как звезды, столпились кругом, и в середине он — солнце. О сын светлого бога, ты, сын Посейдона и Афродиты! Другие боги или далеко, или не имеют ушей, может быть, их совсем нет или они не смотрят на нас. Но тебя мы видим близко. Ты стоишь перед нами не каменный или деревянный, но телесный и живой. Так мы молим тебя: сотвори нам мир, о возлюбленный, ибо ты господин его. И этого сфинкса, который уже не одни Фивы, но всю Грецию держит в ужасе, сфинкса этолийского, который, сидя на скале, подобно древнему, похищает и уносит наши тела,— а я не могу защищаться — накажи его всего лучше сам ты, если же нет, то найди какого-нибудь Эдипа, чтобы он этого сфинкса низверг со скалы»[39].

Гимн в честь Деметрия Полиоркета показывает не только раболепие и заискивающий тон афинян, но и бессилие афинской демократии, уповавшей на нового завоевателя, от прихоти которого зависела судьба долгожданного мира.

Широковещательные заверения Деметрия о «возврате к демократическому строю», а также его заботы о благополучии афинян, в дар которым были присланы строевой лес для 100 триер и пшеница [Ditt., Syll[3], 334], окончательно убедили демос в самых лучших намерениях новоявленного «бога». В Афинах при непосредственном участии Стратокла, не раз критиковавшегося Демосфеном за неустойчивость политических взглядов, началась кампания славословия в честь Деметрия [Плут., Деметрий, 11—12]. Да и сам новый покровитель афинской демократии потерял рассудок от подхалимства [Плут., Деметрий, 13].

Диодор указывает, что Деметрий обладал незаурядной внешностью и был хорошего роста, чем смахивал на античного героя. А если к этому добавить неумеренную роскошь, которой он был окружен, станет понятным, почему иноземные послы обязательно хотели увидеть его. Деметрий имел большое самомнение и высокомерно относился не только к простым смертным, но и к другим царям. Все вечера он проводил в попойках, подражая в этом Вакху. А во время войн он был неплохим и смелым солдатом [Диод., XX, 92].

Но этот «освободитель Эллады» и не собирался ничего отвоевывать у Кассандра. Его вполне устраивала беззаботная жизнь в Афинах. Божеские почести и самопрославление, типичные для эллинистических царей, дали возможность Деметрию принять ряд постановлений: соорудить алтарь в свою честь и в честь Антигона, учредить две новые филы — Антигониду и Деметриаду, а также дионисийский праздник переименовать в Деметрии [Плут., Деметрий, 10; Павс., X, 10, 1].

И Плутарх и Диодор не одобряли такого поведения, считали Деметрия человеком неустойчивого характера, действовавшим по указке Антигона [Плут., Деметрий, 2; Диод., XX, 92]. Также Павсаний отмечал у Деметрия одну отцовскую черту — жажду захватов [I, 10, 1]. Человеком разнообразных талантов называет В. Тарн Деметрия, ставя ему в заслугу и освобождение Афин, и возврат к демократическому правлению[40]. По свидетельству Плутарха, афиняне так были благодарны Антигону и Деметрию, что в их честь приняли ряд постановлений[41].

Античные авторы не уточняют, почему Антигон ограничился захватом Афин и после этого предпринял поход на Кипр, находившийся под контролем коалиции в составе Птолемея, Кассандра и Лисимаха.

Повинуясь приказу Антигона, Деметрий в начале 306 г. до н. э. оставил Афины и с частью флота отплыл в Малую Азию [Диод., XX, 50]. В Киликии, увеличив количество боевых кораблей до 110, а транспортных

судов до 53, Деметрий подготовился к решающей битве с Птолемеем за Кипр [Диод., XX, 37].

Беспрепятственно достигнув Кипра, Деметрий высадил солдат в северо-восточной части острова и направил их к Саламину. Флот отплыл туда же. Морское сражение при Саламине с флотом Птолемея (200 кораблей) закончилось победой Деметрия. Гонец, отправленный к Антигону с вестью о победе, застал его у Оронта за постройкой Антигонии [Диод., XX, 17], главного города царства. Плутарх пишет, что, когда гонец увидел азиатского правителя, он воскликнул: «Радуйся, царь Антигон! Птолемей побежден, Кипр наш, 16 800 воинов взяты в плен». После этого друзья подошли к Антигону и надели ему на голову диадему. В письме к сыну Антигон начертал: «Царю Деметрию» [Плут., Деметрий, 18]. О принятии Антигоном и Деметрием царского титула после саламинской битвы сообщают также Диодор, Юстин, Аппиан[42]. Вскоре Птолемей, Лисимах и Кассандр сделали то же самое. Через год Селевк провозгласил себя царем. Так, 306 год до н. э. завершил формальный распад державы Александра на три царства: Птолемеев, Антигонидов, Селевкидов. Но междоусобные войны не прекратились, только военные действия из Греции переместились в Азию[43].

Утратив Кипр, Птолемей готовился к ответному удару, а Антигон обдумывал план захвата Египта. Основной удар Антигон намеревался нанести по Пелузию, блокировав египетскую крепость.

Антигон повел сухопутное войско от Оронта через Келесирию и Газу к египетской границе. Выработанный им план предусматривал одновременную атаку Пелузия с суши и моря. Но штормовая погода нанесла существенный урон эскадре, которой командовал Деметрий, а перейти протоки Нила у Пелузия не представлялось возможным, так как сторожевые посты Птолемея держали переправы под контролем [Диод., XX, 76].

Время шло, армия Антигона стояла в бездействии, а Птолемей не имел намерения вступать в открытый бой с противником. В войске Антигона начался ропот, не хватало продовольствия и воды. Антигону пришлось отдать приказ к отступлению и возвратиться в Сирию [Диод., XX, 76; Плут., Деметрий, 19]. Возможно, что неудачный поход в Египет побудил Антигона начать осаду Родоса для ослабления позиций Птолемея в средиземноморской торговле.

По Диодору, во времена Александра на Родосе стоял македонский гарнизон [XVIII, 8], но после смерти царя родосцы изгнали его [XX, 81]. Нейтралитет острова в распрях преемников Александра обеспечил ему процветание торговли с Египтом, Аравией, Индией. Полибий, поклонник аристократического правления родосцев, писал, что уже в 306 г. до н. э. Родос заключил торговый союз с Римом. Вне сомнения, обладание Родосом дало бы Антигону ряд особых преимуществ в делах Средиземноморья.

Летом 305 г. до н. э. Деметрий с 40-тысячным войском осадил г. Родос. В свою армию он привлек с близлежащих островов наемников, ранее занимавшихся морским разбоем [Диод., XX, 83].

Родосцы тщательно подготовились к обороне, вооружив 6 тыс. граждан, 1 тыс. метеков и рабов, которым была обещана свобода [Диод., XX, 84]. Осада Родоса длилась целый год, но, несмотря на применение новейшей осадной машины — гелеполы, Деметрий не смог взять город, получавший некоторую материальную помощь от Птолемея, Лисимаха и Кассандра [Диод., XX, 81—82, 91—92].

Затянувшаяся осада Родоса позволила Кассандру активизировать

свою деятельность в Греции, поэтому Антигон предложил сыну как можно быстрее подписать мир с родосцами и поспешить в Элладу. Мир оставил в неприкосновенности самостоятельность родосцев и их право свободной торговли. Союз с Деметрием и Антигоном не требовал от них разрыва дружественных связей с Птолемеем. В качестве залога верности Антигон потребовал от родосцев 100 заложников [Диод., XX, 99].

Родосцы торжественно отпраздновали победу над Антигоном, соорудив в честь Кассандра и Лисимаха статуи; Птолемея они назвали «Сотером» и воздвигли в его честь алтарь [Диод., XX, 100; Афиней, XV, 696].

За время отсутствия Деметрия в Греции Кассандр заключил союз с Беотией, ввел свои гарнизоны в Халкиду и Эритрею, а затем начал осаду Афин [Плут., Деметрий, 23]. Приставший у берегов Авлиды флот Деметрия высадил войско, вытеснившее гарнизоны Кассандра из Халкиды. Кассандр не стал более осаждать Афины, а через Фивы отошел к Фермопилам для защиты македонского тыла. Так Деметрий вернул в Греции то, что утратил за время своего отсутствия.

Не довольствуясь достигнутыми рубежами, Деметрий двинулся в Пелопоннес «освобождать» эллинские полисы. Сначала он взял Сикион (гарнизон Птолемея бежал), срыл город до основания, а его жителей переселил в новый — Деметриаду [Диод., XX, 102; Павс., II, 7]. Вскоре пал и Коринф [Диод., XX, 103].

Деметрий вернулся в Афины победителем. По дороге в город его встречали с божескими почестями и коленопреклоненные люди исполняли в честь Деметрия хвалебный пеан [Плут., Деметрий, 34; Афиней, VI, 253; XV, 697].

«Освободив» большую часть Греции, Деметрий созвал представителей эллинских городов в Коринф для обновления договора 338—337 гг. до н. э. На съезде он предложил избрать себя гегемоном греков. Там же было решено предпринять поход в Македонию [Плут., Деметрий, 25].

Предчувствуя неизбежность военного столкновения с превосходящими силами Деметрия, Кассандр обратился к Антигону с предложением мира, но получил отказ [Диод., XX, 106]. Следующий демарш он предпринял в сторону союзников (Лисимах, Птолемей, Селевк), доказывая необходимость начать военные действия в Малой Азии против Антигона во избежание вторжения Деметрия в Македонию [Юстин, XV, 2, 15].

Примкнув к союзникам, Кассандр бо́льшую часть войск под командованием Препелая передал Лисимаху для переброски в Азию, а сам во главе 30 тыс. воинов преградил Фермопильское ущелье в ожидании подхода Деметрия [Диод., XX, 110]. Но Деметрий избрал другой путь: из Афин он переправился на Эвбею и берегом Пагаситского залива устремился во Фракию. Кассандр также поспешил во Фракию, но ни одна из враждующих сторон не начинала активных действий, видимо ожидая известий о положении в Азии [Диод., XX, 113].

Растущее могущество Селевка, утвердившегося в Восточных сатрапиях, беспокоило Антигона, но война на западе забирала все людские и материальные ресурсы. А Селевк тем временем расширял свои владения: кроме Вавилонии он уже владел Сузианой, Персидой, Бактрией и претендовал на Индию.

После смерти Александра Чандрагупта выступил инициатором борьбы против греков и македонян и побудил индийцев к смене правления [Юстин, XV, 4, 18]. В эту борьбу включился и Эвдем, остававшийся последним греческим правителем после убийства сатрапа Филиппа. Приняв сторону Чандрагупты, он (возможно, по указке последнего) убил Пора

[Диод., XIX, 14]. Поскольку со смертью Александра антимакедонские настроения в Индии усилились, Эвдему небезопасно было оставаться в Пенджабе, и он, захватив боевых слонов, навсегда ушел из Индии". Потом он попал в руки Антигона и был казнен. Сатрапа в Индию больше не посылали, а междоусобная вражда Чандрагупты и Нанда привела туда Селевка.

Подробности похода не дошли до нас, но известно, что Селевк заключил мирный договор с Чандрагуптой, признал его право на Пенджаб, а также на восточные области Гедросии, Арахозии и Паропамиса, получив взамен 500 боевых слонов [Страб., XV, 724; App., Syr., 55]. Похоже, что Селевк избегал конфликтов с восточными соседями. «Уладив дела на востоке», он двинулся на запад против Антигона [Юстин, XV, 4].

Принятое в исторической литературе мнение о покорении Индии Селевком и о взимании дани с нее не подтверждается источниками. Напротив, Плутарх пишет о могуществе Чандрагупты, который с войском в 600 тыс. человек прошел всю Индию [Алекс., 62]. Свидетельство Аппиана о том, что границы царства Селевка достигали наибольших размеров после Александра [App., Syr., 55], дает повод многим западным авторам превозносить подвиги Селевка и сравнивать его с македонским завоевателем. Однако слова Аппиана не позволяют делать столь смелые выводы: Антигон постоянно угрожал владениям Селевка, поэтому тот не мог рассчитывать на приобретение северо-западных провинций Индии. Дружба и родственные связи с Чандрагуптой вполне его устраивали.

Селевк горячо отозвался на предложение Кассандра выступить единым фронтом против Антигона и нанести ему решающий удар в Малой Азии, где его власть стабилизировалась.

Летом 302 г. до н. э. Лисимах перешел через Геллеспонт, вторгся в Геллеспонтскую Фригию и осадил Абидос. Стратег Кассандра Препелай начал покорение Эолиды и Ионии. Взяв Эфес, Препелай освободил там родосских заложников Деметрия [Диод., XX, 107] и пошел в Лидию к Сардам. К тому времени Лисимах уже достиг Фригии.

Антигон, находившийся в Сирии и не ожидавший появления армий Кассандра и Лисимаха в Малой Азии, двинулся в Киликию. В Тарсе он выплатил трехмесячное жалованье войску, а затем устремился во Фригию на поиски Лисимаха. Антигон рассчитывал еще до прихода Селевка и Кассандра покончить с Лисимахом. Но Лисимах трижды ускользал от преследователя и, укрывшись в Вифинии, стал поджидать Селевка [Диод., XX, 109; Страб., XII, 565].

В это время Антигон, видя энергичные действия союзников со всех сторон (Птолемей высадился в Келесирии и осадил Сидон, а Селевк перешел Тигр), вызвал из Греции Деметрия [Плут., Деметрий, 28].

Пока враждующие стороны ожидали подхода подкреплений и вынужденно бездействовали, Гераклея Понтийская перешла на сторону коалиции, оказав существенную помощь союзникам [Диод., XX, 109].

Высадившийся в Эфесе Деметрий вернул городу прежнее правление, изгнал гарнизон Кассандра и очистил от неприятеля побережье Геллеспонта и Пропонтиды. В одной из стычек с союзниками Деметрий отбил обозы Лисимаха [Пол., IV, 12, 1].

Поздней осенью по бездорожью Селевк привел войско в Каппадокию и расположился там на зимние квартиры (302 г. до н. э.). К весне 301 г. до н. э. в Малой Азии у Ипса (Фригийского) сосредоточились вражеские армии: Деметрий соединился с Антигоном, а Селевк — с Лисимахом (из источников неясно, как это произошло). Численность враждующих сторон

была почти равной, только по числу слонов войско Селевка и Лисимаха почти в четыре раза превышало силы Антигона [Плут., Деметрий, 28].

Битву при Ипсе начали конные отряды Деметрия. Они атаковали фланги Селевка, которые дрогнули и отступили. Увлекшись погоней, Деметрий ушел далеко вперед, оторвавшись от основных сил. В эту брешь Селевк двинул слонов, отрезавших конницу Деметрия. Селевк и Лисимах тут же окружили фалангу Антигона и стали сжимать кольцо охвата. Фалангиты, не выдержав атаки, побежали; Антигон, оставленный всеми, пал, сраженный вражеской стрелой [Плут., Деметрий, 29]. Войско Антигона было полностью разгромлено, а Деметрий с отрядом конницы бежал в Эфес [Плут., Деметрий, 30].

Так закончил свой жизненный путь 85-летний полководец Александра, прилагавший в течение 20 лет отчаянные усилия сохранить в целости мировую державу и безжалостно устранявший со своего пути всех, кто противился его воле. Но никакой военный талант не был в состоянии сдержать процесс распада. Попытка Антигона оказалась столь же несостоятельной, как и усилия Эвмена. Распад шел своим чередом, несмотря на отчаянное противодействие ему Полисперхонта в Европе и Антигона в Азии.

Причины неудач Антигона Плутарх объясняет моральными факторами, его властным, не терпящим возражений характером: «Если бы Антигон пошел на уступки в малом и обуздал свое чрезмерное властолюбие, он удержал бы все в своих руках и передал бы в наследие сыну сильную державу, но, гордый и надменный от природы и резкий, грубый в словах и поступках, он восстановил против себя многих молодых и могущественных людей» [Деметрий, 28]. Именно в духе плутарховских установок некоторые авторы (В. Тарн, Г. Димитракос и др.) расценивают деятельность Антигона, не сумевшего справиться со своей задачей [45].

Битва при Ипсе была проиграна Антигоном из-за несогласованности действий фаланги и конницы Деметрия, которая, увлекшись атакой, оторвалась от основных сил и была смята слонами Селевка [46]. Цари-победители, пишет Плутарх, как живую плоть, кинулись раздирать бывшие владения Антигона, отхватывая себе куски побольше и присоединяя их к своим землям [Деметрий, 30].

Итак, вопрос о жизнеспособности державы Александра был решен отрицательно: единой монархии пришел конец, мировая империя распалась на отдельные эллинистические царства [47]. Азиатские владения Антигона поделили между собой Селевк и Лисимах, основные участники битвы при Ипсе, хотя некоторые земли в Финикии (Тир, Сидон) и Малой Азии (Эфес, Милет) остались в руках Деметрия [Плут., Деметрий, 32].

Аппиан сообщает, что Селевк получил господство над Сирией по эту сторону Евфрата до самого моря и над Фригией до ее половины. Он также владел Месопотамией, Арменией, Каппадокией [App., Syr. 55]. Лисимах захватил бóльшую часть Малой Азии: Фригию Геллеспонтскую, другую половину Великой Фригии до Тавра, Гераклею Понтийскую, Вифинию, Пафлагонию и Понт. Птолемей, не принимавший участия в битве при Ипсе, самовольно овладел Сирией и Палестиной [Диод., XX, 113]. Это были земли, отошедшие по договору к Селевку, но поначалу он не возражал против их оккупации Птолемеем, видимо помня прошлое покровительство египетского сатрапа во время его преследования Антигоном. Кассандр сохранил за собой Македонию и некоторые владения в Греции. О Полисперхонте источники больше ничего не сообщают, с этого времени он уже нигде более не упоминается.

Первый этап борьбы претендентов за власть после смерти Александра закончился битвой при Ипсе, которая начисто отмела идею сохранения в целости наследия македонского царя. Большинство участников двадцатилетнего кровавого торга ушли из жизни, но оставшиеся в живых не прекратили борьбу за власть, за расширение сфер влияния. «...Но союзники,— пишет Юстин,— окончив войну, снова обратились к междоусобию и, не достигнув согласия в разделе добычи, опять разделились на две стороны»]XV, 4].

После Ипса у коалиции в составе Птолемея, Лисимаха, Кассандра и Селевка остался один противник — Деметрий, но соперничество каждого из членов союза, их вражда и недоверие друг к другу помешали им выступить единым фронтом против сына Антигона.

Растущее могущество Селевка и самовольный захват Птолемеем части его владений вели к неизбежному конфликту между ними [Диод., XXI, 1, 5]. Союз четырех бывших сподвижников Александра распался, ибо их интересы стали несовместимыми. Птолемей заключил союз с Лисимахом и выдал за него свою дочь Арсиною [Плут., Пирр, 4], а Селевк скрепил узы дружбы с бывшим врагом, Деметрием, женившись на его дочери Стратонике [Плут., Деметрий, 31]. Военное противостояние в Азии готово было перерасти в открытый конфликт, но смерть Кассандра (297 г. до н. э.) переместила центр вражды в Македонию и Грецию.

Античная историография с неприязнью относилась к Кассандру, коварному и расчетливому, чье имя связывали с отравлением Александра. В позднеантичной литературе Кассандра считали «самым безбожным среди царей», выступивших против Антигона, так как благодаря покровительству последнего он смог удержаться в Македонии, но, несмотря на это, пошел войной против своего благодетеля [Павс., I, 6, 7].

После Ипса Афины изменили союзу с Деметрием и изгнали из полиса правителя Стратокла. Нейтралитет афинской демократии тут же поспешили признать Кассандр и Лисимах, приславшие в дар афинянам 10 тыс. медимнов пшеницы [CIG, II, 314]. Греческие города нарушили решения Коринфского союза и изгнали гарнизоны Деметрия. Беотия и Аргос отложились первыми.

Во главе Афин стал демократический деятель Лахар — «ужасный тиран», как его называли Плутарх и Павсаний [Плут., Деметрий, 34; Павс., I, 27, 7]. Свои усилия он направил на оборону полиса и создание боеспособного войска, введя систему добровольной службы в народном ополчении взамен обязательной воинской повинности. Вследствие нехватки средств на оборону и вооружение Лахар конфисковал все храмовые сокровища и даже снял золотое покрывало с богини Афины[48]. Поспешная подготовка афинян к войне не была напрасной: Деметрий уже владел Элевсином и Рамнундой, откуда совершал опустошительные набеги на Аттику [Павс., I, 25, 7].

Как только Деметрий овладел Пиреем [Пол., IV, 7, 5], он приступил к осаде Афин. Афиняне не собирались капитулировать, и даже было принято решение: «Пусть погибнет тот, кто предлагает перемирие» [Плут., Деметрий, 34]. Но силы были неравными, а флот Птолемея, посланный к берегам Аттики с продовольствием для афинян, вернулся ни с чем в Египет: 300 кораблей Деметрия стояли у Эгины, образуя мощный заслон. Теряя последние силы и терпя голод, афиняне сдались, а Лахар спасся бегством в Беотию [Плут., Деметрий, 34; Пол., IV, 7, 1].

Деметрий великодушно простил «заблуждения» афинян, пообещал прислать продовольствие, за что был встречен криками ликования. А один

из олигархов, Дромоклид, даже предложил преподнести Деметрию в дар Мунихий и Пирей [Плут., Деметрий, 34; Павс., I, 25, 6]. Но Деметрий не нуждался в подобном даре — его гарнизоны стояли в этих пунктах. Начав с провозглашения «свободы и демократии», Деметрий, оперевшись на олигархов, покончил с демократическим правлением и ввел систему строгого подчинения.

Утвердившись в Афинах и Пирее, Деметрий распространил свое влияние на Пелопоннес, а победоносная война со Спартой отдала в его руки всю Элладу [Плут., Деметрий, 35]. Но по мере успехов в Греции он терял то, чем обладал в Азии. Лисимах захватил Эфес, переименовав город в Арсиною [Страб., XIV, 640]. Селевк взял Киликию, Птолемей — Кипр (кроме Саламина) и Милет.

Деметрий настолько ушел в европейские дела, что утрата азиатских владений не огорчала его. Он стремился в Македонию, где после смерти Кассандра вспыхнула борьба за власть между его сыновьями. Ловко используя их вражду и камуфлируя свои планы, Деметрий устранил одного претендента на македонский трон и заставил другого бежать под защиту Лисимаха [Плут., Деметрий, 36]. Так 294 год до н. э. принес Деметрию долгожданное обладание Македонией.

Понятно, что Лисимаха беспокоили дела в Македонии и упрочение там Деметрия, но затянувшаяся война с придунайскими гетами [Диод., XXI, 11] отнимала все силы. Лисимах вынужден был пойти на заключение мира с Деметрием [Юстин, XVI, 1, 19].

Почувствовав свою силу и использовав пленение Лисимаха гетами, Деметрий начал захватывать фракийские земли [Плут., Деметрий, 39]. Благополучное возвращение Лисимаха из плена положило этому конец [Диод., XXI, 12; Страб., VII, 302].

Уходом Деметрия из Греции воспользовался Пирр, царь эпирский, предпринявший попытку изгнать македонские гарнизоны. Потерпев неудачу во Фракии, Деметрий без особого труда восстановил свою власть в Беотии, овладел Фивами и в Кадмее оставил гарнизон [Плут., Деметрий, 46]. Владея Македонией и Грецией, Деметрий приступил к подготовке азиатского похода: на верфях Пирея, Коринфа, Халкидики и Пеллы строили 500 быстроходных кораблей, начался набор стотысячного войска [Плут., Деметрий, 43].

Передав управление в Европе своему сыну Антигону, Деметрий отплыл в Милет, откуда предпринял вылазки в Лидию и Карию и даже сделал попытку овладеть Сардами. Пожалуй, этим и кончились успешные действия Деметрия в Малой Азии: Агафокл, сын Лисимаха, преградил ему путь, тогда он поспешил во Фригию, но Агафокл не оставлял его в покое. Деметрий вторгся в Киликию, владения Селевка, грабя, сжигая и чиня расправы на своем пути. «Политический авантюризм» Деметрия Полиоркета[49] логически завел его в тупик: войско перешло на сторону Селевка, а сам он очутился в плену [Плут., Деметрий, 49].

Селевк не решился умертвить тестя, видимо думая в дальнейшем использовать его в своих целях. Находясь в почетном плену в Апамее-на-Оронте, Деметрий не верил в возвращение в Македонию и писал Антигону, что передает ему все европейские владения [Плут., Деметрий, 51]. Через три года разгульной жизни Деметрий умер и был погребен с почестями в основанной им самим фессалийской Деметриаде [Плут., Деметрий, 53].

И. Дройзен считал Деметрия самой яркой звездой смутного времени эпохи диадохов. Трагедия его заключалась в том, что он носился с призрачной идеей целостности державы Александра, отчаянно пытаясь сохра-

нить Грецию и Македонию и вместе с тем не упуская из виду Восток[50]. Несколько иначе оценивает деятельность Деметрия Г. Димитракос[51]. Он считал его «поборником демократии и защитником эллинских свобод», стремившимся сохранить и приумножить наследие отца и добиться создания великой державы от Греции и Македонии до Армении и Индии. Однако решение подобной задачи было не под силу ни Антигону, ни тем более Деметрию. Желание античных авторов объяснить неудачи Антигона и Деметрия моральной деградацией (Антигон властолюбив, а Деметрий — человек минутного настроения и расточителен) не вскрывает сути беспредметных усилий того и другого. Как бы то ни было, но Антигон ценой невероятных усилий удерживал под своей властью Малую Азию на протяжении более 20 лет. А Деметрий не имел сколько-нибудь прочных владений: как только он оставлял завоеванные земли, они сбрасывали его господство.

В описании Плутарха Деметрий не лишен черт античного героя: он храбр, решителен, любим войском, в меру нагл, что позволяет херонейскому биографу сравнить его с Антонием. Разумеется, не стоит придавать исключительного значения плутарховским характеристикам и пытаться на их основании создать подлинный исторический облик Деметрия. Для Плутарха было важно доказательство тезиса о содружестве греков и римлян в рамках Римской империи, поэтому историческая правда отступала у него на задний план[52].

По Диодору, Деметрий не столько блистательный полководец и политический деятель, сколько легкомысленный человек, не сумевший сохранить даже того, что оставил ему отец [Диод., XX, 92]. В историческую литературу он вошел под именем «Полиоркета» — мастера осады городов, заняв подобающее ему место среди первых эллинистических царей, каждый из которых с завидным упорством отстаивал свое право на существование.

Со смертью Деметрия появились новые претенденты на власть в Македонии. Вначале Македонию захватил Пирр, царь эпирский, несмотря на ранее заключенный с Деметрием договор [Плут., Пирр, 12]. Но, как пишет Павсаний, Пирр был царем Македонии не более семи месяцев [I, 10, 2].

Заключив мирный договор с Антигоном Гонатом, сыном Деметрия, владевшим городами в Греции и Фессалии, Пирр готовился к отражению натиска Лисимаха. Сражение под Эдессой принесло победу Лисимаху, Пирр утратил Македонию, а Антигон потерял Фессалию, кроме Деметриады [Плут., Пирр, 12; Павс., I, 10, 2].

Обладание Македонией имело роковые последствия для Лисимаха. Селевк, его бывший союзник, обратился в недруга и стал предъявлять претензии на македонское царство.

Сведения о столкновении Лисимаха и Селевка в Малой Азии очень отрывочны и восходят к свидетельствам позднеантичных авторов Полиэна и Павсания. Причиной войны между ними послужило восстание эллинских городов Малой Азии, на усмирение которых Лисимах пришел из Фракии [Павс., I, 10, 5]. Возможно, что во многих греческих малоазийских городах были сторонники Селевка, которые подняли знамя восстания [Пол., VIII, 57].

Селевк и Лисимах встретились в сражении у Коры (Курупедион), не то в Лидии, не то во Фригии (App., Syr., 62], где последний пал в бою[53]. Лисимах владел Фракией не менее 40 лет, если считать то время, когда он был сатрапом, но царствовал он с большими трудностями, постоянно усмиряя фракийцев и воюя с соседями [App., Syr., 64]. Селевк пережил

Ритон из слоновой кости. Ниса. Государственный Эрмитаж

Лисимаха только на семь месяцев [Юстин, XVII, 2]. Он был убит при переходе через Геллеспонт сыном Птолемея Лага Керавном, лишенным отцом права престолонаследия в пользу младшего сына от любимой жены Береники. Пустившись в странствия в поисках счастья, Птолемей Керавн в 281 г. до н. э. стал ненадолго царем Македонии.

В 283 г. до н. э. умер глубоким стариком Птолемей Лаг. В 281 г. до н. э. ушло из жизни первое поколение преемников македонского царя, оспаривавших долгих 40 лет власть над Македонией, Грецией, Востоком. К тому времени держава Александра окончательно распалась на три круп-

ные части: Египет, Македонию и царство Селевкидов. Кроме того, на окраинах бывшей державы Александра происходил процесс «дезинтеграции» — выделение небольших независимых территорий, управляемых местными царьками или отложившимися греко-македонскими сатрапами[54].

На территории Каппадокии, завоеванной после Александра Эвменом и Пердиккой, возникли два независимых государства: Каппадокия (южная) под управлением местного династа Ариарата и Каппадокия Понтийская (на севере), позднее — Понт, под властью Митридата, отпрыска дома Ахеменидов, отложившаяся после гибели Лисимаха (281 г. до н. э.). Из владений Лисимаха выделилась также Вифиния, во главе которой стал местный правитель Зибоет (297 г. до н. э.). Подобным же образом произошло отложение Пергама в Эолиде (262 г. до н. э.), правитель которого Филетэр считался союзником Лисимаха, а после его гибели принял сторону Селевка.

В далеких восточных сатрапиях, вошедших в состав владений Селевкидов, также наблюдался процесс разложения. Судя по источникам, наместник Бактрии Диодот формально признал власть Селевка, но фактически отложился, добавив к своим владениям Сузиану и Маргиану. Позже (в 250 г. до н. э.) Диодот провозгласил себя царем греко-бактрийского царства.

На территории парфянской сатрапии наметились контуры будущего царства Аршакидов, объединившего скифские и дакские племена. Правда, образование самостоятельного парфянского царства хронологически (248—247 гг. до н. э.) совпадает со временем образования греко-бактрийского царства, но первые признаки отпадения наметились уже после смерти Александра.

Нечто подобное происходило и в Индии: Чандрагупта вышел победителем из борьбы с царями Нандов и стал самым могущественным правителем северной части страны[55]. Независимость Чандрагупты была признана Селевком, а индийский царь прислал в дар союзнику необычные снадобья [Афиней, I, 18].

Процесс сложения отдельных государств на развалинах державы Александра не был окончен ко времени ухода из жизни первого поколения эллинистических царей. За 40 лет после Александра еще только наметились контуры основных эллинистических государств — Египта, царства Селевкидов и царства Антигонидов, причем и при следующем поколении преемников (эпигонах) ни одно из них не имело четких границ. Подобно диадохам, эпигоны много воевали, оспаривая друг у друга Эгеиду, города Финикии и Малой Азии. Процесс становления государственности, начатый походами Александра Македонского на Восток, продолжался в течение не одного поколения преемников македонского царя, пока окончательно не образовался ряд самостоятельных царств, обладавших специфическими чертами на фоне общих закономерностей эллинизма. Характерно, что в ведущих эллинистических государствах правящие династии были греко-македонского происхождения, и даже там, где царствовали представители местных родов вроде Митридата Понтийского или Никомеда Вифинийского, подражание всему греческому стало нормой. Вот почему античные авторы всех их называли «филэллинами» — приверженцами греческой образованности. Это внешнее восприятие эллинской культуры послужило исходным пунктом для всех западных концепций о неоспоримом превосходстве греческого духа, пленившего Восток. Эллинистическая культура, перешагнувшая рамки своего времени, создала иллюзию, что главное в эллинизме — духовные ценности, а не социально-экономический

базис. Подобное заблуждение типично для многих исследователей. Отсюда проистекает мнение об особой «культурной миссии» Александра Македонского[56]. Модернизируя античность, некоторые историки приходят к выводу, что ведущей чертой древности были войны, оборонительные для греков и македонян и завоевательные со стороны Персии. По этой причине поход Александра Македонского расценивается как оборонительная война с тенденцией к империализму, что способствовало культурному расцвету покоренных народов. Подобного мнения придерживается, в частности, французский исследователь П. Жуге[57]. Однако эту точку зрения нельзя признать чем-то оригинальным и новым. Схожие мысли можно обнаружить еще в труде И. Дройзена, считавшего движущим началом античной истории силу македонского оружия, помноженную на эллинскую образованность, особая роль которой признавалась на «коснеющем в ограниченных пределах» Востоке[58].

Александр Македонский отважился на восточный поход вовсе не ради просвещения «варваров», а по причине экстенсивного развития рабства и кризиса эллинского полиса[59]. И Греция и Македония в равной мере нуждались в денежных средствах, рабах, новых землях, рынках сбыта. Все это дал восточный поход, снявший на время проблему «перенаселения» Эллады (на что неоднократно указывали Платон и Исократ) и обогативший правящий слой греков и македонян.

Награбленные на Востоке богатства рекой потекли в Македонию и Грецию, но не смогли сдержать процесс обнищания «средних слоев», их пауперизацию. Наиболее динамичные силы греческого населения покинули родину и устремились на Восток в поисках счастья. Отлив части населения из страны в античное время никогда не считался признаком процветания. Но отдельные историки (М. Ростовцев, Ю. Белох и др.) с завидным постоянством отстаивают мнение о благополучии Греции и Афин при первых преемниках Александра, выдвигая в качестве основного довода рост богатства отдельных граждан и исчезновение «средних слоев»[60].

Нет сомнения, что греческая экономика в связи с восточным походом несколько оживилась. Но не следует этому факту придавать доминирующее значение. Обогащение наиболее зажиточной части эллинских олигархов и отлив населения из Греции не сняли кризисных явлений полиса, не устранили классовых антагонизмов. Эти процессы, несколько стушевавшиеся на время походов Александра Македонского и первого поколения его преемников, обрели вновь свою остроту в конце III — начале II в. до н. э. Так, о своем времени (II в. до н. э.) Полибий писал, что запустение деревень и падение национального дохода стали угрожающими [XXXVII, 9]. Дальнейшее развитие рабства, приток дешевой рабочей силы — рабов — ускорили процесс обнищания беднейших граждан и превращения их в массу обездоленных. По свидетельству того же историка, к концу III в. до н. э. значительно возросло количество незанятого населения, жившего за счет государственных раздач и пособий [Полиб., XX, 6]. Пауперизация граждан эллинских городов, не выдержавших конкуренции с дешевым рабским трудом, вела к выступлениям неимущих слоев населения, что к концу III в. до н. э. стало обычным явлением [Полиб., XV, 21, 7—8].

Только социально-экономический анализ жизни древнегреческого общества способен вскрыть причины гибели рабовладельческой демократии. Они крылись не в инертности ее лидеров, погрязших в демагогии и неспособных повести за собой массы, а в рабстве, оживившем вначале

эллинскую экономику, а позже заведшем в тупик рабовладельческий класс в целом[61].

Правда, социальные выступления неимущих относятся к периоду второго поколения преемников Александра, но нет сомнения в том, что этот процесс подспудно зрел раньше[62]. Характерно, что Плутарх в биографии Деметрия Полиоркета подчеркивает, что в его правление в Македонии «население находилось в постоянном беспокойстве и охотно склонялось к мятежам» [Деметрий, 42].

Но нет надобности впадать в другую крайность и объяснять угасание Греции и Македонии при преемниках Александра бурным ростом городов на Востоке. Ни Греция, ни Македония не утратили своего значения вплоть до римского завоевания, оставаясь центрами культуры и источником наемной силы для эллинистических царей. Не случайно преемники Александра всеми средствами старались упрочить свое влияние в Элладе, заигрывая с ее правящим классом и делая ему подачки. После «освобождения» Афин от власти Кассандра Деметрий Полиоркет прислал в дар городу пшеницу и строевой лес [Плут., Деметрий, 10]. А восстановление Кассандром Фив (316 г. до н. э.), разрушенных Александром, было организовано как общеэллинское дело, и взносы на это поступали от греческих полисов не только Запада, но и Востока [Ditt., Syll[3], 337].

Перед историком, который изучает период Александра и его преемников, встает важный вопрос о сходстве и различии политики македонского завоевателя и эллинистических царей, вытекающих из тех задач, которые они ставили перед собой[63]. Античные авторы настойчиво подчеркивают, что преемники Александра всецело следовали его политике насаждения «свободных и автономных полисов» и привнесения эллинского духа на Восток. Однако традиционный взгляд на преемников Александра как на прямых продолжателей политики македонского царя требует пересмотра. При сравнении Александра с его преемниками видно больше различий, чем сходства.

Преемники продолжили дело, начатое Александром[64], но исходили из более конкретных и насущных задач греко-восточных монархий, базирующихся на эллино-македонском элементе. Идея «единомыслия» Запада и Востока, настойчиво проводившаяся в жизнь Александром (на что не раз указывали античные историки), не была продолжена его преемниками. Они пошли иным путем, и в его выборе немаловажную роль сыграли выступления греческих колонистов в Согдиане и Бактрии, Арахозии и Дрангиане, во многих основанных Александром городах, где эллины на правах победителей требовали особых привилегий. Опасность внутреннего взрыва не только со стороны покоренных народов, но и со стороны соотечественников заставила эллинистических царей отказаться от основания городов и поселений смешанного типа и вернуться (конечно, в изменившихся условиях) к созданию замкнутых полисных греко-македонских коллективов. Исходя из интересов греков и македонян, эллинистические цари всячески подчеркивали приверженность к эллинству, уважение и следование греческим нормам жизни. Показное «филэллинство» не мешало им осуществлять полную власть в греческих полисах, ставить по собственному усмотрению там гарнизоны, поддерживать то демократов, то олигархов, смотря по обстоятельствам.

Кассандр, Лисимах, Птолемей полностью следовали этому правилу, а Антигон, ратовавший вначале за свободу эллинских полисов, кончил их подчинением.

Диодор пишет, что с завоеванных земель Антигон получал еже-

годный доход в 11 тыс. талантов [XIX, 56]. Эвмен также постоянно требовал с населения «союзных» полисов Малой Азии денег, а когда однажды эолийские города отказали ему в этом, он отдал приказ разграбить их как вражеские [Юстин, XIV, 1, 6]. Обложение городов непомерной данью практиковал и Селевк [OGIS, 221]. Продолжительная тяжба Кассандра и Деметрия за обладание Грецией требовала огромных затрат, поэтому никто из диадохов Александра не стеснялся обирать население завоеванных полисов «вопреки эллинским обычаям» [Диод., XVIII, 59]. По этой причине города стремились получить от царей асилии («охранные грамоты»), гарантирующие их неприкосновенность[65]. Но если город даже имел асилию от какого-либо из царей, то другие с ней не считались. Хвалебное постановление Самофракия в честь Лисимаха указывает на то, что город был начисто ограблен пиратами [Ditt., Syll³, 372]. Между прочим, Лисимах снискал славу самого искусного сборщика налогов, намного превзойдя в этом других царей[66].

Процесс развития экономики, ликвидации прежней замкнутости, создания новой культуры не прекратился со смертью Александра. Это выразилось в градостроительстве, синойкизме и создании колоний на Востоке, осуществляемых преемниками македонского царя. Все эллинистические правители первого поколения: Птолемей, Антигон, Лисимах, Кассандр, Деметрий, Селевк — строили новые города, переименовывали старые или соединяли несколько поселений в одно (синойкизм).

Синойкизм не был чисто эллинистическим явлением. Он существовал и в классической Греции, где путем слияния нескольких поселений образовывался городской центр — первый шаг от варварства к цивилизации. Так, описывая создание Мегалополя, Павсаний говорит о насильственном объединении более чем 40 поселений [VIII, 27]. Но эллинистический синойкизм обладал рядом специфических черт и свидетельствовал не столько о начале цивилизации, сколько об отказе эллинских городов Востока от изоляции, их слиянии с местным населением, дальнейшем развитии городской жизни, росте ремесла, торговли, изменении положения сельской хоры, органически связанной с городом[67].

Античная традиция указывает на широкую градостроительную деятельность первых преемников Александра на Востоке. При этом не всегда речь шла о создании нового города, даже переименование старого, туземного города в греческий считалось основанием. Города, созданные на Востоке преемниками Александра, широко представлены нумизматическим материалом.

Наибольшее число городов основал Селевк, которого в этом смысле сравнивают с Александром. Сведения о градостроительной деятельности Селевка восходят к единственному указанию Аппиана: «Селевк на всем протяжении своего царства построил города: шестнадцать Антиохий по имени своего отца, пять Лаодикей в честь матери, девять Селевкий по своему имени, три Апамеи и одну Стратоникею в память своих жен. Остальным городам он дал имена греческих или македонских городов, названия в честь своих подвигов или подвигов Александра. Поэтому в Сирии и варварских землях Верхней Азии встречается много названий эллинских и македонских городов: Бероя, Эдесса, Перинф, Маронея, Каллиполь, Ахайя, Пелла, Ороп, Амфиполь, Арефуза, Астак, Тегея, Халкида, Ларисса, Герея, Аполлония; в Парфии: Сотира, Каллиопа, Харида, Гекатомпил, Ахайя, Александрополь; в Скифии: Александрашата; в память побед Селевка: Никефорий в Месопотамии и Никополь в Армении, близ Каппадокии» [App., Syr., 57].

Как видно из перечня Аппиана, количество городов, основанных Селевком (55), лишь ненамного уступает числу поселений, созданных по приказу Александра (70), как это дает Плутарх [О счастье или доблести..., А, 5][68]. К сожалению, Аппиан, подобно Плинию, автор довольно путаный и не всегда можно доверять его сообщениям. Свидетельства Страбона не подтверждают такого большого количества греческих городов на Востоке.

Преемники Александра широко практиковали предоставление восточным городам автономных прав и самостоятельного монетного чекана, хотя и не освобождали их от уплаты налогов в царскую казну. Полисная организация городов Востока, насаждаемая преемниками Александра в угоду греко-македонскому правящему меньшинству, предусматривала существование органов самоуправления (демос, буле) с обязательным подчинением через эпистат центральной власти. Даже право выпуска собственной монеты (признак самостоятельности) не давало полису свободы внешних сношений. Интересно, что сам Селевк так и понимал дарованную городам свободу: «Всегда справедливо то, что установил царь» [App., Syr., 61]. Поэтому, несмотря на привилегии, которыми обладали города, на сохранение ими традиционных установлений, они довольствовались фиктивной свободой, являясь в то же время основой эллинистических монархий.

Селевк основал ряд городов в Северной Сирии, которой долгое время владел Антигон и в которой осело много македонских ветеранов [Дион Кассий, XL, 29]. По сообщению Диодора, Селевк разрушил ранее основанную Антигонию и выстроил новый город, назвав его в честь отца Антиохией-на-Оронте [XX, 48]. Этот город, избранный Селевком для столицы царства [Страб., XVI, 750], в дальнейшем достиг небывалого расцвета и играл ведущую роль в торговле Востока с Западом, соперничая с египетской Александрией[69].

В среднем течении Оронта Селевк выстроил Апамею в честь своей жены Апамы [Страб., XVI, 750], а в устье — Селевкию в Пиерии [Страб., XVI, 749, 751], большой торговый город [Полиб., V, 60].

В Месопотамии, между Тигром и Евфратом, Селевк также заложил несколько городов. Прежний туземный город Дура получил новое название — Европос [Полиб., V, 52, 2], а Фапсак у переправы на Евфрате стали называть Амфиполем [App., Syr., 57]. На Тигре, ниже современного Багдада, Селевк основал Селевкию, куда переселил жителей Вавилона [Страб., XVI, 738; Павс., I, 16, 3; App., Syr., 58]. Сузы на Эвлее были переименованы в Селевкию [Страб., XVI, 744].

В Центральной Азии, в стратегически важных пунктах, для сдерживания выступлений местных племен Селевк заложил несколько городов: Европос-Раги и Апамею у Каспийских ворот [Страб., XI, 524], Гекатомпил в Парфии [Курц., VII, 2], а в Персиде — еще одну Антиохию и Лаодикею [Страб., XI, 514, 524; Плиний, VI, 115]. В отношении Мидии имеется указание Полибия, что она была «окружена множеством эллинских городов» [X, 27].

Илион, превращенный Александром из деревни в город и освобожденный от податей [Страб., XIII, 593], был укрупнен Лисимахом, который там соорудил храм, обнес город стеной длиной в 40 стадий и соединил с ним окрестные древние поселения, пришедшие в упадок, т. е. применил синойкизм.

Таким же образом действовал и Антигон, создавший поблизости от Илиона на морском берегу Антигонию, соединив в ней жителей Скепсиса

и Кебрена. Позже, в правление Лисимаха, город получил название Александрии Троады, так как Лисимах считал долгом уважения к Александру, чтобы его наследники сначала основывали города, называя их его именем и только потом — своим [Страб., XIII, 593].

Укрепленный и передвинутый ближе к морю Лисимахом Эфес стал называться Арсиноей [Страб., XIV, 640]; туда были переселены жители Колофона и Лебедоса [Павс., I, 9, 7]; в позднеэллинистическое время Страбон упоминает Лебедос как малолюдный город [XIV, 629].

Амастрида-на-Понте была создана путем синойкизма четырех городов — Сезама, Котира, Кромны и Тия [Страб., XII, 544].

В Македонии и Греции преемники Александра также основывали новые города. Кассандр в лагуне Фермейского залива построил Фессалонику, для чего соединил 26 мелких поселений [Страб., VII, fr. 21], отстроил заново Фивы [Ditt., Syll³, 317].

Деметрий, сын Антигона, построил Деметриаду [Плут., Деметрий, 53] и расширил в Аркадии Мегалополь, образованный в доэллинистическое время, через принудительный синойкизм более чем 40 поселений [Павс., VIII, 27].

С именем Птолемея Лага античная традиция связывает строительство лишь одного города в Верхнем Египте — Птолемаиды. Постоянная борьба за владения на Кикладах, в Финикии, Малой Азии и Сирии обязывала Птолемея строить там города — опорные пункты влияния. Поэтому с именами эллинистических царей Египта связывают строительство 34 городов во внешних владениях. Города, названные в честь Птолемеев или их царственных жен, встречаются на Кипре, в Финикии, в Сирии.

Островной союз Киклад принял почетный декрет в честь Птолемея (280 г. до н. э.), который «освободил» города, вернул им прежние законы, уменьшил денежные взносы [Ditt., Syll³, 390]. А Милет, зависимый от Египта, в надписях называется союзником Птолемея [RC, 14, 8], хотя это не означает автономии полиса.

Все преемники Александра действовали однотипно, предоставляя городам формальную автономию, урезанную эпистатом. Эпистат засвидетельствован в Вавилоне [OGIS, 254], Селевкии-на-Тигре [Полиб., V, 48], в Милете. Но ограниченность системы самоуправления не воспринималась как нарушение полисного статуса: все крупные эллинистические города издавали декреты от имени полиса. Новым здесь была преодоленная автаркия города и существование постоянной связи с центральной властью царства.

Античная историография указывает на рост и процветание этих «полунезависимых» восточных городов, имевших органы самоуправления для македоно-греческого правящего меньшинства. Крупнейший на Востоке полис Селевкия-на-Тигре [Страб., XVI, 738; App., Syr., 58] имел герусию, или совет трехсот [Афиней, XI, 466a].

Все же первенство по значению и богатству среди эллинистических городов Востока принадлежало Александрии Египетской, игравшей ведущую роль вплоть до гибели античного общества. Традиционно Александрия считалась полисом, хотя, судя по источникам, не имела буле. В городе было пестрое по составу население, характерное для всех эллинистических городов Востока. Может быть, поэтому Полибий называл александрийских греков метисами [XXXIV, 14, 4].

До сих пор в исторической литературе не решен вопрос, была ли Александрия Египетская полисом или собранием политевм. Археологические раскопки не привели к обнаружению эллинистического культурного

слоя, самым ранним оказался римский. Поэтому об эллинистической Александрии можно судить в основном по сообщениям Страбона [XVII, 791, 795, 801].

Начатое Александром строительство города продолжил Птолемей Лаг, создавший в Александрии Мусейон и Библиотеку, средоточие всего лучшего, чем располагал эллинистический мир.

Для организации городов на Востоке преемники Александра использовали полисную структуру и синойкизм — явления, характерные для классической Греции. Но принятие полисной формы на Востоке не означало ее повторения в классическом варианте. Полис Востока — это не замкнутый, автаркный город-государство, независимый во внешних сношениях. Эллинистический город, сохранивший некоторые стороны внутреннего самоуправления, непосредственно включался в систему восточных монархий, став проводником государственных отношений.

У некоторых авторов древневосточное общество рассматривается как феодальное. Подобное заблуждение происходит оттого, что отдельные представители немарксистской историографии, отрицая понятие общественно-экономических формаций, не рассматривают данное общество с точки зрения социально-экономических характеристик, а предпочитают брать отдельные группы второстепенных явлений (труд, ремесло, торговля, налоги, аренда), не дающих полного представления о периоде в целом [70]. Так, исходя из явлений второго порядка, они видят на Востоке феодализм, а в античном обществе — капитализм [71]; при этом они указывают на наличие феодальных отношений в Малой Азии еще в доэллинистический период [72]. Обычно в подтверждение этой мысли приводят свидетельство Плутарха в биографии Эвмена о том, что, «пообещав солдатам выплатить жалованье в течение трех дней, Эвмен стал распродавать им находившиеся в этой области поместья и крепости, полные рабов и скота. Покупатель — начальник македонского или иноземного отряда, получив от Эвмена военные машины, осаждал и захватывал свою покупку» [Эвмен, 8].

О древневосточном городе Ф. Энгельс писал, что он, «окружающий своими каменными стенами, башнями и зубчатыми парапетами каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен» [73]. Поскольку в сообщении Плутарха указывается на наличие рабов и стад скота, в этих варварских древневосточных поселениях уже произошло разделение труда. Но традиционное общинное землепользование существовало на Востоке и в эллинистическую эпоху.

Ранние формы восточного рабовладения получают в период эллинизма дальнейшее развитие, направленное на получение большей прибавочной стоимости. Этот процесс перехода к более развитым формам рабства побуждал Александра и его преемников строить новые города, объединять старые и присоединять к ним участки царской земли, с которой крестьяне-общинники платили подать в казну [74]. Ряд надписей более позднего периода эллинизма подтверждают существование общинного землепользования на Востоке [RC, 8, 19, 20]. Поэтому уместно подчеркнуть, что поход греков и македонян на Восток способствовал там переходу от натурального хозяйства к товарному, что продолжалось и при преемниках Александра.

При диадохах возрастает роль средиземноморской торговли и соответственно значение новых крупных центров — Александрии, Антиохии, Родоса.

Страбон указывал, что ни один город Востока не мог сравниться по

своему богатству и значению с Родосом [XIV, 652—655]. Описывая свое время, Полибий отмечал, что нельзя не подивиться быстроте, с какой умножалось состояние отдельных родосских граждан и целого государства [V, 90, 3—4]. То обстоятельство, что правившие Родосом олигархи старались избегать внутренних смут и в случае крайней необходимости могли даже вооружить рабов, вызвало похвалу Диона Хрисостома [XXXI, 70].

В период эллинизма Родос стал центром международной торговли и кредита. По этой причине преемники Александра постоянно оспаривали друг у друга власть над островом. Неудачная осада Родоса Деметрием, сыном Антигона, и помощь, оказанная родосцам Египтом, привели город к союзу с Птолемеем Лагом, прозванным в почетном декрете «Спасителем» [Павс., I, 8, 6]. Союз Египта и Родоса окончательно подорвал македонское могущество в средиземноморской торговле. В услугах Родоса нуждались все эллинистические цари, заинтересованные в торговле, рабах, кредитах и свободе мореплавания. Недаром в восстановлении Родоса после землетрясения 225 г. до н. э. приняли участие все эллинистические правители и богатые города [Полиб., V, 88; Диод., XXVI, 8].

Во II в. до н. э. на Родосе появляются знаменитые философские и риторические школы, связанные с именами Панетия и Посидония, оказавших исключительное влияние на позднеэллинистический и римский мир. Достаточно указать, что под влиянием стоического платонизма Посидония находились Страбон и Плутарх. А родосский морской закон просуществовал вплоть до римских времен и, возможно, был воспринят Византией и Венецией [Дигесты, XIV, 2].

О жизни эллинистических городов раннего периода почти ничего не известно. Собирая по крупицам все, что имеется в научном обиходе, исследователи вынуждены прибегать к ретроспективному методу, используя сообщения позднеэллинистических авторов (Страбона, Плиния) применительно к начальному периоду.

Единственным в своем роде эпиграфическим памятником раннего эллинизма можно считать закон илионцев, относящийся к III в. до н. э. (около 280 г.), ко времени гибели Лисимаха и переходу его владений к Селевку [Ditt., Syll ^{3}, 218].

Закон илионцев — не только документ, показывающий возрождение демократии (видимо, в правление Лисимаха там была олигархия, против которой он принципиально не возражал), но и подлинный свидетель жизни раннеэллинистического полиса. Он свидетельствует о решимости восстановленной демократии бороться до конца. Поэтому свержение олигархии и убийство тирана — высший подвиг для гражданина полиса. Ведь греческая мифология бережно сохранила предание о гибели у стен Трои Патрокла и Ахилла, мужественно боровшихся против вероломного Гектора. Герои Троянской войны были глубоко почитаемы древними греками. Не случайно Александр, высадившись на побережье Малой Азии. прежде всего посетил развалины древней Трои [Арр., I, 12, 1; Плут., Алекс., 15].

Тому, кто убьет тирана, гласит закон, благодарные илионцы выдадут денежное вознаграждение и назначат пожизненное содержание в Пританее, а также соорудят в его честь бронзовый монумент. Для чужеземца, убившего тирана, предусматривалось аналогичное вознаграждение, а также право получения гражданства и вхождения в любую филу города. А убийство тирана рабом давало ему свободу, гражданские права и несколько меньшее вознаграждение.

Далее закон подробно говорит о конфискации имущества бывших тиранов и о вознаграждении демократией жертв олигархического правления (к сожалению, от этого пункта сохранился незначительный, сильно попорченный фрагмент). Если же бывший союзник тиранов сам уничтожит олигархию, то граждане простят ему заблуждения и он получит денежное вознаграждение. А если кто-либо навяжет свою волю буле, пытаясь выдать олигархию за демократию, то он понесет серьезное наказание как приспешник аристократического правления. Даже имена вождей олигархии, высеченные на почетных стелах, демократия уничтожает, чтобы ничто не напоминало об их правлении. И наоборот, особо выделяет тех, кто способствовал ее восстановлению личным участием или денежными средствами, и высекает их имена на почетных стелах.

Но, несмотря на весь пафос гражданских установлений полиса, чувствуется неуверенность правивших в нем демократов и возможность свержения демократического правления, ибо закон постоянно ссылается на «период демократии илионцев».

Закон илионцев — страница реальной жизни эллинистического полиса Малой Азии в конце III в. до н. э. Приверженность граждан полиса демократическим установлениям весьма сильна. Как и в классический период, полисная организация — лучший образец объединения граждан в коллективы. Сходство эллинистического и классического полисов явное, но вместе с тем чисто внешнее. Эллинистический полис — это уже не город-государство классической Греции, проводящий независимую политику во внутренних и внешних делах. Эллинистический полис (что подтверждается законом илионцев) воспринял лишь организационную структуру классического города-государства — деление граждан на филы, наличие буле и демоса, но одновременно имел смешанное греко-восточное население и обязательно — эпистат, непосредственно зависевший от царской власти.

Но даже при весьма ограниченном самоуправлении эллинистический полис имел исключительное значение для своего времени: он не был замкнутым и способствовал более тесному сближению греков и македонян с народами Востока.

Кроме эллинистических городов на Востоке было основано множество поселений греко-македонских колонистов, получивших в селевкидской Азии название катекий. Бывшие греко-македонские наемники получали земельные наделы и селились в стратегически важных пунктах: на пересечениях караванных путей, у речных переправ, в устьях рек. Очень часто катекии организовывались по роду войск — были поселения всадников, пехотинцев, пращников. Обычно военные поселения связывают с Александром или Антигоном I, которые их создавали для удержания завоеванных территорий.

При преемниках Александра, всячески поощрявших градостроительство, многие катекии приобрели статус и значение полиса. Так, поселение колонистов Накраса в Лидии при Селевке стало полисом; об этом сообщает эпиграфический памятник времен императора Адриана, где указывается на существование в городе демоса и буле (OGIS, 268).

Докимей во Фригии, ранее называвшийся Синнадой, прежде был поселением и принадлежал Лисимаху [Диод., XX, 107]. А позднеэллинистические монеты Докимея указывают на наличие в городе буле, т. е. полисной организации.

Антиохия в Писидии также выросла из военного поселения, организованного около туземного городка [Страб., XII, 577], и имела статус

полиса [75]. Интересна также эволюция каппадокийской Евсевии. Страбон пишет, что туземное поселение Мазака, соединившись с греко-македонской колонией, стало Тианом [XII, 537]. О Тиане сообщает позднеэллинистический греческий автор с Лемноса Филострат II, написавший увлекательный философский роман о странствиях пифагорейского проповедника Аполлония Тианского, где, в частности, говорится о переименовании Тиана в Евсевию и о распространении греческого языка (κοινή) в Каппадокии даже во II в. н. э. [Vit. Apoll., I, 4; I, 7]. Карры в Месопотамии считались македонской колонией, где происходили ежегодные осенние ярмарки, на которые стекались товары из Индии и страны серов [Аммиан Марцеллин, XIV, 3, 3].

Иногда катекии организовывались в городской черте. Так, колония в Магнесии-на-Сипиле вклинилась в городские владения, защищенные крепостной стеной (OGIS, 229). В этом случае можно говорить о смешанном поселении — города и катекии одновременно.

Расширение торговли и развитие товарно-денежных отношений способствовали распространению языка κοινή на далекие окраины бывшей державы Александра. Язык κοινή стал межгосударственным, им можно было пользоваться от Египта до Индии, включая восточные окраины — Парфию и Бактрию. К сожалению, историческая наука не располагает эпиграфическими памятниками этих регионов, но монеты всех парфянских и греко-бактрийских царей эллинистического времени имели греческие легенды.

Во время раскопок в 60-е годы городища Ай-Ханум (на территории бывшей Южной Бактрии), проводившихся французской археологической экспедицией, были обнаружены остатки эллинистического города, но они не дали ожидаемой эпиграфики. Все же французский археолог Бернар отождествляет Ай-Ханум с одной из александровских Александрий-на-Оксе [76]. Пока единственным эпиграфическим памятником эллинистического Востока остается билингва императора Ашоки из Кандагара [77], написанная по-арамейски и на κοινή. Содержание эдикта чисто индийское — буддийская проповедь благочестия и почтения. Памятник датируется 255 г. до н. э.

Толкование этой надписи вызвало в исторической литературе долгие споры. Отдельные исследователи, исходящие из культурных задач эллинизма, подчеркивали то обстоятельство, что эллинский дух и образованность существовали даже на далекой индийской окраине, связывая с этим наличие эллинских городов в Кандагаре, имевших универсальную полисную организацию. Но такие выводы более чем смелы. Кандагарский эдикт Ашоки в его греческом варианте обращается с проповедью буддизма к греко-эллинизированной части населения провинции, о политическом статусе которого, судя по надписи, мы ничего сказать не можем. Логическим выводом по тексту билингвы может быть только то, что Ашока проявлял веротерпимость и проповедовал этические нормы, стоявшие как бы над религиозными воззрениями различных этнических групп. Даже те скудные сведения, которые имеются в распоряжении исследователя, указывают на широкое распространение культуры эллинизма и языка κοινή, намного переживших свое время.

Но самым главным в эллинизме была его социально-экономическая основа, базирующаяся на рабском труде. Отрицать рабство — значит не понимать сути явлений данной эпохи, являющихся как бы производным от главного — рабовладельческой структуры эллинистических государств.

Античная историческая традиция (Арриан, Плутарх, Страбон.

Павсаний, Диодор, Юстин) почти не осветила проблему рабства в эллинистическую эпоху. Этот аспект мало интересовал древних авторов, писавших военно-политическую историю царей и царств и воспринимавших рабство как данность. Если судить по литературным произведениям эллинистических авторов (Менандр, Филемон, Дифил, Филиппид), то рабство было чисто формальным, необременительным и часто рабы были не менее зажиточны и образованны, чем их хозяева. Подобное освещение рабства в литературных источниках отражает не действительное положение раба, а взгляды правящего класса рабовладельческого строя.

Скупые, отрывочные сообщения античных историков показывают, что рабство в эллинистический период становилось всеобъемлющим явлением. Плутарх пишет, что Александр обратил в рабов 30 тыс. фиванцев [Алекс., 11], а Диодор к этому добавляет, что, продав их, македонский царь выручил 440 талантов серебра [XVII, 14, 4]. В Малой Азии всех, кто оказал сопротивление, Александр обратил в рабов [Диод., XVII, 22, 5]. Плененные при Гранике эллинские воины также стали рабами, их отправили на тяжелые работы в Македонию [App., I, 16, 6]. Взяв Тир, Александр все население превратил в рабов, не пожалев женщин и детей [Диод, XVII, 46, 4; App., II, 24, 5]. То же самое произошло при взятии Газы: все мужчины были перебиты, а женщины и дети угнаны в рабство [App., II, 27, 7]. При завоевании Восточных сатрапий Александр 40 тыс. человек сделал рабами [App., IV, 25, 4]. Даже во время индийского похода Александр обращал в рабов индийцев, оказывавших ему сопротивление [App., VI, 7, 3; Диод., XVII, 102]. Так рисуют античные историки состояние проблемы рабства на начальном этапе эллинизма.

Не подлежит сомнению, что рост рабовладения сопровождался увеличением эксплуатации этой самой многочисленной и бесправной части населения античности.

В Коринфском договоре «равноправных членов» 338 г. до н. э., заключенном Филиппом Македонским и греческими городами, содержался важный пункт, предусматривавший подавление всякого движения низов за отмену долгов, раздел земель, конфискацию частной собственности или освобождение рабов [Ditt., Syll [3], 260]. Этот договор, впоследствии обновленный Деметрием Полиоркетом (303 г. до н. э.), указывал также на важность пункта о подавлении выступлений неимущих [SEG, I, 75].

Мы не располагаем данными о развитии института рабства в рассматриваемый период, но все же кое-какие сведения на этот счет имеются. В конце III в. до н. э. на Хиосе зафиксировано восстание рабов [Афиней, 265], а позже — ряд волнений среди неимущих граждан на островах Эгейского моря [OGIS, 43; IG, XI, 4] и движение бедняков в Кассандрии под руководством Аполлодора [279 г. до н. э.] [78]. Нарастание протеста социальных низов и рабов привело к широким выступлениям в Спарте (Агис, Клеомен, Набис), о чем довольно подробно писали Полибий и Ливий [Полиб., IX, 17, 4; XIII, 6; XXIV, 7, 3; Ливий, XXXIV, 30; XLII, 4], изобразившие черными красками деятельность демократических группировок.

О развитии рабства и связанных с ним выступлениях неимущих свидетельствует и разработка вопроса об освобождении рабов в позднеэллинистический период. Манумиссии — явление обычное для периода позднего эллинизма. Оно отражено во многих эпиграфических памятниках Греции и Востока [70]. Поэтому не надо упускать из виду, что ведущей чертой эллинизма оставалось рабство со всеми его пороками.

Золотая чаша. Бактрия. III в. до н. э. Государственный Эрмитаж

Бесспорен факт развития рабовладельческих хозяйств Греции и Македонии в период эллинизма, расширение их производственной базы. Но некоторое оживление греческой экономики носило временный характер, а отлив неимущего населения на Восток не решил проблему внутреннего кризиса. Греция так и не смогла преодолеть свою замкнутость и разобщенность, что явилось одной из причин ее скорого завоевания Римом.

* * *

Мировая держава Александра не выдержала испытания временем, ибо для этого не было ни экономических, ни политических предпосылок. Проведение в жизнь идеи «единомыслия» также оказалось несостоятельным, не увенчалось успехом и стремление создать единый народ «эллиноперсов», хотя отдельные исследователи считают, что лишь ранняя смерть помешала Александру довершить задуманное [80]. Но начатое Александром развитие торговли и обмена на всей территории державы было с успехом продолжено его преемниками. Основанные на Востоке города стали центрами торговли и ремесла, способствуя тем самым развитию товарно-денежных отношений. Маркс писал, что «в Коринфе и других греческих городах Европы и Малой Азии развитие торговли сопровождалось высоким развитием промыслов» [81].

Эллинистические полисы Востока стали также центрами развитой городской жизни и культуры. Преемники Александра отказались от опоры на местный элемент, основой их царства были полунезависимые города с преобладающим греко-македонским и эллинизированным местным населением. Подобная политика полностью отвечала интересам правящей греко-македонской верхушки эллинистических монархий. По словам Дио-

дора, Селевк считал, что является владыкой всего приобретенного [XXI, 1, 5].

Подобные установки политики эллинистических царей не способствовали более тесному сближению между народами. Основная масса населения Востока пассивно относилась к новым порядкам, не извлекая из них никаких выгод. Поэтому можно сказать, что эллинизм затронул лишь городские слои населения, по преимуществу зажиточные, оставив неизменным положение сельской хоры. По этой причине уже во втором поколении преемников Александра отмечались выступления неимущих и стремление отдельных территорий отложиться от центральной власти (Пергам, Иудея, Парфия, Бактрия). Правда, экономические интересы и рост производительных сил обеспечивали политическое единство эллинистических государств, но это единство не было органическим, основанным на прочной социально-экономической базе, и в этом была слабость эллинизма.

Расширение торговли и обмена способствовало изысканию новых караванных и морских путей. Конечно, войны и династические распри отнимали много сил у преемников Александра, но эллинистические цари продолжили его дело поисков новых торговых путей.

Селевк I Никатор уже широко пользовался Персидским заливом, организовав на его берегах колонии и стоянки флота [Полиб., XIII, 9, 5]. Были налажены торговые связи с арабскими племенами Аравии, откуда ввозились пряности и благовония [Плиний, VI, 152]. Видимо, во времена Селевка I и его сына Антиоха была снаряжена экспедиция Патрокла для обследования берегов Каспийского моря и для поисков северного пути в Индию [Страб., XI, 508], поскольку Гирканское море древние считали заливом Внешнего Океана. Экспедиция Патрокла из Милии Атропатены обследовала южную часть Каспия и пришла к выводу о соединении его с Океаном, охватывающим по периферии всю Землю. Отныне утвердилось мнение, что Океан омывает северное подножие Гималаев и находится недалеко от Яксарта [82]. Так было отвергнуто более раннее и верное свидетельство Геродота о Гирканском море как изолированном бассейне [83].

Основной артерией восточной торговли считался морской путь из Индии к Персидскому заливу и вверх по Тигру до Селевкии, открытый и исследованный Неархом, который за девять месяцев плавания из Индии достиг берегов Персидского залива.

Кроме морского пути из Индии существовал сухопутный, караванный, через Кандагар — Герат — Гекатомпил — Экбатаны — Селевкию [Страб., XV, 723]. Далее все товары везли вверх по Евфрату к Антиохии, используя переправу у Зевгмы, и оттуда через Тарс и Апамею к Эфесу, господствовавшему на Эгейском море. Не случайно Селевк и Птолемей не раз оспаривали друг у друга право обладания этим важным пунктом восточносредиземноморской торговли.

Иным путем в торговых отношениях с Индией пользовался Птолемей: сначала морем до сабейской Аданы (Южная Аравия) и далее караванами через Петру к Газе [Страб., XVI, 780—781], откуда товары направлялись к Александрии Египетской, Птолемаиде или финикийским городам [Полиб., V, 68—71].

По этим трем основным путям (морским и караванным) осуществлялась торговля Востока с Западом. Первые две торговые артерии удерживал Селевк, а самую южную — Птолемей, прибегший к услугам индийских мореходов и сабейских (арабских) купцов.

В связи с походами Александра, расширением торговли и использованием сокровищ Ахеменидов количество денег в обращении намного возросло. Денежная единица Александра — драхма (равная аттической) получила распространение почти на всей территории державы. Ею пользовались в Греции, Македонии, на Востоке, за исключением финикийских городов, чеканивших свою монету. Финикийский монетный эталон был воспринят Египтом при Птолемее I и Родосом.

Увеличение количества денег в обращении требовало роста добычи драгоценных металлов, поэтому стали интенсивнее разрабатываться старые рудники и осваиваться новые. В пору эллинизма Македония еще имела достаточное количество серебра, добываемого в рудниках Лавриона и у горы Пангей [Страб., IX, 399; VII, 34; Exc. ed.]. Имелось и золото, но в значительно меньшем количестве [Страб., XIV, 680].

Золотые запасы Малой Азии и Индии к тому времени были уже исчерпаны, а новые, в Кармании и Бактрии, недостаточно исследованы. По этой причине македонская монетная система основывалась на серебряном стандарте, а египетская при Птолемее I — на золотом. Огромные запасы золота, открытые в Нубии, начали разрабатываться при первых Птолемеях [Плиний, VI, 170]. Много золота в Средиземноморье привозили индийские купцы [Страб., XV, 700; Плиний, XXXIII, 66].

Кипр монопольно торговал медью, причем медная руда на острове разрабатывалась Птолемеями. Незначительные запасы медной руды имелись также на Эвбее [Страб., X, 447; XIV, 684]. Железо делали во многих местах, но лучшим считалось железо из Армении и Понта, привозившееся морем в Кизик [Страб., XII, 549]. Киноварь для изготовления пурпурной краски добывалась в Каппадокии и у Эфеса [Страб., XII, 562]. На добыче сандарака (сернистого мышьяка) работали только рабы, быстро погибавшие от заражения ядовитыми испарениями. Синопская киноварь Каппадокии имела славу самой лучшей [Страб., XII, 540].

Но самым важным предметом торговли была пшеница, которую постоянно ввозили Афины, Коринф, Делос, Киклады и города Ионии[84]. Она шла из Египта и Понта [Ditt., Syll², 75]; хлебные склады Понта находились на Родосе и Делосе [Полиб., XXVIII, 2, 5].

Вина производились повсюду, но лучшими считались сирийское и ионийское [Страб., XIII, 628]. Знаменитое мисийское вино по качеству не уступало ни одному из прославленных сортов. Ионийское вино Эфеса также имело большой спрос [Страб., XIII, 637]. Основную часть вина потребляли Александрия Египетская и Южная Аравия.

Традиционный экспортный товар Афин — оливковое масло — доходил до греческих колоний Понта Эвксинского Ольвии и Пантикапея. Киклады продавали мед, Византий — соленую рыбу, Вифиния — сыр [Страб., X, 489; XII, 549, 590].

Греция ввозила лес из Македонии [Ditt., Syll³, 334], а Египет использовал древесину с Кипра, из Ливана, из лесов Тавра в Киликии [Страб., XIV, 669].

Большим спросом пользовалась индийская корица (App., VI, 22, 5; Страб., XV, 695], а также ладан и мирра, добывавшиеся в Южной Аравии [PSI, VI, 628]. Торговля ладаном занимала особое место, так как он требовался при отправлении любых религиозных культов. При взятии Газы Александр захватил ладана на 500 талантов [Плут., Алекс., 25]. Вавилонский храм Бела потреблял ладана на 1 тыс. талантов в год [Герод., I, 183]. Переработкой этого ценного сырья занимались царские мастерские Александрии [Плиний, XII, 59].

Типичным для времени первых преемников Александра было установление единообразных форм государственной власти.

Несмотря на ограниченность полисной организации в эллинистических монархиях, новообразованные города Запада и Востока при диадохах переживали пору расцвета в связи с расширением торговли, становившейся международной и требовавшей большого количества товаров на экспорт. Обширные азиатские рынки стали основными потребителями традиционных товаров эллинского экспорта — оливкового масла, мраморных статуй, керамики, гончарных и ювелирных изделий. Восток вывозил на Запад пшеницу, ценные породы дерева, вино, ткани, пряности, слоновую кость. Ясно, что установление однотипных по структуре эллинистических государств, воспринявших александрову денежную единицу, способствовало сближению различных народов.

Появление в пору эллинизма новых, синкретических верований также указывало на влияние Востока. Боги классической Греции, удовлетворявшие религиозные запросы граждан автаркного полиса, в условиях эллинистических монархий теряли свое назначение и уступали место другим богам, более соответствующим условиям эллинистического мира [85].

Политика веротерпимости и уважения местных религиозных традиций, провозглашенная Александром, была продолжена его преемниками. Скорее всего, действовать подобным образом Александра вынуждал политический расчет. Арриан прямо пишет, что Александр хотел примирить греческих богов с восточными, принеся в Мемфисе жертвы Зевсу, Амону, священному быку египтян Апису [III, 1, 5]. Политика уважения восточных богов способствовала появлению их официального культа, причем многие ориентальные божества получили черты олимпийцев.

Благодаря походам Александра эллинский культ бога вина и веселья Диониса проник в Бактрию и Индию (северо-западную), в места, где произрастало много винограда и где дионисийские мистерии приобрели значение праздников урожая. Сцены дионисийского праздника широко представлены в орнаментации сосудов позднеэллинистической эпохи северной Бактрии и индийской Гандхары.

Официальный культ египетского Сераписа был учрежден Птолемеем I Лагом, привлекшим для этого сирийца Манефона из Гелиополя и Тимофея Элефсинского из Афин [Plut., De Is. et Os., 361f]. Уже выбор верховных жрецов Сераписа указывал, что новое божество в равной мере должно удовлетворять религиозные запросы египтян и греков. Так Серапис стал верховным богом эллинистического Египта. В его честь писались хвалебные гимны — пеаны, одним из авторов которых был Деметрий Фалерский.

Возможно, первое упоминание о культе Сераписа вне Египта относится к 308—306 гг. до н. э., о чем свидетельствует посвятительный декрет из Галикарнаса [OGIS, 16]. Синкретический Серапис (синтез Осириса и Зевса) быстро распространился в эгейском мире. Он почитался в Афинах [Ditt., Syll³, 280], Деметриаде, Херонее, Фессалонике [Ditt., Syll³, 165], на Делосе [IG, XI, 4]. Но самый большой успех выпал на долю египетской богини Исиды, жены и подруги Сераписа. Одна копия посвятительного гимна Исиде из Магнесии-на-Меандре воспроизводила текст стелы Мемфиса. Исида — богиня универсальная, ей подвластны законы Вселенной, людские судьбы и провидение [REG, 42, 137].

Поклонение Исиде не умаляло значения других местных богов. Продолжали существовать культы сирийской богини Атаргатис и древнеперсидской Анахит [Страб., XVI, 748]. В Афинах существовал храм (Метроон) фригийской Кибелы.

Но эллинизм не создал единой религии, для этого еще не было соответствующих условий. Он только наметил пути появления новых, синкретических верований, объединивших воедино религиозные воззрения Запада и Востока.

Многие историки считают деятельность Александра Македонского великим подвигом ради прогресса человечества, необоснованно подчеркивая личные заслуги македонского царя в деле распространения эллинской образованности на Востоке. Слабость подобных концепций в оценке деятельности Александра — в оторванности культурных задач от социально-экономической базы. Поэтому культура в исследованиях авторов-немарксистов превращается в самодовлеющий фактор прогресса, т. е. следствие обращается в причину. Но значение эллинизма в ином: он начал ломку этнической, полисной и религиозной замкнутости, породил новые формы государственности, расширил обмен и торговлю, заложил основы новых верований, а вместе с тем продолжил процесс поляризации древнего общества, усилил классовую борьбу неимущих и рабов против рабовладельцев. Таков главный итог эллинизма, вобравшего в себя эллинские и восточные начала в области экономического строя, социальных и политических отношений, в идеологии и культуре [86].

АРТ	— «Археологические работы в Таджикистане» («Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР»).
ВДИ	— «Вестник древней истории».
ВИ	— «Вопросы истории».
ВЯ	— «Вопросы языкознания».
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения».
ИГАИМК	— «Известия Государственной академии истории материальной культуры».
ИЖ	— «Исторический журнал».
ИКДИ	— История и культура древней Индии (сб. статей). М., 1963.
ИООН АН ТаджССР	— «Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР».
КСИИМК	— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР». М.— Л., М.
КСИНА	— «Краткие сообщения Института народов Азии Академии наук СССР».
МИА	— «Материалы и исследования по археологии СССР». М.— Л.
НАА	— «Народы Азии и Африки».
НЭ	— Наскальный эдикт.
ПИДО	— «Проблемы истории докапиталистических обществ».
СА	— «Советская археология».
СВ	— «Советское востоковедение».
СЭ	— «Советская этнография».
ТОВЭ	— «Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа».
Труды ИИАЭ	— «Труды Института истории, археологии и этнографии».
Труды ЮТАКЭ	— «Труды Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции».
ABSA	— «Annual of the British School at Athens».
ACA	— «African Classical Association».
AEp	— «Année Epigraphique».
AJA	— «American Journal of Archaeology».
AJPh	— «American Journal of Philology».
AS	— «Archeological Studies».
BAS	— «Berytus Archcological Studies».
BCH	— «Bulletin de correspondance hellénique».
BEFEO	— «Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient».
CAH	— Cambridge Ancient History.
CIA	— Corpus Inscriptionum Atticum
CIG	— Corpus Inscriptionum Graecorum.
CJ	— «Classical Journal».
CR	— «Classical Review».
CRAI	— «Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles lettres».
CPh	— «Classical Philology».
CQ	— «Classical Quarterly».
Ditt., Syll	— W. Dittenberger. Sylloge inscriptionum graecarum.
EK	— «Ἐλευθεροος Κόσμος». Ἀθῆνα.
ΕΣΧ	— «Ἑλληνοσοβιετικά Χρονικά». Ἀθῆνα.
FGH	— Fragmente der griechischen Historiker.
FHG	— Fragmenta Historicorum Graecorum.
GJ	— «Geographical Journal».
IAJOR	— «The Indian Antiquary, a Journal of Oriental Research».
IG	— «Inscriptiones Graecae».
JCR	— «Journal of Contemporary Review».
JDAI	— «Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts».
JEA	— «Journal of Egyptian Archaeology».

IEE — Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους.
JHI — «Journal of the History of Ideas».
JHS — «Journal of Hellenic Studies».
JS — «Journal des Savants».
MDAFA — «Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan».
NK —«Νέος Κόσμος».
NS — «Numismatic Studies».
OGIS — W. Dittenberger. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae.
RA — «Revue Archéologique».
RC — Bradford Welles. Royal Correspondence of the Hellenistic Period.
RE — A. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
REA — «Revue des études anciennes».
REG — «Revue des études grecques».
RMP — «Rheinischen Museum für Philologie».
RSI — «Revista Storica Italiana».
SEG — «Supplementum Epigraphicum Graecum».

14 Заказ № 1849

ВВЕДЕНИЕ

[1] «Анабасис» — не единственное сочинение Арриана; им написаны философские («Рассуждения Эпиктета», сохранились первые четыре книги из восьми; «Руководство Эпиктета»), научные («Перипл Понта Эвксинского») и военные трактаты («Искусство тактики», «Построение против аланов»).

[2] К. Маркс. Передовица в № 170 «Kölnische Zeitung».— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1, с. 98—99.

[3] В. И. Кузищин. Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества.— ВДИ. 1974, № 3, с. 73.

[4] Б. Г. Гафуров. Основные этапы историко-культурного развития народов Центральной Азии. Доклад на Международной конференции ЮНЕСКО по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии в XIX—XX вв. (Ашхабад. 26 сентября — 5 октября 1972 г.). М., 1972, с. 1.

[5] Πλουτάρχου. Περί τῆς Ἀλεξάνδρου τύχης ἢ ἀρετῆς. A, 5, 328c.

[6] См.: D. Tsibukidis. Les tendances antiscientifiques dans l'historiographie bourgeoise grecque relative à l'Orient Soviétique.— L'Asie Centrale des temps modernes. M., 1975, c. 157—163 (Documents de la Conférence internationale de l'UNESCO), а также: Δ. Τουσλιανός. Ἡ θεωρία τῆς ἀνακύκλησης καί ὁ ἀντιϊστοριμός τῶν ἐκπροσωπων της (1967—1974). Ἀθήνα, 1976, с. 3 и сл.; он же. Μελέτες καί ἄρθρα. Ἀθήνα, 1976, 108—124.

[7] Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, с. 3.

[8] Πλουτάρχου. Περί τῆς Ἀλεξάνδρου τύχης ἢ ἀρετῆς. A, 6, 329 b.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Плутарх посвятил Александру Македонскому две работы: одна из них — диада (парная биография) «Александр — Юлий Цезарь» в фундаментальном труде «Параллельные жизнеописания» в 50 биографиях; другая — моралистический трактат «О счастье или о доблести Александра» (Περί τῆς Ἀλεξάνδρου τύχης ἢ ἀρετῆς), где содержатся предания и легенды о детстве и отрочестве Александра.

[2] В «Исторической Библиотеке» Диодора XVII книга полностью посвящена походу Александра Македонского на Восток. В XVI книге, повествующей о событиях в Македонии времен Филиппа II, содержатся некоторые сведения о детских годах будущего завоевателя Востока.

[3] Некоторые историки и биографы Александра в своих сочинениях некритически используют свидетельства античных авторов, особенно Плутарха, о юношеских годах будущего полководца. См., например, сходные утверждения в работах: И. Дройзен. История эллинизма. Пер. с фр. М. Шелгунова. Т. I. История Александра Великого. М., 1890, с. 56—61; K. Ujfalvy. Le type physique d'Alexandre le Grand. P., 1902; S. Reinach. Deux nouvelles images d'Alexandre.— RA. 1906, № 2, с. 1 и сл.; P. Goukowsky. Le portrait d'Alexandre.— REG, 79, 1966, с. 495—498; J. R. Hamilton. Alexander's Early Life.— Greece and Rome, 12, 1965, с. 117—124.

[4] Сочинения античных историков, посвященные Александру Македонскому, написаны в I в. до н. э.— II в. н. э., когда влияние стоической философии сказалось на всех трудах авторов этого времени. В этом причина того, что детским и юношеским годам будущего царя Македонии почти не уделено внимания. Стоики воспринимали личность как данную, не интересуясь периодом ее становления (см.: История греческой литературы. Т. 3. М., 1960, с. 377). Ср.: M. H. Fisch. Alexander and the Stoics.— AJPh, 58, 1937, с. 59—82.

[5] F. Schachermeyr. Alexander der Grosse. Ingenium und Macht. Wien, 1949, с. 331 и сл.

[6] В «Романе об Александре» Псевдо-Каллисфена его рождению предшествовало

землетрясение, сопровождавшееся громом и молнией (A. Ausfeld. Der griechische Alexanderroman. Lpz., 1907, с. 35). Вопрос о рождении будущего завоевателя Азии занимал многих историков, уделивших этой теме значительное внимание. См.: U. Wilcken. Alexander der Grosse. Lpz., 1931, с. 61 и сл.; G. Radet. Alexandre le Grand. P., 1931, с. 9 и сл.; H. Berve. Griechische Geschichte. Bd II. Basel — Wien, 1953, с. 283 и сл.

[7] М. Уилер (Пламя над Персеполем. М., 1972, пер. с англ., с. 10) склонен думать, что скульптурные изображения Лисиппа близки действительному облику македонского царя, внешность которого выражала ум, волю, отрешенность. Нетрудно в этом мнении увидеть следование за апологетической античной традицией. Описание облика Александра дается в специальных работах. См.: S. Reinach. Deux nouvelles images d'Alexandre, с. 1 и сл.; G. Bieber. Ein idealisiertes Porträt Alexanders des Grossen.— JDAI, XL, 1925, с. 167 и сл.; J. Bernouilli. Die erhaltenen Darstellungen Alexanders der Grossen. München, 1905; K. Ujfalvy. Le type physique d'Alexandre le Grand; T. Schreiber. Studien über das Bildnis Alexander der Grosse. Lpz., 1903; P. Goukowsky. Le portrait d'Alexandre.— REG, 79, 1966, с. 495—498; J. R. Hamilton. Alexander's Early Life.— Greece and Rome, 12, 1965, с. 117—124.

[8] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 56. Некоторые современные историки полагают, что Аристотель вряд ли мог уединиться на долгих три года в «полуварварском» дворце Пеллы, тем более что сам философ нигде об этом не упоминает. См., например: S. Reinach.— RA, XXXII, 1930, с. 189. Иную точку зрения см.: Ap. Dascalakis. Alexander the Great and Hellenism, Θεσσαλονίκη, 1966, с. 20, 34; R. Gaevernitz. Aristotle, Alexander and the Idea of Mankind.— CR, 205, 1964, с. 543—548.

[9] В связи с этим Плутарх [Алекс., 7] приводит текст письма Александра из Азии к Аристотелю, в котором тот упрекает своего бывшего учителя за желание опубликовать курс философских бесед, так как считает, что это наука для «избранных», а не для «остальной толпы». См. также: П. Κανελλόπουλος. ΙΕΕ, τ. Δ', с. 19—20.

[10] Ap. Dascalakis. The Hellenism of the Ancient Macedonians. Θεσσαλονίκη, 1965, с. 37; он же. Alexander the Great and Hellenism, с. 23.

[11] «Во всяком случае,— пишет Б. А. Тураев,— едва ли следует монархию Александра выводить из политических идей его учителя Аристотеля, который хотя и считал идеальную монархию наилучшим способом правления, но сам был уверен в ее неосуществимости, и который никак не мог освободиться от презрительного отношения к варварам. Александр перерос своего учителя; возможно, что он вообще не нуждался в его политической указке» (Б. А. Тураев. История древнего Востока. Т. II. Л., 1936, с. 203). См. также: Д. И. Цибукидис. Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии 1850—1974 гг. Докт. дис. М., 1977, с. 242 и сл.

[12] Πλουτάρχου. Περί τῆς Ἀλεξάνδρου τύχης ἢ ἀρετῆς. A, 6, 329b.

[13] Ἀλεξάνδρου ἢ ὑπέρ ἀποίκων. Об этом трактате известно из списка трудов Аристотеля, приводимого Диогеном Лаэртским; о нем упоминают также Гесихий и Аммоний.

[14] Περί βασιλείας. Трактат известен по арабской рукописи XVI в. и издан в 1891 г. в Лондоне. По этому вопросу есть и иные точки зрения; например, некоторые историки утверждают, что трактаты «Александр, или о колониях» и «О царской власти» являются одним и тем же произведением. См.: Ing. During. Aristotle in the Ancient Biographical Tradition. Göteborg, 1957; Jaeger. Aristotle. Fundamentals of the History of his Development. Ox., 1948, с. 24, 259, 411.

[15] Α. Δασκαλάκης. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος καί ὁ Ἑλληνισμός. Ἀθῆναι, 1963, с. 32; Th. Birt. Ἀλέξανδρος ὁ Μέγας καί ὁ Παγκόσμιος Ἑλληνισμός. Пер. с нем. Ἀθῆναι, с. 69.

[16] Полемика о происхождении древних македонян, начавшаяся в 30-е годы XX в. между болгарскими и греческими историками, продолжается и поныне. Болгарские ученые настаивают на придунайско-фракийском происхождении македонян (В. Бешевлиев), а греческие — на эллинском. См.: Ap. Dascalakis. Alexander the Great and Hellenism. Pt I. Alexander's Youth, с. 11—27; J. N. Kalleris. Les anciens macédoniens. Vol. I. Athènes, 1954, с. 36 и сл. Некоторые историки считают линкестидов «варварами» иллирийского происхождения и отсюда делают вывод, что со стороны отца (Аминты III) Филипп был греком, а со стороны матери — «варваром» (Эвридика была из рода Линкестидов). См.: U. Wilcken. Alexander der Grosse, с. 61; W. Tarn. Cambridge Ancient History, VI. L., 1933, с. 353; L. Homo. Alexandre le Grand. 2me ed. P., 1951, с. 33. Современная греческая историография отрицает это положение и считает линкестидов греко-македонянами. См.: Α. Δασκαλάκης. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος καί ὁ Ἑλληνισμός. Ἀθῆναι, 1963, с. 22—23: Α. Κεραμόπουλος. Περί τῆς φυλετικῆς καταγωγῆς τῶν Ἀρχαίων Μακεδόνων. Ἀθῆναι, 1945, с. 15 и сл. Один из авторов настоящей работы (Д. И. Цибукидис) разделяет мнение о греческом происхождении древних македонян.

[17] В 1956 г. греческий историк Д. Канацулис опубликовал работу о городах античной Македонии, в которой доказывает неправомерность тезиса о слабом развитии городской жизни и требует пересмотра этого традиционного положения (Δ. Κανατσούλης. Ἡ Μακεδονικὴ πόλις. Θεσσαλονίκη, 1956, с. 30 и сл.).

[18] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 51—52; П. Κανελλόπουλος. ΙΕΕ, τ. Δ', с. 10, 18. Опровержение этих взглядов см.: Д. И. Цибукидис. Греция и Восток..., с. 148—273.

[19] Этот тактический прием Эпаминонда, как указывал Ф. Энгельс, вплоть до наших дней решает исход почти всех сражений (Ф. Энгельс. Армия.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 14, с. 13).

[20] J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I. Lpz., 1901, с. 226; Α. Κεραμόπουλος. Ἐπίτομος Ἱστορία Φιλίππου Β' τῆς Μακεδονίας. Ἀθῆναι, 1935, с. 6 и сл.

[21] См.: Ф. Энгельс. Армия, с. 14.

[22] А. С. Шофман. История античной Македонии. Казань, 1960, с. 186.

[23] Ф. Энгельс. Армия, с. 16.

[24] А. И. Тюменев. История античных рабовладельческих обществ. М., 1935, с. 100.

[25] Μ. Δήμιτσας. Ἡ γεωγραφία τῆς Ἀρχαίας Μακεδονίας. 1870—1874. Ἀθῆναι, с. 18 и сл.

[26] Часть Балканского полуострова, занимаемая в то время Грецией и Македонией, имела население 3,5 млн. человек. См.: J. Beloch. Griechische Geschichte. III. B., 1924—1927, с. 296—297, 312.

[27] Там же, с. 492, прим. 3.

[28] Дем., XIX, 263 (О недобросовестном посольстве); Диод., XVI, 11, 4; Ксеноф., Эллиника, V, 2, 12.

[29] Ксеноф., Эллиника, V, 2, 11: Μέγιστα τῶν περὶ Ὄλυνθον πόλεων.

[30] Эллинская древность знала несколько священных войн, в основе которых лежали причины экономического порядка, а поводом служили акты ущемления прав общеэллинского святилища в Дельфах со стороны отдельных полисов. Так, Первая Священная война (595—586 гг. до н. э.) произошла между союзом амфиктионов и фокийским городом Крисы, претендовавшим на земли дельфийского оракула.

[31] D. Robinson, G. Mylonas. The Fourth Campaign at Olynthos.— AJA. Vol. XLIII, 1939, с. 48—77.

[32] Третья Священная война (339—333 гг. до н. э.) показала враждующим греческим полисам серьезность притязаний Филиппа на Элладу и явилась прелюдией Херонейской битвы [Пол., IV, 11, 8]. Оратор Эсхин в своем выступлении на Совете амфиктионов потребовал прихода Филиппа в Грецию [Эсхин, III, 107]; Демосфен сурово обвинил своего противника в том, что он дал возможность македонскому царю «все перевернуть в делах греков» [Дем., XVIII, 143].

[33] Было бы неплохо иметь больше подробностей о Херонейском сражении, где впервые проявились военные качества Александра, но источники не дают такой возможности. Однако и те, кто склонен к апологии, и те, кто преуменьшает заслуги наследника македонского трона, едины во мнении, что молодой Александр личным примером и отвагой завоевал доверие войска. Как пишет Диодор, Александр, желая показать отцу свою храбрость, прорвал вражеский строй. От этого натиска дрогнули и пришли в замешательство ряды афинян, и молодой царь, нагромоздив горы трупов, обратил неприятеля в бегство [XVI, 86].

[34] J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I, с. 269; U. Wilcken. Alexander der Grosse, с. 39; Arn. Momigliano. Filippo il Macedone. Saggio nella storia greca del IV secolo a. C. Firenze, 1934, с. 172.

[35] U. Wilcken. Alexander der Grosse, с. 16; Β. Λαούρδας. Ὁ Ἰσοκράτης καὶ ἡ ἐποχή του. Ἀθῆναι, 1966, с. 106 и сл.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[1] В. И. Ленин. О государстве.— Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 74.

[2] Разделяя наиболее реакционные взгляды на сущность афинской демократии, высказанные в прошлом веке Т. Моммзеном и Ю. Шварцем, а также продолженные в исторической литературе Ю. Керстом и У. Вилькеном, некоторые греческие ученые развязали кампанию неприятия демократических установлений. Наиболее крайние суждения в этом отношении высказаны в работах Х. Налчаса «Филипп II Македонский, объединитель греков» (Χ. Α. Νάλτσας. Φίλιππος Β' ὁ Μακεδών, ὁ Ἑνωτὴς τῶν Ἑλλήνων. Θεσσαλονίκη, 1970, с. 5, 6 и сл.), А. Керамопулоса «История Филиппа II Македонского» (Α. Κεραμόπουλος. Ἐπίτομος Ἱστορία Φιλίππου Β' τῆς Μακεδονίας. Ἀθῆναι, 1935, с. 15 и сл.), К. Вурвериса «Новый размах гуманистического явления» и «Классическая филология как наука» (Κ. Βουρβέρης. Αἱ νέαι διαστάσεις τοῦ ἀνθρωπιστικοῦ

φαινομένου. — ΕΚ. 18.IX.1970, с. 1, 6; 19.IX.1970, с. 1, 6; он же. Ἡ κλασική φιλολογία ὡς πνευματική ἐπιστήμη, 1961, с. 5 и сл.), Н. Куракиса «Имели ли Афины демократию?» (N. Κουράκης. Εἶχον αἱ Ἀθῆναι δημοκρατίαν. — ΕΚ. 14.II.1969, с. 1, 7). Опровержение этих взглядов см.: Д. И. Цибукидис. Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии 1850—1974 гг. Автореф. докт. дисс. М., 1977, с. 16 и сл., а также D. Tousliano s. Unscientific tendencies in Greek bourgeois historiography of the Soviet East. Athens, 1976, с. 3 и сл.

[3] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 21, с. 119.

[4] Л. М. Глускина. О специфике греческого полиса.— ВДИ. 1973, № 2, с. 39.

[5] Аристотель высказывал прямо противоположные мысли, отмечая, что демократическое правление тем и хорошо, что власть находится в руках у многих, а не у немногих, больше поддающихся соблазну корысти и личных симпатий [Аристотель, Афинская полития, XV, 41, 2; Политика, IV, 2, 1291b].

[6] К. Маркс. Капитал. Т. I.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 23, с. 379.

[7] «Законы» Платона в 13 книгах относятся к последнему периоду его творчества (360—347 гг. до н. э.), когда уже чувствуется сближение философа с учением пифагорейцев; подробнее см.: История греческой литературы. Т. II. М., 1955, с. 186—187.

[8] Сходные мысли содержатся в рассуждениях Аристотеля, делящего народы на полноценные и неполноценные [Политика, VII, 6, 1, 1327в].

[9] Так как симмории (определенные группы состоятельных граждан) объединяли людей разного достатка, платежеспособность их была различной. В связи с этим Демосфен внес предложение о материальном уравнении всех групп, для чего советовал равномерно распределять зажиточных по симмориям, уравнивая тем самым их возможности [Дем., XIV].

[10] Карштедт считал Демосфена проводником персидской политики (U. Kahrstedt. Forschungen zur Geschichte des Ausgehenden V und IV Jahrhundert. B., 1910, с. 92—154). В. П. Бузескул полагал, что Демосфен искал опору в лице Персии (История афинской демократии. СПб., 1909, с. 32). Поэтому следует признать правильной точку зрения С. И. Радцига, предостерегающего от крайних оценок деятельности Демосфена. См. подробнее послесловие С. И. Радцига в кн.: Демосфен. Речи. М., 1954, с. 456, а также: Д. И. Цибукидис. Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии 1850—1974 гг. Докт. дисс. М., 1977, с. 229—230.

[11] G. Glotz. Histoire Grecque. Vol. III. P., 1936, с. 378, 453.

[12] Идею панэллинского союза под главенством Афин Исократ проводил в своей речи «Панегирик», написанной в начале IV в. до н. э. Почти за 40 лет, прошедшие с того времени (380—342 гг. до н. э.), взгляды Исократа изменились в сторону признания монархии лучшей формой правления. Поэтому в речи «Панатенаик», обращенной к афинянам, автор призывал их быть доброжелательными к Филиппу, а не готовиться к войне. См. также: Д. Туслянос, И. Мирокова. Держава Александра Македонского. Краткий очерк. Марксистская концепция. Афины, 1976, с. 4.

[13] Это свидетельство Демосфена не подтверждается другими источниками.

[14] Д. И. Цибукидис. Из истории эллинистической Греции. Канд. дисс. М., 1968, с. 182 и сл.

[15] Там же, с. 189 (пер. автора).

[16] Э. Д. Фролов. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады.— ВДИ. 1974, № 1, с. 59; W. Schwahn. Heeresmatrikel und Landfriede Philipps von Makedonien («Klio», Beih., 21). Lpz., 1930, с. 49—50.

[17] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 28—29; см. также: Α. Καλογεροπούλου. ΙΕΕ, τ. Δ', σ. 36; Π. Κανελλόπουλος, ΙΕΕ, τ. Δ', σ. 19—20.

[18] Р. Пёльман. Очерки греческой истории и источниковедения. Пер. с нем. СПб., 1910, с. 289; В. Λαούρδας. Ὁ Ἰσοκράτης καί ἡ ἐποχή του. Ἀθῆναι, 1966, с. 118.

[19] H. Bengtson. Griechische Geschichte. München, 1950, с. 317; K. Wurweris. Platon und die Barbaren. Athen, 1938, с. 38. Χ. Α. Νάλτσας. Φίλιππος Β' ὁ Μακεδών, ὁ Ἑνωτής τῶν Ἑλλήνων. Θεσσαλονίκη, 1970, с. 795 и сл.

[20] А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.— Л., 1950, с. 23—25; А. С. Шофман. История античной Македонии. Ч. I, с. 270—275; В. С. Сергеев. История древней Греции. Изд. 3. М., 1963, с. 394; В. Г. Борухович. Коринфский конгресс 338 г. до н. э. и его решения.— «Ученые записки Горьковского гос. пед. ин-та». Вып. 46. 1959, с. 199; Э. Д. Фролов. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э., с. 47—48.

[21] P. Cloché. Histoire de la Macèdoine. P., 1960, с. 246. Χ. Α. Νάλτσας. Φίλιππος Β' ὁ Μακεδών. . ., с. 826 и сл.

[22] Χ. Α. Νάλτσας. Φίλιππος Β' ὁ Μακεδών. . ., с. 5, 6, 882 и сл. По Егеру, Демосфен был патриотом, но не политиком (W. Jäger. Demosthenes, das Staatsmann und

sein Werden. B., 1939, c. 186). Е. Дреруп назвал афинского оратора не только «слабым» политиком, но и «недостойным» воином, дезертировавшим при Херонее (E. Drerup. Aus einem alter Advokatenrepublik. Padeborn. 1916, c. 12, 33—34). См. также: U. Wilcken. Alexander der Grosse, c. 51; A. Pickard-Cambridge. Demosthenes and the Last Days of the Greek Freedom. N. Y., 1914, c. 271.

[23] A. Schaeffer. Demosthenes und seine Zeit. Bd I—III. Lpz., 1885—1887; G. Grote. History of Greece. L., 1856; B. Niebuhr. Vorträge über alte Geschichte an der Universität zu Bonn gehalten. Bd II. Bonn, 1848.

[24] Французский историк П. Жуге считает империалистические войны неотъемлемой чертой древности, явлением, присущим всем временам (P. Jouguet. L'impérialisme Macédonien en l'hellénisation de l'Orient. P., 1961, int., c. 1—8). См. также: K. Στεργιόπουλος. Ὁ ἱμπεριαλισμός τῆς Ἑλληνικῆς Ἀρχαιότητος. — ΕΚ. 27.XII. 1970.

[25] C. et Th. Müller. Fragmenta Historicorum Graecorum. Bd III. P., 1841—1870.

[26] F. Jacoby. Fragmente der Griechischen Historiker. Bd I. B., 1923—1950.

[27] От «Аттиды» Филохора сохранилось 10 отрывков у Мюллера в FHG, vol. II.

[28] G. Glotz. Histoire Grecque. Vol. III, c. 370; J. Beloch. Griechische Geschichte, III, c. 470.

[29] U. Wilcken. Beiträge zur Geschichte des Korinthischen Bundes. München, 1917, c. 10 и сл.; J. Beloch. Griechische Geschichte, III, c. 575.

[30] X. A. Νάλτσας. Φίλιππος Β' ὁ Μακεδών..., c. 19 и сл.; A. Κεραμόπουλος. Ἐπίτομος Ἱστορία Φιλίππου Β' τῆς Μακεδονίας, c. 5 и сл.

[31] P. Jouguet. L'impérialisme Macédonien..., int., c. 1—8; U. Wilcken. Alexander der Grosse, c. 25—26. K. Στεργιόπουλος. Ὁ ἱμπεριαλισμός τῆς Ἑλληνικῆς Ἀρχαιότητος.— ΕΚ. 27.XII.1970.

[32] А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 16; А. С. Шофман. История античной Македонии. Ч. I, с. 194; С. И. Ковалев. Македонская оппозиция в армии Александра.— «Известия ЛГУ». Вып. II. Л., 1930, с. 167; Д. Цибукидис. Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии 1850—1974 гг., с. 5—6.

[33] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 29—30.

[34] U. Wilcken. Alexander der Grosse, c. 16; Ap. Dascalakis. Alexander the Great and Hellenism, c. 42.

[35] U. Wilcken. Alexander der Grosse, c. 155. X. A. Νάλτσας. Φίλιππος Β' ὁ Μακεδών..., c. 384 и сл.

[36] Сохранившиеся отрывки Феопомпа и Эфора о Филиппе показывают, что современники предрекали македонскому царю будущее повелителя всей Европы [FHG, vol. III, 256], не сравнимого ни с кем из известных правителей [FHG, vol. III, 27; vol. I, 234, 277; Диод., XVI, Prooim].

[37] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, с. 171.

[38] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 52; J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I, c. 84.

[39] R. Paribeni. La Macedonia sino ad Alessandro Magno. Milano, 1947, c. 100; X. A. Νάλτσας. Φίλιππος Β' ὁ Μακεδών..., c. 388.

[40] X. A. Νάλτσας. Φίλιππος Β' ὁ Μακεδών..., c. 855.

[41] A. Momigliano. Genesi storica e funzione attuale del concetto del Hellenismo.— «Giornale critico della filosofia italiana». 1934, int., XIII. H. Bengtson (Griechische Geschichte. München, 1950, c. 306) пишет, что объединение народов Балканского полуострова, совершенное Филиппом, было равносильно подвигам Геракла. Корнеман, вторя Бенгтсону, отмечал, что «Филипп совершил гераклов подвиг, объединив народы Балканского полуострова в одно царство, чего никому до него не удалось сделать, а после него только римлянам и туркам» (E. Kornemann. Weltgeschichte des Mittelmeerraumes. Bd I. München, 1948, c. 96).

[42] G. Glotz. Histoire Grecque. Vol. III, c. 376.

[43] H. Berve. Griechische Geschichte. Bd II. Basel — Wien, 1953, c. 158.

[44] J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I, c. 209.

[45] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 65; R. Paribeni. La Macedonia sino ad Alessandro Magno, c. 100.

[46] X. A. Νάλτσας. Φίλιππος Β' ὁ Μακεδων..., c. 861.

[47] U. Wilcken. Alexander der Grosse, c. 40.

[48] Ф. Энгельс. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу».— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 20, с. 643.

[1] К. Παπαρρηγόπουλος. Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους. Τ. 2. Ἀθῆναι, 1955, с. 4 и сл; А. С. Шофман. История античной Македонии. Ч. 2, с. 116 и сл.

[2] Выборность царя Дройзен объясняет «особым к нему уважением» различных сословий как к лучшему (И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 46), ссылаясь на Аристотеля, одобрительно отзывавшегося о старинной македонской монархии (Аристотель, Политика́, V, 8, 5, 1310b].

[3] J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I, с. 209. На близкой к этой точке зрения стоит Р. Парибени, указывающий, что Филипп и Александр были только военными руководителями союза греков (R. Paribeni. La Macedonia sino ad Alessandro Magno, с. 93). Э. Д. Фролов, напротив, правильно считает союз греческих городов с Македонией «симмахией традиционного гегемонистского типа», в которой македонские цари навязывали свою волю грекам (Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э., с. 62).

[4] А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 55—56; Г. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Τ. 3. Ἀθήνα, 1956, с. 189 и сл.

[5] И. Дройзен на основании свидетельства Арриана [I, 6, 5—10] делает предположение, что македонское войско в «северном походе» насчитывало 20 тыс. воинов (И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 14, примеч. 44).

[6] Мнение И. Дройзена о том, что иллирийцы не участвовали в восточном походе Александра и, следовательно, оставались независимыми, лишено основания (там же, с. 17, примеч. 62). Накануне Исского сражения Александр, выступая перед командирами войска, назвал европейских «варваров»: фракийцев, пеонов, иллирийцев и агриан, которым предстоит сразиться с самыми изнеженными народами Азии [Арр., II, 7, 5].

[7] Фиванская аристократия во время греко-персидских войн выступала на стороне Персии. Не случайно Геродот, описывая эти события, порицал фиванцев [VII, 233].

[8] Речь пленного воина-фиванца на Союзном совете приводит один Юстин.

[9] Сопоставляя сведения Диодора о продаже в рабство 30 тыс. фиванцев за 440 талантов [XVII, 14] и свидетельство Юстина [XI, 4, 8] о высокой цене на них, заключаем, что каждый раб стоил в среднем 88 драхм.

[10] Страбон пишет о Фивах своего времени, что они «не сохранили в общем даже вида значительного селения...» [IX, 403].

[11] Как замечает Юстин, изгнанные афинские стратеги, отправившись из Европы в Азию, принесли много пользы военным силам персов [XI, 4, 12].

[12] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 82. Α. Δασκαλάκης. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος καὶ ὁ Ἑλληνισμός, с. 55 и сл.

[13] Численность македонского войска, пришедшего к Фивам, Диодор определяет в 33 тыс. человек [XVII, 9]. Несколько позже он говорит о гибели 6 тыс. фиванцев и о продаже в рабство 30 тыс.— всего оставшегося в живых населения [XVII, 13]. Следовательно, даже в количественном отношении войско Фив никак не могло равняться македонскому.

[14] F. Altheim. Alexander und Asien. Tübingen, 1953, с. 105; F. Schachermeyr. Alexander der Grosse. Ingenium und Macht, с. 331.

[15] Ф. Энгельс. Армия, с. 15.

[16] A. Burn. Alexander the Great and the Hellenistic Empire. L., 1951, с. 86; P. A. Brunt. Alexander's Macedonian Cavalry.— JHS, 83, 1963, с. 27—46.

[17] Ф. Энгельс. Армия, с. 17.

[18] Там же, с. 14.

[19] U. Wilcken. Griechische Geschichte. Bd II, 1958, с. 216.

[20] А. С. Шофман. Армия и военные преобразования Александра Македонского.— ВДИ. 1972, № 1, с. 173.

[21] См. также: Ф. Энгельс. Военный мост.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 14, с. 155.

[22] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 94.

[23] Эту точку зрения разделяют И. Дройзен (История эллинизма. Т. I, с. 94) и большинство зарубежных историков. Марксистская историография также придерживается этого мнения. См.: С. И. Ковалев. Александр Македонский. Л., 1937, с. 27; В. С. Сергеев. История древней Греции, с. 397; А. С. Шофман. Армия и военные преобразования Александра Македонского, с. 177; А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 44; М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961, с. 138; Д. Туслянос, И. Мирокова. Держава Александра Македонского..., с. 9.

[24] P. Cloché. Alexandre le Grand, c. 14.
[25] J. Beloch. Griechische Geschichte. Bd III, 2, c. 332.
[26] U. Wilcken. Alexander der Grosse, c. 68.
[27] Впервые эту мысль в советской историографии высказал К. К. Зельин в статье «К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330—328 гг. до н. э. (заговор Филоты)» (Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М., 1963, с. 262). Далее она была развита в статье А. С. Шофмана «Армия и военные преобразования Александра Македонского» (ВДИ. 1972, № 1, с. 174 и сл.).
[28] Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῶν Ἑλληνιστικῶν Χρόνων. Ἀθήνα, 1959, с. 29 и сл.; он же Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 3, с. 168 и сл.; E. Badjan. Harpalus.— JHS (81), 1961, с. 16—43.
[29] С. И. Ковалев. Александр Македонский, с. 44; А. С. Шофман. Идея мирового господства в завоевательных планах Александра Македонского.— ВДИ. 1969, № 4, с. 98; Д. Туслянос, И. Мирокова. Держава Александра Македонского..., с. 14 и сл.
[30] F. Altheim. Alexander und Asien, c. 67; F. Schachermeyr. Griechische Geschichte. Stuttgart, 1960, c. 266.
[31] J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I, c. 254.
[32] U. Wilcken. Alexander der Grosse, c. 163; он же. Griechische Geschichte im Rahmen der Altertums Geschichte, c. 253.
[33] L. Homo. Alexandre le Grand, c. 127.
[34] P. Jouguet. L'impérialisme Macédonien et l'hellénisation de l'Orient, c. 7—8; P. Cloché. Alexandre le Grand, c. 13.
[35] W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I. Cambridge, 1948, c. 122.
[36] В. Тарн пишет, что Александр не только щедро обеспечивал нужными средствами работы Аристотеля, но и установил метод исследования — предварительный отбор большого количества данных, из которых можно делать выводы, а также вовлек в круг греческой мысли Вавилон и его культурное наследство (В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 266); T. S. Brown. Callisthenes and Alexander.— AJPh, 70, 1949, с. 225—248.
[37] Т. И. Кузнецова. Историческая тема в греческом романе. Роман об Александре.— Античный роман. М., 1969, с. 194.
[38] Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῶν Ἑλληνιστικῶν Χρόνων, с. 480 и сл.
[39] Пирроновы положения. Пер. на русск. Н. В. Брюлловой-Шаскольской. СПб., 1913; Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῶν Ἑλληνιστικῶν Χρόνων, с. 548 и сл.
[40] Лукиан. Как следует писать историю (Πῶς δεῖ ἱστορίαν...), 12.
[41] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, прил., с. 127.
[42] Лукиан. Как следует писать историю, 12.
[43] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, прил., с. 126.
[44] Страбон лестно отзывался о Птолемее Лаге, преемнике Александра, но не одобрял поведения четвертого Птолемея, с которого, по мнению античного географа, начался моральный упадок египетского царства, явившийся причиной его подчинения римлянам [XVII, 796].
[45] Подробнее об источниках Арриана см.: О. О. Крюгер. Арриан и его труд «Поход Александра».— Арриан. Поход Александра. М.— Л., 1962, с. 5—41; W. Tarn. Alexander the Great. Vol. II (Sources and Studies).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[1] А. Керамопулос в предисловии к книге Х. Налчаса (Χ. Α. Νάλτσας. Φίλιππος Β' ὁ Μακεδών ὁ Ἑνωτής τῶν Ἑλλήνων. С. ι, ια) считает, что «перенаселение» Эллады толкало греков к походу на Восток (см. также: Arn. Toynbee. The History of a Civilization. Hellenism. L., 1959, c. 125).
[2] М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, с. 112.
[3] Ι. Παπαστάρου. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδος, с. 151—153, 156; Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Т. II. Л., 1936, с. 119.
[4] Ι. Παπαστάρου (Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδος, с. 162) полагает, что Дарий предпринял поход против азиатских скифов.
[5] Следует отметить, что персидская держава никогда, несмотря на долгое существование, не создала социально-экономического единства. См.: M. Rostovtzeff. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I. Ox., 1941, c. 77; Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Т. II, с. 201; М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, с. 232—233.
[6] Г. Кордатос считает, что тенденция персидских царей накапливать богатства тормозила развитие товарно-денежных отношений (Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 3, с. 182 и сл.).

[7] Получив от вавилонских жрецов титул царя «четырех стран света», Александр тем самым сделал первую заявку на мировое господство, а также подчеркнул особую роль Вавилона в создаваемой универсальной державе. См.: Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Т. II, с. 204; С. И. Ковалев. Александр Македонский, с. 64; Д. Туслянос, И. Мирокова. Держава Александра Македонского..., с. 29.

[8] Источники апологетического направления (Арриан, Плутарх) недостаточно освещают деятельность родосца Мемнона, план которого предусматривал включение в антимакедонскую борьбу Эллады и греческих островов Эгейского моря, т. е. подрыв македонской мощи с тыла. А. С. Шофман. Восточная политика Александра Македонского, с. 43.

[9] А. И. Доватур замечает, что «о свободе греческих полисов говорили вполне серьезно» (А. И. Доватур. Политика и политии Аристотеля. М.— Л., 1965, с. 15); П. Клоше предполагает, что эти привилегии были ограниченными (P. Cloché. Alexandre le Grand. P., 1961, с. 17).

[10] Г. Кордатос. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 3, с. 194 и сл.

[11] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 113, 131; V. Colokotronis. La Macedoine et l'Hellénisme. P.. 1919, с. 50 и сл.

[12] Э. Д. Фролов. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э., с. 56; В. Г. Борухович. Коринфский конгресс 338 г. до н. э. и его решения, с. 199—211.

[13] А. Б. Рановнч. Эллинизм и его историческая роль, с. 30; В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 76; E. Bikerman. La cité grecque dans les monarchies hellénistiques.— «Rev. Philol». 1939, ser. 13, с. 335.

[14] Как сообщает Арриан, Парменион «надеялся, что эллины вообще сильны на море» [I, 18, 6]. К. К. Зельин подмечает у Арриапа [I, 13, 3—7; I, 18, 6—9] «определенную антипарменионовскую тенденцию», согласно которой Александр всегда был прав (К. К. Зельин. К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330—328 гг. до н. э., с. 257—258).

[15] С мнением античных авторов согласен Ю. Керст, считающий, что роспуск флота был важнейшим мероприятием Александра, стремившегося к превосходству на суше и к независимости от эллинского союза (J. Kaerst. Geschichte des hellenistischen Zeitalters. Bd I. Lpz., 1901, с. 264—266). Но последующие за роспуском флота события показали ошибочность этого утверждения. В. Уилер полагает, что это было ошибкой Александра (B. Wheler. Alexander the Great. L., 1900, с. 3). С. И. Ковалев, возражая сторонникам этой точки зрения, пишет, что царь не совершил никакой ошибки с роспуском флота, так как пользы от него было мало, а содержание обременительно (С. И. Ковалев. Александр Македонский, с. 36). Эта точка зрения также близка к мнению античной историографии.

[16] Подробности осады Галикарнаса, приводимые одним Диодором, показывают, что борьба велась на равных между греками-наемниками под началом афинского стратега Эфиальта, при общем руководстве Мемнона, и войском Александра. Этим, очевидно, объясняется та жестокость, с которой македонский царь расправился с жителями Галикарнаса, сровняв город с землей [App., I, 23, 6; Диод., XVII, 27, 6]. Как верно указывает С. А. Жебелев, овладение Милетом и Галикарнасом явилось важной вехой в истории восточных походов (С. А. Жебелев. Милет и Ольвия.— «Северное Причерноморье». М., 1953, с. 40).

[17] Со времени И. Дройзена бытует мнение, что отпуск части солдат на родину был вызван только соображениями личного плана — дать возможность молодоженам провести зиму в кругу семьи (И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 122).

[18] «Свобода» от персидской зависимости, пропагандируемая Александром на Востоке, мало интересовала горные племена Малой Азии, для которых македоняне были точно такими же поработителями, как и персы. Поэтому борьба с ними велась упорно и ожесточенно. См.: J. Kaerst. Geschichte des hellenistischen Zeitalters. Bd I, с. 268.

[19] Об организованной оппозиции в войске Александра следует говорить лишь во время пребывания македонян в Восточных сатрапиях, когда для окружающих отчетливо проявилось намерение царя создать великую восточную державу. На первом этапе похода еще преждевременно указывать на существование оппозиции, так как несогласие Пармениона с планами царя касалось лишь военных операций, а не широких планов завоевания Востока. Подробнее об этом см.: А. С. Шофман. История античной Македонии. Ч. 2, с. 131—132; он же. Восточная политика Александра Македонского, с. 334 и сл.; Д. Туслянос, И. Мирокова. Держава Александра Македонского..., с. 41 и сл.

[20] М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана, с. 92.

[21] Французский историк Ж.-Р. Паланк прямо указывает, что, разрубив «гордиев узел», Александр подтвердил свою власть над Азией (J.-R. Palanque. Les impérialismes antiques. P., 1960, с. 63). Позиция Л. Омо близка к этой точке зрения. Он гово-

рит о широких планах завоевания Востока, но не указывает на их постепенность (L. Homo. Alexandre le Grand, с. 127—128).

[22] К. С. Мусиенко высказала мнение, что легенда о гордиевом узле была создана в период посещения Александром Гордия или около этого времени и указывала на желание царя владеть миром (К. С. Мусиенко. Оппозиция в армии Александра Македонского. Канд. дисс. Л., 1966, с. 60).

[23] Если и раньше Александр не очень считался с мнением Союзного совета, то теперь, при растущей угрозе войны у берегов Эллады, царь, отбросив всякую щепетильность, потребовал от союзников прислать корабли для охраны Геллеспонта [Курц., III, 1, 20]. Задержка македонянами афинских торговых судов осложнила взаимоотношения Афин с Македонией, хотя Фокион и советовал уступить требованию Александра [Плут., Фокион, 21].

[24] Так с некоторыми оговорками понимает С. И. Ковалев суть усилий Александра Македонского в Малой Азии (С. И. Ковалев. Александр Македонский, с. 34).

[25] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 131. Э. Д. Фролов обоснованно приходит к выводу о том, что в решениях Коринфского конгресса «отчетливо проступает преобладание македонских интересов» (Э. Д. Фролов. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э., с. 62).

[26] К идее создания единого народа «эллино-персов» следует подходить с большой осторожностью и не принимать на веру указания античных историков о «единомыслии» греков и персов. Утопичность этого лозунга не подлежит сомнению, хотя, видимо, Александр пытался осуществить его на практике путем создания на Востоке смешанных поселений, где эллины и «варвары» имели бы равные привилегии за счет ущемления полисных прав греков. К каким последствиям это привело, можно видеть на примере восстания греческих колонистов в Бактрии и Согдиане (см.: Г. А. Кошеленко. Восстание греков в Согдиане и Бактрии 323 г. до н. э. и некоторые вопросы общественно-политической мысли в Греции IV в. до н. э.— ВДИ. 1972, № 1, с. 59).

Более реально предположение, что македонский царь представлял себе это «единение» Востока и Запада в плане сближения правящей греко-македонской верхушки и местной знати. Все свидетельства античной историографии на данную тему иллюстрируют именно эту сторону взаимоотношений (см. рец. Г. А. Кошеленко на книгу: M. Wheeler. Flames over Persepolis. Turning-point of History. N. Y., 1968.— ВДИ. 1972, № 3). Вряд ли прав и американский исследователь Ч. Робинсон, полагающий, что Александр стремился к созданию великого братства народов Запада и Востока (Ch. A. Robinson. Alexander the Great. The Meeting of East and West in World Government and Brotherhood. N. Y., 1949). См. также: H. M. Mauriac. Alexander the Great and the Politics of «Homonoia».— JHI, 10, 1949, с. 104—114.

[27] Единственно, чего добился Александр после «замирения» Греции,— это изгнания афинского стратега Харидема, который как активный участник антимакедонской борьбы покинул Афины и перебрался к наемникам Дария, оказав этим услугу персидской политике [Диод., XVII, 30, 1—4].

[28] В источниках неоднократно упоминается, что Александр использовал ночное время для передвижения войск или для внезапного нападения. Этот прием имел неизменный успех, ибо в древности ночью обычно не воевали. Новизна и необычность ночных атак, как правило, деморализовали противника (см.: Κ. Παπαρρηγόπουλος. Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους. Τ. 2. Ἀθῆναι, 1955, с. 71—73).

[29] Рассуждения Аристотеля о природном свойстве греков быть свободными, а «варваров» — рабами [Политика́, I, 1, 5, 1252в] А. И. Доватур называет апологией рабовладения (А. И. Доватур. Политика и политии Аристотеля, с. 23). См. иную точку зрения: Ph. Merlan. Isocrates, Aristotle and Alexander the Great.— Historia, 3, 1954, с. 60—81.

[30] Слабость персидского войска крылась уже в самой системе набора солдат через сатрапов, в отсутствии единой системы обучения и вооружения. Командные посты в войске традиционно занимали персы и мидяне; основная масса солдат набиралась из народов, подвластных Персии, была слабо обучена и не стремилась к защите персидских интересов [Геродот, VII, 60—99]. (Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Τ. 3, с. 182 и сл.).

[31] Совершенно необоснованно мнение В. Тарна, что Александр не намеревался стать владыкой мира, а хотел лишь завоевать всю державу Ахеменидов (W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I, с. 120—122).

[32] К. С. Мусиенко. Оппозиция в армии Александра Македонского, с. 51.

[33] С. И. Ковалев. Александр Македонский, с. 45.

[34] Постепенное изменение планов македонского царя на Востоке признают такие видные советские историки античности, как А. Б. Ранович («Эллинизм и его историческая роль») и А. С. Шофман («Идея мирового господства в завоевательных

планах Александра Македонского»). См. также: Д. Туслянос, И. Мирокова. Держава Александра Македонского..., с. 3 и сл.

[35] Е. Μικρογιαννάκης. Αἱ μεταξὺ Ἀλεξάνδρου καὶ Δαρείου διπλωματικαὶ ἐπαφαί. Ἀθῆναι, 1969, с. 119.

[36] С. И. Ковалев. Александр Македонский, с. 50.

[37] Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 3, с. 201 и сл.

[38] К. К. Зельин. К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330—328 гг. до н. э. (заговор Филоты), с. 260—265.

[39] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I. с. 166; A. R. Bellinger. An Alexander Hoard from Byblos.— BAS, 10, 1950—51, с. 37—49.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[1] A. Dascalakis. Alexander the Great and Hellenism, с. 67 и сл. По Б. А. Тураеву, ливийский храм дал Александру положение, в необходимости которого ему пришлось вскоре убедиться. Он сделал его восточным монархом, законным наследником восточных владык (Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Т. II, с. 204). См. также: A. Gitti. Alessandro Magno e il responso di Amone.— RSI, 64, 1952, с. 531—547.

[2] Посещение Александром оракула Амона занимало многих историков, так как древние авторы придавали этому факту особое значение. См.: H. Bengtson. Griechische Geschichte, с. 334, примеч. 2; J. R. Hamilton. Plutarch Alexander. A Commentary. Ox., 1969, с. 69; V. Ehrenberg. «Pothos», Alexander and the Greeks. Blackwell, 1938, с. 52—61; G. Griffith. Alexander the Great, the Main Problems. Cambridge, 1966, с. 151—178; W. Tarn. Alexander the Great. Vol. II. Cambridge, 1948, с. 347—374. A. Δασκαλάκης. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος καὶ ὁ Ἑλληνισμός. Ἀθῆναι, 1963, с. 84 и сл.

[3] Вопрос о том, насколько Александр верил в свое божественное происхождение и был религиозен, разбирается в целом ряде работ. См.: А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 61; В. Λαούρδας. Ἡ προσωπικότης τοῦ Μεγάλου Ἀλεξάνδρου κατὰ τὸν Ἀρριανόν. Θεσσαλονίκη, 1971, с. 11; G. Glotz. Histoire Grecque. Vol. IV. P., 1946, с. 92; A. Dascalakis. La déification d'Alexandre le Grand en Egypte et la reaction en Grece. Studii Clasice. Bucharest, 1967, № 9, с. 93—105; Ch. A. Robinson. Alexander Deification.— «American Journal of Philology», LXV, 1943, с. 286—301; A. Bonnard. La civilisation Grecque. Lausanne, 1953, с. 167—168.

[4] Интересно замечание Б. А. Тураева по этому вопросу: «Итак, первая победа Востока над эллинством была одержана в Египте, и победа решительная, положившая грань между Александром и его сподвижниками» (Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Т. II, с. 204).

[5] Двойственность планов Александра в отношении Востока отмечали некоторые исследователи, считавшие, что он выступал как гегемон Коринфского союза и как продолжатель дела Филиппа, что на самом деле не соответствовало миродержавным планам македонского царя. Эту точку зрения поддерживают U. Wilcken (Alexander der Grosse, с. 98) и F. Altheim (Alexander und Asien, с. 66).

[6] A. Δασκαλάκης. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος καὶ ὁ Ἑλληνισμός. Ἀθῆναι, 1963, с. 117 и сл.; Fr. Altheim. Alexander und Asien, с. 66.

[7] И. Дройзен полагает, что свобода и автономия островов Эгейского моря были полностью восстановлены Александром (И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 130—131). См. также: A. Dascalakis. Alexander the Great and Hellenism, с. 218.

[8] Официальная традиция ничего не сообщает о Мегалопольской битве, а источники критической версии очень скупо пишут об этом. Только Диодор пишет о количестве войск враждующих сторон [XVII, 63, 1]. При этом указание, что армия Антипатра насчитывала 40 тыс. воинов, вызывает обоснованные сомнения, так как Диодор говорит, что Александр оставил в Македонии 13 500 человек [XVII, 17, 5]. Кроме того, царь постоянно требовал новых пополнений, да и борьба с внутренними врагами все время держала Антипатра в напряжении.

[9] A. Δεσποτόπουλος. Ἐκστρατεία τοῦ Δαρείου. — ΙΕΕ. Τ. Δ'. Ἀθῆνα, 1973, с. 88.

[10] М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана, с. 144.

[11] Д. Туслянос, И. Мирокова. Держава Александра Македонского. Афины, 1976, с. 52 и сл. Б. А. Тураев пишет: «В Азии было также достаточно сил для воздействия на Александра. Подобно всем восточным завоевателям, удостоверяет он свое владычество жертвоприношениями в главных храмах, т. е. вступает в права местных царей...» (Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Т. II, с. 204). См. также: Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῶν Ἑλληνιστικῶν Χρόνων, с. 8: он же. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 3, с. 9.

[12] А. С. Шофман. Идея мирового господства в завоевательных планах Александра Македонского, с. 96—111.

[13] А. С. Шофман считает, что Дарий заново создавал армию перед Гавгамельской битвой (см.: А. С. Шофман. Восточная политика Александра Македонского, с. 87).

[14] С. И. Ковалев вполне обоснованно полагает, что численность персидского войска, приводимую в источниках, нужно уменьшить по крайней мере в десять раз (С. И. Ковалев. Александр Македонский, с. 60).

[15] В этом приказе Дария, видимо, нашло отражение несколько запоздалое осуществление плана Мемнона, предложившего в свое время персидскому царю тактику выжженной земли еще на пороге битвы за Малую Азию [App., I, 12, 9; Диод., XVII, 18, 2—3].

[16] Страбон [XI, 523] сообщает, что после битвы при Гавгамелах Атропат, военачальник Дария, сделал Малую Мидию независимой и «еще теперь (к I в. н. э.) наследование сохраняется в его семье, так как его потомки вступили в браки с армянскими и сирийскими царями, а позже — с парфянскими...».

[17] Курций пишет, что «они должны проложить себе путь на родину к пенатам своею собственной рукой» [IV, 14, 7]. О смещении событий в повествовании Курция см.: А. С. Шофман. Восточная политика Александра Македонского, с. 255 и сл.

[18] Подробный анализ битвы при Гавгамелах, по Арриану, дается в книге английского исследователя Е. Марсдена. См.: E. W. Marsden. The Campaign of Gaugamela. Liverpool, 1964. См. также: G. T. Griffith. Alexander's Generalship at Gaugamela.— JHS, 67, 1947, с. 77—89; P. A. Brunt. Persian Accounts of Alexander's Campaigns.— CQ, 56, 1962, с. 141—155.

[19] И. Дройзен отмечал несоразмерность потерь персов и македонян в битве при Гавгамелах. Но, будучи сторонником апологетической традиции, он объяснял это тем, что основные силы персов погибли во время панического бегства (И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 188). См. также: K. Παπαρρηγόπουλος. Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους. Т. 2, с. 91 и сл.: Θ. Σαράντης. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος. Ἀπό τήν ἱστορία ἕως τό θρῦλο. Т. 2, Ἀθῆναι, 1970, с. 23 и сл., I. Παπασταύρου. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδος. Ἀθῆναι, 1972 с. 390 и сл.; Α. Δασκαλάκης. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος καί ὁ Ἑλληνισμός. Ἀθῆναι, 1963, с. 259 и сл.

[20] Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 3, с. 222 и сл.; М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана, с. 145; W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I, с. 51.

[21] С победой Антипатра под Мегалополем над мятежным войском спартанцев было устранено последнее препятствие, мешавшее Александру продвигаться в глубь Азии (М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана, с. 146); J. Kaerst. Geschichte des hellenistischen Zeitalters. Bd I, с. 281—282.

[22] Униженным культурным центром древнего мира называет Б. А. Тураев Вавилон в пору персидского господства и этим объясняет неприязнь вавилонян к персам (Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Т. II, с. 204).

[23] Как верно отмечает М. М. Дьяконов (Очерк истории Древнего Ирана, с. 145), оставление Мазея на посту сатрапа Вавилона было первым симптомом сближения Александра с персидской знатью.

[24] Так как Вавилон некогда был могущественным центром ассиро-вавилонского царства, объединявшего многие земли от Египта до Междуречья, вавилонские цари первыми ввели в обиход понятие мировой державы, что было подхвачено Ахеменидами и позже Александром (Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Т. II, с. 204).

[25] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 20; М. Уилер. Пламя над Персеполем, с. 88—89.

[26] Ф. Энгельс. Армия.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 14, с. 355—356; Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 3, с. 243 и сл.; А. С. Шофман. Армия и военные преобразования Александра Македонского.— ВДИ. 1972, № 1, с. 180; F. Altheim. Alexander und Asien, с. 73—74.

[27] Β. Λαούρδας. Ἡ προσωπικότης τοῦ Μεγάλου Ἀλεξάνδρου κατά τόν Ἀρριανόν. Θεσσαλονίκη, 1971, с. 16.

[28] P. Cloché. Alexandre le Grand, с. 59; J. Kaerst. Geschichte des hellenistische Zeitalters. Bd I, с. 310.

[29] Α. Δασκαλάκης. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος καί ὁ Ἑλληνισμός. Ἀθῆναι, 1963, с. 115 и сл.

[30] Источники отмечают, что последний раз фалангиты были использованы, да и то в ограниченном масштабе, в Индии против слонов Пора [App., V, 17, 3]; во всех остальных сражениях преимущественную роль играли легкие пехотные части и конница. См. также: W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I, с. 69; F. Altheim. Alexander und Asien, с. 76.

[31] Весьма удачно замечание А. С. Шофмана, что «царь Македонии и гегемон Ко-

ринфского союза не был совместим в понимании войска с царем Азии» (см. его статью «Идея мирового господства в завоевательных планах Александра Македонского», с. 101). См. также: А. Г. Бокщанин. Парфия и Рим. Ч. I, 1960, с. 114 и сл.

[32] Высказанная И. Дройзеном гипотеза, в соответствии с которой Александр в Персеполе ожидал предложения новых мирных переговоров от Дария (И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 200), не соответствовала в действительности планам македонского царя, который сразу после Исса отверг мир, основанный на условиях владения частью Азии, ибо претендовал на всю ахеменидскую державу и далее на весь мир. Следовательно, предположение немецкого историка лишено серьезных оснований.

[33] Александр доказал преимущество зимних кампаний с применением немедленной атаки и тактики преследования. См.: А. С. Шофман. Армия и военные преобразования Александра Македонского, с. 185; см. также: Г. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 3. с. 244.

[34] E. Schmidt. Persepolis. Vol. I, II. Chicago, 1953, 1957.

[35] Ошибка отдельных исследователей по эллинизму кроется в том, что они выводят культуру из этнической принадлежности, а не из социально-экономических условий эпохи. На эту тему см. комментарий Г. А. Кошеленко к кн. М. Уилера «Пламя над Персеполем», с. 210—214, а также: Д. И. Цибукидис. Греция и Восток (Эллинистическая проблематика греческой историографии 1850—1974 гг.), с. 16.

[36] М. Уилер пишет, что походу Александра с самого начала в целях пропаганды придавали характер возмездия (М. Уилер. Пламя над Персеполем, с. 19 и сл.). А. Даскалакис не сомневается в достоверности свидетельств Диодора и Плутарха о жажде мести (Α. Δασκαλάκης. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος καί ὁ Ἑλληνισμός, с. 268).

[37] И. Дройзен. История эллинизма. Т. II, с. 17, прим. 69; F. Schachermeyr. Alexander der Grosse..., с. 331; Ch. Robinson. Alexander the Great, с. 454.

[38] Это мнение античной историографии полностью разделяет В. Тарн (W. Tarn. Alexander the Great and the Unity of Mankind.— British Academy of the Promotion of Historical, Philosophical and Philological Studies. Proceeding 19. Cambridge, 1933, с. 123—166), за что он подвергался критике со стороны ряда исследователей; см.: Ph. Merlan. Alexander the Great or Antiphon the Sophist? — «Classical Philology». 1950, № 45, с. 161—166. Ю. Белох отрицает возможность сближения эллинов и «варваров» (J. Beloch. Griechische Geschichte. Bd III, с. 149).

[39] А. Г. Бокщанин. Парфия и Рим. Ч. I, с. 106 и сл.

[40] М. Уилер пишет, что «поход Александра эллинизировал чуть ли не в единый миг огромные пространства Азии...» (М. Уилер. Пламя над Персеполем, с. 88).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[1] См. журнал «Ἀθήναιον». 1876, с. 102; С. А. Жебелев. Милет и Ольвия.— «Северное Причерноморье». М., 1953, с. 44; И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 214.

[2] Уже А. Гутшмид называл сопротивление народов Средней Азии македонскому завоеванию народной войной (A. v. Gutschmid. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888, с. 11). См. также: Г. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 3, с. 248, 250; С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии.— ВДИ. 1938, № 1, с. 176—203.

[3] А. Б. Ранович пишет (видимо, не принимая во внимание свидетельство Курция), что неизвестно, собирал ли Дарий новое войско или выжидал каких-либо событий (А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 63).

[4] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 203. В греческой историографии существует и иная точка зрения. Г. Кордатос верно отмечает, что Александр отпустил на родину союзные контингенты, так как больше не нуждался в их помощи, а дальнейший поход предпринимал от своего имени (Г. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 3, с. 238 и сл.). А. С. Шофман. Восточная политика Александра Македонского, с. 115.

[5] С. И. Ковалев. Александр Македонский, с. 69; он же. Монархия Александра Македонского.— ВДИ. 1949, № 4.

[6] G. T. Griffith. Alexander's Generalship at Gaugamela.— JHS. Vol. XLVII, 1947, с. 84; W. Tarn. Alexander the Great. Vol. II, с. 187; Г. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 3, с. 240.

[7] Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 86.

[8] Предположение Б. А. Тураева о том, что Александр был намерен короноваться царем Вавилона, восходит к единственному свидетельству — Юстина [XII, 16, 9], который пишет, что македонский царь приказал именовать себя «царем всех стран мира» (Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Т. II, с. 204).

[9] А. С. Шофман. Восточная политика Александра Македонского, с. 260.

[10] В. Тарн пишет, что «Александр расширил рамки известного ранее мира в четыре раза. Он доставлял своими походами материал для увеличения знаний в самых различных областях науки: ботанике, зоологии, географии, этнографии, гидрографии...» (В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 266).

[11] Пребыванию Александра в Средней Азии посвящен ряд работ. См.: В. В. Григорьев. Поход Александра Великого в Западный Туркестан.— ЖМНП. Ч. 217, отд. II, сентябрь — октябрь 1881; К. В. Тревер. Александр Македонский в Согде.— ВИ. 1947, № 5; Р. М. Рахманова. Средняя Азия V—IV вв. до н. э. и поход Александра Македонского. Автореф. канд. дисс. Л., 1964; Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Τ. 3, с. 243; см. также: J. Kaerst. Geschichte des hellenistischen Zeitalters, с. 322; H. Berve. Griechische Geschichte. Basel — Wien. Bd II, 1953, с. 106—107.

[12] В обращении к македонскому царю как к богу современные историки видят превращение греко-македонской монархии в восточную. По этому вопросу см.: Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Т. II, с. 204; А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 61; М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана, с. 144.

[13] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 218. Экспедиция Патрокла, наварха Селевка I, подтвердила ошибочное мнение, что Каспийское море — залив Океана [Страб., II, 74; XI, 518; Plin., II, 167; VI, 58].

[14] Древний Гекатомпил Страбон называет столицей Парфии [XI, 514]; его отождествляют с современным Дамганом.

[15] Оценивая события времени Александра Македонского с позиций известного им финала, античные авторы постоянно указывали на непрочность владения отдаленными землями Передней и Средней Азии, которые со смертью македонского царя отпали первыми. Неважно, что бывшие при Александре сатрапы остались на своих постах, существеннее другое — развал мировой державы [Юстин, XIII, 4; Диод., XVIII, 78, 3; XVIII, 39].

[16] См. подробнее: А. С. Шофман. История античной Македонии. Ч. 2, с. 144—145; он же. Восточная политика Александра Македонского, с. 308 и сл. Осуждение Кратером Филоты иногда расценивается также как соперничество. См.: H. Berve. Griechische Geschichte. Bd II, с. 222.

[17] Местонахождение города до сих пор вызывает споры. Наиболее вероятно, что Артакоана была расположена вблизи основанной позже Александрии Арийской [Страб., XI, 516].

[18] Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 91.

[19] Вряд ли Антипатр мог направить к Александру иллирийцев, так как разразившееся в это время восстание фракийцев и спартанцев подрывало устои македонского могущества [Диод., XIX, 73, 8].

[20] А. С. Шофман. История античной Македонии. Ч. 2, с. 135; он же. О социальной сущности македонской оппозиции в армии Александра.— «Ученые записки Казанского ун-та». Т. 117, кн. 9. Казань, 1957.

[21] К. К. Зельин. К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330—328 гг. (заговор Филоты), с. 263; Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Τ. 3, с. 252 и сл.

[22] Исходя из свидетельства Плутарха [Алекс., 49], И. Дройзен полагает, что Лимна убили преднамеренно, дабы скрыть улики (И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 67, примеч. 28).

[23] Е. А. Костюхин. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972, с. 13. Частый отход Курция от основной темы для показа собственной эрудиции подметил В. Тарн (W. Tarn. Alexander the Great. Vol. 2, с. 92).

[24] С. И. Ковалев. Александр Македонский, с. 77; Д. Тусляное, И. Мирокова. Держава Александра Македонского..., с. 41 и сл.

[25] И. Дройзен, связывая заговор Филоты с Линкестийцем, полагал, что только второй мог быть царем после устранения Александра, так как принадлежал к царскому роду и был вправе рассчитывать на поддержку Антипатра, своего зятя (И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 235); см. также: J. Kaerst. Geschichte des hellenistischen Zeitalters, с. 353; U. Wilcken. Alexander der Grosse, с. 159; A. Bonnar. Civilization grecque, с. 187.

[26] С. И. Ковалев. Македонская оппозиция в армии Александра. Л., Известия ЛГУ, т. II, 1930, с. 152; он же. Монархия Александра Македонского.— ВДИ. 1949, № 4, с. 31; он же. Александр, Филота и Парменион.— «Уч. зап. ЛГУ». Сер. истор. наук. Вып. 14, 1949.

[27] А. С. Шофман. История античной Македонии. Ч. 2, с. 142; он же. Восточная политика Александра Македонского, с. 362—363; К. К. Зельин. К вопросу о со-

циальной основе борьбы в македонской армии в 330—328 гг. до н. э. (заговор Филоты). с. 269—270.

[28] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 235; К. Παπαρρηγόπουλος. Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους. Т. 2, с. 102—103.

[29] App., III, 27, 4. Воины Кира, оказавшиеся в бесплодной пустыне, находились на краю гибели и уже начали поедать друг друга, когда с 30 тыс. подвод, груженных хлебом, появились аримаспы [Диод., XVII, 81, 1]. Кир был так благодарен спасителям, что освободил их от уплаты налогов, «пожаловал другими милостями и назвал эвергетами». Трудно сказать, что в этом рассказе вымысел, а что правда, но об эвергетах писали многие авторы, указывая что они проживали между территориями дрангов и арахотов [Страб., XV, 724].

[30] W. Tarn. Greeks in Bactria and India. 2nd ed. Cambridge, 1951, с. 78.

[31] М. Уилер. Пламя над Персеполем, с. 46. Это же мнение разделяет Дройзен в «Истории эллинизма» (т. I, с. 225).

[32] М. Уилер. Пламя над Персеполем, с. 48.

[33] Г. М. Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев. М., 1973, с. 173.

[34] Марксистская наука не отрицает влияния географической среды на историческое развитие народов. К. Маркс указывал, что «не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала» (К. Маркс. Капитал. Т. I.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, с. 522). Однако в конечном счете все решает техническая оснащенность общества, а не фактор места обитания. См. на эту тему: М. А. Коростовцев. Академик Б. А. Тураев.— ВДИ. 1974, № 2, с. 113; он же. О понятии «древний Восток».— ВДИ. 1970, № 1, с. 4 и сл.

[35] На эту особенность указывал И. Дройзен, суммируя свидетельства поздних греко-римских источников (И. Дройзен. История эллинизма. Т. III. Приложение, с. 349—352).

[36] Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 90—91.

[37] Л. В. Баженов. Средняя Азия в древнейший период (между шестым и вторым веками до нашей эры). Таш., 1937, с. 38—40; Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 90.

[38] История таджикского народа. Т. I. М., 1963, с. 241; Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 91.

[39] Б. А. Тураев метко замечает, что это было началом превращения «гражданства в подданство» (Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Т. II, с. 205).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[1] Датировка Авесты спорна. Новейшие исследователи склоняются к мысли, что она составлена во второй половине VII в. до н. э. и до начала VI в. до н. э., т. е. ранее времени завоевания Средней Азии Ахеменидами. См.: И. М. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.— Л., 1956, с. 390 и сл.; Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 52; Δ. Τουσλιανός, Ι. Μιρόκοβα. Εἰσαγωγή στήν ἱστορία τοῦ Ἑλληνοβακτριανοῦ κράτους. Ἀθήνα, 1976. с. 9.

[2] М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана, с. 43, примеч. 45. Однако И. М. Дьяконов на основании одного переведенного и комментированного письма делает вывод о проникновении в лазуритовые копи Бадахшана ассирийских царей (И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту.— ВДИ. 1951, № 2. с. 35).

[3] Подробнее на эту тему см.: В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.— Л., 1959; М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в Северной Бактрии.— СА. Т. XIX. М.— Л., 1954.

[4] Модель такой колесницы имеется среди предметов амударьинского клада, найденного в районе Кобадиана в конце прошлого века. См.: С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, с. 225; O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus with other Examples of Early Oriental Metal-Work. L., 1926. fig. 20—21, pl. IV.

[5] C. Müller. Geographi Graeciae Minores, II, 302.

[6] I. Gerschevitch. A Grammar of Manichean Sogdian. Ox., 1954, с. 245.

[7] Б. А. Литвинский. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г.— Археологические работы в Таджикистане. VI, 1961.

[8] O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus..., с. XXXIV—XXXV, 19—20.

[9] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны Нисы.— Труды ЮТАКЭ. Т. IV, 1959, с. 20—21.

[10] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, М.— Л., 1959, № 73.

[11] С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм.— XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады советской делегации. М., 1960, с. 23.

[12] W. Tarn. Hellenistic Military and Naval Developments. Cambridge, 1930, с. 74; F. Altheim. Niedergang der Altem Welt. Bd I. Frankfurt am Main, 1951, с. 21; С. П. Толстов. Древний Хорезм, с. 225.

[13] Б. А. Литвинский, И. В. Пьянков. Военное дело у народов Средней Азии VI—IV вв. до н. э.— ВДИ. 1966, № 3. См. также: История таджикского народа. Т. I, с. 249; Д. Туслянос, И. Мирокова. Держава Александра Македонского, с. 33.

[14] И. Дройзен, Ю. Керст, В. Григорьев отождествляют Драпсаку с Андерабом (И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 69, прим. 9; J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd II, с. 431; В. В. Григорьев. Поход Александра Великого в Западный Туркестан, с. 39). Ф. Шварц и Ф. Альтгейм полагают, что Драпсака — это Кундуз (F. Schwarz. Alexanders des Grossen Feldzuge in Turkestan. 2 Auflage. Stuttgart. 1906, с. 28; F. Altheim. Weltgeschichte Asiens in griechischen Zeitalter. Bd I. Halle, 1947, с. 167.

[15] В. Тарн допускает, что Александр применил здесь свой излюбленный тактический прием обхода противника и этим добился ухода Бесса с перевалов (W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I, с. 66). См. также: Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 3, с. 246 и сл.

[16] Курций пишет о 8 тыс. бактрийцах, сопровождавших Бесса [VII, 4, 20].

[17] И. Л. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. I. СПб., 1882, с. 115—125.

[18] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 70, примеч. 13.

[19] Таких, по Курцию, набралось 900 человек [VII, 5, 27].

[20] В. В. Бартольд. Исследования по истории Согдианы с древнейших времен до арабского завоевания (кончая 719 г.). Рукопись. Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, № 14, л. 5; И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 70, примеч. 13; F. Schwarz. Alexanders des Grossen Feldzuge..., с. 32.

[21] W. Tarn. Alexander the Great. Vol. II, с. 275; он же. Alexander's Conquest of the Far East.— CAH. Vol. VII, 1933, с. 392; Шварц (Alexanders des Grossen Feldzuge..., с. 37) помещает бранхидов в Келифе.

[22] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940, с. 20.

[23] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 242, примеч. 18.

[24] В. В. Григорьев. Поход Александра Великого в Западный Туркестан, с. 43.

[25] К. В. Тревер. Александр Македонский в Согде.— ВИ. 1947, № 5, с. 113.

[26] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I. Приложение, с. 71, примеч. 19. О поимке и смерти Бесса см.: А. Δασκαλάκης. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος καί ὁ Ἑλληνισμός, с. 120; Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 3, с. 247 и сл.

[27] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 242—243.

[28] В. В. Григорьев. Поход Александра Великого в Западный Туркестан, с. 45. В современной исторической литературе высказывается мысль, что Бесс, будучи персом, не мог рассчитывать на широкую поддержку среднеазиатского населения. См.: История таджикского народа. Т. I, с. 245—247.

[29] Пребыванию Александра Македонского в Средней Азии посвящено несколько работ в русской и советской историографии. См.: В. В. Григорьев. Поход Александра Великого в Западный Туркестан; К. В. Тревер. Александр Македонский в Согде: Л. В. Баженов. Средняя Азия в древнейший период (VI—II вв. до н. э.). Таш., 1937; С. И. Ковалев. Александр Македонский, с. 79—88; История таджикского народа. Т. I, с. 236—274: Р. М. Рахманова. Средняя Азия V—IV вв. до н. э. и поход Александра Македонского. Канд. дис. Л., 1964; Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 88—98; А. С. Шофман. Восстание Спитамена.— «Уч. зап. Казанского ун-та». Т. 115, кн. 10, 1955; он же. Антимакедонское движение в Средней Азии (из истории борьбы среднеазиатских племен и народностей против македонского нашествия).— Вопросы всеобщей истории. Чебоксары, 1973. В зарубежной исторической литературе также имеется ряд работ на эту тему. См.: И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 238—269; Th. Zolling. Alexanders des Grossen Feldzuge in Central Asien. Eine Quellenstudien. 2 Auflage. Lpz., 1875; F. Schwartz. Alexanders des Grossen Feldzuge in Turkestan; см. также: Κ. Παπαρρηγόπουλος. Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους. Т. 2, с. 103 и сл.: Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 3, с. 243—251: А. Δασκαλάκης. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος καί ὁ Ἑλληνισμός, с. 277 и сл.; Ι. Παπαστάυρου. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδος, с. 390 и сл.; Д. Туслянос, И. Мирокова. Держава Александра Македонского, с. 33 и сл.

[30] В. В. Бартольд. Исследование по истории Согдианы с древнейших времен до арабского завоевания (кончая 719 г.), л. 5. А. С. Шофман считает, что восстание стало приобретать всеобщий характер (Восточная политика Александра Македонского, с. 446—467).

[31] Этот Танаис (Яксарт), берущий начало в Кавказских горах, впадал, по свидетельству Аристобула, в Гирканское море [Арр., III, 30, 7]. Кроме того, Арриан сообщает, что «должен быть еще другой Танаис», о котором пишет Геродот [IV, 57]. Этот Танаис древние отождествляли с Доном и считали естественной границей Европы и Азии [Страб., XI, 490, 491; Арр., III, 30, 8]. В изложении Курция вообще нет четкого разделения между Танаисом—Доном и Танаисом—Яксартом [VII, 6, 12—13].

[32] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 72, примеч. 25. Подробнее на эту тему см.: Н. Н. Негматов. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье... Автореф. докт. дис. М., 1968, с. 10 и сл.

[33] В. А. Лившиц. Согдийский посол в Чаче (Документ А-14 с горы Муг).— «Советская этнография». 1960, № 2, с. 101—105.

[34] История таджикского народа. Т. I, с. 255.

[35] В. В. Григорьев. Поход Александра Великого в Западный Туркестан, с. 55.

[36] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 72, примеч. 26.

[37] В. В. Григорьев. Поход Александра Великого в Западный Туркестан, с. 57. Это мнение разделяет Л. В. Баженов (Средняя Азия в древнейший период, с. 47—48).

[38] W. Tomaschek. Centralasiatische Studien. Wien, 1877, с. 57, 60; J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. T. I, c. 437, Anm. 2.

[39] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана.— Сочинения. Т. II, ч. I, с. 167—173; он же. К истории орошения Туркестана.— Сочинения. Т. III, с. 97—101.

[40] В. А. Ранов, Е. Д. Салтовская. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г.— Археологические работы в Таджикистане в 1959 г. Вып. VII.

[41] E. R. Bevan. The House of Seleucus. Vol. I. L., 1902, c. 279.

[42] J. Droysen. Alexander des Grossen Zuge durch Turan — RMP. Zweiter Jahrgang, 1834, c. 91—92; Н. Н. Негматов. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1955 г.— АРТ. III, 1956, с. 33—34. Б. Г. Гафуров считает, что Александрию Эсхату следует искать в районе Ленинабада, включая территорию города («Таджики», с. 95).

[43] L. Cammings. Alexander the Great. Boston, 1940, c. 286—288.

[44] Behist., I, § 2; V, § 4. Надпись на серебряной пластине из Хамадана (древних Экбатан). М. М. Дьяконов, основываясь на эпиграфических памятниках времен Дария I, считает, что поход был против азиатских скифов, а не европейских. См.: М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана, с. 93.

[45] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 249.

[46] Там же, с. 52, примеч. 41. С. И. Ковалев потери греков и македонян при Гавгамелах (500 человек) дает по Диодору (С. И. Ковалев. Александр Македонский, с. 62).

[47] Б. А. Литвинский. Саки, которые за Согдом.— Труды АН Таджикской ССР. Т. CXX, 1960, с. 94.

[48] J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. T. I, c. 432; U. Wilcken. Alexander der Grosse, c. 143, 145; W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I, c. 69.

[49] Курций сообщает, что из 3800 воинов, входивших в состав отряда Менедема, пало 2300 [VII, 6, 24; VII, 9, 21].

[50] Подробный перечень глав, рассказывающих о походе в Согдиану, был написан еще в древности. См.: Diodorus Sicilicus, Ἱστοριῶν Βιβλιοθήκη. Lipsiae, MDCCCXCII.

[51] Такому жестокому опустошению никогда не подвергалась долина Зеравшана ни до, ни после Александра (В. В. Григорьев. Поход Александра Великого в Западный Туркестан, с. 66—67).

[52] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 252.

[53] См. рецензию С. П. Толстова на книгу: W. Tarn. Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938.— ВДИ. 1940, № 3—4, с. 194—209.

[54] С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма.— ВДИ. 1941, № 1 (14), с. 155—184; Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. Краткий очерк.— ТОВЭ. Т. 2, с. 87—104.

[55] Антиохию Маргианскую вспоминает Страбон, но ничего не говорит об основании в этом месте Александрии [XI, 516].

[56] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 76, 77, примеч. 34.

[57] Страбон приводит двойное название города: Бактра-Зариаспа [XI, 516].

[58] W. Tarn. Greeks in Bactria and India, c. 114—115; J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I, c. 438—439; F. Reuss. Bactra and Zariaspa.— RMP. Bd LXII, 1907, c. 591—595; История таджикского народа. Т. I, с. 262.

[59] С. П. Толстов. Древний Хорезм, с. 341—342.

[60] М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана, с. 149.

[61] W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I, c. 72; J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I, c. 439.

[62] Курций [VIII, 1, 3] указывает, что мятежные бактрийцы совместно с 800 массагетских всадников начали опустошать близлежащие селения.

[63] В. Тарн считает их первыми туземными подразделениями в македонском войске (W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I, c. 72).

[64] W. Tarn. Queen Ptolemais and Apama.— CQ. Vol. XXIII, № 3—4, c. 139—141.

[65] Г. А. Тирацян. Ахеменидские традиции в древней Армении.— XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, с. 3; M. Rostovtzeff. Πρόγονοι. — JHS. Vol. LV, 1935, c. 65. К. В. Тревер высказывает предположение, что убийство Спитамена собственной женой следует рассматривать в связи с настроением среднеазиатской знати, которая к концу 328 г. до н. э. начала искать сближения с Александром (Александр Македонский в Согде, с. 120). А. С. Шофман присоединяется к этому мнению (Восточная политика Александра Македонского, с. 482).

[66] В. В. Григорьев. Поход Александра Великого в Западный Туркестан, с. 180—181.

[67] W. Tomaschek. Sogdiana, c. 30—31.

[68] J. Marquardt. Wehrot und Arang. Leiden, 1938, c. 75.

[69] История таджикского народа. Т. I, с. 270.

[70] В. В. Григорьев. Поход Александра Великого в Западный Туркестан, с. 198; J. Marquardt. Wehrot und Arang, c. 75.

[71] История таджикского народа. Т. I, с. 272.

[72] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 78, примеч. 69.

[73] W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I—II; Ch. Robinson. Alexander the Great: the Meeting of East and West in World Government and Brotherhood. N. Y., 1947; M. Wheeler. Flames over Persepolis...

[74] Аристотель, Политика́, VII, 2, 5, 1325в.

[75] Исократ пишет, что «эллинами теперь называют уже не людей, связанных кровным родством, а приобщившихся к нашему просвещению» [Панегирик, 50].

[76] А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 343.

[77] Ap. Dascalakis. Alexander the Great and Hellenism, c. 25.

[78] Ἀριστοτέλους. Ἠθικά Νικομ. 1124β 7—1125α 17.

[79] Г. А. Кошеленко. Восстание греков в Бактрии и Согдиане..., с. 74 и сл.

[80] Ф. Энгельс. Поражение пьемонтцев.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 6, с. 416.

[81] Деятельности оппозиции во время восточных походов Александра Македонского посвящен ряд исследований советских историков: С. И. Ковалев. Македонская оппозиция в армии Александра; он же. Из истории македонской оппозиции в армии Александра.— «Уч. зап. ЛГУ», № 112. Сер. истор. наук. Вып. 14, 1949; он же. Заговор пажей. Александр и Клит.— ВДИ. 1949, № 3; А. С. Шофман. О социальной сущности македонской оппозиции в армии Александра; К. К. Зельин. К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330—328 гг., с. 255 и сл.

[82] В. Тарн пишет, что философы стояли у царского трона и давали советы (В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 301).

[83] С. И. Ковалев. Заговор пажей.— ВДИ. 1947, № 1.

[84] Подлинные отрывки сочинений Каллисфена вошли в сборники: R. Heyer. Alexandri Magni Historiarum scriptores. Lpz., 1844; A. Westermann. De Callisthene Olynhio et Pseudo Callisthene qui dicitur commentatio. Lpz., 1838—1842.

[85] Это подтверждает и Плутарх [Алекс., 72]. Диодор пишет обратное: оракул Амона приказал чтить Гефестиона как бога [XVII, 115].

[86] Геродот, I, 214; Юстин, I, 8; II, 3.

[87] О Клитархе известно очень мало. Он жил в IV—III вв. до н. э. Известна его биография Александра из 12 книг: «Αἱ περὶ Ἀλεξάνδρου Ἱστορίαι» или «Τά περὶ Ἀλεξάνδρου». До нас дошло около 30 отрывков из Клитарха, собранных Р. Гейером и К. Мюллером в середине прошлого века.

[88] В. И. Ленин. Конспект книги Аристотеля «Метафизика».— Полное собрание сочинений. Т. 29, с. 326.

[89] Здесь можно заметить также сильное влияние аристотелевских идей, высказанных в «Афинской политии», где заговору Гармодия и Аристогитона уделено много внимания [VII, 17—19].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[1] Ф. Альтгейм и Ф. Шахермейр полагают, что идея мирового господства у Александра возникла в начале похода или даже в юношеские годы и не претерпела в дальнейшем никаких изменений. См.: F. Altheim. Alexander und Asien, c. 67; F. Schachermeyr. Alexander der Grosse..., c. 331.

[2] P. Leveque. L'aventure grecque. P., 1964, с. 343; J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I, с. 254.

[3] У. Вилькен считает, что только походом в Индию Александр начал осуществлять идею мирового господства. См.: U. Wilcken. Alexander der Grosse, с. 163; он же. Griechische Geschichte, с. 253; J.-R. Palanque. Les impérialismes antiques, с. 63 (этот автор связывает миродержавные планы Александра с легендой о гордиевом узле).

[4] L. Homo. Alexandre le Grand, с. 127.

[5] W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I, с. 121—122, Suppl., с. 378—399.

[6] Перед скифскими послами Александр высказал мысль о покорении Индии, намереваясь закончить этим завоевание Азии [App., IV, 15, 6].

[7] А. С. Шофман. Идея мирового господства..., с. 99; Д. И. Цибукидис. Греция и Восток..., с. 319 и сл.; Д. Тусляное, И. Мирокова. Держава Александра Македонского..., с. 43.

[8] J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I, с. 359—360; U. Wilcken. Alexander der Grosse, с. 162—163.

[9] P. Cloché. Alexandre le Grand, с. 84.

[10] C. Müller. FHG. Vol. I. До нас дошел 331 отрывок из «Землеописания» Гекатея Милетского.

[11] «Мой долг передавать все, что рассказывают,— писал Геродот,— но, конечно, верить всему я не обязан. И этому правилу я буду следовать во всем моем историческом труде» [VII, 152].

[12] J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I, с. 359—360, 394; P. Jouguet. L'impérialisme Macédonien et l'Hellénisation de l'Orient. P.. 1961, с. 7—8; P. Cloché. Alexandre le Grand. P., 1954, с. 13; M. Fortina. Alessandro Magno e l'ellenismo. Milano, 1968, с. 199—200.

[13] А. С. Шофман. Идея мирового господства..., с. 96—112; С. И. Ковалев. Александр Македонский, с. 88; А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 67—68; Д. И. Цибукидис. Греция и Восток..., с. 322.

[14] К общему количеству войска в 120 тыс. человек Плутарх добавляет еще 15 тыс. конницы [Плут., Алекс., 66].

[15] А. С. Шофман. Армия и военные преобразования Александра Македонского, с. 182; А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 68.

[16] Всего прибыло 33 тыс. союзников и наемников; кроме того, было доставлено вооружение для 25 тыс. пехотинцев и на 100 талантов лекарственных средств [Диод., XVII, 95, 4]. Видимо, Диодором допущена неточность, так как все пополнения после 331 г. до н. э. состояли из наемников.

[17] Страбон уточняет, что Александр перевалил через те же самые горы («Кавказ»), но другим, более коротким путем [XV, 697].

[18] J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I, с. 361; P. Cloché. Alexandre le Grand, с. 84.

[19] F. Schachermeyr. Griechische Geschichte, с. 336. Ср.: Курц., VIII, 10, 1.

[20] J. Benoist-Mechin. Alexandre le Grand ou le Rêve depassé. Lauzanne, 1964, с. 130.

[21] А. С. Шофман. Первый этап антимакедонского движения периода восточных походов Александра Македонского.— ВДИ. 1973, № 4, с. 117; Д. И. Цибукидис. Греция и Восток..., с. 328.

[22] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 274; А. С. Шофман. Восточная политика Александра Македонского, с. 494.

[23] Подробнее на эту тему см.: M. Wheeler. Charsada. A Metropolis of the North West Frontier. Ox., 1962.

[24] В одной из рукописей труда Арриана эта река называется Эваспла (ἐπὶ τὸν ποταμὸν τὸν Εὐάσπλα — IV, 24, 1), но не исключено, что это — название города. Эту же реку Страбон называет Хоасп, приток Кофена [XV, 697].

[25] Курций пишет, что Александр пообещал проводнику в награду 80 талантов [VIII, 11, 4].

[26] И. Дройзен считает это свидетельство римского историка ошибочным (И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 86, примеч. 46).

[27] J. Marshall. Taxila (An Illustrated Account of Archeological Excavation). Vol. I—III. Cambridge, 1951; Г. Ф. Ильин. Древний индийский город Таксила. М., 1958.

[28] Описание индийской смоковницы имеется у многих древних авторов. См.: Диод., XVII, 90, 5; Страб., XV, 694; Плиний, VII, 21; XII, 22; Теофр., История растений, I, 7, 3; IV, 4, 4.

[29] F. Schachermeyr. Alexander der Grosse..., с. 294; G. Radet. Alexandre et Poros; le passage de l'Hydaspe.— REA, 37, 1935, с. 349—356.

[30] F. Altheim. Alexander und Asien, с. 76.

[31] W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I, c. 76—77.

[32] F. Altheim. Alexander und Asien, c. 73; Ch. Robinson. Alexander the Great, c. 190.

[33] А. С. Шофман. Армия и военные преобразования Александра, с. 181; Д. И. Цибукидис. Греция и Восток..., с. 323; Д. Туслянос, И. Мирокова. Держава Александра Македонского..., с. 48—49; J. R. Hamilton. The Cavalry Battle of the Hydaspes.— JHS, 76, 1956, c. 26—31.

[34] А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 69.

[35] L. Homo. Alexandre le Grand, c. 205; A. Burn. Alexander the Great and the Hellenistic Empire, c. 219.

[36] С. И. Ковалев. Александр Македонский, с. 93.

[37] W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I, c. 99.

[38] Диодор пишет, что войско отдыхало целый месяц, пользуясь изобилием всяческих благ [XVII, 89, 6].

[39] Г. М. Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев, с. 48—49.

[40] J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I, c. 366; Ch. Robinson. Alexander the Great, c. 193; U. Wilcken. Alexander der Grosse, c. 174; F. Schachermeyr. Alexander der Grosse..., c. 338, 394.

[41] Страбон [XV, 697] пишет, что Александр был остановлен своим войском, не выдержавшим непосильных трудностей похода. См. также: A. Burn. Alexander the Great and Hellenistic Empire, c. 221; L. Homo. Alexandre le Grand, c. 208.

[42] A. Bonnard. Civilisation grecque. P., 1959, c. 175.

[43] W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I, c. 98.

[44] А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 69; А. С. Шофман. История античной Македонии. Ч. II, с. 141.

[45] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 305.

[46] Арриан [V, 29, 1] пишет, что алтари соорудили в «благодарность богам за дарованные победы и в память о понесенных трудах». Диодор [XVII, 95] указывает, что 12 алтарей соответствовали 12 богам. Филострат в «Жизнеописании Аполлония Тианского» [11, 15] добавляет, что между алтарями помещалась медная колонна с надписью: «Здесь остановился Александр». Свида в «Лексиконе» сообщал, что надпись гласила: «Я, царь Александр, проник до сих пор» (s. v. Βραχμᾶνες).

[47] Пределом проникновения Александра в Индию некоторые второстепенные источники называют Ганг, куда, как известно, не дошли македоняне. В эпоху эллинизма получил широкое распространение эпистолярный стиль литературного творчества (известны подложные письма Александра, Аристотеля, Деметрия Фалерского). Образцом такого литературного жанра считаются письма Кратера к матери, в которых сообщалось, что греки дошли до Ганга и что он сам видел эту величайшую реку Азии и огромных животных на ней [Страб., XV, 702]. Еще в одном малоизвестном произведении, «Перипл Эритрейского моря» (I в. н. э.), приписываемом Арриану, также говорилось, что Александр достиг Ганга [Перипл, 47].

[48] J. Toutain. L'économie antique. P., 1927, c. 108; И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 308.

[49] Источники не приводят названия города, а Дройзен, исходя из прецедентов градостроительной деятельности македонского царя на Востоке, называет его Александрией (И. Дройзен. История эллинизма. Т. III. Приложение, с. 359).

[50] Диодор и Курций пишут только о тысяче кораблей, на которых царь собирался достичь Океана [Диод., XVII, 96, 4; Курц., IX, 3, 22].

[51] W. Capelle в RE в разделе «Nearchos» подробно разобрал все отрывочные свидетельства древних о флотоводце царя.

[52] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 306.

[53] Страбон [XV, 700], ссылаясь на устную традицию, пишет, что Инд имеет 15 значительных притоков.

[54] Курций [IX, 4, 15] называет еще большее войско: 90 тыс. пехоты, 10 тыс. всадников и 900 колесниц.

[55] В. Уилер. Александр Великий. СПб., 1900, с. 156—158; И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 317.

[56] Определить местонахождение названных народов не представляется возможным из-за путаницы в свидетельствах о них в разных источниках. Аррианoвские согды [VI, 15, 1], возможно, идентичны содрам Диодора [XVII, 102], жившим по обоим берегам реки. См. также: И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 95—96, примеч. 26.

[57] Steph. Byz. s. v. Ὠπιανή κατά τήν Ἰνδικήν.

[58] App., VI, 15, 4; Курц., IX, 8, 8; Steph. Byz. s. v. Ἐν τῇ Σογδιανῇ.

[59] J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus; F. Altheim. Weltgeschichte Asiens

im Griechische Zeitalter. Vol. I—II; L. Homo. Alexandre le Grand, c. 272; A. Burn. Alexander the Great and Hellenistic Empire, c. 256.

[60] Подробнее на эту тему см.: Г. А. Кошеленко. Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э.— ВДИ. 1972, № 1, с. 64—67, а также: Δ. Τουσλιανός, Ι. Μιρόχοβα. Εἰσαγωγὴ στὴν Ἱστορία τοῦ Ἑλληνοβακτριανοῦ κράτους, с. 17 и сл.; Д. И. Цибукидис. Греция и Восток..., с. 329.

[61] Этому известию трудно поверить. Более вероятно, что свидетельства данного автора относятся к позднему времени — эпохе правления индо-греческих царей Аполлодота и Менандра [Псевдо-Арриан, Перипл, 47].

[62] Плутарх полагает, что плавание по Инду и его притокам заняло семь месяцев (Алекс., 66). Страбон этот срок увеличивает до десяти месяцев [XV, 692].

[63] Эратосфен относился с недоверием ко многим свидетельствам участников похода Александра на Восток, полагая, что во многом они были далеки от истины. См.: Страб., XV, 686—689.

[64] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 273.

[65] V. Smith. The Early History of India. Ox., 1904; O. Stein. Megasthenes und Kautilya. Wien, 1921. Штейн путем сопоставления свидетельств Мегасфена и Каутильи («Артхашастра») отмечает разночтения в источниках.

[66] Y. Bougert. Réflexion sur le problème de l'esclavage dans l'Inde ancienne à propos de quelques ouvrages récents.— BEFEO. 1963, vol. LI, № 1, с. 143—194.

[67] Г. Ф. Ильин. Особенности рабства в древней Индии.— ВДИ. 1951, № 1, с. 33—52; он же. Основные проблемы рабства в Древней Индии.— ИКДИ. М., 1963, с. 118—161; Г. М. Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев, с. 127—140.

[68] D. R. Chanana. Slavery in Ancient India. New Dehli, 1966.

[69] Г. Ф. Ильин. Особенности рабства в древней Индии, с. 52.

[70] К. Маркс. Капитал. Т. III.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II, с. 368.

[71] К. К. Зельин, М. К. Трофимова. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969, с. 27.

[72] Г. Ф. Ильин. Особенности рабства в древней Индии, с. 50.

[73] Cambridge History of India. Vol. I. Ancient India. L., 1922, с. 416.

[74] Курций [VIII, 9] свидетельствует обратное: индийские стрелы имели длину в два локтя и были совсем безвредны.

[75] Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας Т. 3, с. 263.

[76] G. Banerjee. Hellenism of ancient India. Calcutta — London, 1920, с. 4—5; E. Lamotte. Les premières relations entre l'Inde et l'Occident. La Nouvelle Clio, 5, 1953, с. 83—118.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[1] Предание о Семирамиде и Кире внушило Александру желание состязаться в удаче с ними [App., VI, 24, 3].

[2] По Страбону [XI, 515], дербики жили рядом с гирканцами (где-то в районе современного Красноводска). Вполне допустимо, что эти кочевники доходили до границ Индии. См.: М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана, с. 77.

[3] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 330; с. 100, примеч. 52.

[4] Стефан Византийский называет этот город Александрией Оритской [Steph. Byz., v. Ὠρίται].

[5] Плутарх полагает, что в индийском походе у Александра было 120 тыс. пехоты и 15 тыс. конницы. Таким образом, к Вавилону Александр привел не более 33 тыс. человек [Плут., Алекс., 66].

[6] Это место, подобно пустынной части Калифорнии, считается самым жарким на Земле. В. Уилер утверждает, что после Александра вплоть до XIX в. никто из европейцев не был в этих местах (В. Уилер. Александр Великий. СПб., 1900, с. 160).

[7] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 101—102, примеч. 12. См. подробнее: A. Stein. On Alexander's Route into Gedrosia: an Archaeological Tour in Las Bela.— GJ, 102, 1943, с. 193—227.

[8] Вопреки свидетельству Плутарха о гибели трех четвертей войска Александра в пустыне Белуджистана, В. Уилер делает произвольный вывод о том, что царь потерял в Гедросии половину армии (В. Уилер. Александр Великий, с. 161).

[9] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 324.

[10] А. С. Шофман. Восточная политика Александра Македонского, с. 159.

[11] Плиний называет ее «гаванью македонян», указывая, что она расположена в 100 стадиях от острова Крокала [VI, 80, 111]. Здесь находится современный Карачи.

[12] Страб., XVI, 774; Псевдо-Арриан, Перипл моря Эритрейского, 10 и сл.

[13] Страбон [XV, 767], ссылаясь на Эратосфена, называет мыс Гармозий у узкого входа в Персидский залив. Плиний [VI, 107] и Птолемей [VI, 8] пишут о порте Кармании.

[14] Диодор [XVII, 106, 4—7], излагая эти события, не столь драматичен, как Арриан.

[15] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 103, примеч. 21; А. Καλογεροπούλου. Ἐπιστροφή καί θάνατος τοῦ Ἀλεξάνδρου. —ΙΕΕ, Τ. Δ'. Ἀθῆναι, 1973, с. 198—199.

[16] Страбон [XV, 720] называет то же расстояние.

[17] В рассказе Диодора [XVII, 108] Антипатр и Олимпиада требовали выдачи Гарпала. Плутарх называет только одного Антипатра (Vit. X, Orat. Dem.). Павсаний [II, 33] пишет, что казначей Малой Азии Филоксен настаивал на выдаче Гарпала. Более подробно см.: E. Badjan. Harpalus.— JHS, 81, 1961, с. 16—43.

[18] Несмотря на утверждение Плутарха о подкупе Демосфена, И. Дройзен склонен считать, что Гарпал недостающую сумму потратил на подкуп своих друзей (И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 367).

[19] Там же, с. 345; А. Καλογεροπούλου. Ἐπιστροφή καί θάνατος τοῦ Ἀλεξάνδρου. — ΙΕΕ, Τ, Δ', с. 202.

[20] IG II, 2166. Диодор [XVIII, 8, 5] пишет, что изгнанников было более 20 тыс.

[21] J. Beloch. Griechische Geschichte. Bd IV, с. 44.

[22] На это обратил внимание в прошлом веке еще И. Дройзен (История эллинизма. Т. I, с. 363). См. более подробно: A. Gitti. Alessandro Magno e il responso di Ammone.— RSI, 64, 1952, с. 531—547; А. С. Шофман. Восточная политика Александра Македонского, с. 232—244.

[23] Об этом писали оратор Гиперид в одной из своих речей [In Demosth., XXV] и Полибий [XII, 12].

[24] Ch. Robinson. Alexander the Great, с. 138, 220; М. Уилер. Пламя над Персеполем, с. 13.

[25] Н. Кареев. Монархии Древнего Востока. СПб., 1904, с. 138.

[26] W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I, с. 134; В. Уилер. Александр Великий, с. 162.

[27] J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I, с. 395 и сл.; F. Schachermeyr. Griechische Geschichte, с. 455.

[28] См.: Ph. Merlan. Alexander the Great or Antiphon the Sophist? — «Classical Philology». 1950, vol. 45, № 3, с. 161—166.

[29] А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 73; М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана, с. 152.

[30] Общую сумму долгов Арриан исчисляет в 20 тыс. талантов [VII, 5, 3]. Курций [X, 2, 10] и Диодор [XVII, 109] ничего не пишут о долгах, но сообщают о подарках царя ветеранам, уходящим на родину.

[31] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 264. Указатель сборников этого характера см.: C. Müller. FHG, с. 697.

[32] Еще Дж. Грот указывал, что Александр стремился больше «азиатизировать» Македонию и Грецию, чем эллинизировать Азию. См.: G. Grote. History of Greece. Vol. VI. L., 1856, с. 632.

[33] J. Benoist-Mechin. Alexandre le Grand ou le Rêve depassé, с. 167.

[34] P. Cloché. Alexandre le Grand, с. 106.

[35] J. Kaerst. Geschichte des Hellenismus. Bd I, с. 378.

[36] F. Schachermeyr. Griechische Geschichte, с. 454.

[37] W. Tarn. Alexander's Ὑπομνήματα and the World Kingdom.— JHS, № 41, 1921, с. 7.

[38] F. Altheim. Alexander und Asien, с. 109.

[39] Ἀριστοτέλους. Μετεωρολογικά. II, 354α, 1, 3—5.

[40] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 218.

[41] H. Bengston. Griechische Geschichte, с. 343.

[42] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 218.

[43] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 3, с. 126.

[44] Там же.

[45] К. Маркс. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 40, с. 204, примеч. 18. Фрагменты сочинений Демокрита имеются в труде по церковной истории «Приготовления к евангелию» (Προπαρασκευή Εὐαγγελική) христианского проповедника Евсевия Памфила (III — IV вв.), жившего во времена императора Константина.

[46] Д. Тусляное, И. Мирокова. Преемственность греко-эллинистической научной мысли. Афины, 1976, с. 7—8.

[47] Мнение Диодора [XVII, 110] о том, что Александр из Суз направился в Экбатаны, ошибочно, так как после Суз македонский царь был в Описе.

[48] Арриан [VII, 13, 1] говорит, что после набегов разбойников осталось лишь 50 тыс. лошадей.

[49] Полибий [X, 4, 3] сообщает, что в его время в Мидии было множество эллинских городов. И. Дройзен полностью разделяет это мнение античного историка (И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 115, примеч. 10).

[50] См. подробнее: F. Schachermeyr. Alexander der Grosse, с. 453; W. Tarn. Alexander's Ὑπομνήματα and the World Kingdom. с. 10—12.

[51] Ж.-Р. Паланк считает достоверным римское посольство к Александру (J.-R. Palanque. Les impérialismes antiques. P., 1960, с. 68—69).

[52] В изложении Плутарха [Алекс., 73] и Диодора [XVII, 112, 3], халдеи через Неарха передали совет Александру не входить в Вавилон.

[53] По Диодору [XVII, 115, 5], Александр приказал чтить Гефестиона как божество младшего чина.

[54] Диодор [XVII, 115, 5] сообщает, что на сооружение костра для Гефестиона потратили 12 тыс. талантов.

[55] Поскольку Гефестион был причислен к сонму богов, в его честь соорудили гигантский алтарь в Вавилоне — так заканчивает рассказ о Гефестионе сицилийский автор [Диод., XVII, 115].

[56] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 399; В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 218.

[57] А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 77.

[58] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 398—399; P. Cloché. Alexandre le Grand, с. 112—113.

[59] U. Wilcken. Alexander der Grosse; G. Radet. Alexander le Grand. P., 1931; W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I—II; F. Altheim. Alexander und Asien.

[60] С. И. Ковалев. Александр Македонский, с. 110; А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 76; М. М. Дьяконов. Очерк истории Древнего Ирана, с. 153; А. С. Шофман. Восточная политика Александра Македонского, с. 388—403.

[61] Арриан и Плутарх, ссылаясь на свидетельства «некоторых авторов», пишут, что яд по приказу Антипатра привез на Восток Кассандр и что изготовил его Аристотель, испугавшийся за свою участь после гибели Каллисфена. Яд был такой силы, что мог храниться только в копыте мула. Кроме Антипатра с сыновьями и Аристотеля источники непосредственным участником заговора называют и фессалийца Медия [App., VII, 27, 1—2; Плут., Алекс., 76; Юстин, XII, 13, 8].

[62] Подробнее на эту тему см.: А. С. Шофман. Конец Александра Македонского.— «Вопросы истории». 1972, № 11, с. 214—218; он же. Первый этап антимакедонского движения периода восточных походов Александра Македонского.— ВДИ. 1973, № 4, с. 117—135.

[63] Плутарх пишет со ссылкой на Харета, что массовые попойки стали нередки, а когда было устроено состязание — кто кого перепьет, вскоре умер 41 человек [Плут. Алекс., 70].

[64] См. на эту тему: О. О. Крюгер. Арриан и его труд «Поход Александра».— Арриан. Поход Александра. М.— Л., 1962, с. 20—22.

[65] По греческому летосчислению год начинается с дня летнего солнцестояния, т. е. с 21 июня; по македонскому — осенью, между 19 сентября и 16 октября.

[66] М. А. Коростовцев. Египетское происхождение романа об Александре.— «Краткие сообщения Института народов Азии». 1964, № 65.

[67] W. Tarn. Alexander's Conquest of the Far East.— CAH. Vol. VI, 1927, с. 435.

[68] L. Homo. Alexandre le Grand, с. 377.

[69] Ch. Robinson. Alexander the Great, с. 240.

[70] A. Burn. Alexander the Great and Hellenistic Empire, с. 285.

[71] М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана, с. 157, 161.

[72] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 143.

[73] Дройзен путем скрупулезного отбора свидетельств античных авторов приписывает Александру основание 40 городов. См.: И. Дройзен. История эллинизма. Т. III, с. 331—375. На подобной точке зрения стоит и А. Гутшмид. См.: A. Gutschmid. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden, с. 5.

[74] Две эпиграфические находки из Олубурлу подтверждают, что на месте Аполлонии существовала какая-то ликийско-фракийская колония, видимо основанная не ранее времени правления Антигона I [CIG, III, 3696, 3970].

[75] Аморий, Евмения, Синнада, Апамея Кибот и Лаодикея [Страб., XII, 576].

[76] Σκύμνου. Ἀπόσπασμα 187: Τήν τ' Ἀλεξάνδρου πόλιν τῷ Μακεδόνι κτισθεῖσαν

[77] Plin., VI, 16, 48: «Oppidum Heraclea ad Alexandro conditum». Аммиан Марцеллин, ссылаясь на географа Птолемея, также пишет о Гераклее [XXIII, 6, 39].

[78] Plin., VI, 18, 46: «...in que Alexander Alexandriam condiderat».

[79] Plin., VI, 17, 61: «...Alexandriam Arion...»

[80] Страбон со ссылкой на Эратосфена приводит расстояние от этого города до Каспийских ворот [XI, 514]. Далее античный географ указывает, что Профтасия (в Дрангиане) лежала на пути из Бактр в Индию [XV, 723].

[81] Steph. Byz.: Φράδα, πόλις ἐν Δράγγαις, ἣν Ἀλέξανδρος Προφθασίαν μετωνόμασεν, ὡς Χάραξ ἐν... См.: И. Дройзен. История эллинизма. Т. III, с. 349.

[82] G. Ghirschman. Begram. Cairo, 1946.

[83] См. сведения о работах в древнем Термезе: «Труды Термезской археологической экспедиции». Т. I. Таш., 1945.

[84] И. Дройзен. История эллинизма. Т. I, с. 255.

[85] App., IV, 4, 1—5; Plin., VI, 16, 49: «...Alexandria in ultimus Sogdianorum finibus».

[86] И. Дройзен. История эллинизма. Т. III, с. 370.

[87] По подсчетам В. Чериковера, за весь период эллинизма, начиная с Александра и до последних эллинистических царей, было основано 176 городов, из них 28 спорных. См.: V. Tscherikower. Die Hellenistische Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Lpz., 1927.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[1] Первое запустение Македонии относится ко времени после Александра, когда эллинистические правители Кассандр, Деметрий Полиоркет, Антигон, Птолемей, Лисимах, Пирр десятилетиями оспаривали друг у друга право на Грецию и Македонию. См.: О. В. Кудрявцев. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке до н. э. М., 1954, с. 299; Д. И. Цибукидис. Из истории эллинистической Греции. Автореф. канд. дис., с. 7 и сл.; он же. Греция и Восток.., с. 340.

[2] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 218; он же. The Cambridge Ancient History. Vol. VI, с. 424.

[3] А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 78; В. С. Сергеев. История древней Греции. М., 1963, с. 407; Д. И. Цибукидис. Греция и Восток..., с. 336.

[4] Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 86.

[5] М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана, с. 160.

[6] A. Gutschmid. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden, c. 67.

[7] О первом распределении сатрапий писали также Курций [X, 10, 1] и Орозий [III, 24]. См. также: Д. И. Цибукидис. Из истории эллинистической Греции, с. 43 и сл.

[8] По Диодору [XVIII, 2, 3] — Антипатр и Пердикка, так как Кратер еще не возвратился в Македонию с отпущенными на родину ветеранами.

[9] О том, что Пердикка сосредоточил в своих руках всю полноту власти, сообщали Диодор [XVIII, 2] и Юстин [XIII, 4, 17], называя его Ἐπιμελητής τῆς Βασιλείας.

[10] И. Дройзен. История эллинизма. Т. II, с. 19; История Узбекской ССР. Т. 1, кн. 1, с. 71; J. Beloch. Griechische Geschichte. Bd IV. T. 1. Lpz., 1925, c. 32; P. Cloché. La dislocation d'un Empire, P., 1959, c. 18—19. Δ. Τουσλιανός, Ι. Μιρόχοβα. Εἰσαγωγή στήν Ἱστορία τοῦ Ἑλληνοβακτριανοῦ κράτους, с. 17 и сл.

[11] Это не очень достоверное указание Курция [IX, 7, 11] оспаривается в современной исторической науке. См.: P. Cloché. La dislocation d'un Empire, c. 19.

[12] Поскольку Курций виновником первого выступления называет Бикона [IX, 7, 4], делается попытка отождествления с ним Филона. См.: И. Дройзен. История эллинизма. Т. II, с. 12, примеч. 3; Δ. Τουσλιανός, Ι. Μιρόχοβα. Εἰσαγωγή στήν Ἱστορία τοῦ Ἑλληνοβακτριανοῦ κράτους, с. 19.

[13] E. Will. Histoire politique du monde hellénistique. Vol. I. Nancy, 1966, c. 27; Δ. Τουσλιανός, Ι. Μιρόχοβα. Εἰσαγωγή στήν Ἱστορία τοῦ Ἑλληνοβακτριανοῦ κράτους, с. 17 и сл.

[14] Г. А. Кошеленко. Восстание греков в Бактрии и Согдиане..., с. 62 и сл.

[15] E. Will. Histoire politique du monde hellénistique. Vol. I, c. 26; Δ. Τουσλιανός, Ι. Μιρόχοβα. Εἰσαγωγή στήν Ἱστορία τοῦ Ἑλληνοβακτριανοῦ κράτους, с. 7 и сл.

[16] Г. М. Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев, с. 57—58.

[17] И. Дройзен. История эллинизма. Т. II, с. 18.

[18] Курций сгущает краски, когда пишет, что 300 мятежников были казнены по приказу Пердикки [X, 9, 14—18].

[19] А. Г. Бокщанин. Парфия и Рим. Ч. I, с. 119.

[20] А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 96.

[21] Анализ событий, происходивших в Греции и Македонии после смерти Александра, выходит за рамки данной работы. Подробнее на эту тему см.: Д. И. Цибукидис. Из истории эллинистической Греции, с. 30—112.

[22] «Если он сегодня мертв,— говорил Фокион,— то будет таким же завтра и послезавтра. У нас есть время все обдумать и принять благоразумное решение» [Плут., Фокион, 22].

[23] Диодор пишет, что право голоса потеряли 22 тыс. граждан [XVIII, 18]. См. также: Д. И. Цибукидис. Из истории эллинистической Греции. Автореф. канд. дис., с. 8.

[24] M. Rostovtzeff. The Social and Economic History... Vol. I, c. 261.

[25] J. Beloch. Griechische Geschichte. Bd IV, T. 1, c. 271.

[26] M. Rostovtzeff. The Social and Economic History... Vol. I, c. 164.

[27] S. Dow, A. Trevis. Demetrios of Phaleron and his Low Giving.— «Hesperia». XII. 1943, № 2, c. 144—165.

[28] Побочный сын Александра Македонского Геракл также не избежал этой участи. Полисперхонт вызвал его из Пергама в Македонию, а потом сам же казнил [Юстин, XV, 2].

[29] Г. Кордатос полагает, что азиатские доходы Антигона доходили до 18 тыс. талантов в год (Κορδάτος. Ἱστορία τῶν Ἑλληνιστικῶν Χρόνων, с. 65).

[30] Диод., XIX, 57, 60. Очевидно, в текст Диодора вкралась ошибка: Кассандр не претендовал на Ликию и Каппадокию.

[31] Диод., XIX, 75; OGIS, 5. В стремлении Антигона заручиться поддержкой греков некоторые советские исследователи видели отход его от политики ориентации на Восток и стремление найти опору у эллинов и эллинистических городов. См.: А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, с. 90; А. Г. Бокщанин. Парфия и Рим. Ч. I, с. 121.

[32] Аппиан [Syr., 56] приводит другое предание — о перстне с якорем, который увидел во сне Селевк; позже этот якорь якобы был изображен на его личной печати и селевкидских монетах.

[33] Плутарх [Деметрий, 7] пишет об огромной добыче, захваченной Деметрием у набатеев.

[34] S. Smith. Babylonian Historical Texts. L., 1924, c. 141—144.

[35] OGIS, 5. Перевод взят из книги А. Б. Рановича «Эллинизм и его историческая роль», с. 89—90.

[36] Свобода для греков сочеталась у Антигона с жестким курсом по отношению к населению Азии. См.: А. Г. Бокщанин. Парфия и Рим. Ч. I, с. 121.

[37] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 25; M. Rostovtzeff. The Social and Economic History... Vol. I, c. 13.

[38] J. Beloch. Griechische Geschichte. Bd IV, T. 1, c. 425.

[39] Афиней, VI, 253. Перевод В. Василевского (в книге «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка». СПб., 1869, с. 35).

[40] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 26.

[41] Плутарх пишет, что рядом со статуями тираноубийц Гармодия и Аристогитона афиняне приняли решение воздвигнуть золотые колесницы в четверку лошадей с изображениями богов-спасителей, а также увенчать их золотыми венками стоимостью в 200 талантов [Деметрий, 10].

[42] Диод., XX, 53; Юстин, XV, 2; App., Syr., 54.

[43] Афины и Этолия остались верны Деметрию, все прочие города придерживались нейтралитета. См.: Д. И. Цибукидис. Из истории эллинистической Греции. Автореф. канд. дис, с. 10.

[44] Г. М. Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев, с. 318, примеч. 26.

[45] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 25. Греческий историк Г. Димитракос считает, что у Антигона были все возможности сохранить в целости державу Александра. См.: G. Dimitrakos. Demetrios Poliorketes und Athen. Hamburg, 1937, с. 5 и сл.

[46] А. С. Шофман. История античной Македонии. Ч. II, с. 149, примеч. 5.

[47] M. Rostovtzeff. The Social and Economic History of the Hellenistic World, с. 15—16.

[48] Павс., I, 29, 16. Афиней также пишет, что Лахар обнажил богиню Афину [IX, 405].

[49] А. Г. Бокщанин. Парфия и Рим. Ч. I, с. 127.

[50] И. Дройзен. История эллинизма. Т. II, с. 361—362.

[51] Г. Димитракос сравнивает деятельность Александра Македонского и Деметрия Полиоркета (G. Dimitrakos. Demetrios Poliorketes und Athen, с. 5 и сл.).

[52] См.: С. Аверинцев. Плутарх и античная биография, с. 229, 254, примеч. 23, 29.

[53] Аппиан [Syr., 64] пишет, что Лисимаху было 70 лет, Юстин — 74 года [XVII, 1].

[54] M. Rostovtzeff. The Social and Economic History... Vol. I, с. 248—250.

[55] Античные авторы не имели еще четкого представления о Южной Индии. См.: Г. М. Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев, с. 60.

[56] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 19—20.

[57] P. Jouguet. L'impérialisme Macédonien et l'hellénisation de l'Orient, int., с. 5.

[58] И. Дройзен. История эллинизма. Т. III, с. 8.

[59] С. Л. Утченко. Кризис полиса и политические воззрения римских стоиков. М., 1955, с. 18—19.

[60] M. Rostovtzeff. The Social and Economic History... Vol. I, с. 164; J. Beloch. Griechische Geschichte. Bd IV. T. 1, с. 271.

[61] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21, с. 119—120.

[62] Д. И. Цибукидис. Из истории эллинистической Греции, с. 195—196.

[63] Г. А. Кошеленко. Восстание греков в Бактрии и Согдиане..., с. 76—78.

[64] Γ. Κορδάτος. Ἱστορία τῶν Ἑλληνιστικῶν Χρόνων, с. 132.

[65] Royal Correspondence of the Hellenistic Period. New Haven, 1934, с. 57.

[66] A. Ἀνδρεάδης. Ἡ οἰκονομική πολιτική τοῦ βασιλέως Λυσιμάχου. Περιοδικό «Ἑλληνικά». Т. 2, 1929, с. 257 и сл.

[67] К. Маркс в работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству» пишет, что история классической древности — это история городов, основанных на земельной собственности и земледелии. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I, с. 470).

[68] В. Чериковер насчитывает 153 греко-македонских города на Востоке (V. Tscherikower. Die hellenistischen Stadtegrundungen..., с. 145 и сл.).

[69] FGH, 10. О богатстве и роскоши Антиохии-на-Ороите писал Посидоний.

[70] М. Вебер. Аграрная история древнего мира. М., 1923, с. 415—416.

[71] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 124—125, 160.

[72] M. Rostovtzeff. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Lpz., 1910, с. 308—309; он же. Social and Economic History... Vol. I, с. 502—508.

[73] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, с. 163.

[74] OGIS, 1. В приенской надписи 334 г. до н. э. различаются два вида земли: городская и царская.

[75] OGIS. 223; Г. А. Кошеленко. Восстание греков в Бактрии и Согдиане.— ВДИ. 1972, № 1, с. 77.

[76] P. Bernard. Ai Khanum on the Oxus. A Hellenistic City in Central Asia. L., 1967.

[77] НЭ, XII; D. Schlumberger. Une nouvelle inscription grecque d'Asoka. P., 1964.

[78] Диод., XXII, 5; Пол., VI, 7.

[79] Документы из Суз (Селевкии-на-Эвлее) вошли в сборник SEG, VII.

[80] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, с. 218.

[81] К. Маркс. Капитал. Т. I.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. I, с. 365.

[82] Страбон высказывает сомнение относительно возможности кругового морского путешествия из Индии в Гирканию, хотя это утверждал Патрокл [Страб., XI, 518].

[83] Герод., I, 205. На многие века верное представление Геродота было отвергнуто античной географией.

[84] IG, XII, 5, 7, 40; Ditt.. Syll ³, 654.

[85] «Раз были разрушены эти их основы, сломаны унаследованные общественные формы, установленное политическое устройство и национальная независимость, то, разумеется, рушилась и соответствующая им религия» (Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и первоначальное христианство.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 19, с. 312).

[86] См.: К. К. Зельин. Основные черты эллинизма.— ВДИ. 1953, № 4; он же. Некоторые основные проблемы истории эллинизма.— «Советская археология». 1955, вып. XXII.

Маркс К.* Передовица в № 170 «Kölnische Zeitung».— Т. 1.
Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 8.
Маркс К. Вынужденная эмиграция.— Т. 8.
Маркс К. К критике политической экономии.— Т. 13.
Маркс К. Капитал. Т. I—III.— Т. 23, 24, 25. Ч. I и II.
Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура.— Т. 40.
Маркс К. Тетради по эпикурейской философии.— Т. 40.
Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Т. 46. Ч. I.
Маркс К. Хронологические выписки.— «Архив Маркса и Энгельса». Т. V. М., 1938; Т. VI. М., 1939.
Маркс К. Конспект к книге Л. Г. Моргана «Древнее общество».— «Архив Маркса и Энгельса». Т. IX. М., 1941.
Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Т. 3.
Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Т. 4.
Маркс К., Энгельс Ф. Первый международный обзор.— Т. 7.
Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1953.
Маркс К. и Энгельс Ф. Об античности. Л., 1932.
Маркс К. и Энгельс Ф. Об атеизме, религии и церкви. М., 1971.
Маркс К. и Энгельс Ф. Об искусстве. В 2-х т. М., 1976.
Энгельс Ф. Принципы коммунизма.— Т. 4.
Энгельс Ф. Армия.— Т. 14.
Энгельс Ф. Артиллерия.— Т. 14.
Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство.— Т. 19.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Т. 20.
Энгельс Ф. Диалектика природы.— Т. 20.
Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— Т. 21.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Т. 21.
Ленин В. И. ** Развитие капитализма в России.— Т. 3.
Ленин В. И. Марксизм и ревизионизм.— Т. 17.
Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Т. 18.
Ленин В. И. Либеральный профессор о равенстве.— Т. 24.
Ленин В. И. Еще одно уничтожение социализма.— Т. 25.
Ленин В. И. Социализм и война.— Т. 26.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27.
Ленин В. И. Конспект книги Аристотеля «Метафизика».— Т. 29.
Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии».— Т. 29.
Ленин В. И. Государство и революция.— Т. 33.
Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г.— Т. 39.
Ленин В. И. Письма к Инессе Арманд.— Т. 48.
Ленин В. И. О культуре и искусстве. М., 1956.

Ammiani Marcellini. Rerum gestarum libri qui supersunt. Ed. Gardthausen Vol. II. Lipsiae, 1875.
Aristote. Constitution d'Athènes. Texte établi et traduit par Mathieu et Haussoullier. P., 1922.
Аристотель. Афинская полития. М.— Л., 1936.
Aristotelis Politica. Post Fr. Susemihlium, rec. O. Immisch. Teubner. Lipsiae, 1909.
Аристотель. Политика Аристотеля. СПб., 1911.
Aristotelis. Ethica Nicomachea. Rec. Fr. Susemihl. Teubner. Lipsiae, 1903.
Aristotelis. Meteorologicorum. Ed. J. Ideler. Vol. 1—2. Lipsiae, 1834—1836.

* Здесь и далее труды К. Маркса и Ф. Энгельса даются по: Сочинения, изд. 2.
** Здесь и далее труды В. И. Ленина даются по Полному собранию сочинений.

'Αρριανοῦ. 'Ανάβασις 'Αλεξάνδρου. 'Αθήνα, 'Εκδ. «Πάπυρος». 1938.
Аррианов. Поход Александра. Пер. с древнегреч. М. Е. Сергеенко. М.— Л., 1962.
Аррианов. Индия.— ВДИ. 1940, № 2.
Appianus Alexandrinus. Appiani Alexandrini Romanorum historiarum quae supersunt. Lipsiae, 1818.
Athenaei Naucratitae. Dipnosophistarum libri XV. Rec. Kaibel. Lipsiae, 1923—1925.
Curtii Rufi. Historia Alexandri Magni. Ed. Heidicke. Lipsiae, 1908.
Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1963.
Demosthenis orationes. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit S. H. Butcher. Vol. I. Oxonii, 1903.
Демосфен. Речи. Пер. с греч., статья и прим. проф. С. И. Радцига. М., 1954.
Греческие ораторы второй половины IV в. до н. э. (Гиперид, Ликург, Динарх, Эсхин). Тексты речей.— ВДИ. 1962, № 1, 4.
Diels H. Doxographi Graeci. B., 1958.
Diodorus Sicilicus. Ἱστοριῶν Βιβλιοθήκη. Lipsiae, MDCCCXCII.
Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Пер. с греч. на росс. яз. И. Алексеевым. Ч. 1—6. СПб., 1774—1775.
Diogenes Laertius. Lives of Eminent Philosophers. With an Engl. transl. by R.-D. Hicks. London — Cambridge, 1942.
Dion Chrysostomos. Opera. With an Engl. transl. by H.-L. Crosby. Vol. I—V. Loeb. London — Cambridge, 1949—1956.
Dittenberger G. Sylloge inscriptionum graecarum. 3 ed. Lipsiae, 1915—1924.
Eusebii Pamphili. Scripta historica (Vita Constantini). Rec. A. Heinichen. Vol. I—II. Lipsiae, 1869.
Fragmente der Griechischen Historiker. F. Jacoby. Vol. I—V. B., 1923—1950.
Fragmenta historicorum Graecorum. Ed. C. et Th. Müller. 5 Bände. P., 1841—1870.
Frontini Juli. Strategematon libri quattuor. Ed. Gundermann. Lipsiae, 1888.
Herodoti Historiae. Libri I—IX. Oxonii, 1972.
Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
Isocrates. Orationes. Ed. Blass. Vol. I—II. Lipsiae, 1907—1910.
Исократ. Речи.— ВДИ. 1965, № 3, 4; 1966, № 1—4; 1967, № 1, 3, 4; 1968, № 1—3.
M. Iuniani Iustini. Epitoma Historiarum Pompei Trogi. Lipsiae, MDCCCLXXXVI.
Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae».— ВДИ. 1954. № 2, 3, 4.
Luciani Samosatensis. Opera. Ex. rec. C.-J. Jakobitz. Vol. I—III. Teubner. Lipsiae, 1873—1881.
Лукиан. Собрание сочинений в 2-х томах. Пер. под ред. и с коммент. Б. Л. Богаевского. М.— Л., 1935.
Παυσανίου. Ἑλλάδος Περιήγησις. Τ. 1—2. «Ἐκδοτική 'Αθηνῶν». 'Αθήνα, 1974—1976.
Павсаний. Описание Эллады. Пер. и вводная статья С. П. Кондратьева. Т. I. М., 1938; Т. II. М.— Л., 1940.
Photius Bibliothéque. Vol. I—II. Texte établi et trad. par R. Henry. P., 1960.
Platonis dialogi... Post C. F. Hermannum, recognovit M. Wohlrab. Vol. 1—6. Lipsiae, 1921—1927.
Platonis. Opera quae extant omnia... Ex. H. Stephanus. Vol. 1—3. Geneva, 1587.
Платон. Полное собрание творений Платона. В 15 т. Новый пер. Ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. Пг., Л., 1922—1929.
C. Plinii Secundi. Naturalis Historia. Ed. Mayhoff. Lipsiae, 1897.
Plutarchi vitae parallelie, Rec. Lindshog et Ziegler. Lipsiae, 1914—1939.
Plutarch's Moralia. With an Engl. transl. by F.-G. Babbit. Vol. I—XIX. Loeb. London — Cambridge, 1927—1957.
Плутарх. Сравнительные жизнеописания. С греч. пер. В. Алексеев. Т. 1—9. СПб., 1890—1894.
Πολυβίου. Ἱστορίαι. τ. 1. 'Αθήνα, 1955. τ. 2. 'Αθήνα, 1961. Τ. 3. 'Αθήνα, 1963 'Εκδ. «Πάπυρος».
Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. М., 1890—1899.
Polyeni. Strategematon libri VIII. Ex. rec. Woelfflin. Iterum rec. Ioannes Meller. Lipsiae, 1887.
Pridik E. De Alexandri epistularum commercio. Dorpat, 1893.
Solini Julii. Collectanea rerum memorabillium iterum. Rec. Th. Mommsen. Berolini, 1895.
Στράβωνος. Γεωγραφικά. Τ. 1. 'Αθήνα, 1937. Τ. 2,3. 'Αθήνα, 1958. 'Εκδ. «Πάπυρος».
Jones H. L. The Geography of Strabo. I—VIII. L., 1917—1932.

Страбон. География в 17 книгах. М., 1964.
Theophrasti. Eresii opera quae supersunt omnia. Rec. Fr. Wimmer. Parisiis, 1767.
Thucydides. Historiae. Lipsiae, 1901.
Фукидид. История. Т. I и II. Пер. Ф. Мищенко. М., 1915.
Xenophontis. Operum. Vol. 3 (Anabasis seu Expeditio Cyri minoris). Lipsiae, 1828.
Xenophon's Cyropaedia. L., 1898.
Xenophontis. Historia Graeca. Lipsiae, 1880.
Ксенофонт. Анабазис. Пер. и прим. М. И. Максимовой. М.— Л., 1951.
Ксенофонт. Греческая история. Пер., вступит. статья и коммент. С. Лурье. Л., 1935.
Ксенофонт. Полное собрание сочинений. В пяти частях. Пер. с греч. Г. Янчевецкий. СПб., 1887—1897.
Псевдо-Ксенофонт. Афинская полития.— Аристотель. Афинская полития. М.— Л., 1936.

Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973.
Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. А.-А., 1963.
Александров Г. Ф. Аристотель. Философские и социально-политические взгляды. М., 1940.
Александров Г. Ф. Борьба материализма и идеализма в античной философии. М., 1941.
Алескеров Ю. Н. Самарканд. Таш., 1970.
Альбаум Л. И. Новые росписи Афрасиаба.— «Страны и народы Востока». Вып. X. М., 1971.
Альтман М. С. Греческая мифология. М.— Л., 1937.
Античные писатели о древней Индии.— ВДИ. 1940, № 2.
Афанасьев О. А. Обсуждение в Институте истории АН СССР проблем азиатского способа производства.— СЭ. 1965, № 6.
Баженов Л. В. Средняя Азия в древнейший период (VI—II вв. до н. э.). Таш., 1937.
Байбаков Е. И. О происхождении культа эллинистических царей.— Сб. в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914.
Барг М. А. Учение об общественно-экономических формациях.— Очерки методологии познания социально-экономических явлений. М., 1970.
Бартольд В. В. Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток.— Сочинения. Т. II. Ч. 2, М., 1964.
Бартольд В. В. Исследование по истории Согдианы с древнейших времен до арабского завоевания (кончая 719 г.).— Рукопись. Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, № 14, л. 5.
Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана.— Сочинения. Т. VII. М., 1971.
Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана.— Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана.— Сочинения. Т. III. М., 1965.
Бартольд В. В. Культура мусульманства.— Сочинения. Т. VI. М., 1966.
Бартольд В. В. Мусульманский мир.— Сочинения. Т. VI. М., 1966.
Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века.— Сочинения. Т. III. М., 1965.
Бартольд В. В. Согд.— Сочинения. Т. III. М., 1965.
Бентович И. Б. Находки на горе Муг (собрание Государственного Эрмитажа).— МИА. 1958, № 66.
Бергер А. К. Проблема рабства в социально-политической системе Аристотеля.— ВДИ. 1961, № 3.
Бергер А. К. Социальные движения в древней Спарте. М., 1936.
Бернштам А. Н. Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет.— ВДИ. 1947, № 3.
Бертельс Е. Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.— Л., 1948.
Блаватская Т. В. Западно-понтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952.
Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969.
Блаватский В. Д. Античный мир и древний Восток (XIII Междунар. конгресс истор. наук. Москва 16—23 авг. 1970 г.). М., 1970.
Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

Блаватский В. Д. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье.— Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
Бокщанин А. Г. Восточно-эллинистические государства III—II вв. до н. э.— ИЖ. 1941, № 6.
Бокщанин А. Г. История международных отношений и дипломатии в древнем мире. М., 1948.
Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. Ч. I. М., 1960.
Бокщанин А. Г. Социальный кризис Римской империи в I в. н. э. М., 1954.
Бокщанин А. Г., Лившиц Г. М. Рецензия на книгу А. С. Шофмана «Восточная политика Александра Македонского». Казань, 1976.— ВДИ. 1977, № 1.
Болдырев А. В., Боровский Я. М. Техника военного дела.— Эллинистическая техника. М.— Л., 1948.
Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973.
Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969.
Борухович В. Г. Греки в Египте (от древнейших времен до Александра Македонского). Автореф. докт. дис. Л., 1966.
Борухович В. Г. Исократ и Феопомп как представители промакедонской группировки в Греции IV в. до н. э. Автореф. канд. дис. Л., 1950.
Борухович В. Г. Коринфский конгресс 338 г. до н. э. и его решения.— «Ученые записки Горьковского гос. пед. ин-та». 1959, вып. 46.
Борухович В. Г., Колотова М. Г. Панэллинизм и буржуазная историография античности.— ВДИ. 1951, № 1.
Борухович В. Г., Фролов Э. Д. Публицистическая деятельность Исократа.— ВДИ. 1969, № 2.
Ботвинник М. Н. Новые работы буржуазных историков об Александре Македонском.— ВДИ. 1952, № 1.
Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956.
Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Пг., 1915.
Бузескул В. П. Государство эллинистической эпохи.— Античность и современность. Л., 1924.
Бузескул В. П. История афинской демократии. СПб., 1909.
Валитова А. А. Отражение в «Кутадгу Билиг» легенды об Александре Македонском и нищем шах-заде.— КСИНА. 1964, вып. 65.
Валлон А. История рабства в античном мире. Пер. с франц. М., 1936.
Василевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869.
Васильев А. И. Согдийцы и их вооружение. Автореф. канд. дис. Л., 1936.
Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1925.
Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический очерк. Таш., 1927.
Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. Изд. 3. М., 1955.
Гафуров Б. Г. К 2500-летию Иранского государства.— История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971.
Гафуров Б. Г. О связях Средней Азии и Ирана в Ахеменидский период (VI—IV вв. до н. э.).— «Academia Nazionale dei Lincei», CCCLXIII. № 76, Roma. 1966.
Гафуров Б. Г. Состояние и задачи советского востоковедения в свете решений XX съезда КПСС (Докл. на Всесоюз. конференции востоковедов). Таш., 1957.
Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
Гиршман А. Раскопки французской археологической делегации в Беграме (Афганистан).— КСИИМК. 1946, вып. 13.
Глускина Л. М. Исследования по социально-экономическим отношениям в Аттике IV в. до н. э. Автореф. докт. дис. Л., 1968.
Глускина Л. М. О специфике греческого полиса.— ВДИ. 1973, № 2.
Голицын Н. С. Всеобщая военная история с древних времен. Ч. 1—5. СПб., 1872—1876.
Голубцова Е. С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. (независимая сельская община). М., 1962.
Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб., 1871.
Григорьев В. В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан.— ЖМНП. Ч. 217, отд. II, сент.— окт. 1881.
Григорьев Г. В. Поселения древнего Согда.— КСИИМК. Вып. VI. М.— Л., 1940.
Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. Таш., 1957.
Гулямов Я. Г. Стратиграфия Самарканда в свете новейших раскопок.— Объеди-

ненная научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда. Тезисы докладов. Таш., 1969.
Дандамаев М. А. Бехистунская надпись как источник по истории начала царствования Дария I. Автореф. канд. дис. Л., 1958.
Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963.
Дандамаев М. А. Социальная сущность переворота Гауматы.— ВДИ. 1958, № 4.
Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. I. Античный мир. М., 1936.
Дискуссия по проблемам эллинизма.— СА. Т. XXII. М.— Л., 1955.
Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
Доватур А. И. Политика и политии Аристотеля. М.— Л., 1965.
Дройзен И. Г. История эллинизма. Пер. с франц. Т. I—III. М., 1890—1893.
Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.
Дьяков В. Н. Греция в первой половине IV в. до н. э.— Древняя Греция. Под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова. М., 1956.
Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту.— ВДИ. 1951, № 2.
Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.— Л., 1956.
Дьяконов И. М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей.— ВДИ. 1963, № 1.
Дьяконов И. М. Основные черты экономики в монархиях древней Западной Азии.— ВДИ. 1966, № 1.
Дьяконов М. М. К вопросу об эллинизме в Средней Азии и Иране (рук.), 1951.
Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии.— СА. Т. XIX. М.— Л., 1954.
Жебелев С. А. Александр Великий. Пг., 1922.
Жебелев С. А. Демосфен. М., 1922.
Жебелев С. А. Из истории Афин. СПб., 1898.
Жебелев С. А. К истории диадохов.— ЖМНП, ноябрь. СПб., 1899.
Жебелев С. А. Милет и Ольвия.— Северное Причерноморье. М., 1953.
Зеймаль Т. И., Зеймаль Б. В. Еще раз о месте находки Аму-Дарьинского клада.— ИООН АН ТаджССР, 1962, № 1 (28).
Зельдина О. М. Налоги и подати в державе Александра Македонского.— «Уч. зап. Гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена». Т. 470. Вопросы истории СССР и всеобщей истории. Л., 1971.
Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э. М., 1960.
Зельин К. К. К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330—328 гг. до н. э.— Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.— Л., 1963.
Зельин К. К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма.— СА. 1955, вып. XXII.
Зельин К. К. Основные черты исторической концепции Помпея Трога.— ВДИ. 1948, № 4.
Зельин К. К. Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма).— ВДИ. 1953, № 4.
Зельин К. К. Помпей Трог и его произведение «Historiae Philippicae».— ВДИ. 1954, № 2.
Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969.
Зенкина Н. А. Критика исторической концепции В. Тарна. Канд. дис. Казань, 1972.
Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. М., 1958.
Ильин Г. Ф. Особенности рабства в Древней Индии.— ВДИ. 1951, № 1.
Ильин Г. Ф. Основные проблемы рабства в Древней Индии.— ИКДИ. М., 1963.
Ильин Г. Ф. Рабство и древний Восток.— НАА. 1973, № 4.
Искусство Древнего Востока. М., 1968.
История греческой литературы. Под ред. С. И. Соболевского и др. Т. 1—3. М.. 1946—1960.
История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.
История таджикского народа. Т. 1. М., 1963.
История Туркменской ССР. Т. 1. Аш., 1967.
История Узбекской ССР. Т. 1. Таш., 1967.

Казакевич Э. Л. Термин и понятие «раб» в Афинах IV в. до н. э.— ВДИ. 1956
Кареев Н. И. Государство-город античного мира. Опыт исторического постро политической и социальной эволюции античных гражданских общин. Изд. 3. 1910.
Кареев Н. И. Монархии древнего Востока и греко-римского мира. Изд. 3. СПб.,
Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ произво ва? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколон ной Африки и доколумбовой Америки. М., 1971.
Клингер В. П. Сказочные мотивы в истории Геродота.— «Киевские универс ские известия». 1902, № 11.
Ковалев С. И. Александр и Клит.— ВДИ. 1949, № 3.
Ковалев С. И. Александр Македонский. Л., 1937.
Ковалев С. И. Александр, Филота и Парменион (Из истории македонской опп ции в армии Александра).— «Уч. зап. ЛГУ». Серия истор. наук. 1949, вып. 14.
Ковалев С. И. Заговор «пажей».— ВДИ. 1948, № 1.
Ковалев С. И. История античного общества. Эллинизм. Рим. Изд. 2. Л., 1936.
Ковалев С. И. Монархия Александра Македонского.— ВДИ. 1949, № 4.
Ковалев С. И. О некоторых проблемах рабовладельческой формации.— ПИДО. 1 № 2.
Ковалев С. И. Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция.— В 1946, № 3.
Ковалев С. И. Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства ИГАИМК. Т. XII, вып. 9, 1932.
Колесников Н. В. Александр Великий. Казань, 1914.
Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки истории древней Греции. Л., 1958.
Кондратьев С. П. Предисловие к книге Павсания «Описание Эллады». М.— 1938—1940.
Конрад Н. И. Запад и Восток (статьи). М., 1972.
Кореньков Н. Жизнь и труды Арриана.— Журн. «Средняя Азия». Таш., 191 Ч. II, июль.
Коростовцев М. А. Академик Б. А. Тураев.— ВДИ. 1974, № 2.
Коростовцев М. А. Египетское происхождение романа об Александре.— КСИН 1964, № 65.
Коростовцев М. А. Некоторые теоретические аспекты становления классовог общества (Историческая преемственность в эпоху древнего мира).— НАА. 1971 № 4.
Коростовцев М. А. О понятии «древний Восток».— ВДИ. 1970, № 1.
Коростовцев М. А. О характере древневосточного общества.— НАА. 1966, № 5
Косамби Д. Культура и цивилизация древней Индии. М., 1968.
Костюхин Е. А. Александр Македонский в литературной и фольклорной тради ции. М., 1972.
Коське Ф. Я. Племена северной Парфии в борьбе с македонским завоеванием.— ВДИ. 1962, № 1.
Кошеленко Г. А. Аристотель и Александр (К вопросу о подлинности «Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам»).— ВДИ. 1974, № 1.
Кошеленко Г. А. Восстание греков в Согдиане и Бактрии 323 г. до н. э. и некоторые вопросы общественно-политической мысли в Греции IV в. до н. э.— ВДИ. 1972, № 1.
Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966.
Кошеленко Г. А. Некоторые вопросы истории ранней Парфии.— ВДИ. 1968, № 1.
Кошеленко Г. А. Рец. на: M. Wheeler. Flames over Persepolis. Turning-point of History (N. Y., 1968).— ВДИ. 1972, № 3.
Краткие сообщения Института этнографии. Т. XXIII. М., 1955.
Крюгер О. О. Арриан и его труд «Поход Александра».— Поход Александра. М.— Л., 1962.
Кудрявцев О. В. Запустение Эллады в период империи, его причины и значение.— ВДИ. 1953, № 2.
Кудрявцев О. В. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957.
Кудрявцев О. В. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954.
Кузищин В. И. Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества.— ВДИ. 1974, № 3.
Кузнецова Т. И. Историческая тема в греческом романе. «Роман об Александре».— Античный роман. М., 1969.
Кузовков Д. В. Об условиях, породивших различия в развитии рабства и его наивысшее развитие в античном мире.— ВДИ. 1954, № 1.

Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950.
Латышев В. В. Исследование об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.
Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. I. Исторический обзор развития форм государственной жизни эллинов. СПб., 1897.
Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937.
Лившиц В. А. Согдийский посол в Чаче (Документ А-14 с горы Муг).— СЭ. 1960, № 2.
Литвинский Б. А. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связи между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город (местные традиции и иноземные модели).— Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ер., 1973.
Литвинский Б. А. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г.— Археологические работы в Таджикистане. VI. 1961.
Литвинский Б. А. Саки, которые за Согдом.— «Труды АН ТаджССР». Т. CXX. Душ., 1960.
Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов).— Индия в древности. М., 1964.
Литвинский Б. А., Пьянков И. В. Военное дело у народов Средней Азии VI—IV вв. до н. э.— ВДИ. 1966, № 3.
Ловягин А. М. Александр Македонский в Туркестане.— Исторические и библиографические очерки. Вып. I. Пг., 1917.
Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1958.
Лосев А. Ф. Критика платонизма у Аристотеля. М., 1929.
Лурье С. Я. История античной существенной мысли. Общественные группировки и умственные движения в эллинском мире. М.— Л., 1929.
Мандес М. И. Опыт историко-критического комментария к греческой истории Диодора. Одесса, 1901.
Масальский В. И. Туркестанский край. СПб., 1913.
Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА. М.— Л., 1959, № 73.
Массон В. М. Еще раз о геродотовой реке Акес.— Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967.
Массон В. М. Проблемы древней Бактрии и новый археологический материал.— СА. 1958, № 2.
Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии.— СА. 1967, № 3.
Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства.— Труды ЮТАКЭ. Т. V. Аш., 1955.
Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва.— ВДИ. 1951, № 4.
Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны Нисы.— Труды ЮТАКЭ. Т. IV. Аш., 1959.
Массон М. Е., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. I. М., 1964.
Машкин Н. А. Основные проблемы древней Греции. М., 1947.
Мец А. Мусульманский Ренессанс. Пер. с нем. Д. Е. Бертельса. М., 1966.
Миннаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879.
Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий.— Полибий. Т. I. М., 1890.
Мончадская Е. А. О правителях Бактрии и Согдианы VI—IV вв. до н. э. (Из древней истории народов Средней Азии).— ТОВЭ. Т. V. Культура и искусство народов Востока, 6. Л., 1961.
Мончадская Е. А. О «царском городе» или «второй столице Согдианы».— ВДИ. 1959, № 2.
Мусиенко К. С. Оппозиция в армии Александра Македонского. Канд. дис. Л., 1966.
Негматов Н. Н. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1955 г.— АРТ. Вып. III. 1956.
Негматов Н. Н. Уструшана в древности и раннем средневековье.— «Труды ИИАЭ АН ТаджССР». Т. 55. Сталинабад, 1957.
Негматов Н. Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье. Докт. дис. М., 1968.
Негматов Н. Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (середина I тыс. до н. э.— I тыс. н. э.). Автореф. докт. дис. М., 1968.
Осипов А. М. Краткий очерк истории Индии до X века. М., 1948.
Островитянов К. В. Очерки экономики докапиталистических формаций. М., 1944.
Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910.
Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1910.

Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. М.— Л., 1956.
Пикус Н. Н. Переломный период истории эллинистического Египта.— ВДИ. 1951, № 1.
Пиотровский Б. Б. Разведочные раскопки в Гяур-Кала в старом Мерве.— Материалы ЮТАКЭ. Вып. 1. Аш., 1949.
Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.— Л., 1963.
Пьянков И. В. Борьба Кира II с Астиагом по данным античных авторов.— ВДИ. 1971, № 3.
Пьянков И. В. Восточные сатрапии державы Ахеменидов в сочинениях Ктесия. Автореф. канд. дис. М., 1966.
Пьянков И. В. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов.— Древний Восток. Города и торговля. Ер., 1973.
Пьянков И. В. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Душ., 1972.
Пьянков И. В. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов.— ВДИ. 1964, № 3.
Пьянков И. В. Мараканды.— ВДИ. 1970, № 1.
Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душ., 1975.
Радциг С. И. Античная мифология. Очерк античных мифов в освещении современной науки. М.— Л., 1939.
Разин Е. А. История военного искусства. Т. 1. М., 1956.
Ранович А. Б. Александр Македонский и греческие города Малой Азии.— ВДИ. 1947, № 4.
Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э. М., 1949.
Ранович А. Б. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии.— ВДИ. 1947, № 2.
Ранович А. Б. Основные проблемы эллинизма.— ВДИ. 1949, № 1.
Ранович А. Б. Рецензия на книгу М. И. Ростовцева «The Social and Economic History of Hellenistic World».— ИЖ, 1945, № 1—2.
Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.— Л., 1950.
Ранович А. Б. Эллинизм и его социально-экономические основы.— ВИ. 1945, № 2.
Рахманова Р. М. Средняя Азия V—IV вв. до н. э. и поход Александра Македонского. Канд. дис. Л., 1964.
Рахманова Р. М. Хозяйство древней Средней Азии по античным источникам.— Материалы ЮТАКЭ. Вып. 1. Аш., 1949.
Резников И. Александр Македонский. М., 1940.
Росляков А. Из истории военного искусства туркмен.— Труды Ашхабадского гос. пед. ин-та им. М. Горького. Вып. I. Аш., 1947.
Ростовцев М. И. Эллинистическая Азия в эпоху Селевкидов.— «Научный исторический журнал». Т. I, вып. I. СПб., 1913, № 1.
Ртвеладзе Э. В. К локализации «греческой» переправы на Оксе.— ВДИ. 1977, № 4.
Савицкий Г. И. Древняя Бактриана. Вып. I. Самарканд, 1941.
Сарианиди В. И. Там, где жил Заратуштра.— «Вокруг света». 1973, № 7.
Саркисян Г. Х. Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии.— ВДИ, 1952, № 1.
Свенцицкая И. С. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963.
Севастьянова О. И. Аппиан и его римская история.— ВДИ. 1950, № 2.
Севастьянова О. И. Введение к переводу: Аппиан. Митридатовы войны.— Приложение к ВДИ. 1946, № 4.
Семенов Ю. И. Проблема социально-экономического строя древнего Востока.— НАА. 1965, № 4.
Сергеев В. С. История древней Греции. Изд. 3. М., 1963.
Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. Т. I—II. М., 1938.
Славин Л. М. Ольвия как город в VI—I вв. до н. э.— СА. 1958, вып. XXVIII.
Соколов В. В. Античная философия. М., 1958.
Соколов Ф. Ф. Антиох илионских надписей.— Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910.
Соколов Ф. Ф. Договор Евмена с наемными воинами.— Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910.
Ставиский Б. Я. Между Памиром и Каспием. Средняя Азия в древности. М., 1966.
Строков А. А. История военного искусства. М., 1955.
Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов.— «Известия АН СССР». Серия истории и философии. Т. III. М., 1946, № 3.
Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов.— Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.

Струве В. В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока.— ИГАИМК. 1934, вып. 77.
Струве В. В. Родина зороастризма.— СВ. V, 1948.
Струве В. В. У истоков романа об Александре.— ВЯ. 1927, т. 1.
Талашова Н. С. Восточные походы Александра Македонского в германской историографии новейшего времени. Канд. дис. Казань, 1972.
Тарн В. Эллинистическая цивилизация. Пер. с англ. М., 1949.
Тереножкин А. И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда.— ВДИ. 1947, № 4.
Тирацян Г. А. Ахеменидские традиции в древней Армении. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
Толстов С. П. Конница Кангюя.— Древний Хорезм. М., 1948.
Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии.— ВДИ. 1938, № 1.
Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
Толстов С. П. Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока».— ВДИ. 1940, № 3—4.
Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
Толстов С. П. Приаральские скифы и Хорезм. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
Толстов С. П. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий.— ВДИ. 1963, № 2.
Тревер К. В. Александр Македонский в Согде.— ВИ. 1947, № 5.
Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940.
Труды Термезской археологической экспедиции. Т. 1. Таш., 1945.
Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. II. Л., 1936.
Туслянос Д. И. [Цибукидис Д. И.]. Краткие тезисы по истории эллинистической Греции. Изд. 2. Афины, 1976.
Туслянос Д. И. [Цибукидис Д. И.]. Прометеи живут в Элладе. Под ред. акад. Б. Г. Гафурова. Афины, 1977.
Туслянос Д. И. [Цибукидис Д. И.], Мирокова И. С. Держава Александра Македонского. Краткий очерк. Марксистская концепция. Афины, 1976.
Туслянос Д. И. [Цибукидис Д. И.], Мирокова И. С. Преемственность греко-эллинистической научной мысли. Аристотель и Абу Райхан Бируни. Афины, 1976.
Тюменев А. И. Введение в экономическую историю древней Греции. Пг., 1923.
Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ.— «Известия ГАИМК». Вып. 111. М.— Л., 1935.
Тюменев А. И. К вопросу об этногенезе греческого народа.— ВДИ. 1953, № 4; 1954, № 4.
Тюменев А. И. Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Т. I—III. Пг., 1920—1922.
Тюменев А. И. Передний Восток и античность (Особенности социально-экономического развития).— ВИ. 1957, № 6.
Тюменев А. И. Передний Восток и античность. Страны речных культур (Двуречье и Египет) в эллинистическую и римскую эпохи.— ВИ. 1957, № 9.
Уилер В. Александр Великий. Пер. с англ. СПб., 1900.
Уилер М. Пламя над Персеполем. Пер. с англ. М., 1972.
Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.
Утченко С. Л. Кризис полиса и политические воззрения римских стоиков. М., 1955.
Утченко С. Л. О некоторых особенностях античной культуры.— ВДИ. 1977, № 1.
Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древнего общества. М., 1970.
Утченко С. А., Штаерман Е. М. О некоторых вопросах рабства.— ВДИ. 1960, № 4.
Фролов Э. Д. Жизнь Ксенофонта и его общественно-политические воззрения (преимущественно по «Малым сочинениям»).— Автореф. канд. дис. Л., 1958.
Фролов Э. Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады.— ВДИ. 1974, № 1.
Фролов Э. Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э. Л., 1964.
Хазанов А. М. Первобытная периферия античного мира (на примере Европы).— СЭ. 1971, № 6.
Хвостов М. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907.
Хвостов М. М. История Греции. М., 1924.
Хлюпин И. Н. Александр Македонский в Маргиане.— Античность и современность. М., 1972.

Цибукидис Д. И. Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии 1850—1974 гг. Докт. дис. М., 1977.
Цибукидис Д. И. Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии 1850—1974 гг.— Автореф. докт. дис. М., 1977.
Цибукидис Д. И. Из истории эллинистической Греции. Канд. дис. М., 1968.
Цибукидис Д. И. Из истории эллинистической Греции. Автореф. канд. дис. М., 1968.
Цибукидис Д. И. Эллино-христианская цивилизация «черных полковников».— «Наука и религия». 1969, № 5.
Шифман И. Ш. Социальные и экономические отношения в Сирии в I—III вв. н. э. Автореф. докт. дис. М., 1971.
Шофман А. С. Александр Македонский и его время.— Послесловие к книге Л. Ф. Воронковой «В глуби веков». М., 1973.
Шофман А. С. Армия и военные преобразования Александра Македонского.— ВДИ. 1972, № 1.
Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976.
Шофман А. С. Градостроительная деятельность Александра Македонского.— «Klio», Bd 57/I, 1975.
Шофман А. С. Идея мирового господства в завоевательных планах Александра Македонского.— ВДИ. 1969, № 4.
Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. I—II. Казань, 1960, 1963.
Шофман А. С. Каллисфен.— ВИ, 1974, № 6.
Шофман А. С. Конец Александра Македонского.— ВИ. 1970, № 11.
Шофман А. С. Нововведения Александра Македонского.— «Klio», Bd 57/II, 1975.
Шофман А. С. О социальной сущности македонской оппозиции в армии Александра.— «Уч. зап. Казанского ун-та». Т. 117, кн. 9, 1957.
Шофман А. С. Первый этап антимакедонского движения периода восточных походов Александра Македонского.— ВДИ. 1973, № 4.
Шофман А. С. Религиозная политика Александра Македонского.— ВДИ. 1977, № 2.
Шофман А. С. Спитамен.— ВИ. 1972, № 5.
Шофман А. С. Флот Александра Македонского.— ВИ. 1976, № 4.
Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М., 1975.
Штаерман Е. М. Проблема падения рабовладельческого строя.— ВДИ. 1953, № 2.
Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.
Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971.
Эллинистическая техника. Сб. статей под ред. акад. И. И. Толстого. М.— Л., 1948.
Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. I. СПб., 1882.

Adams C. Demosthenes and his Influence. N. Y., 1927.
Altheim F. Alexander und Asien. Geschichte eines geistigen Erbes. Tübingen, 1953.
Altheim F. Weltgeschichte Asiens im Griechischen Zeitalter. Bd I. Halle, 1947.
Altheim F., Stiehl R. Ein asiatischer Staat. Wiesbaden, 1954.
Andreades A. Les finances de guerre d'Alexandre le Grand.— «Annales d'histoire économique et social». Athènes, 15 juillet 1929.
Ἀρχαία Μακεδονία. Ἀνακοινώσεις κατά τό πρώτον Διεθνές συμπόσιον ἐν Θεσσαλονίκη 26—29 Αὐγούστου 1968. Θεσσαλονίκη, 1970.
Ausfeld A. Der griechische Alexanderroman. Lpz., 1907.
Badjan E. Harpalus.— JHS, 81, 1961.
Banerjee G. Hellenism in Ancient India. Calcutta — London, 1920.
Barker E. The Life of Aristotle and the Composition and Structure of the Politics.— «Classical Revue». Vol. XLV. L., 1937.
Barnett R. The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus — «Iranica Antiqua». Vol. VIII. Leiden, 1968.
Barr St. The Will of Zevs. A History of Greece from the Origins of Hellenic Culture to the Death of Alexander. Philadelphia and New York, 1961.
Bayer Th. Historia regni graecorum bactriani.— ЖМНП, CCXVIII, 1881.
Beal S. The Branchidae.— IAJOR. Vol. IX, 1880.
Bell H. I. Egypt from Alexander the Great to the Arab Conquest. Ox., 1948.
Bellinger A. R. An Alexander Hoard from Byblos.— BAS, 10, 1950—51.
Bellinger A. R. Essays on the Coinage of Alexander the Great.— NS, № 11. N. Y., 1963.
Beloch J. Griechische Geschichte. Bd. I–IV. B.— Lpz., 1927.
Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1950.
Benoist-Mechin J. Alexandre le Grand ou le Rêve depassé. Lausanne, 1964.

Bernouilli J. Die erhaltenen Darstellungen Alexanders der Grossen. München, 1905.
Bernard P. Première campagne de fouilles d'Ai Khanoum.— CRAI (BL), janvier — mars, 1966.
Bernard P. Ai Khanum on the Oxus: a Hellenistic City in Central Asia.— «Proceedings of the British Academy». Vol. LIII. L., 1967.
Berthelot A. L'Asie ancienne centrale et sud-orientale d'après Ptolémée. P., 1930.
Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischen Grundlage. Bd II. München, 1926.
Berve H. Griechische Geschichte. Bd I—II. Basel — Wien, 1953.
Bevan E. R. Alexander the Great.— Cambridge History of India. Vol. I, Ch. XV. N. Y., 1922.
Bevan E. R. Histoire des Lagides. P., 1934.
Bevan E. R. The House of Seleucus. L., 1902.
Bevan E. R., Mahaffy J. P. Egypt under the Ptolemaic Dynasty. L., 1927.
Bickerman E. Alexandre le Grand et les villes d'Asie.— REG, 47, 1934.
Bickerman E. Institutions des Seleucides. P., 1938.
Bickerman E. La lettre d'Alexandre le Grand aux Bannis Grecs.— REA, 42, 1940.
Birt Th. Alexander der Grosse und das Weltgriechentum. Lpz., 1924.
Bonnard A. La civilisation grecque. Lausanne, 1959.
Botsford G. W., Robinson C. A. Hellenistic History. N. Y., 1946.
Bouché-Leclercq A. Histoire des Lagides. Vol. I—IV. P., 1903—1907.
Bougert Y. Reflexion sur le problème de l'esclavage dans l'Inde ancienne à propos de quelques ouvrages récents.— BEFEO. 1963, Vol. LI, № 1.
Brown T. S. Callisthenes and Alexander.— AJPh, 70, 1949.
Brunt P. A. Alexander's Macedonian Cavalry.— JHS, 83, 1963.
Brunt P. A. Persian Accounts of Alexander's Campaigns.— CQ, 56, 1962.
Burgard R. L'expédition d'Alexandre et la conquête de l'Asie, P., 1937.
Burn A. Alexander the Great and Hellenistic Empire. L., 1951.
Bury J. B. A History of Greece to the Death of Alexander the Great. L., 1952.
Cambridge History of India. Vol. I. Ancient India. L., 1922.
Cammings L. Alexander the Great. Boston, 1940.
Cary M. A. History of the Greek World from 323 to 146 B. C. L., 1932.
Cary M. A. The Geographic Background of Greek and Roman History. Ox., 1949.
Chanana D. R. Slavery in Ancient India. New Dehli, 1966.
Chapot V. Alexandre fondateur de villes.— «Melanges Glotz». P., 1932.
Chapot V. Philippe II de Macédoine. Vol. I. P., 1935.
Cloché P. Démosthènes et la fin de la démocratie athénienne. P., 1937.
Cloché P. La dislocation d'un Empire. P., 1959.
Cloché P. Un fondateur d'empire Philippe II, Roi de Macédoine. P., 1955.
Cohen R. La Grece et l'Hellénisation du monde antique. P., 1948.
Collection Genies et Prealités. Alexandre le Grand. Hachette. [P.], 1962.
Cumont Fr. Fouilles de Dura-Europos. P., 1926.
Cutrules A. A History of Alexander the Great. N. Y., 1958.
Δήμιτσας Μ. Ἡ Μακεδονία ἐν λίθοις φθεγγομένοις καί μνημείοις σωζομένοις. Ἀθῆναι, 1896.
Δήμιτσας Μ. Ἀρχαία γεωγραφία τῆς Μακεδονίας. Ἀθῆναι, 1870—1874. Τ. I, II.
Dalton O. M. The Treasure of the Oxus with other Examples of Early Oriental Metalwork. Ed. III. L., 1964.
Debevoise N. A Political History of Parthia. Chicago, 1938.
Dow S., Travis A. Demetrios of Phaleron and his Low Giving.— «Hesperia», XII, 2, 1943.
Droysen J. Alexander des Grossen Züge durch Turan.— RMP. 1834.
During Ing. Aristotle in the Ancient Biographical Tradition. Goeteborg, 1957.
Dascalakis A. Alexander the Great and Hellenism. Θεσσαλονίκη, 1966.
Δασκαλάκης Α. Ἡ ἑλληνική νεότης τοῦ Μεγάλου Ἀλεξάνδρου. Ἀθῆναι, 1959.
Δασκαλάκης Α. Ἡ θεοποίησις τοῦ Μεγάλου Ἀλεξάνδρου. Ἀθῆναι, 1959.
Δασκαλάκης Α. Τό Ἑλληνικόν φρόνημα τοῦ Μεγάλου Ἀλεξάνδρου ὡς διεδηλώθη ἐν Ἀσίᾳ. Ἀθῆναι, 1959.
Δασκαλάκης Α. Ὁ Ἑλληνισμός τῆς Ἀρχαίας Μακεδονίας, Ἀθῆναι, 1960.
Δασκαλάκης Α. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος καί ὁ Ἑλληνισμός. Ἀθῆναι, 1963.
Ἑλληνικά Μουσεῖα. Ἀθήνα, 1975. Ἐκδοτική Ἀθηνῶν.
Ehrenberg V. Alexander and the Greeks. Ox., 1938.
Ferguson W. S. Greek Imperialism. N. Y., 1913.
Ferguson W. S. Hellenistic Athens. L., 1911.
Fisch M. H. Alexander and the Stoics.— AJPh, 58, 1937.
Fortina M. Alessandro Magno e l'ellenismo.— Nuove questioni di storia antica. Milano, 1968.

Foucher A. L'art gréco-bouddhique du Gandhara. Vol. I—II. P., 1950—1951.
Gaevernitz R. Aristotle, Alexander and the Idea of Mankind.— CR, 205, 1964.
Γαρουφαλιάς Π. Πύρρος ὁ βασιλιᾶς τῆς Ἠπείρου. Ἀθῆναι, 1975.
Ghirshman R. Begram. Cairo, 1946.
Gitti A. Alessandro Magno e il responso di Ammone.— RSI, 64, 1952.
Γκαφούροφ Β. Γ. Βιβλιοκριτικές Σημειώσεις. ΜΕΛΕΤΕΣ ΚΑΙ ΑΡΘΡΑ. ΕΣΧ, № 27, 1978 (рец. Б. Г. Гафурова на кн. Д. Тусляноса «Статьи и исследования»).
Glotz G., Cohen R. Alexandre le Grand. Histoire grecque. Vol. IV, chapt. I—VII. P., 1938.
Goukowsky P. Le portrait d'Alexandre.— REG, 79, 1966.
Griffith G. T. Alexander and Antipater in 323 B. C.— ACA Proceedings, 8, 1965.
Griffith G. T. Alexander's Generalship at Gaugamela.— JHS, 67, 1947.
Griffith G. T. Alexander the Great; the Main Problems. N. Y., 1966.
Griffith G. T. A Note on the Hipparchies of Alexander.— JHS, 83, 1963.
Grote G. History of Greece. L., 1856.
Γκοτζαμάνης Σ. Ἡ παρά τῶν Ἑλλήνων κατάκτησις τῆς Ἀσίας ὑπό τήν ἡγεσίαν τοῦ Μεγάλου Ἀλεξάνδρου. Θεσσαλονίκη, 1957.
Γρηγοριάδης Ν. Ἡ στρατιωτική Ἀρχαία Ἑλλάς. Ἀθῆναι, 1962.
Γυαλίστρας Σ. Μακεδονία. Ἀθῆναι, 1928.
Grousset R. La civilisation de l'Orient. L'Inde. P., 1948.
Hamilton J. R. Alexander's Early Life.— «Greece and Rome», 12, 1965.
Hamilton J. R. The Cavalry Battle of the Hydaspes.— JHS, 76, 1956.
Hammond H. G. L. History of Greece to 322 B. C. Ox., 1967.
Herzfeld E. Zoroaster and his World. Vol. II. Princeton, 1947.
Heuse A. Staat und Herrscher des Hellenismus.— «Klio Beiträge zur alten Geschichte». Berlin — Wiesbaden, 39, 1937.
Hogarth D. G. Philip and Alexander of Macedon. L., 1897.
Homo L. Alexandre le Grand. P., 1951.
Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους. Ἀθήνα, 1973. Ἐκδοτική Ἀθηνῶν. Τ. Δ', Ε'.
Jaeger W. Aristotle. Ox., 1950.
Jaeger W. Demosthenes. Berkeley, 1938.
Jaeger W. Demosthenes, das Staatsmann und sein Werden. B., 1939.
Jouguet P. L'impérialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient. P., 1926.
Jouguet P. Trois études sur l'hellénisme. I. L'Empire d'Alexandre. Le Caire, 1944.
Kahrstedt U. Forschungen zur Geschichte des Ausgehenden V und IV Jahrhundert. B., 1910.
Kalleris J. Les anciens Macédoniens. Vol. I. Athènes, 1954.
Καρυδάκης Ν. Ὁ Νέαρχος. Ἀθῆναι, 1939.
Κεραμόπουλος Α. Μακεδονία καί Μακεδόνες. Ἀθῆναι, 1939.
Κυριακίδης Σ. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος εἰς τούς μύθους καί τάς παραδόσεις. Ἐγκυκλοπαίδεια «Πυρσοῦ». Ἀθῆναι, 1927.
Κοροστόβτσεφ Μ. Α. Ἑλληνοβακτριανός πολιτισμός. ΕΣΧ, № 19—20/1977 (рец. М. А. Коростовцева на кн. Д. Тусляноса и И. Мироковой. «Вступление в историю Греко-Бактрийского государства»).
Kornemann E. Die Alexandergeschichte des Koenigs Ptolemaios von Aegypten. Lpz., 1935.
Kornemann E. Weltgeschichte des Mittelmeerraumes. Bd I. München, 1948.
Κορδάτος Γ. Ἱστορία τῶν Ἑλληνιστικῶν Χρόνων. Ἀθήνα, 1959.
Κορδάτος Γ. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδας. Τόμοι 1, 2, 3. Ἀθήνα, 1960
Κουγέας Σ. Ἡ ὑπό τούς Μακεδόνας ἕνωσις τῶν ἀρχαίων Ἑλλήνων καί ὁ Καταστατικός αὐτῆς χάρτης. Ἑταιρεία Μακεδονικῶν Σπουδῶν. Θεσσαλονίκη, 1952.
Κουγέας Σ. Ἡ ἰδέα τῆς Κοινωνίας τῶν ἐθνῶν παρά τοῖς Ἕλλησι. Ἀθῆναι, 1928.
Krom N. J. Seleucos und Gandragupta.— «Hermes», Bd XLIV. B., 1909.
Λάμπρος Σ. Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος. Ἀθῆναι, 1885.
Lamb H. Alexander of Macedon. N. Y., 1950.
Lamotte E. Les premières relations entre l'Inde et l'Occident.— «La Nouvelle Clio», 5, 1953.
Λαούρδας Β. Ἡ προσωπικότης τοῦ Μεγάλου Ἀλεξάνδρου κατά τόν Ἀρριανόν. Ἑταιρεία Μακεδονικῶν Σπουδῶν. Θεσσαλονίκη, 1971.
Λεκατσάς Π. Δήμου καταλύσεως καί τυραννίδος. Ἀθήνα, 1949.
Larsen J. A. Representation and Democracy in Hellenistic Federalism.— «Classical Philology». XL, 1945.
Leveque P. L'aventure grecque. P., 1964.
Luccioni J. Les idées politiques et sociales de Xénophon. P., 1948.
Mardsen E. The Campaign of Gaugamela. Liverpool, 1964.

Marquardt J. Wehrot und Arang. Leiden, 1938.
Marshall J. Taxila. Vol. I—III. Cambridge, 1951.
Marshall J. Taxila. An Illustrated Account of Archaeological Excavations. Carried out at Taxila under the Orders of the Government of India between the Years 1913—1934. Vol. I—III. Cambridge University Press, 1956.
Mauriac H. M. Alexander the Great and the Politics of «Homonoia».— JHI, 10, 1949.
Μαξίμου Π. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος. Ἀθῆναι, 1964.
Meautis G. Recherches sur l'époque d'Alexandre.— REA, 44, 1942.
Merlan Ph. Alexander the Great or Antiphon the Sophist?— «Classical Philology». 1950, 45.
Merlan Ph. Isocrates, Aristotle and Alexander the Great.— «Historia», 3, 1954.
Meyer Ed. Alexander der Grosse und die absolute Monarchie. Halle, 1910.
Meyer Ed. Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien. B., 1925.
Μικρογιαννάκης Ε. Αἱ μεταξύ τοῦ Ἀλεξάνδρου Γ' καὶ Δαρείου Γ' διπλωματικαὶ ἐπαφαι. Ἀθῆναί, 1969.
Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
Momigliano Ar. Filippo il Macedone. Saggio nella storia greca del IV secole a C. Firenze, 1934.
Νάλτσας Χ. Φίλιππος Β' ὁ Μακεδών ὁ Ἑνωτής τῶν Ἑλλήνων. Θεσσαλονίκη, 1970.
Narain A. K. The Indo-Greeks. Ox., 1957.
Neumann K. Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere und der alte Lauf des Oxos.— «Hermes». Bd XIX. B., 1884.
Niebuhr B. Vorträge über alte Geschichte an der Universität zu Bonn gehalten. Bd II. Bonn, 1848.
Ντάρ. Σ. Τά ἑλληνικά στοιχεία στήν ἀρχιτεκτονική τῶν Ταξίλων. Θεσσαλονίκη, 1973.
Ντόκας Α. Ἑλληνιστικός πολιτισμός. Ἀθῆναι, 1975.
Οἰκονομίδης Δ. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος εἰς τήν προφορικήν παράδοσιν τοῦ Ἑλληνικοῦ λαοῦ. Ἐγκυκλοπαίδεια «Πυρσοῦ». Ἀθῆναι, 1927.
Olmsted A. T. History of the Persian Empire (Achaemenid Period). Chicago, 1959.
Pagliaro A. Alessandro Magno. Torino, 1960.
Palanque J.-R. Les impérialismes antiques. P., 1960.
Paribeni R. La Macedonia sino ad Alessandro Magno. Milano, 1947.
Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers. Ox., 1933.
Παπαστάθρου Ι. Ἱστορία τῆς Ἀρχαίας Ἑλλάδος. Ἀθῆναι, 1972.
Παπαρρηγόπουλος Κ. Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους. Ἀθῆναι, 1955. Τ. I—II.
Pickard-Cambridge A. W. Demosthenes and the Last Days of Greek Freedom. N. Y., 1914.
Pridik E. De Alexandri Magni epistolarum commercio. B., 1893.
Radet G. Alexandre le Grand. P., 1931.
Radet G. Alexandre et Poros; le passage de l'Hydaspe.— REA, 37, 1935.
Rawlinson N. Bactria. The History of a Forgotten Empire. L., 1912.
Reinach S. Deux nouvelles images d'Alexandre.— «Rev. Arch.», 2 (1906).
Reus F. Bactra und Zariaspa.— «Rheinische Museum für Philologie». Bd LXII. Bonn — Frankfurt am Main, 1907.
Richards G. C. Proskynesis.— CR, 48, 1934.
Ritter K. Über Alexander des grossen Feldzug am indischen Kaukasus.— AAWB, 1829.
Robinson Ch. A. Alexander, Aristotle and the Brotherhood of Men.— «Saturday Review of Literature», July 25, 1942.
Robinson Ch. A. Alexander the Great and the Barbarians.— «Classical Studies Presented to Edward Capps». Princeton, 1936.
Robinson Ch. A. Alexander the Great and the Oecumene.— «Hesperia», Suppl. VIII, 1947.
Robinson Ch. A. Alexander the Great and Parmenio.— AJA, 1945, XLIX.
Robinson Ch. A. Alexander the Great in India.— GR, 1933, XXIII.
Robinson Ch. A. Alexander the Great. The Meeting of East and West in World Government and Brotherhood. N. Y., 1949.
Robinson Ch. A. Alexander's Deification.— AJPh, 1943, LXIV.
Robinson Ch. A. Alexander's Plans.— AJPh, 1940, LXI.
Robinson Ch. A. The Ephemerides of Alexander's Expedition. Providence, 1932.
Robinson Ch. A. History of Alexander the Great. Vol. I—II, Providence, 1953.
Robson E. I. Alexander the Great; a Biographical Study. L., 1929.
Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I. Ox., 1941.

Σαράντης Θ. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος: ἀπό τήν ἱστορία ἕως τό θρῦλο. Τ. 1—2. Ἀθῆναι, 1970.
Savill A. F. Alexander the Great and his Time. L., 1955.
Sealey R. Athens after the Social War.— JHS, LXXV, 1955.
Schaeffer A. Demosthenes und seine Zeit. Bd I—III. Lpz., 1885—1887.
Schachermeyr F. Alexander der Grosse; das Problem seiner Persönlichkeit und seiner Wirkens. Wien, 1973.
Schachermeyr F. Alexander der Crosse. Ingenium und Macht. Wien, 1949.
Schachermeyr F. Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode. Wien, 1970.
Schlumberger D. L'argent grec dans l'empire Achemenide.— MDAFA, vol. XIV, 1953.
Schlumberger D. Ai Khanoum, une ville hellénistique en Afghanistan.— CRAI (BL), janvier — juin, 1966.
Schmidt E. Persepolis. Vol. I—II. Chicago, 1953—1957.
Schreiber T. Studien über das Bildnis Alexander der Grosse. Lpz., 1903.
Schubert R. Die Quellen zur Geschichte der Diadochenzeit. Lpz., 1914.
Smith S. Babylonian Historical Texts. L., 1924.
Smith V. The Early History of India. Ox., 1928.
Σπυρομήλιου Μ. Ὁ Μέγας Ἀλέξανδρος στίς Ἰνδίες. Ἀθῆναι, 1927.
Stein A. Alexander's Campaign on the Indian North-West Frontier.— GJ, 70, 1927.
Stein A. On Alexander's Route into Gedrosia: an Archaeological Tour in Las Bela.— GJ, 102, 1943.
Stein A. On Alexander's Track to the Indus. L., 1928.
Stein O. Megasthenes und Kautilya. Wien, 1921.
Strasburger H. Ptolemaios und Alexander. Lpz., 1934.
Tarn W. Alexander's Conquest of the Far East— CAH, Vol. VI, 1927.
Tarn W. Alexander the Great. Vol. I. Narrative. Cambridge, 1948; Vol. II. Sources and Studies. Cambridge, 1950.
Tarn W. Alexander's Plans.— JHS, LIX, 1939.
Tarn W. Alexander's Ὑπομνήματα and the World Kingdom.— JHS, XLI, 1921.
Tarn W. Antigonos Gonatas. Ox., 1913.
Tarn W. Cambridge Ancient History. Vol. VI, Chaps XII and XIII; Vol. VII, Chaps III, VI, XXII, XXIII. Cambridge, 1927—1933.
Tarn W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938.
Tarn W. Hellenistic Civilisation. L., 1927.
Tarn W. Hellenistic Military and Naval Developments. Cambridge, 1930.
Tarn W. Queen Ptolemais and Apama.— CQ. Vol. XXIII, № 3—4.
Tomaschek W. Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. Wien, 1877.
Tomaschek W. Derbikes.— RE, IX, 1903.
Touslianos D. Unscientific Tendencies in Greek Bourgeois Historiography of the Soviet East. Athens, 1976.
Τουσλιανός Δ. Μέθοδες ἀποπροσανατολισμοῦ τῆς Ἑλληνικῆς κοινῆς γνώμης. Ἀθήνα, 1976.
Τουσλιανός Δ. Μελέτες καί ἄρθρα. Ἀθήνα, 1976.
Τουσλιανός Δ. Ἡ θεωρία τῆς ἀνακύκλησης καί ὁ ἀντιϊστορισμός τῶν ἐκπροσώπων της. Ἀθήνα, 1976.
Τουσλιανός Δ. Ἐκμοντερνισμός καί πλαστογραφία τῆς Ἀρχαίας Ἑλληνικῆς Ἱστορίας. Ν. Κ. 1/1972.
Τουσλιανός Δ. Ἑλληνοβακτριανός πολιτισμός. Περιοδ. «ΑΣΤΡΟΝ» № 8/1977.
Τουσλιανός Δ. Ἑλλάδα καί Ἀνατολή. ΕΣΧ № 17/1977.
Τουσλιανός Δ. Ἡ ἀρχαία ἱστορία καί ἡ ἐποχή μας. ΕΣΧ № 24/1978.
Τουσλιανός Δ. Ἕλληνες καί Σκύθες. ΕΣΧ. № 25/1978.
Τουσλιανός Δ. Ἀρχαία ἑλληνική τέχνη καί Σοβιετική Μέση Ἀσία. ΕΣΧ № 26/1978.
Τουσλιανός Δ. Μορφές σοβιετικῶν ἐπιστημόνων. ΕΣΧ № 28/1978.
Τουσλιανός Δ. Μιρόκοβα Ι. Εἰσαγωγή στήν Ἱστορία τοῦ Ἑλληνοβακτριανοῦ κράτους. Ἀθήνα, 1976.
Toutain J. L'économie antique. P., 1927.
Toynbee Ar. Hellenism. The History of a Civilisation. L., 1959.
Τρυπάνης Κ. Ἡ Ἀλεξανδρινή ποίηση. Τ. Α, Ἀθήνα, 1943.
Τσούντας Χ. Ἱστορία τῆς ἀρχαίας ἑλληνικῆς τέχνης. Ἀθήνα, 1965.
Tscherikower V. Die Hellenistischen Stadtegrundungen von Alexander dem Grossen bis auf die Romerzeit. Lpz., 1927.
Tsibukidis D. Les tendances antiscientifiques dans l'historiographie bourgeoise grecque relative à l'Orient Soviétique.— L'Asie Centrale des temps modernes. M., 1975 (Documents de la Conférence internationale de l'UNESCO).

Абдалоним, царь Сидона (IV в. до н. э.) 150, 161
Абисар, один из царей Кашмира (IV в. до н. э.) 291, 293, 294, 296, 300, 305, 306, 314
Абулит, сатрап Сузианы при Дарии III 188, 189, 321
Австан, предводитель восстания в Паретакене 268
Автофрадат, адмирал Дария III 132–134, 136, 143, 144, 146, 147, 170
Автофрадат, сатрап тапуров и мардов при Александре Македонском 203, 213, 264
Агафокл, сицилийский тиран (IV в. до н. э.) 365
Агафокл, сын Лисимаха (IV–III вв. до н. э.) 373
Агафон из Пидны, начальник крепости в Вавилоне 186
Агенор, легендарный сын Сидона 159
Агесилай, спартанский царь (V–IV вв. до н. э.) 45, 131
Агесилай, брат Агиса III (IV в. до н. э.) 144
Агис III, спартанский царь (IV в. до н. э.) 89, 143, 144, 147, 169–171, 200
Агис IV, спартанский царь (III в. до н. э.) 386
Агонипп, тиран г. Эреса на о-ве Лесбос (IV в. до н. э.) 123
Аграмес см. Ксандрамес
Ада, жена галикарнасского династа (IV в. до н. э.) 128, 341
Адмет, командир щитоносцев в войске Александра Македонского 159
Адриан, римский император (II в. н. э.) 384
Аземилк, правитель Тира (IV в. до н. э.) 149, 150, 160
Акуфис, посол нисейцев к Александру Македонскому 287
Александр I Филэллин, македонский царь (V в. до н. э.) 23
Александр Линкестиец, соратник Александра Македонского 26, 68, 77, 85, 101, 130, 148, 220, 223, 224, 227, 280, 335, 406
Александр, сын Полисперхонта, стратег 286, 359, 360
Александр IV, сын Александра Македонского 347, 357
Александр, царь Эпира (IV в. до н. э.) 66, 67, 321
Алкета, таксиарх Александра Македонского 268, 283, 291, 296
Алкимах, сын Агафокла, сподвижник Александра Македонского 123
Альтгейм Ф. 102, 410
Амбхи, глава одного из индийских племен (IV в. до н. э.) 349
Амедин, секретарь Дария III 228
Аминта III, македонский царь (V в. до н. э.) 24, 112, 395
Аминта, сын Аррабея, иларх в войске Александра Македонского 119
Аминта, сын Андромена, таксиарх Александра Македонского 85, 119, 138, 157, 160, 187 191, 212 213, 218, 221, 225, 226, 286
Аминта, сын Антиоха, наемник в войске Дария III 138, 142
Аминта, сын Николая, сатрап Бактрии (IV в. до н. э.) 86, 100, 263, 286
Аминта, сын Пердикки III, племянник Филиппа II (IV в. до н. э.) 68, 76, 77
Аммиан Марцеллин, греческий историк (IV в. н. э.) 172, 340, 343, 416
Аммоний, греческий философ-эклектик (II–III вв. н. э.) 395
Амфион, мифический царь Фив 86
Амфотер, брат Кратера, наварх Александра Македонского 132, 144, 170, 171
Анаксикрат, архонт в Афинах (III в. до н. э.) 366
Анаксарх, греческий философ-скептик, участник похода на Восток 104, 105, 274–276, 278, 333
Анаксимен из Лампсака, греческий историк (IV в. до н. э.) 72, 98
Анаксипп, командир аконтистов в войске Александра Македонского 214, 218
Андромах, сын Гиерона, иларх Александра Македонского 174, 255
Андромен, стратег Александра Македонского 252
Андроник, командир греческих наемников в войске Александра Македонского 213
Андросфен с о-ва Фасоса, наварх Александра Македонского 327
Антибел, сын персидского сатрапа Мазея 207
Антиген, неизвестный греческий автор, предшественник Плутарха 214
Антиген, предводитель агемы гипаспистов, позже – аргираспидов 309, 355
Антигон Одноглазый, сын Филиппа, сподвижник Александра Македонского 130, 223, 224, 314, 340, 348–351, 353–358, 360–362, 364–372, 374, 379–381, 383, 384, 415–417
Антигон Гонат, сын Деметрия Полиоркета (III в. до н. э.) 373, 374
Антигониды, македонская династия 368, 376
Антиох I, сын Селевка I, сирийский царь (III в. до н. э.) 259, 388
Антиох, командир щитоносцев в войске Александра Македонского 293

* Указатели составлены И. С. Мироковой.

Антипатр, сподвижник Александра Македонского 21, 76, 85, 86, 89, 92, 98–101, 132, 134, 142, 144, 169, 171, 172, 187, 189, 194, 200, 214, 219, 223, 225, 272, 286, 323, 331, 336, 337, 346, 348, 350, 352, 353, 355, 356, 403, 404, 406, 414–416
Антоний, римский политический деятель 374
Апама, жена Селевка I 380
Аполлодор, тиран Кассандрии (III в. до н. э.) 386
Аполлодор из Артемиты, греческий историк (II в. до н. э.) 207
Аполлодор из Амфиполя, начальник гарнизона в Вавилоне при Александре Македонском 186
Аполлодор, тиран г. Эреса на о-ве Лесбос (IV в. до н. э.) 123
Аполлодот, царь Греко-Бактрии (II в. до н. э.) 413
Аполлонид, правитель о-ва Хиос (IV в. до н. э.) 170
Аполлонид, начальник македонского гарнизона в Аргосе 360
Аполлоний Тианский, странствующий пифагорейский проповедник (I в. н. э.) 385
Аполлоний, сын Харина, правитель Ливии при Александре Македонском 166
Аполлоний, управитель Птолемея II 103
Аполлофан, сатрап оритов и гадросов при Александре Македонском 316, 317
Аппиан из Александрии, греческий историк (II в. н. э.) 8, 173, 270, 275, 365, 368, 370, 371, 379, 380, 418
Арбил, сын Афмонея, мифический основатель Арбел 341
Ариарат, царь Каппадокии (IV–III вв. до н. э.) 350, 351, 376
Аримаз, знатный согдиец 265, 267
Аримма, сатрап Сирии при Александре Македонском 174
Ариобарзан, сын Артабаза, сатрап Персиды при Дарии III 190, 191, 203
Аристандр из Телмесса, предсказатель Александра Македонского 107, 154, 162, 253, 261
Аристобул из Кассандрии, историк, соратник Александра Македонского 8, 9, 91, 97, 98, 104–106, 131, 132, 136, 150, 180, 196, 214, 220, 247, 251, 253, 255, 274, 280, 281, 283, 296, 299, 311, 320, 327, 333, 335, 336, 409
Аристобул, посол Птолемея I к Антигону 364
Аристогитон, убийца сына тирана Писистрата (V в. до н. э.) 188, 277, 410, 417
Аристодем из Милета, стратег Антигона 360, 363
Аристомед, грек-наемник в войске Дария III 142
Аристон, командир пеонов-конников в войске Александра 178
Аристоник, тиран г. Мефимна на о-ве Лесбос 170
Аристотель, греческий философ (IV в. до н. э.) 4, 6, 8, 9, 13, 14, 18–21, 44, 46–49, 67, 70, 103, 104, 139, 231, 269–271, 277, 278, 281–283, 285, 327–329, 331, 395, 397, 399, 400, 402, 412, 415
Аррабей, царь липкестидов (V в. до н. э.) 24
Аррабей из Линкестиды, заговорщик, покушавшийся на жизнь Филиппа II 26, 68, 77, 101, 220, 223
Арриан Флавий, греческий историк (II в. н. э.) 4, 8, 9, 16, 25, 61, 67, 69, 79, 81–84, 86, 89, 91, 95–99, 104–106, 118–123, 125–128, 130, 131, 134, 135, 137–143, 147, 148, 150, 152, 153, 159, 160, 164, 166–168, 170–172, 175, 177–180, 183, 185, 187, 188, 190–193, 196, 198, 204, 205, 208, 209, 213, 214, 218–226, 228, 232, 234, 244, 246–257, 260, 261, 264–268, 270, 273–276, 279–284, 286–289, 291, 292, 297, 298, 301, 302, 304–309, 311, 312, 315–320, 324, 325, 327–337, 340–345, 348, 364, 386, 390, 394, 399—441, 404, 409, 411, 412, 414, 415
Арриба, царь Эпира (IV в. до н. э.) 42
Арридей, сводный брат Филиппа II 33
Арридей, побочный сын Филиппа II 66–68, 347, 348, 357
Арсак, перс, сатрап Арии при Александре Македонском 218
Арсак, глава одного из индийских племен 305
Арсам, персидский сатрап Тарса (IV в. до н. э.) 136
Арсам, сын Артабаза, сатрап Фригии 203
Арсес см. Оарс
Арсиноя, дочь Птолемея I, супруга Лисимаха 372
Арсит, сатрап Фригии Геллеспонтской (IV в. до н. э.) 118
Артабаз, перс, сатрап Бактрии при Александре Македонском 203, 208, 209, 213, 230, 246, 261, 263, 265, 266
Артаксеркс I, персидский царь (V–IV вв. до н. э.) 114, 115, 197, 235, 278
Артаксеркс II Мнемон, персидский царь (V–IV вв. до н. э.) 18, 115, 139, 184, 264, 285
Артаксеркс III Ох, персидский царь (IV в. до н. э.) 146, 147, 149, 163, 204, 325
Артаксеркс IV см. Бесс
Артемидор из Эфеса, греческий автор (I в. до н. э.) 340
Архелай, царь Македонии (V–IV вв. до н. э.) 20, 24, 25, 45, 73
Архелай, стратег Александра Македонского в Сузах 189

Архелай, начальник македонского гарнизона в Аорне 246
Археполис, участник заговора на жизнь Александра Македонского 225
Архидам, царь Спарты (IV в. до н. э.) 50
Архий из Пеллы, командующий флотилией у Неарха 320, 327, 329
Аршакиды, династия парфянских царей 376
Асандр, гиппарх, сатрап Лидии и Карии при Александре Македонском 137, 257, 348, 359, 361
Асклепиодор, сын Филона, гиппарх фракийской конницы 174, 186, 257, 286, 358
Ассакен, глава одноименного индийского племени 293
Астиаг, мидийский царь (VI–V вв. до н. э.) 110, 196, 237
Астис, глава индийского племени певкелаотов 289, 293
Атей, царь скифских племен, обитавших за Истром (IV в. до н. э.) 34, 35
Атминап, парфянин, сатрап Парфии и Гиркании 212
Атропат, военачальник Дария III, правитель Малой Мидии 176, 178, 214, 264, 321, 331, 332, 404
Аттал, военачальник Филиппа II 66, 67, 77, 280
Аттал из Тимфеи, таксиарх Александра Македонского 221, 261, 268, 283, 291, 309
Афиней, греческий автор (II–III вв. н. э.) 8, 172, 326, 366, 417
Афиней, стратег на службе у Антигона 362
Афиней Механик, греческий автор (около II в. н. э.) 294
Афинодор, главарь греческих наемников, восставших в Бактрии 309
Афобет, участник заговора на жизнь Александра Македонского 225
Африк см. Эрик
Ахемен, сатрап Египта в царствование Ксеркса (V в. до н. э.) 113
Ахемениды, персидская династия 11, 14, 70, 109, 111, 117, 149, 153, 163, 166, 169, 173, 183, 184, 186, 188, 189, 192–194, 196, 197, 199, 200, 202, 203, 206, 209, 210, 228, 232–234, 238, 239, 258, 269, 321, 324, 326, 332, 339, 346, 376, 389, 402, 404, 407
Ашока, индийский император из династии Маурьев (III в. до н. э.) 385

Багистан, знатный житель Вавилона 207
Багой, придворный Артаксеркса III (IV в. до н. э.) 147, 194
Багой, перс, триерарх Александра Македонского 305
Балакр, сын Аминты, стратег в войске Александра Македонского 130, 166, 181, 292
Балакр, сын Никанора, сатрап Киликии 145
Бардия, сатрап Бактрии (VI в. до н. э.) 110
Бардилл, глава одного из иллирийских племен (IV в. до н. э.) 25
Барзаент, сатрап Арахозии и Драгианы 175, 182, 203, 204, 206, 208, 218, 219, 233, 245
Бариакс, самозваный царь персов и мидийцев 321, 331
Барсина, вдова Мемнона, незаконная супруга Александра Македонского 347
Бартольд В. В. 252
Бат, персидский правитель Газы (IV в. до н. э.) 161, 162,
Белох Ю. 31, 323, 356, 377, 405
Бенгтсон Х. 398
Береника, супруга Птолемея I 375
Бернар П. 385
Бесс, сатрап Бактрии (IV в. до н. э.) 106, 175, 182, 203, 204, 206, 208–212, 216–218, 228–230, 232–235, 239, 244, 245, 247–250, 264, 268, 408
Бесс, сатрап Сирии при Александре 257
Бетис см. Бат
Бешевлиев В. 395
Биапор, грек-наемник в войске Дария III 142
Бикон см. Филон
Бисфан, сын Артаксеркса III Оха 204
Блаватская Т. В. 7
Богофан, казначей Вавилона при Дарии III 184
Бокщанин А. Г. 7
Борухович В. Г. 7
Брасид, спартанский военачальник (V в. до н. э.) 24
Бузескул В. П. 397

Василевский В. 417
Вилькен У. 73, 75, 396, 411
Виштаспа, сын Ксеркса (V в. до н. э.) 114
Вурверис К. 396

Гагнон с Теоса, наварх Александра Македонского 194, 282
Гармодий, убийца сына тирана Писистрата (V в. до н. э.) 188, 277, 410, 417
Гарпал из Элимиотиды, казначей Александра Македонского 18, 67, 77, 99, 100, 174, 205, 227, 321, 322, 331, 414
Гегелох, сподвижник Александра Македонского 119, 123, 132, 134, 144, 170, 225
Гегесий, посол Антигона к Птолемею I (IV в. до н. э.) 363
Гегесистрат, комендант Милета 125
Гекатей из Абдеры, греческий философ-скептик (IV—III вв. до н. э.) 9
Гекатей из Кардии, соратник Александра Македонского 77

Гекатей из Милета, греческий географ и философ (VI в. до н. э.) 285, 411
Гейер П. 410
Геракл, побочный сын Александра Македонского 347, 417
Гераклид, сын Аригея, наварх Александра Македонского 327
Геракон, иларх наемной конницы в войске Александра Македонского 318
Гермий, династ г. Атарны в Троаде 18
Гермолай, сын Сополида, телохранитель Александра Македонского 279–282
Геродиан, греческий историк (II–III вв. н. э.) 340, 341
Геродот, греческий историк (V в. до н. э.) 17, 18, 23, 110—113, 175, 211, 235, 237, 239, 241, 285, 288, 301, 311, 314, 332, 388, 399, 409, 411, 418
Геромен из Линкестиды, соучастник убийства Филиппа II 26, 68, 77, 101, 220, 223
Герострат, правитель г. Арада в Финикии (IV в. до н. э.) 147, 149
Гесихий, греческий автор (VI в. н. э.) 395
Гефестион, сподвижник Александра Македонского 77, 99, 100, 107, 150, 182, 210, 216, 217, 221–225, 261, 272, 273, 279, 282, 287–289, 293, 296, 300, 305–307, 310, 315, 316, 320, 325, 329, 330, 332–334, 342, 410, 415
Гидрак, житель Гедросии, проводник Неарха 319
Гиерон из Сол, военачальник Александра Македонского 327
Гиперид, греческий оратор (IV в. до н. э.) 60, 322, 414
Главк, лекарь Гефестиона 332
Главкий, правитель одного из иллирийских племен (IV в. до н. э.) 83
Гобар, наместник Пасаргад при Дарии III 196
Гобарен см. Кобар
Голубцова Е. С. 7
Горг из Иаса Карии, рудокоп 323
Горгий, таксиарх Александра Македонского 261, 288
Гордий, мифический царь Фригии 131
Гомер, эпический поэт 288
Григорьев В. В. 248, 267
Грот Дж. 414
Гутшмид А. 405, 415

Дандамаев М. А. 7
Дандамий, индийский мудрец 294
Дарий I Гистасп, персидский царь (VI—V вв. до н. э.) 110, 112, 113, 197, 237, 238, 253, 278, 284, 400, 409
Дарий II Ох, персидский царь (V в. до н. э.) 114, 115
Дарий III Кодоман, персидский царь (IV в. до н. э.) 34, 65, 69, 70, 84, 90, 92, 101, 102, 104, 107–109, 118, 119, 121, 126, 131–149, 151–154, 156, 157, 169, 170, 174, 175, 177–184, 188–190, 193, 194, 197, 200, 202–213, 218, 219, 228, 232–234, 239, 244, 245, 247, 248, 264, 267, 278, 325
Даскалакис А. 73, 405
Датам, персидский командир (IV в. до н. э.) 134
Датаферн, знатный бактриец 247, 248, 250
Деимах, греческий автор (III в. до н. э.) 311
Дексипп, греческий историк (IV в н. э.) 345
Демад, оратор и политический деятель Афин (IV в. до н. э.) 37, 49, 52, 89, 90, 323, 352, 353
Демарат, сподвижник Филиппа II 66
Демарх, посол Антигона к Птолемею I 363
Деметра, гетера 366
Деметрий, телохранитель Александра Македонского, позже — гиппарх 225, 287, 296
Деметрий Полиоркет, сын Антигона, македонский царь (IV—III вв. до н. э.) 345, 361—374, 378, 379, 381, 383, 386, 416, 417
Деметрий Фалерский, афинский политический деятель и философ (IV—III вв. до н. э.) 356, 365, 366, 390, 412
Демокрит из Абдеры, ионийский философ-материалист (V в. до н. э.) 104, 328, 414
Демосфен, афинский политический деятель и оратор (IV в. до н. э.) 6, 20, 21, 33, 34, 44, 47, 48, 52, 53, 55—60, 63, 68—70, 72, 74, 77, 84, 85, 89, 90, 131, 269, 322, 323, 345, 353, 366, 367, 396, 397, 414
Дерд, брат македонского царя Пердикки (V в. до н. э.) 23
Дилий, философ-платоник (IV в. до н. э.) 79
Димитракос Г. 371, 374, 417
Димицас М. 31
Димн из Халестры, участник заговора на жизнь Александра Македонского 222, 223, 225, 227, 406
Динарх, греческий оратор (IV в. до н. э.) 85
Динократ, греческий архитектор (IV в. до н. э.) 172
Диоген, олигархический правитель Митилены (IV в. до н. э.) 132
Диоген Лаэртский, греческий автор (III в. н. э.) 328, 395
Диоген Синопский, греческий философ-киник (IV в. до н. э.) 79, 105, 294
Диодор Сицилийский, греческий историк (I в. до н. э.) 8, 9, 16, 17, 22, 27—29, 31, 32, 35, 61, 63, 67, 72, 83, 84, 87, 89, 98, 99, 105, 118, 121, 125—128, 130—132, 137, 140, 141, 143, 145, 148, 149, 150, 152, 154, 159, 161, 162, 164, 167, 168, 172, 173, 177, 179, 183, 187, 188,

193, 194, 197, 198, 200, 205, 206, 208, 214, 218, 222—224, 226, 231, 232, 237, 245, 256—258, 284—286, 291, 292, 303, 305, 307, 309, 310, 312, 316, 317, 320, 323, 326, 327, 330, 332, 333, 335—337, 341—343, 345, 348, 349, 352, 358, 361—364, 367, 368, 374, 378, 380, 386, 388, 394, 396, 399, 401, 403, 405, 409—412, 414–417
Диодот, царь Греко-Бактрии (III в. до н. э.) 376
Диодот из Эритреи, писец походной канцелярии Александра Македонского 8
Диоксен, телохранитель Александра Македонского 225
Дион Хрисостом, греческий философ и оратор (I в. н. э.) 340, 383
Дионисий Галикарнасский, греческий историк (I в. до н. э.) 72
Дионисий Периэгит, греческий географ (II в. н. э.) 241
Дионисий Старший, тиран Сиракузский (Vв. до н. э.) 50
Дифил, поэт-комедиограф (IV—III вв. до н. э.) 386
Доватур А. И. 401, 402
Додарс, сатрап Дария I 238
Долоасп, номарх в Египте при Александре Македонском 166
Дреруп Е. 398
Дройзен И. 73, 74, 95, 105, 124, 161, 226, 248, 250, 252, 258, 259, 269, 272, 304, 306, 342, 344, 373, 377, 399, 401, 403—407, 411, 412, 414, 415
Дромоклид, афинский оратор (IV—III вв. до н. э.) 373
Дурид из Самоса, греческий историк (IV в. до н. э.) 91, 214, 345, 348
Дьяконов И. М. 7, 407
Дьяконов М. М. 7, 335, 404, 409

Евкратид, царь Греко-Бактрии (II в. до н. э.) 342
Еврипид, греческий драматург (V в. до н. э.) 20, 45, 237, 276
Евсевий Памфил, греческий автор, неоплатоник (IV в. н. э.) 328, 340, 341, 414
Евстафий из Каппадокии, греческий автор, неоплатоник (IV в. н. э.) 340, 341
Егер В. 397

Жебелев С. А. 3, 7, 401
Жуге П. 377, 398

Зельин К. К. 400, 401
Зенон, управитель земель диойкета Аполлония при Птолемее II 103
Зибоет, царь Вифинии (III в. до н. э.) 376
Зопир, сын персидского полководца Мегабиза (V в. до н. э.) 115
Зопирион, македонский наместник на Понте (IV в. до н. э.) 323
Иероним из Кардии, греческий историк (IV в. до н. э.) 326, 345, 348
Иоллай, сын Антипатра, виночерпий Александра Македонского 225, 336, 337
Ион Хиосский, греческий автор (V в. до н. э.) 45
Ирей, тиран г. Эреса на о-ве Лесбос (IV в. до н. э.) 123
Исидор Харакский, греческий географ (I в. н. э.) 228, 229
Исократ, афинский оратор (IV в. до н. э.) 20, 40, 44, 47, 49—52, 57, 60, 70, 72, 74, 102, 139, 269, 377, 397, 410
Ификрат, афинский посол к Александру Македонскому 147

Калан, индийский мудрец 294, 304, 324, 325, 333
Калат, командир одного из отрядов Пармениона 109
Калат, сын Гарпала, командир фессалийских конников 99, 119, 136
Калликсен с Родоса, греческий автор (III в. до н. э.) 172
Калликрат, хранитель царских сокровищ в Сузах 189
Каллисфен, историограф Александра, племянник Аристотеля 8, 16, 48, 49, 98, 104, 182, 227, 246, 271, 276—283, 328, 335, 410, 415
Камбиз, персидский царь (VI в. до н. э.) 110, 111, 279
Канацулис Д. 396
Каран, легендарный родоначальник македонских царей 16
Каран, сводный брат Александра Македонского 76, 77
Каран, таксиарх Александра Македонского 230, 252, 255
Картасис, брат царя скифов, живших за Танаисом в Азии 253, 260
Карштедт У. 397
Кассандр, сын Антипатра, царь Македонии (IV—III вв. до н. э.) 99, 100, 337, 355—361, 363—373, 378, 379, 381, 415—417
Катан из Паретакены, сторонник Спитамена 247, 248, 250, 268
Каутилья, советник царя Чандрагупты (IV—III вв. до н. э.) 413
Кебалин, брат Никомаха, участник заговора на жизнь Александра Македонского 222
Кен, сын Полемократа, гиппарх в войске Александра Македонского 26, 82, 100, 119, 128, 130, 138, 159, 182, 191, 207, 213, 218, 225—227, 261, 263, 264, 287, 291, 298, 300, 302—306, 335
Керавн см. Птолемей Керавн
Керамопулос А. 396, 400
Керст Ю. 74, 102, 325, 396, 401
Кимон, сын Мильтиада, афинский стратег (V в. до н. э.) 114

Кир Младший, сын персидского царя Дария II (V в. до н. э.) 18, 45, 115, 139
Кир Старший, персидский царь (VI в. до н. э.) 45, 106, 109—112, 196, 228, 237, 239, 250, 279, 315, 317, 321, 407, 413
Клеад, пленный фиванец, участник восстания 335 г. до н. э. 88
Клеандр, командир пеших наемников в войске Александра Македонского 156, 160, 318
Клеандр, гиппарх в войске Александра Македонского 220, 222
Клеарх, командир греков-наемников в войске Кира Младшего (V в. до н. э.) 115, 136
Клеомен III, спартанский царь-реформатор (III в. до н. э.) 386
Клеомен из Навкратиса, финансовый правитель Египта при Александре Македонском 166, 334, 354
Клеопатра, сестра Александра Македонского 66, 350
Клеопатра, вторая жена Филиппа II 66, 67, 68, 76, 77
Клит, сподвижник Александра Македонского 94, 119, 206, 222, 227, 272, 273—277, 280, 287, 288, 335
Клит, глава одного из иллирийских племен (IV в. до н. э.) 83
Клитарх Александрийский, греческий автор (IV—III вв. до н. э.) 8, 9, 16, 104, 105, 140, 214, 224, 281, 291, 326, 345, 410
Клоше П. 401
Кобар, лидиец в войске Бесса 245
Ковалев С. И. 3, 7, 153, 335, 401, 402, 404, 409
Койран из Берои, сборщик налогов в Финикии 174
Константин, римский император (III—IV вв.) 414
Кордатос Г. 400, 405, 417
Корнелий Непот, римский историк (II—I вв. до н. э.) 345
Корнеман Е. 398
Коростовцев М. А. 5, 7
Костюхин Е. А. 7
Котис, глава одного из фракийских племен (IV в. до н. э.) 42
Коф, сын Артабаза 203, 265
Кошеленко Г. А. 7, 405
Кратер, сподвижник Александра Македонского 99, 100, 119, 138, 155, 156, 189, 190, 196, 207, 212, 213, 217—219, 222, 225, 250, 251, 257, 262, 264, 268, 272, 283, 287, 289, 290, 296—300, 305—310, 318, 321, 325, 331, 336, 348, 350, 352—355, 406, 412, 416
Ксандрамес, царь гангаридов и прасиев в Индии 301, 302, 314, 349, 370
Ксенократ, греческий философ (IV в. до н. э.) 353
Ксенофонт, греческий историк (V—IV вв. до н. э.) 18, 44, 45, 70, 109, 110, 115, 139, 214, 237
Ксеркс I, персидский царь (V в. до н. э.) 23, 94, 113, 114, 118, 175, 188, 193, 194, 235, 239, 246, 253, 278, 314, 332
Ксеркс II, персидский царь (V в. до н. э.) 115
Ктесий из Книда, греческий историк (V—IV вв. до н. э.) 109, 183, 235, 237, 285, 301, 311, 315
Ктесифонт, демократический деятель Греции (IV в. до н. э.) 58, 59
Кузищин В. И. 7
Курций Руф, римский историк (I в. н. э.) 8, 9, 67—69, 130, 132, 136, 140, 143, 145, 147, 150, 154, 157, 158, 160—162, 164, 167—169, 172, 174, 177, 179, 183, 185, 187, 188, 193, 194, 196—198, 202—204, 210, 211, 213, 214, 216—220, 224—226, 231, 245—247, 249—254, 256—260, 262—268, 276, 277, 280, 283, 284, 286—292, 303, 304, 306, 307, 309, 310, 316, 320, 323, 326, 327, 330, 331, 336, 337, 341—343, 348, 404—406, 408—414, 416

Лангар, царь агриан и пеонов 83
Ланика, кормилица Александра Македонского 17, 272
Лаомедон из Митилены, сатрап Сирии при Александре Македонском 348
Лахар, демократический деятель Афин (III в. до н. э.) 372, 417
Лаурдас В. 191
Ленин В. И. 40
Леонид, воспитатель Александра Македонского 17, 162
Леонид, спартанский царь (V в. до н. э.) 113
Леонид, друг Пармениона, командир неблагонадежных воинов 226
Леоннат, сын Артея, телохранитель Александра Македонского, позже — гиппарх 100, 101, 145, 194, 225, 277, 287, 290, 315, 316, 321, 348, 350, 352
Леосфен, афинский стратег (IV в. до н. э.) 323, 352
Либаний, греческий грамматик (IV в. н. э.) 60
Ливий, римский историк (I в. до н. э.—I в. н. э.) 9, 98, 386
Ликид из Этолии, командир греков-наемников в Египте (IV в. до н. э.) 166
Ликомед с Родоса, начальник персидского гарнизона в Митилене (IV в. до н. э.) 132
Ликург Бутад, афинский демократический деятель и финансист (IV в. до н. э.) 366
Лимн см. Димн из Халестры
Линкестиды, правящий род в Верхней Македонии 68, 395
Линкестиец см. Александр Линкестиец
Липодор, командир отряда восставших греков-колонистов в Бактрии 349

Лисимах из Акарнании, воспитатель Александра Македонского 17, 19, 156
Лисимах, сподвижник Александра Македонского 100, 105, 277, 282, 283, 325, 340, 348, 352, 353, 355, 359—361, 363, 365, 367—376, 378—381, 383, 384, 416, 418
Лисипп, греческий скульптор (IV в. до н. э.) 17, 395
Литвинский Б. А. 7
Лукиан, греческий писатель-сатирик (II в. н. э.) 105

Мавак, начальник сакских конников в войске Дария III 175
Мавзол, карийский династ (IV в. до н. э.) 30, 41
Магадха см. Маурья
Мадат см. Мадет
Мадет, родственник Дария III 190
Мазак, персидский сатрап Египта (IV в. до н. э.) 164, 184, 212
Мазар, начальник гарнизона в Сузах при Александре Македонском 189
Мазей, персидский сатрап Киликии (IV в. до н. э.) 176, 177, 182, 184, 186, 188, 194, 207, 264
Манефон из Гелиополя, греческий историк (IV—III вв. до н. э.) 9, 390
Мардоний, персидский полководец (V в. до н. э.) 112, 114
Маркварт И. 267
Маркс К. 3, 10, 46, 313, 328, 387, 407
Марсден Е. 404
Массон В. М. 7
Массон М. Е. 7
Маурья, династия в Индии 229, 302, 311, 313, 349
Мегабиз, персидский полководец (V в. до н. э.) 115
Мегарей, персидский правитель на о-ве Хиос (IV в. до н. э.) 170
Мегасфен, селевкидский посол в Индии (IV—III вв. до н. э.) 106, 286, 288, 291, 311—313, 324, 413
Медий из Лариссы, триерарх Александра Македонского 305, 335—338, 415
Мелеагр, сын Неоптолема, командир македонской фаланги (IV в. до н. э.) 82, 100, 119, 128, 130, 138, 190, 261, 288, 309, 347, 350
Мемнон с Родоса, греческий полководец на службе у Дария III 92, 108, 109, 118, 121—123, 125, 126, 131, 132, 134—136, 146, 347, 401, 404
Мемнон, стратег Александра Македонского в Сирии 174
Мемнон, македонский стратег во Фракии (IV в. до н. э.) 170, 200, 323
Менандр, афинский комедиограф (IV—III вв. до н. э.) 356, 386
Менандр, стратег, сатрап Александра Македонского в Лидии 174, 334
Менандр, царь Греко-Бактрии (II в. до н. э.) 342, 413
Менедем, стратег Александра Македонского 252, 255, 257, 409
Менелай, сводный брат Филиппа II 33
Менет, телохранитель Александра Македонского, гиппарх Сирии, Финикии, Киликии 145, 172, 186, 189, 205
Менид, гиппарх Александра Македонского 181, 182, 220, 222, 264, 286
Менон, сын Кардимма, сатрап Келесирии 146
Менон, сатрап Арахозии при Александре Македонском 228, 342
Мерой, индийский раджа 298
Миккал из Клазомен, участник похода Александра Македонского 327
Мильтиад, афинский стратег (V в. до н. э.) 112, 114
Миний из Иаса Карии, соотечественник Горга-рудокопа 323
Митридат III, царь Понта (III в. до н. э.) 376
Мифрен, персидский начальник крепости в Сардах (IV в. до н. э.) 121, 186
Мифридат, родственник персидского царя Дария III 119
Моммзен Т. 396
Мусиенко К. С. 402
Мусикан, глава одного из индийских племен 308, 309, 312, 349
Мюллер К. 72, 398, 410

Набарзан, полководец Дария III 182, 203, 204, 206, 208, 212, 213
Набис, спартанский «тиран» (III—II вв. до н. э.) 386
Налчас Х. 75, 396, 400
Нанд см. Ксандрамес
Нанды, династия индийских царей 301, 302, 376
Неарх, наварх Александра Македонского 67, 77, 99, 100, 105, 106, 174, 221, 257, 293, 305, 306, 310, 311, 315—321, 324, 325, 329, 333, 335, 338, 347, 388, 415
Негматов Н. Н. 7
Неоптолем, командир гипаспистов, сатрап Армении 351
Никанор, сын Парменнона, командир гипаспистов и флота в войске Александра Македонского 100, 125, 138
Никанор, стратег Александра Македонского 287, 323
Никанор, участник заговора на жизнь Александра Македонского 225
Никархид, начальник гарнизона в Персеполе 196
Никокл, царь Кипра (IV в. до н. э.) 365
Никомах, отец Аристотеля, придворный лекарь македонского царя Аминты III 18
Никомах, брат Кебалина, участник заговора на жизнь Александра Македонского 222, 225
Никомед, царь Вифинии (III в. до н. э.) 341, 376
Ниолоксен, стратег Паропамиса 232

Нин, ассирийский царь, супруг Семирамиды (IX—VIII вв. до н. э.) 109, 237
Нонн, греческий поэт из Египта (IV—V вв. н. э.) 288

Оарс, персидский царь (IV в. до н. э.) 116, 147
Оксафр, брат Дария III 142, 210
Оксафр, сын Абулита, сатрап Паретакены 204
Оксиарт, знатный бактриец, отец Роксаны 245, 265, 267, 309, 358
Оксидат, сатрап Мидии 264
Оксикан, правитель одного из индийских племен 308
Олимпиада, мать Александра Македонского 16, 17, 66—68, 130, 166, 194, 331, 336, 337, 357, 414
Омо Л. 401
Онесикрит из Астипалеи, философ-киник, кормчий корабля Александра 91, 104, 105, 132, 214, 294, 311, 312, 318, 319
Ономарх, фокийский стратег (IV в. до н. э.) 32
Оргксин, перс, самозваный сатрап Персиды 321
Ордан, перс, глава племени ариаспов 309, 318
Орестиды, правящий род в Верхней Македонии 68
Орозий Павел, римский историк (IV—V вв. н. э.) 416
Оронтобат, военачальник Дария III 127, 137, 358
Ох см. Артаксеркс III

Павловская А. И. 7
Павсаний, убийца Филиппа II 67, 68, 77
Павсаний, греческий автор (II—III вв. н. э.) 8, 198, 340, 345, 367, 372, 374, 379, 386, 414
Павсаний, царь Спарты (V в. до н. э.) 114
Паланк Ж.-Р. 401, 415
Панетий, греческий философ-стоик (II в. до н. э.) 10, 383
Панталеонт из Пидны, начальник гарнизона в Мемфисе 166
Парибени Р. 74, 399
Парменион, полководец Филиппа II и Александра Македонского 17, 66, 76, 77, 92, 94, 99—102, 107, 108, 119, 123, 125, 128, 130, 136—138, 140, 142, 143, 146, 152, 154, 176, 178, 179, 181, 182, 190, 192, 194, 196, 205, 220—227, 234, 272, 275—277, 280, 302, 335, 337, 401
Патрокл, македонский полководец и путешественник (IV—III вв. до н. э.) 311, 327, 329, 388, 406, 418
Патрон из Фокиды, предводитель греков-наемников в войске Дария III 204, 208
Певкеста, телохранитель Александра Македонского, сатрап Персиды 166, 221, 307, 321, 334, 357, 358, 359
Певколай, стратег Александра Македонского в Согдиане 259, 261, 286
Певколай, участник заговора на жизнь Александра Македонского 225
Пердикка, македонский царь (V в. до н. э.) 23, 24, 25
Пердикка из Орестиды, сподвижник Александра Македонского 26, 82, 86, 100, 101, 119, 138, 155, 190, 225, 261, 277, 287, 288, 293, 296, 297, 307, 308, 332, 337, 347—351, 353—355, 362, 376, 416
Перикл, афинский демократический деятель (V в. до н. э.) 6, 41, 59, 72, 94
Петисий, номарх в Египте при Александре Македонском 166
Пиксодор, карийский династ (IV в. до н. э.) 67
Пирр, царь Эпира (IV—III вв. до н. э.) 345, 373, 374, 416
Пиррон из Элиды, философ-скептик, участник похода Александра Македонского (IV—III вв. до н. э.) 104, 105
Писистрат, афинский тиран (V в. до н. э.) 188
Пифагор из Амфиполя, предсказатель 333
Пифагор, греческий математик и философ (VI в. до н. э.) 294, 328
Пифон, сын Агенора, сатрап Индии при Александре Македонском 101, 308—310
Пифон, сын Кратевы, стратег, сатрап Мидии 307, 348—350, 355, 358, 359
Платон, греческий философ (V—IV гг. до н. э.) 6, 18, 20, 24, 44—46, 50, 59, 60, 70, 377, 397
Платон из Афин, командир греческих наемников, прибывших к Александру Македонскому на Восток 189
Плиний Старший, римский историк (I в. н. э.) 228, 229, 310, 340—343, 380, 383, 413, 414
Плутарх, греческий писатель (I—II вв. н. э.) 8, 9, 15—18, 20—22, 28, 56, 61, 67, 68, 79, 84, 88, 89, 91, 98, 103, 105, 113, 121, 128, 130—132, 135, 137, 142, 143, 145, 148—150, 154, 156, 162, 166—168, 172, 173, 179, 193, 194, 196—198, 206, 208, 210, 212, 214—217, 219, 220, 222, 223, 225, 226, 232, 234, 259, 266, 270, 275—277, 280, 282, 285, 287, 297, 302, 304, 305, 309, 317, 320—326, 330, 333, 335—337, 340, 342, 344, 345, 357, 366—372, 374, 378, 382, 383, 386, 394, 395, 401, 405, 406, 410, 413—415, 417
Пнитагор, царь г. Саламина на о-ве Кипр (IV в. до н. э.) 149, 156, 157
Полемон из Пеллы, начальник гарнизона в Пелузии при Александре Македонском 166

Полибий, греческий историк (III—II вв. до н. э.) 8, 10, 28, 72, 98, 185, 341, 345, 368, 377, 380, 381, 383, 386, 414, 415
Полидамант, этер Александра Македонского 220
Полисперхонт, сын Симмия, таксиарх Александра Македонского 25, 100, 101, 145, 261, 268, 296, 331, 355—357, 359, 360, 363, 365, 371, 417
Полистрат, грек-наемник в войске Дария III 208
Полиэн, греческий автор (II в. н. э.) 35, 364, 374
Помпей Трог, римский историк (I в. до н. э.) 8, 9, 72, 237, 345
Пор, царь индийского племени, жившего по р. Гидаспу (IV в. до н. э.) 105, 169, 293, 296–302, 305, 306, 314, 342, 349, 369, 404
Пор, царь индийского племени гандаров 300
Портикан см. Оксикан
Посидоний, греческий писатель из Апамеи (II—I вв. до н. э.) 10, 72, 150, 211, 383, 418
Препелай, посол Антигона 363
Препелай, стратег Кассандра 361, 370
Проекс, перс, сатрап Паропамиса при Александре Македонском 232, 287
Протей, наварх Александра Македонского 132, 134
Профит, глава восстания фиванцев против Македонии (IV в. до н. э.) 86
Псаммон, философ, жрец египетского бога Амона-Ра 167
Птолемеи, династия эллинистических царей в Египте (IV в. до н. э.— I в. до н. э.) 173, 368, 389
Птолемей Лаг, сподвижник Александра Македонского, впоследствии царь Египта (IV—III вв. до н. э.) 8, 9, 18, 67, 77, 97—100, 103—106, 143, 150, 189, 193, 214, 221, 225, 247, 248, 251, 253, 261, 274, 277, 279–281, 283, 289, 290, 292, 297, 299, 311, 315, 320, 325, 333, 336, 345, 347, 348, 353—355, 358—373, 375, 378, 379, 381—383, 388—400, 416
Птолемей Керавн, сын Птолемея I (III в. до н. э.) 375
Птолемей II Филадельф, египетский царь (III в. до н. э.) 103, 172
Птолемей Клавдий, греческий географ (II в. н. э.) 252, 288, 414, 416
Птолемей, наварх, племянник Антигона 361
Птолемей, сын Селевка, телохранитель Александра Македонского 128, 130, 137, 138, 145, 286
Птолемей IV Филопатор, египетский царь (III в. до н. э.) 400

Радциг С. И. 397
Ранович А. Б. 7, 335, 402, 405
Резников И. 3, 7
Робинсон Ч. 402
Роксана, жена Александра Македонского 265, 266, 309, 326, 337, 347, 357
Ростовцев М. 354, 356, 364, 377

Сабак, персидский сатрап в Египте при Дарии III 164
Самба, глава одного из индийских племен 308, 309
Сангай, индийский правитель (IV в. до н. э.) 289
Сарданапал, ассирийский царь (VII в. до н. э.) 137
Сатибарзан, сатрап Арии 175, 182, 203, 206, 208, 214, 218, 229, 230, 233, 245
Сатрак, предводитель заяксартских кочевников 253
Свенцицкая И. С. 7
Свида, греческий лексикограф (X—XI вв.) 412
Севфт III, царь одного из фракийских племен (IV в. до н. э.) 352
Секст Эмпирик из Александрии, философ-скептик (II в. н. э.) 104
Селевк I Никатор, сподвижник Александра Македонского, позже — царь Сирии 214, 275, 283, 296, 325, 348, 355, 357—359, 361—365, 368—374, 379, 380, 383, 384, 388, 406, 417
Селевкиды, династия эллинистических царей в Азии (IV—I вв. до н. э.) 161, 229, 327, 362, 368, 376
Семирамида, ассирийская царица (IX в. до н. э.) 183, 237, 315, 317, 332, 413
Сибикт, сатрап Каппадокии (IV в. до н. э.) 136
Сибиртий, сатрап Арахозии, Гедросии и оритов 317
Сизикотт, глава одного из индийских племен 292
Симмий, брат тимфейца Аминты 221
Сирм, царь трибаллов (IV в. до н. э.) 82, 83
Сирфак, главарь эфесских олигархов (IV в. до н. э.) 122, 123
Сисигамба, мать Дария III 189
Сисимитр, предводитель защитников горной крепости в Наутаке 267, 268
Ситалк, царь одного из фракийских племен (V в. до н. э.) 24
Ситалк, гиппарх Александра Македонского 220, 222, 318
Скилак из Карии, мореплаватель и географ (VI в. до н. э.) 284, 285
Скимн с Хиоса, греческий автор (II в. до н. э.) 340, 341
Сократ, греческий философ (V в. до н. э.) 294
Солин Юлий, греческий автор (III в. н. э.) 172
Солон, афинский законодатель (VI в. до н. э.) 45, 356
Сопиф, глава одного из индийских племен 301, 306, 314
Сопол, гиппарх Александра Македонского 264

Софокл, греческий драматург (V в. до н. э.) 20
Спитамен, руководитель сопротивления в Средней Азии против Александра Македонского 245, 247, 248, 250, 252, 254—259, 261—264, 268, 272, 410
Спифридат, персидский сатрап Ионии и Лидии (IV в. до н. э.) 118, 119
Стагирит см. Аристотель
Стамен, сатрап Вавилонии 264
Стасанор из Сол, сатрап Арии 264, 358
Статира, дочь персидского царя Дария III 153
Страбон, греческий географ (I в. до н. э.— I в. н. э.) 8, 10, 23, 110, 162, 172, 173, 189, 196, 198, 202, 207, 211, 213, 214, 218, 228—232, 235, 237, 251, 252, 266, 268, 287, 288, 291, 292, 311, 312, 315, 317, 324, 329, 340—342, 380—383, 385, 386, 399, 400, 404, 406, 411—414, 416, 418
Стефан Византийский, греческий автор (V в. н. э.) 308, 340—342, 413
Стратокл, сын Эфтидима, афинский стратег (IV в. до н. э.) 36, 366, 367, 372
Стратоника, жена Селевка I 372
Стратон, царь Сидона (IV в. до н. э.) 150
Стратон, сын Герострата, правитель г. Арада в Финикии 147
Струве В. В. 7

Таврон, таксиарх Александра Македонского 190
Таксил, царь области Таксила в Индии 285, 287—289, 293, 298, 300, 302, 306, 314, 317
Тарн В. 103, 229, 258, 264, 284, 340, 364, 367, 371, 400, 402, 405, 406, 408, 410, 415
Телест, сочинитель дифирамбов (IV в. до н. э.) 20
Теофраст, греческий ученый-естествоиспытатель (IV в. до н. э.) 281, 283, 287, 328, 356
Тимей, греческий историк из Сицилии (IV в. до н. э.) 72
Тимоклея, сестра фиванского стратега, погибшего в Херонейской битве 88
Тимолай, начальник македонского гарнизона в Фивах (IV в. до н. э.) 85
Тимон Флиунтский, греческий философ-скептик (IV в. до н. э.) 104
Тимофей Элефсинский, верховный жрец Сераписа (IV—III вв. до н. э.) 390
Тиридат, хранитель персидских сокровищ в Персеполе 191, 194, 228
Тириесп, сатрап Паропамиса 287, 300, 309
Тлеполем, стратег Парфии и сатрап Кармании при Александре Македонском 212, 358
Толстов С. П. 7
Томашек В. 267
Трог Помпей см. Помпей Трог
Тревер К. В. 7, 410
Тураев Б. А. 7, 395, 403—405, 407

Уилер В. 401, 413
Уилер М. 229, 395, 405
Утченко С. Л. 7

Фаида, греческая гетера 193, 197
Фалестрис, царица сказочного народа амазонок 105, 214
Фарасман, царь Иберии (I в. н. э.) 260
Фарасман, правитель Хорезма (IV в. до н. э.) 260
Фарнабаз, полководец Дария III 132—136, 143, 144, 146, 149, 150, 156, 170
Фарнух, ликиец-переводчик 252, 255
Фегей, индийский царь 301, 302, 306, 314
Фемистокл, стратег, афинский политический деятель (V в. до н. э.) 113
Феник, предводитель восстания фиванцев против Македонии (IV в. до н. э.) 86
Феострат, отец Деметрия Фалерского 356
Феопомп с Хиоса, греческий историк (IV в. до н. э.) 24, 68, 71—73, 321, 398
Фиброн, спартанский воин 322
Филемон, поэт-комедиограф (IV—III вв. до н. э.) 386
Филипп, брат македонского царя Пердикки (V в. до н. э.) 23
Филипп II, царь Македонии (IV в. до н. э.) 4, 6, 16—18, 21—23, 25—41, 45, 51—80, 83, 84, 86—103, 107, 120, 122, 124, 140, 147, 148, 154, 166, 170, 221, 223, 227, 274—277, 279, 282, 322, 330, 347, 355—357, 394—399, 403
Филипп III см. Арридей
Филипп, лекарь в войске Александра Македонского 136
Филипп, сын Аминты, таксиарх в войске Александра Македонского 82, 100, 119
Филипп, сын Махаты, сатрап Индии 294, 300, 306—308, 314, 317, 320, 343, 349, 369
Филипп, сын Менелая, командир конницы в войске Александра Македонского 119
Филиппид, поэт-комедиограф (III в. до н. э.) 386
Филист, греческий историк (IV в. до н. э.) 20
Филитэр, династ Пергама (IV в. до н. э.) 376
Филократ, афинский политический деятель (IV в. до н. э.) 34, 54, 55
Филокл, афинский стратег (IV в. до н. э.) 322
Филоксен, греческий поэт, сочинитель дифирамбов (IV в. до н. э.) 20
Филоксен, казначей Александра Македонского в Малой Азии 174, 188, 322, 334, 414

Филомел, фокийский стратег (IV в. до н. э.) 32
Филон, глава восставших греков-колонистов в Бактрии 309, 348, 416
Филота, сын Парменнона, сподвижник Александра Македонского 76, 86, 94, 99—101, 105, 119, 137, 161, 191, 194, 220—227, 234, 272, 273, 276—278, 280, 282, 287, 335, 337, 342, 406
Филострат II, греческий автор (II—III вв. н. э.) 385, 412
Филохор, греческий аттидограф (IV—III вв. до н. э.) 72, 398
Фимонда, грек-наемник в войске Дария III 142
Фисин, персидский правитель на о-ве Хиос 170
Фоант, сатрап племени оритов и гадросов 316, 317
Фокион, афинский политический деятель (IV в. до н. э.) 37, 49, 52, 69, 90, 345, 352, 353, 356, 402, 417
Фотий, патриарх Константинопольский, составитель «Библиотеки» (IX в.) 345
Фрасаорт, сатрап Персиды при Александре Македонском 193, 321
Фратаферн, сатрап Персиды, Гиркании и Парфии 175, 203, 212, 215, 230, 233, 260, 264
Фролов Э. Д. 399, 402
Фронтин Юлий, римский автор (I в. н. э.) 28 98
Фукидид, греческий историк (V в. до н. э.) 23
Харес, афинский стратег (IV в. до н. э.) 29, 33, 34
Харет из Афин, грек-наемник в войске Дария III 170
Харет из Митилены, придворный летописец Александра Македонского 142, 283, 326, 415
Харидем, афинский стратег (IV в. до н. э.) 90, 131, 135, 136, 402
Харит, афинский стратег в войске Александра Македонского 131
Херон из Мегалополя, гонец Филиппа II к дельфийской пифии 166
Хориен, предводитель защитников горной крепости в Бактрии 267
Чандрагупта, индийский царь из рода Маурьев 229, 301, 302, 313, 349, 369, 370, 376
Чериковер В. 416, 418
Шахермейр Ф. 16, 102, 325, 410, 415
Шварц Ю. 396
Шифман И. Ш. 7
Шофман А. С. 3, 7, 335, 400, 402, 404, 408, 410
Штаерман Е. М. 7
Штейн О. 413
Эвагор, царь г. Саламина на о-ве Кипр (IV в. до н. э.) 149
Эвбул, афинский политический деятель (IV в. до н. э.) 49, 52
Эвдем, сатрап Индии 314, 317, 318, 349, 369, 370
Эвдокс Книдский, греческий астроном (IV в. до н. э.) 328
Эвмен из Кардии, сподвижник Александра Македонского 8, 100, 103, 305, 314, 325, 345, 348—351, 353—355, 357, 358, 371, 376, 378, 382
Эврибот, командир лучников 86
Эвридика, дочь Сирры, мать Филиппа II 395
Эврисилай, тиран г. Эреса на о-ве Лесбос (IV в. до н. э.) 123
Эвтидем см. Эвдем
Эвфикл, спартанский посол к Александру Македонскому 147
Элиан, греческий автор (II—III вв. н. э.) 8, 324, 326
Энгельс Ф. 10, 41, 73, 272, 382, 396
Эним, правитель Библа (IV в. до н. э.) 149
Эпаминонд, фиванский полководец (IV в. до н. э.) 24, 94, 396
Эпокил, гиппарх Александра Македонского 264
Эратосфен из Кирены, греческий философ, математик, астроном (III—II вв. до н. э.) 106, 211, 231, 287, 291, 311, 413, 414, 416
Эригий из Митилены, командир конницы в войске Александра Македонского 18, 67, 77, 99, 100, 212, 213, 225, 230
Эрик, брат индийского царя Ассакена 293
Эрм, тиран г. Эреса на о-ве Лесбос (IV в. до н. э.) 123
Эсхил, греческий драматург (V в. до н. э.) 20
Эсхил, посол Антигона к Птолемею I 363
Эсхин, греческий оратор и политический деятель (IV в. до н. э.) 6, 34, 37, 40, 49. 52, 54, 55, 58, 59, 69, 70, 72, 85, 396
Эфиальт, афинский политический деятель (V в. до н. э.) 41
Эфиальт, греческий стратег в войске Дария III 127, 401
Эфор, греческий историк (IV в. до н. э.) 68, 71—73, 398
Эфрон Сикионский, демократический деятель Афин (IV в. до н. э.) 42 356

Юлий Цезарь, римский диктатор (I в. до н. э.) 9
Юстин, римский историк (II в. н. э.) 8, 9, 23—25, 29, 30, 32. 33, 35, 61—64, 67, 68, 72, 84, 98, 100, 110. 118, 150, 167—169, 270, 323, 335—337, 342, 345, 348, 349, 368, 372, 386, 399, 405, 416, 418

Ясон, правитель фессалийского города Ферес (IV в. до н. э.) 32, 50

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

абастаны, племя (в Индии) 308
Абидос, г. (в Троаде, Малая Азия) 370
Абдера, г. (во Фракии) 32, 107
агалассы, племя (в Индии) 307
агриане, племя (у Родопы) 67, 82, 83, 96, 99, 128, 129, 141, 156, 181, 190, 212, 213, 247, 251, 253, 257, 296, 306, 310, 316, 399
Адана, г. (в Южной Аравии) 388
Адрапса см. Драпсака
Азовское море см. Меотийское озеро
Ай-Ханум, поселение (в Северном Афганистане) 385
Аканф, г. (в Македонии) 31
Акарнания, обл. (в Греции), акарнанцы 62, 77, 136, 360
Акесин, р., приток Инда 286, 295, 300, 304—308, 311
Аки, г. (в Финикии) 161
Акрокоринф (крепость Коринфа) 99
Аксий, р. (в Македонии) 23
албаны, племя (на Кавказе) 175, 180, 214
Александрия-на-Акесине (предполагаемый город в Индии) 412
Александрия в Арахозии (Газни), г. 228, 229, 232
Александрия Арахозийская (Кандагар), г. 228, 229, 232, 342, 379, 388
Александрия-Ария (Герат), г. 119, 228, 233, 341, 342, 388, 406
Александрия в Ассирии см. Арбелы
Александрия Египетская, г., александрийцы 170—173, 185, 281, 334, 341, 353, 361, 365, 380—382, 388, 389
Александрия-на-Латме (предполагаемый город в Карии) 341
Александрия Кавказская, г. (в Паропамисе) 232, 287, 342
Александрия в Кармании (предполагаемый город) 343
Александрия Киликийская, г. (на р. Пинар) 341
Александрия-Кокала см. Кокала
Александрия Маргианская (Мерв), г. 259, 341, 409
Александрия-Оппиана, г. (на среднем течении Инда) 308, 343
Александрия Оритская, г. (в Индии) 413
Александрия-Рамбакия, г. (в Гедросии) 316
Александрия Согдийская, г. (на нижнем течении Инда) 308, 343
Александрия в Троаде см. Антигония в Троаде
Александрия Эсхата, г. (на Танаисе) 110, 249, 252, 253, 257, 260, 342, 409
Александрополь, г. (во Фракии) 22
Александрополь см. Нисея (парфянская)
Александрополь см. Александрия Арахозийская
Александрашата, г. (в Скифии) 379
Алинды, г. (в Карии) 128, 340
амазонки, мифическое племя женщин-воительниц 214, 241
Аманские горы (Тавр Киликийский) 136—138
Амастрида-на-Понте, г. (в Пафлагонии) 325, 381
Амвракий, г. (в Греции), амвракиоты 62, 77
Аммоний см. Паретоний
аммонийцы, аммонии (жители оазиса Сива в Египте) 167, 333
Аморгос, один из Кикладских островов 353
Аморий, г. (во Фригии) 340, 415
Амударья см. Окс
Амфиполь, г. (во Фракии) 22, 24—26, 29, 30, 51, 53, 81, 107, 186, 305
Амфиполь см. Фапсак
Амфисса, г. (в Локриде, Греция) 35, 58
Ананис, р. (в Кармании) 319, 320
Андака, г. (в Индии) 289
Андрос (один из Кикладских островов) 365
Анкира (Анкара), г. 136
Антигония-на-Оронте, г. (в Сирии) 365, 368, 380, 382, 418
Антигония, г. (в Троаде) 173, 380, 381
Антиливан, горы в Сирии 155, 156
Антисса, г. (на о-ве Лесбос) 126
Антиохии (города, основанные Селевком на Востоке) 379
Антиохия Маргианская, г. 409
Антиохия-на-Оронте см. Антигония-на-Оронте
Антиохия, г. (в Персиде) 380
Антиохия, г. (в Писидии) 384, 388
Анхиал, г. (в Киликии) 137
Аорн, горная крепость (в Бактрии) 244, 246, 248, 291
Аорн, горная крепость (в стране Сват, Индия) 291—293, 307
Апамеи (города, основанные Селевком на Востоке) 325, 379
Апамея, г. (в Мидии) 380
Апамея Кибот, г. (во Фригии) 415
Апамея-на-Оронте, г. (в Сирии) 380, 388
Аполлония, г. (в Сирии) 379
Аполлония, г. (во Фригии) 340, 415
Арабий, р. (в Азии) 315, 316, 319
арабиты, племя (в Индии) 315
арабы, племя (в Азии) 155, 161, 329, 334, 338, 362
арабы-набатеи, племя (в Аравии) 362
арабы-троглодиты, племя (в Африке) 167
Аравия, Аравийский полуостров 106, 162, 166, 285, 305, 319, 327—329, 332—334, 363, 368, 388

Аравийский залив 175, 180, 304, 318
Арад, г. (в Финикии), арадцы 146, 147, 149, 156, 161
Аракс, р. (в Персиде), совр. Бунд-Амир 191, 327
Аральское море 327
Арахозия, Арахосия, обл. (в Азии, часть Арианы), арахоты, арахозийцы 175, 180, 203, 208, 212, 218, 219, 228, 229, 232, 233, 286, 296, 303, 309, 317, 318, 342, 347, 370, 378, 407
Арахоты см. Александрия Арахозийская
Арбелы, г. (в Вавилонии) 175, 178, 182, 184, 187, 200, 341
Аргос, г. (в Греции) 23, 51, 113, 356, 360, 372
Арефуза, г. (на р. Оронт, Сирия) 379
Ариана (часть Азии) 235, 315. 341
ариаспы, племя (в Арии) 228, 309, 318, 407
Аригей, г. (в Индии)) 289, 290
арии, племя (в Арии) 175, 214, 218
аримаспы см. ариаспы
Ария, обл. (часть Арианы) 175, 203, 212, 214, 218, 219, 229, 230, 232, 233, 245, 264, 309, 318, 341, 347
Аркадия, обл. (в Греции), аркадяне 37, 85, 89, 381
Армения, армяне 18, 109—111, 115, 175, 177, 186, 200, 214, 346, 351, 371, 374, 389
Армянское нагорье 182
Арсиноя см. Эфес
Артакоана, г. (в Арии) 218, 219, 406
Артемисий, мыс (на о-ве Эвбея) 113
аспасии, племя (в Индии) 288—290
ассакены, племя (в Индии) 288, 290, 291, 300
Ассирия 178, 237, 359
Ассос, г. (в Троаде, Малая Азия) 18
Астак. г. (в Малой Азии) 379
Атлантический океан, Атлантическое море 13, 153, 203, 211, 212, 214, 284, 285, 301, 302, 305, 310, 311, 318, 320, 327—329, 346, 388, 406, 412
Аттика, обл. (в Греции) 41, 112, 114, 352, 353, 372
Афганистан 228, 232, 235, 246
Афины, афиняне 21—25, 28—37, 39—42, 44, 45, 49—59, 67, 69, 70, 77—79, 84, 85, 88—90, 94—96, 104, 112—116, 127, 131, 132, 135, 144, 147, 152, 171, 173, 189, 192, 200, 213, 214, 277, 278, 322, 323, 331, 341, 352, 353, 356, 357. 365—367, 369, 372, 373, 377—390, 396, 397, 402, 417
Афон, гора (на Халкидском полуострове) 112
Африка 198, 211, 311, 327, 328, 335
Ахайя, г. и обл. (в Пелопоннесе), ахейцы 33, 35, 37, 58, 171
Ахайя, г. (в Парфии) 379
Ахайя, г. (в Троаде) 379

Багдад. г. 380
Багди см. Бактрия
Багистан, Бехистун, обл. (в Мидии) 332
Бадахшан, обл. (в северных отрогах Гиндукуша) 267, 268, 407
Бадис, стоянка флота (в Кармании) 319
Базиры, г. (в Индии) 291
Бактра, Бактры, г. 153, 237, 244, 246—249, 257, 260—262, 309, 349, 409, 416
Бактрия, обл. (в Азии), бактрийцы 109, 110, 114, 117, 140, 148, 153, 175, 180, 181, 183, 203, 204, 207—212, 214, 218, 219, 228, 229, 232—239, 241, 244, 245, 248, 249, 254, 256—258, 260—264, 267, 268, 272, 277, 280, 284, 286, 287, 289—293, 295—296, 299, 303, 306, 308—310, 314, 318, 323, 326, 327, 329, 335, 342, 347—350, 358, 364, 365, 369, 376, 378, 385, 388—390, 402, 410
Бала-Гиссар, холм (на Пешаварской равнине, Пакистан) 289
Балканский полуостров. Балканы 22—24, 29, 38, 71, 73, 78, 83, 90, 92, 99, 112—114, 116, 398
Балх см. Бактра
Бахрейн, княжество 328
Беграм см. Александрия Кавказская
Белуджистан см. Гедросия
Беотия, обл. (в Греции), беотийцы 38, 58, 62, 78, 80, 85, 87, 112—114, 332, 356, 360, 369, 372, 373
Бероя, г. (в Сирии) 379
Биас см. Гифасис
Библ, г. (в Финикии) 146, 149, 156, 161
Боспор, пролив 112, 115, 260
Боспор Киммерийский (Керченский пролив) 249
Боттиея, г. и обл. (в Македонии) 26, 33
бранхиды, племя (близ Милета) 235, 246, 247
бретты, италийское племя 333
Бубацена, обл. (в Паретакене) 268
Букефалея, г. (в Индии) 17, 299, 305, 343
Бунд-Амир см. Аракс
Бухара 248
Бухарское ханство 246

Вавилон, г., вавилоняне 18, 109, 115, 117, 118, 136, 137, 139, 144, 149, 152, 162, 174, 175, 177, 180, 183—188, 194, 232, 264, 270, 286, 295, 310, 324, 327, 332—336, 348, 357, 358, 361—364, 380, 381, 400, 401, 404, 405, 413, 415
Вавилония 110, 111, 113—115 118, 188, 202, 328, 346, 358, 359, 363, 365, 369
Великая Фригия см. Фригия
Великий Океан см. Атлантический и Индийский океаны
Великое море см. Индийский океан
Верхние сатрапии см. Бактрия и Согдиана
Верхний Египет 381
Верхняя Азия 379
Верхняя Македония (западная часть) 25, 68

Верхняя Сирия см. Ассирия
Византий, г. (во Фракии) 21, 28, 30, 34, 35, 53, 57, 64, 69, 81, 82, 94, 361, 365, 389
Вифиния, обл. (в Малой Азии) 8, 370, 371, 376, 389
Внешнее море см. Атлантический и Индийский океаны
Внешнее индийское море см. Индийский океан
Внешний Океан см. Внешнее море
Внутреннее море см. Средиземное море
Ворота см. Персидские ворота
Восточное Средиземноморье 346
Восточное море см. Индийский океан
Восточные сатрапии (области современной Средней Азии, Северного Ирана и Афганистана) 102, 150, 175, 183, 202, 204, 219, 269, 300, 314, 358, 386, 401

Габа, сел. (в Согдиане) 263
Габаза, обл. (в Паретакене) 268
Габиена, сел. (на границе Мидии и Персиды) 357
Гавань Александра (Карачи) 319, 413
Гавань македонцев см. Гавань Александра
Гавгамелы, сел. (в Вавилонии) 11, 93, 168, 169, 175, 178—181, 183, 184, 187—189, 193, 200, 202, 203, 209, 234, 239, 247, 253, 268, 299, 321, 341, 404, 409
гадросы, племя (в Гедросии) 228, 316, 317
Газа, г. (в Сирии) 161, 162, 164, 187, 341, 362, 368, 386, 388, 389
Газа, г. (в Согдиане) 250, 251
Газа, г. (в Финикии) 124
Газни см. Александрия в Арахозии
Галикарнас, г. (в Карии), галикарнасцы 121, 122, 124, 126, 127, 143, 160, 161, 289, 364, 390, 401
Галис, р. (в Малой Азии) 148, 153
Ганг, р. (в Индии) 211, 284, 285, 299, 301—303, 312, 412
гангариды, племя (в Индии) 301, 302, 307
Гандарида, обл. (в Индии) 300
гандары, племя (в Индии) 228
Гандхара, обл. (в Индии) 390
Гармозий, мыс и порт (в Кармании) 319, 414
Гедросия, обл. (в Азии) 310, 317—321, 343, 347, 358, 370, 413
Гекатомпил, г. (в Парфии) 216, 379, 380, 388
Гелиополь, г. (в Египте) 164
Геллеспонт, пролив (Дарданеллы) 13, 29, 34, 35, 37, 41, 48, 53, 57, 64, 66, 94, 106, 107, 109, 113, 115, 118, 132, 134, 144, 153, 191, 260, 352, 355, 356, 358, 359, 361, 363, 365, 370, 375, 402
Геллеспонтская Фригия см. Фригия Геллеспонтская
Гем, горный хребет (во Фракии) 23, 81, 82
Гераклея, г. (в Мидии) 341, 416
Гераклея Понтийская, г. 136, 370, 371
Геракловы Столбы (Гибралтар) 103, 211, 212, 327, 329
Герат, г. (в Афганистане) 218, 228, 232, 233, 341
Герея, г. (в Сирии) 379
Гермиона, г. (в Арголиде) 188
геты, племя (на р. Истр, Фракия) 82—84, 373
Гиаротида, р. (в Индии) 311
Гидасп, р. (в Индии) 105, 286, 293, 295—299, 305, 306, 311, 342, 343
Гидраот, р. (в Индии) 300, 305, 307
Гималаи, горная система 388
Гиндукуш, горная система 218, 228, 230—233, 235, 245, 329, 342
Гипанис, р. (в Индии) 311
Гипарны, г. (в Ликии) 128
Гиркания, обл. (в Азии), гирканцы 153, 175, 180, 203—206, 209, 212—214, 233, 347, 413, 418
Гирканское море см. Каспийское море
Гиссарский хребет, Гиссар 266, 267
Гифасис, р. (в Индии) 285, 301—305, 311, 327
главганики, главсы, племя (в Индии) 299
Гордиейские горы (часть Тавра на границе с Арменией) 178
Гордий, г. (во Фригии) 128, 130, 132, 286, 402
Граник, р. (в Малой Азии) 93, 94, 118—121, 126, 129, 131, 137, 141, 143, 149, 160, 163, 171, 179, 202, 273, 274, 340, 386
Греко-бактрийское царство 376
Греция, греки 4—6, 9—14, 20—24. 27, 28, 31—41, 43, 45, 47—80, 83—90, 92, 94—96, 98—101, 103, 104, 106—109, 111—118, 120—126. 128—132, 134, 135, 139, 143, 144, 146, 147, 149, 150, 152, 160, 162—164, 166, 169—171, 173—175, 185, 188, 191—194, 196—200, 202—206, 208, 210, 214, 215, 217—219, 221, 226, 227; 231, 233—235, 239, 241, 244, 246—250, 253, 255, 261, 263, 264, 267—271, 277—283, 285—289, 291, 293, 295, 297, 298, 300, 303—305, 311, 313—317, 319, 325, 328—332, 335—337, 344—346, 348—350, 351—361, 363—369, 371—375, 377—379, 381, 382, 384, 386, 387, 389, 390, 396—399, 402, 409, 410, 414. 416, 417
гуреи, племя (в Индии) 289
Гурей, р. (в Индии) 289

Дирта, г. (в Индии) 292
Докимей, г. (во Фригии) 384, 415
Дон, р. 249, 260, 409
Дорида, обл. (в Греции) 35, 39
дранги, племя (в Ариане) 219, 407

Драгиана, обл. (в Азии) 203, 208, 212, 218—220, 223, 233, 234, 245, 264, 309, 317, 318, 321, 342, 347, 378, 416
Драпсака, г. (в Бактрии) 244, 246, 248
Дунай см. Истр
Дура-Европос, Дура, г. (в Месопотамии) 380

Евмения, г. (во Фригии) 415
Евсевия см. Тиан
Европос-Раги, г. (в Мидии) 380
Евфрат, р. 102, 142, 152—154, 163, 176, 177, 310, 327, 329, 332, 333, 337, 365, 371, 380, 388
Египет, египтяне 4, 18, 53, 70, 102, 103, 105, 110, 113, 115—117, 142, 144, 145, 149—152, 154, 157, 160—167, 170—174, 179, 184, 186, 193, 194, 198, 212, 220, 221, 288, 295, 305, 311, 324, 327, 328, 332, 334, 341, 346, 348, 353—355, 358, 359, 362, 363, 365, 366, 368, 372, 376, 383, 385, 390, 403, 404

Заамин, г. (в Узбекской ССР) 252
Задракарта, г. (в Гиркании) 213, 214
заранги см. дранги
Зариаспа см. Бактра
Зевгма, переправа (на Евфрате) 388
Зелея, г. (в Малой Азии) 118
Зеравшан, р. (в Средней Азии) 255—258

Иберия, обл. (на Кавказе) 260
Иберия (Испания), иберы 327, 333
иберийцы см. колхи
Икар, о-в (в Персидском заливе) 329
Илион, г. (в Малой Азии), илионцы 64, 107, 283, 340, 380, 383, 384
Иллирия, обл. (на севере Балкан), иллирийцы 22, 23, 25, 27, 30, 31, 33, 53, 66, 68, 74, 76, 80, 83, 84, 89, 96, 99, 139, 140, 170, 219, 330, 360, 399, 406
Имай (часть индийского «Кавказа») 231
Имброс, о-в (в Эгейском море) 116
Инд, р. 106, 219, 230, 285, 288, 289, 291, 292, 295, 304—306, 308—311, 314, 318, 321, 343, 347, 349, 412, 413
Индийский Кавказ (Гиндукуш) 106, 230, 231
Индийский океан, Индийское море 13, 103, 153, 203, 211, 212, 214, 231, 284, 285, 301, 302, 304, 305, 310, 311, 314, 318—320, 325, 327—329, 346, 388, 406, 412
Индия, индийцы 11, 12, 17, 102, 104—106, 109, 140, 148—150, 153, 169, 175, 180, 182, 191, 203, 211, 214, 217, 219, 229, 232—234, 237, 244, 245, 260, 269, 283, 285—306, 308, 309—315, 317, 318, 320, 321, 324, 326, 328, 329, 332, 335, 336, 342, 347, 349, 362, 368—370, 374, 376, 385, 389, 390, 404, 411—413, 416, 418
Ионийский залив (Адриатическое море) 83
Иония, обл. (в Малой Азии), ионяне, ионийцы 110, 112, 118, 360, 369, 389
Ипс, сел. (во Фригии) 370—372
Иран 117, 211, 212, 232, 237
Иранское нагорье 111, 347
Исавра, г. (в Ликаонии) 351
Испания 311
Исс, г. (в Киликии) 93, 137—146, 148, 149, 153, 156, 160, 163, 171, 179, 180, 202, 227, 341, 405
Исский залив 341
исседоны, скифское племя (в Азии) 237
Истм, перешеек в районе Коринфа 79, 359, 365
Истр, р. 34, 35, 81, 82, 84, 188, 323, 359
Италия 321, 327, 333
«ихтиофаги», племя (в Гедросии) 317, 319

Иудея 388

Йемен 328

Кабул, г. 228, 232
Кабул, р. см. Кофен
Кавказ (горный хребет Тавра) 211, 218, 228, 231—233, 235, 245, 249, 329, 409, 411
Кавмара, стоянка флота (в дельте Инда) 318
Кави, г. (в Карии) 137
Кадмея, Кадмей (фиванский кремль) 36, 77, 85, 86, 99, 147, 373
кадусии, племя (в Мидии) 175, 180, 203, 204, 206
Калифорния 413
Каллиопа, г. (в Парфии) 379
Каллиполь, г. (в Македонии) 32
Каллиполь, г. (в Карии) 137, 379
Кандагар, г. см. Александрия Арахозийская
Кандагар, обл. (в Арахозии) 349, 385
Каппадокия, обл. (в Малой Азии), каппадокийцы 136, 175, 348, 350, 351, 354, 355, 359, 370, 371, 375, 379, 385, 389, 417
Каппадокия Понтийская см. Понт
Карачи см. Гавань Александра
Кардия, обл. и г. (во Фракии), кардийцы 34, 53, 365
Карпаты, г. (в Бактрии) 280
Кария, обл. (в Малой Азии), карийцы 41, 67, 128, 180, 305, 334, 348, 361, 373
Кармания, обл. (в Азии), карманцы 309, 317—321, 328, 343, 347, 358, 389, 414
Карры, г. (в Месопотамии) 332, 385
Карфаген, г. 155, 157, 302, 327, 365
Карши, г. (в Узбекской ССР) 248
Каспийские ворота, горный проход 202, 204, 205, 207, 232, 239, 380, 416
Каспийское море, Каспий 106, 110, 211—213, 231, 304, 327, 328, 388, 406, 409

Кассандрия, г. (в Македонии) 106, 386
кафеи, племя (в Индии) 288, 300, 301, 307
Кашка-Дарья, р. (в Узбекской ССР) 248
Кебрен, г. (в Троаде, Малая Азия) 380
Келесирия (часть Сирии) 146, 175, 179, 180, 368, 370
келоны, мифическое греческое племя (в Азии) 332
кельты 83
Келиф, переправа (на Амударье) 246, 248
Керкира, о-в (в Ионическом море) 30, 35, 58
Керченский пролив см. Боспор Киммерийский
Кизик, г. и о-в (в Пропонтиде) 66, 79, 108, 389
Кикладские острова, Киклады (в Эгейском море) 126, 133, 134, 143, 144, 150, 353, 365, 381, 389
Киликия, обл. (в Малой Азии), киликийцы 51, 102, 112, 128, 136, 137, 145, 148, 153, 179, 186, 222, 231, 341, 348, 352, 355, 358, 360—362, 364, 367, 370, 373, 389
Киликийские ворота (южные перевалы Тавра) 136
Киликийские горы см. Аманские горы
Кипр, о-в, киприоты 53, 95, 96, 115, 116, 126, 142, 144—146, 149—152, 156, 159, 171, 237, 305, 327, 354, 360, 361, 367, 368, 373, 381, 389
Кирена, г. (в Африке), киренцы 166, 167, 322, 341, 354, 358, 361, 365
Кирополь, г. (в Согдиане) 110, 241, 244, 250—252
Киры см. Кирополь
Кирэсхата см. Кирополь
китайцы 244, 385
Клазомены, о-в (у побережья Малой Азии) 116
Книд, г. (в Карии) 41, 184
Кобадиан, поселение (в Таджикистане) 407
Кокала, г. (в земле оритов) 316
Колофон, г. (в Ионии) 381
колхи, племя (на Кавказе) 214, 260
Кора, Курупедион, сел. (на границе Лидии и Фригии) 374
Кореста, стоянка флота (в дельте Инда) 318
Коринф, г. (в Греции), коринфяне 35, 37, 39, 58, 62, 63, 66, 79, 333, 365, 369, 373, 387, 389
Кос, о-в (в Эгейском море) 30, 41, 53, 127, 132, 137, 143, 144
коссеи, племя (в Мидии) 332, 334
Котира см. Амастрида-на-Понте
Кофен, р., приток Инда 287—289, 292, 411
Краннон, г. (Фессалии) 353
Красноводск, г. 413
Красное море см. Эритрейское море
Крениды, г. (во Фракии) 30
Крисы, г. (в Фокиде) 396
Крит, о-в 100, 144, 170, 171, 322
Крокала, о-в (в Индийском океане) 319
Кромны см. Амастрида-на-Понте
Ксанф, г. (в Ликии) 128
ксатры, племя (в Индии) 308
Кселинополь см. Паттала
Кунакс, сел. (в Месопотамии) 115

Лаврион (Лаврийские возвышенности на юге Аттики) 113, 389
Лада, о-в (у побережья Малой Азии) 112, 125
Лакедемон, лакедемоняне см. Спарта, спартанцы
Ламия, г. (в Греции) 352
Лампсак, г. (в Малой Азии) 109
Лаодикеи (города, основанные Селевком на Востоке) 379
Лаодикея, г. (в Персиде) 380
Лаодикея, г. (во Фригии) 415
Ларанда, г. (в Ликаонии) 351
Ларисса, г. (в Сирии) 379
Латм, гора и залив (в Ионии) 340
Лахор см. Сангала
Лебедос, г. (в Ионии) 381
Левкада, о-в (в Ионическом море) 35, 58
Лемнос, о-в (в Эгейском море) 116, 385
Ленинабад, г. 250, 252, 409
Лесбос, о-в (в Эгейском море) 18, 30, 123, 126, 132, 142, 144, 170
Ливан 161, 389
Ливанские горы 155
Ливия, ливийцы 166, 273, 302, 327, 333, 363
Ливийская пустыня 166
Лигин, р. (во Фракии) 82
Лидия, обл. (в Малой Азии), лидийцы 118, 121, 153, 219, 286, 334, 370, 373, 374, 384
Лик, р. (в Ассирии) 182
Ликия, обл. (в Малой Азии) 101, 128, 133, 156, 174, 220, 223, 227, 286, 359, 417
Линкестида, обл. (в Македонии) линкестиды 23, 26, 100, 395
Лисимахия, г. (во Фракии) 365
Локрида, обл. (в Греции) 352
Лондон, г. 395
луканы, италийское племя 333

Магнесия-на-Меандре, г. (в Карии) 66, 123, 390
Магнесия-на-Сипиле, г. (в Лидии) 385
Мазака см. Тиан
Македония, македоняне 4–6, 9–14, 16, 21—26, 28—41, 43, 45, 48, 51—64, 66—71, 73—78, 80—89, 92, 94—102, 106, 108, 109, 112, 116, 118, 120—122, 124—132, 134, 135, 138—144, 146, 147, 150, 151, 153, 155—158, 160—164, 166, 169—172, 174—183, 187—191, 193, 194, 196, 198—200, 202—204, 206, 208, 210, 212—223, 225—228, 230—235, 239,

245—253, 255—257, 259—272, 274—283, 285—326, 328—332, 335—337, 342, 344, 346—353, 355—359, 361, 362, 364, 365, 369, 371—378, 381, 382, 384, 387, 389, 394—396, 399, 401—404, 409, 414, 416, 417
Малайя 339
Малая Азия 3, 4, 11, 13, 18, 34, 50, 65—67, 70, 79, 80, 91, 92, 98, 101—103, 107, 109, 111—118, 121, 123—126, 128—132, 134, 135, 139, 140, 143, 144, 148, 149, 153, 154, 161—163, 171, 173, 174, 179, 186, 200, 220, 222, 224, 271, 284, 287, 289, 300, 321, 341, 346, 350, 351, 353, 358, 361, 364, 365, 367, 369—371, 373, 374, 376, 379, 381—384, 386, 387, 389, 401, 402, 414
Малая Мидия см. Мидия Атропатена
Малая Фригия см. Фригия Геллеспонтская
Малл, г. (в Киликии) 137, 156
маллы, племя (в Индии) 288, 300, 306—308
мамакены, племя (в Согдиане) 251
Мантинея, г. (в Греции) 32
Мараканда, г. (в Согдиане) 244, 249, 252, 254, 257, 259—262, 272, 273, 275, 280, 342
Мараф, г. (в Сирии) 146—149, 163
Марафон, сел. (в Аттике) 112, 114
Маргиапа, обл. (в Азии) 235, 237, 238, 259, 342, 376
марды, племя (в Персиде) 180, 197, 213, 264, 321, 347
мармары, племя (в Малой Азии) 128, 300, 346
Мареотидское озеро (в Египте) 172
Маропея, г. (во Фракии) 32, 107
Маронея, г. (в Сирии) 379
Массага, г. (в Индии) 290—292
массагеты, скифское племя (в Азии) 110, 237, 239, 241, 244, 258—260, 262, 263, 279
Мегалополь, г. (в Аркадии) 89, 171, 200, 356, 379, 381, 404
Мегара, г. (в Греции) 35, 58, 62, 321, 365
Междуречье см. Месопотамия
Мемфис, г. (в Египте) 164—166, 171, 172, 174, 286, 390
Мендея, г. (в Македонии) 31
Меотида, Меотийское озеро (Азовское море) 106, 249, 327
Мерв, г. (в Азии) 238
Мервский оазис 341
Мертвое море 362
Месопотамия 4, 109, 117, 177, 180, 183, 194, 327, 347, 358, 371, 380, 385, 404
Мессена, г. (в Пелопоннесе) 37
Мессения, обл. (в Пелопоннесе) 85
Мефимна, г. (на о-ве Лесбос) 126
Мефона, греческая колония (на фракийском побережье) 25, 28, 34, 53, 71
Мидия, обл. (в Азии), мидяне, мидийцы 18, 110, 111, 139, 153, 175, 180, 182, 183, 188, 189, 196, 197, 202, 204—206, 213, 214, 220, 222, 224—226, 232, 233, 264, 278, 318, 321, 331, 332, 341, 347—349, 357, 358, 362, 380, 402, 415
Мидия Атропатена (древний Азербайджан) 178, 388, 404
Миеза, сел. (в Македонии) 18, 19, 273
Микале, мыс (близ Милета) 114, 125
Милет, г. (в Малой Азии), милетцы, милетяне 112, 114, 121, 123—126, 161, 235, 246, 247, 361, 371, 373, 381
Минд, г. (в Карии), миндосцы 127, 137, 364
Миннагара, г. (в Индии) 310, 343
Мириандр, г. (на берегу Исского залива) 138, 341
Митилена, г. (на о-ве Лесбос), митиленцы 18, 123, 126, 132—134, 170, 171
Може-Таш, сел. (на Восточном Памире) 241
Мопсуестия, г. (в Киликии) 341
Море см. Геллеспонт
Муг, гора и сел. (в Согдиане) 250, 252
Мунихий, холм (в Пирее) 322, 353, 356, 373
Мургаб, р. (в Средней Азии) 238, 341
Муру см. Маргиана
мэды, фракийское племя 21

набатейцы, набатеи см. арабы-набатеи
Навкратис, греческая колония (в Египте) 166
Накраса, г. (в Лидии) 384
Нара, г. (в Каппадокии) 354
Нау, г. (в Таджикской ССР) 252
Наутака, г. (в Согдиане) 245, 246, 248, 249, 262—264, 267
Несс, Нест, р. и долина (в Македонии и Фракии) 30, 31, 81
Нижняя Македония (восточная часть Македонии) 22, 23, 24
Никефорий, г. (в Месопотамии) 365, 379
Никея, г. (в Индии) 299, 305, 311, 343
Никомедия, г. (в Вифинии) 8
Никополь, г. (в Армении) 379
Никополь, г. (в Киликии) 341
Нил, р. 164, 165, 173, 174, 188, 304, 311, 355, 362, 368
Ниса, г. (в Индии), нисейцы 287, 288, 342
Ниса, г. (во Фракии) 288
Ниса, г. (в Эфиопии) 288
Нисейские поля, обл. (в Мидии) 332
Нисея, г. (в Парфии) 341
Нифат, гора (в Армении, часть Тавра) 178
Нубия, обл. (в Африке) 110, 389

одриссы, фракийское племя 42, 67, 81, 99
Океан см. Атлантический и Тихий океан
Окс, р. (в Средней Азии) 238, 245—248, 258, 261, 327
оксидраки, племя (в Индии) 288, 300, 306—308
Олимп, горная цепь (в Греции) 23, 77
Олинф, греческая колония (во Фракии), олинфяне 22, 29—31, 33, 53, 277, 282

Ольвия, греческая колония (на Понте Эвксинском) 389
Олубурлу, сел. (в Турции) 415
Онхест, г. (в Беотии) 85
Опис, г. (в Месопотамии) 25, 96, 173, 330, 331, 347, 380, 381, 388, 415
Опунт, г. (в Локриде) 364
Орестида, обл. (в Македонии), орестиды 23, 26, 100
Оритида, обл. (в Азии), ориты 315—317, 319, 321, 343, 347
Ороатида, Ороатис, р. (в Персиде) 321
Оронт, р. (в Сирии) 156, 368, 380
Ороп, г. (в Беотии), оропяне 36, 37, 62, 353, 356
Ороп, г. (в Сирии) 379
Ортополь г. (в Македонии) 32
Ортоспана см. Кабул, г.
Оры, г. (в Индии) 291
Осс, горы (в Греции) 77, 78
оссадии, племя (в Индии) 308
Ош, г. (в Киргизской ССР) 252

Пагаситский залив (залив Эгейского моря) 369
пазамоны, племя (в Африке) 167
Пакистан 12, 293
Палестина 111, 117, 161, 371
Палестинская Сирия см. Палестина
Палимботра, г. (в Индии) 312
Памир, горная система 241
Памфлия, обл. (в Малой Азии) 128, 231
Панактан, крепость (в Беотии) 356
Пангей, гора (в Македонии) 23, 29, 91, 389
Панта см. Палимботра
Пантикапей, греческая колония (в Тавриде) 389
Паретакена, обл. (в Азии), паретакены, паретаки 204, 247, 266—268, 292, 347
Паретоний, г. (в Египте) 166, 167, 341
Паропамис, обл. (в отрогах Гиндукуша) 370
Паропамис, горы (часть Индийского Кавказа) 230—232, 286—288, 311, 342
паропамисады, племя (в Азии) 228, 230, 231, 235, 296, 303, 309, 347, 358
Парфия, парфяне 175, 180, 203, 204, 206, 207, 212—216, 229, 233, 241, 264, 268, 299, 317, 326, 341, 347, 379, 385, 388, 406
Пасаргады, г. (в Персиде) 106, 117, 193, 196, 197, 320, 321, 324
Паситигр, устье р. Тигр 189, 320, 321
Паталипутра, г. (в Индии) 311
Патары, г. (в Ликии) 128
Паттала, г. (в устье Инда) 309—311, 315, 318, 343
Патталена, Патталы, область нижнего течения Инда 308, 310, 311
Пафлагония, обл. (в Азии), пафлагонцы 136, 348, 350, 351, 371
Певкелаотида, г. (в Индии), певкелаоты 288, 289, 293
Пелина, г. (в Фессалии) 85
Пелион, крепость (в Македонии) 83
Пелла, г. (в Македонии) 16, 18, 32, 54, 99—101, 373, 395
Пелла см. Апамея-на-Оронте
пеллагосии, племя (в Македонии) 23
Пеллакопа, отводной канал в устье Евфрата 334, 344
Пелопоннес, обл. (в Греции), пелопоннесцы 37, 57, 85, 97, 114, 132, 134, 144, 150, 156, 160, 170, 171, 187, 200, 353, 359, 360, 365, 369, 373
Пелузий, г. (в Египте) 110, 164, 166, 355, 360, 361, 368
Пенджаб 293, 299, 304, 311, 314, 349, 370
Пеней, р. (в Фессалии) 78
Пеония, обл. (в Иллирии), пеоны, пеонийцы 23, 31, 33, 53, 67, 68, 74, 83, 94, 96, 99, 100, 119, 178, 399
Пергам, г. и обл. (в Эолиде) 347, 376, 388, 417
Передняя Азия 117, 135, 150, 160, 202, 362, 363, 406
Перинф, г. (во Фракии) 28, 34, 35, 57, 64, 69, 94
Перинф, г. (в Сирии) 379
Персеполь, г. (в Персиде) 13, 149, 153, 169, 186, 189—191, 193, 194, 196, 197, 199, 200, 202, 205, 210, 224, 228, 232, 241, 268, 310, 320, 358, 405
Персида, обл. (в Азии) 102, 189, 191, 193, 196, 197, 200, 202, 204, 318, 321, 347, 357, 358, 362, 369
Персидский залив 106, 212, 305, 309, 318—320, 327—329, 330, 332, 333, 344, 388, 414
Персидские ворота, горный проход 190, 191, 207
Персия, персы 13, 14, 18, 23, 41, 50, 52, 56, 57, 59, 64, 66, 69, 70, 76, 79, 84, 85, 87, 92, 95, 96, 108—119, 121, 123, 125, 126, 129, 131, 132, 134—152, 155, 160, 163, 164, 169, 171, 175, 177—184, 189, 190, 193, 196, 197, 199, 202, 204, 207, 210, 212, 213, 220, 223, 224, 234, 236, 239, 244, 246, 266, 270, 271, 275, 277, 278, 289, 299, 315, 318, 320, 321, 324, 326, 328, 330, 331, 337, 346, 377, 397, 399, 401, 402, 404
Петра, г. (в Аравии) 362, 388
Пешаварская равнина (в Западном Пакистане) 289
Пидна, греческая колония (во Фракии) 29, 34, 53, 166, 186
Пимпрамы, г. (в Индии) 300
Пинар, р. (в Киликии) 137, 138, 140—142, 341
Пинары, г. (в Ликии) 128
Пирам, р. (в Киликии) 137
Пирей, г. (в Греции) 36, 356, 365, 366, 372, 373
Писидия, обл. (в Малой Азии), писиды 128, 129, 300, 346, 351, 384
Питана, г. (в Троаде, Малая Азия) 109
Платеи, г. (в Беотии), платейцы 87, 112, 114
Политимет см. Зеравшан

Понт, государство (в Малой Азии) 323, 348, 360, 371, 376, 389
Понт, море см. Понт Эвксинский
Понт Эвксинский (Черное море) 18, 29, 48, 106, 112, 132, 134, 212, 231, 249, 260, 302, 327, 359, 389
Потидея, греческая колония (в Македонии) 17, 22, 23, 28—31, 71
прасии, племя (в Индии) 301, 302
Приена, г. (в Ионии) 124, 340
Прикаспий северо-восточный 327
Припамирье 268
Пропонтида (Мраморное море) 48, 64, 108, 118, 260, 361, 370
Пропонтида (часть Фракии, прилегающая к Мраморному морю) 34, 69
Профтасия см. Фрада
Проффазия см. Фрада
Птолемаида, г. (в Египте) 381, 388
Пура, г. (в Гедросии) 317
Пушкалавати см. Певкелаотида
Пятиречье см. Пенджаб

Раги, г. (в Гиркании) 207
Раги, г. (в Мидии) 341
Ракотис, сел. (в Египте) 172
Рамбакия, сел. (в Ариане) 316, 343
Рамнунда, г. (в Аттике) 372
Рим, Римская империя, римляне 4, 9, 10, 28, 72, 166, 185, 198, 272, 331, 336, 339, 374, 398, 400
Родос, о-в (в Средиземном море) и г., родосцы 30, 41, 53, 57, 59, 79, 108, 171, 322, 354, 360, 368, 369, 382, 383, 389
Росс, г. (на берегу Исского залива) 341
Румия, оз. (в Персиде) 344

Сагалас, г. (в Писидии) 129
Сагартии, иранское племя 241
сакесины, племя (в Армении) 175, 180
саки, скифское племя (в Азии) 111, 180, 237, 239, 241, 244, 245, 252—255, 259, 260, 286
Саламин, о-в (в Сароническом заливе) 113, 114, 356, 368
Саламин, г. (на о-ве Кипр) 373
Салмунт, г. (в Кармании) 320
самаритяне, племя (в Иудее) 174, 341
Самос, о-в (в Эгейском море), самосцы 59, 112, 323, 353, 356
Самофракий, о-в (в Эгейском море) 379
Сангала, г. (в Индии) 300, 301
Сарды, г. (в Малой Азии) 111, 112, 115, 116, 121, 128, 186, 370, 373
Сват, р. (в Пакистане) 289
Сват, горный массив (при слиянии рек Сват и Кабул) 291
Сезам см. Амастрида-на-Понте
селги, племя (в Писидии) 129
Селевкии (города, основанные Селевком на Востоке) 379
Селевкия-на-Тигре см. Опис
Селевкия в Пиерии, г. (в Сирии) 380
Селевкия-на-Эвлее см. Сузы
серы см. китайцы
Сест, г. (во Фракии) 107
сибы, племя (в Индии) 306, 307
Сива, оазис (в Египте) 166, 167, 279
Сидон, г. (в Финикии), сидонцы 117, 146, 149, 150, 156, 160, 161, 370, 371
Сикион, г. (в Пелопоннесе), сикионцы 360, 365, 369
Силлий, г. (в Писидии) 129
Синопа, г. (в Малой Азии) 51, 102, 136
Синнада см. Докимей
Сирия, сирийцы 4, 109—111, 116, 117, 134, 135, 137, 161, 163, 171, 173—175, 179, 186, 237, 286, 327, 346, 348, 354, 355, 358, 360, 361, 364, 365, 368, 370, 371, 380, 381
Ситтакена, обл. (в Вавилонии) 331
ситтакены, племя 180
Сифн, один из Кикладских островов 134, 143
«Скала Аримаза», горная крепость (в Согдиане) 264–268
«Скала Сисимитра», горная крепость (в Бактрии) 266—268
«Скала Хориена», горная крепость (в Паретакене) 266—268, 292
«Скала Окса» см. «Скала Аримаза»
Скепсис, г. (в Троаде, Малая Азия) 363, 380
скиниты, племя (в Африке) 167
Скирос, о-в (в Эгейском море) 116
Скифия, обл. (в Азии) 261, 286
Скифия, обл. (в Европе) 34
скифы азиатские 106, 111, 181, 203, 204, 214, 218, 237, 244, 245, 249, 252—255, 260—262, 279, 296, 297, 299, 303, 309, 400, 409
скифы европейские 34, 35, 68, 76, 249, 323
Смирна см. Эфес
Согдиана, обл. (в Азии), согдийцы 175, 212, 234, 235, 237, 238, 241, 244, 245, 247—249, 252—261, 263—268, 272, 276, 280, 284—286, 289, 290, 296, 299, 303, 309, 310, 314, 318, 321, 326, 335, 342, 348—350, 358, 364, 365, 378, 402, 409
Согдо см. Согдиана
согды, племя (в Индии) 308, 343, 412
«Согдийская скала», горная крепость (в Согдиане) 264, 266, 267
содры см. согды
Солы, г. (в Киликии) 137, 156
Сотира, г. (в Парфии) 379
Сохи, сел. (в Сирии) 137, 138
Спарта, спартанцы 23, 32, 33, 37, 38, 40, 41, 44, 49–51, 59, 62, 77–79, 85, 89, 96, 113, 115, 116, 126, 131, 144, 145, 147, 150, 152, 170, 171, 189, 200, 202, 213, 224, 247, 321, 336, 373, 386, 404, 406
Средиземное море 146, 189, 304
Средиземноморье 150, 173, 354, 368, 389
Средняя Азия 4, 11, 12, 101, 110, 153, 169, 202, 211, 220, 221, 227, 229, 232, 233, 236—239, 241, 244—249, 254, 258—261, 264, 268, 271, 284, 286, 288, 299, 347, 405—408

Средняя Греция 33, 35, 58, 78, 113, 114 149, 171
Стагира, г. (на Халкидском полуострове) 18
Стратоникея, г. (в Малой Азии) 379
Стримон, р. (в Македонии) 23, 29, 31
Стура, стоянка флота (в дельте Инда) 318
Сузиана, обл. (в Азии) 106, 188, 189, 320, 321, 362, 369, 376
Сузы, г. (в Сузиане) 111, 116, 117, 183, 186, 188, 189, 194, 197, 204, 235, 286, 310, 320, 321, 324—326, 329, 358, 380, 415, 418
сусии, племя (в Сузиане) 180, 266
Суэц, г. 285
Сырдарья см. Яксарт

тавланты, племя (в Иллирии) 83
Тавр (часть «Кавказа») 146, 174, 371, 389
таджики 13
Таджикистан, Таджикская ССР 235, 266
Таксила, обл. и г. (в Индии) 293—295
Танаис (в Европе) см. Дон
Танаис (в Азии) см. Яксарт
Тапсак см. Фапсак
Тапурия, обл. (в Азии) 175, 347
тапуры, племя (в Гиркании и Атропатене) 180, 203, 212, 213, 264, 334
Тар, пустыня (в Индии) 285
Тарс, г. (в Киликии) 136, 137, 144, 370, 388
Таш-Курган, г. (в Афганистане) 244
Тегея, г. (в Сирии) 379
Телмесс, г. (в Писидии), телмесцы 128, 129
Темза, р. 339
Темпейская долина (в Фессалии) 77, 113
Тенар, мыс (в Лаконии) 144, 322, 352
Тенедос, о-в (в Эгейском море), тенедосцы 79, 134, 144, 170
Термез, г. (в Узбекской ССР) 416
Тиан, г. (в Каппадокии) 385
Тигр, р. 175, 177, 320, 330, 331, 333, 380, 388
Тий см. Амастрида-на-Понте
Тил, о-в (в Персидском заливе) 329
тимфейцы, племя (в Македонии) 26, 100
Тир, г. (в Финикии), тирийцы 117, 124, 145, 146, 149—163, 170, 172—174, 198, 289, 291, 341, 360, 361, 371, 386
тиррены, италийское племя 333
Торон, г. (в Македонии) 31
Трапезы, г. (в Малой Азии) 123, 128
Трапезунд, г. (в Каппадокии Понтийской) 214, 350
Трезен, г. (в Арголиде) 37
трибаллы, племя (во Фракии) 35, 68, 80—84, 89, 99
Триопий, мыс и г. (в Карии) 137
Трипарадис, сел. (в Сирии) 355
Триполис, г. (в Финикии) 142
Троада, обл. (в Малой Азии) 107, 109
Троя см. Илион
Туркестанский хребет 250
турки 398

узбеки 13
Узбекская ССР 235
Узген, г. (в Киргизской ССР) 252
уксии, племя (в Персиде) 180—190
Ура-Тюбе см. Кирополь
Уструшана, обл. (у Туркестанского хребта) 250, 261

Фапсак, г. (на Евфрате) 142, 176, 327, 334, 379, 380
Фарос, о-в (у побережья Египта) 334
Фаросская гавань (в Египте) 172
Фаселида, г. (в Ликии) 220
фасеяне, племя (у Трапезунда) 214
Фасос, о-в (в Эгейском море) 34, 327
Фера, г. (в Карии) 137
Фергана, г. (в Узбекской ССР) 250
Ферес, г. (в Фессалии) 32, 116
Фермейский залив (совр. Салоникский залив Эгейского моря) 33, 381
Фермопилы, Фермопильское ущелье (теснины горы Эты в Локриде) 32, 33, 35, 78, 85, 96, 113, 352, 359, 369
Фессалия, обл. (в Северной Греции), фессалийцы 25, 28, 31—33, 38, 54, 77, 78, 80, 96, 113, 114, 130, 138, 142, 146, 181, 205, 246, 352, 374
Фессалоника, г. (в Македонии) 381, 390
Фивы, г. (в Беотии), фиванцы 24, 32, 35, 36, 38—40, 50, 51, 55, 58, 62, 64, 77, 78, 84—90, 96, 144, 147, 278, 289, 353, 359, 364, 366, 367, 369, 373, 378, 381, 399
Филиппополь, г. (во Фракии) 30
Филиппы, г. (в Македонии) 32, 81
Финикия, финикийцы, финикияне 53, 95, 96, 106, 109, 117, 124, 126, 134, 142, 144—146, 148, 149, 152—154, 156, 157, 161, 163, 164, 171, 173—175, 179, 186, 237, 286, 289, 305, 327, 334, 346, 354, 359—361, 364, 371, 376, 381
Фокида, обл. (в Греции), фокийцы 32, 33, 35, 38, 39, 53—55, 58, 62, 87, 352, 364
Фрада, г. (в Дрангиане) 219, 226, 227, 342, 416
Фракия, обл. (в Северной Греции), фракийцы 22, 28—31, 33—35, 53, 54, 68, 74, 76, 80—84, 94, 99, 100, 112—114, 128, 129, 137, 139, 140, 170—172, 187, 196, 200, 202, 224, 288, 308, 323, 331, 348, 352, 359, 363, 365, 366, 369, 373, 374, 399, 406
Фригия, обл. (в Малой Азии), фригийцы 128, 131, 136, 341, 348, 350, 351, 353, 371, 374, 384
Фригия Геллеспонтская (часть Фригии, примыкающая к Геллеспонту) 118, 130, 348, 350, 359, 361, 362, 370, 371, 373

Халкида, г. (на о-ве Эвбея) 37, 361, 369
Халкида, г. (в Сирии) 379

Халкидика, Халкидский полуостров (во Фракии) 18, 28, 31—34, 38, 39, 41, 48, 57, 62, 94, 99, 373
Хамадан, г. (в Иране) 409
Харида, г. (в Парфии) 379
Херонея, г. (в Греции) 22, 35, 51, 60, 61, 64, 89, 390
Херсонес Фракийский, греческая колония 22, 34, 36, 37, 51, 53, 62, 112, 359
Хиос, о-в (в Эгейском море), хиосцы 30, 41, 53, 57, 66, 123, 124, 126, 132, 143, 144, 170, 171, 386
Хоасп см. Эваспла
Ходжент см. Ленинабад
хоразмии, племя 239, 245
Хоразмия (область проживания саков и массагетов) 238
Хорезм 260

Центральная Азия (Индия, Пакистан, Афганистан, Иран и советские среднеазиатские республики) 93, 94, 326

Чарсада, г. (в Пакистане) 289

Шахристан, г. (в Таджикской ССР) 252
Шахрисябз, г. (в Узбекской ССР) 248

Эваспла, р. (в Индии) 289, 411
Эвбея, о-в (в Эгейском море) 34, 35, 62, 99, 112, 126, 132, 134, 205, 361, 369, 389
эвергеты см. ариаспы
Эвлей, судоходный рукав Тигра 330, 380
Эгеида, острова Эгейского моря 96, 134, 376
Эгейское море 34, 40, 41, 48, 71, 95, 96, 102, 111, 115—117, 123, 126, 129, 131, 132, 134, 135, 140, 144, 149, 152, 169—171, 329, 346, 352, 360, 361, 365, 386, 388, 401, 403
Эги, г. (в Македонии) 32, 67, 106
Эгина, о-в (в Сароническом заливе) 114, 356, 372
Эдесса, г. (в Месопотамии) 379
Экбатаны, г. (в Мидии) 117, 153, 182, 183, 186, 196, 200, 202—206, 220, 224, 232, 239, 279, 332, 357, 358, 388, 409, 415
Элам, обл. (в Азии) 110, 188
Элатея, г. (в Фокиде) 35, 58
элги см. индийцы
Элевсин, г. (в Аттике) 372
элейцы, греческое племя 77, 89, 332
Элеунт, г. (в Карии) 107
Элея см. Элида
Элефантина, г. (в Египте) 124, 170
Элида, обл. (в Греции) 37, 85, 130
Элимиотида, обл. (в Македонии), элимиоты, элимиотиды 23, 26, 85, 100
Эллада, эллины см. Греция, греки
Эллинское море см. Эгейское море
Эмод, Эмодские горы (часть Индийского «Кавказа») 231, 295, 299
Эордея, обл. (в Македонии), эордейцы 85, 100
Эолида, обл. (в Малой Азии), эоляне 110, 370, 376
Эпидавр, г. (в Пелопоннесе), эпидаврийцы 37, 333
Эпир, обл. (в Греции) 327, 360
Эраннобой, р. (в Индии) 312
Эрес, г. (на о-ве Лесбос), эресцы 123, 126
Эритрея, г. (на о-ве Эвбея), эритрейцы 112, 369
Эритрейское море (Аравийский залив и северная часть Индийского океана) 211, 285, 304, 318
Этолия, обл. (в Греции), этолийцы 35, 77, 85, 89, 171, 223, 272, 323, 352, 353, 357, 359, 360, 417
этруски, италийское племя 333
Эфес, г. (в Ионии), эфесцы 59, 66, 79, 92, 111, 112, 121—123, 126, 340, 365, 370, 371, 373, 381, 388, 389
Эфиопия, эфиопы 167, 288, 311

Южная Аравия 388, 389
Южная Индия 418

Яз-депе, сел. (в Маргиане) 238, 241
Яксарт, р. (в Средней Азии) 94, 110, 175, 244, 245, 249, 253, 254, 257, 327, 342, 388, 409

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Введение 6
Глава первая. Юность Александра. Македония при Филиппе II. 16
Глава вторая. Под флагом идей панэллинизма 40
Глава третья. Воцарение Александра и подготовка восточного похода 76
Глава четвертая. Поход в Малую Азию . . . 107
Глава пятая. Через Египет к столицам Ахеменидов 164
Глава шестая. Крах персидской державы . . . 200
Глава седьмая. В глубинах Азии 235
Глава восьмая. Индия 284
Глава девятая. Возвращение 315
Глава десятая. Распад державы Александра Македонского 345
Список сокращений 392
Примечания 394
Литература 419
Греческие меры 433
Важнейшие греческие термины, встречающиеся в тексте 434
Указатель имен 435
Указатель географических и этнических названий . . 446

Бободжан Гафурович Гафуров,
Димитриос Иоаннис Цибукидис

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ
И ВОСТОК

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *И. М. Дижур.* Младшие редакторы *Л. А. Добродеева, Н. Н. Комарова.* Художник *Э. Л. Эрман.* Художественный редактор *Б. Л. Резников.* Технический редактор *М. В. Погоскина.* Корректоры *Л. С. Кузнецова* и *Л. Ф. Орлова*

ИБ № 13686

Сдано в набор 21.02.79. Подписано к печати 22.11.79. А-13365. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. л. 37,38. Уч.-изд. л. 42,09. Цветные иллюстрации отпечатаны на мелованной бумаге. Тираж 25.000 экз. Зак. № 1849. Цена 3 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10